Эр I 417
Белый
архив
т. II – III

МАТЕРІАЛЫ
„Музея Современныхъ Событій въ Россіи“
Я. М. ЛИСОВОГО.

6601/2

Бѣлый Архивъ

Сборники матеріаловъ по исторіи и литературѣ войны, революціи, большевизма, бѣлаго движенія и т. п. подъ редакціей Я. М. Лисового.

РУССКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА ВЪ БѢЛГРАДѢ

II-III.

ПРИЛОЖЕНІЕ

Илья Савченко: «Въ красномъ станѣ»

ОТДѢЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

Крымская эвакуація 1920-1921 г.г.

(Рисунки съ натуры худ. А. Вербицкаго)

ПАРИЖЪ
1928

Перепечатка статей и документовъ и копировка иллюстрацій разрѣшается съ уплатой въ пользу «Музея Современныхъ Событій» 10% съ каждаго тиражнаго экземпляра.

15236.

Государ. публичная
Историческая
библиотека РСФСР
№ 34348 1964

м

сф 47011

Директоръ «Музея Современныхъ Событій въ Россіи» и редакторъ «Бѣлаго Архива» обращается съ горячимъ призывомъ ко всѣмъ русскимъ людямъ зарубежной и внутренней Россіи, сочувствующимъ идеѣ сохраненія и опубликованія историческихъ матеріаловъ, принять активное участіе въ этомъ *общерусскомъ дѣлѣ*.

«Музей» и «Архивъ» охватываютъ всѣ событія послѣднихъ лѣтъ: отъ Великой войны и до настоящихъ дней невольнаго скитанія и всѣ присланные матеріалы по разнымъ вопросамъ этого періода (документы, дневники, воспоминанія, фотографіи, книги, брошюры, листовки, карты, діаграммы, плакаты, рисунки, зскизы и т. п.) — будутъ по желанію собственника — или сохраняться въ цѣлости и неприкосновенности въ Музеѣ и демонстрироваться въ рядѣ передвижныхъ выставокъ въ числѣ прочихъ матеріаловъ Музея, — или же опубликовываться въ «Бѣломъ Архивѣ».

Важнѣйшіе изъ нихъ будутъ переведены на англійскій языкъ и напечатаны въ крупныхъ американскихъ журналахъ и газетахъ.

И въ томъ, и въ другомъ случаяхъ — всѣ матеріалы будутъ оплачены въ предѣлахъ ихъ исторической важности и реальной цѣнности.

Десятилѣтнее существованіе Музея и его активная дѣятельность служатъ порукой тому, что всѣ матеріалы будутъ использованы въ русскихъ національныхъ цѣляхъ.

Техническая сторона присылаемыхъ рукописей безразлична.

Матеріалы предлагается направлять по слѣдующему адресу:

J. M. LISSOVOY — 5406, SO Park Ave. Chicago, U. S. A. (Iel).

ДИРЕКТОРЪ

«Музея Современныхъ Событій въ Россіи»

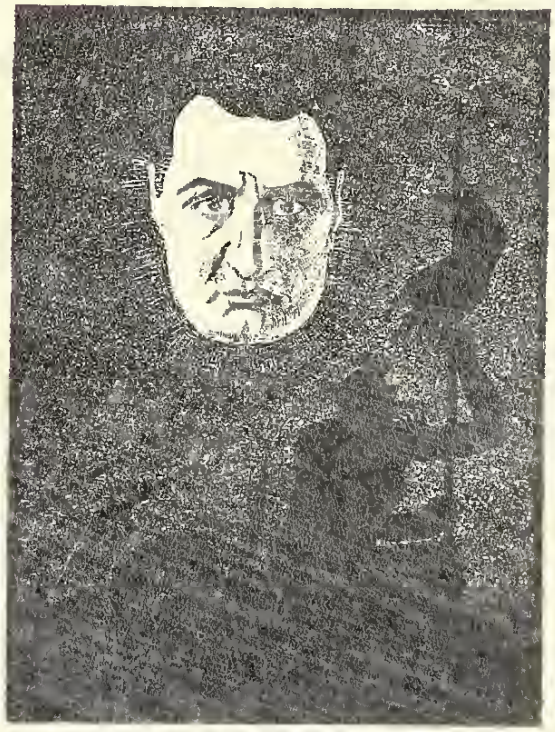
Я. М. ЛИСОВОЙ

приноситъ искреннюю благодарность за пожертвованные въ собственность Музея матеріалы:

1. Е. К. Л. – коллекцію совѣтскихъ серебряннныхъ, мѣдныхъ и бронзовыхъ монетъ
2. В. П. Сіяльскому – коллекцію эмигрантскихъ плакатовъ
3. Союзу Галлиполійцевъ – нѣсколько плакатовъ
4. В. А. Горяинову – прислявшему изъ Швейцаріи русскіе плакаты изд. Лиги Націй.
5. В.К.Леонтовичу–газетн.вырѣзки,иллюстраціи, листовки и т. п.

А. Керенскій въ иностранной карикатурѣ.

А. Керенскій — кумиръ толпы.



Свѣтъ въ темнотѣ...

«Революціонная Армія» въ иностранной каррикатурѣ.

«Довольно!»

— А теперь, милый, довольно!.. Маршъ на фронтъ и какъ можно скорѣе...

«Революція русскаго гиганта».

— Мы можемъ повернуть его на эту сторону...

— Или на эту... Все равно онъ уже не въ состояніи больше сражаться за Антанту...

I.

ВОЙНА и РЕВОЛЮЦІЯ

ИТОГИ ОДНОГО ИЗЪ УГОВОРОВЪ.

(По воспоминаніямъ и документамъ штаба 28 пѣх. дивизіи).

Ближайшимъ результатомъ посѣщенія А. Керенскимъ частей 28-й и другихъ сосѣднихъ дивизій явилось то обстоятельство, что солдатъ показалъ свое «истинное лицо».

До сихъ поръ дивизія считалась одной изъ самыхъ дисциплинированиыхъ, боеспособныхъ, а слѣдовательнио и надежныхъ. Правда, и она ие избѣгла общей заразы разложенія: наблюдалось и дезертирство, были случаи и «итальянской забастовки», раздавалось иногда и ворчанье со стороны солдатской массы на тягость службы и утомленіе, были даже два-три случая столкновенія съ офицерскимъ составомъ, ио все это происходило въ близкихъ къ «законнымъ, — по понятію того времени, — рамкамъ» и серьезныхъ послѣдствій не имѣло.

Въ общемъ — плохо ли, хорошо ли, но дивизія какъ будто оставалась дивизіей: несла удовлетворительно боевую службу, правда, не опасную — на одномъ изъ пассивнѣйшихъ участковъ, политикой не увлекалась, отношенія съ офицерскимъ составомъ были сносныя — тамъ, гдѣ не помогалъ офицерскій авторитетъ — на помощь являлся комитетскій «окрикъ» и солдатъ смирялся. И хотя масса, утомленная войной, кряхтѣла, стонала, ворчала и рвалась домой, но ворчала не злобно, а скорѣе съ опаской «кабы ие влетѣло» и открыто выступать боялась, ибо не изгладились еще изъ ея памяти картины разоруженія непокорныхъ сосѣдиихъ воинскихъ частей, въ которыхъ и сама дивизія «грѣшнымъ дѣломъ» принимала участіе и, въ своихъ резолюціяхъ, выносила требованія смертнаго приговора иадъ виновниками.

Естественно, что для большевиковъ дивизія являлась «бѣльмомъ на глазу» и они удѣляли «просвѣщенію» ея особенное внимаиіе.

Однимъ словомъ, дивизія покорно и терпѣливо ждала конца войны, ио конца легкаго и безболѣзненнаго...

И, вдругъ, — призывъ къ новымъ боямъ, требованіе новыхъ жертвъ во имя сохранеиія завоеваній революціи и добытыхъ свободъ... и призывъ не со стороны начальства — къ этимъ призывамъ уже привыкли, имъ никто не вѣрилъ и относились къ нимъ иронически, а втайнѣ думали свою ду-

мушку и твердо вѣрили, что пріѣдетъ Керенскій и скажетъ ей всю правду, настоящую правду, которую начальство отъ нея скрываетъ...

Но вотъ пріѣхалъ и Керенскій и, къ великому недоумѣнію солдатской массы, заговорилъ «по буржуйному» и, во имя спасенія Родины и Революціи, категорически потребовалъ «безмѣрныхъ подвиговъ и тяжелыхъ жертвъ» и это теперь то — когда наступила полная свобода, когда отовсюду неслись толки о концѣ войны, когда изъ деревень приходили недвусмысленныя письма о скоромъ «настоящемъ дѣлежѣ» земли, когда въ этихъ же письмахъ они читали, — что «и еще васъ извѣщаемъ дражайшій супругъ нашъ (имя рекъ), что таперя къ намъ пришодши Егорка Кузьминъ, и Панкратъ Нестеревъ, и Игнашка Пахомовъ,и Сидорка Пантелеевъ — тетки Марины племяшъ, и всѣ они,значитъ,получили полную свободу отъ самого главнаго начальства, шта послѣ Царя наступило и што они снямши таперя царски мундеръ и хоть бы имъ што... а потому дражайшій нашъ супругъ и тятенька, денно и нощно ждемъ и васъ къ себѣ, неравно безъ васъ землю подѣлятъ...»

Какимъ образомъ произошелъ внезапный психологическій сдвигъ не только въ рядахъ солдатской массы, но и среди наиболѣе здоровой ея части — среди комитетовъ, толкнувшій ихъ на путь преступнаго отказа — трудно сказать, но только солдатская масса забродила, забурлила и, въ отвѣтъ на страстные, горячіе и подкупающіе своею искренностью призывы Военнаго Министра, отвѣтила тупо и злобно однимъ словомъ:

«Будя»...

И такъ какъ на это безсмысленное «будя», Военный Министръ никакъ не реагировалъ, то масса и пришла къ первому и легкому заключенію, что сила, а слѣдовательно, и побѣда на ея сторонѣ... А придя къ этому заключенію — масса измѣнила свое отношеніе и къ большевикамъ...

Утромъ слѣдующаго дня въ дивизіи былъ полученъ рядъ предварительныхъ распоряженій къ предстоящимъ «іюльскимъ» боямъ. Въ видѣ экстренной мѣры приказано было временно занять позицію самой надежной частью (дивизія была въ резервѣ) и смѣнить находившіяся тамъ части, которыя получали другое назначеніе.

Вечеромъ изъ штаба корпуса была получена телефонограмма, гласившая, что утромъ, на слѣдующій день, въ штабъ дивизіи прибудутъ представители союзныхъ армій: французской службы — лейтенантъ Зиновій Пѣшковъ, полковникъ Рампонъ и итальянской — полковникъ(?) (въ штабѣ дивизіи его почему то впослѣдствіи окрестили «маркизъ Карлотти»), которые желаютъ осмотрѣть участки позиціи, предназначенные для атаки и познакомиться съ войсками, а потому имъ надлежитъ оказать полное содѣйствіе. Одновременно, изъ сосѣдней дивизіи Начальникъ штаба извѣстилъ по

телефону, что онъ выѣзжаетъ къ намъ для совмѣстнаго обсужденія деталей пріема и сдачи позиціи, а черезъ полъ часа прибылъ и онъ самъ.

Послѣ совѣщанія дѣлового характера, въ которомъ приняли участіе и старшіе начальники, разговоръ перешелъ на злободневныя темы — естественно разговоръ вертѣлся вокругъ объѣзда А. Керенскимъ воинскихъ частей.

„Революціонная Армія“ въ иностранной каррикатурѣ
(передъ іюльскими боями)

Кайзеръ, Россія и Америка.

Кайзеръ. — Зачѣмъ же тебѣ воевать, когда ты уже получилъ свободу?...

Дядя Самъ. — Не слушай его — я пользуюсь свободой съ 1765 года и все таки рѣшилъ воевать.

— А какъ у васъ прошелъ смотръ? — спросилъ я прибывшаго Начальника Штаба.

Къ нашему удивленію полковникъ П. воспроизвелъ картину смотра въ точности — до мельчайшихъ деталей — сходную съ тѣмъ, что происходило у насъ: та же стремительность премьера, тотъ же бѣгъ по фронту со скоропалительнымъ «здрасте, товарищи», та же рѣчь — горячая, искренняя, съ нотками душевнаго надрыва, то же «товарищи, взгляните на это красное знамя», та же «свита», та же тупая, покорно-слушающая солдатская масса и тотъ же внезапный отказъ воинскихъ частей отъ наступленія, послѣ отъѣзда Керенскаго...

Въ головѣ бродили и развивались невеселыя мысли...

Полковникъ П. всталъ: — «такъ какъ же, ваше пр-во, что я долженъ доложить — пойдутъ ваши части въ бой?».

?... Трудно сказать... надо надѣяться, — мрачно отвѣтилъ начальникъ дивизіи.

— Ну, а ваши пойдутъ? поддержатъ насъ? — спросилъ я въ свою очередь.

?... Трудно сказать... надо надѣяться, — уныло отвѣтилъ полковникъ.

Всѣ даже разсмѣялись — до того горько было на душѣ...

Утромъ слѣдующаго дня пріѣхали представители союзныхъ армій; начальникъ дивизіи экстренно былъ вызванъ въ штабъ корпуса и встрѣтить пришлось ихъ мнѣ.

Первымъ изъ вагона вышелъ лейтенантъ Зиновій Пѣшковъ — пріемный сынъ Максима Горькаго, за нимъ показалась грузная фигура полков. Рампона, съ которымъ я уже былъ знакомъ и, наконецъ, послѣднимъ вышелъ престарѣлый нтальянецъ, саженнаго роста, съ кодакомъ черезъ плечо.

Зиновій Пѣшковъ... съ удовольствіемъ вспомнаю я этого русскаго человѣка, одѣтаго въ мундиръ французскаго лейтенанта; нѣсколько дней мы прожили съ нимъ въ одной комнатѣ, обмѣниваясь впечатлѣніямн настоящаго и жнвя иадеждами на лучшее будущее, — это былъ умный и интересный собесѣдникъ.

— Я по убѣжденіямъ с.-р., — сказалъ онъ мнѣ какъ-то, но съ того дня, какъ я надѣлъ военный мундиръ, — я только солдатъ, защищающій русское дѣло, къ сожалѣнію, на французскомъ фронтѣ и... только...

— Наша демократія, къ несчастью, до этого еще не доросла и не понимаетъ такихъ простыхъ вещей, — съ горечью замѣтилъ я.

— Пойметъ, — добродушно замѣтилъ Пѣшковъ, — жизнь заставитъ понять...

З. Пѣшковъ часто уѣзжалъ на позиціи, знакомился съ противникомъ, нашими войсками, попадалъ подъ обстрѣлъ, возвращался усталый, но ни на одну минуту веселое настроеніе не покидало его.

Впослѣдствіи, въ дни Корниловскаго выступленія, судьба еще разъ столкнула меня съ нимъ; какъ-то я отправилъ ему въ Ставку всѣ фотографическіе снимкн въ память посѣщенія имъ дивнзіи.

Однажды, утромъ, мнѣ было подано частное письмо и толстый объемнстый пакетъ — я тотчасъ же узналъ его характерный бисерный почеркъ лѣвши:

— «Мой дорогой другъ! Не писалъ вамъ сразу вслѣдствіе разыгравшихся здѣсь событій, о которыхъ вы знаете: генералъ Корнилов выступилъ противъ Временнаго Правительства — исторія покажетъ насколько онъ правъ... Одно могу сказать: сильныхъ людей опутываетъ со всѣхъ сторонъ злоба, зависть и интрига, мѣшая и стѣсняя ихъ дѣйствія, зачастую направленныя во имя благихъ цѣлей. Ихъ право, ихъ долгъ, ихъ святая обязанность ра-

ворвать эту сѣть и смѣло и отважно итти во имя идеи. Я ни на одиу минуту не сомнѣваюсь, что генераломъ Корниловымъ руководитъ искренняя любовь къ Родинѣ, которая насъ всѣхъ заставляетъ относиться къ нему съ глубокимъ уваженіемъ...

Ну, будьте здоровы, мой другъ, посылаю вамъ съ нарочнымъ всю Корниловскую литературу. Уважающій васъ З. Пѣшковъ».

Я былъ очень тронутъ и этимъ письмомъ и тѣмъ, что онъ вспомнилъ мою страсть къ собиранію историческихъ матеріаловъ...

Полковникъ Рампонъ, типичнѣйшій французъ-солдатъ въ прямомъ значеніи этого слова и полная противоположность лейтенанту Пѣшкову. Прямой въ своихъ сужденіяхъ, рѣзкій, подчасъ даже грубоватый, онъ не виушалъ къ себѣ симпатій со стороиы лицъ мало знавшихъ его. Но ему все прощалось, вслѣдствіе его безконечной ненависти къ «протекавшему русскому революціонному строю», ненависти, впрочемъ, вполнѣ понятной — исходившей изъ чисто эгоистическихъ побужденій: отсутствіи помощи его милой Франціи.

Объ его обращеніи съ русскими революціонными солдатами ходили цѣлыя легенды. Русскаго офицера, если бы онъ себѣ позволилъ хоть сотую часть того, что дѣлалъ полковникъ Рампонъ — растерзали бы на куски, — ему же все сходило съ рукъ.

Сейчасъ вспоминается слѣдующій характерный эпизодъ, свидѣтелемъ котораго мнѣ пришлось впослѣдствіи быть.

Въ маленькомъ городкѣ Будславѣ, въ послѣднихъ числахъ сентября, по иниціативѣ комиссара, происходилъ первый съѣздъ офицеровъ III-й арміи. Сначала съѣздъ носилъ чисто дѣловой, офицерскій характеръ, но затѣмъ, въ помощь комиссару начали выступать солдаты, какія то посторонія лица, былъ даже одинъ юродивый — все это болтало о палочной дисциплинѣ, розгахъ, пулеметахъ и плетяхъ, которыми солдатъ гнали въ бой — однимъ словомъ, происходило повторное обливаніе офицеровъ и всего командиаго состава грязью лжи, клеветы и провокаціи.

Ни комиссаръ, бывшій офицеръ — артиллерійскій полковникъ, ни старый заслуженный командующій арміей, ии молодой, но искусно лавирующій въ лабиринтѣ сложныхъ отношеній между комитетами и командиымъ составомъ — начальникъ штаба арміи, не протестовали противъ этихъ нелѣпостей.

Въ ложѣ командующаго войсками сидѣлъ представитель Франціи, тогда уже генералъ Рампонъ, въ лицѣ котораго комиссаръ предложилъ привѣтствовать нашу союзницу Францію и просилъ его сказать нѣсколько словъ.

Залъ огласился громомъ офицерскихъ рукоплесканій, а гдѣ то на галлереѣ, среди комитетовъ, раздались и сейчасъ же стыдливо смолкли первые звуки марсельезы.

Генералъ Рампонъ вышелъ, поблагодарилъ и произнесъ на ломанномъ русскомъ языкѣ рѣчь, съ той чисто французской горячностью, которая воочію показывала, что не легко ему было видѣть гибель русской арміи — могучей союзницы его дорогой Родины и чувствовать, что на помощь этого союзника расчитывать уже нельзя...

Вспоминаю его рѣчь и сглаживаю, по возможности, шероховатости его акцента:

— Извините, — такъ началъ генералъ, смотря въ глубину зала, гдѣ сидѣла и стояла солдатская масса комитетовъ, — вамъ, я знаю, не понравится то, что я скажу...

— Что у васъ за порядки? — вдругъ не выдержалъ и вскрикнулъ внезапно генералъ. — Я васъ спрашиваю, что у васъ теперь за порядки? Зачѣмъ русскій солдатъ «ломаетъ» желѣзныя дороги, поѣзда, вагоны — зачѣмъ всѣ солдаты лѣзутъ въ первый классъ, — развѣ это революція? У насъ во Франціи — пожалуйте — солдаты въ 3-й классъ, офицеры во 2-й классъ, генералы и высшіе начальники въ 1-й классъ; если солдатъ заплатилъ первый классъ — пожалуйте, если не заплатилъ — вонъ изъ перваго класса, — при этомъ генералъ топнулъ ногой и сдѣлалъ соотвѣтствующій выталкивающій жестъ.

— Ваши офицеры, — продолжалъ генералъ, — самые лучшіе офицеры въ мірѣ, а вы этого не понимаете. Зачѣмъ лишаютъ ихъ дисциплинарной власти — она необходима, она вездѣ есть... За нарушеніе воинскаго долга, за отказъ отъ наступленія, необходимо не отступать ни передъ какой мѣрой — вплоть до разстрѣловъ; когда ваши полки отказались у насъ во Франціи наступать, они заразили нашихъ 20 полковъ и они тоже не хотѣли наступать и хотѣли погубить Францію, — голосъ у генерала дрогнулъ. — Но... мы разстрѣляли по 10 человѣкъ въ полку и... спасли Францію..

Комиссаръ тревожно завертѣлся на стулѣ, а генералъ Рампонъ продолжалъ, тяжело дыша и видимо взволнованный:

— А что вы сдѣлали съ нашей прекрасной, чистой марсельезой? На улицахъ марсельеза, въ лавочкахъ марсельеза, въ кабакахъ марсельеза... Зачѣмъ вы ее пачкаете? Нашъ трехцвѣтный флагъ, наша марсельеза обошли весь міръ, неся съ собой свободу, равенство и братство и нигдѣ ихъ не пачкали — зачѣмъ же вы это дѣлаете?..

— Я еще «немножки словъ должонъ говорить», — продолжалъ онъ — и я не могу молчать: зачѣмъ вы «нричните неправду», что русскій офицеръ билъ солдатъ, что васъ палками заставляютъ воевать?.. Я 20 лѣтъ знаю Россію, знаю офицера, знаю хорошо русскаго солдата и говорю вамъ прямо: вы всѣ лжете — это ложь! Зачѣмъ же вы всѣ лжете на своего офицера?...

Генералъ угрожающе поднялъ руку, постоялъ въ раздумьѣ нѣсколько

мгновеній, какъ бы намѣреваясь еще что то сказать, но затѣмъ быстрыми шагами направился въ ложу...

Казалось, тонкія фанерныя стѣны зданія барака не выдержатъ грохота офицерскихъ апплодисментовъ... Солдатская масса угрюмо, понуривъ головы, стояла хмурая, молчалнвая... Комиссаръ попрежнему тревожно ерзалъ...

Разсказываютъ слѣдующій характерный случай, въ которомъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ опять таки генералъ Рампонъ.

Однажды въ вагонъ трамвая, гдѣ онъ сидѣлъ, вошли два развязныхъ «товарища-солдата» и усѣлись рядомъ съ нимъ; генералъ молча подвинулся. Одинъ изъ товарищей съ ухарскимъ жестомъ выннмаетъ портсигаръ, достаетъ папиросу, и закуриваетъ внутри вагона — генералъ молчнтъ... Тогда «товарищъ», увѣренный въ полной безнаказанности, пускаетъ струю дыма въ лнцо генералу — генералъ молчитъ... Когда же это было продѣлано еще разъ — генералъ повернулся къ «товарнщу», спокойно вынулъ у него изо рта папиросу и со словами: «рюски сольдатъ полючалъ свобода, но рюски сольдатъ не долженъ бить свинья — кошонъ», выбросилъ папиросу на глазахъ изумленной публикн н оторопѣвшаго солдата...

Таковъ былъ полковникъ Рампонъ...

Семидесятнлѣтній итальянецъ представлялъ собою типъ полнаго рамолика, мало интересующагося дѣлами на фронтѣ и безпрестанно надоѣдающаго просьбами — показать ему что нибудь пикантное, что бы онъ могъ запечатлѣть въ кодакѣ.

...Послѣ первыхъ словъ привѣтствія, мы всѣ направнлись къ штабу дивизіи. Въ послѣобѣденныхъ разговорахъ, ознакомленіи по картѣ съ предстоящимъ расположеніемъ воинскихъ частей и т. п., незамѣтно пролетѣло время до 4-хъ часовъ, когда мнѣ доложнли, что штурмовой батальонъ выстроился и готовъ отправиться на позицію. Такъ какъ начальникъ дивнзіи еще не прибылъ, то послѣдній осмотръ долженъ былъ пронзвестн я — мои гостн, узнавъ въ чемъ дѣло, проснли разрѣшенія присутствовать при этомъ. Пригласивъ командира батальона, мы съ нимъ наскоро разработали церемонію встрѣчи иностранныхъ гостей...

— Батальонъ смирно; слушай на крраулъ! — раздалась команда и командиръ батальона съ шашкой «подвысь» подошелъ къ итальянцу (старѣйшему) и отрапортовалъ ему.

Итальянецъ вытянулся во весь свой огромный ростъ (онъ ходнлъ слегка сгорбившись), выслушалъ рапортъ и громко крикнулъ: «карраше!».

Дружное «рады стараться, господинъ... генералъ» — раздалось въ от-

вѣтъ, послѣ чего мы всѣ начали медленно обходить фронтъ батальона. Это была часть изъ 40 офицеровъ и 800 отборнѣйшихъ молодцовъ, готовыхъ по приказу броситься въ огонь и въ воду и разнести, въ случаѣ надобности, цѣлый корпусъ бунтующихъ товарищей — немного ихъ осталось въ живыхъ послѣ іюльскаго боя...

Послѣ обхода фронта, Зиновій Пѣшковъ обратился ко мнѣ съ просьбой, разрѣшить сказать ему нѣсколько словъ.

Желѣзная стѣна штурмовиковъ, со всѣхъ сторонъ, на почтительномъ разстояніи, была окружена курящей и щелкающей подсолнухи, но въ общемъ довольно сдержанно настроенной, солдатской массой.

— «Родные братья, — такъ началъ лейтенантъ Зиновій Пѣшковъ свою рѣчь, — мы, иностранные представители Франціи и Италіи, считаемъ для себя величайшей честью привѣтствовать васъ, храбрецовъ, отправляющихся на позицію. Кромѣ того, я, русскій душою, не могъ отказать себѣ въ удовольствіи еще разъ съ гордостью посмотрѣть на васъ, моихъ братьевъ по крови и по оружію, не разъ выручавшихъ насъ тамъ во Франціи, когда намъ приходилось очень тяжело.

Вы здѣсь, а мы тамъ — мы сражаемся за одно общее дѣло: за свободу, равенство и братство всѣхъ народовъ, за ихъ процвѣтаніе, за право жить и свободно дышать...

И помните, братья, что отъ успѣха этой борьбы зависитъ и ваша и наша свобода и теперь побѣдить уже очень легко, ибо врагъ обезсиленъ — нужно только одно еще малѣйшее усиліе...» и т. д.

Громкое «ура» покрыло конецъ рѣчи лейтенанта.

Не скажу, чтобы эта рѣчь вполнѣ была понятна солдатамъ, но она была произнесена съ большимъ подъемомъ, а главное, что ихъ повергло въ величайшее изумленіе: «французъ и такъ здорово жаритъ по нашему». Впрочемъ, эта то именно сторона вопроса получила въ нѣкоторыхъ рядахъ и другое освѣщеніе.

Послѣ З. Пѣшкова говорилъ полковникъ Рампонъ: «рюски сольдатъ всегда биль нѣмци, рюски сольдатъ и теперь дольжинъ бить нѣмци. Если рюски сольдатъ не хотитъ бить нѣмци, то нѣмци будетъ бить рюски сольдатъ и сдѣлаетъ его свой слюга и заберутъ у рюски сольдатъ все. Франція всегда будетъ помогать Россія, но нужно чтобы рюски сольдатъ дралси, а революцію дѣлалъ потомъ — послѣ война»...

Штурмовикамъ все это было, конечно, лишне говорить — повторяю, это были люди отборные, сознательные и готовые на все, но кругомъ стояла многотысячная разнузданная масса, для которой было весьма полезно лишній разъ прослушать соотвѣтствующее назиданіе.

Лейтенантъ Пѣшковъ о чемъ то совѣщался со своими друзьями; получивъ

отъ нихъ утвердительный отвѣтъ, онъ, взявъ подъ козырекъ, обратился ко мнѣ со слѣдующими громкими словами:

— Господинъ полковникъ, — мы просимъ васъ оказать намъ честь разрѣшить стать рядовыми въ строй и проводить этихъ героевъ на позицію!..

Это было и неожиданно, и красиво, и ново...

Солдаты еще не понимали въ чемъ дѣло, но когда военные представители, держа руку подъ козырекъ, направились въ строй и заняли свои мѣста — маленькій лейтенантъ въ первой ротѣ, грузный Рампонъ во второй и долговязый итальянецъ въ третьей, и когда, послѣ соотвѣтствующихъ командъ, батальонъ, подъ звуки марша, вызывающе-бодро двинулся черезъ гущу солдатъ и стройно прошелъ между двумя почтительно раздвинувшимися стѣнами ихъ, — обалдѣлая солдатская масса долго глядѣла въ слѣдъ уходящему батальону, надъ сверкающими штыками котораго возвышалась и далеко была видна журавлиная голова семифутоваго итальянца...

На солдатъ сцена эта произвела сильное впечатлѣніе и только въ заднихъ рядахъ, какъ мнѣ передавали потомъ, раздался чей-то неувѣренный одиночный голосъ: «Ды-къ што-жъ, товарищи, вы и взаправду повѣрили што энто и есть настоящіе хранцузы. Ды-къ рази-жъ вы не видите, што енто опять буржуйные штуки: достали жида, переодѣли его въ хранцузску форму и научили говорить што нада — да нешто хранцузъ будетъ такъ здорово по нашему жарить; да его хоть всю жисть учи — не научишь, потому значитъ, что голова у него жидкая, нашей расейской рѣчи не упомнить. Вотъ тотъ, который погрузнѣе — тотъ, може, и хранцузъ, а може и ломается...»

Но его никто не слушалъ, масса расходилась молча и только одинъ унтеръ-офицеръ остановился и, въ упоръ глядя на смутьяна, проговорилъ: «кто купилъ француза, мы не знаемъ, но видимъ, что онъ може и буржуй, а пошелъ въ бой вмѣстѣ съ нашими. А вотъ ты — и съ ногами, и съ руками, и съ Ленинскими деньгами, много языку воли даешь — гляди, кабы табѣ его не отрѣзали...»

Къ вечеру мои гости возвратились и, наскоро поужинавъ, уѣхали, кромѣ маленькаго лейтенанта, который остался у меня въ штабѣ еще на нѣсколько дней.

Между тѣмъ, начиная со слѣдующаго дня, стали поступать свѣдѣнія о перемѣнѣ настроенія въ дивизіи.

Богъ его знаетъ — помогли ли представители демократіи, затопившіе фронтъ и оглушившіе солдатъ безконечными рѣчами, или солдаты испугались проявленной наканунѣ дерзости передъ лицомъ военнаго министра и, опасаясь расправы, рѣшили предупредить грозныя для нихъ послѣдствія — или, можетъ быть, видя окружающую лихорадочно-поспѣшную подготовку,

видя, что дѣло «всерьезъ», и что выхода нѣтъ, махнули рукой и поддались общему теченію, или, наконецъ, быть можетъ, добрыя начала, заложенныя въ свое время, взяли верхъ — трудно сказать, но только протестовъ никакихъ болѣе не поступало: и комитеты, и дивизія въ цѣломъ были «обработаны»...

Наиболѣе сознательные солдаты степенно и молчаливо готовились къ предстоящему бою: писали усиленно письма, въ которыхъ просили «малость повременить съ дѣлежомъ — покель кончица здѣся», по вечерамъ собирались въ кружки, пили сообща чай, говорить — говорили мало, но за то часто и тяжело вздыхали и набожно крестились...

Другая часть, преимущественно молодежь изъ послѣднихъ пополненій, озорная, хулиганствующая, тоже собиралась въ толпы и носилась съ мѣста на мѣсто, безъ толку — безъ цѣли, свистя, крича и митингуя — но съ опаской и оглядкой...

Мимо расположенія дивизіи проходили одна за другой боевыя части, тянулись команды рабочихъ, днемъ и ночью скрипѣли телѣги со снарядами, появилось много начальства — начальства прежняго: серьезнаго и хмураго; совершенно исчезъ штатскій элементъ, началась строгая провѣрка солдатскаго боевого имущества и замѣна негоднаго — офицеръ былъ суровъ и требователенъ и солдатъ смирился — дѣло шло о жизни и смерти, а жить вѣдь обоимъ хотѣлось...

Съ полной увѣренностью, черезъ нѣсколько дней, можно было уже сказать, что дивизія въ бой пойдетъ — первый кризисъ, повидимому, миновалъ благополучно.

Черезъ два дня штурмовой батальонъ былъ смѣненъ III-мъ Донскимъ полкомъ, дѣлались послѣднія приготовленія — вопросъ о наступленіи являлся вопросомъ самаго ближайшаго будущаго.

Каковы были въ дѣйствительности результаты этого наступленія — видно изъ послѣдующаго офиціальнаго документа.

Секретно.

И. Д.
НАЧАЛЬНИКА ШТАБА
28-й пѣх.
дивизіи
15 іюля 1917 года.
№ 486
Ст. Залѣсье.

Начальнику Штаба XX-го корпуса.

РАПОРТЪ.

Прилагаю «Описаніе событій въ 28-й дивизіи съ 7-12 сего іюля».

Арестованные комиссаромъ Бачинскимъ 1700 солдатъ различныхъ частей дивизіи освобождены и въ

граммы приходили съ опозданіемъ, то передавались свѣдѣнія, получаемыя по телефону, какъ изъ штаба корпуса, такъ и изъ 51 пѣх. дивизіи.

Ввиду доклада командира 112 пѣх. Уральскаго полка о томъ, что первый баталіонъ вышелъ неполностью, начальникъ дивизіи приказалъ наступать слѣдующему за нимъ—второму баталіону, но и этотъ баталіонъ, несмотря на двукратное приказаніе, отказался.

Къ 8 час. нѣмцы, замѣтивъ наши неудачныя попытки наступленія, открыли огонь тяжелой артиллеріей по правому и лѣвому участкамъ. Дальнѣйшее продвиженіе Штурмовиковъ и Волжцевъ впередъ сдѣлалось затруднительнымъ: съ одной стороны на правомъ участкѣ наступали отдѣльныя кучки солдатъ, съ другой — эти смѣльчаки карвались ка неразрушенные блокгаузы, изъ коихъ нѣмцы обстрѣливали ихъ ружейнымъ, пулеметнымъ и минометнымъ огнемъ; съ третьей — главная масса солдатъ, въ томъ числѣ 110 п. Камскій и 112 п. Уральскій полки, сидѣли въ окопахъ и не только не оказывали никакой рѣшительной поддержки, но испуганные артиллерійской канонадой въ одиночку и группами удирали въ тылъ. На глазахъ начальника штаба прошло въ тылъ не менѣе 200 человѣкъ, при чемъ ближайшіе, опрошенные солдаты, оказались 111 п. Донского полка.

Въ это время отъ командировъ полковъ, несмотря на то, что при нихъ были артиллеристы-офицеры для связи, сталъ поступать непрерывный рядъ требованій объ открытіи огня легкой и тяжелой артиллеріей, по той или иной опасной для нихъ цѣли. Всѣ эти требованія немедленно удовлетворялись или непосредственно, или же, если просили открыть огонь по артиллеріи противника, просьбы эти передавались въ штабъ корпуса. Насколько интенсивна была стрѣльба артиллеріи, показываетъ число выбывшихъ изъ строя орудій: легкихъ 10 — изъ 26 дѣйствовавшихъ по проходамъ, тяжелыхъ — 6 (изъ 8). На пристрѣлку каждой батареей израсходовано въ среднемъ 120 гранатъ, на пробивку проходовъ каждая батарея израсходовала до 2000 гранатъ.

Къ 8 час. 15 мин., къ д. Шутовичи сталъ подходить 533 полкъ; такъ какъ къ этому времени стали поступать свѣдѣнія, что у Штурмовиковъ дѣла плохи и что 111 пѣх. Донской полкъ все еще будто-бы не освободилъ щелей, то начальникъ дивизіи отдалъ приказаніе командиру полка: головному баталіону сейчасъ же прибыть въ д. Кунава, а командиру баталіона лично явиться къ 109 п. Волжскаго полка подполковнику Янчину. Объ исполненіи означеннаго приказанія отъ командира 111 пѣх. Донского полка была получена телефонограмма (часъ не указанъ, но приблизительно около 11 часовъ).

Въ это время произошелъ слѣдующій характерный случай — какъ только 533 пѣх. полкъ подходилъ къ д. Шутовичи, нѣмъ то въ раіонѣ Шутовичи-Перебрановичи были брошены двѣ свѣтлыхъ ракеты, послѣ чего 533 полкъ подвергся обстрѣлу 42 сантиметровыхъ орудій.

Въ 8 час. 26 мин. командиру 111 пѣх. Донского полка отдано приказаніе двинуться со всѣмъ полкомъ за штурмовымъ баталіономъ.

До 9 час. не видно было ни со стороны 112 пѣх. Уральскаго, ни со стороны 110 пѣх. Камскаго полка никакого развитія успѣха, такъ какъ отдѣльные люди залегли передъ нашими проволочными загражденіями и впередъ не продвигались.

Въ 9 час. 8 мин. 111 пѣх. Донской полкъ въ связь со Штурмовиками еще не вошелъ. Около 9 час. 15 мин. получено словесное донесеніе по телефону, что

10

части 5 и 7 ротъ 110 пѣх. Камскаго полка отходятъ, иеся большія потери — въ отвѣтъ на что начальникъ дивизіи приказалъ передать 110 полку двигаться впередъ, тогда и потери будутъ меньше.

Около 10 часовъ положеніе на фронтѣ по телефоиным докладамъ командировъ полковъ было слѣдующее:

а) *На правомъ участкѣ:* части ротъ 1-го баталіона 112 пѣх. Уральскаго полка прошли проволочныя загражденія, но не будучи поддержаны остальными, подъ минометнымъ и пулеметнымъ огнемъ качали отходить; 2-й же баталіонъ отказался выходить пока не выйдутъ другія роты — остальныя же роты не выходили.

б) *На среднемъ участкѣ:* части ротъ 110 пѣх. Камскаго полка подъ обстрѣломъ изъ неразрушекныхъ блокгаузовъ, залегли впереди нашихъ проволочныхъ заграждеиій.

в) *На лѣвомъ участкѣ:* Штурмовики и части ротъ 109 пѣх. Волжскаго полка сперва залегли передъ проволочными заграждеяіями противника и затѣмъ, несмотря иа обстрѣлъ тяжелыхъ орудій, прошли ихъ и, взявъ первую линію нѣмецкихъ окоповъ, наступаютъ дальше.

г) 111 пѣх. Донской полкъ вышелъ изъ щелей и головой подходитъ къ д. Кунава.

д) 533 полкъ подходитъ къ щелямъ, при чемъ ему, ввиду обстрѣла, приказано было скрыто расположиться въ раіонѣ д. Шутовичи.

Въ зто время противникъ замѣтилъ передвигавшійся по щелямъ 111 пѣх. Донской полкъ и открылъ жестокій огоиь тяжелыми орудіями — отдѣльные люди не выдерживали и кучками начали уходить въ тылъ.

Около 11 часовъ была получека телеграмма изъ штаба корпуса съ приказаніемъ командира корпуса о бережномъ расходованіи резервовъ, имѣя ввиду, что остающіеся иа мѣстѣ несутъ большія потери.

Такое положеніе было безъ всякихъ перемѣнъ до 11 час. 40 мин. и лишь «Баталіоиъ Смерти» и части ротъ 109 пѣх. Волжскаго полка заняли часть первой линіи окоповъ противника западнѣе Кунава; часть-же ихъ, не будучи ки кѣмъ поддержана, окопалась передъ иѣмецкими окопами, кеся большія потери отъ пулеметнаго огня изъ яеразрушенныхъ блокгаузовъ между цѣлями 7-8-9-10.

111 пѣх. Донской полкъ, двинутый по докладу полкового адъютанта за «Баталіономъ Смерти» и ротами Волжцевъ, къ зтому же времени будто-бы продвигался лѣвымъ плечомъ въ нѣмецкіе окопы — чего въ дѣйствительности не было.

Вслѣдствіе перерыва телефонной связи скарядами, до 14 час. донесеній отъ Штурмового баталіона не поступало; посылаемые бѣгуны были или ранены, или пропадали.

Нѣмцы продолжали усиленно обстрѣливать наши окопы праваго и лѣваго участковъ тяжелыми снарядами, а съ 14 час. открыли огонь по окопамъ первой и второй линіи химическими снарядами.

Потери по донесеяіямъ командировъ полковъ были огромны, въ кѣкоторыхъ ротахъ оставалось до 30-40 человѣкъ — особеино большія потери понесъ «Баталіонъ Смерти»; точныя потери сразу выяскить не удалось.

Въ 16 час. 12 мин. 111 пѣх. Донскому полку приказано смѣнить Штурмовиковъ и Волжцевъ, ввиду пояесекныхъ послѣдними большихъ потерь.

Въ 16 час. 30 мин. всѣ части отошли въ исходное положеніе, занявъ первую и вторую линіи, за исключеніемъ отдѣльныхъ солдатъ двухъ ротъ Камскаго

настоящее время распредѣлены по своимъ частямъ. Настроеніе въ частяхъ войскъ безразличное, съ преобладаніемъ увѣренности въ полнѣйшей безнаказанности.

Пять офицеровъ-трусовъ 109 п. Волжскаго полка, исключенные изъ полка «судомъ чести» и возвращенные обратно въ полкъ по распоряженію Комиссаровъ армій и фронта, подвергаются тяжкому бойкоту со стороны всего офицерскаго состава дивизіи — положеніе ихъ тяжелое. Но, такъ какъ на ихъ сторонѣ вся солдатская масса, то не исключена возможность всевозможныхъ недоразумѣній и даже эксцессовъ, если только эти офицеры не будутъ изъяты изъ полка.

Начальникъ дивизіи считаетъ бой настолько позорнымъ, что не предполагаетъ никого представлять къ наградамъ.

Генеральнаго Штаба,
Подполковникъ Л и с о в о й.

Старшій Адъютантъ
Капитанъ Б—в ъ.

Секретно.

ОПИСАНІЕ СОБЫТІЙ

въ 28-й пѣхотной дивизіи

въ хронологическомъ порядкѣ, съ 7 по 12 іюля, въ связи съ атакой позиціи противника на фронтѣ Шалудьки-Кунава.

7 іюля.

Событія, предшествовавшія занятію исходнаго положенія.

Согласно отданнымъ командиромъ XX корпуса распоряженіямъ, 28 пѣхотная дивизія (безъ 28 артиллерійской бригады) должна была къ 3 часамъ 8 іюля занять исходное положеніе съ тѣмъ, чтобы быть готовой, въ указанное дополнительно командиромъ корпуса время, атаковать противника на фронтѣ Шалудьки-Кунава.

Съ 1-го по 7-е іюля, позицію Шалудьки-Кунава занималъ 111 пѣх. Донской полкъ, который въ ночь 7/8 іюля, согласно приказа по дивизіи № 197, долженъ

былъ смѣниться остальными тремя полками дивизіи и отойти въ резервъ — щели сѣв.-восточнѣе д. Кунава, сдавъ позицію:

1) На участкѣ Шалудьки — окопъ № 62 включит. — *112 пѣх. Уральскому полку.*

2) На участкѣ окопъ № 63 — Безымянный ручей включительно — *110 пѣх. Камскому полку.*

3) На участкѣ Безымянный ручей — окопъ № 72 включ. — Штурмовому батальону; въ затылокъ этому послѣднему, въ исходномъ для атаки положеніи, долженъ былъ стать *109 пѣх. Волжскій* полкъ.

Атака была назначена въ тотъ же день въ 7 часовъ.

Правѣе находились части 114 пѣх. див.; лѣвѣе — 51 пѣх. дивизіи.

Съ наступленіемъ темноты, между 21-22 часами, выступили всѣ полки, а около 22 часовъ выѣхалъ и начальникъ дивизіи съ оперативнымъ отдѣленіемъ штаба дивизіи въ свой командный блиндажъ — рощу южнѣе д. Шутовичи.

По дорогѣ въ блиндажъ было получено распоряженіе изъ штаба корпуса о томъ, что исполненіе приказовъ по корпусу № № 169 и 172, т. е. занятіе исходнаго положенія и атака, переносятся на 3 часа 9 іюля; въ теченіе же 8 іюля продолжать артиллерійскую подготовку; такимъ образомъ приказъ объ отмѣнѣ атаки засталъ всѣ полки на походѣ.

Немедленно по прибытіи въ блиндажъ, начальникомъ дивизіи въ 22 часа 20 мин. были отданы слѣдующія приказанія:

1) Остановить полки.

2) Съ цѣлью — съ одной стороны, дать полкамъ возможность, хотя отчасти ознакомиться, какъ съ нашей, такъ и позиціей противника, которую предстояло атаковать, съ другой — смѣнить, стоявшій уже недѣлю на позиціи, 111 пѣх. Донской полкъ:

а) Правый участокъ (окопы № № 57-62 вкл.) занять баталіономъ 112 пѣх. Уральскаго полка; остальные два баталіона въ резервѣ на прежнемъ бивуакѣ (раіонъ южнѣе д. Рудня).

б) Средній участокъ (окопъ № 63 — Безымянный ручей вкл.) — занять баталіономъ 110 пѣх. Камскаго полка, остальные два баталіона въ резервѣ на старомъ мѣстѣ (раіонъ южнѣе д. Рудня).

в) Лѣвый участокъ (Безымянный ручей — окопъ № 72) — занять Штурмовымъ баталіономъ.

г) 111 пѣх. Донскому полку по смѣнѣ отойти въ раіонъ ст. Залѣсье на прежній бивуакъ.

д) 109 пѣх. Волжскому полку отойти на мѣсто стараго бивуака (раіонъ южнѣе д. Рудня).

8 іюля.

Отмѣна приказа о занятіи исходнаго положенія вызвала рядъ недоразумѣній и кривотолковъ среди солдатъ, слѣдствіемъ чего былъ, напримѣръ, отказъ 1-го баталіона 110 пѣх. Камскаго полка заступить на позицію.

Къ 4 час. 30 мин. 8-го іюля позиція, послѣ смѣны 111 пѣх. Донского полка, была занята слѣдующимъ образомъ:

1) Правый участокъ — баталіономъ 112 пѣх. Уральскаго полка.

2) Средкій участокъ — лишь однимъ взводомъ съ 4-мя пулеметами 110 пѣх. Камскаго полка (вмѣсто баталіона).

3) Лѣвый участокъ — Штурмовымъ баталіокомъ.

Утромъ былъ полученъ приказъ корпусу съ частными боевыми задачами на 8 іюля (артиллерійскій огонь, рядъ развѣдокъ) въ развитіе коего и былъ отданъ приказъ дивизіи, а также приказанія, въ коихъ указывалось на важность предстоящихъ развѣдокъ, согласно указаній командира корпуса.

Ночь на фронтѣ дивизіи прошла въ рѣдкой ружейной перестрѣлкѣ и артиллерійской стрѣльбѣ съ обѣихъ сторонъ; нѣмцы систематически обстрѣливали весь участокъ дивизіи, особенно двѣ батареи 1 Кавказской Гренадерской артиллерійской бригады, стоящія на позиціяхъ между д. д. Шутовичи-Перебрановичи.

Высланная ночью 7/8 іюля развѣдка отъ 111 полка обнаружила два чистыхъ и три не совсѣмъ чистыхъ прохода; степень разрушенія оборонительныхъ сооруженій противника изъ за сильнаго огня выяснить не удалось.

Съ утра 8 іюля продолжалась артиллерійская подготовка, достигшая особенно силькаго напряженія около 13 часовъ — нѣмцы до 10 час. 15 мин. хранили молчаніе; въ теченіе дня надъ окопами и щелями неталинѣмецкіе аэропланы на высотѣ 300-500 метровъ и разстрѣливали изъ пулеметовъ нашихъ солдатъ.

Съ 10 час. 15 мин. противникъ началъ обстрѣливать тяжелой артиллеріей нашіе окопы первой и второй линій, а также тылъ до д. д. Перебрановичи-Шутовичи включит., но вскорѣ огонь прекратился. Вслѣдствіе сильнаго артиллерійскаго огня съ обѣихъ сторонъ чрезвычайно затруднена была телефонная связь: провода ежеминутно рвались и связь поддерживалась почти исключительно постами солдатъ-скороходовъ.

Въ 22 час. 30 мин. нѣмцы, пустивъ предварителько нѣсколько красныхъ ракетъ, безъ всякой видимой причины, вновь открыли сильнѣйшій артиллерійскій огонь по всему участку дивизіи, продолжавшійся около 25 минутъ.

Около 12 час. командирамъ частей было сообщено, что временно отмѣненный приказъ дивизіи № 107 надлежитъ выполнить полностью 8 іюля съ наступленіемъ темноты.

Въ теченіе 8 іюля дважды была произведена усиленная развѣдка, данныя которой сводились къ слѣдующему: 1) первая линія окоповъ занята противникомъ, который тотчасъ же по выходѣ нашихъ развѣдчиковъ за проволочныя загражденія обстрѣлялъ ихъ ружейнымъ, пулеметнымъ и артиллерійскимъ огнемъ; 2) между цѣлями 1-2, 7-7 и 9-10 обнаружено пять неразрушенныхъ блиндажей, въ которыхъ скрывались нѣмцы; проходы 1-й и 2-й нечистые: рогатки разбросаны и проволока мѣстами лишь опустилась. Въ общемъ, въ теченіе дня шла, главнымъ образомъ, артиллерійская стрѣльба съ обѣихъ сторонъ.

Еще днемъ, около 13 часовъ, начальнику дивизіи была прислана резолюція полкового комитета 110 пѣх. Камскаго полка, въ которой говорилось, что, «обсудивъ вопросъ о незаступленіи (накакунѣ) на позицію 1-го баталіока, полковой комитетъ призналъ необходимымъ запросить качалькика дивизіи о нижеслѣдующемъ съ точнымъ разъясненіемъ: прежде всего нужно знать комитету, такъ и солдатамъ полка, на какомъ основаніи веркули два баталіона обратко, а долженъ былъ бы заступить только одинъ баталіонъ и почему не могъ заступить цѣли-

комъ весь полкъ и по какой причинѣ полкъ не могъ исполнить заданной ему задачи» (Дословно).

Въ отвѣтъ на эту резолюцію начальникомъ дивизіи, на имя предсѣдателя полкового комитета, была отправлена записка, въ которой указывалось, что полковой комитетъ, вышелъ изъ рамокъ своихъ полномочій, а Камскій полкъ призывался къ выполненію возлагаемыхъ на него боевыхъ задачъ.

Кромѣ того, для успокоенія умовъ, туда были командированы командиръ бригады полковникъ Кузнецовъ и членъ Освѣдомительной комиссіи унтеръ-офицеръ Миняшинъ. Результатомъ увѣщеваній явилось, что 110 пѣх. Камскій полкъ, за исключеніемъ 8 роты и частей 2, 3 и 4 ротъ, постановилъ наступать и занять позицію; какъ потомъ выяснилось, это было почти такъ и исполнено и Камцы, въ ночь на 9 іюля, выступили для занятія исходнаго положенія въ составѣ: 3-й баталіонъ, всѣ команды и части ротъ остальныхъ баталіоновъ, *всего 724 человѣка*.

Въ 109 пѣх. Волжскомъ полку, въ теченіе цѣлаго дня происходили митинги по вопросу о причинахъ отмѣны приказа о занятіи исходнаго положенія: увѣщеванія, какъ со стороны офицеровъ, такъ и со стороны комитетовъ и наиболѣе созвательныхъ лицъ не имѣли никакого успѣха и въ результатѣ, несмотря на участіе въ увѣщеваніяхъ членовъ дивизіоннаго и армейскаго комитетовъ, Волжскій полкъ категорически отказался выступить для занятія позиціи: выступили лишь всѣ команды, 46 офицеровъ съ подполковникомъ Янчинымъ во главѣ и около 200 человѣкъ наиболѣе честныхъ сознательныхъ солдатъ; осталось же около 1.500 солдатъ съ 5 офицерами*) и командиромъ полка — послѣдній съ разрѣшенія начальника дивизіи, чтобы устроить и привести полкъ въ порядокъ.

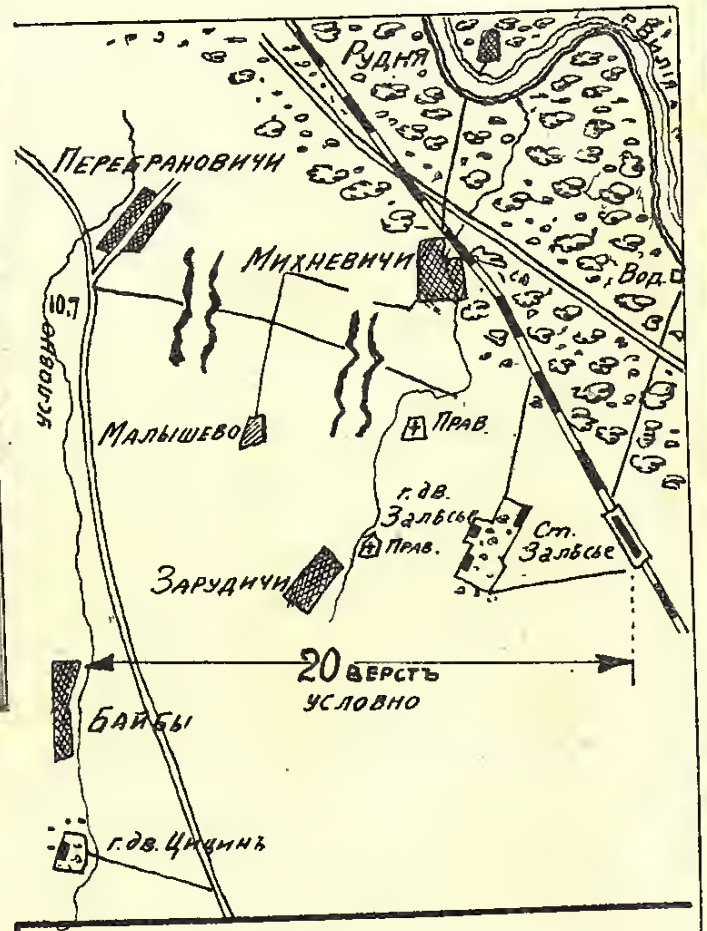
Вѣроятно въ связи съ отказомъ 109 пѣх. Волжскаго полка и 110 пѣх. Камскаго пол., изъ штаба корпуса, около 19 часовъ, получены были двѣ телеграммы командира корпуса: 1) о началѣ артиллерійской подготовки на фронтѣ 5-й арміи и 2) о необходимости разъяснить полкамъ, что исходное положеніе было отложено съ цѣлью продолжить артиллерійскую подготовку и согласовать свои дѣйствія съ 5 арміей, но вслѣдствіе перерыва связи блиндажа со штабомъ дивизіи на ст. Залѣсье они своевременно переданы не были; въ частности же содержаніе ихъ было сообщено командиру 109 полка, но послѣдній отвѣтилъ, что «ничего уже не поможетъ».

Оставшіеся два баталіона 112 пѣх. Уральскаго полка выступили полностью только послѣ долгихъ уговоровъ, но вторичное приказаніе Начальника дивизіи о высылкѣ 50 человѣкъ рабочихъ для вырытія санитарныхъ котловановъ, какъ и наканунѣ, исполнено не было: назначенные рабочіе идти на работу отказались.

---

*) Офицеры эти были исключены изъ полка судомъ чести «за трусость», но Комиссаръ III-й арміи отмѣнилъ это рѣшеніе и предложилъ оставить офицеровъ этихъ въ полку.

Къ статьѣ Я. Лисового : «Итоги одного изъ уговоровъ».



Условныя обозначенія

окопы	готовыя.
ходы сообщенія	
щели	
окопы	не оконченные или въ проектѣ.
ходы сообщенія	
щели	
блиндажъ к-ра полка	
нѣмецкій блокгаузъ	
проходы въ нѣмецк. провол. загражд. продѣлан. нашей артиллер.	

Фотосхема

расположенія и боя [Сморгони] частей 28-й пѣх. дивизіи

7-12 іюля 1917 г.

Что касается 111 пѣх. Донского полка, то по слухамъ, дошедшимъ до блиндажа, полкъ послѣ суточнаго отдыха, вышелъ на позицію съ пѣснями въ отличномъ настроеніи.

Въ 20 час. 35 мин. артиллерійскимъ огнемъ противника разбиты перевязочные пункты 109 п. Волжскаго и 110 п. Камскаго полковъ.

Около 23 часовъ была получена изъ Штакора телеграмма съ сообщеніемъ, что для развитія успѣха возможно движеніе за 28 дивизіей бригады 174 дивизіи.

Заключеніе.

Такимъ образомъ боевыя дѣйствія за минувшія сутки сводились:

1) къ продолженію артиллерійской подготовки съ нашей стороны и

2) ряду усиленныхъ развѣдокъ.

Со стороны нѣмцевъ артиллерійскій огонь носилъ періодическій и кратковременный характеръ; въ общемъ же былъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ предыдущіе два дня.

Что касается войскъ, въ смыслѣ выполненія ими боевыхъ приказовъ, отъ которыхъ зависѣлъ успѣхъ операціи, то:

1) 109 пѣх. Волжскій полкъ приказа не исполнилъ и на позицію не выступилъ.

2) 110 пѣх. Камскій полкъ въ цѣломъ также приказа не исполнилъ и на позицію выступилъ въ составѣ около 2/3.

3) 111 пѣх. Донской и 112 пѣх. Уральскій полки приказъ выполнили и на позицію выступили, но въ частности 50 человѣкъ изъ послѣдняго полка не исполнили приказанія и поставили, какъ медицинскій персоналъ, такъ и своихъ же товарищей раненыхъ въ трудныя условія по оказанію санитарной помощи.

Такимъ образомъ изъ 13-ти баталіоновъ, на которые расчитывалъ Начальникъ дивизіи, въ его распоряженіи, къ утру 9 іюля, оказалось, *всего около 9 баталіоновъ*; (3 баталіона 112 п. Уральскаго полка, 2 баталіона 110 п. Камскаго полка (неполные), 3 баталіона 111 п. Донского полка, Штурмовой баталіонъ и части ротъ 109 п. Волжскаго полка).

9 іюля.

Занятіе исходнаго положенія.

Ночь прошла въ ружейной и артиллерійской перестрѣлкѣ.

Къ разсвѣту 9 іюля части дивизіи заняли исходное положеніе слѣдующимъ образомъ:

1) Шалудьки — окопъ № 62 вкл. — 112 п. Уральскій полкъ къ 3 часамъ 10 минут.

2) Окопъ № 63 — Безымянный ручей — части 110 п. Камскаго полка въ составѣ 724 человѣкъ — къ 3 часамъ 25 мин.

3) Безымянный ручей — окопъ № 72, по прежнему занимали «Баталіонъ смерти» и части ротъ 109 пѣх. Волжскаго полка съ 4 пулеметами и 46 офицерами подъ общимъ начальствомъ подполковника Янчина.

Около 0 час. 10 мин. была получена телеграмма Комкора съ подтвержденіемъ Командармомъ приказа по корпусу № 175 объ атакѣ въ 7 часовъ, 9 іюля, а вскорѣ

затѣмъ былъ полученъ и самый приказъ, въ развитіе коего и отданъ приказъ дивизіи.

Въ 1 часъ 35 мин., командиръ 112 полка доложилъ по телефону, что передовыя роты полка не позволяютъ саперамъ продѣлывать проходы; какъ выяснилось впослѣдствіи изъ доклада командира взвода инжекеркой роты, прапорщика Фракійскаго, солдаты передовыхъ ротъ не только не допускали саперъ продѣлывать проходы въ нашихъ проволочныхъ заграждеціяхъ, но даже грозили открыть по нимъ стрѣльбу и только къ 3½ часамъ, когда Наштадивъ пригрозилъ открыть по кимъ артиллерійскій огонь, вопросъ этотъ разрѣшился благополучно.

Около 1 часа 30 мин. было получено приказаніе Командира корпуса, коимъ, ввиду отказа 109 п. Волжскаго и части 110 п. Камскаго полковъ занять исходное положеніе, приказано было занять ихъ позицію и произвести атаку вмѣсто 109 полка, 111 полкомъ, а вмѣсто этого послѣдняго, въ дивизіонномъ резервѣ поставить подошедшій полкъ 134 дивизіи.

Такъ какъ было извѣстно, что около 2/3 110 пѣх. Камскаго полка на позицію уже выступили, то вышеизложекное приказаніе Командира корпуса — 111 пѣх. Донскому полку предстояло исполнить лишь въ отношеніи задачи, возложенкой на 109 пѣх. Волжскій полкъ; между 2-3 час. командиру 111 пѣх. Докского полка, прибывшему въ это время уже въ д.Шутовичи (штабъ полка), по телефону и была сообщена началькикомъ штаба дивизіи новая задача:*) ввиду отказа 109 пѣх. Волжскаго полка занять исходное положеніе, поддержка штурмовиковъ возлагается ка 111 пѣх. Донской полкъ.

Къ этому времени 111 п. Донской полкъ занялъ двумя баталіоками щели сѣв.-восточнѣе Кунава, 3-й баталіонъ только подходилъ.

Въ 3 часа 35 мин. полковой адъютантъ 111 пѣх. Донского полка по телефону доложилъ, что 2-й баталіокъ отказывается отъ выполнекія новой задачи; объ этомъ было донесено началькику штаба корпуса, ка что около 5 час. 30 мик. былъ получекъ отвѣтъ командира корпуса, что приказъ Командарма остался въ силѣ.

Въ 4 часа 15 мин. въ блиндажъ прибылъ командиръ 533 полка, приданнаго на усиленіе участка дивизіи; полку приказано было стать восточнѣе д. Шутовичи вдоль дороги Перебрановичи и Цицинъ.

Въ то же приблизителько время адъютантъ 111 п. Донского полка, на вопросъ начальника штаба о положеніи дѣлъ, вновь доложилъ, что уже весь полкъ цѣликомъ отказывается каступать.

Въ 4 ч. 30-40 мин. командиръ 112 пѣх. Уральскаго полка докесъ, что изъ ротъ 1-го баталіона замѣчается бѣгство солдатъ въ тылъ, при чемъ бѣглецы къ этому времеки насчитывались десятками. Ввиду создавшагося положенія—въ 112 пѣх. Уральскій полкъ, тотчасъ же послѣ доклада командира полка о бѣгствѣ солдатъ, отправились члекы армейскаго комитета. Такъ какъ начальнику штаба не разрѣшено было качальникомъ дивизіи отправиться въ 111 пѣх. Донской полкъ и ознако-

*) Всѣ приказанія командиру 111 пѣх. Донского полка, вслѣдствіе его глухоты, передавались черезъ полкового адъютанта капитана Рымарева; точно также этимъ офицеромъ дѣлались доклады въ штабъ дивизіи.

миться съ положеніемъ дѣлъ, то туда отправились члены Освѣдомительной номиссіи съ цѣлью уговорить солдатъ выполнить возложенную на полкъ задачу.

Въ 5 час. 15 мин. Кавказская артиллерійская бригада открыла огонь по онопамъ противника, сначала обыкновенными снарядами, затѣмъ химическими и вскорѣ затѣмъ перешла опять на обыкновенные снаряды; артиллерія сосѣднихъ участковъ также вела интенсивный огонь. Черезъ 5 мин. начальникъ штаба былъ вызванъ по телефону командиромъ 110 пѣх. Камскаго полка, который просилъ доложить начальнику дивизіи, что Камскій полкъ проситъ прекратить нашъ артиллерійскій огонь, который будто бы такъ силенъ, что вредно дѣйствуетъ на нихъ; командиры баталіоновъ не ручаются за участокъ, если огонь не будетъ прекращенъ. Тоже самое подтвердилъ начальнику штаба по телефону и одинъ изъ командировъ баталіоновъ. «Настроеніе солдатъ скверное и въ атаку Камцы идти не хотятъ». Начальникъ штаба опять предупредилъ, что въ случаѣ отхода Камцевъ съ позиціи, по нимъ будетъ открытъ артиллерійскій огонь.

Почти въ это же время командиръ 112 пѣх. Уральскаго полка доложилъ по телефону, а затѣмъ прислалъ и донесеніе о томъ, что солдаты трехъ ротъ (2, 3 и 4) единогласно постановили не наступать, ввиду недостаточной артиллерійской подготовки, самовольно бросая окопы, уходятъ въ тылъ.

Объ изложенномъ около 5 час. 30 мин. было донесено въ штабъ корпуса съ мнѣніемъ начальника дивизіи: «состояніе духа войскъ таково, что надежды на успѣхъ нѣтъ — думаю, что никто не выйдетъ изъ окоповъ».

Въ отвѣтъ на это донесеніе, было получено около 6 часовъ приказаніе Командира постараться занять частями полка 134 пѣхотной дивизіи, прибывшаго въ распоряженіе начальника дивизіи, хотя бы важнѣйшіе участки.

Въ 5 час. 44 мин. изъ 111 пѣх. Донского полка возвратились члены Освѣдомительной комиссіи и доложили, что первый баталіонъ 111 пѣх. Донского полка готовъ исполнить приказъ начальства и удивленъ тѣмъ, что до бѣлаго дня имъ не отдаютъ приказанія о поддержкѣ частей 109 пѣх. Волжскаго полка, а также удивленъ слабой артиллерійской стрѣльбой. Начальникъ штаба, вызвавъ къ телефону адъютанта 111 пѣх. Донского полка, сообщилъ для доклада командиру полка о вышеизложенномъ, а такъ какъ въ это же время выяснилось, что штабъ полка находится еще въ д. Шутовичи, т. е. въ разстояніи почти 1 версты отъ своего полка, то начальникъ дивизіи потребовалъ:

1) Немедленнаго перехода командира полка поближе къ своему полку.

2) Немедленно выступить 111 пѣх. Донскому полку на поддержку Волжцевъ.

Въ 6 час. 05 мин. начальникомъ штаба была остановлена одна изъ перебѣгающихъ въ тылъ отдѣльныхъ группъ солдатъ (въ 3-5 человѣкъ), оказавшихся развѣдчиками 111 пѣх. Донского полка, которые сказали, что имъ приказано собраться къ штабу полка — съ какой цѣлью — имъ неизвѣстно; начальникъ ихъ, поручикъ Приморскій (молодой), находится въ лѣсу; спрошенный по телефону начальникъ службы связи 111 пѣх. Донского полка подтвердилъ слова развѣдчиковъ, послѣ чего они были отпущены. Ни командира полка, ни полкового адъютанта въ это время въ штабѣ полка уже не было; по словамъ начальника

15

службы связи, они отправились въ щели, куда за ними и протягивался телефонный проводъ.

Черезъ 20-30 мин. начальнику службы связи было передано приказаніе разыскать командира полка, установить съ нимъ связь и передать, чтобы полкъ поскорѣе продвигался впередъ и очищалъ щели для 533 полка.

Около 6 час. 50 мин. начальникъ штаба предупредилъ всѣхъ командировъ полковъ, что наша артиллерія ровно въ 7 часовъ перенесетъ огонь въ тылъ, послѣ чего полкамъ необходимо перейти въ атаку.

Въ 6 час. 58 мин. артиллерія перенесла огонь, о чемъ немедленно было передано въ полки и 51 пѣх. дивизію, и полки, какъ сперва неточко донесеко командирами полковъ, двикулись въ атаку. Однако наблюденіемъ съ вышки въ трубу скоро было установлеко, что пошли въ атаку противъ лѣваго прохода волнами лишь Штурмовики о чемъ и было передано въ 51 дивизію и артиллерію; ни на правомъ, ни на среднемъ участкахъ кикакого движекія замѣчеко ке было.

Въ 7 час. съ минутами показались выходящіе изъ окоповъ отдѣльныя небольшія кучки смѣльчаковъ 112 пѣх. Уральскаго полка; тогда же командиру 110 пѣх. Камскаго полка было указано, что на его участкѣ до сихъ поръ никто не вышелъ изъ окоповъ.

Послѣ этого начальникъ штаба, лично наблюдая въ трубу, замѣтилъ: 1) *на лѣвомъ участкѣ* — первая цѣпь Штурмовиковъ лежала впереди проволочныхъ загражденій, вторая сзади; 2) *на правомъ участкѣ* — попрежнему были видны въ безпорядкѣ разбросанныя одиночныя небольшія группы солдатъ; 3) *на среднемъ* — попрежнему никого. О замѣченномъ вновь было сообщено командирамъ полковъ.

Впереди Штурмовиковъ видны были убѣгающіе нѣмцы, человѣкъ 20.*)

Около 7 час. 13 мин., по докладу командира 110 полка, Камцы (въ дѣйствительности, вѣроятно, отдѣльные смѣльчаки) прошли проволочныя загражденія — болѣе сильныя части выступили лишь въ 8 час. 10 мин. Нѣмцы, какъ было видно изъ трубы, встрѣчали одиночныхъ атакующихъ «кучками» (группами).

Въ связи съ успѣхами частей 51 пѣх. дивизіи, захватившихъ къ 7 час. 15 мин. Рыжій Бугоръ и въ 7 час. 20 мин. первую линію непріятельскихъ окоповъ, а также ввиду того, что Штурмовики форсировали проволочныя загражденія противника — к-ру 111-го п. Донского полка въ 7 час. 20 мин. отправлено было съ нарочнымъ письменное приказаніе**): немедленно двигаться за Штурмовымъ баталіономъ и 109 п. Волжскимъ полкомъ и развивать ихъ успѣхъ, при чемъ указывалось, что это было передано поручику Малишевскому (начальнику службы связи) еще часъ тому назадъ. Это приказаніе подполковникомъ Смирновымъ было получено около 8 час. 45 мин., при чемъ, согласно его донесенію, 3-й баталіонъ выступилъ на д. Кунава, а за 3-мъ баталіономъ передвигаются остальные.

Въ теченіе всего дня боя, съ цѣлью ободрить полки, непрерывно сообщалось по телефону объ успѣшномъ продвиженіи нашихъ сосѣдей, а такъ какъ теле-

*) Отдѣльный эпизодъ.

**) До 7 час. 20 мин. телефонкой связи съ командиромъ 111 п. Донского полка на ковомъ мѣстѣ установлеко не было; отправляемая въ щели «живая связь» командира полка не находила.

и Уральскаго полковъ, залегшихъ передъ нѣмецкими проволочными заграждениями и немогущихъ оттуда выбраться до наступленія темноты.

Вслѣдствіе создавшагося тяжелаго положенія и съ цѣлью дать отдыхъ пострадавшимъ въ бою частямъ и оправиться отъ понесенныхъ ими огромныхъ потерь, — начальникъ дивизіи отдалъ слѣдующія распоряженія:

1) Съ наступленіемъ темноты, остатки Штурмовиковъ и Волжцевъ смѣнить баталіономъ 111 пѣх. Донскаго полка, держа два остальныхъ баталіона того же полка въ резервѣ; смѣненныя части отвести въ Залѣсье.

2) Уральцевъ и Камцевъ также съ наступленіемъ темноты смѣнить 533 полкомъ, поставивъ ихъ послѣ смѣны въ раіонъ Шутовичи.

Въ это же время по телефону получено было донесеніе, что полковникъ Коргановъ*) двигается съ оставшейся частью 109 пѣх. Волжскаго полка въ количествѣ 1.100 человѣкъ при 6 офицерахъ. Начальникъ дивизіи рѣшилъ полкъ этотъ держать временно въ резервѣ за 111 пѣх. Донскимъ полкомъ.

Въ 16 час. 35 мин. вновь появился нѣмецкій самолетъ, обстрѣливающій изъ пулемета окопы и щели.

Въ 18 час. 30 мин. начальникъ штаба былъ вызванъ къ телефону командиромъ второго баталіона 111 п. Донскаго полка, который доложилъ, что баталіонъ отказывается становиться на позицію, ссылаясь на усталость и что солдаты частью расходятся.

Начальникъ дивизіи приказалъ командиру полка, баталіона, офицерамъ и комитетамъ принять всѣ мѣры къ тому, чтобы убѣдить баталіонъ исполнить приказъ.

Около 20 час. изъ штаба корпуса была получена первая, а вскорѣ и вторая телеграммы, съ приказаніемъ 533 полку отойти въ раіонъ 29 дивизіи въ распоряженіе начальника 1-й Кавказской Гренадерской дивизіи. Смѣненныя части отвести отнюдь не восточнѣе линіи Сукневичи-Малышево. Для того же, чтобы предотвратить самовольный уходъ людей,—придвинуть ближе кухни.

Кромѣ того наштакоромъ эти приказанія были подтверждены лично по телефону.

Въ 19 час. 30 мин. приказаніе объ уходѣ передано командиру 533 полка; въ это же время въ блиндажъ прибылъ командиръ 109 п. полка полковникъ Коргановъ, доложившій, что 6 ротъ его полка въ общемъ (1.100 солдатъ при 6 офицерахъ) находятся въ раіонѣ д. Малышево, а онъ самъ прибылъ за полученіемъ приказаній.

Ввиду создающейся обстановки, въ связи съ предстоящимъ уходомъ 533 полка, начальникомъ дивизіи отданы были слѣдующія распоряженія:

1) Командиру 109 пѣх. Волжскаго полка съ наступленіемъ темноты смѣнить части 112 пѣх. Уральскаго и 110 пѣх. Камскаго полковъ.

2) Объ этомъ же были поставлены въ извѣстность и командиры вышеназванныхъ полковъ, которымъ по смѣнѣ указывалось отойти въ раіонъ Шутовичи.

3) Подтянуть поближе кухни.

4) Подполковнику Янчину, въ рукахъ котораго было объединено начальствованіе лѣвымъ участкомъ, по смѣнѣ его частей Донцами, приказано было отойти — въ раіонъ восточнѣе д. Шутовичи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ начальнику штаба корпуса было доложено, о создающемся серьезномъ положеніи на фронтѣ дивизіи, въ связи съ уходомъ 533 полка, вслѣд-

*) Командиръ 109 пѣх. Волжскаго полка.

ствіе чего на нѣноторыхъ участкахъ могло оназаться недостаточное число бойцовъ.

Въ 20 час. 30 мин. нѣмцы отнрыли огонь тяжелой артиллеріи по первой и второй линіи нашихъ окоповъ, доведя его до степени ураганнаго. Огонь продолжался до 21 часа.

Въ зто же приблизительно время (разница въ 10-15 мин.) начальниномъ штаба дивизіи былъ эапрошенъ полновой адъютантъ 111 пѣх. Донсного полна — въ каномъ состояніи вопросъ о заступленіи полна на позицію. Послѣднимъ было отвѣчено, что командиры баталіоновъ тянутъ жребій.

Въ 21 часъ 10 мин. подполковнинъ Янчинъ передалъ, что второй баталіонъ 111 пѣх. Донсного полна занялъ вторую линію оноповъ, а въ первую переходить солдаты не желаютъ; въ первой линіи есть тольно человѣнъ 40-60 Донцовъ третьяго баталіона. О смѣнѣ не можетъ быть и рѣчи, танъ нанъ участка не принимаютъ. Офицеры на мѣстахъ. Командиръ баталіона въ первой линіи оноповъ. Со стороны офицеровъ не видно принудительныхъ мѣръ, да они впрочемъ и ничего не смогутъ сдѣлать, такъ нанъ «солдаты держатъ равненіе на тылъ».

Передача этого сообщенія нюмандиру 111 пѣх. Донского полка задержалась порчей линіи и лишь въ 21 час. 21 мин. к-ръ 111 пѣх. Донсного полна былъ поставленъ объ этомъ въ извѣстность, въ отвѣтъ на что было сообщено полновымъ адъютантомъ, что номандиръ полна предполагаетъ лично прибыть въ блиндажъ и доложить обо всемъ начальнину дивизіи.

Вснорѣ послѣ этого было получено донесеніе подполковника Янчина о нрайне тяжеломъ положеніи частей, занимающихъ лѣвофланговый участокъ (части Штурмового баталіона и 109 п. Волжснаго полна), объ ихъ моральномъ и физическомъ утомленіи, вслѣдствіе чего являлась необходимость немедленной ихъ смѣны.

Въ 21 часъ 44 мин. въ блиндажъ прибыло 5 солдатъ членовъ полкового (4) и ротнаго (1) номитетовъ 111 пѣх. Донсного полна и обратились нъ начальнину дивизіи съ заявленіемъ, что полкъ возмущенъ заступленіемъ на позицію и проситъ смѣны; изъ 10 человѣкъ имѣется 1, на котораго можно положиться. Начальнинъ дивизіи отвѣтилъ, чть смѣнить некѣмъ, что мы должны стоять на позиціи, накъ часовой на посту;и если нинто не смѣнитъ насъ, то и умереть,защищая свой постъ, но делегаты заявили, что полкъ несетъ большія потери, что артиллерія не оказывала должной поддержки въ нужный моментъ. Кромѣ того начальнину дивизіи былъ предложенъ рядъ вопросовъ: есть ли въ тылу резервы, почему ихъ ведутъ въ бой безъ резервовъ ит. п.

Несмотря на то, что начальнинъ дивизіи обѣщалъ смѣнить ихъ на слѣдующій день другими частями — делегаты высназали предположеніе, что все равно полкъ сегодня разойдется — останутся только номитеты и наиболѣе сознательные люди, ноторымъ остается только умереть.

Далѣе делегаты ссылались на то, что они явились не сами, а ихъ послалъ полкъ и что солдаты выражаютъ недовѣріе и требуютъ отчета, а одинъ изъ членовъ (рот-

наго комитета) категорически заявилъ, что въ моментъ атаки заградительнаго огня не было.

Послѣ этихъ разговоровъ делегаты отправились въ артиллерійскій блиндажъ, гдѣ командиромъ Кавказской Гренадерской артиллерійской бригады, по ихъ требованію, были даны цифровыя данныя о числѣ выпущенныхъ снарядовъ.

Въ 22 часа 109 пѣх. Волжскій полкъ, по донесенію командира 112 пѣх. Уральскаго полка, къ д. Шутовичи еще не подошелъ; нѣсколькими минутами позже подполковникъ Янчинъ доложилъ, что смѣна еще не начиналась.

Еще позже полковой адъютантъ 111 пѣх. Донского полка донесъ, что остатки третьяго баталіона и второго баталіона уходятъ въ тылъ; остаются офицеры. Командиръ полка пришлетъ донесеніе.

Сейчасъ же послѣ этого, въ 22 часа 10 мин., начальникъ дивизіи отправился въ артиллерійскій блиндажъ и обратился къ делегатамъ: «господа, да вѣдь вы же дѣлаете преступленіе — сидите здѣсь, считаете снаряды, а полкъ уходитъ съ позиціи, идите сейчасъ же и остановите ихъ — ваше мѣсто тамъ».

Вмѣстѣ съ делегатами отправился и членъ Освѣдомительной комиссіи, прапорщикъ Бабенковъ.

Объ этомъ было сообщено по телефону командиру 111 пѣх. Донского полка.

Въ 23 часа 10 мин. въ блиндажъ прибылъ командиръ 111 пѣх. Донского полка (вмѣстѣ съ полковымъ адъютантомъ), который доложилъ начальнику дивизіи, что части полка, пользуясь темнотой, самовольно уходятъ въ тылъ и ничѣмъ ихъ нельзя остановить; выставленные 7 карауловъ не помогаютъ. Офицеры остаются на позиціи. Послѣ этого доклада командиръ полка предложилъ начальнику дивизіи, что онъ отправится къ д. Михневичи, гдѣ перехватитъ полкъ на двухъ дорогахъ, соберетъ его, устроитъ, а завтра вновь приведетъ на позицію. Начальникъ дивизіи разрѣшилъ; послѣ обсужденія еще нѣкоторыхъ вопросовъ, командиръ 111 пѣх. Донского полка около 1 часа 10 іюля покинулъ блиндажъ.

Объ изложенномъ начальникъ штаба дивизіи въ 23 часа 50 мин. доложилъ по телефону начальнику штаба корпуса и вслѣдъ за этимъ было отправлено и письменное донесеніе.

Въ то же время командиру 112 пѣх. Уральскаго полка приказано — въ случаѣ подхода 109 пѣх. Волжскаго полка, смѣну не производить и Волжцевъ задержать для отдачи новаго распоряженія.

10 іюля.

Такъ какъ уходъ 111 пѣх. Донского полка создавалъ совершенно иную обстановку, начальникъ дивизіи рѣшилъ Уральцевъ и Камцевъ, какъ менѣе пострадавшихъ, не смѣнять съ позиціи, а 109 пѣх. Волжскій полкъ направить для занятія лѣваго участка, смѣнивъ какъ остатки Штурмовиковъ, такъ и остатки ротъ 109 пѣх. Волжскаго полка.

Въ 24 часа 10 мин. командиру 109 пѣх. Волжскаго полка, черезъ штабъ 112 полка, было отдано слѣдующее приказаніе: — во измѣненіе ранѣе отданныхъ распоряженій, 109 пѣх. Волжскому полку занять позицію лѣвофланговаго счастка, занявъ передовую линію не менѣе какъ двумя ротами съ 4 пулеметами; умѣненнымъ Штурмовикамъ отойти въ раіонъ восточнѣе д. Шутовичи.

Такъ какъ предвидѣлось, что среди солдатъ возникнутъ нежелательные толки о причинахъ опять ковой перемѣны распоряженій, то начальникомъ дивизіи приказано было объяснить солдатамъ, что эта перемѣна вызвана самовольнымъ уходомъ съ позиціи въ тылъ 111 пѣх. Докского полка. Объ этомъ приказаніи были поставлены въ извѣстность командиры 110 пѣх. Камскаго полка, Штурмового баталіона и подполковникъ Янчинъ, при чемъ по докладу послѣдняго на правомъ участкѣ лѣвофланговой позиціи находится человѣкъ 40-60 Донцовъ.

Къ этому же времени выяснилось изъ разговора по телефону, кажется, съ к-мъ Штурмового б-на, что въ началѣ атаки ушла и часть 3-й штурмовой роты (111 пѣх. Докского полка) съ ротнымъ комакдиромъ во главѣ.

Около 1 часа 15 мин. получена была телеграмма изъ штакора съ указаніемъ, что вслѣдствіе того, что участокъ малъ, его можно вполнѣ прочно занять тремя полками и всѣми пулеметными командами, а 111 пѣх. Донскому полку можно дать отдыхъ, считая его въ резервѣ дивизіи; кромѣ того указывалось, что надо прочесть послѣдній приказъ Керенскаго.*)

Распоряженіе объ этомъ было сдѣлано, какъ видно изъ вышеизложеннаго, еще до полученія этой телеграммы, а именно въ 24 часа 10 мин.; что касается Донского полка, то ки командира полка, ни 111 пѣх. Донского полка въ цѣломъ, уже не было.

Только къ 4 час. части 109 пѣх. Волжскаго полка смѣкили, находящихся на правомъ участкѣ лѣвофланговой позиціи, 40-60 человѣкъ Донцовъ, часть Волжцевъ, дравшихся 9 іюля; и нѣкоторую часть Штурмовиковъ; что касается лѣваго участка этой позиціи, то ввиду начавшагося разсвѣта остальныхъ Штурмовиковъ смѣнить не удалось.

Ночь на фронтѣ дивизіи прошла въ рѣдкой ружейной и артиллерійской перестрѣлкѣ и попыткахъ противника производить работы; въ 4 часа 45 мин. нѣмцы открыли сильнѣйшій артиллерійскій огонь тяжелыми орудіями, продолжавшійся до 6 часовъ, главнымъ образомъ, по участку Безымянный ручей—Кунава.

Насколько войска были нервно настроены показываетъ то обстоятельство, что, несмотря на огонь нашей артиллеріи, къ телефону поминутко вызывали или начальника штаба или старшаго адъютанта, съ просьбой объ открытіи и усиленіи огия въ особенности тяжелой артиллеріи. Всѣ эти просьбы передавались командиру Кавказской Гренадерской артиллерійской бригады, а также въ штабъ корпуса.

Къ утру 10 іюля расположеніе войскъ было слѣдующее:

1) Отъ д. Шалудьки до окопа № 62 — части 112 пѣх. Уральскаго полка.

2) Отъ окопа № 63 до Безымяннаго ручья — части 110 пѣх. Камскаго полка.

3) Отъ Безымяннаго ручья до д. Кунава на правомъ флангѣ Волжцы (вновь пришедшіе), на лѣвомъ — часть Штурмовиковъ, неуспѣвшихъ уйти съ позиціи изъ за поздней смѣны.

---

*) Въ приказѣ этомъ говорилось о принятіи всѣхъ мѣръ противъ неповинующихся частей вплоть до употребленія оружія.

4) 111 пѣх. Донской полкъ собирался командиромъ полка въ раіонѣ д. Михневичи.

5) Баталіонъ Смерти — въ раіонѣ восточнѣе д. Шутовичи.

Высланная ночью развѣдка отъ 110 пѣх. Камскаго полка имѣла цѣлью вынести убитыхъ и раненыхъ на участкѣ этого раіона, что и было ими сдѣлано, при чемъ былъ раненъ начальникъ команды развѣдчиковъ.

Въ 9 час. командиръ бригады, полковникъ Кузнецовъ, изъ штаба дивизіи по телефону сообщилъ, что на ст. Залѣсье имъ собрано около 1000 человѣкъ бѣглецовъ Камскаго полка, которыхъ онъ хотѣлъ отправить на позицію, но они просятъ его до вечера дать имъ отдохнуть. Ввиду того, что днемъ западнѣе линіи Сукневичи-Перебрановичи нельзя было изъ за обстрѣла показаться, даже небольшимъ группамъ, начальникъ дивизіи разрѣшилъ солдатъ этихъ до вечера не отправлять.

Въ 10 час. 20 мин. начальникъ штаба 174 пѣх. дивизіи сообщилъ, что верстахъ въ 7 отъ позиціи стоитъ одинъ изъ полковъ 174 дивизіи и въ случаѣ надобности можно на него расчитывать.

Къ 10-11 часамъ во всѣ части была передана телеграмма военнаго министра Керенскаго о примѣненіи къ неповинующимся вооруженной силы.

Около 11 час. въ блиндажъ пріѣхалъ командиръ 109 пѣх. полка, полковникъ Коргановъ, и просилъ либо отрѣшить его отъ командованія полкомъ, либо арестовать, ибо при современномъ настроеніи солдатъ и положеніи офицеровъ, въ особенности командира полка, нельзя быть увѣреннымъ въ выполненіи какого нибудь боевого приказанія.

Ввиду тяжелаго моральнаго состоянія полковника Корганова, начальникомъ дивизіи былъ данъ ему времевный отдыхъ, въ командованіе же полкомъ, до прибытія подполковника Янчина, приказано вступить капитану Вылегжанину.

Въ 12 часовъ, согласно полученному ранѣе увѣдомленію изъ штаба корпуса, въ дер. Малышево прибылъ Учебный баталіонъ, начальнику котораго было приказано занять непрерывной цѣпью съ пулеметами окопы восточнѣе дороги Перебрановичи-Кевлы, съ задачей задерживать всѣхъ бѣглецовъ съ поля сраженія и отправлять ихъ обратно на позицію. Въ случаѣ же неповиновенія или сопротивленія — не останавливаться передъ употребленіемъ оружія.

Указанное положеніе Учебнымъ баталіономъ было занято съ наступленіемъ темноты.

Въ теченіе дня на фронтѣ дивизіи царило относительное затишье, прерываемое незначительной артиллерійской стрѣльбой съ обѣихъ сторонъ, при чемъ главнымъ образомъ обстрѣливался нѣмецкой тяжелой артиллеріей со стороны д. Василевичи, — участокъ 112 п. Уральскаго полка.

Вновь былъ замѣченъ нѣмецкій самолетъ, низко летающій и обстрѣливающій изъ пулемета окопы и щели.

Около 14 час. 30 мин. командующій 110 пѣх. Камскимъ полкомъ, полковникъ Никульцевъ, подалъ рапортъ о болѣзни, на что начальникъ дивизіи приказалъ отвѣтить: «Смѣны до смерти не будетъ» и задержать рапортъ, о чемъ и было сообщено полковнику Никульцеву.

Въ 14 час. 20 мин. капитанъ Вылегжанинъ (112-го п-ка) доложилъ, что онъ съ солдатами не совладаетъ — солдаты уходятъ, баталіонъ у д. Шутовичи при обстрѣлѣ большей частью разбѣжался. Моральное состояніе солдатъ таково, что при первомъ появленіи нѣмцевъ всѣ разбѣгутся.

Въ 16 час. 40 мин. командирамъ 1, 2 и 4 полковъ отдано приказаніе выслать въ распоряженіе офицеровъ инженерныхъ ротъ рабочихъ для исправленія окоповъ.

Въ 16 час. 45 мин. капитанъ Вылегжанинъ вновь доложилъ, что резервный баталіонъ уйдетъ, резервныя роты, стоящія яа позиціи, также уйдутъ, роты, занимающія окопы, при первомъ появленіи нѣмцевъ разбѣгутся.

Въ 17 час. 5 мин. начальнику учебныхъ командъ подполковнику Рапп послано приказаніе о принятіи соотвѣтствующихъ мѣръ противъ уходящихъ ночью въ тылъ съ позицій ротъ 109 пѣх. Волжскаго полка и отдѣльныхъ солдатъ остальныхъ полковъ.

Въ 17 час. 15 мин. полковой адъютантъ 109 пѣх. Волжскаго полка на вопросъ , кѣмъ занята позиція, доложилъ, что правый флангъ занятъ сборной ротой 109 пѣх. Волжскаго полка, а лѣвый флангъ занятъ сборной ротой Штурмовиковъ и Донцовъ (?).

Въ 17 час. 30 мин. старшій адъютантъ 174 пѣх. дивизіи доложилъ, что наканунѣ въ раіонѣ ст. Залѣсье много солдатъ 112 пѣх. Уральскаго полка арестовано и сдано казакамъ.

Въ 18 час. начальникъ штаба дивизіи отправился въ штабъ корпуса, гдѣ доложилъ начальнику штаба корпуса и командиру корпуса о создавшейся обстановкѣ,въ связи съ низкимъ моральнымъ состояніемъ войскъ. Командиръ корпуса обѣщалъ просить Командарма о смѣнѣ частей 28 пѣх. дивизіи и посовѣтовалъ, въ случаѣ массоваго ухода солдатъ съ позиціи и оголенія ея—выставить на первой линіи всѣ пулеметы, что и было исполнено по прибытіи начштадива.

Командиръ 111 пѣх. Донского полка прислалъ изъ раіона водокачки сначала телефонограмму, а потомъ и полевую записку — въ которыхъ, ссылаясь на огромныя потери (50% солдатъ и 37% офицеровъ; въ частности въ третьемъ баталіонѣ потери офицерскаго состава будто бы достигали 83% — какъ выяснилось впослѣдствіи, свѣдѣнія эти были сильно преувеличены) и на угнетенное настроеніе, просилъ дать сутки оправиться; причины угнетенности по его словамъ: 1) недостаточность артиллерійской подготовки, 2) малочисленность артиллеріи, и 3) отчасти развращающее поведеніе 109 пѣх. Волжскаго полка. Изъ разговора по телефону можно было заключить, что полкъ въ раіонѣ водокачки отведенъ по желанію солдатъ.

Около 20 час. отъ командующаго 110 пѣх. Камскимъ полкомъ получено донесеніе, что позиція занята всего 334 человѣками изъ его полка.

Нѣсколько ранѣе отъ него же получено донесеніе о крайне скверномъ настроеніи солдатъ,въ связи съ самовольнымъ уходомъ частей 5, 6 и 7 ротъ, отмѣной смѣны, неподготовленностью позиціи и т. п.

Въ 21 часъ передано въ полки приказаніе, чтобы всѣ отпускаемые почему либо въ тылъ солдаты имѣли при себѣ записки, такъ какъ въ противномъ случаѣ люди будутъ задерживаться, а идущіе толпой разстрѣливаться изъ пулеметовъ.

«Слемальси», — проговорилъ латышъ, разглядывая поднятый имъ карандашъ.

Предсѣдатель тупо уставился вслѣдъ «укатившемуся» карандашу, какъ бы желая что то сообразить, постигнуть, но, запутавшись въ вереницѣ пробѣгавшихъ волнами неясныхъ мыслей, глубоко вздохнулъ и пробормотавъ про себя «тьфу ты бісова сыла», вынулъ изъ кармана огрызокъ и вновь наклонился надъ бумагой...

Но тутъ произошло, дѣйствительно, нѣчто невѣроятное... листъ бумаги, повидимому, соблазненный примѣромъ карандаша, быстро поплылъ по столу, соскользнулъ съ него и, сдѣлавъ въ воздухѣ два-три пируэта, плавно опустился на грязный и заплеванный полъ у противоположной стѣны.

«Пропала моя работа», съ легкой дрожью въ голосѣ, сокрушенно проговорилъ секретарь, подавая предсѣдателю выпачканный въ грязи и плевкахъ протоколъ.

Предсѣдатель молча сидѣлъ, выпуча свои и безъ того огромные глаза и только крупныя капли пота да усиленное сопѣніе показывали, что мозгъ его обремененъ какой то непосильной для него работой... руки его безпомощно вертѣли и огрызокъ карандаша и заплеванный протоколъ.

Латышу, видимо, тоже было не по себѣ; одинъ лишь секретарь сидѣлъ какъ ни въ чемъ небывало: слегка отвернувшись въ сторону, онъ барабанилъ пальцами по столу — нужно было быть очень внимательнымъ, чтобы уловить гдѣ то тамъ, въ глубинѣ его черныхъ глазъ, какую то задорно шаловливую искорку, еле замѣтную подъ полуопущенными рѣсницами.

«Ну и что же, товарищъ Середа, подпишете вы протоколъ или нѣтъ» — нѣсколько нетерпѣливо проговорилъ онъ, обращаясь къ предсѣдателю.

Послѣдній, будучи выбитъ изъ душевнаго равновѣсія, только что совершившейся на его глазахъ «чертовщиной», продолжалъ осторожно двумя пальцами вертѣть и поданный ему листъ бумаги и огрызокъ карандаша, безсмысленно разглядывая ихъ со всѣхъ сторонъ. Наконецъ, онъ, повидимому, твердо рѣшилъ подписать, но брошенный имъ взглядъ на руки показалъ, что это невозможно, такъ какъ и бумагу и карандашъ онъ судорожно и крѣпко держалъ обѣими слегка дрожащими руками; попытка разъединить руки и переложить эти предметы по соотвѣтствующимъ мѣстамъ окончилась неудачей — все снова посыпалось на полъ...

Секретарь, какъ ни въ чемъ не бывало продолжалъ смотрѣть въ сторону и лишь сквозь зубы пробормоталъ: «я же говорилъ, что это незаконно — ну вотъ видите, что получается».

И вдругъ въ землянкѣ раздался глухой дрожащій голосъ предсѣдателя: «товарышы, прошу пожаловать сюды»!

Когда всѣ собрались и разсѣлись по мѣстамъ, онъ продолжалъ: «товарышы, по дополнительному заявленію товарища секретаря выясняется, що то

не наша компытенция, такъ я предлагаю вопросъ о недовѣріи пересмотрѣть и оставить его безъ разсмотрѣиія, — вси согласны?»

«Согласны», — послышался иедоумѣвающій гулъ голосовъ.

«А ну поднимить вси правыя руки».

Правыя руки былн подняты.

«Такъ запышить, товарышъ секретарь, новую рызолюцію»..но въ это время поднялась злобная фигура латыша Анцкайтиса, который выступилъ, повидимому, съ протестомъ противъ новаго разсмотрѣнія: волнуясь, брызжа слюной, стуча кулакомъ по стоиу, медленно подбирая слова и еще болѣе, вслѣдствіе этого, волнуясь, онъ, неимовѣрно коверкая русскій языкъ, какъ можно было догадаться, настаивалъ на прежнемъ рѣшеніи комитета.

Уже послѣ первыхъ словъ латыша Фишензонъ окииулъ его внимательно испытующимъ взглядомъ, а затѣмъ по мѣрѣ продолженія его рѣчн, онъ буквально впился въ его лицо; тоненькія свѣтящіяся стрѣлы, выходившія откуда то изъ глубины его бездонныхъ глазъ, пронизывали насквозь бѣлесоватые рыбьи глазкн оратора и безпошадно мучительно сверлили этотъ маленькій мозгъ въ маленькой куриной головкѣ — куда бы онъ не отворачивалъ свое лицо, — стрѣлы его настигалн и раскаленные впивались въ уши, щеки, шею и мучительно, мучительно сверлили... все чаще и чаще бѣдный латышъ началъ сбиваться, все чаще и чаще безпомощно останавливался онъ, съ трудомъ ворочая одеревенѣлымъ языкомъ и съ трудомъ подбирая слова, отъ усиленнаго напряженія краска совершенно залила его измучеиное лицо... и, накоиецъ, пробормотавъ что то совсѣмъ невнятное, онъ грузно, въ изнеможеніе, опустился на свое мѣсто. Изъ всей его рѣчи можно было лишь съ трудомъ догадаться — что онъ остается прн особомъ мнѣніи.

«Харашо-съ, таварищъ Анцкайтисъ, такъ мы таки такъ и запишемъ, что вы разошлись съ мнѣніемъ революціонно-демократическаго дивизіоннаго комнтета», —медленно отчеканивая и дѣлая угрожающее удареніе на послѣднихъ словахъ, проговорилъ секретарь и опять бросилъ еле уловимый взглядъ въ сторону предсѣдателя.

Латышъ въ отвѣтъ пробурчалъ что то уже совершенно несуразное — казалось, что онъ внезапно утратилъ и смыслъ пониманія, и даръ рѣчи.

Секретарь опять взглянулъ на предсѣдателя..

«Не хорошо, товарышъ Анцкайтисъ, иттить противъ всего дивизіоннаго комитета», —укоризненно проговорилъ предсѣдатель, — «во-первыхъ, потому что всѣ согласны — разъ, во вторыхъ, не соглашаться со вснма даже опасно, а въ третьихъ... пышнть, товаришъ секретарь: принято еднногласно!»

Карандашъ секретаря вновь бойко забѣгалъ по бумагѣ и черезъ 2-3 минуты новый протоколъ былъ готовъ для подписи. Нерѣшительно поглядывалъ предсѣдатель то на бумагу, то на лежащій передъ иимъ карандашъ и, вдругъ, виезапно, прикрывъ бумагу лѣвой рукой, онъ быстро, словно боясь, что ка-

Въ 22 часа 15 мин. прибылъ въ блиндажъ командиръ 2 батареи 8 тяжелаго осаднаго артиллерійскаго дивизіона и, возмущенный поведеніемъ пѣхоты, доложилъ начдиву: «пѣхотныя части, занимающія передовые окопы, по одиночкѣ и небольшими группами оставляютъ позицію и, собираясь на опушкѣ лѣса близъ блиндажа начдива, уходитъ въ тылъ. Офицеры и солдаты 2 батареи негодуютъ и рѣшили, если пѣхота самовольно оставитъ позицію, стать въ окопы. При обходѣ передовыхъ окоповъ капитаномъ N. замѣчено нѣсколько тнжело ранекыхъ, которыхъ солдаты не хотѣли переносить, вслѣдствіе обстрѣла нѣмецкой артиллеріей».

Командиръ батареи просилъ принять энергичныя мѣры противъ пѣхоты, оставляющей окопы, на что начдивъ напомнилъ приказаніе военнаго министра,— объ открытіи огня по солдатамъ, самовольно оставляющимъ свои окопы.

Около 23 часовъ командиръ 112 пѣх. Уральскаго полка донесъ о крайне неустойчивомъ настроеніи солдатъ и о бѣгствѣ съ позиціи въ тылъ цѣлыми вереницами; нѣсколько ранѣе тотъ же командиръ полка доносилъ, что участокъ его позиціи занятъ всего 1.104 солдатами.

Въ 23 часа прибылъ начальникъ штаба дивизіи изъ штаба корпуса.

11 іюля.

00 час. 57 мин. начальникъ штаба корпуса по телефону сообщилъ, что 11 іюля части 28 пѣх. дивизіи могутъ расчитывать на смѣну, что и было передано въ полки.

Въ 2 часа 15 мин. дежурный офицеръ штаба дивизіи запросилъ, что дѣлать съ командами Волжскаго полка, бѣгущими съ позиціи. Начальникъ дивизіи приказалъ всѣми мѣрами возвращать ихъ обратно въ окопы.

Ночь на фронтѣ дивизіи прошла въ рѣдкой ружейной и артиллерійской перестрѣлкѣ, при чемъ нѣмцы пытались исправлять свои проволочныя загражденія, но каждый разъ разгонялись нашимъ пулеметнымъ и артиллерійскимъ огнемъ.

Въ 2 часа 30 мин. противъ средняго участка занятаго частями 110 пѣх. Камскаго полка, партія нѣмецкихъ развѣдчиковъ пыталась подойти къ нашей проволокѣ, но была отбита пулеметнымъ огнемъ.

Развѣдка съ нашей стороны существеннаго ничего не дала и лишь подтвердила крайнюю бдительность нѣмцевъ.

11-го утромъ изъ штаба корпуса было сообщено, что на ст. Залѣсье прибылъ военный комиссаръ, подпоручикъ Бачинскій, и что командиръ корпуса приказалъ что бы начальникъ штаба прибылъ туда же.

Такъ какъ наступательная операція закончилась, то начальникъ дивизіи также покинулъ блиндажъ.

По прибытіи въ штабъ дивизіи начальникъ дивизіи засталъ военнаго комиссара съ нѣкоторыми изъ членовъ армейскаго комитета и полковника Кузнецова, при чемъ выяснилось, что подполковникъ Смирновъ, — к-ръ 111-го пѣх. Док-

ского полка, сообщилъ военному комиссару, будто бы разрѣшеніе уйти съ позиціи онъ получилъ отъ начальника дивизіи. Это же сначала подполковникъ Смирновъ сказалъ и въ присутствіи начальника дивизіи.

Послѣ изложенія начальникомъ дивизіи и начальникомъ штаба въ хронологическомъ порядкѣ истинныхъ событій, подтвержденныхъ однимъ изъ членовъ Освѣдомительной комиссіи, военный комиссаръ обратился къ подполковнику Смирнову со слѣдующими словами: «Въ какое положеніе вы ставите меня, представителя Временнаго Правительства, извращая дѣйствительность и дѣлая неточный докладъ — вѣдь вы вводите меня въ заблужденіе» и т. п.

Подполковникъ Смирновъ на это ничего не возразилъ.

Изъ донесеній командировъ полковъ можно было вывести, что настроеніе войскъ въ общемъ крайне угнетенное, за исключеніемъ 111 пѣх. Донского полка, гдѣ произошло нѣкоторое улучшеніе, «въ особенности подъ вліяніемъ телеграммы, дающей право начальствующимъ лицамъ примѣнять къ неповинующимся вооруженную силу» — какъ доносилъ командиръ этого полка, — что и было донесено въ штабъ корпуса.

День прошелъ въ общемъ спокойно. Около 17 час. былъ полученъ приказъ изъ штаба корпуса о смѣнѣ, каковая и произошла въ ночь на 12-е іюля.

Ввиду поздняго прибытія 676 полка, нѣмцы, замѣтивъ смѣну, открыли по окопамъ ураганный артиллерійскій огонь, при чемъ удалось смѣниться полностью лишь 110 пѣх. Камскому полку, 112 пѣх. Уральскому полку и частямъ двухъ баталіоновъ 109 пѣх. Волжскаго полка; двѣ роты того же полка, изъ за сильнаго огня, далѣе д. Шутовичи отойти не могли; кромѣ того двѣ роты 109 пѣх. полка, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Дворкикова-Дворцова, остались несмѣненными въ окопахъ и смѣнились только слѣдующей ночью.

Начиная съ вечера 8 іюля командный блиндажъ начальника дивизіи находился подъ періодическимъ артяллерійскимъ, а изрѣдка и ружейнымъ обстрѣломъ противника. 10-го же іюля роща была обстрѣляна 42 сантиметровыми снарядами, при чемъ снаряды ложились въ 100-300 шагахъ отъ командnаго блиндажа начальника дивизіи.

По распоряженію комиссара арестовано 1700 человѣкъ разныхъ полковъ, за бѣгство съ позиціи и уклоненіе отъ боя.

Заключеніе.

Обращаясь къ причинамъ неудачъ, можно свести ихъ, главнымъ образомъ, къ слѣдующимъ:

1) Низкое моральное настроеніе солдатъ и полнѣйшее разложеніе солдатской массы.

Въ рѣшительный моментъ одинъ полкъ отказывается отъ заступленія на позицію; другой выходитъ въ составѣ 2/3; дѣйствія третьяго полка далеко не на высотѣ положенія; четвертый — черезъ два часа послѣ заступленія на позицію, даетъ сотни бѣглецовъ.

О наступленіи говорилось лишь подъ вліяніемъ момента; попавъ же въ дѣйствительную обстановку, десятками, ротами и даже, въ одномъ случаѣ, какъ видно изъ цѣлаго ряда донесеній и личнаго доклада командира полка, цѣлый полкъ, самовольно бросали позицію и уходили въ тылъ, — никакіе уговоры не дѣйствовали.

Въ атаку пошли цѣлой частью только Штурмовой баталіонъ (впрочемъ и здѣсь часть 3-й роты 111 п. Донского полка съ командиромъ роты ушла съ позиціи); на участкахъ же остальныхъ полковъ наступательныя дѣйствія свелись къ дѣйствіямъ отдѣльныхъ кучекъ смѣльчаковъ, что, конечно, дало нулевые результаты.

2) Второй причиной является незнакомство войскъ съ позиціей, какъ своей, такъ и противника, вслѣдствіе нежеланія и отказа частей отъ своевременнаго изученія этихъ позицій.

3) Слабость въ количественномъ отношеніи артиллеріи участка дивизіи; кромѣ того 6-дюймовыя 200 пудов. пушки были безсильны противъ нѣмецкихъ блокгаузовъ.

4) Полное отсутствіе какой бы то ни было инженерной подготовки, не говоря уже о томъ, что не было почти никакихъ укрытій отъ тяжелой артиллеріи, не было также и легкихъ блиндажей, не было ни одного сплошного хода сообщенія, ни вынесенныхъ впередъ плацдармовъ; внутреннихъ плацдармовъ для размѣщенія войскъ было также недостаточно — часть людей лежала на открытой мѣстности. Ходы и щели были мелкіе, частью въ полуразрушенномъ состояніи, частью наполнены водой.

Нельзя не отмѣтить беззавѣтныхъ дѣйствій Кавказской Гренадерской артиллерійской бригады, ни на одну секунду не забывавшей своей обязанности по оказанію помощи пѣхотѣ и моментально отзывающейся на всѣ требованія о помощи; ничего, кромѣ хорошаго, нельзя сказать и о тяжелой артиллеріи, сдѣлавшей [illegible], что было въ ея силахъ, вплоть до рѣшимости занять вмѣсто разбѣгающейся пѣхоты окопы, при чемъ къ концу дня 9 іюля остались дѣйствующими только два тяжелыхъ орудія.

Единственными свѣтлыми пятнами на всемъ темномъ фонѣ являются:

1) Дѣйствія 46 офицеровъ 109 пѣх. Волжскаго полка, съ подполковникомъ Янчинымъ во главѣ, и 200 смѣльчаковъ солдатъ и унтеръ-офицеровъ того же полка и

2) Дѣйствія Штурмового баталіона, честно и свято выполнившаго свой долгъ и потерявшаго въ неравномъ бою болѣе 51% своего состава.

Примѣчаніе: Всѣ телефонные разговоры — записаны.

Командующій 28-й пѣхотной дивизіей, генералъ-маіоръ *N.*

И. д. Начальника штаба,

Генеральнаго штаба подполковникъ *Лисовой.*

ТАБЛИЦА

движенія личнаго состава полковъ (штыковъ) за время 8-12 іюля. (въ среднихъ цифрахъ).

Наименованіе частей / Число	109 п. Волжс. полкъ	110 п. Камск. полкъ	111 п. Донск. полкъ	112 п. Уральс. полкъ	Штурмовой батал.	Отмѣтка.
Къ 8 іюля	1859	1915	1900	1630	736	
Къ вечеру 9-го іюля.	около 200*)	менѣе 724*)	около 1000-1200	1268**)	268***)	*) остальная часть полка на позицію не выступила. **) частью ушли съ позиціи. ***) остальные погиб. въ бою.
Къ вечеру 10-го іюля.	около 1000*)	334**)	около 950**)	940**)	260***)	*) Несмотря на то, что 1100-1500 чел. пришли на позиц. **) Не считая командъ. ***) 3-я рота 111 Доякск. пол. ушла съ позиц.
Къ 12-му іюля (послѣ боя)	1795	1529	1418	1250	397*)	*) Частью пополнился, частью нѣкотор. возвратились.

И. д. Начальника Штаба
28-й пѣхотной дивизіи, Генер. Штаба Подполковникъ Лисовой.

Таковъ былъ исходъ іюльскаго боя на участкѣ 28-й пѣх. дивизіи — таковы же были результаты въ раіонахъ сосѣднихъ 51-й и 174-й п. дивизій; таковы же были результаты и на сосѣднихъ съ ними участкахъ: вправо — къ сѣверу и влѣво — къ югу...

И тогда то, именно, на участкѣ 1-го сиб. корпуса былъ выдвинутъ женскій батальонъ съ задачей выбить нѣмцевъ изъ занятыхъ ими нашихъ передовыхъ окоповъ у Новоспасскаго лѣса — окоповъ, въ которые непріятельскія войска ворвалнсь на плечахъ убѣгавшихъ солдатъ, когда то славиыхъ снбирскнхъ стрѣлковъ.

Женскій батальонъ блестяще справился съ задачей, потерявъ около 50 доброволицъ изъ 192-хъ.

Какъ же *русскій солдатъ* отблагодарнлъ *русскую женщину* за оказанную ему помощь?...

По матеріаламъ С. О. А. н Ф., сообщеинымъ на 2-мъ Совѣщаніи Московскнхъ Общественныхъ Дѣятелей, въ октябрѣ 1917 г. — многія изъ раненныхъ женщинъ, оставшіяся на полѣ сраженія, въ ту же ночь были изнасилованы... нѣкоторыхъ нзъ нихъ постнгла еще болѣе худшая участь...

Я. Лисовой.

РЕВОЛЮЦІОННЫЕ ГЕНЕРАЛЫ*)

Его Превосходительство — «приспособляющійся»... и «профессоръ Толлини».

Въ обширной землянкѣ бывшаго «офицерскаго собранія» засѣдаетъ дивизіонный комитетъ N дивизіи...

Собраніе это, до августа мѣсяца, являлось единственнымъ убѣжищемъ для офицеровъ дивизіи, единственнымъ безопаснымъ мѣстомъ, гдѣ, собравшись въ тѣсную дружескую семью, спаянную общимъ несчастьемъ и горемъ — офицерство, чувствуя себя дома, не боясь быть подслушаннымъ, могло наговориться всласть, излить въ своихъ бесѣдахъ горечь накопившагося,подѣлиться другъ съ другомъ своими невзгодами и, въ этой общей бесѣдѣ, хоть на одно мгновенье, отвлечься отъ всѣхъ тѣхъ ужасовъ кошмарной жизни, которые, словно налетѣвшій вихрь, охватили всю русскую армію...

Въ психологіи, этихъ періодически собирающихся людей, было что то общее съ больными, страдающими долгой, упорной и не поддающейся лѣченью болѣзнью: — вѣдь извѣстно, что для больныхъ нѣтъ большаго удовольствія, какъ поговорить о своей болѣзни, о ея симптомахъ, лѣченіи, не упустить при случаѣ раскритиковать врача, жадно прислушаться къ подаваемымъ совѣтамъ, разспросить о новыхъ «лучшихъ» докторахъ, непремѣнно услышать слова сочувствія отъ собесѣдника и увѣренность его въ выздоровленіи, и, въ свою очередь, въ полной мѣрѣ отвѣтить ему тѣмъ же — послѣ чего у обоихъ наступаетъ нравственное удовлетвореніе, успокоеніе, увѣренность, что не все такъ плохо, какъ кажется, что еще есть надежда... Офицерство представляло собою тѣхъ же физически и морально больныхъ людей.

Но съ нѣкотораго времени чья то невидимая «услужливая рука» начала свою обычную разрушительную работу: постепенно куда то исчезли скамейки, табуретки и лампы, затѣмъ кто то по ночамъ сталъ вынимать или разбивать оконныя стекла, на стѣнахъ появились «перлы заборной литературы съ иллюстраціями», внутрь помѣщенія набрасывались газетные свертки съ завернутымъ въ нихъ конскими и человѣческими нечистотами... Офицерство угрюмо-молча переносило всѣ эти оскорбленія и старалось, насколько было возмож-

*) См. «Бѣлый Архивъ», кн. I.

но, сгладить слѣды злой разрушительной работы: изъ землянокъ приносились складныя стулья, окна заклеивалнсь бумагой, нечистоты выносились и полъ вытирался, а помѣщеніе тщательно дезинфецировалось... тройнымъ одеколономъ — однимъ словомъ, въ одномъ изъ уголковъ русскаго фронта, шла обычная, упорная, глухая борьба между разрушеніемъ и созиданіемъ, между хамствомъ и порядочностью, между свободой въ ея днкомъ-животномъ проявленіи и свободой въ культурномъ смыслѣ этого слова...

Однажды, послѣ ученія, въ землянкѣ собралось десятка три-четыре офицеровъ: нужно было сообща ознакомиться съ новыми методами и пріемами борьбы съ противникомъ, примѣненными въ послѣднее время весьма успѣшно на Западномъ фронтѣ, прочитать кое какіе приказы, обмѣняться впечатлѣніями и, кстати, — это былъ весьма удобный предлогъ для маленькой «конспиративной» работы — выбрать нѣсколько офицеровъ въ президіумъ подотдѣла Союза офицеровъ... Едва только началось чтеніе иностранной брошюры о новыхъ видахъ ураганнаго огня, — какъ рама одного изъ оконъ съ трескомъ и звономъ внезапно сорвалась съ своего мѣста и, тяжело грохнувшись о земь, разсыпалась на тысячи жалобно звенящихъ осколковъ; вслѣдъ за нею съ зловѣщимъ рокотомъ скатился и глухо шлепнулся о земляной полъ увѣсистый булыжникъ, затѣмъ началось что то кошмарное: фыркая и переворачиваясь, пролетѣлъ надъ головами присутствующихъ шрапнельный стаканъ, за нимъ другой, третій... посыпался градъ мелкихъ камней... кого то задѣло по плечу, кого то оцарапало... кому то засыпало глаза... кто то вскрикнулъ...

«Ну, господа, надо уходить, с-чь бомбардировку устроила», — раздался голосъ старшаго офицера...

Одинъ за другимъ вышли офицеры изъ землянки, оглядѣлись вокругъ, но вблизи уже никого не было — лишь въ нѣкоторомъ отдаленіи замѣтны были торопливо убѣгавшіе и быстро исчезавшіе среди лабиринта солдатскихъ землянокъ, рѣдкихъ деревьевъ и чахлыхъ кустовъ, отдѣльныя фигуры въ сѣрыхъ шинеляхъ...

При слѣдующей попыткѣ офицерства отстоять свой родной уголъ-послѣдовало новое зловѣщее предупрежденіе, — въ самый разгаръ оживленной бесѣды, гдѣ то, снаружи, раздался ружейный выстрѣлъ, а затѣмъ моментальноно звонъ пробитаго стекла, короткій свистъ пули, глубоко вгнѣздившейся въ стѣну и характерное при этомъ глухое «чавканье» — все это слилось въ одинъ весьма непріятный аккордъ; молча присутствующіе взглянули другъ на друга... и молча разошлись.

На поданномъ по этому случаю рапортѣ, начальникъ дивизіи положилъ краткую ревзолюцію: «собраніе закрыть» и... больше туда никто изъ офицеровъ не заглядывалъ.

Черезъ нѣкоторое время всѣ выбитыя стекла были вставлены, поломки и разрушенія исправлены и надъ дверьми появилась фанерная дощечка, на

которой расплывшимися хнмическимн чернилами были выведены каракули: «Дивизионнай камитет N дивизеи».

Въ этомъ то помѣщеніи и происходило очередное засѣданіе членовъ N Дивизіоннаго комнтета.

Среди собравшихся однообразныхъ солдатскнхъ лицъ, то нагло развязныхъ, то тупо сосредоточенныхъ, съ неизмѣнно торчащей «цигаркой» во рту, въ растегнутыхъ шннеляхъ и лихо сдвинутыхъ на затылокъ фуражкахъ, — среди всего этого ухарства и разгильдяйства, достигшаго завѣтныхъ предѣловъ не снившейся ему ранѣе власти, — рѣзко выдѣлялись три лица: предсѣдатель комитета фельдфебель Середа — здоровый широкоплечій хохолъ съ ннзкимъ, заросшимъ волосами лбомъ, длинными усами н огромными бычачьими, налитыми кровью глазамн, — вся его фигура выражала упрямство, злобу, силу и глупое самодовольство; голосъ у него былъ зычный, грубый, фельдфебельскій.

Рядомъ съ нимъ невозмутимо сидѣлъ товарищъ предсѣдателя, бѣлесоватый Анцкайтисъ — латышъ съ холодно-злыми рыбьимн маленькими глазками, который казалось съ глубокимъ презрѣніемъ относился ко всему происходящему вокругъ него.

Лицо третьяго поражало своимн тонкнми чертами, осмысленностью, интеллигентностью (впрочемъ, какого-то специфическаго свойства) и тѣмъ насмѣшлнво-бѣгающнмъ задорнымъ огонькомъ, который нѣтъ-нѣтъ да и проскользнетъ въ его черныхъ, влажныхъ, поразительно глубокихъ и красивыхъ глазахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ его манерѣ обращенія съ присутствующими и излишней юркости движеній, въ его часто повторяющемся и своеобразномъ: «и ч т о ж е», въ его необычайно старательномъ, я сказалъ бы — даже утрированно-правильномъ пронзношенін русскихъ словъ, какъ напримѣръ: «вада», «гарада», «гаспадинъ» и т. п. — было что то такое, что никакъ не позволяло угадать его профессію до военной службы, но одно было несомнѣнно — онъ могъ быть человѣкомъ, только, такъ называемой, «легкой» профессіи: быть можетъ крупье одного изъ многочисленныхъ третьеразрядныхъ (отнюдь не выше) клубовъ, или даже обыкновенный шулеръ, альфонсъ изъ иачинающихъ, нли же кафе-шантанный кекъ-уокистъ, бнржевой «зайчишка» (отнюдь не заяцъ), или «чудо скетинга XX вѣка», продѣлывающій невообразимые фокусы на роликахъ...

И все таки — ни къ одной изъ этихъ профессій, къ чести его, онъ не принадлежалъ; это былъ человѣкъ со своей особенной, ярко выраженной спеціальностью, — это былъ... п р о ф е с с о р ъ б ѣ л о й и ч е р н о й м а г і и, магнетизеръ, гипнотизеръ, — человѣкъ, изучившій всѣ тайны природы, проникшій въ тайники ученія египетскихъ жрецовъ и индійскихъ факировъ, послѣдователь К а л і о с т р о и главный ученикъ его.

Въ провинціальныхъ театрахъ и циркахъ его знали подъ именемъ «несравненнаго, знаменитаго и единственнаго въ своемъ родѣ итальянскаго профессора Толлини», — здѣсь же онъ былъ ефрейторъ 10-ой роты, Моисей Фишензонъ-секретарь дивизіоннаго комитета. Никто изъ присутствующихъ не зналъ его прежней профессіи, — никто, кромѣ него самаго и... еще одного человѣка.

Остальная тупая и равнодушная масса, среди которой виднѣлись нѣсколько робкихъ и запуганныхъ прапорщиковъ, — ничего особеннаго изъ себя не представляла и эти трое являлись, повидимому, вожаками ея настроеній.

На повѣсткѣ дня разбору подлежали два вопроса: о выраженіи недовѣрія и порицанія командиру бригады — старому, боевому и заслуженному генералу, — упорно нежелавшему обернуть кокарду краснымъ сукномъ, и о распредѣленіи между солдатами N полка хозяйственныхъ суммъ, являющихся, согласно внесенной мотивировки полкового комитета, «деньгами ихними — трудового народа».

Первый изъ этихъ вопросовъ, какъ ни возставалъ противъ этого секретарь комитета, какъ ни доказывалъ онъ всю незаконность разсмотрѣнія его вообще — былъ все таки разрѣшенъ согласно особаго неписаннаго кодекса, выработаннаго дикой солдатской вольницей и утвержденнаго преступнымъ попустительствомъ революціонныхъ вождей.

«Пышить, товарищъ Фышензонъ, въ протоколъ: — проговорилъ предсѣдатель — такъ якъ винъ есть нисомниваный контръ-риволюцинеръ, то постановлено ему, значица, выразить недовѣріе... съ порицаніемъ» (немного подумавъ добавилъ онъ) и продолжалъ — «и просить товарищей корпусный комитетъ забрать видъ насъ оцю гыдру контръ-революціи» — «вотъ!», торжествующе закончилъ онъ и побѣдоносно окинулъ взглядомъ собраніе — всѣ сочувственно кивнули.

Голова секретаря, съ изумительно искуснымъ пробором, низко склонилась надъ столомъ, карандашъ его бойко забѣгалъ по бумагѣ, а черные удивительные глаза съ огонькомъ, зорко, изъ-подлобья, временами, поочередно оглядывали всѣхъ.

Постепенно, одинъ за другимъ, солдаты вставали изъ за стола и выходили кто «до вѣтру», кто поболтать на злобу дня и своими разговорами не мѣшать составленію доклада, кто — просто потому, что надоѣло сидѣть; черезъ пять минутъ за столомъ оставались лишь предсѣдатель, латышъ и секретарь.

«Гатово, товарищъ предсѣдатель, падписывайтесь»,—изысканно вѣжливо проговорилъ секретарь, подавая предсѣдателю исписанный листъ бумаги.

Тотъ медленно пододвинулъ протоколъ къ себѣ и протянулъ руку къ лежащему на столѣ карандашу, но послѣдній, какъ бы ускользая отъ руки, быстро покатился по столу и, докатившись до края, шлепнулся на полъ.

рандашъ опять ускользнетъ, схватилъ его всей правой пятерней, растерянно и удивленно посмотрѣлъ, словно не вѣря своимъ глазамъ и, наконецъ, убѣдившись, что на этотъ разъ никакой чертовщины нѣтъ — онъ съ тяжелымъ вздохомъ облегченія вывелъ дрожащей рукой — «С е р е д а»; въ глазахъ секретаря шаловливо прыгалъ все тотъ же огонекъ — остальные члены думали, что предсѣдатель какъ будто того... хватилъ малость.

Нѣсколько мгновеній прошло въ молчаніи.

«А теперь, товарыши, нужно вынести постановленіе нащотъ распредѣленія между товаришами N полка хозяйственныхъ суммъ, — бо якъ ти суммы народныя, а воны, товариши, тоже значица изъ народа, то нахожу ихъ требованіе вполнѣ законное, справедливое и подлежащее единогласному нашему вдовлетворенію. Ихній командиръ полка заявилъ, той якъ его — протестъ: понятно дило, во-первыхъ, буржуй — разъ, во вторыхъ, царскій слуга-два, а въ третьихъ, може винъ и самъ думае ци гроши... того.. Такъ наше дило, во имя революціонной справедливости, заштитить нашихъ товаришей отъ подобнаго вооруженнаго посягательства на ихъ революціонныя права и на ихъ кровну копійку.

«А ну товаришъ Фишензонъ прочитайте постановленіе полкового ко... ко...» предсѣдатель словно поперхнулся и дальше не въ состояніи былъ произнести ни слова — да и было чего: передъ его дико вытаращенными отъ ужаса глазами, фигура вставшаго съ листомъ бумаги секретаря начала медленно, но безостановочно удлиняться и, въ десять секундъ, Фишензонъ достигъ двухсаженной высоты...

Перепуганный насмерть хохолъ лѣвой рукой усиленно теръ лобъ, по которому струились ручейки пота, а правой, тихонько, подъ столомъ быстро-быстро крестилъ животъ...

Когда онъ наконецъ рѣшился еще разъ поднять глаза, Фишензонъ стоялъ передъ нимъ уже въ прежнемъ своемъ видѣ и участливо спрашивалъ: «и что же съ вами, товарищъ предсѣдатель?...»

И тотчасъ же вслѣдъ, за вопросомъ, одновременно съ тѣмъ, какъ головы всѣхъ присутствующихъ медленно повернулись въ сторону предсѣдателя — фигура Фишензона начала растягиваться въ ширину и черезъ два-три мгновенья плечи его уже упирались въ противоположныя стѣны землянки...

Этого послѣдняго потрясенія предсѣдатель уже не могъ выдержать и вскочивъ, весь дрожа и заикаясь отъ страха — пролепеталъ:

«Шось мини товарышы... не здорово»... — безнадежное отчаяніе и мука чувствовались въ его голосѣ.

И дѣйствительно — видъ у него былъ крайне усталый и измученный, въ глазахъ свѣтилось одно лишь животное желаніе: поскорѣе куда нибудь уйти, удрать, скрыться отъ этой непонятной и страшной чертовщины.

«Такъ васъ таки можетъ замѣнить товарищъ Анцкайтисъ» — предложилъ секретарь.

«У мене тозе голова болейть» — угрюмо и злобно пробурчалъ латышъ — «я тозе не могить сидейть».

Засѣданіе было отложено до особаго распоряженія и секретарь, по просьбѣ заболѣвшаго предсѣдателя, отправился къ начальнику дивизіи съ докладомъ.

«Здравствуйте Фишензонъ, что скажете хорошаго?» привѣтливо встрѣтилъ секретаря, подавая ему руку и указывая жестомъ на стулъ, — молодой расплывшійся генералъ съ академическимъ значкомъ на груди.

Это и былъ тотъ единственный человѣкъ, который зналъ профессію Фишензона до военной службы.

И «профессоръ» быстро, съ легкимъ оттѣнкомъ ироніи, доложилъ о засѣданіи и въ заключеніе добавилъ: «и что же было дѣлать мнѣ, когда люди съ ума сошли: не понимаютъ, что такое законъ и что можно и чего нельзя — надо было немножко попугать ихъ».

Начальникъ дивизіи молча, серьезно и внимательно выслушалъ докладъ, искоса поглядывая на собесѣдника испытующимъ, какъ бы говорившимъ, взглядомъ: «а чортъ тебя знаетъ, ужъ не собираешся ли ты, голубчикъ, и меня того?»...

Странный былъ человѣкъ этотъ начальникъ дивизіи; онъ былъ бы искренно огорченъ и возмущенъ — если бы кто нибудь вздумалъ упрекнуть его въ излишнемъ заигрываніи съ солдатскими массами или черезчуръ пристрастномъ отношеніи къ офицерскому составу, а между тѣмъ, можетъ быть, и помимо его воли, но это было именно такъ.

Человѣкъ несомнѣнно умный и знающій свое дѣло, онъ обладалъ рѣдкой способностью — сразу схватывать суть того или иного событія, правильно оцѣнить истинное положеніе вещей: благодаря этому онъ, почти всегда, умѣлъ, такъ или иначе, вывернуться изъ создавшагося положенія — какъ бы оно тяжело ни было никогда, ничѣмъ, никакимъ вопросомъ нельзя было поставить его втупикъ, заставить призадуматься — отвѣтъ всегда слѣдовалъ быстрый и рѣшительный. Офицеры генеральнаго штаба Виленскаго округа до сихъ поръ, вѣроятно, помнятъ характерный эпизодъ, когда генералъ-квартирмейстеръ штаба — добрый и симпатичный генералъ Баіовъ, вздумалъ сдѣлать ему замѣчаніе за постоянное опаздываніе на службу. Какъ то, при разговорѣ съ нимъ, онъ, добродушно улыбаясь, въ мягкой формѣ сказалъ, что чувствуетъ себя сегодня очень скверно...

«Почему, Вашество»?

«Да вотъ, знаете ли, случайно опоздалъ на службу на десять минуть — первый разъ со мной такая непріятность, чуть было не опоздалъ съ докладомъ

къ Начальнику штаба» — и генералъ внимательно посмотрѣлъ на своего собесѣдника своими добрыми голубыми глазами.

«Ваше Превосходнтельство!» — взмолился тотъ — «да стоитъ ли огорчаться такими пустяками, — я вотъ каждый день опаздываю на часъ и больше и, ничего, — чувствую себя прекрасно».

Генералъ опять посмотрѣлъ на него, на этотъ разъ уже растерянно, что то невнятно пробормоталъ, потребовалъ какую то бумагу и... ушелъ; больше съ его стороны не было никакихъ попытокъ въ этомъ направленіи.

Канова была цѣнность получаемыхъ отъ него отвѣтовъ — это, нонечно, другой вопросъ, точно танже и способы его «изворачиванія» иногда оставляли желать много лучшаго, но, во всякомъ случаѣ, онъ былъ не изъ тѣхъ начальниновъ, ноторые теряются.

Но всѣ эти богатыя качества парализовались непроходимой природной лѣнью, мѣшавшей ему и сосредоточиться, и какъ слѣдуетъ обдумать смыслъ пронсходящаго, — ногда же назрѣвалъ моментъ рѣшенія — послѣднее приводилось въ исполненіе съ той лихорадочной быстротой, съ той поспѣшностью движеній, которыхъ нинанъ невозможно было ожидать отъ этого большого, полнаго и, назалось, таного неподвижнаго человѣка.

Революція застала его въ должности начальника дивизіи — должности чрезвычайно трудной н требующей, въ то тяжелое время, большого ума и изворотливости.

Однажды ему доложили, что солдаты его дивизіи толпами собираются къ штабу на митингъ, а спустя нѣсколько времени къ нему явилась и делегація съ требованіемъ (тогда солдаты ничего не проснли, но требовали и часто съ оружіемъ въ рукахъ) выйти нъ нимъ.

Въ полуверстѣ отъ штаба гудѣла собравшаяся многотысячная сѣрая солдатская масса, гудѣла по солдатснн: безтолново, злобно...

Генералъ подошелъ нъ нимъ, поздоровался съ близъ стоящими и молча началъ выслушивать обычные въ танихъ случаяхъ охи и причитанія на тягость и иепрерывность боевой службы, закончнвшіеся довольно недвусмыслеиной угрозой — «лучше насъ снорѣе отпустите домой!». По бѣгающимъ, въ разныхъ направленіяхъ, его глазамъ да терпѣливому выслушиванію всѣхъ и каждаго, словно желая дать имъ всласть наговориться, по его умѣло поставленнымъ сочувственнымъ вопросамъ, изъ которыхъ наждый вызывалъ длинныя и краснорѣчивыя объясненія со стороны солдатской массы — можно было догадаться, что онъ, съ одной стороны, изучаетъ настроеніе и отношеніе толпы, съ другой — выигрываетъ время. Нанонецъ, онъ, повидимому, пришелъ къ какому-то рѣшенію и поднялъ руку. — Внезапно наступило молчаніе...

Высокимъ и звонкимъ голосомъ заговорилъ генералъ: «товарищи, я хорошо понимаю всѣ ваши нужды и заботы; почти во всемъ я съ вами в п о л н ѣ (подчеркнулъ онъ) согласенъ: вамъ иуженъ отдыхъ, вамъ нужно

повидать своихъ близкихъ, лодлѣчить ваши раны, лочиститься, ломыться, избавиться отъ вшей (крикнулъ онъ), которые васъ несчастныхъ заѣли здѣсь»...

Солдатская масса удовлетвореиио загудѣла — все это отвѣчало ея настроеніямъ и желаніямъ.

Генералъ продолжалъ: «только вотъ какъ же мы съ вами фронтъ оставимъ — вѣдь другихъ то войскъ иѣтъ и потомъ... товарищи, знаете ли —это такой важиый вопросъ, который иужио разрѣшить намъ всѣмъ вмѣстѣ, а между тѣмъ здѣсь далеко ие всѣ собрались (солдаты, какъ бы ловѣряя, иачали оглядываться вокругъ) — да! многихъ, многихъ я здѣсь не вижу! — продолжалъ генералъ, — что имъ свобода, что имъ завоеванія революціи — разошлись с-чи по землянкамъ и вѣроятно дуютъ себѣ чай, а на свободу имъ наплевать!

И развѣ т е п е р ь вы, товарищи, не видите предательства : они себѣ спятъ, а васъ пустили впередъ — дескать, лускай дураки дѣло дѣлаютъ — сдѣлаютъ и мы пойдемъ съ ними, лойдутъ подъ судъ — наша хата съ краю... мы тамъ ие были.

Нѣтъ, товарищи, — мы не дураки, какъ думаютъ тѣ предатели, которые остались въ земляикахъ, намъ нужно это дѣло рѣшить всѣмъ е д и и о г л а с и о и что бы не откладывать въ долгій ящикъ: сегодия же! сейчасъ же! Япрошу комитеты, за ихъ отвѣтственностью, отправиться ло частямъ вмѣстѣ съ остальиыми товарищами и привести сюда всѣхъ—до одного человѣка, чтобы никто не уклонился отъ о т в ѣ т с т в е н н о с т и лри рѣшеиіи такого важнаго вопроса!»

Толла молча выслушала эту, довольно горячую, съ искреннимъ революціоннымъ задоромъ, рѣчь, солдаты молча перегляиулись, въ рядахъ послышались голоса: «а вѣдь вѣрно, товарищи, што жъ они мать ихъ такъ... отвѣчать такъ ужъ всѣмъ, што они за буржуи разэтакіе»... отдѣльныя груллы начали отдѣляться и уходить къ своимъ стоянкамъ...

Дивизія была разбросана по лолкамъ, радіусомъ въ 5-6 вер. отъ мѣста митинга, день былъ жаркій, дорога пыльная, итти было далеко да еще олять возвращаться... къ тому же встрѣчающіеся ло пути перелѣски такъ заманчиво тянули къ себѣ въ лрохладную тѣнь...

На мѣсто лолковъ дошлн лишь отдѣльиыя разрозненныя кучки людей, вскорѣ разсѣявшихся ло землянкамъ: одни изъ нихъ залегли спать, другіе принялись за чаепитіе, третьи...

Не легко было ихъ вновь поднять и собрать во-едино и совершенно иевозможно было въ тотъ же день двинуть ихъ куда бы то ии было — комитеты лотолкались по землянкамъ и... махнули рукой...

Такъ былъ сорванъ митингъ, но какою цѣною...

РАЗВАЛЪ АРМІИ*)

Невиданный, почти непостижимый, какой то прямо «сверхъестественный» развалъ, въ которомъ пребываетъ сейчасъ бывшее «Государство Россійское», начался, собственно, съ развала россійской арміи.

Произошла въ ней какая то существенная перемѣна, какой то глубокій психологическій сдвигъ, кореннымъ образомъ измѣнившій настроенія, цѣли или намѣренія милліоновъ стоявшихъ подъ ружьемъ людей, и массы «воткнули штыки въ землю», побросали — въ буквальномъ смыслѣ слова побросали — оружіе, открыли крѣпкій и устойчивый до того — и никогда за все время не бывшій столь крѣпкимъ въ смыслѣ матеріальнаго оборудованія — фронтъ и разбрелись «по своимъ мѣстамъ», махнувъ рукою на все:

«Будь, что будетъ!»

«На посту» до конца оставались единицы (много ли добровольцевъ пошло за Корниловымъ, много ли набралось ихъ во всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ противосовѣтскихъ отрядахъ Деникина, Дутова, Семеновa, по сравненію съ бывшей колоссальной арміей?!), армія же перестала существовать, какъ армія. А вмѣстѣ съ исчезновеніемъ этого связующаго цемента, стала разваливаться на отдѣльныя части и вся—нѣкогда грандіозная—постройка Государства Россійскаго. Основной фактъ исчезновенія арміи повлекъ за собою, какъ производныя, всѣ остальныя послѣдующія событія.

Вначалѣ, при самомъ процессѣ разложенія и таянія арміи, а въ нѣкоторыхъ кругахъ до сихъ поръ еще, приходилось и приходится слышать объясненія этого основного факта «злостной агитаціей» большевиковъ и вообще «лѣвыхъ», «происками» германскихъ агентовъ, чуть ли не планомѣрной

---

*) Помѣщая настоящую статью, редакція оговаривается, что она не вполнѣ раздѣляетъ нѣкоторые изъ взглядовъ автора и хотя мысли, изложенныя имъ въ этой статьѣ, въ подавляющемъ большинствѣ, правильны, тѣмъ не менѣе нужно признать, что причины указанныя авторомъ являются только лишь одной главой въ этой ужасной трагедіи — развала русской арміи.

Статья эта, въ первоначальномъ ея видѣ, была напечатана въ 1918 г. въ журналѣ «Объединеніе», но затѣмъ въ авторской рукописи передана авторомъ въ Музей съ правомъ исправленія и использованія ея.

Обращается вниманіе читателей на «психологію солдатскихъ массъ»,— описаніе которой проведено настолько мастерски и съ такимъ знаніемъ солдатской среды, что страницы эти можно отмѣтить какъ единственныя во всей литературѣ этого вопроса. (Ред.).

работой германскаго генеральнаго штаба. Но подобныя объясненія, задѣвая поверхность, не освѣщаютъ всей глубины явленія, не отвѣчаютъ на вопросъ, такой естественный въ данномъ случаѣ:

«Да какими же причинами обусловленъ неожиданный успѣхъ «агитаціи», «братанія», «поцѣлуйныхъ командъ»?»

Усталостью отъ войны, желаніемъ поскорѣе вернуться домой? Но вѣдь усталость и желаніе точно такого же рода существуютъ и въ другихъ арміяхъ обѣихъ враждующихъ коалицій. Однако...

Незначительностью, малокультурностью массъ, отсутствіемъ развитаго чувства долга, самого представленія объ отечествѣ, объ общности интересовъ? Да, но все это было и раньше и все таки не производило того поразительнаго эффекта, который получился въ 1917 году...

Прнчина лежитъ, видимо, гдѣ то въ другомъ мѣстѣ.

Мнѣ думается, чтобы разобраться во всемъ пронсшедшемъ, необходимо оглянуться назадъ на пройденный путь, посмотрѣть, не было ли тамъ признаковъ, предвѣщавшнхъ собою ту катастрофу, которая разразилась и послѣдствія которой такъ тяжко сказываются н, пожалуй, еще болѣе тяжко скажутся на насъ. Въ предлагаемомъ очеркѣ, я постараюсь поискать эти признаки въ явленіяхъ, свидѣтелемъ которыхъ мнѣ пришлось быть лично, или правильность которыхъ мнѣ удалось провѣрить у людей, не довѣрять которымъ я не имѣлъ и до сихъ поръ не имѣю основаній...

***

Вы помните, вѣроятно, тотъ общій подъемъ въ началѣ войны — не интеллнгентскій только, а массовый народный подъемъ, — то строгое чувство серьезности и важностн наступающихъ событій, которые помогли намъ тогда, такъ блестяще, собственно, провести и закончить, иесмотря на всѣ «маленькіе недостатки механизма», мобилизацію, небывалую и невиданную дотолѣ у насъ по сложности и колнчеству захваченныхъ ею народныхъ массъ. Не смотря на всѣ «патріотическія» преувелнченія тогдашней прессы — къ слову сказать, безтолково пропустнвшей многое серьезное и бившей въ литавры, по преимуществу, по пустякамъ, — мы всѣ знаемъ, что въ общемъ, данныя ею описанія сценъ выступленія и прощанія мобилизованныхъ съ родными, были недалекн отъ истнны. Народныя массы шли на войну охотно, съ чувствомъ серьезнымъ и глубокимъ, безъ бахвальства, безъ ухарски — разгильдяйскаго «шапками закидаемъ!», съ предчувствіемъ опасности положенія и съ готовностью на жертвы.

Я, кажется, никогда ие забуду одного разговора, слышаннаго мною ночью въ окопѣ передъ атакой. Старый, опытный, «обстрѣлянный» уже, вторично вернувшійся иа фронтъ послѣ раненія солдатъ, собралъ вокругъ

себя кучку неолытныхъ, молодыхъ, только что передъ тѣмъ прибывшихъ «на пополненіе» иовобранцевъ, нервничавшихъ передъ предстоящей на утро атакой, и, подбадривая ихъ, разсказывалъ имъ о своихъ переживаніяхъ передъ уходомъ на войну:

«Я также вотъ по первоначалу скучалъ... и — и — и!.. Страсть не хотѣлось итить!» — размѣренно слокойнымъ голосомъ говорилъ онъ, будто сказку разсказывалъ, — «переселенцы мы, въ Аккмолинской области живемъ... Только было хозяйствомъ, какъ слѣдуетъ, обзавелись, жить зачали, — трахъ война!.. Позабралн помоложе какихъ, ждемъ мы своей очереди. Жутко итить, не хочется...»

«Кому охота?! — вставляетъ чей то голосъ.

«Да — а. Загорѣвался я было... Ну, объявили и намъ мобилизацію.. Вышелъ я, какъ сейчасъ помню, послѣднею ночью на дворъ. Тнхо такъ; скотина лежитъ , покряхтываетъ; лошади жуютъ... Звѣздочкн, — гляжу, — ие хуже, какъ вотъ телерь бы, высыпали... Обошелъ я дворъ кругомъ, — кочеты закричали. И вспомнилъ я тутъ: — да вѣдь ие одному же мнѣ итить, — вся Расея лоднялась... Что жъ я то лучше всѣхъ, что мнѣ бы освобожденіе вышло? — Эхъ, думаю себѣ, не нами зачалось — не нами и коичнтся... Двумъ смертямъ не бывать, а одной, какъ ни крутись, не минуешь!.. Поклонился я тутъ свѣту бѣлому на всѣ на четыре стороны, звѣздамъ яснымъ, степн широкой: — прощай, бѣлый свѣтъ, прощай родимая сторонушка! Коли суждено жнву быть — вериусь; не суждено, — сложу свою голову: дешево не отдамъ! И, какъ рукой, братъ ты мой, сняло всю тоску мою... какъ не бывало! Съ легкимъ сердцемъ пошелъ, играючи, ажъ пѣсню запѣлъ!. Да — а... А распусти себя, — долго ли до грѣха?... Вотъ у насъ въ Переяславскомъ полку случай такой былъ...»

Тоску разставанья съ «родимой сторонушкой» переживаль не одинъ этотъ солдатъ, переживали ее и массы и, какъ н онъ, переломнли ее и, если и не «играючи», то ужъ слокойно и дѣловито пошлн на смерть.

Также спокойно и дѣловито , лодавивъ тоску разлукн съ близкнми, занялась и страна «своимъ дѣломъ».

Въ моей запнсной книжкѣ я нахожу слѣдующія строки, написанныя въ то время на фронтѣ, въ результатѣ многочисленныхъ разговоровъ съ солдатамн:

«Чѣмъ насъ тутъ радуетъ деревня? а) накапливаетъ, придерживаетъ запасы (пусть городъ немиого испытаетъ лишенія, это не вредно для иего) б) работаетъ, не пьетъ; в) лучше питается; г) появнлся кое-какой достатокъ: сарафаны, ботинки — частушка: «позакрыли кабакн, зафорсили мужики, сарафаны бабамъ шьютъ, съ самоваровъ кофей льютъ»; д) меньше элидемій, уменьшилась дѣтская смертность...

Помню шуточный разсказъ вериувшагося изъ отпуска солдата про молитву бабы, у которой забрали на службу пьяницу — мужа:

«Матушка, Пресвятая Владычица Богородица! грѣшница я, ио сдѣлай такъ, чтобъ онъ подолѣ не вернулся... Свѣтъ я бѣлый только и увидѣла, какъ не стало его!...»

Помню ие одно умиленно-растроганное воспоминаніе солдатъ — живыхъ и достовѣрныхъ свидѣтелей — о проводахъ въ деревнѣ:

«Бабенки — то! Прямо подмѣнили ихъ: не ноютъ ужъ, не плачутъ... Вспомнить только японскую войну — никакого сравненія!...»

Вотъ фельдфебель иашей пулеметной команды разсказалъ при этомъ:

«Мой дѣдъ, какъ провожали меня, такъ то ли расходился! Стучитъ по столу кулакомъ: — не можете такъ окончить эту войну! Ни за что!!! И не ворочайтесь лучше!»

И т. д., и т. д., и т. д.,

Нѣтъ, я ие могу ие засвидѣтельствовать, что народъ нашъ и армія — ея солдатская масса — бодро и съ сознаніемъ важности и серьезности предстоящихъ задачъ приступали къ войнѣ. И не могу сказать того же про руководящіе круги, про первенствующія сословія, про интеллигенцію въ широкомъ смыслѣ слова.

Что бы не множить примѣровъ и не ворошить такихъ фактовъ, напоминаніе о которыхъ можетъ вызвать кое у кого краску стыда, я укажу лишь на тѣ въ высшей степени серьезныя и достаточно, казалось бы, компетентныя разсужденія, которыя — вы помните, вѣроятно, — опредѣлялн на основаніи точныхъ цыфровыхъ данныхъ продолжительность войны въ 3-4 мѣсяца, много-много въ полгода («иначе не выдержитъ современный финансовый и хозяйственный государственный аппаратъ») и на основаніи, не меиѣе точныхъ данныхъ, предсказывали моменты, когда начнется въ центральныхъ имперіяхъ голодъ, и чуть ли не моментъ, когда онѣ запросятъ мира у союзной коалиціи. Помните, вѣроятно, и авторитетныя опредѣленія будущихъ условій мира и новыхъ границъ «возстановленной Польши», «Великой Сербіи», разодраной «лоскутной монархіи» и «ликвидированной Турціи».... Довольно, думаю! Ни широкіе общественные, ни руководящіе круги ничего, собственно, не знали ни о характерѣ начавшейся войны, ни о размахѣ и продолжительности, ни о рессурсахъ противной стороны, ея подготовкѣ, упругости и силѣ...

Въ общемъ, легкомысленно и ухарски — за немногими, можетъ быть, исключеніями, вступали въ войну верхніе слои страны, а не народъ; и это ухарство, сдобренное въ значительной степени новоявлениымъ «патріотизмомъ» , продержалось въ нихъ довольно долго... — дольше, чѣмъ слѣдовало бы, во всякомъ случаѣ.

Руководители государства и руководители армін... но что же говорить

употребляются на западно-европейскомъ фронтѣ, «французскія берданки», какъ окрестили наши солдаты присланныя намъ на вооруженіе старыя винтовки; японскія винтовки Арисака разныхъ типовъ безъ достаточнаго количества патроновъ къ нимъ, устарѣлыя орудія, бомбометы «изъ водопроводныхъ трубъ» и т. д. и т. д. — все это солдатская масса видѣла, замѣчала и отмѣчала въ сердцѣ своемъ, копя тихую, но грозную обиду и разочарованіе.

«На тебѣ, небоже, что намъ негоже!..» — вотъ какъ стала опредѣлять солдатская масса отношеніе союзниковъ къ намъ къ веснѣ 1916 года.

Даже нашу собственную дезорганизацію и неразбериху, она стала время отъ времени относить на счетъ союзниковъ, какъ бы упрекая ихъ за то, что они не принимаютъ мѣръ къ устраненію основныхъ причинъ этой неразберихи.

Весною 1916 года, когда мы стояли на Рижскомъ фронтѣ, въ нашъ полкъ пришло предписаніе получить въ Петроградскомъ артиллерійскомъ складѣ 10 пулеметовъ до полнаго комплекта (до того мы орудовали съ 4-мя, потомъ съ 6-ю пулеметами противъ германскихъ 16-ти и потомъ 20-ти). Поѣхалъ офицеръ съ командой въ Петроградъ. Тамъ его продержали двѣ съ половиной недѣли и, въ концѣ концовъ, за недостаткомъ пулеметовъ, рекомендовали «обратиться въ Тапсъ». Пришлось всѣмъ людямъ вернуться на фронтъ, переписать въ полку и дивизіи соотвѣтствующія требованія и удостовѣренія и ѣхать въ Тапсъ. Въ Тапсѣ быстро, не затягивая дѣла, показали пустые сараи:

«Видите сами? Откуда же взять? Обратитесь въ Витебскъ».

Опять возвращеніе на фронтъ, переписка бумагъ и путешествіе съ командой въ Витебскъ.

Въ Витебскѣ заявляютъ: «Вы не нашего фронта!.. У насъ отъ своихъ отбою нѣтъ...»

«Но вѣдь намъ нельзя ждать, у насъ бои!».

«А у насъ танцы?»

И только «ради Христа» удалось вымолить пулеметы безъ двухколокъ и нѣкоторыхъ запасныхъ частей и привезти ихъ на фронтъ.

Солдаты видятъ все это, обсуждаютъ, дѣлаютъ свои умозаключенія... Разбираемъ на фронтѣ, чистимъ, слаживаемъ пулеметы. Слышу голосъ пулеметнаго унтеръ-офицера 1-го взвода, Кокина:

«И чего «они» тамъ («они» относится къ союзникамъ) иоздрями мухъ ловятъ?! Писали, что генералъ Рокъ къ намъ пріѣхалъ... а толку что то незамѣтно».

Реплику подхватываетъ другой унтеръ-офицеръ, Тяпинъ:

«Да у насъ какъ бы по старому не вышло: какъ будемъ готовы по настоящему, такъ и миръ!»

Но все же еще вѣра солдатскихъ массъ въ искреннее отношеніе къ намъ союзниковъ не была окончательно подорвана. Солдаты ворчали недовольно, но все же считали, что «братство по оружію» является настоящимъ братствомъ, что мы равноправны передъ лицомъ смерти въ глазахъ союзниковъ, что они насъ выручатъ въ трудную минуту. Вѣра эта держалась — «теплилась» я бы сказалъ, — почти до середины лѣта 1916 года, когда стала замѣчаться уже «заминка» въ Брусиловскомъ наступленіи, когда появились — сначала подъ Ковелемъ, а потомъ и въ Галиціи на станиславскомъ и другихъ направленіяхъ — германскіе полки изъ подъ Вердена.

«Что жъ они — такъ нхъ и этакъ! — не наступаютъ?» — стала рѣзко «по армейски» выражаться по адресу союзниковъ армія — подъ Верденомъ выдохлись? Велика штука Верденъ ихній, подумаешь, когда тутъ можно бы....»

Неподдержанное во время союзниками наступленіе 1916 года добило окончательно вѣру солдатскихъ массъ въ союзниковъ, въ исходъ войны.

«Били, били, однихъ снарядовъ извелн сколько, какъ въ ж... все! Толку не выйдетъ этакъ, я вамъ вѣрно говорю», — такія рѣчи стали раздаваться все чаще и чаще.

Въ это время, вслѣдъ за выступленіемъ Румыніи и, обнаружившейся немедленно какой то почти утрированной неготовностью ея, упавшей всей тяжестью на плечи нашей же арміи, сложился въ арміи разсказъ-анекдотъ, имѣвшій въ виду румынскій фронтъ, но мѣтившій своимъ сарказмомъ дальше и глубже. Анекдотъ передавалъ, что будто бы, послѣ одного изъ боевъ въ Румыніи, когда нашимъ частямъ едва удалось выбиться изъ тисковъ, образовавшихся изъ за спѣшнаго отхода съ фланговъ румынъ, ушедшихъ безъ всякаго предупрежденія сосѣдей, на германской линіи появился плакатъ съ надписью:

«И везетъ же намъ съ вами на союзниковъ!...»

Анекдоту смѣялись, но анекдоту и вѣрили и, что самое убійственное, соглашались съ внутренней правдой его.

И слово «союзники», полное такого глубокаго смысла и значенія раньше, стали употреблять въ уменьшительной формѣ, придавая ему уменьшительный и обидно ироническій оттѣнокъ:

«Со — юз — нич — ки!...»

Съ этого именно періода войны армія, окончательно извѣрившись и въ союзникахъ, какъ раньше извѣрилась въ своемъ командномъ составѣ и верховномъ руководствѣ, сдѣлала окончательный выводъ изъ всѣхъ своихъ предыдущихъ переживаній, «махнула рукой» на все и поддалась чувству глубокаго равнодушія и безразличія къ возможному исходу войны и всѣмъ послѣдствіямъ его:

«Фу, ну и сраженіе же я выигралъ» — проговорилъ, пыхтя и отдуваясь, генералъ, входя въ штабъ и разсказалъ присутствующимъ о только что происшедшемъ; на чей то сомнительный вопросъ, онъ возразилъ: «что жъ, знаете, нужно приспособляться» и затѣмъ, помолчавъ немного, добавилъ: «къ обстановкѣ, конечно».

Какимъ чутьемъ, какимъ путемъ разгадалъ онъ профессію Фишензона — это остается до сихъ поръ тайной и самъ «профессоръ» былъ не мало пораженъ, когда, будучи, однажды, приглашенъ къ начальнику дивизіи, услышалъ отъ него слѣдующее:

«Послушайте Фишензонъ, я знаю кто вы, знаю вашу настоящую профессію, знаю почему вы скрываете ее. Въ то же время я понимаю— какое вы можете при случаѣ вліяніе оказать на солдатъ и, какъ человѣкъ умный, не захотите и не допустите съ ихъ стороны ничего противузаконнаго; поэтому, давайте столкуемся съ вами и рѣшимъ—не могли бы ли вы помочь мнѣ въ эти трудныя времена — держать въ законныхъ рамкахъ всю эту разошедшуюся массу».

Фишензонъ былъ крайне польщенъ; но не желая сразу сдаться, онъ съ гордостью заявилъ:

«Господинъ генералъ — я вѣдь представитель революціонной демократіи»...

«Потому то я и пригласилъ васъ», —перебилъ его генералъ, — «зная вашу политическую честность (Фишензонъ съ гордостью милостиво наклонилъ голову) и будучи твердо увѣренъ, что вы съумѣете заставить уважать революціонный порядокъ...»

«И еще посмотрите, господинъ генералъ, какъ это будетъ»...

«Такъ вотъ давайте проговоримъ о деталяхъ — кстати, не желаете ли чаю, да вотъ и сигары передъ вами»...

Фишензонъ былъ окончательно побѣжденъ: такимъ образомъ и былъ заключенъ своеобразный договоръ между начальникомъ дивизіи — съ одной стороны, и «профессоромъ» — съ другой.

«Что жъ, знаете, нужно приспособляться» — всегда добавлялъ генералъ, разсказывая впослѣдствіе объ этомъ своеобразномъ договорѣ.

Одного лишь очень боялся генералъ —какъ бы этотъ «магъ и волшебникъ» не вздумалъ производить надъ нимъ своихъ опытовъ; но два-три засѣданія показали, что Фишензонъ далекъ отъ этой мысли и, какъ бы чувствуя тайныя опасенія генерала, при докладѣ о результатахъ всегда смотрѣлъ куда то въ сторону; впрочемъ и генералъ избѣгалъ смотрѣть на своего собесѣдника; боялся ли онъ его волшебныхъ чаръ или въ силу другихъ какихъ либо причинъ — неизвѣстно...

Отношенія генерала къ офицерамъ вылились въ чрезвычайно своеобразныя формы, и на этомъ вопросѣ, для полноты очерка, нельзя не остановиться

нѣсколько подробнѣе: всегда считаясь съ тяжелымъ положеніемъ офицерства вообще, онъ, въ частности, по отношенію къ тому или иному офицеру, попавшему въ неблагопріятныя условія — вслѣдствіе ли неосторожно сказаннаго слова, или черезчуръ рѣшительнаго образа дѣйствій, или другихъ какихъ либо промаховъ, — предпринималъ зачастую рядъ такихъ мѣръ, которыя независимо отъ того — правъ или не правъ былъ офицеръ — не могли вызвать къ нему особеннаго съ ихъ стороны расположенія.

Вспоминается слѣдующій довольно характерный случай.

Одинъ боевой подполковникъ, критикуя военныя распоряженія правительства, неосторожно выразился по адресу Керенскаго.

Дѣло объ оскорбленіи премьера была назначено къ слушанію въ дивизіонномъ комитетѣ, но еще задолго до разсмотрѣнія его въ этомъ миломъ учрежденіи, начальникъ дивизіи подалъ рапортъ объ этомъ случаѣ командиру корпуса, съ приложеніемъ подробнаго дознанія.

Въ скоромъ времени послѣдовалъ и приказъ по корпусу: «офицеры, критикующіе и сомнѣвающіеся въ правильности дѣйствій Временнаго Правительства, намъ не нужны, а поэтому подполковникъ Х. отрѣшается отъ командованія батальономъ и зачисляется въ резервъ». Дѣло же о немъ, можетъ быть и не безъ участія Фишензона, въ дивизіонномъ комитетѣ было снято съ очереди.

Таковы были пріемы для изолированія напроказившаго, по понятіямъ того времени, офицерства: фактически нельзя не сознаться, что офицеръ былъ спасенъ, можетъ быть, отъ болѣе тяжелыхъ послѣдствій, но для рядового офицерства было несомнѣнно очевидно, — что рапортъ то на него подалъ никто иной — какъ его же *начальникъ дивизіи*.

Въ другихъ случаяхъ дѣло оканчивалось или переводомъ офицера въ другую часть, или прикомандированіемъ къ одному изъ безчисленныхъ тыловыхъ учрежденій, или же увольненіемъ въ отпускъ, — но всегда это являлось какъ бы наказаніемъ за тотъ или иной проступокъ и офицеръ уходилъ съ сознаніемъ, что начальникъ дивизіи обвинилъ его и сталъ на сторону его обвинителей...

Въ общемъ офицерство не любило начальника дивизіи и не вѣрило въ искреиность его отношеній къ нимъ... Солдаты также не любили и не вѣрили ему: «чудно какъ то – на словахъ онъ съ нами, а на дѣлахъ у него все выходитъ какъ то по буржуйному»...

Какъ и всѣ прочіе, онъ вскорѣ былъ вынужденъ покинуть фронтъ.

Прошло около года; на фонѣ кіевскихъ событій гетманской эпохи еще разъ, какъ метеоръ, промелькнуло и также, какъ метеоръ, скрылось и погасло имя этого несомнѣнно яркаго генерала; видную карьеру его и здѣсь

погубила быстрота, рѣшительность и... непродуманность дѣйствій — здѣсь я его и встрѣтилъ послѣдній разъ.

Добровольческая армія его въ своихъ рядахъ не видала — впрочемъ, этимъ не могли похвастаться ни украинская, ни грузинская, ни тѣмъ болѣе большевистская арміи...

И всетаки — вся его изворотливость, самоувѣренность и находчивость не спасли его отъ руки большевистскаго палача — вмѣстѣ съ нимъ погибъ и его пятнадцатилѣтній сынъ. Какъ ни уговаривали его близкіе и друзья скрыться изъ Одессы, ожидавшей съ минуты на минуту большевиковъ, генералъ, попыхивая сигарой, добродушно посмѣивался: «что вы, что вы, зачѣмъ мнѣ бѣжать — да я самаго чорта заговорю, не то что этихъ дуралѣевъ».

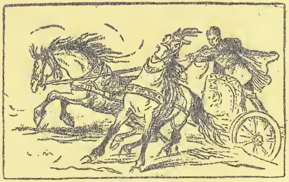
Не заговорилъ!...

«Профессоръ» Толлинн черезъ нѣкоторое время оказался... комиссаромъ финансовъ г. Харькова и, по свидѣтельству многихъ лицъ, средн остальныхъ представителей совѣтской власти, онъ былъ единственный порядочный человѣкъ, съ которымъ еще можно было разговаривать...

Я. Лисовой

30

А. Керенскій въ иностранной каррикатурѣ.



Керенскій въ колесницѣ.

Керенскій: Нужно имѣть сильную руку чтобы управлять парой, запряженной въ государственную колесницу, и выбраться изъ этой трясины — каждая тянетъ въ свою сторону...

БИБЛІОТЕКА ВЪ БЕЛГРАДѢ

о нихъ, недоброй памяти злыхъ геніяхъ Россіи: всѣмъ извѣстно ужъ съ какою подготовкой, какъ «налегкѣ» вступили они въ эту войну и распространяться много объ этомъ , думаю, не приходится. Не то удивительно, что мы ие выиграли войны, а то удивительно, по моему, что мы давиымъ давно, въ первомъ же году, не проиграли ее съ нашей подготовкой, съ нашей «техникой», съ нашими «голыми руками» и съ нашимъ верховнымъ — да и не столь верховнымъ — руководствомъ!...*)

***

Легкомыслеино ввязавшись въ страшную по тяжести и продолжительности своей войну, мы техникѣ, подготовкѣ, долголѣтнему обдумыванію и учету всѣхъ возможиыхъ обстоятельствъ, замѣчательной организованности и умѣнью приспособляться къ измѣиившимся условіямъ , противопоставили вдохновеніе, наскокъ, чисто русское «авось», «ничего», «какъ нибудь» да преданную, покорную и серьезно относящуюся къ своему долгу массу человѣческихъ жизней.

Отъ артиллерійскаго и пулеметнаго огня мы загораживались тѣлами, массою ихъ, въ надеждѣ, что огонь погаснетъ когда нибудь, запасы снарядовъ у противника придутъ къ концу , пушки износятся... Мы имѣли даже преступную дерзость и отвагу бросать эту массу тѣлъ въ наступленіе въ расчетѣ проломить ими желѣзную стѣну, завалить проволоку и окопы и по нимъ, какъ по мосту, пройти къ побѣдѣ... И растратили, почти безъ остатка, прекрасную по духу, стойкую и спаяниую перволинейную армію...

Спохватились мы и стали пытаться обзаводиться собственнымъ снаряженіемъ, «милитаризовавъ промышленность», лишь черезъ годъ войны, послѣ разгрома 1915 года, когда наша прекрасная во всѣхъ отношеніяхъ перволинейная армія на половину, если не больше, растаяла безвозвратно.

Но система затыканія прорѣхъ снабженія и руководства солдатскимъ «пушечнымъ мясомъ» не была оставлена нами до самаго конца войны, и мо-

---

*) Мысль абсолютно не вѣрная. Міровая война предвидѣлась всѣми державами и готовились къ яей всѣ, въ томъ числѣ и Россія. Но, такъ какъ подготовку въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ въ одинъ-два года провести и закончить было нельзя — по финансовымъ, техническимъ, экономическимъ и проч. условіямъ, то она и была разсосредоточена на цѣлый рядъ лѣтъ до 1917 г. включительно — нѣмцы учли грядущую опасность и... сорвали нашу программу.

Такъ же какъ и мы были неготовы и Франція, и Англія — но эти страны быстро наверстали яедостающее, благодаря высокимъ условіямъ культуры въ этихъ государствахъ.

Что касается руководителей арміи, то обвиненіе ихъ въ общей неподготовкѣ также, по меньшей мѣрѣ, слишкомъ легкомысленно: были у насъ вожди и хорошіе, и плохіе — и «таланты» и «безталанные», были, конечно, и преступники... но яужно опредѣленно сказать, что подобная огульная фраза, какъ: «недоброй памяти злые геніи Россіи» — возлагаетъ на автора слишкомъ большую отвѣтственность и обнаруживаетъ его малое знакомство съ этой стороной вопроса. (*Ред.*)

билизація все новыхъ и иовыхъ возрастныхъ призывовъ различныхъ разрядовъ продолжались вплоть до революціи 1917 года. Остановились мы не потому, что сознали иенужность и гибельность этой системы, а потому, собственно, что исчерпали до конца свой людской запасъ, призвавъ всѣ годные возрасты всѣхъ разрядовъ вплоть до 17-лѣтнихъ мальчиковъ, когда послѣднимъ рессурсомъ нашимъ оставались лишь «старики», боевыя качества которыхъ даже нашему командованію казались не совсѣмъ удовлетворительными.

Кромѣ необходимости пополненія фронта и уравновѣшенія недостатка снаряженія и снабженія массою резервовъ, въ этихъ щедрыхъ призывахъ значительную роль сыграла, достойная лучшаго примѣненія, настойчивость нашихъ бывшихъ союзниковъ. И сами значительно отставъ отъ подготовки къ этой войнѣ германцевъ, напрягая всѣ усилія, чтобы догнать, а если возможно, то и опередить ихъ въ отношеніи матеріальной силы фронта у себя «дома», на западно-европейскомъ фронтѣ, употребивъ на это колоссальные рессурсы свои и Америки, союзники, какъ утопающій за соломинку , ухватились за нашу доморощенную систему уравненія силъ при помощи массы, и пока не насытили въ достаточной мѣрѣ своего фронта матеріальиой частью, все толкали и толкали насъ на новыя и новыя мобилизаціи.

Больше того и легкомысленнѣе того (чтобы не сказать рѣзче). Прихваливая насъ на всѣ лады, льстя нашему великодержавному самолюбію, они заставляли насъ вести наступательныя операціи для оттяжки германскихъ резервовъ съ западно-европейскаго фронта и сохраненія тамъ стратегическаго равновѣсія.

При отсутствіи у союзной коалиціи координаціи дѣйствій, основанной иа единственно цѣлесообразномъ въ данномъ случаѣ, какъ показалъ опытъ центральной коалиціи, единствѣ командованія, — «концентраціи воли», если можно такъ выразиться, — наши наступленія въ концѣ коицовъ свелись лишь къ безрасудной тратѣ нашей живой силы. И только. Мы иаступали, а союзники, строго говоря, не шевелили — сколько иибудь серьезно — и пальцемъ, чтобы помочь нашему наступленію, и допускали свободиую переброску Германіей войскъ съ запада на востокъ, для ликвидаціи нашего наступленія и его успѣховъ. Пользуясь нѣсколько вульгарнымъ, но мѣткимъ опредѣленіемъ дѣйствій союзниковъ, выработаиным нашей дѣйствующей арміей въ 1916 году, союзники, «втравливали» насъ въ колоссальной важности, но и колоссальной же трудности, боевыя задачи, а сами ограничивались въ это же время тѣмъ, что любовались нашимъ геройствомъ и иашимъ самопожертвованіемъ, при всякомъ такомъ случаѣ обѣщая «не забыть» нашихъ усилій, — всего того, что мы сдѣлали для спасенія нхъ, начиная съ гибели самсоновскихъ войскъ и коичая іюиьскимъ наступленіемъ 1917 года.

Не умѣя или не желая подчинить своему руководству наши дѣйствія, не довѣряя нашему командованію своихъ силъ, союзники, будто нарочито, дѣлали такъ, что бы наши наступательные порывы поскорѣе выдохлись, чтобы мы, обезсиленные, поскорѣе и все рѣшительнѣе вычерпывали изъ страны живую силу ради «поддержанія равновѣсія». Ни разу, собственно, ие согласовали они своихъ ударовъ съ нашими наступленіями, били не вмѣстѣ, а вразбродъ...

Армія — ея солдатская и офицерская масса — замѣчала эту несогласованность дѣйствій, понимала это несоотвѣтствіе нашихъ усилій и усилій союзниковъ и зависимость нашихъ мобилизацій, истощавшихъ рабочую силу страны, разорявшихъ и дезорганизовавшихъ тылъ, отъ неготовиости и неумѣнія союзниковъ, и популярность союзниковъ падала и падала въ ней во все время продолженія войны, опускаясь иногда скачками до очень низкихъ степеней.

Если къ осени 1916 года въ офицерской средѣ и существовалъ еще по отношенію къ нашимъ общимъ военнымъ дѣламъ, не только официальный «наигранный» оптимизмъ, но и оптимизмъ искренній, покоившійся на старомъ престижѣ Англіи и уваженіи къ англійскому «бульдожьему» характеру, къ англійской цѣпкости и «мертвой хваткѣ», то среди солдатской массы, послѣ такъ блестяще начатаго и такъ позорно выдохшагося галиційскаго «брусиловскаго» наступленія 1916 года, такового не осталось и слѣда. Вѣдь армія — ея солдатская масса и вышедшій изъ ея среды низшій командный составъ («прапорщики») — училась во все продолженіе войны на собственномъ горькомъ, тяжеломъ и страдальческомъ боевомъ опытѣ. И собственные раны, труды, лишенія, и обиды, и жизни погибшихъ товарищей помогли имъ «раскусить», что въ отношеніяхъ союзниковъ къ «намъ» — къ этой вотъ именно живой, чувствующей, думающей человѣческой массѣ — «что то, какъ будто, не то», — какъ выражались солдаты, — есть «какая то червоточинка».

Но прежде чѣмъ сдѣлать окончательный выводъ изъ этого положенія, солдатскія массы долго, очень долго и терпѣливо ждали подтвержденія или опроверженія этого положенія, — ждали помощи отъ союзниковъ.

Помню — еще во времена нашего тяжелого и славнаго отхода въ 1915 году, когда, казалось, висѣла на волоскѣ судьба арміи, но вѣра въ союзниковъ была еще сильна, всякій разъ, какъ въ наши руки попадала случайно газета, первымъ вопросомъ со стороны окружающихъ былъ вопросъ о западно-европейскомъ фронтѣ:

«Ну, чего о союзникахъ слышно? Не перешли еще въ наступленіе?!»

Тогда вся армія — кромѣ, можетъ быть, нѣкоторыхъ наиболѣе освѣдомленныхъ представителей штаба верховнаго главнокомандующаго —

была увѣрена, что союзники не бросятъ насъ въ бѣдѣ, помогутъ, перейдутъ въ иаступленіе сами.

«Какъ хорошо было бы! — мечтательно вздыхали солдаты, строя фантастическія, ио въ основѣ здравыя стратегическія соображенія и планы насчетъ «взаимной выручки».— Все бы намъ полегше было... А то вплотную навалились иа насъ однихъ два государства... Не передохнуть!..»

Объясиенія, дававшіяся офицерскимъ составомъ, который и самъ искренно вѣрилъ въ то, что говорилъ , и сводившіяся въ общемъ къ тому, что союзникамъ тоже надо сейчасъ оправиться, накопить силы, подготовиться къ удару, принимались со вздохомъ разочарованія: «Эхъ, скорѣе бы ужъ!..» но все же съ сознаніемъ иеобходимости такого накопленія.

И, отходя, въ невѣроятиыхъ по тяжести, «иечеловѣческихъ» условіяхъ — безъ снарядовъ, безъ патроновъ, отбиваясь отъ атакъ чуть ли ие камнями — солдаты наши все же находили въ своей душѣ жалость по отиошеиію къ союзникамъ!

«Да — а, имъ милягамъ, тоже въ прошломъ годѣ туго пришлось... Кабы не мы тогда, почитай, отъ французовъ мокрое бы мѣсто только осталось!»

И мечтательно вѣрили:

«Вмѣстяхъ — они оттуда, мы отсюда — иавалимся, — затрещитъ германецъ! Не выдержать ему!»

«Гдѣ же выдержать ежели и спереди и сзади?! Не разорваться!»

«Кишка лопнетъ съ натуги!»...

И послѣ жестокаго опыта 1915 года вѣра массъ въ помощь союзниковъ не потерпѣла значительнаго ушерба. Было непріятно, досадно, что такъ плохо складываются обстоятельства для иасъ и для нихъ, но когда выяснилось, что союзники окажутъ намъ щедрую помощь матеріальнымъ снаряженіемъ, — армія была довольна:

«Лишь бы побольше снарядовъ да патроновъ прислали, а людей у насъ самихъ хоть отбавляй».

Когда иа фронтѣ стало извѣстно, что мы посылаемъ своихъ солдатъ во Францію, солдаты были даже рады:

«Давно бы такъ то! — удовлетворенио толковали оии: что жъ у иасъ зря въ тылу иародъ треплется безъ винтовокъ? А тамъ людей нѣту, зато всего другого вдоволь!.. Давно пора!!..»

Но эта вѣра всю слѣдующую зиму и весиу подтачивались мелочами, иезамѣтными и такими незначительными для посторонияго иаблюдателя мелочами.

Надписи иа ящикахъ: «берегите снаряды», устарѣлаго типа моторы на аэропланахъ, про которые союзиые же инструктора — механики говорили, что они удивляются иашимъ летчикамъ, рискующимъ дѣлать боевыя развѣдки иа аэропланахъ съ этими моторами, которые иикѣмъ уже не

II.

БОЛЬШЕВИЗМЪ

РУССКАЯ НАРОДНАЯ
БИБЛІОТЕКА
ВЪ БѢЛГРАДѢ

«А-а-а, все равно! хуже не будетъ!... И подъ нѣмцемъ можно жить...» вотъ формула, которую приняла она, а черезъ нее и весь народъ, по отношенію къ судьбѣ, ожидавшей его въ результатѣ этого равнодушія и разочарованія...

***

Понимали солдатскія массы на фронтѣ и народныя массы въ странѣ и по своему, — но вѣрно — оцѣнивали и ту нелѣпую дезорганизацію тыла, которая происходила у насъ при помощи безконечныхъ и сверхъ всякихъ расчетовъ и даже внѣ сколько нибудь правильнаго учета — мобилизацій людского состава.

Нелѣпая цѣль тушить огонь огнемъ скоро же привела и къ нелѣпымъ и гибельнымъ для страны результатамъ. Напопляя запасъ, мы при помощи мобилизацій добились того, что тылъ нашъ оказался забитымъ людьми до пересыщенія. Вмѣсто того, чтобы держать, хотя бы и большія, но основанныя все же на какомъ нибудь расчетѣ и пріуроченныя къ потребностямъ крупныхъ соединеній (не менѣе корпуса, по крайней мѣрѣ) депо пополненія вблизи фронта на главныхъ стратегическихъ опредѣлимыхъ направленіяхъ— рижскомъ, двинскомъ, западномъ, юго-западномъ и т. д. — мы раскидали эти депо, въ видѣ запасныхъ батальоновъ для отдѣльныхъ полковъ, по всѣмъ крупнымъ и большинству мелкихъ городовъ и даже мѣстечекъ и забили ими страну вплоть до Иркутска, если не дальше. Вычерпывая изъ страны людской запасъ по единственному, кажется, принципу — «душа мѣру знаетъ» — мы, въ концѣ концовъ, сами утеряли представленіе о количествѣ его и опредѣляли число его просто «на глазъ».

Лицо, близко стоявшее къ центральному отдѣлу снаряженія Всероссійскаго Земскаго Союза, передавало мнѣ характерный отвѣтъ, полученный имъ отъ оффиціальныхъ представителей интендантства на одномъ изъ совѣщаній на просьбу опредѣлить точнѣе, сколько же требуется обмундированія.

«Да кто же это знаетъ? Развѣ «ихъ» считали. Такъ милліоновъ на 15-17 прикидывайте...»

Несчастная система противопоставленія огню массы, соединенная съ системой отдѣльныхъ запасныхъ батальоновъ, предполагавшей расположеніе батальоновъ въ мѣстѣ квартированія полка въ мирное время, привела къ слѣдующимъ печальнымъ результатамъ.

Во-первыхъ, мы набили свои запасные батальоны людьми сверхъ мѣры—были батальоны, насчитывавшіе свыше 20 тысячъ человѣкъ; одновременно люди, въ расширенныхъ и увеличенныхъ казармахъ, располагались въ три-четыре яруса, жили въ запасныхъ батальонахъ по-долгу, занимались лишь «для отвода глазъ» гимнастикой, выправкой и т. п. пустяками, изъ

за отсутствія винтовокъ и шанцеваго инструмента не проходили ни курса, хотя бы сокращеннаго , стрѣльбы, ни самоокапыванія, пили, ѣли, трепали обувь и платье, а на фронтъ приходили мало обученными и мало подготовленными, такъ что на фронтѣ ихъ приходилось доучивать или даже переучивать вновь...

Во-вторыхъ, придерживаясь все еще остроумной системы тассованія населенія, такъ сказать, экстерриторіальности арміи, практиковавшейся въ мирное время и обусловленной вѣчной боязнью мѣстныхъ «сепаратизмовъ», мы и во время войны принуждены были вывозить призванныхъ въ Полтавской губерніи солдатъ въ запасные батальоны Томска, сибиряковъ — въ Западную Россію, поляковъ — въ Восточную Сибирь, архангельцевъ въ Туркестанъ, туркестанцевъ — на Мурманъ и т. д., чѣмъ безъ нужды «зря» забивали и перегружали подвижной составъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ и безъ того изношенный и, по малочисленности, перегруженный работой. Въ третьихъ, мы еще болѣе перегружали свои желѣзныя дороги новой перевозкой маршевыхъ ротъ изъ запасныхъ батальоновъ въ полки дѣйствующей арміи на фронтъ, заставляя нѣкоторую часть людей излишне кататься по одному и тому же направленію взадъ и впередъ, напримѣръ, изъ Черниговской губерніи въ Иркутскъ и изъ Иркутска на Юго-Западный фронтъ.

Въ четвертыхъ, мы далеко не способствовали разгрузкѣ нашихъ «жизненныхъ артерій» тѣмъ, что катали по нимъ всякаго рода довольствіе для всѣхъ этихъ скученныхъ въ запасныхъ батальонахъ людей.

Въ пятыхъ, мы хозяйственно обезсиливали страну, вычерпывая изъ нея продукты и фабрикаты всякаго рода — хлѣбъ, скотъ, кожу, табакъ, чай, сахаръ, шерсть, сукно, полотно и т. д. — на содержаніе, въ теченіе нѣкотораго излишняго промежутка времени, каждаго изъ попадавшихъ въ запасные батальоны и катавшихся безъ нужды по желѣзнымъ дорогамъ мобилизованныхъ.

Въ шестыхъ, мы тоже безъ толку обезсиливали страну, уводя изъ нея рабочее населеніе, отрывая его отъ производительнаго труда и обрекая на праздность въ четырехъ стѣнахъ казармъ...

Не трудно было сообразить и понять, какъ гибельно отзывались на странѣ эти порядки, какъ стремительно падала производительность ея и какъ быстро истощались ея запасы. Армія , сама въ громадномъ большинствѣ прошедшая черезъ тыловые этапы, прежде чѣмъ попасть на фронтъ, видѣла, конечно, все это и учитывала нелѣпость и разорительность нашей системы комплектованія. И къ 1916 году стала поговаривать объ этомъ довольно откровенно и вслухъ.

Страна — крестьянская, деревенская и городская рабочая Русь — заворчала недовольно много раньше. Солдатская же, одѣтая въ сѣрые шине-

ли Русь, заворчала лишь тогда, когда оскудѣніе страны вплотиую иагляд-но подошло къ ней и отразилось на многочислеиныхъ мелочахъ ея быта.

Зорко замѣчали и вѣрно оцѣнивали солдаты эти «мелочи». Стали при-сылать изъ интендантства въ полки, положимъ, котелки не изъ мѣди, а изъ жести, пояса не изъ ремней, а изъ парусины, ранцы не изъ брезентовагѳ. полотна, а изъ мѣшечнаго холста, тѣлогрѣйки не на ватѣ, а на паклѣ, вмѣ-сто сапогъ — ботинки и т. д. и т. д. Солдаты умозаключали:

«Не хватаетъ уже!...»

Стали сокращать весною 1916 года мясныя порціи, вводя «рыбные дни», замѣняя мясо овощами, кашей, чечевицей. Солдаты отмѣтили и это:

«Скотинку то проѣли, видно, а она не такъ скоро растетъ!...»

Но тогда они оговаривались еще:

«Была бы кашка, а воевать еще можно!»

Хотя болѣе скептически настроенные изъ нихъ добавляли:

«Да только къ кашкѣ то еще бы чего нибудь!...»

Рѣзкій переломъ въ отношеніи къ порядкамъ произошелъ въ арміи послѣ посыпавшихся, одинъ за другимъ, какъ всегда у насъ, неумѣреиныхъ призывовъ ратниковъ ополченія 2-го разряда — этихъ «маменькиныхъ сын-ковъ», береженныхъ, поеныхъ, кормленыхъ, холеныхъ, какъ насмѣшливо опредѣляла ихъ дѣйствующая армія.

По настойчивымъ требованіямъ союзниковъ, мы, исчерпавъ изъ страны, но не истративъ его и на треть, иашъ сколько нибудь обученный ранѣе люд-ской запасъ, принялись выкачивать изъ нея послѣднія, оставшіеся въ ней и сколько нибудь поддерживавшія ея хозяйственное равновѣсіе, рабочія силы. Въ деревняхъ послѣ этого оставались лишь старъ да младъ, тяжесть работы легла на женскія, менѣе опытныя и сильныя, руки...

Заваливъ въ хозяйственномъ отношеніи страну, забравъ послѣднихъ «поильцевъ-кормильцевъ», мобилизація ополченія не улучшила положенія арміи, а, наоборотъ, качественно сильно ухудшила ея составъ. Со 2-мъ раз-рядомъ въ армію влилось громадное количество людей, которые издавна, годами и десятилѣтіями, сжились съ мыслью, что они застрахованы отъ воен-ной службы самимъ фактомъ зачисленія во 2-й разрядъ, что война съ ея ужасами, тягостью, рискомъ минетъ ихъ, какъ миновала въ свое время военная служба.

«Намъ череду не будетъ, — народу и безъ насъ много!» — говорили они во время этой войны и шутливо прибавляли: — «нашъ чередъ вмѣстѣ съ бабами воевать, когда нѣмецъ сюды къ намъ дойдетъ!»

А такъ какъ предполагалось само собою, что «нѣмецъ» никогда до ихъ мѣстожительства не дойдетъ, то само собою вытекало также, что и «череду никогда не будетъ».

Само государство, выдѣляя ихъ при ежегодныхъ призывахъ по признаку рожденія, по жребіямъ или физическимъ недостаткамъ, укрѣпляло въ нихъ эту мысль и всѣ связанныя съ нею, какъ производныя изъ основной аксіомы, настроенія. Старшія поколѣнія — «отцы и матери» — также смотрѣли на ихъ отношенія къ военной службѣ и къ войнѣ, считая ихъ имѣнно, свободныхъ отъ солдатчины и связанныхъ съ нею случайностей, настоящими — «прирожденными», «Богомъ данными, царемъ пожалованными», — «поильцами — кормильцами», опорой въ старости и такомъ общемъ несчастьи, какъ война.

И вотъ, эта то «психологическая привычка» была затронута послѣдними призывами и притомъ затронута рѣзко — сразу и безъ подготовки — и глубоко. Оставшееся безъ «кормильцевъ-поильцевъ», населеніе не могло не ахнуть и не взроптать, сами «кормильцы-поильцы» далеко не съ благословеніями пошли на военную службу. Этимъ создалась глубокая психологическая подготовка сначала равнодушія къ войнѣ, къ ея успѣхамъ и продолженіямъ, а потомъ и «непріятія» и отрицанія ея, на которой позже развернулись всѣ послѣдующія событія, начиная съ февральской революціи 1917 года.

Вливая въ армію столь значительныя массы психологически неподготовленныхъ къ пребыванію въ ней, внутренне не пріемлющихъ ее людей, наше командованіе не учло того обстоятельства, что это вливаніе можетъ отразиться разлагающимъ образомъ на самой арміи. Это и случилось. Второй разрядъ внесъ въ армію и на фронтъ начало равнодушія къ судьбамъ войны и страны, и, какъ противоположность этого, сильно развитое «шкурничество», боязнь за свою личную безопасность, судьбу, жизнь. И это сказалось сразу же въ сильно развитомъ къ осени 1916 года дезертирствѣ.

Дезертирство наблюдалось, конечно, и раньше, но въ близкихъ къ «нормальнымъ», если можно такъ выразиться, размѣрахъ.

При призывѣ и при безпрерывныхъ передвиженіяхъ такихъ многомилліонныхъ войсковыхъ массъ, какія были мобилизованы у насъ, даже небольшой процентъ дезертировъ, неизбѣжный во всякой — хотя бы наиблагоустроеннѣйшей арміи, дастъ колоссальныя цифры въ десяткн и даже сотни тысячъ бѣглыхъ, злостно отсталыхъ, симмулирующихъ болѣзни, раненія и т. д. Но въ нашей арміи, до Брусиловскаго наступленія и привывовъ 2-го разряда, сплошь и рядомъ, къ дезертирству относились и такіе случаи, которые ничего общаго съ нимъ не имѣли.

Помню, весной 1916 года, нашу дивизію внезапно, давъ всего 3-4 часа на сборъ, перебросили съ Рижскаго фронта — изъ подъ Икскюля въ Галицію. Мѣста назначенія, до момента выгрузки изъ вагоновъ, никто, даже въ штабѣ дивизіи, не зналъ, различные полки то останавливались и выгружались, то снова садились въ вагоны въ разныхъ участкахъ то Западнаго,

то Юго-Западнаго фронта и слѣдовали, опять по новому, тоже неизвѣстному для насъ направленію. Полкъ нашъ, послѣ высадки на границѣ Галиціи, прошелъ болѣе ста верстъ, участвовалъ въ бояхъ и потонулъ въ той гущѣ войскъ, которая тогда была сосредоточена въ Галиціи для наступленія. А при внезапномъ выступленіи изъ Икскюля и спѣшной и запутанной пе-

«Революціонная Армія» въ русской карикатурѣ.

Дезертиръ и Россія.

Дезертиръ. — На фронтъ я больше, мамаша, не пойду, Я остаюсь дома и буду защищать революцію.
Россія. — ...Твоя защита приведетъ ее къ развалинамъ.

реброскѣ, мы, естественно, не могли не оставить позади себя довольно значительное количество солдатъ: бывшихъ въ отпускахъ и командировкахъ, выписанныхъ изъ лазаретовъ и возвращавшихся въ полкъ, просто запутавшихся въ толчеѣ и неразбернхѣ большихъ узловыхъ станцій и не успѣвшихъ попасть въ отходившій эшелонъ.

И вотъ громадное большинство этихъ отсталыхъ догиали полкъ, кто по дорогѣ, кто на стоянкахъ, кто разыскалъ уже на фронтѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, принуждеиные обстоятельствами толочься по тылу, по надъ фронтомъ, были арестоваиы тыловыми властями и препровождены къ этапиымъ комендаитамъ, какъ дезертиры.

Одного такого арестованнаго и бѣжавшаго затѣмъ въ свой полкъ иа фронтъ «дезертира по неволѣ» мнѣ довелось распрашивать подробно.

«Какъ же ты ушелъ?!

«Фу-у ! буду я дожидаться нхней отправки! Это до самой зимы до полка ие доѣдешь: пока соберутъ партію, отправятъ къ другому коменданту, а тамъ опять жди партіи... А я выглядѣлъ, какіе у ннхъ порядки, да ночушкой и далъ тягу. Эшелоиъ какъ разъ проходилъ мимо , къ иему прнцѣпился, а потомъ на пассажирскій пересѣлъ... Ищи вотъ теперя меия!...

«А какъ же ты полкъ нашелъ?

«А языкъ на што?! Какъ разъ раненыхъ изъ Галиціи везли, — ну разспросилъ: не видали лн, молъ, иашихъ? Быдто, говорятъ, есть такая дивизія. Я — Господи благослови — и двинулъ! Ежели ужъ не найду , думаю, къ другому какому полку пристану... авось примутъ!..»

И такихъ случаевъ при постояиной переброскѣ войскъ съ мѣста на мѣсто, особенно при устаиовкѣ фроита при иезамершихъ еще бояхъ осеиью 1915 года и при перегруппнровкахъ осеиью передъ иаступлеиіемъ 1916 года, было не мало. Процентъ же дезертировъ въ собственіомъ смыслѣ, — лицъ, злостно уклонившнхся отъ службы — былъ сравиительно ие великъ и близокъ къ нормальному.

Таковъ же онъ былъ и въ «маршевыхъ ротахъ» пополиеиія, приходившихъ на фронтъ (иногда послѣ нѣсколькихъ недѣль путешествія и переброскъ по желѣзнымъ дорогамь) въ порядкѣ.

Не то стало иаблюдаться въ арміи съ осенн 1916 года, когда въ иее стали вливаться значительной струей призванные второразрядникн, н особеиио послѣ революціи, когда начала выявляться въ арміи все явственнѣе и явственнѣе «воля къ миру», какъ тогда называли это явлеиіе. Дезертиры заполияли собою тылъ. «Маршевыя роты» стали доходить на фроитъ все въ меньшемъ и меньшемъ количествѣ, тая по дорогѣ. Дошло до того, что въ полки, ждавшія пополненія, молившіе о немъ, приходили зачастую лишь списки пополнеиія.

Ни мольбы, нн угрозы, сыпавшіяся нзъ разныхъ инстанцій — вплоть до верховнаго командованія и высшей государственной власти — ни мало ие помогало дѣлу. Армія стала разстраиваться, разсѣдаться въ самыхъ существенныхъ основахъ своихъ. Единый когда то, спаяниый общностью цѣли, чувства любви къ родинѣ и созианія иеобходимости ея защиты, моиолить

сталъ «вывѣтриваться», распыляться — и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе — на отдѣльныя людскія песчинки, начавшія — каждая въ отдѣльности — руководиться своимъ личнымъ благополучіемъ, своими личными взглядами.

«Лишь бы мнѣ уцѣлѣть!»

Армія съ такимъ преобладающимъ настроеніемъ солдатскихъ массъ перестаетъ быть арміей, и, если она держится еще внѣшней дисциплиной, силой инерціи, привычки, въ боевомъ отношеніи она никуда негодна, ибо больна внутренне смертельной болѣзнью равнодушія, волевой прострацією. Когда и наша армія была поражена потерей вѣры, потерей смысла сопротивленія, она тоже перестала, въ сущности, быть арміей, и на всѣ призывы Временного Правительства, верховнаго командованія, общества и сохранившихъ еще вѣру товарищей, большинство составлявшихъ ее особей, какъ вы знаете, внутренне, — а иногда и вслухъ — отвѣчало упрямо:

«Ищите себѣ другихъ дураковъ!.. А мы подождемъ, съ насъ довольно!».

Психологически забастовка арміи началась гораздо раньше позорно провалившагося наступленія 1917 года, и не замѣтить этого значило ничего не понимать въ происходившемъ и дѣйствовать «очертя голову», на-авось. Ни Временное Правительство, ни верховное командованіе, ни союзники, вдохновлявшіе это наступленіе, этого не замѣтили. Провалъ не замедлилъ послѣдовать.

Винить ли только массы въ этомъ провалѣ?... Я не рѣшаюсь...

«Покушеніе съ негодными средствами» и матеріаломъ не могло не привести къ негоднымъ результатамъ, и нельзя оправдать мастеровъ, которые должны были знать качество матеріала, съ какимъ имъ приходилось оперировать...

С. Арефинъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ РЕВОЛЮЦІОННАГО ФРОНТА.

ДВА СМЕРТНЫХЪ ПРИГОВОРА.

А.

Первый смертный приговоръ на Западномъ фронтѣ.

Событія въ раіонѣ ст. Залѣсье, въ связи съ бунтами частей 2-й гренадерской и 174-й пѣх. дивизій и попытками ихъ открыть фронтъ, приияли иастолько угрожающій характеръ, что по распоряженію бывшаго Воеинаго Мииистра А. Керенскаго для усмиренія ихъ и разоруженія была примѣиена вооружеииая сила.

Собственно говоря—всю эту операцію по разоруженію можно было закончить въ одинъ день—при условіи, нонечио, рѣшительности дѣйствій и предоставленія полной иниціативы въ этомъ случаѣ иачальствующимъ лицамъ.

Къ сожалѣнію, руководившіе усмиреніемъ члены Исп. Ком. С.Р. и С.Д., Берманъ и милѣйшій Пруссакъ, въ своихъ дѣйствіяхъ примѣиили принципы «уговариванія и безнровія», въ результатѣ чего создали у бунтовщиковъ увѣренность въ полной безнаказанности; ближайшимъ слѣдствіемъ этого явилось то, что операція по разоруженію затянулась почти иа иедѣлю и оиазалась болѣе кровопролитной, чѣмъ это предполагалось.

Вся картина вполнѣ исчерпывается двумя нижеприводимыми докумеитами.

I. ПРОТОКОЛЪ ЗАСѢДАНІЯ ОБЪЕДИНЕННЫХЪ КОМИТЕТОВЪ 174-Й ПѢХ. ДИВИЗІИ.

Изъ копіи протокола засѣданія Съѣзда полковыхъ комитетовъ 174 пѣх. дивизіи, 22 сего іюля, иа которомъ присутствовали члеиы дивизіоннаго и полковыхъ комитетовъ 694, 695 и 696 пѣх. полковъ, штаба дивизіи, инжеиерной роты и батальона смерти выяснилось слѣдующее о событіяхъ въ 693 пѣх. полку:

Изъ заявленія сдѣланнаго Начальникомъ 174 пѣх. дивизіи и докладовъ

съ мѣстъ выяснилась полная характеристика и дѣятельность предсѣдателя полкового комитета 693 пѣх. полка Швайкина и его ближайшихъ сотрудниковъ Галкина и Севастьянова.

Съ первыхъ дней работа полкового комитета, во главѣ котораго стоялъ Швайкинъ, пошла по неправильному пути. Отрицая всякую организованную и планомѣрную работу, дѣйствуя исключительно митинговымъ порядкомъ, сѣя рознь между офицерами и солдатами, призывая послѣднихъ къ неповиновенію начальствующимъ и хватанію ихъ за глотку, они избѣгалъ участія въ высшихъ комитетахъ, хотя и состоялъ въ нихъ членомъ, опасаясь и не выдерживая разумной критики своихъ поступковъ.

Вся его компанія, будучи президіумомъ полкового комитета, проводила все то, что имъ было на руку, не считаясь съ мнѣніями и постановленіями всего полкового комитета. Протоколы составлялись послѣ засѣданія полкового комитета и постановленія, нежелательныя ему, въ протоколы не заносились.

Ко всѣмъ приказамъ и постановленіямъ начальствующихъ лицъ и всевозможныхъ организацій относился отрицательно, указывая на то, что до отданія этихъ приказовъ не спрашивали широкія массы, нужны ли имъ такіе приказы. Послѣдніе приказы, въ связи съ событіями на фронтѣ, истолковывались имъ какъ поворотъ къ старому режиму, — призывая къ неисполненію этихъ приказовъ.

Въ политическомъ отношеніи личность Швайкина темна и неясна. Наряду съ его, якобы, крайней преданностью и защитою революціи и свободы—откровенно высказывался за еврейскіе погромы, говоря, что они поголовно капиталисты.

Прежде чѣмъ появиться на какомъ либо митингѣ, онъ предварительно посылалъ туда своихъ приверженцевъ, по его выраженію: «насадить шпіонажу»; только послѣ этого «насажденія шпіонажу» являлся самъ и нерѣдко въ пьяномъ видѣ. Тутъ присутствовали и его единомышленники, которые поддерживали всѣ выкрики и призывы Швайкина, выкрикивая «правильно» и нерѣдко предлагая крикнуть этому уважаемому представителю и организатору «ура».

Во время посѣщенія Швайкина членомъ армейскаго комитета штабсъ капитаномъ Араловымъ и членомъ Исп. Ком. С.Р. и С.Д. тов. Пруссакомъ, пріѣхавшихъ познакомиться съ настроеніемъ полка, онъ поднялъ тревогу въ своемъ и сосѣднихъ 23 и 24 гренадерскихъ и 109 пѣх. полкахъ, призывая ихъ спасти его отъ этихъ депутатовъ, пріѣхавшихъ, якобы, его арестовать.

Издавая журналъ «Въ окопѣ» полковыми средствами, разсылалъ только тѣмъ, кто платилъ 2 рубля въ мѣсяцъ. Всю подписную плату присваивалъ

себѣ, деньги жертвованные офицерами на просвѣтительныя нужды полка, а также доходъ отъ полковой фотографіи большей частью присваивалъ себѣ.

Между прочимъ, Швайкинъ обратился съ категорическимъ требованіемъ къ полковымъ врачамъ подписать требованіе на 50 ведеръ спирту для полковой лавочки и когда врачи отказали ему въ томъ, не желая и не имѣя права устраивать въ полку кабака, онъ донесъ въ штабъ дивизіи объ антисанитарномъ состояніи полка, указывая на то, что врачи не принимаютъ никакихъ мѣръ.

Создавая всячески себѣ популярность, прибѣгалъ къ слѣдующимъ пріемамъ: переданную телефонограмму изъ штаба дивизіи командиру полка относительно высылки солдатъ въ запасный полкъ взамѣнъ прибывшаго кадра, перехватилъ и, собравши митингъ, объяснилъ, что якобы самъ отъ себя предложилъ послать солдатъ въ запасный полкъ, указывая, что начальство посылать солдатъ не желаетъ и что это все исходитъ отъ него.

Выслушавъ всѣ эти доклады, съѣздъ единогласно приялъ слѣдующую резолюцію: выразить свое презрѣніе подлымъ провокаторамъ Швайкину и его сотрудникамъ, которые пользуясь темнотой солдатской массы и, прикрывая разными подлыми пріемами свое дѣйствительно провокаторское лицо отъ довѣрчивыхъ простаковъ солдатъ, привели къ такому печальному событію — вооруженному столкновенію въ 693 полку.

Слѣдствіе выяснитъ —были ли эти лица провокаторы или нѣмецкіе шпіоны, но для насъ ясно, что они своими дѣйствіями нанесли ударъ революціи и свободѣ, прибѣгая даже къ попыткѣ открыть фроитъ.

---

2. ПРИГОВОРЪ

военно-революціоннаго суда по дѣлу о вооруженномъ сопротивленіи солдатъ 693 пѣх. Слуцкаго полка.

1917 года 30 іюля, военно-революціоный судъ при 174 пѣх. дивизіи, въ составѣ предсѣдателя подпоручика М. и членовъ: прапорщ. Т. и прапорщ. М. и солдатъ: мл. унт.-оф. П., мл. унт.-оф. Р. и коннаго развѣдчика Б., при прокурорѣ поручикѣ П., и дѣлопроизводителѣ подпоручикѣ Т., разсмотрѣвъ въ ОТКРЫТОМЪ засѣданіи дѣло о солдатахъ 693 пѣх. Слуцкаго полка: Швайкинѣ, Галкинѣ, Габовѣ, Рѣшетько, Гордѣевѣ, Смолянскомъ, Рѣдниковѣ, Коченовѣ, Богдановѣ, Коковинѣ, Шубинѣ, Бѣлкинѣ, Головѣ, Худояровѣ, Семеновѣ, Румяицевѣ, Сусловѣ, Климовѣ, Пыхтяевѣ, Бабинскомъ, и Шедовѣ, обвиняемыхъ по 13 ст. Ул. о Нак. Уг. и Испр. и лит. Б. 110 ст. кн. XXII Св. В. П. 1869 г. изд. IV., постановленія Временнаго Правительства,

изложеннаго въ приказаніи Западнаго Фронта отъ 18 іюля с.г. за № 380 и ст. 14 XXII кн. Св. В. П. 1869 г. изд. IV, опредѣлилъ: подсудимыхъ ротнаго фельдшера Василія Иванова Швайкина, 23 лѣтъ, ефрейтора Федора Иванова Галкина 32 лѣтъ и ст. унт. оф. Андрея Пименова Коковина 28 лѣтъ, исключить изъ военной службы, лишить воинскаго званія и всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть СМЕРТНОЙ КАЗНИ ЧЕРЕЗЪ РАЗСТРѢЛЯНІЕ.

Мл. унт.-оф. Василія Иванова Бѣлкина, 25 лѣтъ, исключить изъ военной службы, лишить воинскаго званія и всѣхъ правъ состоянія и сослать ВЪ КАТОРЖНЫЯ РАБОТЫ БЕЗЪ СРОКА.

Мл. унт.-оф. Степана Андреева Румянцева, 25 лѣтъ, ряд. Боруха Пейсахова Смолянскаго, 24 лѣтъ, мл. унт.-оф. Александра Семенова Шубина, 29 лѣтъ, исключить изъ военной службы, лишить воинскаго званія и всѣхъ правъ состоянія и сослать въ КАТОРЖНЫЯ РАБОТЫ СРОКОМЪ НА ДВАДЦАТЬ ЛѢТЪ.

Мл. унт.-оф. Сергѣя Антонова Рѣшетько, 21 г., ефр., Тихона Николаева Гордѣева, 24 лѣтъ, исключить изъ военной службы, лишить воинскаго званія и всѣхъ правъ состоянія и сослать въ КАТОРЖНЫЯ РАБОТЫ СРОКОМЪ НА ПЯТНАДЦАТЬ ЛѢТЪ.

Ряд. Афанасія Габова, 30 лѣтъ, мл. унт.-оф. Матвѣя Ермолаева Кочеиова, 35 лѣтъ, мл. унт.-оф. Никифора Федорова Суслова, 23 лѣтъ, и ряд. Иннокентія Трофимова Климова, 22 лѣтъ, исключить изъ военной службы лишить воинскаго званія и всѣхъ правъ состоянія и сослать ВЪ КАТОРЖНЫЯ РАБОТЫ СРОКОМЪ НА ВОСЕМЬ ЛѢТЪ.

Ряд. Степана Алексѣева Горлова, 22 лѣтъ, ряд. Глѣба Васильева Худоярова, 39 лѣтъ, ряд. Афанасія Семенова Семенова, 37 лѣтъ, ряд. Петра Павлова Рѣдникова, 37 лѣтъ, и ряд. Григорія Сергѣева Богданова, 34 лѣтъ, и ряд. Митрофана Семеновича Пыхтяева, 24 лѣтъ, исключить изъ военной службы, лишить воинскаго званія и сослать ВЪ КАТОРЖНЫЯ РАБОТЫ СРОКОМЪ НА ШЕСТЬ ЛѢТЪ.

Ряд. Ромуальда Антонова Бадинскаго и Афанасія Архипова Шедова считать по суду ОПРАВДАННЫМИ.

Подлинный за надлежащими подписями.

ПРИГОВОРЪ НАДЪ ШВАЙКИНЫМЪ, ГАЛКИНЫМЪ И КОКОВИНЫМЪ БЫЛЪ ПРИВЕДЕНЪ ВЪ ИСПОЛНЕНІЕ въ 5 час. 25 мин. утра 1-го августа с. г.

Примѣчаніе: Комиссаръ III арміи подполковникъ Постниковъ отказался утвердить приговоръ, мотивируя спѣшной поѣздкой въ штабъ фронта.

Предсѣдатель армейскаго комитета III-й арміи

отказался утвердить приговоръ подъ предлогомъ болѣзни.

Приговоръ, въ концѣ концовъ, былъ утвержденъ однимъ изъ рядовыхъ членовъ армейскаго комитета — солдатомъ, временно замѣщающимъ предсѣдателя.

Я. Л.

Б.

Второй смертный приговоръ на Юго-Западномъ фронтѣ.

I.

ТЕЛЕГРАММА

Верховнаго Главнокомандующаго Генерала Корнилова Военному Министру 1-го августа 1917 г. Ставка.

«22 іюля мною была послана главнокомандующимъ телеграмма, въ которой я указалъ, что приговоры военно-революціонныхъ судовъ входятъ въ силу лишь по утвержденіи таковыхъ комиссарами соотвѣтствующихъ армій. Какъ одинъ изъ тѣхъ, которые несутъ особую нравственнаго порядка отвѣтственность за возстановленіе смертной казни въ арміи, я считаю совершенно необходимымъ обставить примѣненіе ея возможно дѣйствительными гарантіями, почему ходатайствую передъ Временнымъ Правительствомъ о дополненіи пункта 14 декрета Правительства отъ 12 іюля установленіемъ обязанности конфирмаціи приговоровъ комиссарами и соотвѣтственнымъ измѣненіемъ редакціи пункта 15 въ томъ смыслѣ, что вопросъ о смягченіи наказанія предоставляется главнокомандующему черезъ комиссара соотвѣтствующей арміи, который даетъ свое заключеніе. Я потому взялъ на себя отдать распоряженіе, приведенное въ текстѣ вышеупомянутой моей телеграммы, что въ этомъ вопросѣ, гдѣ рѣчь идетъ о людскихъ жизняхъ, необходимо по долгу совѣсти дѣйствовать безъ промедленія. Я надѣюсь, что Временное Правительство найдетъ возможнымъ подтвердить мое распоряженіе, ибо я руководствовался соображеніями гуманности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ верховный главнокомандующій, понимая точно предѣлъ строгости карательныхъ мѣръ, необходимыхъ для востановленія дисциплины въ арміи, рѣшился на вышеуказанный шагъ, немедленно по вступленіи на нынѣ занимаемую должность».

Генералъ Корниловъ.

II.

ТЕЛЕГРАММА

Верховнаго Комиссара М. Филоненко Военному Министру

1-го августа 1917 г. Ставка.

«Всецѣло поддерживаю телеграмму генерала Корнилова, полагая, что смертная казнь, не обставленная гарантіей конфирмаціи приговора комиссарами, можетъ явиться не только орудіемъ случайной расправы, но служить средствомъ борьбы съ политическими и даже личными врагами. Докладываю, что телеграмма отъ 22 іюля также послана верховнымъ главнокомандующимъ съ моего вѣдома, и, со своей стороны, нахожу глубоко правильными и также отвѣчающими общимъ началамъ правосудія предполагаемыя измѣненія пунктовъ 14 и 15 декрета отъ 12 іюля».

М. Филоненко.

III.

ТЕЛЕГРАММА

Помощника Комиссара II-й арміи А. Чекотило Верховному Комиссару М.Филоненко.

«Не считая себя уполномоченнымъ конфирмировать приговоры военно-революціонныхъ судовъ, представляю на ваше усмотрѣніе ходатайство защитниковъ осужденныхъ къ смерти солдатъ: Кука, Канунникова и Емельянова, заявляющихъ, что осужденные были жертвами безотвѣтственной агитаціи большевизма, сами умственно не развиты и во время совершенія преступленія фактически не знали, что могутъ быть за это преданы военно-революціонному суду. Солдата Кука освидѣтельствовала экспертиза и нашла страдающимъ «люэсомъ» и, можно предполагать, у него начинающійся прогрессивный параличъ мозга. Емельяновъ имѣетъ георгіевскія награды, онъ и Канунниковъ были уже три года на фронтѣ. Предсѣдателю суда мною предложено приговоръ суда не приводить въ исполненіе до вашего рѣшенія. Для поддержанія авторитета суда полагаю, что его приговоръ долженъ быть утвержденъ».

А. Чекотило.

IV.

ТЕЛЕГРАММА

Верховиаго Комиссара М. Филоиеико Помощнику Комиссара II-й арміи А. Чекотило.

«Не нахожу возможнымъ лрннять на себя конфирмацію приговора по дѣлу осужденіыхъ Кука, Канунникова и Емельянова. Вы, также будучи послѣдовательны, не могли лріостанавливать приведеніе приговора въ исполненіе н представлять дѣло на мое рѣшеніе. Но разъ это сдѣлано н разъ въ ожиданін отложенной развязки людн въ тоскѣ н печалн ждутъ часа смертн н отъ лросыпающейся надежды переходятъ въ отчаянью, я не лризнаю возможнымъ, чтобы исходомъ этой лыткн, худшей чѣмъ смерть, была казнь. Согласіе на приведеніе прнговора въ исполиеніе не даю. Осужденныхъ прошу доставнть въ Ставку, гдѣ я буду ходатайствовать передъ верховнымъ главнокомандующимъ о смягченін ихъ участи».

Максимиліаиъ Филоненко.

РУССКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА ВЪ БѢЛГРАДѢ

МОСКВА — ПЕТРОГРАДЪ 1917 — 1925 Г. Г.

ГЛАВА I.

Большевистскій переворотъ въ октябрѣ 1917 года засталъ меня въ Москвѣ. Я жила тогда на Рождественскомъ бульварѣ. Стрѣльба длилась съ иедѣлю почти по всему городу, и въ особенности въ центрѣ и по главнымъ улицамъ. Пулеметы были разставлены всюду и по крышамъ, и на чердакахъ, и въ окнахъ; выходить на улицу было болѣе чѣмъ рисковано: убивали людей безъ всякой системы; убивали чтобы убить и, во всякомъ случаѣ, навести ужасъ.

На второй день стрѣльбы я все таки рѣшила немного пройтись. Гулять пришлось все время подъ выстрѣлами, и когда я возвратилась домой съ черiаго хода, то въ дверь, надъ моей головой, вонзилась пуля.

Черезъ нѣсколько дней выяснилось пораженіе соціалъ-революціонеровъ, при чемъ погибла масса молодыхъ жизней. Юнкера и офицеры, послѣдніе защитники Кремля, обагрили его стѣны своей кровью и Кремль былъ захваченъ новой силой, болѣе грубой, чуждой Россіи, но съ опредѣленной, заранѣе выработанной программой и съ опредѣленнымъ безпощаднымъ деспотизмомъ.

Захватчики власти, лучше чѣмъ кто либо, знали, что они не есть выразители воли народа, что они только горсть и горсть къ тому же болѣе чѣмъ на половину не русская — главари большевизма въ ту минуту были исключительно латыши и евреи — они прикрывались, правда, русскимъ именемъ Ленина...

Съ мѣста начались строгости и, раньше всего, засучивъ рукава, принялись за печать. Единственная маленькая газета, «Фонарь», появившаяся въ это время, и писавшая довольно храбро, вскорѣ была закрыта. Черезъ нѣкоторое время газеты, правда, опять появились, но появились уже въ придушенномъ состояніи.

Стрѣльба продолжалась около недѣли; но и послѣ наступившаго сравнительнаго затишья довольно долго было небезопасно выходить по вечерамъ, такъ какъ и въ темнотѣ, нѣтъ-нѣтъ да и слышались выстрѣлы и сплошь и рядомъ ранили и убивали прохожихъ — должно быть во имя равенства и братства; убитые къ тому же были всегда тщательно ограблены.

Передвиженіе обывателя было крайне и безсмысленно стѣснено, напр.,

въ Кремль нельзя было проникнуть безъ пропуска — пропускъ же выдавался далеко не всѣмъ. Помню, что мнѣ захотѣлось узнать о судьбѣ Одоевскихъ. Семидесятилѣтній старикъ, князь Одоевскій, былъ завѣдующимъ Кремлемъ при Царѣ и оставленъ въ этой должности и Временнымъ Правительствомъ. Онъ и его старушка жена выдержали всю осаду Кремля большевиками. Судьба ихъ намъ была неизвѣстна. Я рѣшила ихъ навѣстить, и для этого написала сама себѣ слѣдующій балаганный пропускъ: «Въ виду свободъ, объявленныхъ революціей, дарую себѣ право свободно ходить по Москвѣ и проходить куда и когда мнѣ хочется».

Я собралась въ Кремль. Въ эту минуту я получила большевистскій пропускъ, который былъ присланъ для меня Одоевскимъ, — на всякій случай, я и его захватила. Когда я подошла къ воротамъ Кремля, солдатъ меня окрикнулъ: «Пропускъ!»

«Вотъ, — сказала я, протягивая написанную мной бумагу, — сама писала».

«Какъ сами? — испуганно воскликнулъ онъ — ужъ вы лучше сами не пишите».

Я улыбнулась, и протянула ему большевистскій пропускъ. Онъ прочиталъ и сказалъ: «Этотъ пропускъ ужъ больше не годится».

«Ну вотъ видишь, — сказала я ему, — я такъ и думала, что вашъ никуда не годится, а мой вѣдь отличный», — и съ этими словами я прошла въ Кремль.

Навѣстивъ Одоевскихъ, я также совершенно свободно оттуда вышла.

Слѣдующій разъ я прошла въ Кремль съ рецептомъ какихъ то капель. При входѣ въ Кремль выдавали оранжевые билеты, при чемъ шла провѣрка паспортовъ и хвосты были безконечные. Мой рецептъ случайно былъ также оранжевый. Я помахала имъ въ воздухѣ, проходя мимо группы солдатъ, грѣвшихся вокругъ костра въ воротахъ Кремля, и прошла въ Кремль.

Одоевскіе оставались въ Кремлѣ еще нѣсколько мѣсяцевъ.

ГЛАВА 2.

Первый годъ послѣ большевистскаго переворота ознаменовался выборами Патріарха. Этотъ фактъ былъ залогомъ спасенія для православной церкви и огромной духовной поддержкой для русскаго народа, который послѣ ужасной нѣмецкой войны получилъ терновый вѣнецъ большевизма...

Церемонія выборовъ Патріарха и послѣдовавшее затѣмъ, нѣсколько позже, — посвященіе въ Патріархи избраннаго митрополита Тихона были очень торжественны. Я не буду останавливаться на извѣстныхъ всѣмъ де-

таляхъ, — упомяну лишь, что когда на Патріарха возложили историческую Патріаршую митру и куколь и дали ему въ руки жезлъ Митрополита Петра — передъ глазами молящихся воскресла вся Русская исторія: вставали тѣни Грознаго и Митрополита Филиппа съ его смѣлой отповѣдью Грозному Царю, вставалъ строгій обликъ Патріарха Гермогена, отдавшаго жизнь за Россію и кроткій образъ юнаго Царя Михаила Феодоровича, призваннаго на царство, чтобы спасти нашу смутами истерзанную родину. Несмотря на тяжелое время въ эту минуту въ Успенскомъ Соборѣ было свѣтло и радостно, — всѣ почувствовали, что хоть у Церкви Православной есть Кормчій, который, среди наступившихъ бурь и волненій, смѣло поведетъ новую ладью.

Тѣмъ временемъ Ленинъ и его сподвижники начали понемногу «распоясываться» и разворачивать свою программу. — Церковь вначалѣ ихъ мало интересовала. Незамысловатость и примитивность этой программы поражала и поражаетъ мыслящихъ людей; изъ всѣхъ государствъ, конечно, только Россія, послѣ четырехлѣтней войны, могла выдержать этотъ опытъ. Основные принципы этой первоначальной программы: «Все — всѣмъ доступно, и все всѣмъ*) даромъ» — незамедлили вскорѣ дать соотвѣтствующіе результаты: желѣзнодорожное и уличное сообщеніе пришло въ хаотическое состояніе, на трамваяхъ люди висѣли со всѣхъ сторонъ, вагоны желѣзныхъ дорогъ были набиты пассажирами, которые отъ страшной тѣсноты задыхались; крыши вагоновъ были сплошь покрыты публикой, — сидѣли даже на буфферахъ. Все это грызло подсолнухи, плевалось, толкалось и скверно ругалось... Была масса несчастныхъ случаевъ и путешествовать въ это время, безъ крайней къ тому необходимости, было немыслимо.

Начались затрудненія и въ подвозѣ продуктовъ; какъ извѣстно — постоянный и острый недостатокъ хлѣба довелъ страну до ужасовъ неслыханнаго голода и даже до людоѣдства въ Приволжскихъ губерніяхъ.

Одновременно съ проведеніемъ новой «правительственной программы», начался терроръ — безсмысленный по своей жестокости — видно было по пріемамъ, что дѣйствовали просто каторжники, выпущенные Керенскимъ въ дни его сентиментальнаго правленія.

На ряду съ министрами, буржуями, офицерами и т. п. арестовывали и разстрѣливали массы простого народа: рабочихъ , солдатъ и крестьянъ; и тюрьмы всегда были переполнены именно этимъ простымъ народомъ.

Я въ это время состояла членомъ «Общества православныхъ женщинъ», — которыя заботились о заключенныхъ, ие имѣвшихъ родственниковъ въ Москвѣ, и носили имъ пищу по тюрьмамъ. Въ тюрьмахъ въ эту минуту кор-

*) «Всѣ» — это, конечно, пролетаріатъ.

мили ужасно, и арестованные были заживо съѣдаемы насѣкомыми, которые заражали ихъ сыпнымъ тифомъ. Въ послѣдніе годы, съ тѣхъ поръ, какъ иностранцы начали интересоваться тюрьмами, этотъ вопросъ значительно улучшился.

Въ этотъ же періодъ произошло ужасное убійство двухъ общественныхъ дѣятелей —Кокошкина и Шингарева; они оба лежали въ больницѣ, къ имъ ворвались вечеромъ банды матросовъ и тутъ же, въ постеляхъ, убили ихъ. Конечно, надъ ними не было никакого суда, несмотря на то, что звѣрская расправа вызвала въ Москвѣ взрывъ возмущенія и на панихидахъ по убіеннымъ Храмъ Христа былъ переполненъ молящимися.

Немного позже въ Бутырской тюрьмѣ, въ больницѣ, умеръ отъ истощенія извѣстный общественный дѣятель Дмитрій Николаевичъ Шиповъ, заподозрѣнный въ контръ-революціи, на этотъ разъ не совсѣмъ напрасно... Его трупъ, вмѣстѣ съ другими многочисленными жертвами тюремнаго режима, былъ брошенъ въ подвалъ, и дочери его разрѣшили, въ видѣ особой милости, спуститься въ этотъ подвалъ и самой отыскать тѣло отца среди сваленныхъ голыхъ труповъ.

Весной 1918-го года стало извѣстно, что Государя съ семьей увезли изъ Тобольска, а въ іюнѣ того же года пришло извѣстіе, ошеломившее Москву — о звѣрскомъ убійствѣ Государя и его семьи въ Екатеринбургѣ. Убійство это произошло для всѣхъ неожиданно , безъ суда народнаго и именно потому, что «властители» боялись этого суда. Народу русскому поднесли уже готовое злодѣяніе, содѣянное горстью каторжанъ, но народъ былъ безоруженъ. Онъ стоялъ ошеломленный, голодный, пришибленный ужасами террора и опутанный сѣтями шпіонажа, въ которыхъ и сейчасъ находится. Это, собственно, единственная система, и въ ней реальная сила большевиковъ. Ложь, запугиваніе, шпіонажъ и терроръ... И увы, —какъ это имъ удается!

Тѣмъ не менѣе возмущеніе было всеобщее; ни одна революція не запятнала себя такимъ позорнымъ фактомъ. Людовикъ XVI былъ казненъ по приговору народнаго суда, въ Англіи король Карлъ былъ казненъ даже съ извѣстнымъ этикетомъ, а Русскаго Императора убили изъ за угла, и сообщеніе о томъ, что его убили было сдѣлано со свойственнымъ совѣтской власти цинизмомъ. Простой народъ не хотѣлъ вѣрить этому, не потому, что, такъ называемое, «правительство» было на это неспособно, но потому, что все таки въ сердцахъ многихъ теплилась надежда, что въ послѣднюю минуту кто нибудь спасетъ Государя...

Эта надежда основывалась на слѣдующемъ фактѣ: въ первый періодъ революціи русскіе солдаты спасли многихъ приговоренныхъ къ разстрѣ-

условіяхъ, но у докторовъ все таки была частная практика, а у сестеръ въ ту минуту не было ничего, такъ какъ взять себѣ сестру милосердія было непомѣрной роскошью, — денегъ ни у кого не было.

Изъ Туберкулезнаго Института я перешла сестрой въ Показательныя Ясли къ новорожденнымъ. Эти ясли были устроены для дѣтей рабочихъ, почему говорили, что тамъ «пока» кормятъ. Дѣйствительно, въ смыслѣ питанія было немного лучше. Во главѣ стояла женщина-врачъ, относившаяся ко мнѣ очень хорошо, такъ какъ ей нуженъ былъ человѣкъ, которому бы она могла довѣрять. Ясли были расчитаны на 40 человѣкъ дѣтей; грудныхъ — полный комплектъ: 20 человѣкъ, и именно этихъ то мнѣ и поручили. Кромѣ меня была еще одна полуинтеллигентная сестра, и двѣ няни, которыя оказались «чекистками»*) и очень этимъ хвастались, думая всѣхъ запугать. Видя, что я не «запугиваюсь», онѣ начали противъ меня интриги, но тутъ, неожиданно, меня защитили мои малыши.

Я сказала какъ то нянькамъ, или какъ ихъ величали «сестрамъ», что нельзя держать резиновыя соски въ одной и той же борной водѣ четыре дня подрядъ, и что нельзя грязную пеленку съ одного ребенка переносить на другого, — чѣмъ съ мѣста нажила себѣ смертельныхъ враговъ.

Я имъ безусловно мѣшала: какъ только женщина врачъ уѣзжала, онѣ удирали въ кухню, пекли себѣ пирожки, а дѣти оставались въ другой части дома безъ нужнаго ухода. Не дѣлая никому никакихъ замѣчаній, я сама стала заниматься маленькой командой и, очевидно, дѣти ко мнѣ привыкли и меня знали. Когда матери приходили въ 11 часовъ дня кормить ихъ грудью, то дѣти оборачивались и улыбались мнѣ. Чекистки начали было что-то нашептывать на меня доктору, но жены рабочихъ энергично меня защитили, заявивъ — что дѣти знаютъ только одну меня, потому что я, повидимому, одна съ ними вожусь, и что онѣ, матери — мнѣ безусловно довѣряютъ.

ГЛАВА 7.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя голодъ въ Россіи еще болѣе обострился и положеніе стало еще болѣе трагичнымъ. Въ это время въ Москву пріѣхали наши спасители-американцы; они развернули огромную продовольственную организацію въ самой Москвѣ и вообще въ Россіи. Эта организація задалась цѣлью поддерживать въ голодный годъ русскихъ дѣтей и, дѣйствительно, много русскихъ дѣтей обязаны имъ своимъ существованіемъ. Мнѣ посовѣтовали начать хлопоты о полученіи въ завѣдываніе дѣтской столовой.

*) Ихъ мужья служили въ ЧЕ—КА.

Съ этимъ ходатайствомъ я пошла въ Эрмитажъ, гдѣ была въ эту минуту штабъ-квартира дѣтскихъ столовыхъ въ Москвѣ и вскорѣ , дѣйствительно, получила столовую. Ее велѣно было мнѣ открыть и организовать, къ извѣстному сроку, на Ярославскомъ шоссе, недалеко отъ Сокольниковъ.

Завѣдующая столовой назначалась американцами и должна была набирать себѣ прислугу. Отъ совѣтской же власти назначался комендантъ, который долженъ былъ заботиться о ремонтѣ и о томъ чтобы всѣ нужды столовой удовлетворялись во время.

Помѣщеиіе для столовой мнѣ указали очень подходящее, но оно, какъ и всѣ дома въ то время , конечно, требовало ремонта: окна были выбиты, плита не дѣйствовала и т. д. Совѣтская власть очевидно проявляла полное бездѣйствіе и совсѣмъ не шла навстрѣчу американцамъ. Сами они ничего организовать не могли, да и денегъ у нихъ не было, но американцамъ все таки вставляли палки въ колеса.

Тщетно я просила сдѣлать ремонтъ въ своей столовой: срокъ открытія подходилъ , никто ничего не дѣлалъ. Пришлось починить плиту на собствеиный счетъ.

Вскорѣ на мое имя былъ полученъ приказъ отъ совѣтской власти — повѣсить въ столовой портреты вождей, которые я должна была отыскать, такъ какъ передъ этимъ, въ этомъ помѣщеніи, была совѣтская столовая. Въ кладовой, дѣйствительно, были портреты. Одинъ изъ нихъ былъ разбитъ, другіе, сознаюсь, я сама слегка «контузила» и отвѣтила, что повѣсить портреты вождей никакъ невозможно, такъ какъ они разбиты. Вмѣсто вождей я въ столовой повѣсила образъ.

Наконецъ, столовая была открыта. Нѣсколько дней спустя пріѣхалъ американецъ, стоявшій во главѣ организацій московскихъ столовыхъ, мистеръ Дональдъ Реншау, съ виду холодный и непроницаемый, но какъ оказалось — очень добрый человѣкъ и отличный организаторъ.

За нимъ была уже извѣстная репутація, съ нимъ шутки были плохи и совѣтская власть его слегка побаивалась.

Отъ совѣтской власти во главѣ продовольственнаго дѣла былъ поставленъ латышъ Эйдукъ, видный чекистъ, который много звѣрствовалъ въ началѣ революціи. Съ нимъ у меня и произошелъ маленькій инцидентъ: подъ начальствомъ коменданта моей столовой — латышки коммунистки, былъ водовозъ, который ие былъ коммунистомъ. Его звали Василій: оиъ былъ славный малый и очень исполнительный, хотя иногда и выпивалъ. Какъ то онъ ко мнѣ присталъ, чтобы я иаписала ему на бумагѣ, что имъ довольна, что воду въ столовую онъ возитъ аккуратно и т. п. Я ему объяснила, что это касается коменданта, а ие меня, но оиъ былъ настойчивъ и чтобы отвязаться отъ него — я написала ему все, что оиъ просилъ.

Когда я, спустя иѣкоторое время, поѣхала въ Эрмитажъ отвозить от-

четы, изъ совѣтскаго отдѣла вылетѣла какая то бырышня и вручила мнѣ бумагу слѣдующаго содержанія: «Прошу передать завѣдующей столовой № 14, что если она въ своихъ донесеніяхъ будетъ придерживаться старой орѳографіи, то я ее накажу. Завѣдующій продовольственнымъ дѣломъ Эйдукъ».

Я на этой же бумагѣ написала слѣдующій отвѣтъ: «Прошу передать завѣдующему продовольственной частью гражданину Эйдуку, что если онъ будетъ заниматься такими пустяками, какъ моя орѳографія, то онъ пропуститъ массу важныхъ вещей, и такъ уже отъ него во время ничего добиться нельзя; также прошу передать ему, что я его своимъ начальствомъ не считаю, такъ какъ мой начальникъ есть — мистеръ Реншау» и подписалась: «завѣдующая (черезъ «ѣ») Д. Д....» Эту бумажку я опять положила на столъ въ совѣтскую канцелярію, — тѣмъ дѣло и кончилось.

Черезъ 4 мѣсяца американцы мнѣ дали 2 столовыхъ, изъ которыхъ одна была очень большая — Алексѣевскій народный домъ, а другая была для бѣженцевъ на Александровскомъ вокзалѣ. Всего приходилось кормить около 1500 человѣкъ — дѣтей и бѣженцевъ. Американцы, кромѣ дѣтей, кормили еще и бѣженцевъ, которые бѣжали изъ голодныхъ губерній и толпами проѣзжали черезъ Москву. Это кормленіе бѣженцевъ совѣтской власти казалось очень предосудительнымъ, и на этой почвѣ она дѣлала американцамъ много непріятностей и немало крови испортила мистеру Реншау, который, какъ американскій уполномоченный по Москвѣ, долженъ былъ съ нею бороться.

Дѣло для меня было знакомое и интересное; я когда то работала въ голодные годы въ Саратовской губерніи, какъ предсѣдательница Краснаго Креста, но теперь время было уже не то — физическихъ силъ у меня совершенно не было. Работа въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, при недостаточномъ питаніи, какъ то подточила организмъ и сердце совершенно не работало.

Прошло уже шесть мѣсяцевъ моей службы у американцевъ; весной пріѣхалъ одинъ американецъ для ревизіи всей американской продовольственной организаціи. Ему приготовили въ Москвѣ очень красивое помѣщеніе и искали кого нибудь, чтобы въ теченіе 3-хъ недѣль вести хозяйство и устраивать ему всякіе пріемы. Мнѣ предложили за это взяться. Я хотѣла взять отпускъ, но отпускъ зависѣлъ отъ русскихъ властей, и ... они мнѣ его не дали. Тогда я просто ушла, такъ какъ желаніе отдохнуть и поѣсть по людски было непреодолимо.

Этотъ американецъ, мистеръ Гудричъ, и его жена оказались очень милыми людьми и мнѣ очень жаль, что они пріѣхали въ Москву на такой короткій срокъ.

ГЛАВА 8.

Послѣ ихъ отъѣзда я очутилась опять на свободѣ и надо было что нибудь изобрѣтать, чтобы жить дальше.

Вскорѣ мнѣ предложили одно мѣсто, которое меня устраивало, такъ какъ надо было ѣхать на лѣто въ деревню. Одинъ бывшій офицеръ, который въ періодъ совѣтской власти рѣшилъ стать агрономомъ и изучать болѣзни грибовъ, предложилъ мнѣ быть при немъ «практиканткой», — на самомъ дѣлѣ, просто вести его хозяйство. Онъ былъ слегка ненормаленъ и, должна ему отдать справедливость, онъ меня объ этомъ предупредилъ. Тѣмъ не менѣе я рѣшилась съ нимъ поѣхать и провести лѣто въ чудной мѣстности въ Звенигородскомъ уѣздѣ. Мое «практикантство» заключалось въ томъ, что я грибы искала , болѣзней въ нихъ не находила и усиленно уничтожала ихъ за обѣдомъ и ужиномъ вмѣстѣ съ моимъ полуумнымъ, а иногда и одна, когда онъ уѣзжалъ.

Глубокой осенью логода испортилась, дорогн стали невозможны, такъ что сообщеніе съ Москвой очень затруднилось. Характеръ моего агронома, въ связи съ дурной погодой, такъ же испортился и онъ становился иногда очень несноснымъ. Я рѣшила поѣхать въ Москву и подыскать себѣ что нибудь другое.

Въ Москву въ это время, одновременно съ американцами, пріѣхала миссія Нансена, — также для оказанія помощи голодающимъ. Въ этой миссіи работали понемножку, если не всѣ націи, то очень многія. Нансена самого не было, онъ только изрѣдка наѣзжалъ.

Во главѣ миссіи стоялъ англичанинъ, мистеръ Горвинъ, очень сердечный и умный человѣкъ, который какъ то умѣлъ лавировать и ладить съ совѣтской властью, несмотря на то, что она ему дѣлала не мало непріятностей; кромѣ того, былъ мистеръ Гибсонъ, который организовалъ въ Москвѣ и въ провинціи студенческія столовыя; говорятъ даже, что онъ это дѣлалъ на свой счетъ. У Нансена работалъ одинъ голландецъ Г.

Когда я , вернувшись въ Москву, искала какого-нибудь мѣста, голландецъ далъ мнѣ временную работу — обслѣдовать нужду сестеръ милосердія въ Москвѣ, такъ какъ одна англичанка, извѣстная общественная дѣятельница, хотѣла передать имъ посылки съ продовольствіемъ.

Я выполнила это порученіе и довольно подробно составила отчетъ — въ какомъ положеніи находятся сестры милосердія въ Москвѣ и, въ какихъ условіяхъ имъ приходится работать. Думаю, что интересъ проявленный иностранцами къ нашимъ сестрамъ воздѣйствовалъ на совѣтскую власть и полагаю, что теперь они работаютъ уже въ нормальныхъ условіяхъ.

Голландецъ Г. былъ очень симпатичнымъ и смѣлымъ человѣкомъ; онъ,

лу. Когда начальствомъ это было замѣчено, то русскихъ солдатъ замѣнили латышами и китайцами...

— — — — — — — — — — — — — — — —

Въ 1917 году, спустя три мѣсяца послѣ начала революціи, я работала на Румынскомъ фронтѣ и по дорогамъ,н на мѣстахъ я видѣла много русскихъ солдатъ; составъ нхъ все время мѣнялся, но нн одного дурного слова о Государѣ я отъ нихъ не слышала.

Какъ то пришлось ѣхать въ теплушкѣ ночью; набралось болѣе пятидесяти человѣкъ, всѣ сидѣлн тѣсно прнжавшись другъ къ другу — спать было совершенно иемыслимо. Всю ночь разговоръ шелъ на политическія темы. Помню, что нѣкоторые солдаты рѣзко критнковалн Керенскаго, хотя это была мннута, когда онъ считался популярнымъ. и критнковали его именно за то, что онъ слишкомъ слабъ. Я имъ иа это рекомендовала Петра Вепнкаго и его программу изъ стнхотворенія Ал. Толстого: «Но у меня есть палка н я вамъ всѣмъ отецъ». Мои слова были встрѣчены самымъ добродушнымъ смѣхомъ н одобреніемъ; и когда мы, утромъ, вышлн изъ вагона, и мнѣ пришлось итти нѣкоторое разстояніе пѣшкомъ, то солдаты «революціонеры» подхватнли мои чемоданы и помогли мнѣ добраться до гостиницы.

Въ монхъ бесѣдахъ съ солдатами я не разъ слыхала ихъ мнѣніе о Велнкомъ Князѣ Нникола Николаевнчѣ; видно было, что онъ для нихъ любимый Вождь и герой войны; онн передавали различныя легенды — между прочимъ, что онъ будто бы ѣздитъ на возахъ съ сѣномъ, одѣтый простымъ солдатомъ, н неожиданно появляется на фронтѣ: провѣрять, нѣтъ ли измѣны...

Какъ то разъ, сндя на дежурствѣ въ лазаретѣ, я, читая солдатамъ газету, натолкнулась на сообщеніе, что кого то изъ Велнкнхъ Князей, жившнхъ въ Ялтѣ, ограбили и что Керенскій послѣ этого поставилъ стражу для охраны Великаго Князя Николая Николаевича. Прочнтавъ это сообщеніе, я громко высказала свое мнѣніе: «Ужъ не хочетъ ли Керенскій просить Великаго Князя быть Главнокомандующнмъ?». Нѣсколько солдатъ отвѣтнлн въ однн голосъ: «И отлично бы сдѣлалъ». То были русскіе солдаты, которые откровенно высказывалн свое лнчное мнѣніе и которыхъ большевистская зараза еще не коснулась , несмотря на то, что уже всюду разъѣзжали большевнстскіе агенты съ проповѣдью злобы и съ призывомъ къ кровавой расправѣ.....

ГЛАВА 3.

До 1919-го года я жила вь Москвѣ на разныхъ квартирахъ; одно время — въ небольшой меблированной квартирѣ, которую въ дни революціи занимала знакомая мнѣ семья, вскорѣ уѣхавшая изъ Россіи. Черезъ нѣкото-

рое время центральное отопленіе испортилось и зимой въ моей комнатѣ было всего 2° тепла. Въ этой температурѣ я все время болѣла и мои друзья, жившіе въ лучшихъ условіяхъ, предложили мнѣ переѣхать къ нимъ. Меня побуждало къ этому еще и то обстоятельство, что, по слухамъ, большевики-почтальоны хотѣли занять эту квартиру. — Я рѣшилась переѣхать.

Большевики, дѣйствительно, нагрянули передъ моимъ отъѣздомъ, и съ мѣста начали шарить въ сундукахъ отсутствующихъ жильцовъ. Одинъ изъ бывшихъ жильцовъ принадлежалъ къ старому дворянскому роду и, какъ оказалось, въ сундукахъ у него была коллекція стариннаго оружія и, кромѣ того, нѣсколько современныхъ охотничьихъ ружей,—онъ былъ охотникъ. Не имѣя большевистской наклонности — рыться въ чужихъ сундукахъ, я, конечно, содержимаго ихъ знать не могла.

Но вотъ большевики приходятъ ко мнѣ и, показавъ найденное оружіе, спрашиваютъ — съ какой цѣлью я хранила оружіе, и знаю ли я что за это бываетъ?

Я хладнокровно отвѣтила, что знаю, — за это разстрѣливаютъ, но что сундуки не мои, и я ие знала что въ нихъ находится. «Во всякомъ случаѣ, — добавила я,— я, кажется, этимъ оружіемъ не злоупотребляла, по улицѣ съ ружьями не бѣгала и ни въ кого, насколько помню, не стрѣляла, но если вы очень настаиваете, то я разрѣшаю вамъ разстрѣлять меня вонъ изъ этого револьвера», — при этомъ я показала имъ иа старый кремневый пистолетъ временъ Екатерины, очевидно негодный къ употребленію.

Они поняли шутку и больше ко мнѣ не приставали.

Въ этой же квартирѣ была старинная библіотека, и въ ней помѣщался писатель Вячеславъ Ивановъ. Несмотря иа холодъ, онъ ни за что не хотѣлъ разставаться съ ней, да кажется и не имѣлъ въ виду другой квартиры. Онъ досталъ себѣ бумагу отъ г-жи Троцкой, которая была во главѣ охраны русской старины. Въ этой бумагѣ Троцкая просила оставить В. Иванова въ библіотекѣ; но большевики-почтальоны объявили ему, что никакія бумаги, не только отъ госпожи Троцкой, но и отъ самого Троцкаго не подѣйствуютъ, и велѣли немедленно очистить библіотеку; книги, къ счастью, удалось спасти.

Это было въ тотъ годъ, когда Троцкій и Ленинъ казались такими всесильными, но мнѣ нѣсколько разъ приходилось наблюдать огромное неуваженіе рядовыхъ большевиковъ къ собственной власти.

— — — — — — — — — — — — — — —

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя я переѣхала въ Петроградъ, гдѣ я жила до революціи, и гдѣ у меня должны были быть кое какія вещи. Моя дача въ Царскомъ Селѣ была занята и кажется «націонализирована». Для собиранія чужой собственности у большевиковъ масса наименованій, — я всегда

въ иихъ путаюсь; словомъ, въ ней помѣстили дѣтскій клубъ,— учрежденіе для государства, конечно, очень необходимое...

Домъ въ моемъ имѣніи въ Саратовской губерніи я во время войны, еще до революціи, отдала для сиротъ воиновъ, и двадцать человѣкъ дѣтей у меня благополучно жили и наслаждались деревенскимъ воздухомъ и садомъ.

Наша «народная власть» выгнала изъ моего дома «дѣтей народа» и также устроила клубъ, на этотъ разъ для взрослыхъ, причемъ предварительно увезли изъ дома мебель;сжечь мой домъ имъ не позволили крестьяне.

Черезъ нѣкоторое время , видя, что въ клубъ никто не ходитъ, власть вздумала сдѣлать изъ него больницу для сыпного тифа, хотя тутъ же, въ двухъ шагахъ, находилась большая земская больница, — но и на это крестьяне не согласились и тогда было рѣшено сдѣлать изъ него библіотеку. Эта мысль была бы даже удачной, если бы имъ давали читать что нибудь еще кромѣ Карла Маркса и совѣтскихъ газетъ.

Все это я знаю отъ моихъ крестьянъ, которыхъ я видѣла въ Саратовѣ въ 1920 году и которые, въ своихъ отношеніяхъ ко мнѣ, нисколько не перемѣнились.

Пріѣхавъ въ Петроградъ, я поселилась у своего бывшаго управляющаго.

Въ смыслѣ жизни и добыванія продуктовъ — это былъ очень тяжелый годъ. Хлѣбъ выдавали по карточкамъ и очень неаккуратно; самая высшая порція была ¾ фунта — это считалось первой категоріей, а большинство получало ½ фунта и меньше. Муку, масло, молоко доставали и продовали подъ полой, въ особенности преслѣдовалась продажа молока и яицъ; ловили бабъ, везущихъ молоко изъ деревни, и молоко выливали на землю...

Это была пора общаго безденежья,— чтобы жить, всѣ продавали свою обстановку и носильныя вещи, при чемъ это строго преслѣдовалось, — въ особенности, когда продавали цѣнныя вещи изъ обстановки.

Помню такой случай: у меня были бронзовые часы Шопена, доставшіеся мнѣ по наслѣдству отъ дочери партизана Дениса Давыдова, тетки моего мужа. Они были очень массивные, изъ золоченой бронзы; верхъ ихъ былъ увѣнчанъ сидящей фигурой бронзовой женщины. Я ихъ привезла изъ Царскаго и тащила съ Милліоной на Фонтанку къ моей знакомой, у которой часто бывали антиквары, скупавшіе цѣнныя старинныя вещи. Завернувъ часы въ рогожу, я съ трудомъ тащила эти 1½ пуда; было очень холодно и руки ежеминутно коченѣли.

Когда я проходила мимо Марсового поля , навстрѣчу мнѣ попался патруль изъ трехъ вооруженныхъ солдатъ; голова золотой женщины въ эту минуту на бѣду вылѣзла изъ рогожи. Они сначала прошли мимо, но потомъ вернулись назадъ и окружили меня. Одинъ изъ нихъ приказалъ развязать рогожку и показать, что я несу.

Я имъ предложила сдѣлать это самимъ, такъ какъ у меня руки озябли.

«Вы знаете, что запрещено продавать произведенія искусства?» — спросилъ меня одинъ изъ иихъ, повидимому, старшій.

Я ихъ успокоила, что просто несу часы къ моей знакомой.

Въ это время по улицѣ проходилъ солдатъ, видимо, не большевикъ. Оиъ остановился и сталъ прислушиваться къ разговору, при чемъ въ глазахъ у него была иронія,— симпатіи его, видимо, были на моей стороиѣ. Одинъ изъ вооруженныхъ обратился къ иему съ вопросомъ: «Что ты тутъ стоишь?» — «А почему мнѣ не поглядѣть» — отвѣтилъ добродушно солдатъ.

Большевики другъ съ другомъ вполголоса посовѣтовались и рѣшили оставить мнѣ мои часы. Уходя, одииъ изъ нихъ сказалъ миѣ: «Не сердитесь иа иасъ, гражданка, но это входитъ въ кругъ нашихъ обязанностей». Я имъ отвѣтила, что не сержусь, ио отъ души желаю имъ найти другой кругъ обязанностей и другой родъ заиятій.

Вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Петроградъ было издаио распоряженіе, чтобы жильцы каждаго дома, по очереди, дежурили у воротъ; дворниковъ въ это время уже не было, а если кое гдѣ и были то, во всякомъ случаѣ они ничего не дѣлали.

Грозили арестомъ, если это постановлеиіе не будетъ выполнено, но тѣмъ не менѣе это распоряженіе, какъ и многія другія, выполнялось далеко не всѣми...

ГЛАВА 4.

Мой управляющій происходилъ изъ крестьянъ; оиъ былъ очень способный человѣкъ и при Царскомъ Правительствѣ служилъ въ Земельиомъ баикѣ. Въ это время, осенью 1919г., въ Петроградѣ жилось очень голодио и насъ выручалъ его сосѣдъ и другъ, бывшій солдатъ, который доставалъ намъ вдоволь овощи по очень дешевой цѣиѣ. Хлѣба почти не было, масло, молоко и яйца были недоступны. Рабочіе, которымъ сравнительно жилось лучше другихъ, все таки чувствовали недостатокъ во всемъ , и какъ результатъ на Путиловскомъ заводѣ произошли безпорядки. Рабочіе кричали: «хотимъ Царя Николая и свиниину!». Увы, свинина, всегда считавшаяся лакомствомъ и праздиичнымъ блюдомъ, теперь была для нихъ недоступна. Въ это же время, на одномъ изъ митииговъ на Путиловскомъ заводѣ, Зиновьевъ, послѣ своей рѣчи, получилъ пощечиiу отъ одиого рабочаго, тѣмъ ие меиѣе этотъ достойиый правитель долго послѣ этого оставался на своемъ посту.

Вскорѣ послѣ этого началось наступленіе генер. Юденича, — въ Петроградѣ ждали его какъ избавителя; цѣнныя бумаги и царскія деньги поднялись въ цѣнѣ и покупались на-расхватъ, но генер. Юденичъ дошелъ до Гатчины; далѣе произошло что-то для насъ необъяснимое. Говорили, что онъ

побоялся попасть въ петлю, что у него было недостаточно войскъ и т. п. Какъ бы то ни было, Юденичъ повернулъ обратно...

Если бы онъ дошелъ до Петрограда, я думаю, что онъ былъ бы встрѣченъ населеніемъ съ радостью. Уже тогда всѣ были измучены и много было недовольныхъ. Вообще — мы всѣ жили надеждами на Деникина, Колчака, а позже и на Врангеля. Увы! надежды были преждевременны...

Въ эту зиму мнѣ удалось продать мой домъ въ Петроградѣ одному еврею, и въ матерьяльномъ отношеніи мнѣ стало немного легче: домъ я продала, конечно, не официально, а заднимъ числомъ.

Лѣто я провела въ Царскомъ Селѣ у одной знакомой и къ намъ время отъ времени приходили изъ Дѣтскаго дома мальчики колоть и пилить дрова, получая за это обѣдъ.

Царское Село полно было дѣтскими домами: сама по себѣ мысль хорошая, такъ какъ климатъ въ Царскомъ хорошій, но въ тоже время дѣтей очень плохо кормили; хлѣба давали въ обрѣзъ, сахара часто не было, а ужъ мясо, молоко и сливочное масло было невиданной и неслыханной роскошью. Денегъ, видимо, на продукты не было. Лучше было бы не брать дѣтей, чѣмъ морить ихъ голодомъ.

Въ 1920-омъ году — еще не занимались дѣтскимъ воспитаніемъ, хотя ходить въ церковь уже считалось неблаговиднымъ. Съ 1923-го года по программѣ воспитанія начали преподавать дѣтямъ соціологію, устраивали въ школахъ богохульныя зрѣлища, стали пріучать дѣтей къ уличнымъ демонстраціямъ, къ бѣганью по улицамъ съ барабанами и красными тряпками, и пѣнью революціонныхъ пѣсенокъ. Конечно, многихъ дѣтей удалось такимъ образомъ испортить, — но что безусловно коснулось всей русской молодежи — это глубокое невѣжество.

Дѣти четырнадцати и пятнадцати лѣтъ плохо читаютъ, еще хуже пишутъ, никакихъ познаній по географіи они не имѣютъ, русскую исторію просто отъ нихъ прячутъ. За то они вкривь и вкось толкуютъ всякія доктрины Карла Маркса, которыя имъ преподносятъ во всѣхъ видахъ. Родители, конечно, въ отчаяніи и особенно тѣ, у которыхъ есть дочери, такъ какъ, помимо всего изложеннаго, дѣтей еще стараются развратить. Въ гимназіяхъ идутъ лекціи о половомъ вопросѣ, о сифилисѣ, вообще обо всемъ томъ, — что дѣтямъ знать не нужно и что они успѣли бы узнать позже, но въ большевикахъ работаетъ какая то злая сила, которая все старается разрушить и забросать грязью.

Тѣмъ не менѣе, когда мнѣ въ Царскомъ, и нѣсколько лѣтъ позже, въ другихъ городахъ, приходилось имѣть дѣло съ дѣтьми и молодежью, я не могла сказать, чтобы наше молодое поколѣніе было окончательно испорченнымъ. На многихъ дѣтяхъ чувствуется *только налетъ*, а наше студенчество въ большин-

ствѣ случаевъ съ себя этотъ налетъ уже сбросило. За зиму 1925 года молодежь очень пострадала и многіе изъ нихъ были исключены изъ школъ за критику и здравое отношеніе къ тому, что вокругъ нихъ дѣлается.

ГЛАВА 5.

Въ Царскомъ я прожила все лѣто и отдохнула отъ острой деижиой нужды, наслаждаясь природой и чуднымъ Царскосельскимъ воздухомъ; тутъ я только поняла, что для всѣхъ несчастныхъ — природа огромное утѣшеніе: въ ея красотѣ и спокойствіи есть что то такое, что миритъ даже съ самымъ жалкимъ существованіемъ.

Царскосельскіе парки содержались чисто и дворецъ Государя былъ въ такомъ видѣ, точно Государь только что оттуда выѣхалъ, даже всѣ фотографіи находились на своихъ мѣстахъ. Правда, мебель изъ дѣтскихъ комнатъ сперва была взята для дѣтскихъ домовъ, но потомъ опять поставлена на мѣсто.

Дворецъ мнѣ показывалъ старый царскій слуга, служившій еще при Императорѣ Александрѣ II, теперь онъ былъ сторожемъ и показывалъ дворецъ по особымъ билетамъ.

По совѣтскимъ источникамъ Наслѣдникъ Цесаревичъ скончался въ Сибири послѣ тяжкой болѣзни, позже стали разсказывать, что онъ погибъ вмѣстѣ съ отцомъ и сестрами. Все это слишкомъ безчеловѣчно, и безумно хочется вѣрить въ чудо.

Красивый, недавно выстроенный дворецъ Великаго Князя Павла Александровича (разстрѣляннаго вмѣстѣ съ другими Великими Князьями), обращенъ въ музей. Такъ хорошо помню высокую стройную фигуру Великаго Князя въ этомъ дворцѣ, я его лично хорошо знала и мнѣ кажется дикимъ, что можно было убить такого кроткаго, милаго человѣка.

Съ разрѣшенія завѣдующаго музеемъ я перевезла въ этотъ дворецъ-музей нѣкоторыя уцѣлѣвшія старинныя вещи изъ моей дачи. Когда я пріѣхала на свою дачу за люстрами очень старинnаго Ампиръ, директриса дѣтскаго клуба не хотѣла мнѣ ихъ отдавать, доказывая, что дѣти къ нимъ очень привыкли. Тѣмъ не менѣе я настояла на своемъ; просто взять люстры домой мнѣ, увы, не разрѣшили.

Къ осени деньги отъ продажи дома стали приходить къ концу, во первыхъ, потому, что я не всѣ деньги получила, во вторыхъ — пришлось расплатиться съ долгами и, въ третьихъ — деньги были уже не деньги: они безконечно падали.

Нужно было думать о томъ, что дѣлать дальше. Еврей , купившій мой домъ, предлагалъ мнѣ выйти замужъ за эстонца и уѣхать за-границу. За-гра-

ницу мнѣ очень хотѣлось, ио еврея я мало знала, а эстонца и совсѣмъ ие знала — почему и побоялась пойти на такое предпріятіе. Къ тому же я получила въ это время письмо отъ одного молодого человѣка изъ Саратова, котораго мой покойный мужъ и я когда то воспитывали и который теперь занималъ хорошее мѣсто. Онъ просилъ пріѣхать къ нему, поселиться, и вообще смотрѣть иа него, какъ на сына.

Подумавъ немного, я поѣхала въ Саратовъ. И онъ, и жена его встрѣтили меия очеиь тепло и радушно. Матвѣй Орѣшкинъ былъ сынъ одного изъ крестьянъ нашего села; я знала его съ 3-хъ лѣтняго возраста. Теперь оиъ занималъ важный постъ въ Саратовѣ и, какъ я скоро замѣтила, сталъ коммунистомъ. Когда я заставила его сознаться въ этомъ и спросила — какъ онъ до этого дошелъ, онъ отвѣтилъ, что ждалъ какой-нибудь перемѣны два года, но не дождавшись, поступилъ въ партію, такъ какъ, во первыхъ, ѣсть и пить надо, и во вторыхъ, только коммунистамъ даютъ хорошія мѣста.

По моимъ наблюденіямъ такихъ коммунистовъ очень много, есть даже такіе, которые запнсывались въ партію, чтобы получить пару сапогъ, ибо былъ такой годъ, когда сапогъ совершенно не было, и цѣна на нихъ была совсѣмъ недоступна; коммунистамъ же совѣтская власть выдавала ихъ даромъ.

Скоро пріѣхали къ моему воспитаннику его родственники-крестьяне изъ моего бывшаго имѣнія. Въ то время начали уже тѣснить крестьянъ: былъ голодный годъ, а ихъ обложили непосильной выдачей зерна. Теперь только, при разговорахъ, я увидѣла ту рознь, которая возникла между братьями, иесмотря на то, что они всегда были дружны между собой. Одинъ жилъ сытно и занималъ извѣстное положеніе, благодаря только лишь тому, что записался коммунистомъ, у другого крестьянина, не коммуниста, народиое правительство отнимало его послѣдній кусокъ хлѣба. Крестьяне разсказывали, между прочимъ, что когда большевистскіе агенты пришли къ нимъ отбирать хлѣбъ, то бабы собрались, вооружнлись чѣмъ попало и избили ихъ. На слѣдующій день выписаны были надежные красноармейцы, которые бабъ «сократили».

По вечерамъ, къ моему Матвѣю приходили его товарищи, такіе же какъ онъ молодые коммунисты. Въ разговорѣ ихъ проглядывало огромное самомнѣніе, невѣжество и любовь къ употребленію иностранныхъ словъ, смыслъ которыхъ они ие всегда понимали. Вндимо, ихъ всѣхъ очень забавляло «выступать», т. е. говорить на митингахъ, — объ этихъ своихъ «выступленіяхъ» они очень много говорили между собой.

Мнѣ тяжело и скучно было выслушивать ихъ разговоры, и я рѣшила уѣхать.

ГЛАВА 6.

Пріѣхавъ въ Москву, я скоро поступила сестрой милосердія въ Туберкулезный Институтъ. Остановилась я на Пречистенкѣ, около Зубовскаго бульвара. Мой институтъ былъ на другомъ концѣ Москвы. Приходилось въ 7 часовъ утра бѣжать туда пѣшкомъ верстъ восемь, и , проработавъ цѣлый день, возвращаться домой такимъ же способомъ. Трамваевъ въ то время почти не было и правомъ ѣзды на трамваяхъ пользовались по особымъ билетамъ только избранные рабочіе.

Жалованіе платили ничтожное и притомъ очень неаккуратно, деньги къ тому же падали, — такъ что выходило, что работаешь и утомляешься, иичего не зарабатывая. Правда — выдавали паекъ, который считался лучшимъ изъ всѣхъ больницъ, но въ общемъ онъ былъ также очень малъ; напр., крупы давали только 3 фунта на весь мѣсяцъ. Единственнымъ пнтаніемъ было то, что намъ оставляли больные.

Свободныхъ комнатъ для сестеръ въ больницѣ не было и черезъ нѣкоторое время мнѣ дали поблизости — не комнату, а какой то закоулокъ у одного еврея. Въ больницѣ мнѣ разрѣшили взять себѣ старый матрасъ, который почему то состоялъ изъ трехъ частей и былъ жестокъ какъ камень. Ночью, подо мной эти части разъѣзжались и я спала просто на доскахъ.

Для отопленія разрѣшалось брать деревья, которые привозились для больницы и складывались во дворѣ. Приходилось четверть версты тащить на своихъ плечахъ огромную, всегда сырую березу, — со двора больницы до моей квартиры —и тамъ подымать ее на четвертый этажъ, —по лѣстницѣ. Такъ какъ это дѣлалось въ дни отдыха, то я не знаю, когда я больше уставала.

Къ веснѣ 1921 г., по случаю голоднаго года, убавили порціи больнымъ, и приходилось довольствоваться сестрическимъ обѣдомъ: тарелкой кипятку съ кислой капустой. Проработавъ въ этихъ условіяхъ долгое время и продавъ еврейкѣ, у которой я жила, свое послѣднее бѣлье, я рѣшила взять отпускъ и отдохнуть , такъ какъ чувствовала, что физическихъ силъ у меня больше не было. Докторъ нашелъ у меня міокардитъ въ очень сильной степени, но отпуска мнѣ все таки не дали, и когда я заявила — что въ такомъ случаѣ я просто уйду, старшій врачъ мнѣ сказалъ, что онъ меня не отпуститъ, такъ какъ имъ сестры очень нужны. Тогда я написала ему официальное письмо, — что такъ какъ въ больницѣ сестеръ не кормятъ, то на слѣдующій день я на службу больше не приду. Впрочемъ, у меня къ нему нѣтъ и не было дурного чувства: онъ, конечно, оберегалъ интересы своей больницы. Всѣ сестры стремились уйти отъ такихъ условій, и неудивительно, что онъ старался насъ удержать. Вообще, и къ докторамъ и къ сестрамъ у меня осталось очень хорошее чувство. Мы всѣ работали въ очень тяжелыхъ

между прочимъ, сорвалъ красный флагъ съ того дома, гдѣ онъ жилъ, когда ему его повѣсили въ день совѣтскаго праздника. Совѣтская власть вызвала его для объясненій; хотя этотъ инцидентъ какъ то и уладился, но должно быть ему послѣ этого трудно было работать, такъ какъ черезъ три мѣсяца онъ совсѣмъ уѣхалъ изъ Россіи.

Немного позже этихъ иностранныхъ организацій, — католики, возглавляемые Папой Римскимъ Піемъ XI,— открыли также сѣть столовыхъ для дѣтей, и кромѣ того, безплатно снабжали нуждающихся продовольственными посылками.

Эту зиму я прожила въ Москвѣ у своихъ друзей и жила, что называется, случайнымъ заработкомъ.

Одна знакомая дама, занимавшаяся переводами съ иностранныхъ языковъ для Московскаго Института Журналистики, предложила мнѣ взять одинъ переводъ, отъ котораго она отказалась. Надо было перевести — *Исторію журнала во всѣхъ странахъ съ минуты появленія перваго журнала*— по Британской Энциклопедіи и другимъ иностраннымъ источникамъ.

Работать надо было въ Румянцевскомъ музеѣ; я взяла себѣ двухъ помощницъ, хорошо говорящихъ по англійски, и мы съ большимъ увлеченіемъ принялись за дѣло.

Исторія англійскихъ журналовъ находится въ тѣсной связи съ исторіей англійскихъ королей и парламента, и когда я принесла первую часть перевода коммунисту, стоящему во главѣ Московскаго Института Журналистики, то я очень боялась, что этотъ переводъ не примутъ — коммунисты вообще боятся всякой исторіи и усиленно прячутъ ее отъ молодежи, какъ нелегальную литературу.

Мои опасенья были не совсѣмъ напрасны. Коммунистъ, прочитавъ мой переводъ, сначала очень испугался и сказалъ мнѣ, что онъ совсѣмъ не этого ожидалъ, но такъ какъ источники указаны были именно имъ, то я возразила, что перевела въ точности то, что было въ Британской Энциклопедіи, а фантазировать на этой почвѣ я не могу.

Скрѣпя сердце, онъ принялъ мой переводъ, но успокоился только лишь тогда, когда я начала въ слѣдующемъ переводѣ перечислять заголовки журналовъ и писать эти заголовки русскими буквами. Очевидно, онъ хотѣлъ выучить заголовки и сверкнуть передъ кѣмъ нибудь своими познаніями.

«Вотъ это именно то, что мнѣ нужно», — сказалъ онъ мнѣ на этотъ разъ съ видимымъ удовольствіемъ. При расплатѣ онъ меня почему то обсчиталъ, но иначе онъ не былъ бы коммунистомъ...

ГЛАВА 9.

Въ томъ же году я начала свои хлопоты для выѣзда заграницу; подала, какъ полагалось, анкету и заранѣе заплатила за паспортъ. Мнѣ назначили притти за отвѣтомъ черезъ десять дней. Когда я пришла въ указанный срокъ, то, заставивъ меня безконечно прождать въ пріемной, предложили притти черезъ два дня. Черезъ два дня повторилось тоже самое, и такъ меня водили въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, — потомъ отказали! Деньги, отданныя за паспортъ, съ трудомъ вернули, но удержали два рубля «за отказъ».

Помню, что я пошла къ одному изъ высшихъ служащихъ въ Комиссаріатъ Иностранныхъ Дѣлъ, чтобы спросить о причинѣ отказа. Онъ у меня спросилъ мою фамилію.

«Вы гражданка Д-а. Я знаю причину, по которой васъ не выпускаютъ, но я связанъ словомъ; васъ и не выпустятъ, вамъ здѣсь гораздо лучше». Пришлось хлопоты объ отъѣздѣ отложить на нѣкоторое время.

Съ начальными хлопотами объ отъѣздѣ связана бѣготня по разнымъ совѣтскимъ учрежденіямъ, и тутъ пришлось во-вочію увидѣть полную ненужность многихъ этихъ учрежденій.

Все это сдѣлано для того, чтобы заставить всѣхъ служить, и дѣятельность большинства ихъ состоитъ въ томъ, что они толкутъ воду въ ступѣ, но толкутъ... чтобы не умереть съ голоду.

Обыкновенно, въ каждой семьѣ и мужъ и жена служатъ зачастую въ разныхъ учрежденіяхъ, причемъ заработокъ каждаго изъ нихъ даетъ имъ возможность прокормить только самого себя. Сохрани Боже, если есть дѣти, такъ какъ тогда заработокъ безусловно недостаточенъ. Кромѣ того — это обязательство *служить* вноситъ въ жизнь большой безпорядокъ; такъ какъ большинству прислуга не по средствамъ, то та же уставшая жена и мать, возвращаясь домой, принимается готовить обѣдъ, штопать и обшивать своихъ дѣтей. Всѣ вѣчно торопятся, живутъ кое-какъ, и получается вѣчное безплодное переутомленіе. Сплошь и рядомъ, мнѣ приходилось слышать и въ средѣ интеллигенціи, и въ средѣ рабочихъ: «Раньше при старомъ режимѣ въ семьѣ работалъ одинъ мужъ и всѣ были сыты».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти безчисленныя и ненужныя совѣтскія учрежденія ложатся огромнымъ бременемъ на разоренную Россію. Раньше, напримѣръ, было одно Министерство Финансовъ, — теперь въ одной Москвѣ ихъ нѣсколько. На Воскресенской площади находится главный наркомфинъ (народный комиссаріатъ финансовъ), а кромѣ того въ каждомъ участкѣ — по такому же учрежденію, при чемъ изъ за каждой бумажки — самой ничтожной — нужно обѣгать нѣсколько лѣстницъ и стоять въ хвостахъ около разныхъ столовъ и окошечекъ для полученія какой нибудь санкціи — вродѣ совѣтской печати.

Въ началѣ большевистской революціи въ этихъ окошечкахъ сидѣли барышни съ настроеніемъ бѣшеныхъ собакъ и въ лучшемъ случаѣ онѣ что-то безконечно жевали и пили чай, пока публика томилась въ ожиданіи. Послѣднее время въ учрежденія проникла интеллигенція и барышни стали немного снисходительнѣе.

Въ 22-омъ и 23-емъ г. г. финансовое положеніе въ совѣтской Россіи становилось совсѣмъ катастрофическимъ; деньги летѣли внизъ съ головокружительной быстротой каждый день и каждый часъ. Тогда большевики раздобыли откуда то стараго финансиста Кутлера, который ихъ выручилъ. Я отнюдь не финансистъ и не знаю къ какимъ мѣрамъ онъ въ данномъ случаѣ прибѣгъ, но одна изъ мѣръ была — безусловно наслѣдственное пониженіе цѣнъ на жизненные продукты, и сдѣлано это было при помощи «чекн».

Проведя эту спасительную для большевиковъ операцію, Кутлеръ скоропостижно умеръ.

Нѣсколько раньше заболѣлъ и Ленинъ — прогрессивнымъ параличемъ. Нельзя сказать, чтобы его отсутствіе въ правительствѣ было особенно замѣтно, развѣ только, что правительство съ мѣста замѣтило невыгоду «даровщинки». Стали назначать плату за квартиры, освѣщеніе, воду и т. п., ибо дома пришли въ ужасное состояніе, водопроводы были испорчены, стѣны и потолки въ квартирахъ прокопчены, электричество въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ или плохо горѣло или совсѣмъ не горѣло, — ужъ про телефоны и звонки и говорить нечего. Денегъ же на ремонтъ не было и неоткуда было взять.

Еще при жизни Ленина торговля, которая была придушена въ первые годы, стала опять пробиваться наружу, появились лавки, рестораны, магазины, особенно гастрономическіе; начали пить даже чай и кофе, которыхъ не видѣли больше трехъ лѣтъ.

Съ мануфактурой было много хуже, оттого ли, что спроса на нее не было, оттого-ли, что этотъ видъ торговли еще больше тѣснили, но только и до сихъ поръ Москва въ этомъ отношеніи и близко не подходитъ къ тому, — что было въ дореволюціонный періодъ. Правительство вообще все время стремится все захватить въ свои руки, ничего не предоставляя частной иниціативѣ. На частную торговлю оно накладывало и накладываетъ непомѣрные налоги, они въ полномъ смыслѣ слова являются петлей — вотъ почему на мѣсто частныхъ магазиновъ черезъ нѣсколько времени появляются кооперація. Но, несмотря на то, что всѣ частные доходы правительство перевело въ свой карманъ, денегъ все-таки никогда не хватаетъ, должно быть все это или расхищается, или же безтолково расходуется.

Нѣсколько разъ, въ первые годы революціи, правительство пробовало закрыть и рынки, но это каждый разъ вызывало въ народѣ слишкомъ большое возбужденіе. Вообще два, три года тому назадъ на рынкахъ происхо-

50

дили страиыя вещи. Неожиданно приходили солдаты и, придравшись къ какому нибудь пустяку , начинали стрѣлять въ торговцевъ и въ публику, бить кого попало прикладами. Происходила паника, толпа разбѣгалась въ разиыя стороиы; тутъ же иногда устраивали облаву и отводили и торговцевъ и покупателей въ участокъ. На самомъ рынкѣ создавалась въ эту минуту отличиая обстановка для воровства и такимъ образомъ еще разъ выполнялась осиовиая задача коммунистической программы.

Въ 22 и 23 году появился было иовый классъ людей nouveaux riches, или какъ ихъ прозвали «нэпманы» (иначе сказать — продуктъ иовой экоиомической политики). Это были люди, иажившіе себѣ деньги спекуляціями, ио совѣтская власть не дала расцвѣсти этому цвѣточку, живо арестовала ихъ, кого выслала, кого разстрѣляла, а деньги , конечно, прикарманивала, — тѣмъ дѣло и кончилось.

ГЛАВА 10.

Весной 1922 года совѣтской власти особенно остро поиадобились деньги и правители рѣшили приступить къ ограбленію церквей. Протесты Патріарха, епископовъ и священниковъ не произвели никакого впечатлѣнія на иашихъ правителей, ведущихъ, по собственному неоднократному заявленію, свой древній родъ отъ Дарвиновской обезьяны, и вызвали лишь растрѣлы и аресты; всѣхъ епископовъ и священииковъ, осмѣлившихся громко осуждать правительство, немедлеино ссылали, и гоненіе на Церковь съ каждымъ днемъ усиливалось. Церковь поддерживала совѣсть и нравствениый обликъ русскаго иарода, а именно это то и иужно было совѣтской власти растоптать.

Въ періоцъ ограбленія церквей правители добрались, между прочимъ, до русской святыии — Троицко-Сергіевской Лавры. Изъ Лавры устроили музей и бани, мощи св. Сергія выиесли въ музей изъ Собора. Соборъ закрыли и церковныя службы въ немъ запретили.

На этой почвѣ создалась легенда, которая переходила въ Москвѣ изъ устъ въ уста. Разсказывали, — что въ Пасхальную ночь на колокольиѣ Сергіевскаго Собора послышался звоиъ. Представители власти всполошились, — кто смѣетъ звонить, когда запрещено служить въ Соборѣ? Послали иа колокольию двухъ солдатъ, которые вериувшись разсказали, что видѣли тамъ старца съ бѣлой бородой, съ свѣтлымъ лицомъ и въ свѣтлой одеждѣ, и что это имение онъ звоиитъ въ колоколъ. Власти велѣли солдатамъ вериуться на колокольню и схватить старца; солдаты пошли выполнять приказаніе , но больше оттуда не вериулись... Когда ихъ пошли разыскивать, иа колокольиѣ нашли два трупа.

ГЛАВА 11.

Ограбленіе и закрытіе многихъ церквей и монастырей не удовлетворило III Интернаціоналъ. Онъ рѣшилъ добраться до Православія, почему придуманъ былъ искусственный расколъ;отсюда возникновеніе «живой» или «красиой» церкви. Г. П. У. (Государственное Политическое Управленіе) для этого вошло въ соприкосновеніе съ нѣкоторою частью духовенства и стало имъ руководить, конечно,— своими обычными пріемами: подкупами и запугиваніемъ. Въ идейность живой церкви я не вѣрю, да и вообще мало кто вѣритъ. Въ Москвѣ этотъ проектъ потерпѣлъ фіаско, и несмотря на то, что подъ красную церковь отняли Храмъ Христа Спасителя, тѣмъ ие менѣе онъ стоитъ всегда пустой. Близость Патріарха и хорошій составъ духовеиства дали насильникамъ рѣшительный отпоръ. Въ Петроградѣ и нѣкоторыхъ провинціяхъ духовенство было менѣе стойко, хотя многія церкви, черезъ иѣкоторое время, вернулись въ старое русло.

Московскія же церкви во время гоненія особенно духовно поднялись. Люди съ высшимъ образованіемъ постригались въ священники и дьяконы, чудные хоры пѣвчихъ появились во всѣхъ церквахъ, несмотря на сравнительное безденежье. При каждой церкви образовалось сестричество и сестры замѣчательно заботливо относились къ порядку и убранству церкви. Въ большіе праздники церкви убираются теперь такъ же, какъ раньше убирались на Троицынъ день, цвѣтами и вѣтками деревьевъ. Къ тому же наше духовенство очень приподнято и молитвенно настроенно. Все это вмѣстѣ взятое — дѣлаетъ иашу православную службу въ церквахъ особенно великолѣпной, и церкви, иесмотря на огромное количество ихъ въ Москвѣ, послѣдніе годы переполнены народомъ. Въ большіе праздники, чтобы попасть въ церковь, надо идти задолго до начала службы.»

Въ «красиой церкви» есть безусловно выдающіеся ораторы между молодыми священниками, напримѣръ Введенскій: я слышала его проповѣдь до того,какъ онъ отдѣлился отъ Православія и должна сознаться,что онъ говоритъ съ большимъ подъемомъ и очень увлекательно, только въ голосѣ его есть что то иепріятное и лицомъ онъ ужъ очень похожъ на еврея. Тѣмъ ие менѣе въ тотъ, надѣюсь, недалекій день,когда сойдутъ со сцены большевики, исчезнетъ полностью, конечно, и «красная церковь».

ГЛАВА 12.

Въ началѣ лѣта 1923-го года я опять очутилась въ поискахъ какой нибудь работы. Предлагали разныя частныя мѣста, больше всего предлагали быть гувернанткой и, между прочимъ, кто то изъ моихъ друзей сказалъ,

что квакеры открываютъ въ Самарской и Оренбургской губерніяхъ лѣчебные пункты, чтобы лѣчить малярію, и что они набираютъ сестеръ милосердія. Я зашла въ ихъ контору въ Москвѣ, принесла имъ свои документы и вскорѣ меня отправили въ Бузулукъ, вмѣстѣ съ одной моей знакомой, докторомъ Тучковой.

Малярія въ Самарской и другихъ губерніяхъ, дѣйствительно, разрушительно дѣйствовала и подкашивала почти все населеніе, перенесшее два голодныхъ года и дошедшее до людоѣдства. Кромѣ тропической маляріи, въ это время въ Бузулукъ занесена была изъ Ташкента тропическая дезинтерія, — болѣзнь въ Европейской Россіи мало извѣстная, но которая также заразительна,какъ и холера и даже хуже холеры, ибо связана съ нарывомъ въ печени и огромной потерей крови. Сначала я работала въ Бузулукѣ въ совѣтской больницѣ, ухаживая за однимъ дезинтерійнымъ больнымъ, служившимъ шоффером у квакеровъ и, слава Богу, выходила его. Это было въ англійской штабъ-квартирѣ квакеровъ. Потомъ я сама заболѣла тропической маляріей настолько сильно, что меня отвезли, почти безъ памяти, въ Англійскую больницу. Тутъ, несмотря на недомоганіе, я почувствовала себя въ Царствѣ Небесномъ, до такой степени сестра-англичанка обо мнѣ заботилась. Вообще квакеры-на рѣдкость милые люди и замѣчательно проводятъ христіанство въ жизнь. Я никогда не забуду то радушное и гостепріимное отношеніе, съ которымъ встрѣтили доктора Тучкову и меня въ Бузулукѣ.

Пробывъ въ больницѣ 10 дней, я стала проситься на работу, и меня отправили въ одно большое село, Сорочинское, главный пунктъ американскихъ квакеровъ, съ которыми англійскіе квакеры работали сообща.

Здѣсь была организована раздача хинина, страдавшимъ маляріей, и мы каждый день пропускали черезъ свою амбулаторію тысячу и больше человѣкъ.

Тутъ при большомъ стеченіи народа особенно ясно было видно, что стало съ населеніемъ этой мѣстности за эти два года. Такихъ распухшихъ и темнозеленыхъ лицъ я никогда еще не видѣла, даже странно было, видѣть, что эти люди еще разговариваютъ. Медицинская помощь была болѣе чѣмъ нужна, и спасибо англійскимъ и американскимъ квакерамъ, которые въ эту минуту протянули руку помощи нашему несчастному народу. Масса народонаселенія этой мѣстности, предоставленная *исключительно заботамъ совѣтской власти*, несомнѣнно погибла бы.

Мнѣ всего пришлось проработать тамъ около 4-хъ мѣсяцевъ, малярія ко мнѣ то и дѣло возвращалась и надо было, по совѣту докторовъ, перемѣнить климатъ. Я съ грустью простилась съ этой милой средой, въ которой мнѣ пришлось работать и съ тѣмъ дѣломъ, гдѣ я могла бы быть полезна, и вернулась въ Москву. На прощаніе американскіе квакеры меня одѣли съ

ногъ до головы, даже подарнлн пальто (дѣло шло къ знмѣ, а у меня—въ смыслѣ вещей—были одни лохмотья); потомъ выдалн мнѣ мое жалованіе н, по чувствовавъ себя мнлліонеромъ, я возвратилась въ Москву.

ГЛАВА 13.

Изъ значнтельныхъ событій за послѣдующій годъ — можно отмѣтить смерть Ленина, хотя онъ уже годъ передъ тѣмъ началъ страдать прогрессивнымъ параличомъ и былъ совершенно невмѣняемъ. Когда онъ еще былъ въ состоянін говорить и понимать, то его, говорятъ, преслѣдовалн внднѣнія загубленныхъ имъ душъ. Послѣдній годъ онъ только мычалъ какія то невнятныя слова. Со смертью *великаго сифилитика* начались всякія нскусно подстроенныя демонстраціи, а совѣтская печать впала въ безконечный истерическій припадокъ; всю Москву обвѣснли красными и чернымн флагамн — но, на самомъ дѣлѣ, въ Москвѣ никакой печали не было, еслн не счнтать коммунистовъ съ траурной повязкой на рукавѣ.

Мнѣ вспомнилось мое дѣтство н трагичная кончина Императора Александра II; какъ тогда всѣ плакали н старъ и младъ, — плакалн всѣ сословія. Чувствовалось, что русскій народъ потерялъ своего настоящаго Отца и Друга.

Похороны Ленина былн обставлены болѣе чѣмъ торжественно и всѣмъ служащнмъ было строго *предложено* пойтн съ нимъ простнться. Во всѣхъ совѣтскихъ демонстраціяхъ служащіе въ учрежденіяхъ «должны» былн прнпять участіе, подъ угрозой потерн свонхъ должностей — тѣмъ не менѣе многіе прнбѣгали къ разнымъ хнтростямъ, чтобы уклонпться и являлнсь на мнпуту, послѣ чего тотчасъ же скрывались.

Въ день похоронъ Ленина было 30 градусовъ мороза и многіе солдаты, которые должны былн стоять до конца, отморознли себѣ руки, ногн и носы.

Черезъ нѣкоторое время на высокій постъ Ленина былъ нзбранъ Рыковъ — нзвѣстный пьяница. Хотя онъ н русскій, но въ Совѣтской Россіи всѣмъ и каждому извѣстно, что все русское — мало авторнтетно и русскіе, подобные Рыкову и другнмъ — только маріонеткн въ рукахъ закулнснаго III Интернаціонала.

Когда Ленинъ былъ еще въ сознательномъ состоянін, то между нимъ и Троцкнмъ не разъ пронсходилн разногласія. Троцкій, какъ умный еврей, отлично понялъ, что для того, чтобы усндѣть на своей познцін, надо понемногу правѣть: дѣлать уступки н заглаживать свои ошибки. Вообще онъ изъ тѣхъ коммуннстовъ, которые въ коммунизмъ въ душѣ уже больше не вѣрятъ. Троцкій, какъ извѣстно, впослѣдствіе напнсалъ кнпгу «1917 годъ», которая вооружила коммуннстовъ противъ него. Несмотря на многочнслен-

ныхъ сторонниковъ — его нѣсколько разъ, подъ видомъ болѣзни, высылали на Кавказъ. — Въ этомъ случаѣ, онъ игралъ роль Донъ Базиліо въ «Севильскомъ Цирюльникѣ», когда Донъ Базиліо выгоняютъ изъ комнаты и поютъ: «У васъ лихорадка, у васъ лихорадка». Только черезъ нѣкоторое время большевики опять возвратили Троцкаго.

ГЛАВА 14.

Въ 1923 году начали функціонировать банки, т. е. государственный и промышленный, — послѣдній представляетъ изъ себя отдѣленіе государственнаго. Частныхъ банковъ въ Москвѣ нѣтъ; были пробы негласныхъ баиковъ, но они скоро лопались и деньги куда то исчезали; земельныхъ банковъ также, конечно, нѣтъ.

Мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ о земельномъ вопросѣ, который такъ стремительно принялось разрѣшать сначала Временное Правительство, а потомъ и большевики; о результатахъ, полученныхъ при Временномъ Правительствѣ, судить не берусь; знаю только, что имѣнія отчасти сожжены были уже тогда*), но большевики докончили разрѣшеніе этого сложнаго вопроса во всякомъ случаѣ нелѣпо.

Отобрать землю они отобрали, но, очевидно, крестьяне, не имѣя ни плуговъ, ни машинъ, ни оборотнаго капитала, не могли ни запахать, ни обработать ту землю, которая была предметомъ ихъ историческихъ вожделѣній, да кромѣ того и не было особеннаго желанія работать на землѣ, которая имъ не принадлежала на правахъ собственности. За періодъ большевизма получились огромныя незапаханныя пространства земли, которыя раньше, когда на нихъ были хозяйства, выносили на русскіе и иностранные рынки и хлѣбъ , и мясо, и кожу, и яйца, и всѣ молочные продукты. Поэтому до сихъ поръ, несмотря на то, что совѣтская власть искусственно и очень энергично снижаетъ цѣны, все таки, даже за послѣдіе годы, все стоитъ два раза дороже того, что стоило при старомъ правительствѣ, а вѣдь эти послѣдніе годы были признаны урожайными; я уже не говорю о первыхъ годахъ большевизма, когда подъ предлогомъ неурожая мы сидѣли безъ бѣлаго хлѣба въ теченіе 5 лѣтъ. Въ данную минуту**) опять назрѣваетъ безденежье и опять все дорожаетъ.

Когда я работала сестрой у квакеровъ, то наблюдала такую картину. Квакеры, видя, что крестьянамъ нечѣмъ обрабатывать землю, выписывали изъ Англіи тракторы и запахивали землю для нихъ; но это дѣлалось на клочкѣ

*) Послѣ реформы недоброй памяти «селянскаго-министра» — пораженца В. Чернова. (Ред).

**) Въ 1925 г. (Ред.)

земли въ Самарской губерніи. Такъ какъ нельзя расчитывать на доброту квакеровъ и на то, что они смогутъ это сдѣлать повсемѣстно, то лучше просто сознать свою ошибку и постараться ее исправить. Большевики это отчастн поняли, какъ поняли и то, что крестьянинъ только тогда будетъ интересоваться землей, когда она станетъ его собственностью; видя неудовлетворенность и недовольство крестьянъ, они послѣднее время рѣшили поощрять хуторское хозяйство (мысль покойнаго Столыпина), но такъ какъ въ ихъ программу собственность не входитъ, то они пошли на компромиссъ и сдаютъ землю въ аренду пока на двадцать лѣтъ.

Земельный вопросъ въ Россіи очень сложный вопросъ и подходить къ нему надо перекрестясь.

ГЛАВА 15.

Похоронивъ Ленина, и выстроивъ ему на площади мавзолей подозрительнаго типа, въ которомъ и сейчасъ покоятся его *бренные останки*, большевики опять устремилн свои взоры на церковь.

Прежде всего они арестовали Патріарха домашнимъ арестомъ въ Донскомъ Монастырѣ, и черезъ нѣкоторое время отдали его подъ судъ.

Въ газетахъ начали появляться грамоты за подписью Патріарха, но никто имъ не довѣрялъ, зная, что они составлены въ Г.П.У., и что онъ лишенъ возможности ихъ опровергнуть. Между прочимъ дѣятели Г. П. У. рѣшили перемѣнить церковный православный стиль и доставили Патріарху Тихону бумагу за подписью восточныхъ Патріарховъ, ими же составленную и ими же подписанную, будто они, Патріархи, сообща рѣшили перейти на новый стиль въ смыслѣ празднованія православныхъ праздниковъ.

Должно быть бумага была умѣло составлена. Патріархъ Тихонъ ей сначала повѣрнлъ и отдалъ соотвѣтствующее приказаніе духовенству, но черезъ нѣсколько дней, когда совѣтскій обманъ обнаружился, Патріархъ отмѣнилъ свое распоряженіе.

Вообще этотъ годъ болѣе предыдущихъ ознаменованъ арестами.

Старшая изъ виучекъ моего дяди, у котораго я жила по пріѣздѣ въ Москву, служнла въ это время въ иностранной миссіи, которая нѣсколько лѣтъ работала въ Россіи и въ данную минуту ликвидировала еще свои дѣла. Она была корреспонденткой и переводила изъ совѣтскихъ газетъ то, что касалось экономической политнки совѣтовъ; работала она подъ руководствомъ одного швейцарца.

Послѣ убійства Воровскаго въ Женевѣ, совѣтская власть начала преслѣдовать этого швейцарца настолько, что тотъ долженъ былъ покинуть Москву. Какъ только онъ уѣхалъ, моя племянница замѣтила, что ее на улицѣ и у подъѣзда дома стали выслѣживать какіе то подозрительные люди. Она объ этомъ мнѣ неоднократно говорила.

Нѣсколько недѣль спустя, когда мы въ одиннадцать часовъ вечера собирались ложиться спать, а дядя уже былъ въ постели, къ намъ неожиданно ввалилась компанія чекистовъ и солдатъ. Ихъ было 9 человѣкъ, въ числѣ ихъ одна дама. Они объявили, что у нихъ есть ордеръ на арестъ моей племянницы, и что они должны произвести обыскъ. При этомъ они оцѣпили обѣ комнаты такъ, что нельзя было выйти.

Совершенно машинально я опустила руку въ карманъ и, о ужасъ! нащупала письмо, которое я получила наканунѣ изъ за границы черезъ одно изъ иностранныхъ консульствъ, и которое я забыла уничтожить. Въ этомъ письмѣ, полученномъ отъ одной подруги, стояла такая фраза: «Великій Князь Николай Николаевичъ въ Парижѣ, и потому теперь центръ тяжести въ Парижѣ». Этой фразы было вполнѣ достаточно, чтобы меня заподозрить въ контръ-революціи. Письмо надо было разорвать до обыска, а выйти было некуда.

Зная, что русскіе солдаты не только въ такихъ случаяхъ, но даже и въ случаяхъ разстрѣла не разъ выручали, — выбрала солдата съ сравнительно хорошимъ лицомъ и, на его глазахъ, разорвала письмо, а потомъ кусочки бумаги незамѣтно бросила за шкафъ — солдатъ меня не выдалъ и даже не тронулся съ своего поста.

Тѣмъ временемъ чекистъ латышъ, въ другой комнатѣ, усиленно рылся въ письменномъ столѣ. Когда я вошла въ комнату, то онъ мнѣ заявилъ, что я взяла одно изъ тѣхъ писемъ, которое онъ отложилъ для прочтенія. Онъ, мнѣ кажется, просто зналъ, что я получила письмо по почтѣ и хотѣлъ, чтобъ я ему его отдала.

«Отдайте письмо сейчасъ же, а то я васъ арестую», настаивалъ латышъ.

Я ему на это сказала, что если ему очень хочется, онъ можетъ меня арестовать, но разъ я говорю, что письма не брала, — то значитъ я не брала; затѣмъ, выдвинувъ ящикъ своего стола для осмотра, я попросила поскорѣе обыскать мою постель, такъ какъ мнѣ очень спать хочется. Когда они исполнили мою просьбу, то я дѣйствительно легла одѣтая на постель и на ихъ глазахъ безмятежно заснула.

Они рылись до трехъ часовъ утра. Въ три часа племянница меня разбудила: ей объявили, чтобы она собиралась, что черезъ два часа за ней заѣдутъ и отвезутъ въ Ч.-К. Между ея письмами было много писемъ отъ иностранцевъ; этого было достаточно, чтобы заподозрить ее въ шпіонажѣ и контръ-революціи.

Въ этотъ вечеръ арестовали почти всю молодежь московскаго общества. Они просидѣли нѣкоторое время въ тюрьмѣ, причемъ на допросахъ, какъ выяснилось, интересовались больше всего — танцовали ли они фоксъ-тротъ съ иностранцами.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ихъ всѣхъ выслали въ разные города Россіи и Снбири на 3½ года.

ГЛАВА 16.

Осенью 1924 года Патріархъ, вслѣдствіе болѣзни, былъ выпущенъ изъ подъ ареста.

Въ ноябрѣ быль праздникъ образа Знаменья Божьей Матери. Недалеко отъ насъ былъ храмъ въ честь Знаменья и кто то изъ знакомыхъ мнѣ сказалъ, что Патріархъ тамъ будетъ служить.

Народу собралось очень много , всѣ его ждали, но Патріархъ не пріѣхалъ, такъ какъ въ это утро, какъ оказалось, убили его келейника. Рано утромъ въ наружную дверь кто то постучалъ, келейникъ вышелъ отворить, и былъ убитъ выстрѣлами наповалъ. Его трупъ, падая, загородилъ дверь. Патріархъ, услышавъ шумъ, вышелъ посмотрѣть въ чемъ дѣло, и когда онъ съ трудомъ отворилъ дверь, то увидалъ трупъ своего келейника, и вдалекѣ убѣгающаго убійцу съ двумя шубами въ рукахъ. Это были шубы Святѣйшаго.

Келейникъ былъ идейный молодой человѣкъ, который пошелъ служить Патріарху для того, чтобы при немъ былъ вѣрный человѣкъ. Святѣйшій, говорятъ, его очень любилъ.

Всю зиму Патріархъ болѣлъ и лежалъ въ больницѣ, отъ времени до времени, онъ все таки служилъ въ разныхъ церквахъ. Въ началѣ марта онъ почувствовалъ себя лучше и собрался переѣхать въ Донской Монастырь на свою старую квартиру. Наканунѣ отъѣзда у него заболѣлъ зубъ, и онъ, желая его вырвать, обратился къ зубному врачу.

Должно быть доза кокаина, которую ему вспрыснулъ зубной врачъ, была слишкомъ велика, т. к. смерть послѣдовала внезапно. — Въ день Благовѣщенья, 25 марта, Патріарха не стало.

На слѣдующій же день, рано утромъ, тѣло Патріарха перенесли въ Донской Монастырь, сначала на его бывшую квартиру, а затѣмъ — въ Храмъ.

Народъ валилъ толпами, желая поклониться праху Святѣйшаго; пришлось установить очередь, прнчемъ вся улица была запружена народомъ, который терпѣливо стоялъ въ ожиданіи цѣлыми часами. Такъ продолжалось нѣсколько дней до дня похоронъ. Въ день похоронъ было до 60 тысячъ человѣкъ, среди которыхъ наблюдалось очень много молодыхъ рабочихъ. Похороны были обставлены очень торжественно. Въ толпѣ изъ устъ простонародья я не разъ слышала одну и ту же фразу: «Вотъ на Ленина гнали, никто не шелъ, а тутъ всѣ самн ндутъ».

Останки Святѣйшаго опустили въ маленькую могилу у церкви Донского Монастыря. Послѣ похоронъ народъ еще нѣсколько мѣсяцевъ подрядъ массами шелъ на его могилу и приносилъ ему цвѣты.

ГЛАВА 17.

Передъ Пасхой 25-го года я получила письмо отъ родственниковъ изъ за-границы, гдѣ они мнѣ совѣтывали еще разъ попробовать уѣхать.

Я рѣшила сначала пойти къ Калинину, такъ какъ нѣкоторымъ моимъ знакомымъ удалось уѣхать послѣ того, какъ они у него побывали. Онъ принималъ въ это время въ домѣ князя Голицына около Кремля. Надо было забираться въ его пріемную съ 8-ми часовъ утра. Я такъ и сдѣлала и получила предварительно какую то записку, по которой я имѣла право предстать передъ его свѣтлыя очи.

Калининъ стоялъ въ комнатѣ за какими то перилами и рядомъ съ нимъ дѣвица восточнаго типа, — видимо, его секретарь.

Онъ средняго роста, въ очкахъ, съ довольно мохнатыми русыми волосами; происходитъ изъ крестьянъ и, говорятъ, сохранилъ хорошія отношенія со своими бывшими помѣщиками; не разъ выручалъ ихъ во время революціи. Я ему изложила мою просьбу и сказала, что по невѣдомымъ причинамъ меня изъ Россіи не выпускаютъ, и что я ходатайствую объ отъѣздѣ вотъ уже два года. Онъ молча меня выслушалъ и, не глядя на меня (по моему, коммунисты никогда въ глаза не глядятъ), написалъ на моемъ заявленіи: «Удовлетворить», и затѣмъ фамилію какого то чекиста, къ которому я должна обратиться.

Этотъ чекистъ также написалъ: «Удовлетворить», и направилъ меня къ другому чекисту, который оказался болѣе ядовитымъ и прошелся насчетъ того, что я дворянка и бывшая помѣщица.

Я его успокоила, что имѣніе было не мое, а моего покойнаго мужа. Онъ мнѣ велѣлъ притти черезъ недѣлю за отвѣтомъ.

Ровно черезъ недѣлю въ Германіи выбрали президентомъ Гинденбурга. Это былъ тяжкій ударъ для совѣтской власти. Они такъ надѣялись, что развратятъ сосѣдей — нѣмцевъ. Счастье было такъ близко и такъ возможно... и вдругъ Гинденбургъ! Я тутъ, конечно, была не причемъ, но совѣтская власть срываетъ свой гнѣвъ обыкновенно на томъ, кто подвернется.

Поэтому я пошла къ чекистамъ лишь недѣли двѣ спустя. Чекистъ сначала поинтересовался, зачѣмъ я такъ долго не приходила за отвѣтомъ. Я сказала, что подготовляла нужныя бумаги для отъѣзда. Онъ этимъ удовлетворился и заявилъ мнѣ, что Центральный Исполнительный Комитетъ разрѣшилъ мой выѣздъ, и затѣмъ прибавилъ со свойственной совѣтской власти самонадѣянностью: « Все равно, черезъ годъ опять будете къ намъ проситься».

Я сейчасъ же дала знать объ этомъ моимъ роднымъ и начала хлопоты о заграничной визѣ. Когда все было налажено, и я получила деньги на дорогу, то сейчасъ же отправилась подавать анкету.

Въ этотъ день, въ отдѣлѣ внзъ и заграннчныхъ паспортовъ, сидѣли особеино скверные типы. Взявъ мою анкету — одинъ изъ этихъ типовъ молвилъ: «Приходите за отвѣтомъ черезъ два мѣсяца». Я заявила, что нмѣю разрѣшеніе иа выѣздъ отъ Калиинна и Центральнаго Исполнительнаго Комитета, но такъ какъ въ совѣтскихъ гражданахъ я не разъ замѣчала полное презрѣніе къ собствеиной власти, то н на этотъ разъ мои слова и номеръ квитанціи данпаго мнѣ разрѣшеиія не произвели никакого эффекта — оии попрежнему настаивали на томъ, что имъ нужно еще два мѣсяца для справокъ.

Черезъ два дня я опять пошла къ Калинину, но , какъ оказалось, его въ Москвѣ ие было. Я очень долго ждала въ пріемной и тутъ, сидя въ толпѣ крестьянъ и простонародья, все время слышала порицаиія и негодованія по адресу правительства. Иронія судьбы — пока мы сидѣли въ ожиданін, крестьяие подходили ко мнѣ и просили составнть имъ прошеніе къ крестьянину Калиинну, думая, должно быть, что это прошеніе будетъ имѣть больше успѣха. Многіе изъ иихъ пришли изъ деревень другихъ губерній за заработкомъ въ Москву и обратились за работой на Биржу труда, но тамъ никакой работы ие оказалось; тогда они рѣшили обратиться къ Калиинну, но тутъ ихъ не приняли и опять отправили обратно въ то же учреждеиіе, которое носитъ громкое назваиіе, но отнюдь его не оправдываетъ.

Въ пріемной у Калинина лежатъ въ растяжку голодныя бабы съ такими же уставшими голодными дѣтьми. Крестьяие въ данную минуту бѣгутъ изъ деревнн въ городъ, такъ какъ нхъ задушилн налогами, а такъ какъ въ городѣ заработковъ тоже нѣтъ, то недовольство получается полное. Многіе вспоминаютъ старое правительство, видя всю бездарность и безпомощность совѣтской власти. Когда я какъ то спросила у одного крестьяиина, отчего онн ие протестуютъ, онъ мнѣ отвѣтилъ, что шпіонажъ такъ поставленъ въ деревнѣ, что сейчасъ же сожгутъ избу. За этотъ послѣдній годъ, между прочимъ, оин усилеиио убиваютъ сельскихъ корреспондеитовъ, которые пишутъ въ газетахъ объ нхъ благополучіи.

Въ арміи также, говорятъ, большое иедовольство, — солдатъ плохо кормятъ.

Относнтельно вѣрноподданностн арміи совѣтской власти можно въ общемъ сказать, что она старыхъ офицеровъ, попавшихъ въ армію, предпочитаетъ офицерамъ коммунистамъ. Солдатъ на улицахъ видно мало. Одѣты оии чисто и видна дисциплина.

Положеніе рабочихъ въ данную минуту также не очень блестяще. Имъ даютъ жалованье какъ будто прилнчное, но половину изъ него вычитаютъ на азропланы, на ннвалидовъ, на безпризорныхъ дѣтей*) н т. д.

*) А теперь въ пользу бастующихъ въ Англіи углекоповъ. (Ред.).

Вообще совѣтская власть переиесла свои грабительскія иаклоиности иа крестьяиъ и на рабочихъ. Рабочіе, въ виду близости власти, еще болѣе запуганы, но оии также иедовольиы. Крестьяне въ этомъ году не разъ справлялись потихоньку: «А правда, говорятъ, что Царь будто живъ?». Также до меия доходила фраза: «Если бъ сейчасъ къ намъ кто пришелъ, мы бы сейчасъ примкнули».

Да и что можетъ быть въ иародѣ кромѣ разочароваиій отъ этихъ правителей, которые ие признаютъ собственности для другихъ, ио признаютъ ее для себя, которые живутъ въ дворцахъ, жеиъ своихъ покрываютъ награбленными брильяитами, при чемъ жеиы у иихъ часто мѣияются, а награбленныя деньги переводятся иа всякій случай въ заграничные баики!...

ГЛАВА 18.

Послѣ долгихъ ожиданій въ пріемной Калиниа, меия, иакоиецъ, прииялъ какой то молодой человѣкъ, его замѣститель.

Когда я ему сообщила, что миѣ отвѣтили при выдачѣ анкеты, онъ миѣ сказалъ, что я должна была уѣзжать сейчасъ же въ деиь полученія разрѣшенія, и что теперь, очевидио, раздумали. Я уже хотѣла отложить всякія дальиѣйшія хлопоты, но потомъ рѣшилась по совѣту друзей все таки подать просьбу о выѣздѣ и, вдругъ, неожиданио, черезъ двѣ иедѣли, получила давио желаиный паспортъ.*)

Тутъ ужъ я не долго думая, взяла билетъ иа Петроградъ и, ие задерживаясь въ Петроградѣ, такъ какъ бывали случаи, что паспорта отбирали, поѣхала дальше на Фииляидію.

На Финляндской границѣ, когда вещи были приготовлеиы для осмотра и паспорта у пассажировъ были взяты, пограничные чекисты, войдя въ залу, гдѣ былъ багажъ, громко окликнули: «Здѣсь гражданка Д?».

Я ужъ думала, что меня должно быть арестуютъ и отошлютъ обратно въ Москву, но они только увели меня въ отдѣльную комнату для осмотра, вызвали чекистку даму, которая распустила мои волосы и ощупала иѣтъ ли на мнѣ какихъ сокровищъ.

Убѣдившись, что за семь лѣтъ пребыванія въ совѣтской Россіи, я пришла въ полную иищету, оиа сказала объ этомъ своимъ товарищамъ. Тѣ все таки ие повѣрили, иыриули въ мой кожаный ручной мѣшокъ, вытащили

*) Въ день полученія паспорта, я на улицѣ встрѣтила одну свою подругу, которая прошла мимо меня, и не здороваясь со мяой, сказала мнѣ вполголоса: «Ты еще здѣсь? Уѣзжай, уѣзжай скорѣй». Я поняла, что это чье то дружеское предостереженіе.

оттуда мой паспортъ сестры милосердія и такъ какъ, по ихъ мнѣнію, онъ былъ слишкомъ толстъ, то они разорвали его, думая, что тамъ что нибудь заклеено. Ничего не найдя, они неохотя отпустили меня.

Я сѣла въ поѣздъ, не вѣря своему счастью, и когда наконецъ переѣхала черезъ границу, вздохнула полной грудью и перекрестилась. Мнѣ казалось, что съ плечъ у меня свалилась огромная тяжесть...

Господи! Когда же можно будетъ, перекрестясь, обратно въѣхать въ Свободную Россію?!!!

Д. Д-ва.

ИЗЪ МАТЕРІАЛОВЪ КІЕВСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙКИ.

А.

Ч Е — К А. *)

Когда слабые, нервные, растеряно бледнеют, жмутся в углы, колеблются и не решаются, мы, сохранившие мощность духа, умеющие гореть в гневе и сознавать, что меч борющагося должен быть пламенен и тверд в руках Часового Революции, мы неуклонно вершим свое грозное и святое дело, дело борьбы с контр-революцией.

В борьбѣ, ведущейся не на жизнь, а на смерть, не может быть полумер и половинчатости.

Чрезвычайные обстоятельства чрезвычайного революционного времени требуют чрезвычайных мер борьбы.

Меч революции опускается тяжко и сокрушительно.

Рука, которой вверен этот меч, твердо и уверенно погружает оточенный клинок в тысячеголовую гидру контр-революции.

Этой гидре нужно рубить головы с таким расчетом, чтобы не выростали новые; у буржуазной змеи должно быть с корнем вырвано жало, а если нужно, и разодрана жадная пасть, вспорота жирная утроба.

У саботирующей, лгущей, предательски прикидывающейся сочувствующей, внеклассовой интеллигентской спекулянтщины и спекулянтской интеллигентщины должна быть сорвана маска.

Для нас нет и не может быть старых устоев морали и «гуманности», выдуманных буржуазней для угнетения и эксплоатации «низших классов».

Наша мораль новая, наша гуманость ясная, ибо она покоится на светлом идеале уничтожения всякого гнета и насилия.

Нам все разрешено, ибо мы первые в мире подняли меч не во имя закрепощения и угнетения кого либо, а во имя раскрепощения и освобождения от гнета и рабства в с е х.

Жертвы, которых мы требуем — жертвы спасительные, жертвы устилающие путь к Светлому Царству Труда, Свободы и Правды.

---

*) Передовая перваго номера газеты кіевской чрезвычайки—«Красный Мечъ».

Кровь? Пусть кровь, если только е ю можно выкрасить в алый цвет серо-бело-черный штандарт старого разбойного мира.

Ибо только полная безповоротная смерть этого мира избавит нас от возрождения старых шакалов, тех шакалов, с которыми мы кончаем, кончаем, миндальничаем, и никак не можем кончить раз и навсегда.

Вот почему мы так решительны и дерзновенны в наших методах борьбы.

Все войны, которые велись до сих пор, это были войны насильников за утверждение своего насилия.

Война, которую мы ведем, это священная война восставших униженных и оскорбленных, поднявших меч против своих угнетателей.

Может ли кто-либо посметь нас, вооруженных таким Святым Мечем, упрекать в том, почему мы боремся и к а к мы боремся?

В.

ДВА ПРИГОВОРА КІЕВСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙКИ.

РАСКРЫТИЕ ДВУХ ГРАНДИОЗНЫХ КОНТР—РЕВОЛЮЦИОННЫХ ЗАГОВОРОВ.

1) Б р а з и л ь с к и й к о н с у л в о г л а в е б е л о г в а р д е й ц е в.

Секретным Отделом Всеукраинской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр-революцией раскрыт грандиозный контр-революционный заговор против Советской власти, центральной фигурой которого являлся Бразильский консул, граф Альберт Пирро. Вокруг него сгруппировалось все черное офицерство и представители буржуазного мира. В распоряжении организации имелись в достаточном количестве пулеметы, винтовки, пироксилин и проч., и с каждым днем увеличивались запасы оружия для того, чтобы иметь возможность захватить все главные советские учреждения в свои руки и произвести переворот в Киеве. У некоторых из арестованных по этому делу лиц найдены шифрованные записки, адресованные представителям англо-французских миссий. Многие буржуа обращались в консульство с целью принятия бразильского подданства, чтобы, таким образом, совершенно порвать с ненавистной им Советской властью.

Коллегия Всеукраинской Чрезвычайной Комиссии, ознакомившись всесторонне с добытым по этому делу следственным материалом, постановила нижеследующих лиц расстрелять и приговор привести в исполнение в 24 часа:

1) Графа Альберта Павловича П и р р о, 35-ти лет, представителя Бразильской республики при Советском Правительстве Украины, при помо-

щи которого была организована контр-революционная организация, имевшая целью захватить власть в свои руки.

2) Алфердова, Павла Прокофьевича, заведывающаго оружием первых Киевских Инженерных Советских Командных Курсов, доставлявшего в консульство оружие и патроны, при посредстве Болховитинова, бывшего офицера, состоявшего в личном конвое гетмана.

3) Митрофанова, Ивана Ивановича, помощника заведующего учебной частью 2-х Советских Командных Артиллерийских Курсов, бывшего подполковника генеральнаго штаба, принимавшего активное участие в организации выступления.

4) Трифановского, Георгия Михайловича, землевладельца, контр-революционера, сознавшегося на допросе в том, что принимал все меры для того, чтобы избавиться от Советской власти.

5) Поплавскую, Раису Леонидовну, служившую у консула в качестве сотрудницы; собиралась ехать во Францию для предупреждения Клемансо о том, что из России выезжает инкогнито группа коммунистов с агитационной целью. — При обыске найдены шифрованные записки на имя англо-французских представителей в Константинополе.

Об остальных лицах, связанных с этой организацией, следствие продолжает вестись.

Всеукраинская
Чрезвычайная Комиссия.

---

2) Заговор Петлюровских шпионов.

Секретным Отделом В.У.Ч.К. были получены сведения, что в одном из домов на Миллионной улице состоялось заседание петлюровцев, на котором был выработан подробный план захвата мостов, прилегающих к Киеву, и совершить внутренний переворот путем ареста членов Правительства. Для этой цели петлюровцы завели знакомство с одним из советских командиров, чтобы тот пошел им навстречу, т. е. предоставил бы в их распоряжение достаточное количество войск, настроенных против «коммуны».

Руководителем заседания был студент, видный петлюровец, под кличкою «Стодоля». Последний вел также переговоры с кулаком деревни Бебрики, Гавриилом Романовичем Квасец, сообщившем, что все кулачье деревни безусловно будет на стороне петлюровцев. Медлить было нельзя, и Назарий Стодоля решил выехать в Жмеринку, чтобы оттуда пробраться дальше в штаб Петлюры для информирования его о создавшемся положении. Своим заместите-

лем он оставил своего приятеля, студента Политехнического Института, Кузьму Александровича Корж. Эта организация должна была удерживать власть в своих руках до проникновения в Киев петлюровского правительства. В момент переговоров вся группа была арестована. При них найдены компрометирующие их письма, полевые карты, винтовки и проч. При помощи найденных писем удалось установить всю подлую предательскую работу наймитов Петлюры. Агенты последнего были в тесной связи с шайкой Зеленого и предполагали немедленно выступить, как в Киеве, так и в прилегающих к нему районах. Вся эта организация была достаточно осведомлена о мельчайших подробностях нашей внутренней жизни. Из обнаруженного приказа Н-ка петлюровского штаба на имя атамана повстанческих войск на Черниговщине, бандита Ангела, видно, что эта организация, совместно с преставителями кулачества и других банд, должна была захватить Бахмач, Круты, Гребенку и крепко их держать, захватив в тоже время Чернигов, продвигаться вперед, чтобы соединиться с Киевом, в котором власть должна быть в руках организаторов. Для успешного проведения этого плана в жизнь, заговорщики с их бандами должны были войти правым крылом в связь с Соколовским, оперирующим в районе Гостомля — Радомысль, а левым — с Зеленым на Юге ж. д. Киев-Полтава.

В настоящее время план этот потерпел фиаско, т.к. главные участники арестованы.

Коллегия В.У.К.Ч., рассмотрев дело некоторых участников заговора, постановила всех их расстрелять и приговор привести в исполнение в 24 часа.

ПОКА РАССТРЕЛЯНЫ:

К в а с е ц Гавриил Романович, 42 лет, кулак Веприкоской волости, Васильковского уезда, активный член организации.

К о р ж Кузьма Алексеевич, 32-х лет, студент Политехнического Института, один из главных организаторов контр-революционного штаба.

Т а и а н а й к о Наталья Сергеевна, учительница, окончившая Институт благородных девиц, активный член организации.

Все остальные материалы по этому делу будут опубликованы дополнительно.

Всеукраинская
Чрезвычайная Комиссия.

Комнтетъ прнступилъ къ агитаціонной работѣ, къ созданію провинціальныхъ комитетовъ и ячеекъ Національнаго Объединенія, и къ разработкѣ и подготовкѣ матеріаловъ по всѣмъ отраслямъ управленія для будущей власти Добр. Арміи.

Крупной заслугой Политическаго Отдѣла было достиженіе полнаго соглашеиія съ Городскимъ Самоуправленіемъ, съ РЯБЦЕВЫМЪ во главѣ. Нѣсколько болѣе видныхъ дѣятелей Городской Думы, могущихъ собрать вокругъ себя большинство Думы, согласилось на сотруднчество съ Центромъ и Національнымъ Объедпненіемъ въ дѣлѣ созданія временной властн на переходное время (послѣ оставленія Кіева большевиками) въ лицѣ Б—С, — Самоуправленія, но съ исполнителями, выдвинутыми Центромъ, прнчемъ такая, руководимая Центромъ, власть должна была дѣйствовать и въ случаѣ занятія города петлюровцами или поляками.

Въ дѣлѣ агнтаціи,Политическимъ Отдѣломъ было также сдѣлано очень много: была подыскана типографія, часть служащихъ и рабочихъ которой, сочувствующихъ нашему дѣлу, согласились печатать нашу агитаціонную литературу и выполняли эту работу, сопряженную съ огромнымъ рискомъ, за минимальную плату; выпускалась газета «РУСЬ» (по одному номеру въ мѣсяцъ), а также было отпечатано нѣсколько воззваній Кіевскаго Центра. Распространеніе агитаціонной литературы производилось,какъ «АЗБУКОЙ», такъ и спеціально, для этой цѣли, созданнымъ прн Центрѣ распространнтельиымъ органомъ.

Включеніе въ составъ Центра Органнзаціи полк. БУЛЮБАША.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ агенты Политическаго Отдѣла напали на слѣдъ антисовѣтской органнзаціи, которая именовала себя организаціей генерала ДЕНИКИНА, *и имѣла склонность сильно преувеличивать свое значеніе и свои права, и плохо разбиралась въ политическихъ вопросахъ*, вслѣдствіе чего создавалась опасность, что имя Добр. Арміи можетъ быть дискредитнровано. Ближайшее обслѣдованіе этой организаціи выяснило, что она состоитъ преимущественно изъ бывшихъ офицеровъ и работаетъ главнымъ образомъ въ области агитаціи, а также стремится создать боевые отряды для нанесенія всякаго рода вреда большевикамъ. Дабы взять дѣятельность указанной организацін подъ контроль Центра, нтакимъ образомъ обезпечить Добр. Армію отъ дискредитированія ея именн,а также въ цѣляхъ координаціи дѣйствій н использованія достигаемыхъ этой органнзаціей положительныхъ результатовъ, полковникъ С—ІЙ подчнннлъ эту организацію себѣ, наименовавъ ее агитаціонно-боевымъ центромъ Кіевскаго Центра Русской Добровольческой Арміи. Начальнику этого отдѣла полковнику Б—У была дана

подробная инструкція о задачахъ, правахъ и сферѣ дѣятельности организаціи.

Измѣненіе въ настроеніи общества въ связи съ успѣхами Добр. Арміи.

Побѣды Добр. Арміи въ началѣ іюня мѣсяца н. ст., создавшія угрозу ХАРЬКОВУ и ЕКАТЕРИНОСЛАВУ и послѣдовавшее затѣмъ паденіе этихъ городовъ, произвели рѣзкій переломъ въ настроеніяхъ Кіевскаго общества. Появилась вѣра въ торжество дѣла Добр. Арміи: лица, которые прежде пугались одного упоминанія имени генерала ДЕНИКИНА, нашли возможность оказывать содѣйствіе Центру, короче говоря: по опредѣленію большевистской печати — «контръ-революція подняла голову».

Это обстоятельство облегчило работу Центра, создало благопріятную обстановку для агитаціи. Газета «РУСЬ» и воззванія Центра встрѣчались съ большимъ сочувствіемъ и интересомъ во всѣхъ слояхъ общества, не исключая и рабочихъ, на распространеніе среди которыхъ агитаціонной литературы было обращено Центромъ особое вниманіе.

Это же измѣненіе настроенія общества дало Центру возможность произвести два денежныхъ займа, одинъ въ размѣрѣ 100.000 руб. и другой въ 10.000 руб.. Первая изъ этихъ суммъ была передана на содержаніе «АЗБУКИ», которая, за неимѣніемъ средствъ, была наканунѣ ликвидаціи; 10.000 руб. поступили на содержаніе Центра.

Отъѣздъ полковника С—О.

16-го іюля у полковника С—О произошло столкновеніе съ евреемъ, завѣдывающимъ хозяйствомъ университета, въ результатѣ котораго полковникъ С—Й былъ преданъ суду Революціоннаго Трибунала, и дабы избѣжать ареста и неминуемаго разстрѣла (всякое оскорбленіе еврея разсматривалось какъ призывъ къ погрому и каралось разстрѣломъ), полковникъ С—ІЙ выѣхалъ изъ Кіева въ ВОРЗЕЛЬ, откуда 27-го іюля выѣхалъ черезъ КОРОСТЕНЬ, ОЗЕРЫ и ДОМБРОВИЦУ на ВАРШАВУ. О томъ, удалось ли полковнику С—У проѣхать благополучно — свѣдѣній нѣтъ. Должность Кіевскаго Представителя Верховнаго Командованія Добровольческой Арміи и Начальника Кіевскаго Центра полковникомъ С—Ъ была передана мнѣ.

Послѣдній мѣсяцъ работы Центра.

Начиная съ послѣднихъ чиселъ іюля мѣсяца н.ст., Совѣтское правительство начало готовиться къ оставленію Кіева.

ДОКЛАДЪ
О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ КІЕВСКАГО ЦЕНТРА ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМІИ.

НАЧАЛЬНИКЪ
Кіевскаго Центра
Русской Добровольческой
Арміи.
« » Сентября 1919 г.
№ 647.
гор. Кіевъ.

Главнокомандующему
Вооруженными силами
на Югѣ Россіи.

Первоначальный составъ Центра.

Послѣ взятія гор. Кіева войсками Петлюры 1-14 Декабря 1918 года, Кіевскій Центръ, работавшій въ послѣдніе дни Гетманской власти открыто, не могъ продолжать своей работы при прежнемъ личномъ составѣ, почему генераломъ ЛО—МЪ и было приступлено къ формированію Центра въ новомъ составѣ.

Должность Начальника Центра и Представителя Верховнаго Командованія Русской Добровольческой Арміи въ Кіевѣ была передана генераломъ Л—Ъ генералу П—О, Начальникомъ Штаба Центра назначенъ Генеральнаго Штаба полковникъ Е—ІЙ, которымъ и былъ сформированъ штабъ въ слѣдующемъ составѣ: Помощникъ Начальника Штаба и Завѣдывающій провинціальными центрами Генеральнаго Штаба полковникъ С—Й, Завѣдывающій информаціонной частью Генеральнаго Штаба полковникъ Б—Ъ, Казначей Центра — капитанъ Ч—ВЪ, Секретарь — капитанъ П—ВЪ, Завѣдывающій снабженіемъ документами и помощникъ по информаціонной части полковникъ К—НЪ и оберъ-офицеры для порученій поручики Р—ІЙ и Д—ВЪ.

Работа Центра при Директоріи.

Дѣятельность Центра въ этотъ періодъ была направлена на:

1) *Помощь офицерамъ, заключеннымъ правительствомъ Директоріи.* Въ этомъ дѣлѣ неоцѣнимыя услуги Центру оказалъ докторъ Л—ІЙ, благодаря

иеутомимой энергіи котораго было налажено питаніе заключенныхъ офицеровъ и оказаніе имъ медицинской помощи.

2) *Эвакуація офицеровъ изъ Кіева въ Добровольческую Армію.* Эвакуація эта производилась, какъ одиночнымъ порядкомъ (причемъ для проѣзда въ Одессу офицеры снабжались Центромъ подъемными деньгами въ размѣрѣ до 250 р. и подложнымн документами), такъ и цѣлыми эшелонами по 400-800 человѣкъ, направлявшимися на Одессу и на Варшаву. Въ дѣлѣ эвакуаціи офицеровъ большое содѣйствіе оказывали нѣкоторыя лица изъ высшаго нѣмецкаго командованія, добившіяся разрѣшенія Правительства Директоріи на освобожденіе заключенныхъ офицеровъ и ихъ эвакуацію. Всего изъ Кіева было эвакуировано болѣе 2000 офицеровъ.

Большая часть работы по этому дѣлу выпала на долю полковника Р—Я, поддерживавшаго связь съ нѣмецкимъ командованіемъ и добившагося содѣйствія послѣдняго.

3) *Информаціонную работу*, выразившуюся въ сборѣ свѣдѣній объ арміи Директоріи и о положеніи дѣлъ на Украинско-большевистскомъ фронтѣ и въ посылкѣ этихъ свѣдѣній въ развѣдывательное отдѣленіе Одесской группы Добровольческой Арміи.

Информаціи получались Центромъ отъ цѣлаго ряда лицъ, служившихъ въ Петлюровскихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, лично знакомыхъ чинамъ Центра и сочувствующихъ дѣлу Добровольческой Арміи, а также съ правительственнаго и жел.-дор. телеграфа, гдѣ была установлена своя агентура.

Курьерами для отправки донесеній служили выѣзжавшіе въ Одессу одиночнымъ порядкомъ офицеры.

4) *На возстановленіе провинціальныхъ центровъ*, разрушенныхъ Петлюровскимъ переворотомъ и *на возстановленіе связи съ ними.* Для этой цѣли была выработана инструкція провинціальнымъ центрамъ и для объѣзда правобережныхъ центровъ былъ командированъ чиновникъ Д—ВЪ.

Матеріальное положеніе Центра.

Генераломъ Л—МЪ для нуждъ организаціи Добровольческой Арміи въ Кіевѣ было оставлено И. П. Д—ВУ 600.000 рублей, изъ коихъ 250.000 руб. для Центра (на 5 мѣсяцевъ по 50.000 руб.) и 350.000 руб. для организаціи «АЗБУКА» (на 5 мѣсяцевъ по 70.000 руб.), каковыхъ денегъ должно было хватить на срокъ до 1-го Іюня нов. стиля.

Измѣненіе состава Центра.

Въ послѣднихъ числахъ января мѣсяца, когда съ полной очевидностью выяснилось, что Кіевъ въ ближайшіе дни будетъ занятъ большевиками,

Начальникъ Центра генералъ П—О выѣхалъ въ Одессу для полученія инструкцій. Вернуться въ Кіевъ генералу П—О не удалось, почему на должность Начальнпка Центра и Кіевскаго Представителя Верховнаго Командованія Русской Добровольческой Арміи вступилъ полковникъ Е—ІЙ, а на должность Начальника Штаба Центра полковникъ С—ІЙ.

Работа Центра при большевикахъ. — Февраль и Мартъ.

Послѣ занятія Кіева большевиками, центръ тяжести работы Центра перемѣстился въ область информаціи, ибо эвакуація была въ главной части закончена, да и не было возможности производить ее. Послѣ смѣны власти, развѣдывательный аппаратъ пришлось налаживать заново, такъ какъ, кромѣ агентуръ на телеграфахъ и телефонѣ, прежніе источники свѣдѣній были эвакуированы съ правительствомъ Днректоріи.

Возникла необходимость ввода своихъ людей въ правительственныя учрежденія, ибо въ совѣтскнхъ кругахъ знакомыхъ, сочувствующнхъ дѣлу Добрарміи, Центръ не имѣлъ. По прнказанію полковника Е—О поступнли на совѣтскую военную службу Генеральнаго Штаба полковникъ *** въ оперативное отдѣленіе Губвоенкома, полковникъ *** на должность Начальника Канцеляріи Артиллерійскаго Отдѣла снабженій Украинской Красной Арміи, капитанъ *** въ фотометрическое отдѣленіе воздушнаго флота, капитанъ *** — въ Губпродкомъ. Кромѣ того, въ цѣляхъ информаціи понемногу начали завязываться связи въ различныхъ учрежденіяхъ, какъ-то на желѣзныхъ дорогахъ, въ че-ка, у воинскаго начальника и т. п. Эти нсточннкн стали давать Центру—хотя и недостаточно полныя—данныя о составѣ, организаціи, группировкѣ, снабженіи н состояніи красной украннской арміи, но была надежда, что при дальнѣйшемъ развитіи сѣти освѣдомнтельныхъ органовъ, Центръ будетъ получать исчерпывающія данныя по указаннымъ вопросамъ.

Сводки собираемыхъ свѣдѣній посылалнсь въ Одессу, причемъ этотъ періодъ времени Центръ пользовался преимущественно курьерамн организаціи «АЗБУКА».

Въ началѣ марта, въ составъ Центра былъ прнглашенъ инженеръ путей сообщенія Н. Н. П—ВЪ, какь человѣкъ преданный дѣлу Добрарміи, работавшій на пользу этого дѣла еще въ 1918 году (за что подвергся преслѣдованіямъ нѣмецкой контръ-развѣдки и былъ ею заключенъ въ тюрьму), располагающій большими связями въ жел.-дор. кругахъ и могущій быть полезнымъ информаціями въ этой области.

Въ серединѣ марта мѣсяца, въ составъ Центра, былъ зачисленъ поручнкъ Р—Ъ, прибывшій изъ Одессы въ качествѣ курьера.

Преслѣдованіе чиновъ Центра Ч.-К.

Въ теченіе марта мѣсяца полковникъ Е—ІЙ получилъ цѣлый рядъ предупрежденій о томъ, что большевикамъ извѣстно о томъ, что онъ стоитъ во главѣ организаціи Добр. Арміи въ Кіевѣ, что въ Че-Ка имѣются его примѣты и производятся усиленные розыски его. Предупрежденія эти заставили Центръ усилить конспирацію, причемъ полковникъ Е—ІЙ сталъ выходить на улицу лишь послѣ наступленія темноты.

31-го Марта (нов. стиль) Ч.-К. были арестованы по доносу ЯНУШЕВСКАГО полковникъ КИРКИНЪ (родственникъ полковника Е—ГО) и родственница полковника Е—ГО и полковника КИРКИНА — В. Ф. ГАЛЯНСКАЯ, хотя и не состоявшая на службѣ въ Центрѣ, но оказывающая Центру посильную помощь; одновременно съ ними была арестована также супруга полковника КИРКИНА.

Дабы арестъ этихъ лицъ, знавшихъ фамиліи и адреса многихъ сотрудниковъ Центра (въ Ч.-К. при допросахъ широко примѣнялись пытки), не повлекъ за собой раскрытія всей организаціи, по приказанію полковника С—ГО, которому полковникъ Е—ІЙ передалъ руководство Центромъ, работа Центра была временно прекращена и чинамъ Центра было предписано скрыться.

10-го Апрѣля нов. ст. полковникъ КИРКИНЪ и В. Ф. ГОЛЯНСКАЯ были разстрѣляны, первый за работу въ Добрарміи, вторая за укрывательство полковника Е—ГО, адресъ котораго она отказалась указать; М. Э. КИРКИНА была освобождена. Одновременно съ ними были разстрѣляны поручикъ НИКОЛЬСКІЙ и ПАЛИБИНЪ, работавшіе въ организаціи «АЗБУКА» и арестованные нѣсколько ранѣе полковника КИРКИНА.

Упорное преслѣдованіе Ч.-К. полковника Е—ГО создало для послѣдняго невозможность руководства работой Центра и необходимость его выѣзда изъ предѣловъ Совдепіи, почему должность Кіевскаго Представителя Верховнаго Командованія Добровольческой Арміи и Начальника Центра была передана полковникомъ Е—МЪ полковнику С—МУ. Полковникъ Е—ІЙ скрывался въ ожиданіи возможности выѣзда за предѣлы Совдепіи. Выѣхать полковнику Е—У удалось 4-го Іюня, когда онъ черезъ КОРОСТЕНЬ И ПОРОДНИЦУ благополучно прослѣдовалъ въ ВАРШАВУ.

Возобновленіе работы.

Во второй половинѣ апрѣля, когда по даннымъ обстановки выяснилось, что Ч.-К. потеряла нити для дальнѣйшаго преслѣдованія Центра, работа послѣдняго возобновилась.

Новыя задачи.

За время прекращенія работы Центра общая обстановка рѣзко измѣнилась: Одесса была оставлена частями Добр. Арміи и занята большевиками. Кіевъ оказался въ глубокомъ тылу Красной Арміи и въ сторонѣ отъ главнѣйшихъ операціонныхъ направленій Добр. Арміи, связь Кіева съ Добровольческой Арміей крайне затруднилась, причемъ время проѣзда курьеровъ надлежало исчислять не днями, а недѣлями. Всѣ эти обстоятельства заставили полковника С—ГО пересмотрѣть задачи Центра, послѣ чего онѣ были поставлены въ такой формѣ:

1) *Информаціонная работа* исключительно въ крупномъ масштабѣ, безъ мелочей, посылка сводокъ болѣе рѣдкая, но сводки полныя, и разработанныя, содержащія лишь такія данныя, кои не потеряютъ своего значенія въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, необходимыхъ на проѣздъ курьера.

2) *Боевая работа* по порчѣ желѣзныхъ дорогъ въ тылу Красной арміи, уничтоженіе военныхъ складовъ, а также добываніе денежныхъ средствъ для Центра путемъ ограбленія совѣтскихъ учрежденій и должностныхъ лицъ.

3) *Политическая работа*, которая должна выражаться: а) въ обработкѣ общественнаго мнѣнія всѣхъ слоевъ населенія въ пользу Добрарміи, б) въ подготовкѣ матеріаловъ для будущей власти по всѣмъ отраслямъ управленія и по всѣмъ вопросамъ внутренней жизни, в) въ антисовѣтской агитаціи, имѣющей цѣлью разрушеніе Красной армін, совѣтскаго аппарата управленія и развитія саботажа.

Въ связи съ измѣненіемъ задачъ Центра, съ недостаткомъ денежныхъ средствъ, притока конхъ не было и съ необходимостью усилить конспирацію, былъ нѣсколько измѣненъ составъ Центра: былн освобождены отъ работы въ Центрѣ капитаны П—ВЪ и Ч—ВЪ, Центръ отказался отъ агентуръ на телеграфахъ, телефонѣ и радіотелеграфѣ, которыя давали лишь отрывочныя, мелкія свѣдѣнія, не имѣвшія цѣнности при широкомъ масштабѣ работы и прн большой продолжительности пути курьеровъ.

Источниками информацін при Центрѣ остались: а) Генеральнаго Штаба полковникъ С—ІЙ, дававшій Центру полныя свѣдѣнія о Красной арміи (боевой составъ, оперативныя н мобилизаціонныя данныя, снабженіе, состояніе войскъ и т.д.), б) Н. Н. П—ВЪ по вопросамъ транспорта, в) сводки организаціи «АЗБУКА», нзъ коихъ Центръ черпалъ свѣдѣнія, какъ политическаго, такъ и военнаго характера и г) различные случайные и временные источники.

Для выполненія боевыхъ задачъ прн Центрѣ долженъ былъ быть сформированъ боевой отрядъ, на который должно было быть возложено приведеніе въ исполненіе приговоровъ военно-полевого суда, образованнаго при Центрѣ. Однако сформировать такой отрядъ не удалось, какъ вслѣдствіе неимѣнія денежныхъ средствъ, такъ н за невозможностью подобрать личный составъ (главнымъ образомъ,Начальннка отряда). Подбору личнаго состава препятствовали свнрѣпствовавшій красный терроръ, а также отсутствіе въ обществѣ вѣры въ успѣхъ дѣла Добровольческой Арміи и увѣренности въ осуществимости сверженія большевизма (это было до начала рѣшительнаго наступленія Добрарміи).

Для успѣшнаго выполненія задачъ политнческихъ необходнмо было привлеченіе въ составъ Центра людей, имѣющихъ связн въ политическихъ кругахъ и хорошо знакомыхъ съ политическими теченіямн въ мѣстномъ обществѣ. Такимъ образомъ возннкла необходимость созданія при Центрѣ Политнческаго Отдѣла. На должность Начальника этого Отдѣла полковникомъ С—МЪ былъ назначенъ Начальннкъ Кіевскаго Отдѣла органнзацін «АЗБУКА», Генеральнаго Штаба полковникъ БАРЦЕВИЧЪ,*) который по своей смѣлостн, энергін, шнротѣ взглядовъ, преданности дѣлу Добрарміи, знакомству съ мѣстной политической обстановкой и связямъ въ мірѣ полнтнческихъ дѣятелей, былъ единственнымъ кандидатомъ, способнымъ съ успѣхомъ выполнить сложныя задачи Политическаго Отдѣла Центра. Въ качествѣ помощнпковъ Начальннка Политическаго Отдѣла были привлечены къ работѣ въ Центрѣ помощники полковника БАРЦЕВИЧА по «АЗБУКѢ», поручнки В—Ъ и Н—Ъ. Такнмъ образомъ главные работники «АЗБУКИ» вошли въ составъ Центра, естественнымъ слѣдствіемъ чего было сліяніе организацій Кіевскаго Центра и «АЗБУКИ».

Въ цѣляхъ сгруппнрованія вокругъ Центра мѣстныхъ полнтическихъ дѣятелей, сочувствующихъ дѣлу Добрармін н привлеченія ихъ такимъ образомъ къ активной работѣ на пользу Добрармін, по нниціативѣ Центра, политическимъ его отдѣломъ, былъ созданъ «Областной Комитетъ Національнаго Объедпненія», въ составъ котораго вошли: К. П. В—О, с-.д. меньшевикъ-оборонецъ; Д. М. О—Ъ, н. с.; священникъ Е. М. А—Ъ; И. П. Д—Ъ, к.д.; А. П. П—Ъ, к. д., профессоръ; Л. И. Я—ІЙ, к.д.; П. И. И—О отъ кооперативныхъ круговъ; В.С.Н—Ъ, С.Г.Г—ІЙ, полковникъ БАРЦЕВИЧЪ, поручики В—Ъ н Н—Ъ, всѣ пятеро Шульгинской группы.

Комитетъ поставилъ себѣ задачей объединить въ себѣ всѣ тѣ сохранившія въ себѣ общественную энергію снлы, которыя считаютъ своимъ гражданскимъ долгомъ работать надъ возрожденіемъ русской государственности и создать мощную общественную поддержку власти Добр. Арміи.

---

*) Разстрѣлянъ большевиками. (*Ред.*)

III.

БѢЛОЕ ДВИЖЕНІЕ

РУССКАЯ ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛІОТЕКА
ВЪ БѢЛГРАДѢ

63

Подготовка эта выразилась:

1) Въ эвакуаціи на сѣверо-востокъ всякаго цѣннаго, особенно военнаго, имущества.

2) Въ организаціи крупной подпольной агентуры, въ цѣляхъ развѣдки, пропаганды, организаціи бандитскихъ выступленій (для дискредитированія власти Добр. Арміи), вооруженныхъ возстаній и проведенія подпольнаго краснаго террора полѣ занятія Кіева Добр. Арміей.

3) Въ агитаціи въ направленіи обостренія отношеній между Добр. Арміей и Петлюрой.

Работа же Центра въ этотъ періодъ времени выразилась въ слѣдующемъ:

1) Въ продолженіи развѣдывательной работы.

2) Въ агитаціонной работѣ, заключавшейся въ выпускѣ газеты «РУСЬ» и нѣсколькихъ воззваній. Послѣднія имѣли цѣлью: а) дискредитированіе совѣтской власти, б) опроверженіе той лжи о Добр. Арміи, которой были полны большевистскія газеты, в) обнародованіе идей, за которыя борется Добр. Армія, а также ея политики по вопросамъ рабочему и земельному, г) призывъ всѣхъ совѣтскихъ служащихъ и особенно желѣзнодорожниковъ къ саботажу, а красноармейцевъ къ переходу на сторону Добр. Арміи, д) призывъ къ желѣзнодорожникамъ и рабочимъ препятствовать всѣми мѣрами эвакуаціи г. Кіева и выѣзду изъ Кіева коммунистовъ и отвѣтственныхъ работниковъ.

3) Въ принятіи мѣръ къ обезпеченію порядка въ г. Кіевѣ въ періодъ съ момента оставленія города большевиками и до установленія власти Добр. Арміи. По этому вопросу Центръ вошелъ въ соглашеніе съ Городскимъ Самоуправленіемъ о созданіи охраны города, причемъ на должность Начальника охраны города былъ выдвинутъ Центромъ генералъ-маіоръ Ш—Ъ, который въ теченіе августа мѣсяца велъ подготовительныя работы по созданію охраны, а съ 30-го августа н. ст. приступилъ къ формированію охраны, которая и функціонировала до вступленія Добр. Арміи.

4) Въ работѣ по сбору матеріаловъ объ остающейся въ Кіевѣ, для подпольной работы, коммунистической организаціи. Учетъ отвѣтственныхъ работниковъ и коммунистовъ производился развѣдкой «АЗБУКИ» съ самаго начала большевистскаго владычества, причемъ по этому вопросу собранъ огромный и весьма цѣнный матеріалъ.

5) Въ подготовкѣ партизанскаго отряда на линіи Ковельской жел. дороги. Агитаціонно-боевымъ отдѣломъ Центра черезъ офицеровъ, скрывавшихся на ст. ВОРЗЕЛЬ (Ковельской жел. дор.), велась въ окрестныхъ селахъ агитація въ пользу Добр. Арміи, которая встрѣтила здѣсь благодарную почву. Крестьяне 5-6 деревень высказали готовность подняться на борьбу съ большевиками, въ ВОРЗЕЛѢ находилось около 20 офицеровъ, готовыхъ принять на себя командныя должности, жаждалъ принять участіе въ боевыхъ

дѣйствіяхъ противъ большевиковъ и офицерско-студенческій отрядъ (17 человѣкъ) охраны узкоколейной жел. дороги Турчинка-Шершневское Лѣсничество съ инженеромъ К—Ъ во главѣ.

Кромѣ того, къ отряду долженъ былъ присоединиться красный артиллерійскій дивизіонъ (12 легк. орудій) изъ ЖИТОМІРА, личный составъ котораго, кромѣ нѣсколькихъ коммунистовъ (подлежавшихъ уничтоженію), жаждалъ принять участіе въ борьбѣ съ большевиками.

Цѣлью дѣйствій отряду ставилось:

1) Перерывъ жел. дор. линіи КІЕВЪ-КОРОСТЕНЬ, что вызвало-бы а) прекращеніе подвоза дровъ изъ южнаго Полѣсья, въ результатѣ чего должны были стать всѣ желѣзныя дороги Малороссіи, б) прекращеніе эвакуаціи черезъ КОРОСТЕНЬ—ЖЛОБИНЪ.

2) Перерывъ жел. дор. линіи КОРОСТЕНЬ—МОЗЫРЬ, дабы перерѣзать желѣзную дорогу—путь отхода на сѣверъ красныхъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ раіонѣ КОРОСТЕНЯ.

3) Набѣги на тылы красныхъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ раіонѣ КОРОСТЕНЯ и ЖИТОМІРА.

4) Созданіе угрозы Кіеву съ сѣвера, съ цѣлью посѣять панику въ тылу красныхъ, оборонявшихъ КІЕВЪ.

Осуществленіе этого плана задерживалось лишь отсутствіемъ денежныхъ средствъ, которыя были получены Центромъ лишь 25 августа (н. ст.). По полученіи денегъ, въ ВОРЗЕЛЬ былъ командированъ полковникъ Б—Ъ съ приказаніемъ приступить къ организаціи отряда: изъ Кіева въ помощь ему было выслано 17 офицеровъ и было послано прнказаніе инженеру К—У въ Турчинку о двнженіи его отряда въ ВОРЗЕЛЬ, въ распоряженіе полковника Б—А; было послано также приказаніе н артиллерійскому днвизіону о движеніи его въ ВОРЗЕЛЬ.

Къ сожалѣнію, не всѣ расчеты Центра оправдались; дивизіонъ, начавъ движеніе къ ВОРЗЕЛЮ, вызвалъ подозрѣніе краснаго командпаго состава, долженъ былъ быть разоруженъ, почему личный его составъ разбѣжался, бросивъ орудія; количество оружія въ деревняхъ оказалось недостаточнымъ для вооруженія всѣхъ желающихъ, поэтому пришлось ограничиться формированіемъ небольшого партизанскаго отряда въ 100-200 человѣкъ. Отрядъ этотъ, въ ночь съ 30 на 31 августа (н. ст.), долженъ былъ начать свои дѣйствія производствомъ крушенія поѣзда, но бѣгство большевиковъ 30-го августа и занятіе Кіева Добр. Арміей указало на безполезность этого предпріятія за позднимъ временемъ.

6) Кромѣ того въ распоряженіи Центра была двухъ-орудійная гаубичная (48 лин.) батарея, сформированная при Совѣтскихъ Командныхъ Курсахъ капитаномъ М—Ъ. Офицерскій составъ батареи и прислуга, состоявшая изъ 80 фейерверкеровъ, были готовы активнымъ выступленіемъ оказать содѣй-

ствіе войскамъ Добр. Арміи. Предполагалось придать батареѣ пѣхотное прикрытіе и, съ этими силами, овладѣть мостами черезъ Днѣпръ въ то время, когда фронтъ красныхъ приблизится къ Кіеву на разстояніе орудійнаго выстрѣла и, стрѣльбой по краснымъ съ тыла, открыть Добр. Арміи путь къ Кіеву. Однако и этотъ планъ осуществить не удалось, такъ какъ, за недостаткомъ времени и денегъ, не удалось сформировать необходимое пѣхотное прикрытіе.

Связь Центра съ Добр. Арміей.

Связь Центра съ Добр. Арміей при правительствѣ Петлюры была очень легка и поддержнвалась черезъ Одессу, куда сводки и направлялись черезъ выѣзжавшихъ изъ Кіева офицеровъ.

Послѣ занятія Кіева большевиками связь, хотя и затруднилась нѣсколько, но все же поддерживалась регулярно съ Одессой, благодаря слабости и подвижности краснаго фронта на Одесскомъ направленіи. Въ этотъ періодъ (февраль и мартъ) Центръ при посылкѣ сводокъ пользовался преимущественно курьерами «АЗБУКИ». За эти два мѣсяца Центръ получалъ информаціи изъ Одессы 3 раза: въ срединѣ февраля прибыла курьерша, 14 марта съ особымъ порученіемъ Начальника Одесскаго развѣдывательнаго отдѣленія полковника А—А — поручнкъ Р—Ъ и въ концѣ марта чиновникъ Д—Ъ, который установилъ связь съ Винницкимъ пунктомъ Добр. Арміи, отвезъ сводку этого пункта непосредственно въ Одессу, послѣ чего вернулся въ Кіевъ.

Въ апрѣлѣ вынужденное прекращеніе работы Центра лишило его возможности пересылать донесенія, послѣ же возобновленія работы, когда Одесса была уже оставлена частями Добр. Арміи, курьеры направлялись Центромъ непосредственно въ ЕКАТЕРИНОДАРЪ. Переѣзды эти сопровождались огромными трудностями, причемъ большія затрудненія и опасности представляли, какъ проѣздъ до фронта, вслѣдствіе необходимости выполненія большого количества формальностей для проѣзда и невѣроятной строгости полицейскаго режима въ странѣ, такъ и самый переходъ фронта, сравнительно густо занятаго красными. За періодъ послѣднихъ 4-хъ мѣсяцевъ курьеры посылались: 1) въ началѣ мая (нов. ст.) курьерша-прапорщица, 2) въ началѣ іюня (9 іюня н. ст.) — курьерша Т. А. Р—Я, 3) 7-го іюля (н. ст.) поручикъ Р—Ъ, которому, однако, проѣхать не удалось, такъ какъ на станціи КОЛОМАКЪ онъ былъ арестованъ, въ ожиданіи обыска былъ принужденъ уничтожить почту и только благодаря своему хладнокровію и находчивости не погибъ и вернулся въ Кіевъ., а же почта была послана съ поручикомъ Б—О въ началѣ августа (н. ст.). Въ первыхъ числахъ августа снова поѣхалъ поручикъ Р—Ъ съ возстановленной старой и новой

почтой, но проѣхать ему не удалось и на этотъ разъ, вслѣдствіе крайней подозрительности большевиковъ ко всякому новому лицу въ ближайшемъ тылу арміи и неопредѣленности настроенія крестьянъ, отказывавшихъ въ пріютѣ, подозрѣвая въ немъ большевистскаго шпіона; на содѣйствіе же ихъ ему, какъ офицеру Добр. Арміи, разсчитывать было нельзя, такъ какъ крестьяне были сильно терроризованы и могли выдать его большевикамъ или украинскимъ повстанцамъ. 5) Послѣдній курьеръ со свѣдѣніями, посланными «АЗБУКОЙ», былъ посланъ 24-25 августа.

За все время съ конца марта (н. ст.) до конца августа (н. ст.) къ Центру не прибылъ ни одинъ курьеръ изъ Добр. Арміи, что ставило Центръ въ очень тяжелое положеніе: Центру необходимы были информаціи, главнымъ образомъ, по политическимъ вопросамъ, ибо не зная курса внутренней и внѣшней политики Добр. Арміи очень трудно вести агитаціонную работу, приходилось частью дѣйствовать ощупью, частью довольствоваться краткой словесной информаціей, полученной въ началѣ іюня (н. ст.) отъ Харьковскаго Центра. Отсутствіе информаціи объ отношеніяхъ Добр. Арміи къ Петлюрѣ лишило Центръ возможности бороться противъ послѣдняго — какъ путемъ агитаціи, такъ и путемъ нѣкотораго вліянія на операціи красной арміи, чѣмъ можно было воспрепятствовать усиленному продвиженію Петлюры и его подходу къ Кіеву одновременно съ частями Добр. Арміи.

Единственнымъ курьеромъ, прибывшимъ въ Центръ послѣ 31 марта, былъ поручикъ Р—Й, пріѣхавшій въ Кіевъ 29 августа (н. ст.), т. е. наканунѣ оставленія Кіева большевиками, почему Центръ вошелъ съ нимъ въ связь лишь послѣ вступленія въ Кіевъ Добровольческой Арміи.

Матеріальное положеніе Центра.

Генераломъ Л—Ъ было оставлено И. П. Д—У 600.000 руб., изъ нихъ 350.000 руб. на содержаніе »АЗБУКИ» и 250.000 руб. на содержаніе Центра по 50.000 руб. въ мѣсяцъ — на 5 мѣсяцевъ, т.е. до 1-го іюня н. ст. Крупные расходы, съ коими было связано дѣло эвакуаціи офицеровъ, заставили Центръ, съ перваго мѣсяца работы при большевикахъ, сокращать свой бюджетъ, а пропажа при арестѣ чиновъ Центра въ апрѣлѣ 25.000 рублей, поставила Центръ въ тяжелое матеріальное положеніе; деньги были на исходѣ, новаго притока средствъ не было, а начатая Центромъ агитаціонная работа и предположенное формированіе боеваго отряда требовали большихъ затратъ. Организація «АЗБУКА» была еще въ болѣе тяжеломъ положеніи, т.к. въ маѣ мѣсяцѣ ею были истрачены всѣ оставленныя ей деньги, а также 40.000 руб., полученные ею заимообразно отъ Національнаго Центра. Однако, благодаря энергіи чиновъ Политическаго Отдѣла, Центру удалось въ іюнѣ

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

ТАГАНРОГСКАГО ЦЕНТРА ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМІИ.

1918 — 1919 Г.Г.

29-30 апрѣля большевики, занимавшіе Таганрогъ, были изгнаны нѣмцами; почти въ это же время мнмо Таганрога прошелъ въ Ростовъ, на присоединеніе къ Добровольческой арміи, отрядъ полковнпка Дроздовскаго. Живя въ Таганрогѣ, мнѣ приходилось быть свидѣтелемъ массового стремленія въ Добровольческую Армію многихъ офицеровъ и солдатъ, жившихъ въ то время въ этомъ городѣ — къ сожалѣнію, почти никто изъ нихъ не имѣлъ средствъ; кромѣ того германское командованіе въ этнхъ случаяхъ ставило всяческія препоны.

Таганрогъ, какъ извѣстно, является узломъ желѣзно-дорожныхъ путей, черезъ который проѣзжала изъ Украины масса офицеровъ и солдатъ, не желавшихъ служить у гетмана Скоропадскаго и направлявшихся на Донъ, главнымъ образомъ, въ Ростовъ и Новочеркасскъ — здѣсь они прежде всего сталкивались съ вербовщиками, такъ называемой, Астраханской, а затѣмъ и Южной армій — куда ихъ всячески и уговаривали поступать; свѣдѣнія же о Добровольческой Арміи въ то время были самыя туманныя.

Тогда то у меня и возникла мысль о созданіи политическихъ центровъ, т. е. о созданіи въ большихъ городахъ представителей Добровольческой Арміи, которые вели бы прпаганду, вербовали офицеровъ и солдатъ, направляли ихъ въ Добровольческую Армію, вели бы политическую и военную контръ-развѣдку и т. д.

Съ этой цѣлью, въ первыхъ числахъ мая 1918 года, я съ поручикомъ М. К. А-мъ отправился въ Новочеркасскъ, гдѣ заручнлся содѣйствіемъ и пропусками—какъ отъ Донскихъ властей, такъ и отъ представителей Добровольческой Арміи и 20 мая добрался до ст. Мечетинской, гдѣ и былъ въ тотъ же день принятъ генераломъ Алексѣевымъ.

Выслушавъ меня очень внимательно, генералъ Алексѣевъ одобрилъ мою мысль о созданіи центровъ и приказалъ притти къ нему на слѣдующій день, послѣ того какъ онъ переговоритъ по этому вопросу съ генераломъ Деникинымъ.

На слѣдующее утро въ 10 час. я опять явился къ генералу Алексѣеву, отъ котораго узналъ, что мой проектъ одобренъ и принятъ и что я назначенъ Начальникомъ Таганрогскаго Центра, раіонъ котораго простирался отъ города Бердянска черезъ Маріуполь по побережью моря до Таганрога и Таганрогскій округъ включительно.

Получивъ личныя инструкціи отъ генерала Алексѣева по организаціи центра и общему веденію дѣла, а также 5.000 рублей на первоначальные расходы, я отправился обратно въ Таганрогъ и принялся за организацію Центра.

Въ Таганрогѣ въ это время уже существовалъ Союзъ Увѣчныхъ Воиновъ — около 200 человѣкъ; я немедленно записался въ число членовъ, привлекъ на свою сторону Правленіе Союза и болѣе видныхъ дѣятелей и этотъ Союзъ принесъ впослѣдствіе много пользы для дѣла Добровольческой Арміи. Правленіе командировало въ мое распоряженіе трехъ членовъ, а именно студента С., прапорщика К., и солдата Р.; тѣмъ не менѣе работа въ этомъ отношеніи была крайне затруднительна, ввиду крайне недоброжелательнаго отношенія къ дѣлу Добровольческой Арміи германскихъ военныхъ властей, оккупировавшихъ въ то время городъ.

Пропаганду идей Добровольческой Арміи особенно трудно было вести внѣ города, такъ какъ крестьяне и вообще населеніе, особенно въ угольномъ раіонѣ, относились крайне недовѣрчиво ко всякаго рода пропагандѣ. Въ это время при Союзѣ Увѣчныхъ Воиновъ было организовано ссудо-сберегательное кооперативное товарищество, во главѣ правленія котораго сталъ я и полковникъ С. Естественно, что у насъ возникла мысль использовать это ссудо-сберегательное товарищество въ цѣляхъ пропаганды идей Добровольческой Арміи, для чего въ Таганрогскомъ округѣ, Маріупольскомъ уѣздѣ и прилегающихъ къ Таганрогскому округу мѣстностяхъ Екатеринославской губ. были открыты отдѣленія ссудо-сберегательнаго товарищества — всего 54 отдѣленія, членами которыхъ были исключительно увѣчные воины — элементъ вполнѣ надежный въ смыслѣ распространенія идей и задачъ Добровольческой Арміи. Эти ячейки объѣзжались моими агентами, которые доставляли туда брошюры, разъясненія, приказы и т. п. изданія, получаемыя мною отъ Особаго Отдѣленія Добровольческой Арміи.

Въ первыхъ числахъ октября были официально утверждены центры и штаты центровъ, при чемъ составъ Таганрогскаго Центра былъ опредѣленъ слѣдующимъ штатомъ:

Начальникъ Центра 1
Начальникъ Штаба Центра.....1
Адъютантъ 1
Начальникъ контръ-развѣдки.....1
Агенты развѣдки.....3
Секретные агенты развѣдчики..... (нѣсколько).

Казначей.....1
Дѣлопронзводнтель.....1
Машинистка.....1

Средствъ на содержаніе Центра, на контръ-развѣдку и другіе расходы, а также для уплаты жалованья служащнмъ, кромѣ полученныхъ отъ генерала Алексѣева вышеупомянутыхъ 5.000 рублей,я не получалъ. Всѣ расходы были покрываемы изъ пожертвованій отъ лицъ сочувствующнхъ Добровольческой Армін, при чемъ этнхъ пожертвованій не только хватало, но еще было сдано въ Штабъ Главнокомандующаго болѣе 120.000 рублей при расформированіи Центра, — когда Таганрогскій округъ и угольный раіонъ были заняты войсками ген. Май-Маевскаго н нужда въ Центрѣ миновала.

Работа Центра заключалась:

1) въ распространеніи идей Добровольческой Арміи,
2) въ вербовкѣ офицеровъ и солдатъ,
3) въ сборѣ оружія и обмундированія,
4) въ сборѣ денежныхъ средствъ и
5) въ развѣдкѣ и контръ-развѣдкѣ.

Всѣ отчеты первыхъ дней посылалнсь секретно и со спеціальными курьерами, при чемъ всѣ получаемыя отъ генерала Алексѣева ннструкціи и приказы, вслѣдствіе его категорнческаго требованія, послѣ прочтенія и ознакомленія съ ними, немедленно сжигалнсь.

Во время первыхъ дней властн Донского Правительства и оккупаціи Таганрога нѣмцами работать прнходнлось въ очень трудныхъ условіяхъ: въ то время, какъ плакаты Астраханской и Южной Армій, съ прнзывами поступать въ эти арміи, безпрепятственно расклеивалнсь по улицамъ — Добровольческая Армія находнлась подъ запретомъ и работать въ этомъ отношеніи приходнлось скрытно.

Послѣ признанія Донскнмъ Атаманомъ генераломъ Красновымъ и гетманомъ Скоропадскнмъ единой власти въ лнцѣ генерала Деникина,Центры былн объявлены оффнціально и послѣ этого всѣ сношенія Центра со штабомъ значительно упростились — тѣмъ не менѣе переписку приходилось все же отправлять съ курьерамн, а болѣе секретную — зашифровывать.

За время существованія Таганрогскаго Центра было отправлено въ Добровольческую Армію свыше 400 офицеровъ,3.500 солдатъ, много оружія, обмуннднрованія, болѣе 100.000 меднкаментовъ и перевязочныхъ средствъ, и сдано 120.000 рублей наличнымн деньгами. Кромѣ того, незавнсимо отъ этого, было отправлено въ полки Дроздовскій, Корнйловскій и Марковскій — бѣлье, медикаменты, табакъ н разн. друг. предметы.

Всѣ офицеры и солдаты, прошедшіе черезъ Таганрогскій Центръ, для проѣзда въ Добровольческую Армію; снабажались необходимой суммой

денегъ и, кромѣ того, суточнымн; по возможностн выдавалось и обмундированіе изъ заласовъ Центра, — безъ всякаго расхода для штаба Главнокомандующаго.

Помощь Союза Увѣчныхъ Воиновъ была настолько значительна, что удостоилась благодарственнаго пнсьма геиерала Алексѣева, которое и было использовано въ цѣляхъ лролаганды.

Работа Центравъ лолитическомъ отношеніи заключалась въ установленіи связн съ лидерами всѣхъ лолнтическнхъ партій и ннформаціи Штаба Арміи, какъ о различныхъ теченіяхъ въ этнхъ партіяхъ, такъ и отношеніи ихъ къ дѣлу Добровольческаго движенія; особенно трудно было работать среди рабочнхъ на заводахъ, гдѣ число тайныхъ сотруднковъ Центра поэтому было очень велнко.

Интеллигентная часть населенія Таганрога къ дѣлу Добровольческой Арміи относнлась весьма сочувственно.

Политнческія информацін лосылались Особой Части Штаба Главнокомандующаго два раза въ мѣсяцъ.

Генералъ М. И. Штеигель.

16 авг. 1919 г.
г. Ростовъ н-Д.

ПИСЬМО ГЕН. М. АЛЕКСѢЕВА ГЕН. М. ШТЕНГЕЛЮ.

Генералъ АЛЕКСѢЕВЪ.
Добровольческая Армія.

Мнлостивый Государь,
Михаилъ Ивановичъ,

Я прошу Васъ лринять на себя иепосредственное руководство дѣломъ отправки офицеровъ и солдатъ въ Добровольческую Армію изъ г. Таганрога и прилегающихъ къ нему раіоновъ. Для этой цѣли Вамъ иадлежитъ объединить сочувствующіе нашему дѣлу обществеиные круги и образовать комитетъ содѣйствія, въ которомъ и лринять иа себя предсѣдательствованіе.

Я уполномачиваю Васъ иа изысканіе деиежныхъ средствъ иа мѣстѣ, потребныхъ для организацін дѣла набора и для отлравки добровольцевъ въ Армію и довѣряю Вамъ по этому волросу, отъ моего имеии, обращаться къ лнцамъ, сочувствующимъ идеямъ Добровольческой Арміи.

Прошу принять увѣренія въ моемъ къ Вамъ уваженіи и преданиости

Мих. Алексѣевъ.

3 іюля 1918 года
гор. Новочеркасскъ
№ 80 (М. П.)

УДОСТОВѢРЕНІЕ ЛИЧНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ТАГАНРОГСКАГО ЦЕНТРА БАРОНА ШТЕНГЕЛЯ

Главиокомандующій
Добровольческой
Арміей
29 сеитября 1918 года
№ 1053
г. Екатериодаръ

Удостовѣреніе

Предъявитель сего полковиикъ бароиъ Штеигель является моимъ представителемъ для г. Таганрога съ Тагаирогскимъ округомъ, г. г. Бердяиска и Маріуполя и прибрежной полосы отъ Тагаирога до Маріуполя включительио.

Генералъ-Лейтеиаитъ Деиикиив.

Начальиикъ В.-Политическаго Отдѣла
Геиеральиаго Штаба полковиикъ (подпись)

(М. П.)

РАПОРТЪ ГЕН. ШТ. ПОДПОЛКОВНИКА N. ПРЕДСТАВИТЕЛЮ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМІИ ВЪ Г. КІЕВѢ.

Копія.

Совершенно секретно.

Генеральнаго Штаба
Подполковникъ N.
25 Августа 1919 г.
№ 97.
г. Кіевъ.

Представителю Русской Добровольческой Арміи въ г. Кіевѣ Генеральнаго Штаба полковнику Б.

РАПОРТЪ.

Согласно предписанія Представителя Добровольческой Арміи въ Кіевѣ отъ 25 Іюня (н. стиля) с. г. за № 311, я поступилъ въ красную армію, въ Штабъ группы войскъ *** направленія, гдѣ я находился безпрерывно съ 10 іюля по 15 августа (нов. стиля) въ должности Начальника *** Отдѣла и Начальника *** группы. Соотвѣтствующая инструкція мною была получена отъ Генеральнаго Штаба подполковника ***.

Въ ночь съ 9 на 10 іюля я прибылъ на ст. Ворожба и ввиду ночного времени рѣшилъ остаться въ залѣ 1 класса до утра. Около 6 часовъ утра ко мнѣ подошелъ членъ мѣстнаго Отдѣла Чрезвычайки съ 4 вооруженными китайцами и заявилъ, что я арестованъ по подозрѣнію въ дезертирствѣ и шпіонажѣ въ пользу Добрарміи. Это обстоятельство меня нѣсколько озадачило, т.к. у меня въ платьѣ было зашито вышеуказанное предписаніе. Предъявленные мною документы, выданные мнѣ распоряженіемъ Наркомвоен., показались члену чрезвычайки подложными и онъ приказалъ китайцамъ отвести меня и подполковника *** въ вагонъ для обыска съ ногъ до головы, какъ онъ выразился. Всѣ мои просьбы отпустить меня въ Штабъ группы для провѣрки документовъ не привели ни къ чему. Китайцы уже приступили къ распредѣленію между собою моихъ вещей. Въ это время къ намъ подошелъ Начальникъ команды китайцевъ, бывшій прапоршикъ, и вновь осмотрѣлъ нашн вещи и документы, которые были за подписью 1-го Помощника Начштаба Наркомвоенъ ШАПОШНИКОВА и за печатью Штаба Наркомвоенъ. Послѣ долгихъ переговоровъ и угрозъ, наконецъ, меня и подполковника *** отправили въ

Штабъ группы подъ конвоемъ 8 вооруженныхъ китайцевъ. Вр. и. д. Начштаба группы полковникъ ГРИГОРЬЕВЪ, бывшій сотрудникъ Харьковскаго Окрвоенкома,и Политкомъ Штаба, рабочій ВАСИЛЬЧЕНКО, провѣривъ наши документы, немедленно насъ освободили. Въ тотъ же день Командующій группой назначилъ меня Начальникомъ *** Отдѣла ***, а черезъ 2 дня я былъ назначенъ Начальникомъ Штаба ***.

Къ 10 Іюля эта группа состояла изъ 3-хъ пѣх. бригадъ (1-ой, 2 и 3), отряда матросовъ, одной кавал. бригады и 11 батарей, всего около 7.500 штыковъ, 350 сабель и 36 орудій. Кромѣ того, къ группѣ приданы были еще 2 бронепоѣзда: «Молнія» и «Воля», изъ коихъ первый работалъ—на линіи ст. Смородино — г. Богодуховъ, второй—ст. Готня—ст. Одноробовка. Духъ войскъ былъ удовлетворительный съ точки зрѣнія совѣтской власти.

Группа имѣла задачей активно оборонять участокъ отъ с. Мурафа, черезъ Богодуховъ до м. Борисовка, всего протяженіемъ около 90 верстъ. Вся группа была раздѣлена на 2 боевыхъ участка: правый товарища ПАРХОМЕНКО (бывшій слесарь) въ составѣ 2 и 1 бриг. и лѣвый товарища САВЛИНА, въ составѣ 3 бригады. Конная бригада работала въ раіонѣ праваго боевого участка, но подчиниться ПАРХОМЕНКО отказалась.

Командующимъ группой состоялъ***, окончившій ускоренные академическіе курсы въ 1917 году. Начальникомъ Оперативнаго Отдѣленія состояли сначала штабсъ-капитанъ ***, сочувствующій коммунистической партіи, а затѣмъ Генеральнаго Штаба подполковникъ ***, первый былъ мною назначенъ Помощникомъ Начальника ***. Вся власть въ Штабѣ группы принадлежала Реввоенсовѣту въ составѣ МОЛКАЧАНОВА, РУХИМОВИЧА, ИВАНОВА и АРТЕМА. Политотдѣлъ Штаба, состоявшій исключительно изъ евреевъ, оказывалъ нѣкоторое вліяніе на работу Штаба, благодаря шпіонажу и наблюденію за всѣми служащими Штаба — особенно за кадровыми офицерами. Кромѣ того работа отвѣтственныхъ работниковъ контролировалась Политкомами изъ матросовъ, солдатъ и рабочихъ. При Штабѣ состоялъ, но ни кому не подчинялся, Особый Отдѣлъ, который вѣдалъ контръ-развѣдкой и агентурной развѣдкой. Агенты посылались также и для поднятія возстанія въ тылу Добрарміи и въ раіонѣ Харькова, Чугуева, Зміева, Екатеринослава и Донецкаго бассейна. Агенты снабжаются фальшивыми паспортами и удостовѣреніями, которыя отпечатываются на кускѣ холста и зашиваются въ одежду или сапоги.

Отсутствіе у меня связи съ командованіемъ Добрарміи сильно затрудняло мою работу, заставляя иногда работать наугадъ, или же добывать нужныя свѣдѣнія при помощи органовъ развѣдки Штаба Группы. Ввиду этого, моя задача заключалась не въ освѣдомленіи, а въ непосредственномъ содѣйствіи побѣдамъ Добрарміи на *** направленіи, а также въ разстройствѣ и деморализаціи всей Группы.

Для того, чтобы наилучшимъ образомъ выполнить возложенную на меня задачу, я, въ первые же дни пребыванія въ Штабѣ, добился того, что-бы всѣ безъ исключенія входящія бумаги оперативнаго и развѣдательнаго характера поступали непосредственно ко мнѣ и чтобы всѣ политработники за всякими справками и объясненіями обращались исключительно ко мнѣ. Это обстоятельство давало мнѣ возможность подкладывать Командующему только тѣ бумаги, которыя я считалъ нужнымъ, и уничтожать или скрывать тѣ,которыя, въ интересахъ Добрарміи, не должны быть извѣстны никому, кромѣ меня. Результаты этой работы быстро сказались: въ теченіе мѣсяца Командующимъ группой былъ отданъ рядъ нецѣлесообразныхъ распоряженій и 6 боевыхъ приказовъ о переходѣ въ наступленіе, съ цѣлью овладѣнія Харьковомъ или для возстановленія положенія послѣ неудачи, но т. к. всѣ эти распоряженія и приказы не соотвѣтствовали обстановкѣ, то естественно ни одинъ изъ этихъ приказовъ не былъ выполненъ войсками, а всѣ попытки перейти къ активнымъ дѣйствіямъ въ самомъ началѣ кончались пораженіемъ. Чѣмъ нецѣлесообразнѣе былъ приказъ, тѣмъ энергичнѣе онъ проводился мною въ жизнь путемъ разговоровъ по прямому проводу съ Начальниками боевыхъ участковъ. Все это на практикѣ сводилось къ разстройству частей и подставленію ихъ подъ удары противника по частямъ.

Приведу нѣсколько примѣровъ для характеристики работы Штаба группы подъ моимъ руководствомъ, въ періодъ боевъ съ 10 Іюля по 15 Августа включительно.

Прибывъ въ Штабъ группы, я прежде всего, съ разрѣшенія Командующаго, направилъ всѣ резервы съ *** направленія, какъ наиболѣе важнаго, на второстепенные боевые участки, съ цѣлью, якобы, заполненія прорывовъ между частями.

Лихимъ ударомъ Добровольцы овладѣли Богодуховымъ и прорвали затѣмъ фронтъ группы въ направленіи на Кириковку. Началось безпорядочное отступленіе красныхъ къ линіи р. Ворсклы. Однѣ части сразу отошли на линію Ворсклы, другія остановились въ полъ пути, а третьи переходили въ наступленіе, что привело къ ряду отдѣльныхъ боевъ при крайне невыгодной для красныхъ обстановкѣ. Такой безпорядокъ на фронтѣ мнѣ удалось поддерживать въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Группа войскъ *** направленія за періодъ, такъ называемой, *** операціи понесла потери убитыми, раненными и плѣнными и безъ вѣсти пропавшими болѣе 2.500 человѣкъ. Вскорѣ послѣ взятія Богодухова, добровольцы заняли и Краснокутскъ, благодаря чему надолго связь между *** группой и лѣвымъ флангомъ *** группы была нарушена. Въ интересахъ Добрарміи мною не было принято никакихъ мѣръ для устраненія этого опаснаго положенія, что и было учтено и использовано командованіемъ Добрарміи при разгромѣ лѣваго фланга *** группы красныхъ наканунѣ занятія Полтавы.

Одновременно съ отходомъ главныхъ силъ группы на линію Ворсклы, отъ Начальниковъ боевыхъ участковъ начали поступать донесенія о большихъ потеряхъ, объ увеличеніи числа дезертировъ, о разстройствѣ частей, о потерѣ связи со своими подчиненными частями и съ сосѣдями и просьбы о присылкѣ пополненія, винтовокъ, обуви и обмундированія, также о смѣнѣ нѣкоторыхъ частей для приведенія ихъ въ порядокъ. Наиболѣе важныя изъ этихъ донесеній мною были скрыты отъ Командующаго и послѣдній, не зная обстановки и состоянія частей,отдалъ строгій приказъ о переходѣ въ общее наступленіе для возстановленія положенія и для овладѣнія Харьковомъ. Членами Реввоенсовѣта этотъ приказъ былъ встрѣченъ восторженно. Такимъ образомъ создалась удобная обстановка для разстройства и деморализаціи частей. Весь *** Отдѣлъ подъ моимъ руководствомъ приступилъ къ энергичному проведенію въ жизнь этого приказа. Однѣ части выдвигались впередъ, въ то время когда другія части, не успѣвшія еще получить приказа, продолжали отходить къ Ворсклѣ или оставались на мѣстѣ, поэтому всѣ наступательныя попытки неизмѣнно кончались пораженіемъ. Дезертирство увеличилось.

Такое безцѣльное, безсистемное и безплодное передвиженіе частей продолжалось нѣсколько дней. На фронтъ былъ командированъ членъ Реввоенсовѣта РУХИМОВИЧЪ для выясненія причинъ неудачъ на мѣстѣ. По просьбѣ РУХИМОВИЧА Командующій отмѣнилъ приказъ о наступленіи. Части перешли къ оборонѣ и приступили къ укрѣпленію позиціи по р. Ворсклѣ.

Цѣль моя была достигнута: въ то время когда шли упорные бои за овладѣніе Полтавсй, *** группа, вслѣдствіе разстройства и дезорганизаціи, вынуждена была бездѣйствовать.

Штабъ группы приступилъ къ переформированію всей *** группы въ 41-ю стр. дивизію, согласно приказа Командарма 14. Приказано было дивизію сформировать въ составѣ одной кавал. бригады (два полка) и 3-хъ стр. бригадъ по три полка, съ нумераціей полковъ 361-369, а всю артиллерію переформировать въ 3 дивизіона. Вскорѣ этотъ приказъ былъ отмѣненъ, но затѣмъ вновь былъ подтвержденъ къ исполненію. Къ 15 августа эта группа находилась еще въ стадіи переформированія. Одновременно съ переформированіемъ шло и пополненіе частей группы. Эшелоны мобилизованныхъ прибывали на ст. Ворожба подъ сильнымъ конвоемъ вооруженныхъ коммуинстовъ и политработниковъ. Несмотря на это разбѣжавшихся оказалось 100-300 человѣкъ на тысячу. Настроеніе красноармейцевъ подавленное, полупаническое, отношеніе къ войнѣ—отрицательное. Въ виду этого, а также, въ виду недостатка въ частяхъ оружія, я старался эшелоны направлять непосредственно въ части боевой линіи съ цѣлью распространенія паники и деморализаціи войскъ. Нѣкоторые эшелоны направлялись въ запасные ба-

таліоны въ Бѣлополье и въ Глуховъ. Всего было получено около 18.000 пополненія безоружныхъ и около 4.000 виктовокъ.

Тѣмъ временемъ части Добрарміи успѣли захватить Полтаву и продолжали развивать свой успѣхъ въ направлекіи на Ромоданы.

Путемъ агентурной и войсковой развѣдки мкѣ удалось выяснить, что Добровольцы готовятся къ наступлекію противъ *** группы и что первый ударъ послѣдуетъ въ направленію на ст. Готню, но всѣ эти свѣдѣнія я скрывалъ отъ всѣхъ и сталъ доказывать, что послѣ закятія Полтавы Добровольцы предпримуть иаступленіе отъ Полтавы на сѣверъ, съ цѣлью захвата Сумъ обходомъ съ запада.

Мои доводы возымѣли свое цѣйствіе: вкимаіе Штаба было приковано къ правому флангу, резервъ праваго боевого участка былъ сосредоточенъ въ раіокѣ ст. Смородико, резервъ Командующаго — Бѣлопольскій полкъ — (бывшій запасный баталіонъ) оставлекъ былъ въ Бѣлопольѣ.

Во исполненіе приказа Командарма 14, былъ отданъ приказъ о переходѣ въ общее наступленіе, съ цѣлью помочь *** группѣ выбить Добровольцевъ изъ Полтавы; во исполненіе этого приказа 2-ая бригада выдвинулась на линію Лопуховатый-Пархомовка-Ворскла, не встрѣтивъ сопротивленія. Дальнѣйшаго развитія наступленіе не получило.

Согласко приказу Командующаго, *** группѣ надлежало протянуть свой лѣвый флангъ до Ракова, смѣнивъ здѣсь Грайвороискій полкъ *** группы, но т.к. этотъ полкъ въ боевомъ отношеніи былъ значительно слабѣе полковъ 3-ей бригады этой группы и, имѣя въ виду наступленіе Добровольцевъ на Готкю со стороны Тамароки, приказъ о смѣиѣ такъ и не былъ проведекъ мкою въ жизкь.

Къ иачалу операціи Сумы — ст. Готня Сумская группа иасчитывала до 11.000 штыковъ, 43 орудія, 700 сабель и 2 бронепоѣзда.

Операція началась съ переходомъ добровольцевъ въ наступлеиіе противъ Грайворонскаго полка. Послѣдній какъ я и предполагалъ, ие выдержалъ натиска и отошелъ на ликію — Бѣлая Пѣна, обнаживъ лѣвый флангъ Сумской группы. Послѣ этого 3-я бригада Сумской группы, будучи атакована съ фронта и съ фланга, также съ большими потерями отошла иа линію Илекъ иа участкѣ Вязовое-Вишкевое. Между правымъ и лѣвымъ боевыми участками образовался прорывъ около 25 верстъ. Этимъ воспользовались Добровольцы и закяли Грайворонскъ, послѣ этого матросы изъ Б. Писаревки отошли на Славгородокъ, обнаживъ лѣвый флангъ праваго боевого участка.

Для заполнеиія прорыва между правымъ и лѣвымъ боевыми участками и для прикрытія подступовъ къ г. Сумы, со стороны ст. Готкя была спѣшно сформирована 4 бригада тов. ШАТАЛОВА, въ составѣ Бѣлопольскаго (резервъ Командующаго) и Лебединскаго (изъ 1-ой бригады) полковъ съ приказаніемъ заиять позицію въ раіоиѣ с. Краснополье. Въ указанный раіонъ

мѣсяцѣ произвести два денежныхъ займа, одинъ у Г. Б—А въ 100.000 руб. и другой у г. Ф—А въ 10.000 руб. Первая сумма, за вычетомъ 3.000 рублей, заплаченныхъ за размѣнъ денегъ (были получены бѣлыя деньги, неимѣвшія хожденія), была передана Центромъ на содержаніе «АЗБУКИ», дабы дать возможность продолжать работу этой полезной организаціи, тѣмъ болѣе, что деньги были добыты чинами «АЗБУКИ»; вторая сумма пошла на погашеніе займа въ 10.000 руб., сдѣланнаго незадолго передъ тѣмъ у польской антисовѣтской организаціи, съ которой Центръ все время поддерживалъ связь. Въ началѣ августа агитаціонно-боевымъ отдѣломъ Центра (полк. Б—Ъ) были получены заимообразно отъ Р—А 8.000 руб. и отъ Б—А 10.000 р.; эти деньги пошли на содержаніе добывшаго ихъ Отдѣла.

Въ концѣ августа и. ст., когда деньги Центра и «АЗБУКИ» были на исходѣ, а обстановка требовала усиленія активной дѣятельности, связанной съ большими расходами, члену Комитета Національнаго Объединенія и Національнаго Центра И. П. Д—У удалось сдѣлать заемъ въ 955.000 руб., каковая сумма и была имъ передана въ распоряженіе Центра.

Немедленно по полученіи денегъ — 50.000 руб. были высланы въ ВОРЗЕЛЬ для организаціи партизанскаго отряда; 168.000 руб. израсходованы на возвращеніе ранѣе сдѣланныхъ Центромъ долговъ, а именно:

И. П. Д—У	40.000 рублей
Б—У	100.000 рублей
Ф—У	10.000 рублей
Б—У	10.000 рублей
Р—У	8.000 рублей
Всего.....	168.000 рублей.

Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ, вслѣдствіе недостатка денегъ, чины и сотрудники Центра получали содержаніе совершенно не соотвѣтствовавшее дороговизнѣ жизни въ Кіевѣ. При цѣнѣ хлѣба 40-120 руб. за фунтъ, когда по подсчету совѣтскихъ властей *голодный минимумъ* на пропитаніе одиночнаго человѣка колебался отъ 3-8 тысячъ рублей въ мѣсяцъ, сотрудники Центра, получая 900-2.500 рублей въ мѣсяцъ, фактически голодали и добывали деньги на полуголодное существованіе свое и своихъ семей путемъ продажи вещей и займовъ у родныхъ и знакомыхъ. Дабы хотя отчасти возмѣстить ничтожность прежняго содержанія, послѣ полученія денегъ отъ Національнаго Центра, мною было выдано единовременное пособіе чинамъ Центра въ размѣрѣ 54.000 руб. и сотрудникамъ въ размѣрѣ 50.000 руб., а всего 104.000 руб..

На содержаніе организаціи «АЗБУКИ» въ сентябрѣ было выдано 66.000

руб. Текущіе и экстренные, связанные съ ликвидаціей, расходы центра выразилнсь въ суммѣ...*)

Кромѣ полученія денегъ занмообразно, мнѣ были переданы на нужды Добр. Армін совѣтскнмн деньгамн, похнщенныя у большевнковъ подполковннкмъ С—Ъ, 179.711 руб. 17 коп. и Генеральнаго Штаба полковннкомъ С—Ъ 25.000 рублей.

Изъ оставшихся неизрасходованными остатковъ — 500.000 руб. возвращено Національному Центру на покрытіе долга (согласно сношенія бюро Національнаго Центра отъ 31 августа №273), 25.000 руб. передано Начальнику Кіевскаго развѣдывательнаго пункта капитану О—У (согласно телеграммы полковннка Р—О); остальные при семъ представляются.

Кромѣ того за Центромъ остается долгъ въ пользу бюро Національнаго Центра въ суммѣ 455.000 руб., изъ конхъ 203.000 р. израсходованы на содержаніе органнзаціи «АЗБУКИ».

Списокъ прнложеній.

1) Копія рапорта Генеральнаго Штаба подполковника С—ГО о его дѣятельности въ Красной арміи.

2) Копія рапорта Генеральнаго Штаба подполковника П—А.

Генеральнаго Штаба
Полковникъ *(подпись)*

И. д. Начальннка Штаба
Поручнкъ *(подпись)*

РУССКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА ВЪ БѢЛГРАДѢ

*) Сумма не указана (Ред.)

прибылъ только Бѣлопольскій полкъ, а о Лебединскомъ полку въ Штабѣ свѣдѣній не имѣлось.

Командующій группой, не ожидая прибытія Лебединскаго полка, отдалъ приказъ о переходѣ въ общее наступленіе «для возстановленія положенія». Представился удобный случай подвергнуть Бѣлопольскій полкъ (послѣдній резервъ Командующаго) отдѣльному пораженію и тѣмъ лишить Командующаго возможности повліять на дальнѣйшій ходъ боя, а также открыть путь на Сумы, къ выполненію чего и приступилъ. Прежде всего приказалъ командиру 4 бригады немедленно перейти въ наступленіе и занять ст. Готня. Сосѣди, 3 и 1 бригады, не будучи своевременно поставлены въ извѣстность о наступленіи 4-ой бригады, продолжали оставаться на мѣстѣ. Благодаря этому Бѣлопольскій полкъ, не доходя до ст. Харитоненко, былъ Добровольцами разгромленъ; остатки полка, всего 3 роты, начали отходить черезъ Краснополье на Сумы. Затѣмъ 367 полкъ (3 бригада) на приказаніе перейти въ наступленіе отвѣтилъ: «пришлите немедленно обмундированіе и сапоги, въ противномъ случаѣ мы перестрѣляемъ командный составъ и перейдемъ на сторону бѣлыхъ».

Одновременно съ наступленіемъ со стороны Готни дбровольцы повели наступленіе и вдоль жел. дороги Кириковка-Смородино. Послѣ занятія Добровольцами Ахтырки и Смородина, весь правый флангъ группы началъ въ безпорядкѣ отходить на Сумы, причемъ 2 бригада было отброшена отъ жел. дороги на Лебединъ. Командующій вновь отдалъ приказъ о переходѣ въ наступленіе «для возстановленія положенія».

Несмотря на этотъ приказъ части продолжали отходить на сѣверъ, о чемъ ие было сообщено командиру 1 бригады 57 дивизіи, который занималъ м.Зеньковъ. Неожиданный отходъ Сумской группы поставилъ въ критическое положеніе всю 1 бригаду 57 дивизіи.

Достигнувъ линіи Сумы — ст. Пселъ, Сумская группа, за исключеніемъ небольшихъ отрядовъ коммунистовъ, была настолько разстроена и деморализована, что совершенно не была въ состояніе оказывать сопротивленіе противнику. Сумы были сданы почти безъ выстрѣла.

Къ утру 15 августа (н.стиля) отступающія части достигли ст. Ворожба, а разъѣзды противника появились въ раіонѣ ст. Виры.

Узнавъ отъ политкома штаба, ПРОСВИРИНА, что Реввоенсовѣтъ рѣшилъ назначить комиссію для разслѣдованія крупныхъ неудачъ на фронтѣ и для выясненія обстоятельствъ сдачи Сумъ, я немедленно уѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ и скрывался до занятія города частями Добрарміи.

Въ общемъ, состоя на службѣ въ Совѣтскомъ Генеральномъ Штабѣ съ 23 марта по 16 августа (н. стиля) сего 1919 года, я непрерывно выполнялъ заданія Кіевскаго Центра Русской Добровольческой Арміи, а именно: съ 28

марта по 10 іюля работалъ въ Кіевскомъ Губвоенкомѣ, въ качествѣ помощника Генеральнаго Штаба подполковника *** по дезорганизаціи формированія войсковыхъ частей,а съ 10 іюля по 15 августа выполнялъ заданія, согласно вышеизложенного.

Подписалъ: Генеральнаго Штаба подполковникъ
(подпись)

Съ подлиннымъ вѣрно:

И. д. Начальника Штаба,

Поручикъ (подпись)

РУССКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА ВЪ БѢЛГРАДѢ

РАПОРТЪ СОСТОЯЩАГО ВЪ ШТАБѢ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЕРХОВНАГО КОМАНДОВАНІЯ ДОБРАРМІИ ГЕН. ШТ. ПОДПОЛКОВНИКА С-ГО ПРЕДСТАВИТЕЛЮ ВЕРХОВНАГО КОМАНДОВАНІЯ ВЪ КІЕВѢ.

Состоящій
въ Штабѣ Представителя
Верховнаго Командованія
Добрарміи
Генштаба подполковникъ С—Й.
29 августа 1919 года.
№ 5.
гор. Кіевъ.

Секретно.

Представителю Верховнаго Командованія Добрарміи полковнику Б.

Съ окончаніемъ демобилизаціи Русской Арміи, т.е. съ 16-го марта 1918 года по 15-е февраля 1919 года, я нигдѣ не служилъ и отъ всѣхъ мобилизацій Гетмана и Петлюры скрывался. Въ декабрѣ 1918 года я, около недѣли, былъ въ Штабѣ Добровольческой дружины генерала К.

Съ приходомъ большевиковъ я получилъ въ 15 числахъ февраля 1919 года предложеніе отъ Представителя Верховнаго Командованія Добрарміи полковника Е., переданное черезъ полковника С., поступить въ одинъ изъ штабовъ большевиковъ для информацій Добрарміи.

Принявъ это предложеніе, я, въ первыхъ числахъ марта мѣсяца, поступилъ въ Кіевскій ***, въ мобилизаціонный отдѣлъ, вѣдавшій также и оперативными дѣлами. Конечно, *** не могъ дать всѣхъ свѣдѣній, нужныхъ Центру, но это была первая необходимая ступень службы. Бывая во всѣхъ штабахъ Кіева, я получалъ все-таки много цѣнныхъ свѣдѣній, передаваемыхъ немедленно Центру черезъ полковника С. Черезъ мѣсяцъ службы я понялъ, что работа въ пользу Добрарміи можетъ вестись двумя путями — путемъ информацій и путемъ разрушеній всѣхъ важнѣйшихъ отраслей военнаго дѣла Красной Арміи.

Мой планъ былъ одобренъ полковникомъ С., и я началъ работу. Имѣя въ своихъ рукахъ дѣло мобилизаціи и формированій Красной Арміи, я сразу же повелъ дѣло такъ, что ни одно формированіе не могло пройти, а мобилизація, объявляемая въ самые неподходящіе моменты, не давала никакого результата. Формируемыя 4 и 5 укр. дивизіи, а также всѣ вспомо-

гательныя части и мѣстныя такъ и остались на первой стадіи развитія. Приказы же о мобилизаціи пришлось все время отмѣнять.

Въ оперативномъ отношеніи, для облегченія положенія Добрарміи, было положено въ основу не дать ни одного штыка въ Донецкій бассейнъ, а для этого теоретически составлялись многочисленные доклады объ угрожающемъ положеніи внутренняго фронта.

Доклады эти разсматривались въ Совнаркомѣ и возымѣли свое дѣйствіе — Москвѣ постоянно отвѣчали, что помощи оказать нечѣмъ. Дѣйствительно, внутреннія возстанія потребовали массы средствъ и войскъ. Недоформированныя части бросались одна за другой на внутренній фронтъ и окончательно гибли. Для отвлеченія лучшихъ силъ былъ разработанъ докладъ сформированія полковъ ОСОБАГО НАЗНАЧЕНІЯ. Въ полки эти были взяты лучшіе кадры и средства полевыхъ формированій, а это окончательно нарушило весь планъ спѣшныхъ формированій.

Въ итогѣ, къ концу апрѣля, на Донской фронтъ почти ничего не было отправлено, мобилизація дала плачевные результаты, внутренній фронтъ удерживалъ до 32.000 войскъ, а возстанія, разжигаемыя необдуманными приказами и декретами — все разростались.

Однако, къ концу апрѣля, я рѣшилъ перейти въ большій Штабъ, что и удалось сдѣлать — я занялъ должность Помощника Начальника Отдѣла ***. Снискавъ полное довѣріе, я съ первыхъ же дней взялъ въ свои руки всѣ формированія Украины. Въ оперативномъ отношеніи я составлялъ только доклады объ угрозѣ развивавшейся анархіи внутренняго фронта. Большинство служившихъ въ Наркомвоенъ офицеровъ Генштаба поддерживали высказываемыя мною предположенія. — *Самъ же ПОДВОЙСКІЙ всецѣло подчинялся нашему вліянію.*

Программа работы по своему масштабу нѣсколько расширилась, информацій получалось очень много, особенно о политическихъ событіяхъ и переброскѣ войскъ.

Программа работы была такова:

а) Сборъ всѣхъ цѣнныхъ свѣдѣній для Центра.
б) Извлеченіе всѣхъ цѣнныхъ документовъ.
в) Полученіе дислокацій и боевыхъ расписаній.
г) Разрушеніе вновь создавшейся Украинской Арміи.
д) Работа по обостренію отношеній Укрфронта и Наркомвоенъ.
е) Разжиганіе угрозы внутренней смуты и мятежей, систематическое запугиваніе.
ж) Оттягиваніе всѣхъ лучшихъ силъ на внутренній фронтъ.
з) Борьба всѣми силами съ посылкой подкрѣпленій на Донецкій фронтъ.

Въ теченіе всего мая и іюня работа шла строго по программѣ безъ всякихъ помѣхъ.

Сборъ информацій давалъ хорошіе результаты. Удалось познакомиться съ важными секретными документами Совѣта Обороны и особенно секретной перепиской между Россійскимъ и Украинскимъ Совнаркомами. Дислокаціи и боевыя расписанія получались Центромъ два-трн раза. Что касается разрушенія Армін, то работа эта дала блестящіе результаты. ПОДВОЙСКІЙ, попавшій всецѣло подъ вліяніе монхъ проэктовъ, одобрилъ рядъ такихъ неосуществимыхъ формированій, переварить которыя Украина не могла бы и въ нѣсколько лѣтъ. Создавалось сразу 6 дивизій, отдѣльныя бригады, мѣстныя формированія, всего общимъ числомъ на 280.000 штыковъ, 85.000 лошадей и массы вспомогательныхъ частей.

Планы мѣнялись чуть ли не ежедневно. Все это окончательно дезоргани - зовывало всѣ формированія.

Въ лучшіе моменты вся Украинская Армія, формируемая Наркомвоенъ, давала такія цифры: 42.000 штыковъ, 2.200 лошадей. Некомплектъ былъ колоссаленъ. Оффиціальные отчеты были совершенно другіе — тамъ цифры были до 100.000 штыковъ, 10.000 лошадей (все дутыя цифры).

На почвѣ формированій возникла цѣлая переписка упрековъ между Комфронтъ АНТОНОВЫМЪ и Наркомвоенъ ПОДВОЙСКИМЪ. Переписка и отвѣты составлялись мною. Отвѣты АНТОНОВУ настолько обострнли отношенія, что вмѣшался Центръ Московскій и въ результатѣ получилась отставка АНТОНОВА. Одновременно разжигался вопросъ о внутреннемъ фронтѣ. «Бумажные» мятежи потребовали до 45.000 войскъ. А между тѣмъ ТРОЦКІЙ категорически требовалъ подкрѣпленій на Донецкій фронтъ. Отписки, отговорки затягнвали до безконечности посылку подкрѣпленій и только въ срединѣ іюня рѣшено было послать 5 укр. днвизію; но здѣсь вновь удалось оттянуть одну бригаду на внутренній фронтъ, чѣмъ тормозилась вся переброска.

Дивизія , составленная нзъ сырого матеріала, брошенная по частямъ въ бой въ раіонѣ ЛУГАНСКА, погибла, остатки ея были переброшены въ раіонъ КИРСАНОВА-РТИЩЕВО.

Такимъ образомъ, къ концу іюня въ итогѣ работа дала хорошіе результаты:

Были получены важнѣйшія свѣдѣнія, доставлены важнѣйшіе документы, дезорганизовано все формированіе Красной Аріми, оттянуто на внутренній фронтъ до 45.000 солдатъ. Донецкому фронту послано вмѣсто обѣщанныхъ 3-хъ дивизій, т.е. около 100.000 солдатъ, всего лишь 8-10.000 солдатъ, да и тѣ по частямъ разбивались.

Въ концѣ іюня состоялась поѣздка ПОДВОЙСКАГО по всему фронту. Въ поѣздкѣ сопровождали ПОДВОЙСКАГО изъ Генштаба ***. Экзальтированный ПОДВОЙСКІЙ всецѣло поддался вліянію ***; путемъ предъяв-

ленія фантастическихъ плановъ и проэктовъ удалось уговорить его принять на себя командованіе отдѣльнымн участками фронта, на что ПОДВОЙСКІЙ согласился. Успѣхн Добрарміи требовали недопущенія Петлюры къ Кіеву. ПОДВОЙСКІЙ согласился съ мнѣніемъ, что самый опасный врагъ — это ПЕТЛЮРА, поэтому нужно было сосредоточить противъ него на Западной границѣ Украины значнтельныя силы. Въ началѣ іюля въ раіонѣ ПРОСКУРОВЪ—ЖМЕРИНКА—ВАПНЯРКА сосредоточено было до 30.000 солдатъ и сюда направлялнсь всѣ силы въ ущербъ Донецкому фронту. Это создало цѣлый конфликтъ между ЛЕНИНЫМЪ—ТРОЦКИМЪ, съ одной стороны, и ПОДВОЙСКИМЪ, съ другой. Нежеланіе дать помощь Красной Амін Южнаго фронта ставило ПОДВОЙСКАГО на степень контръ-революціонера и измѣнника. Потребована была отставка ПОДВОЙСКАГО, а изъ Москвы послали на Украину ДЗЕВАЛТОВСКАГО.

По 20-е іюля ПОДВОЙСКІЙ оставался въ ролн руководнтеля внутреннимъ фронтомъ. Своими безалаберными дезорганизующнмн распоряженіями ПОДВОЙСКІЙ подготсвлялъ крахъ фронта, чѣмъ и оказывалась помощь Добрарміи. Къ концу іюля ПОДВОЙСКІЙ ушелъ, а я попросился въ Штабъ Командующаго Войсками Кіевскаго раіона ПАВЛОВА. ПАВЛОВЪ—типъ Подвойскаго, но еше болѣе безалаберный, попалъ подъ вліяніе ***, и я продолжалъ свою работу по указанной программѣ. Вмѣсто умиротворенія страны получился общій пожаръ возстаній. Внутренній фронтъ требовалъ напряженія всѣхъ средствъ и силъ. Со взятіемъ Добровольческой Арміей Екатеринослава необходимо было возможно дальше отвести войска отъ Днѣпра къ западу. Намѣчавшаяся же изоляція Одесскаго Округа съ его войскамн требовала удержанія тамъ войска для ихъ окруженія. Отъ Днѣпра были оттянуты почти всѣ силы, а для сего былъ выпущенъ даже ЗЕЛЕНЫЙ изъ раіона ТРИПОЛЬЯ въ раіонъ УМАНИ. Создавались, такимъ образомъ, ворота вдоль Днѣпра. Одесскому же округу по моимъ докладамъ не угрожала ннкакая опасность. Этому повѣрили и почти 2½ дивнзіи остались отрѣзанными. Съ паденіемъ ПОЛТАВЫ и приближеніемъ Добровольческой Арміи къ Кіеву обозначилась вся угроза Украинѣ, поэтому рѣшено было всю борьбу на внутреннемъ фронтѣ поручить знаменитому «дезорганизатору» и «сдатчику городовъ» ВОРОШИЛОВУ. ВОРОШИЛОВЪ предложилъ мнѣ должность Нач. *** фронта, на что я согласился. Созданіе лишняго (10-го) штаба потребовало почти недѣли, а между тѣмъ работа на фронѣ стояла. Гибли цѣлыя части, безъ управленія,связи и помощи. Фронтъ таялъ, солдаты бѣжали. Истинное положеніе было безнадежное.

Тогда приказомъ ТРОЦКАГО для спасенія Украины былъ назначенъ ПЕТЕРСЪ, который раздѣлилъ свою власть совмѣстно съ ЛАЦИСОМЪ и ВОРОШИЛОВЫМЪ. Былъ вновь организованъ Штабъ Военнаго Совѣта, который долженъ былъ координировать всю работу 12 арміи и внутрфронта,

Глядя на всѣхъ этихъ людей, можно было подумать, что въ Россіи не было революціи, не было ужасовъ развала фронта и дезертирства милліоновъ людей, носившихъ «почетное» званіе воина; не было неслыханныхъ грабежей, не лилась безвинная братская кровь!.. Все было забыто!..

Украина зажила вновь старою «*русскою*» жизнью и не использовала германской оккупаціи для установленія *прочнаго* правопорядка.

Я знаю, что германскіе верхи мѣшали созданію арміи на Украинѣ.

Но почему же Украинская власть не провела *немедленно земельную реформу*, не создала надежной полиціи, не почистила администрацію,—это было бы непонятно, если не учесть извѣстныя особенности русской жизни и свойствъ русской бюрократіи—недобросовѣстной, легкомысленной и неосвѣдомленной.

Вся эпопея «Украины» 1918 года весьма характерна, какъ картина дѣятельности русско-украинской интеллигенціи въ періодъ затишья гражданской войны и прекращенія революціонныхъ эксцессовъ. Интриги, самомнѣнія, неизмѣримыя и необоснованныя честолюбія, узкій эгоизмъ и непониманіе обстановки — все это выявилось тогда съ прежней силой!

Трудно за 2 года освободиться отъ пороковъ, привитыхъ тысячелѣтіемъ!..

Но кто особенно удивилъ меня тогда своимъ непониманіемъ обстановки, такъ это — почтенные нѣмцы, германцы,— тѣ самые германцы, которые такъ предусмотрительно готовились къ міровой войнѣ и такъ блестяще ее вели въ теченіе 4 лѣтъ!

Столь чтимые мною (за военную подготовку и патріотизмъ) германцы, въ 1918 году ничего не поняли въ русскихъ дѣлахъ и вели себя на Украинѣ и на Западѣ, какъ узкіе политики, увлекшіеся успѣхомъ.

Если бы въ 1918 году германскіе вожди не «зарвались» бы на Западѣ и не уподобились бы русскимъ «незнаямъ» на Востокѣ, то Великая Германія не получила бы того тяжкаго краха, который постигъ ее въ концѣ 1918 года и послѣдствія коего она переживаетъ сейчасъ. Германія Бисмарка и Вильгельма 1-го получила свое Возмездіе при Вильгельмѣ 2-мъ за увлеченіе успѣхомъ, и за участіе въ русской трагедіи!....

Украину послѣ нѣмцевъ заняли, такъ называемые, «украинскіе демократы», ядро коихъ составили разные — «балабачацы», «*петлюровцы*», «натіевци» и другіе «подростки» въ военной формѣ, руководимые г.г. сельскими учителями, бухгалтерами, волостными писарями, полицейскими приставами, прапорщиками, обратившимися вдругъ въ *полковниковъ*, есауловъ, «отомановъ» и членовъ «Директоріи»!!! Эти господа безъ труда овладѣли властью, не защищенную — *ни штыками, ни реформами*, и стали насаждать свою «неразберихy»*)... Но, подоспѣвшіе большевики еще легче выгнали вонъ этихъ «устроителей жизни», увлекшихся... ореоломъ власти и «самостійности».

---

*) Особенно безобразничали петлюровскія банды въ Кіевѣ, гдѣ они убили многихъ русскихъ офицеровъ, въ томъ числѣ генерала графа Келлера.

Такъ пала «Украина эпохи гетмана Скоропадскаго», не сумѣвшаго со своими помощниками и совѣтниками найти равнодѣйствующей народнымъ чаяніямъ и создать себѣ опору въ правопорядкѣ, основанномъ на трудѣ и христіанской морали.

До какой степени все общество не понимало того, что совершается кругомъ, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, довольно распространенное мнѣніе, что «большевизмъ уже *изжитъ* въ Россійскихъ губерніяхъ, занятыхъ большевиками и что эти области находятся уже наканунѣ выздоровленія; наУкраинѣ же нѣтъ еще *полнаго* порядка *только* потому, что она не вкусила всѣхъ прелестей большевистскаго режима»! Каждый разъ, когда раздавалось такое сужденіе, въ немъ звучали старые, знакомые мотивы, старая, знакомая недальновидность, неисправимый оптимизмъ и забвеніе вчерашнихъ уроковъ!

Ужасовъ 17 и 18-го годовъ не было достаточно для вразумленія русской интеллигенціи, особенно — «правившей». Малѣйшее затишье — и всѣ приялись за старое, со старою идеологіею! А если, что плохо, такъ это потому, что «Украина еще не *изжила* большевизма,», а въ Россіи, видите-ли, уже «все обстоитъ благополучно»: большевики наканунѣ паденія!.. И это было въ 1918 году!...

Такое же недомысліе и незнаніе дѣйствительности сквозило и потомъ— въ самоувѣренныхъ рѣчахъ антибольшевистскихъ вождей въ 1919, 20,21-хъ годахъ. Всюду было одно и то же: непониманіе совершающихся событій и желаніе видѣть не то, что есть, а слѣдовательно — и дѣлать не то, что нужно!

Я уже говорилъ, что гонимые большевиками русскіе люди собирались на всѣхъ окраинахъ Россіи. Здѣсь, иногда сами, иногда съ помощью Союзниковъ, они организовывались въ вооруженную силу и образовывали «фронты».

Такъ появились фронты: Сибирскій—адмирала Колчака, Сѣверный — генерала Миллера,Сѣв.-западный — генерала Юденича, Донской — генерала Краснова,«Добровольческая армія» ген. Корнилова, потомъ фронтъ генерала Деникина и, наконецъ,— Крымскій фронтъ генерала Врангеля.

Всѣ они въ общемъ имѣли однѣ и тѣ же характерныя особенности,съ нѣкоторыми оттѣнками въ деталяхъ.

Пусть одни изъ нихъ,напримѣръ Сѣверный генерала Миллера и Донской генерала Краснова, были управляемы лучше другихъ; но всюду царила склонность къ спорамъ, мѣстничеству, взяточничеству, пьянству и всякимъ безобразіямъ!.. Всѣ эти большіе и малые «дѣятели» вели себя какъ легкомысленныя и неразумныя дѣти! Въ минуты успѣховъ предавались неумѣренному ликованію и несбыточнымъ мечтамъ; а въ минуты неудачъ поддавались быстрому саморазложенію, приводившему ихъ къ катастрофамъ.

Тѣ высокіе моральные принципы, на которыхъ была заложена Добровольческая Армія, тотъ рыцарскій духъ, который она носила въ себѣ въ пер-

ПЕТЕРСЪ имѣлъ въ Кіевскомъ раіонѣ до 24.000 солдатъ. Ему былъ данъ категорическій приказъ ЛЕНИНА «продержаться пару дней въ Кіевѣ и Кіевъ будетъ спасенъ». Эта задача вполнѣ совпала съ задачей моей — удержать въ Кіевскомъ раіонѣ побольше войскъ до ихъ полнаго окруженія. Поэтому на всѣ категорическіе вопросы РАКОВСКАГО и «тройки» я отвѣчалъ, что Кіевъ не будетъ сданъ, да и взять его съ такимъ колоссальнымъ гарнизономъ врядъ ли удастся. Кромѣ сего, я высказалъ пожеланія, что бы правительство оставалось до послѣдней крайности въ Кіевѣ.

Создавалась возможность полнаго окруженія арміи и правительства. Для облегченія же захвата жел. дор. КІЕВЪ-ДАРНИЦА и шоссе КІЕВЪ—БРОВАРЫ Добровольческой Арміей, я настоялъ на томъ, чтобы лучшія части Красной Арміи были переброшены на правый берегъ Днѣпра противъ ПЕТЛЮРЫ. Интернаціональная бригада и курсанты были брошены къ ВАСИЛЬКОВУ. Вдоль шоссе КІЕВЪ—ЖИТОМІРЪ на МАКАРОВЪ былъ посланъ 1-й Крѣпостной Пензенскій полкъ (до 2.000 штыковъ). Въ раіонѣ СВЯТОШИНО оставалась 2-ая пластунская бригада, какъ резервъ. На лѣвомъ берегу оставался полкъ курсантовъ и остатки 60 дивизіи. Въ резервѣ въ Кіевѣ оставались еще Крѣп. бригада и резервная, всего до 8.000 штык. Изъ этой цифры до половины я оттянулъ въ резервъ, на правый берегъ Днѣпра, въ раіонъ СВЯТОШИНО—ПОСТЪ ВОЛЫНСКІЙ.

Такимъ образомъ создавалась благопріятная обстановка для Добр. Арміи. Однако бои въ теченіе 16-19 августа не дали ожидаемаго результата — Кіевъ не былъ еще отрѣзанъ. Резервы были израсходованы до послѣдняго человѣка. 19-е августа должно было рѣшить участь Кіева. Состоялось до 4-хъ засѣданій, гдѣ дебатировались вопросы сдачи или удержанія Кіева. Я высказывался не сдавать города, ожидая окруженія, но его не послѣдовало. Между тѣмъ лучшія части въ паникѣ поспѣшно отходили черезъ Кіевъ и на мосты. Въ городѣ тоже росла паника. Поэтому «тройка» рѣшила оставить городъ и отходить на линію ГОМЕЛЬ—ЧЕРНИГОВЪ тремя группами: отъ КОРОСТЕНЯ на МОЗЫРЬ (44 — 1 укр. дивиз.), вдоль праваго берега группа ПАВЛОВА, и вдоль лѣваго берега — группа МИРОНОВА. Связи съ частями не было, всѣ дѣйствовали по своему, поэтому и получилась такая паника. 24.000-й арміи не существовало; люди, не исполняя приказа, бросились на мосты и стихійно переправились на тотъ берегъ, дабы дальше прорваться на ЧЕРНИГОВЪ. Мосты приказано было взорвать, но мнѣ удалось такъ воздѣйствовать на подрывниковъ, что они ушли домой и моста не взорвали. Такимъ образомъ, Кіевъ сдавался Д. Арміи и Петлюрѣ. На одновременное занятіе КІЕВА двумя претендентами большевики расчитывали, какъ на средство «перессорить» генерала ДЕНИКИНА и ПЕТЛЮРУ.

Завѣтная мечта занятіе КІЕВА Добровольческой Арміей стала реаль-

имъ вопросомъ, и Армія была у города. Такимъ образомъ программа до конца была использована и выполнена.

Вотъ моя полугодовая работа на пользу Добровольческой Арміи. Тяжелыя условія, постоянный шпіонажъ, разстрѣлы, преслѣдованія, троекратныя открытія органнзаціи все это было тормозомъ для болѣе интенсивной дѣятельности.

Въ дѣлѣ информаціи и разрушенія фронта на *** направленіи я обязанъ агенту Центра Генштаба подполковнику П.

Въ общемъ дѣлѣ очень сочувственно относились Генштаба подполковники: (приведены фамнліи четырехъ офицеровъ), капитанъ *** и бывшіе офицеры (приведены фамиліи трехъ офнцеровъ) *** и *** очень много помогли въ дѣлѣ оттягиванія силъ на внутрфронтъ. Они же окончательно разрушили фронтъ въ раіонѣ Поста Волынскаго. Съ ними захвачено болѣе 100.000 рублей денегъ, каковыя сданы контръ-развѣдкѣ и въ Штабъ.

Подписалъ: Генштаба подполковникъ С-Й.

И. д. Начальника Штаба,
Поручикъ /подпись/.

РУССКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА ВЪ БѢЛГРАДѢ

VI.

СЛАВЯНЕ – БОЛЬШЕВИЗМЪ – БѢЛОЕ ДВИЖЕНІЕ

ГЛАВНЫЯ ПРИЧИНЫ НЕУДАЧЪ БѢЛАГО ДВИЖЕНІЯ НА ЮГѢ РОССІИ*).

Статья «Главныя причины яеудачъ бѣлаго движенія на Югѣ Россіи» принадлежитъ перу извѣстнаго военнаго писателя генерала П. И. Залѣсскаго, который всю свою жизнь, всѣми законными и доступными способами (лекціями, бесѣдами, литературными трудами и т. п.), боролся съ недугами старой Русской Арміи, зовя ее и Родияу къ насущнымъ и неотложнымъ реформамъ.

Прямолинейный въ своихъ докладахъ, чуждый какихъ бы то ни было компромиссовъ, искренно болѣющій душой при видѣ недостатковъ родной арміи и безпощадно рѣзкій въ отношеніи бюрократическихъ военныхъ верховъ — онъ въ своихъ статьяхъ проводилъ мысль: «Великой Россіи — Великая Армія».

Въ тѣ поры, можетъ быть я позднихъ, но все же искреннихъ стремленій общества къ увеличенію мощи Россіи и Арміи, генералъ Залѣсскій являлся для многихъ язданій желательнымъ сотрудникомъ и, одно время, писалъ въ трехъ газетахъ и пяти журналахъ. Его многочисленныя статьи о кояницѣ вызвали правдивый и искренній откликъ генерала Самсонова: *«это не только насущныя нужды конницы, но и всей Русской Арміи»!*

Его же статьи, напечатанныя въ цѣломъ рядѣ комеровъ «Военнаго Голоса» 1906 г. — «Насущныя нужды нашей Арміи въ связи съ интересами Русскаго Народа» — послужили *настольнымъ руководствомъ Военной комиссіи 1-й Государственной Думы въ ея работахъ.*

Нижеслѣдующіе труды принадлежатъ перу генерала П. И. Залѣсскаго:

1) «*Насущныя нужды нашей конницы*» изд. Березковскаго 1908 г.
2) «*Главнѣйшіе виды дѣятельности конницы*» изд. Березковскаго 1909 г.
3) «*Организація, обученіе и служба конницы*» изд. 1899 г.
4) «*Конница передъ данными современной войны*» 1904 г.
5) «*Подготовка командnаго состава*» сборникъ Рябушинскаго «Великая Россія»
6) «*Конница*» 1906 г.
7) «*Насущныя нужды нашей Арміи въ связи съ интересами Русскаго Народа*»
8) «*Возмездіе*» (печатается)

и т. д.

Труды генерала Залѣсскаго не могли пройти незамѣченными и за-гракицей, и много его статей можно найти въ разныхъ иностранныхъ журналахъ.

Вокругъ вопросовъ, затрагиваемыхъ имъ, всегда создавалась оживленная полемика, не всегда пріятная для мертвыхъ бюрократическихъ военкыхъ верховъ, что создало ему славу «безпокойнаго» и не разъ отражалось на его служебкой дѣятельности.

Въ дни освободительнаго движенія, будучи генералъ-губернаторомъ Харькова (при гетманѣ Скоропадскомъ), онъ, съ присушей ему прямолинейностью, твердо велъ «русскую линію», не считаясь ни съ какими предписаніями — ни Украинскаго правительства, ки нѣмецкаго командованія и неизмѣкно пользовался самымъ глубокимъ уваженіемъ со сторокы всѣхъ окружавшихъ его.

Его авторитетъ среди кѣмецкаго командованія былъ кастолько великъ, что когда однажды понадобилось отправить изъ Харькова въ Добровольческую Армію

---

*) Трудъ этотъ имѣетъ цѣлью: указать истинныя причины русской катастрофы, ведущія свое качало изъ глубины прошлыхъ вѣковъ, не взваливая вину — ни ка евреевъ, ни ка масоновъ, ни на единичныхъ общественныхъ дѣятелей. *Авторъ.*

нѣсколько сотъ офицеровъ съ пулеметами — нѣмцы не только дали подвижной составъ, но и назначили солдатъ въ помощь русскимъ офицерамъ для погрузки пулеметовъ, патроновъ и проч.

Въ настоящее времн генералъ П. И. Залѣсскій живетъ въ Сербіи и работаетъ надъ приведеніемъ въ порядокъ своихъ мемуаровъ.

Въ октябрѣ 1917 г. петроградскіе большевики легко сбросили остатки властн «Временного Правительства». Никто серьезно не препятствовалъ торжеству большевиковъ: сила была на ихъ сторонѣ, и всѣ подчинились имъ.

Я не сомнѣваюсь, что и *временный* Верх. Главнокомандующій, генералъ Духонинъ,исполнилъ бы требованіе народныхъ комиссаровъ о перемиріи на фронтѣ, если бы они не такъ торопились и въ иной формѣ предъявляли бы свои требованія. Всѣ «сопротивленія», въ какой бы формѣ они ни проявились, *созданы дѣйствіями самихъ же большевиковъ*, ихъ грубымъ и дикимъ насиліемъ надъ всѣми, въ комъ можно было *заподозрить* несогласіе съ нхъ взглядами и крнтнку ихъ дѣйствій, т. е. «контръ-революцію».

Въ сущности, никакихъ «контръ-революцій» и даже тенденцій къ нимъ не было — все, повторяю, подчинилось силѣ, хотя бы только воображаемой.

Гражданская война и всѣ возстанія все это создано *насиліемъ большевиковъ* и народилось далеко не сразу.

Бѣлогвардейцы, бѣлоармейцы, или просто «бѣлые» это — *гонимые* большевиками люди: офицеры, землевладѣльцы, купцы, промышленники, чиновники, зажиточные крестьяне, вообще — люди, которыхъ грабили, убивали и истязали... Среди спасавшихся отъ большевиковъ было не мало простого люда и даже полудикіе калмыки, киргизы, башкиры и т.п. — подвергшіеся грабежу.

Но особенно ненавистны большевикамъ были *офицеры*, какъ опора прежняго правопорядка. И правы были офицеры, говоря:

«Три года мы тяжко, безмѣрно страдали,
Святые завѣты Россіи храня;
Мы бились съ врагами, и мы не считали
Часами рабочаго нашего дня!
Въ глубокихъ могилахъ, безъ счета и мѣры,
Въ своихъ и въ враждебныхъ краяхъ,
Сномъ вѣчнымъ уснули бойцы офицеры,
Погибшіе въ славныхъ бояхъ!
Но мало того показалось народу,
И вотъ, чтобъ прибавить могилъ,
Онъ, нашей же кровью купивши свободу,
Своихъ офицеровъ убилъ!...»

Да, исторіи есть *что* разсказать про страданія русскаго офицера съ февраля 1917 года!

Что же удивительнаго, что офицеръ *уходилъ* отъ своихъ гоителей и мучителей? Уходилъ не для «контръ-революціи», *не для гражданской войны*, (офицеры всегда были *внѣ политики)*, а только въ виду *невозможности оставаться* въ раіонѣ, гдѣ царило безправіе, дикое, необузданное иасиліе и грабежъ,грабежъ безъ коица!!! Бѣжали всѣ,кто могъ бѣжать... Такъ бѣжали и Быховскіе плѣнники; такъ бѣжали со всѣхъ коицовъ Россіи всѣ люди, кои именовались «буржуями»; такъ бѣжали ученики высшихъ и среднихъ школъ и даже дѣти убитыхъ и замученныхъ отцовъ и матерей!...

Спасшіеся отъ убійствъ и насилія русскіе люди скопились на разныхъ окраинахъ Россіи, и тамъ, *силою событій,принуждены были взяться за оружіе*; такъ образовались «бѣлые» фроиты. Но часть спасавшихся, уже въ первые дни, ушла заграницу, гдѣ нынѣ скопилось до 2-хъ милліоновъ русскихъ людей всѣхъ положеній и состояній.Многіе изъ иихъ ушли не только отъ иасилія, но и отъ *невозможности работать* въ атмосферѣ, гдѣ дважды-два ие — четыре!

Возьмемъ, иапримѣръ, армію.

Захвативъ власть, большевики овладѣли прежде всего арміей, которая была въ общемъ имъ послушна. Зачѣмъ же они начали съ того, что рѣшительно и безразсудно ее развалили?!

Вѣдь она *пригодилась бы имъ въ дни переговоровъ съ нѣмцами въ Брестъ-Литовскѣ?!*

Что же сдѣлали большевики?

Они сдѣлали Верховнымъ Главнокомандующимъ многомилліониой Арміи — *статскаго* человѣка, военныя знанія коего не превышали познаній уитеръ-офицера!

Новый Верх. Главнокомаидующій иачалъ свою дѣятельность именно съ того, что *добилъ* Армію,и этимъ же обезоружилъ своихъ комиссаровъ, явившихся въ Брестъ-Литовскъ договариваться съ Германцами! Не имѣя Арміи, комиссары прииуждеиы были ие только уступить требованіямъ германцевъ, но и отдать имъ безъ боя зиачительиую территорію и имущество: легіоиы г-на Крылеики—тѣ русскіе люди, что храбро избивали своихъ офицеровъ и грабили «буржуевъ», — теперь спѣшно уходили, спасаясь отъ каски германскаго ландштурмиста...

Отсутствіе Арміи сказалось и въ свободиой оккупаціи иѣмцами Украиины въ 1918 г. и въ успѣхахъ Деиикина весною и лѣтомъ 1919 года. И, если бы ие недостатки самихъ «бѣлыхъ» вождей и ие верхоглядство*) Союзниковъ, то дорого большевики заплатили бы за опытъ Крыленки въ роли Верх. Главнокомандующаго!...

Но вѣдь такіе же опыты производились ими и въ другихъ областяхъ жизни и государственнаго хозяйства!...

*) Скорѣе — недальновидность, близорукость. (*Ред.*)

Вотъ отъ этихъ то порядковъ и уходили многіе... Развалъ былъ вездѣ и во всемъ, и уже въ 1918 году вся Россія стонала, не только отъ насилія и грабежа, но и отъ *голода* и полнаго *сумбура жизни!* Понятно почему германцы, явившіеся въ 1918 г. для оккупированія Украины, были приняты многими, какъ *спасители!*

Германская оккупація Украины дала опору первой «контръ-революціи», ибо только въ тѣ дни, опираясь на нѣмцевъ, возможно было *возстановить* иормальный, культурный характеръ жизни, съ правами личности и даже съ охраной имущества.

Украина сдѣлалась культурнымъ оазисомъ Россіи, гдѣ можно было жить иормальной жизнью, не опасаясь ежемнутныхъ — обыска, грабежа, издѣвательства, насилія, убійства!... Здѣсь, на Украинѣ, не было и голода и всякихъ матеріальныхъ лишеній. Здѣсь каждый могъ работать для себя, не опасаясь грабежа и разоренія.

Сюда потекли ограбленные и обездоленные люди со всѣхъ концовъ Россіи.

Нѣмецкая оккупація Украины повліяла сильно и на Донскую и иа Кубанскую области, прикрывъ ихъ иа громадномъ протяженіи Украины.

Кромѣ того, нѣмцы помогали и Краснову, и Деникину — матеріалами и деньгами, и, въ то же время, не препятствовали притоку добровольцевъ со всей Россіи. Вообще нѣмецкая оккупація Украины много помогла антибольшевистскому движенію. Она могла бы создать мощный фронтъ, если бы антибольшевики отрѣшились бы, хотя на время, отъ «мѣстничества» и жаднаго стремленія не только *наверстать* потерянное, но и *пріобрѣсти* кое-что въ общемъ хаосѣ.....

Вмѣсто быстраго осуществленія *земельной* реформы, оздоровленія администраціи, возстановленія *нормальной* армін, — г.г. «вожди» и ихъ сотрудники занялись спорами, интригами и пролѣзаніемъ въ «дамки»—честолюбіямъ и хищничеству многихъ изъ нихъ не было предѣловъ! Всюду были на первомъ мѣстѣ *личные* инетересы, но не общее дѣло!*)

Въ дни гетмана Скоропадскаго украннскіе «верхи» комплектовались изъ прежней русской бюрократіи (большой и малой), а потому обладали всѣми ея недостатками: *верхоглядствомъ* и *забываніемъ вчерашнихъ уроковъ*. Увидя поворотъ къ нормальной жизни, г.г. «буржуи» вообразили, что всѣ страданія *кончены;* что впереди не будетъ больше невзгодъ и испытаній, а потому—давай приниматься за старое: кто спѣшилъ пополнить свое имущество, ие считаясь со вновь народившимися условіями жизни; кто безсовѣстно спекулировалъ; кто нагло бралъ взяткн; кто слишкомъ шнроко пользовался жизнью: кутилъ, игралъ въ карты, жуировалъ по ресторанамъ и садамъ и т.д., и т. д.

*) Особенно преступно вели себя г. г. «украинскіе демократы», г. г. Петлюра, Виниченко, Поршъ и другіе.

вые дни своего существованія — постепенно исчезъ, испарился, и къ концу борьбы поведеніе антибольшевистскихъ *войскъ*, въ сущности, мало чѣмъ отличалось отъ поведенія большевиковъ !

А между тѣмъ борющіяся стороны не имѣли одинаковаго удѣльнаго вѣса въ глазахъ населенія.

Для темной массы народа большевики были «своими» И это вѣрно, если взять только *теоретическіе принципы большевиковъ* и ихъ заманчивыя обѣщанія. Антибольшевики являлись носителями *старыхъ* тенденцій, а часто и — мстителями за совершенное большевиками нарушеніе нормальнаго правопорядка.

— Наши идутъ! — говорилъ народъ при приблнженіи большевиковъ.

— Господа (паны) пришли! — говорило то же населеніе при вступленіи антибольшевиковъ.

Здѣсь — центръ трудностей для антибольшевиковъ всѣхъ толковъ и оттѣнковъ!.... Надо доказать населенію, что вы друзья ему!

А какъ это сдѣлать, если въ душѣ у васъ кипитъ злоба мщенія и нѣтъ пониманія обстановки; нѣтъ пониманія, *сознанія своей вины передъ темнымъ народомъ!*.....

Непониманіе, незнаніе было отличительной чертой русской власти и всѣхъ «правящихъ»...

«Они не знали». Они никогда ничего *не* знали!...

Они не знали: ни своихъ помощниковъ, ни общества, ни народа, ни государственныхъ порядковъ, ни большихъ и малыхъ дѣлъ, ввѣренныхъ имъ свыше!...

Я не стану описывать или разбирать всѣ фронты антибольшевиковъ. Однако, упомяну о нѣкоторыхъ изъ нихъ, наиболѣе мнѣ знакомыхъ.

Донской фронтъ генерала Краснова, при общихъ антибольшевикамъ недостаткахъ,имѣлъ и значительный привкусъ «*самостійности*». И это очень и очень мѣшало установленію добраго согласія съ ген. Деникинымъ, и затрудняло общую дѣятельность во всѣхъ областяхъ жизии, и прежде всего *въ военной*.

На фронтѣ, который далеко не весь состоялъ изъ донцовъ, всюду царила «*донская власть*»,. Всюду управляли и руководили молодые *есаулы* или *войсковыя старшины*, произведенные уже (мѣстною властью) *въ генералы*! Донская власть, какъ и другія антибольшевистскія и большевистскія власти, прочно забыла, что и пироги дѣлать — надо учиться, и что «полководцы» изъ капитановъ и поручиковъ родятся не всякое столѣтіе!....

Всѣ полѣзли въ «дамки». Всѣ мало-мальски грамотные (а то и неграмотные) сдѣлались генералами, и стали управлять: арміями, фронтами, губерніями!...

Донсная власть прочно забыла, что никто не возьметъ себѣ шоффером человѣна только мывшаго автомобиль, особеино, если тутъ же имѣется настоящій шоффер!...

Все таки донцы принесли много жертвъ и положили миого трудовъ въ борьбѣ съ большевиками.

Донцы рѣшительно помогли Деникину въ 1918 и 1919 годахъ. Скажу больше: безъ Дона и Краснова «добровольческая» армія перестала бы существовать еще въ 1918 году! Но иеискусное командованіе войсками, легкомысліе многихъ командировъ и «самостійныя» тенденціи отразились пагубно на дѣлахъ фронта: успѣхъ носилъ болѣе чѣмъ случайный харантеръ, а пропаганда большевиковъ легно овладѣвала сердцами казановъ, не видѣвшихъ *прочности* въ порядиахъ существовавшей тогда иа Дону власти...Пропаганда легно и ясно доказывала слушателямъ, что власть эгоистична и легномысленна. Напрасны оказались администраторсніе и ораторсніе таланты генерала Краснова. Все это растворилось въ слабоволіи однихъ, алчности другихъ, легкомыслій третьихъ, неопытности четвертыхъ и «самостійныхъ» тенденціяхъ пятыхъ!

Въ результатѣ, Донсной фронтъ началъ быстро разлагаться уже въ декабрѣ 1918 г., и тольно помощь «добровольчесной» арміи Денинина, поддержанной Союзнинами, спасли Донъ отъ полнаго наводненія большевинами.

Помогли, нонечно, и сами большевики своею неорганизованностью и распущенностью арміи: развалъ арміи, произведеиный въ 1917г. и довершенный дѣяніями «великаго полководца Крыленно», ие легко было остановить!..

Достаточно было Союзнинамъ снабдить Добровольческія войска танками, одеждой, патронами, орудіями и снарядами, — чтобы большевики въ свою очередь понатились иеудержимо на сѣверъ!...

Въ августѣ 1919 года Деникинъ былъ фактическимъ хозяиномъ всей Унраины. Успѣхъ вскружилъ голову и этому антибольшевистскому «вождю». Онъ объявилъ о сноромъ занятіи Москвы... Всѣ газеты антибольшевиковъ вѣщали о побѣдахъ Деникина и о предстоящемъ бѣгствѣ большевиковъ на сѣверъ...

А между тѣмъ не надо было быть пророномъ, чтобы предсказать еще въ маѣ 1919 года полный провалъ Деиикинсной организаціи — и вотъ почему:

Глядя на все творившееся нругомъ, можно было подумать, что нто-то сказалъ:

«Наша взяла! Ну, теперь, друзья, тащи нто что можетъ!» Экипажи, вагоны автомобили, лошадей, склады, а главиое — должности!

Всѣ потянулись къ власти!

Назначенія дѣлались самыя курьезныя, самыя дикія! Сильно работала своя *«лавочка»*... Интересы общаго дѣла были гдѣ-то далеко... въ туманѣ!...

Газеты того времеии не разоблачали, ие указывали грядущихъ бѣдъ за легкомысліе и эгоизмъ. Газеты лгали вмѣстѣ съ «властью», и вмѣстѣ съ нею держали обывателя въ пріятиомъ невѣдѣиіи истиииаго положенія вещей на фронтѣ и въ тылу*).

А между тѣмъ и иа фронтѣ и въ тылу творилось нѣчто невообразимое: какой-то азартъ дѣтей, игравшихъ во взрослыхъ!...

Не только комаидиры корпусовъ и начальники дивизій, но даже командиры полковъ, баталіоновъ и батарей обзавелись «собствеиными» вагонами и поѣздиыми эшелонами! Вагоиы и поѣзда обставлялись соотвѣтствующими удобствами, загромаждались «реквизированнымъ имуществомъ» и загромаждали всѣ пути и всѣ станціи... Владѣльцы поѣздовъ жили такъ хорошо, что *даже въ дни катастрофы, когда имъ надлежало бы быть среди войскъ, — не разставались съ «прелестями мирнаго бытія» и не покидали поѣздовъ.*

Въ тяжелые дни войиы 1914 и 1915 годовъ я видѣлъ старыхъ генераловъ, которые жили среди войскъ, спали на соломѣ, питались заплѣснѣлой коркою черстваго хлѣба.

А тутъ, въ 1919 году, когда *все было поставлено на карту*, молодые люди вылощенные, раздушенные, въ жениховскихъ костюмахъ—вертѣлись часами передъ зеркаломъ *въ то время, когда на фронтѣ у нихъ гибли мужественныя и самоотверженныя войска, когда взрывались ихъ бронированные поѣзда, танки и автомобили; когда отсутствіе управленія сводило «на нѣтъ» колоссальныя жертвы невинныхъ, обездоленныхъ людей!!!*

Легкомысліе или преступность царили вездѣ.

Пьянство и кутежи господъ поручиковъ и капитановъ въ «генеральскихъ штаиахъ» доходили часто до стрѣльбы въ потолокъ и даже до игры въ «кукушку»!... Представьте себѣ людей, видѣвшихъ разложеиіе фронта въ 1917 году, видѣвшихъ солдатскій *русскій* грабежъ, избіеніе офицеровъ! Представьте себѣ людей, видѣвшихъ бѣгство этихъ солдатъ съ фроита; пережившихъ всѣ ужасы и злодѣяиія революціи! Представьте себѣ — русскихъ офицеровъ. Казалось бы,что жизиь не только состарила, но и научила ихъ; казалось бы, что они поняли всѣ ошибки прошлаго, ужасъ иастоящаго и будущаго (въ случаѣ пораженія); казалось бы, что сердца ихъ горятъ желаиіемъ успѣха, умъ сосредоточенъ мыслить, уста забыли улыбку, голова посыпаиа пепломъ!..

И вдругъ — вмѣсто всего этого: пьяныя оргіи! Да еще какія!...

Съ криками, пѣснями, гоготаиіемъ, свистомъ, стрѣльбою въ стѣны и другъ въ друга! При чемъ старшіе начальники иногда подаютъ во всемъ этомъ

*) Исключеніе составляютъ выходившія въ Ростовѣ газеты «Родина» — редакт. В. Сѣвскій и «Военный Листокъ» — редакторъ ген. штаба полковн. Лисовой, которыя были закрыты по распоряженію ген. А. Драгомирова за помѣщеніе телегр., въ которой сообщалось предложеніе Л. Джорджа о созывѣ конфереяціи изъ представителей антибольшевистской и сов. власти на Принцевыхъ Островахъ.

примѣръ. Куда же еще дальше идти въ области легкомыслія и неуваженія къ урокамъ жизни?

Надлежащаго контроля и *глаза* сверху не было. Даже военныя власти сидѣли въ вагонахъ, и при томъ зачастую — въ 100, 200 верстахъ отъ фронта своихъ войскъ!

Съ «формированіями» творилось нѣчто неприличное. Каждый корнетъ или поручикъ видѣлъ себя уже командиромъ того именно полка, въ которомъ онъ служилъ до революціи. Всюду возстанавливались «свои» полки! При этомъ, на фронтъ отправлялось 10-20 человѣкъ, а 300-400 сидѣли въ тылу: «формировались»!

Понятно—почему тылъ переполнялся праздными людьми, и колоссальными обозами, а фронтъ рѣдѣлъ не по днямъ, а по часамъ.

Тылы «пухли», канцеляріи нарождались, какъ грибы послѣ дождя, перья скрипѣли—какъ въ дни провала міровой войны, но все это не укрѣпляло, а разслабляло фронтъ. И всюду, какъ я уже говорилъ, царила «поѣздная» система управленія: верхи сидѣли въ «собственныхъ» поѣздахъ, и оттуда правили войсками и страной!

Примѣры сверху заразительны: низы тоже обзавелись поѣздами; не было войсковой части, которая не имѣла бы своего жизнерадостнаго «эшелона», переполненнаго всякою «добычею».

Эшелоны эти были вооружены до зубовъ и охранялись (даже отъ малѣйшей попытки контроля со стороны властей) спеціальными нарядами, съ пулеметами!

Эти же эшелоны сыграли фатальную роль при отступленіи, вѣрнѣе — бѣгствѣ арміи Деникина осенью 1919 года — загромождая всѣ пути и забивая всѣ станціи...

Гражданская часть арміи также была не въ лучшемъ состояніи, чѣмъ и военная.

Гражданскій центръ — «Особое Совѣщаніе» вобралъ въ себя осколки стараго чиновничества и «буржуевъ», кои много пережили, но ни чему не научились! Господа эти, вмѣстѣ съ военными «героями», видѣли себя уже въ Москвѣ и даже народили высшую и низшую администрацію тѣхъ губерній, *кои еще не были заняты арміей!*

Власти, состоявшія изъ «младенцевъ» или «людей случая», не отдавали себѣ яснаго отчета въ событіяхъ: они преступно увѣряли себя и другихъ, что все идетъ хорошо, что занятіе Москвы—дѣло нѣсколькихъ недѣль! Даже тогда, когда катастрофа было уже очевидна, власти увѣряли всѣхъ, что опасности нѣтъ, что такой-то и такой-то города *не будутъ сданы.*

Еще *24 ноября 1919 г.* Харьковская Городская Дума была увѣрена въ

полной безопасности и прочности города Харькова*); *а 28 ноября* въ немъ уже не было властей Деникинской организаціи.

Такія явленія, увы, наблюдались очень часто и въ дни міровой войны, но никогда они не отражались такъ тяжко на населеніи, какъ въ гражданскую войну.

Эту мерзкую *ложь* властей, постоянно ошибочно оріентирующихъ населеніе, нельзя объяснить ничѣмъ инымъ, какъ только невѣжествомъ самихъ носителей власти и ихъ «добросовѣстнымъ» *незнаніемъ* дѣйствительнаго положенія вещей! Легкомысленная жизнь до послѣднихъ дней и болѣе чѣмъ легкомысленныя мѣропредпріятія для будущаго (напримѣръ, въ области новыхъ формированій) — служатъ тому подтвержденіемъ.

Даже солидные англичане были обмануты легкомысленными увѣреніями Деникинскихъ властей! Въ ноябрѣ 1919 г. я читалъ телеграмму англійскаго генерала Бригса, адресованную вождямъ Добровольческой Арміи. Телеграмма въ *самыхъ лестныхъ выраженіяхъ говоритъ объ этихъ вождяхъ*, даже о тѣхъ, кои занимались безмѣрнымъ пьянствомъ и кутежами!**) Телеграмма кончалась словами: «Ваше дѣло правое, а потому съ вами Англія»!.....

Англія и Франція поддерживали Деникина усердно и добросовѣстно. Но они, какъ и нѣмцы 1918 г., *не знали* дѣйствительности, и слѣпо вѣрили Деникину... И въ этомъ ихъ ошибка, непростительная... для благоразумныхъ и обстоятельныхъ европейцевъ!

Въ ноябрѣ 1919 г. армія генерала Деникина стремительно и въ величайшемъ безпорядкѣ покатилась на югъ, къ Черному морю. Возмездіе за легкомысліе и недальновидность власти было ужасное.

Картины бѣгства требуютъ особой кисти и фоліантовъ бумаги, ибо кратко нельзя изобразить трагизмъ десятковъ и сотенъ тысячъ людей, бросившихъ свои дома, поля, имущество, даже близкихъ людей; прошедшихъ въ невѣроятныхъ условіяхъ сотни и тысячи верстъ для того, чтобы — у берега моря собственноручно застрѣлить своего боевого товарища, а самому вплавь или на лодкѣ искать спасенія на пароходахъ, переполненныхъ людьми, готовыми стрѣлять въ своего же, чтобы онъ не переполнялъ пароходъ дальше!

Или—кто можетъ изобразить ужасы ночи въ старой, дырявой рыбачьей баржѣ, среди открытаго моря, перегруженной людьми и имуществомъ въ 4 раза больше нормы?! Вода въ трюмѣ заливаетъ положенныхъ тамъ сыпнотифозныхъ; холодъ и морская болѣзнь одолѣли всѣхъ; некому, да и нечѣмъ вычерпывать воду; волны разбушевавшагося моря перекатываются черезъ

*) Я лично присутствовалъ на засѣданіи Думы, избравшей городск. головой Н. Н. Ковалевскаго, и слушалъ оптимистическія рѣчи отцовъ города.
**) Напримѣръ, М. — М.

баржу; мачты трещатъ; моторъ не работаетъ; команда матросовъ изъ *трехъ* турокъ, ни слова не знающихъ по-русски, совершенно растерялась и покорно ждетъ близкой гибели баржи; среди пассажировъ — паника, крики, стрѣльба! И все это — послѣ мѣсяцевъ и даже годовъ непрерывной моральной и физической пытки!

«Эвакуація» даже на сушѣ — дѣло трудное и мучительное.

Что же сказать про эвакуацію «въ море», да еще среди общей паники. Да, это была общая паника, вызванная длительной атрофіей власти.

Власть, бывшая весьма самонадѣянна при успѣхѣ, растерялась при неудачѣ, и исчезла въ дни эвакуаціи!...

Начальники по прежнему сидѣли въ вагонахъ и торопились къ берегу моря, боясь, чтобы ихъ поѣзда не застряли на станціяхъ и чтобы не пропустить удобныхъ пароходовъ!

Многіе изъ «властей», еще недавно разыгрывавшихъ роль большихъ «особъ», поторопились скрыться даже тайно отъ своихъ начальниковъ и отъ своихъ подчиненныхъ!

Глядя на все это, невольно спрашиваешь себя: «какое право имѣли эти люди брать власть въ свои руки»?

И съ горечью приходится отвѣчать: «бездарные порядки прошлаго, — воспитали не только бездарныхъ носителей власти (провалившихъ войну 1914-16 г. г. и создавшихъ обстановку благопріятную революціи), но и — недобросовѣстныхъ общественныхъ, политическихъ и военныхъ дѣятелей, думавшихъ больше о себѣ, а не объ общемъ дѣлѣ»!

Всѣ эти люди, — такъ жадно рвавшіеся къ власти еще мѣсяцъ или недѣли тому назадъ, такъ смѣло бравшіеся за руль государственнаго корабля, — теперь, растерянно удирали, обгоняя другъ друга!

Глядя на старшихъ, и малые терялись окончательно...

Общій развалъ не поддается описанію!

Скажутъ: «сила солому ломитъ» и «паника естественна для побѣжденнаго, попавшаго въ безвыходное положеніе».....

Но тогда, честный историкъ долженъ подчеркнуть, что никакой *подавляющей* силы *не* было на противуположной сторонѣ! Что сторона эта была тоже слабо организована и весьма грѣшила по всѣмъ отрослямъ воеинаго дѣла; и что ея побѣды — лучшее доказательство легкомыслія и грѣховъ «бѣлыхъ» вождей, *оказавшихся еще болѣе не на высотѣ своей задачи и «бѣлыхъ» организацій, оказавшихся неспособными къ очищенію отъ старыхъ грѣховъ, а потому и бзсильными въ борьбѣ даже съ плохо организованнымъ и слабо снабжевнымъ врагомъ!...*

Своимъ поведеніемъ бѣлые били самихъ себя! А этого ничѣмъ другимъ нельзя объяснить — какъ только: прошлымъ, — прежними грѣхами и ошибками...

Послѣ Новороссійской эвакуаціи Деникинъ долженъ былъ уйти...: ему и въ иего никто уже не вѣрилъ!...

Власть онъ передалъ генералу Врангелю*). Положеніе Врангеля было весьма трудное: матеріальное разстройство арміи и всѣхъ средствъ было колоссальное! Крымъ, куда перебрались остатки Деникинскихъ организацій, защищался слабымъ отрядомъ энергичнаго генерала Слащева, занимавшаго перешейки (Перекопскій и Чонгарскій); но внутри полуострова было пусто и скудно въ смыслѣ снабженія.....

Врангелю помогли сначала англичане, и только потомъ — французы и американцы (матеріально).

Но Врангель повторилъ опять почти всѣ ошибки Деникина: не смогъ сбросить привычекъ прошлаго!

Земельная реформа проведена имъ съ большимъ запозданіемъ.

Армія по существу *осталась прежняя*, со всѣми «добровольческими» особенностями, хотя и называлась «русская». Тѣ же поручики и капитаны на роляхъ генераловъ; тѣ же «вундеркинды» всюду!

То же и въ гражданской администраціи: протекціонизмъ, «лавочка»; вездѣ «свои»; вездѣ служеніе лицамъ, а не общему дѣлу! Всюду: спекуляція, взяточничество, пролѣзаніе въ «дамки», заносчивость и самомнѣніе распоясовшихся фаворитовъ власти и разныхъ птенцовъ въ полковничьихъ и генеральскихъ мундирахъ или даже въ статскихъ пиджакахъ! — Словомъ —то же, что было и при Деникинѣ (за малыми исключеніями).

Даже печать *лгала* также безцеремонно, а можетъ быть и хуже и наглѣе!

Въ результатѣ всѣхъ этихъ порядковъ: полная неорганизованность — и въ арміи, и въ тылу.

По заявленію самого Врангеля**), у иего на фронтѣ было 40 тысячъ, а въ тылу 300 тысячъ военныхъ!

И — это говоритъ «Главнокомандующій, облеченный полнотою власти»!..

Произошло это, конечно, по тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ и у Деникина фронтъ былъ жидкій, а тылъ пухлый.

Очевидно, власть, усердно увѣрявшая всѣхъ (и себя) въ скорой побѣдѣ, не видѣла ничего «дальше своего носа» и тѣмъ болѣе — не обладала даромъ предвидѣнія и талантами истинныхъ народныхъ вождей! Не было яснаго пониманія своихъ задачъ, своихъ правъ и обязанностей, и способовъ достиженія того, чего требовала жизнь въ сложившейся обстановкѣ. А жизнь

---

*) Совершенно неизвѣстному въ мирное время офицеру, сдѣлавшему во время міровой войны карьеру отъ командира эскадрона до начальника дивизіи — благодаря атакѣ на 2 герман. орудія въ 1914 году, кои, вмѣстѣ съ 1 батал. нѣмец. пѣхоты, боролись цѣлый день съ подавляющей превосходными силами нашей *конницы* и *артиллеріи* (три кавал. дивизіи). Въ гражданской войнѣ обнаружилъ энергію и таланты «партизана».

**) Сдѣлано въ Константинополѣ въ 1920 году.

требовала прежде всего: *знаній и добросовѣстнаго отношенія къ общему дѣлу.*

Власть не сумѣла дать ни того, ни другого, и *въ той именно дозѣ, какъ того требовала жизнь.*

Вообще, приходится вновь сознаться, что горькій опытъ Деникина и его войскъ ничему не научилъ Врангеля и его сподвижниковъ! Даже въ отношеніяхъ къ обществу Врангель и Деникинъ имѣютъ много общаго: то же «диктаторство»; то же неудержимое самомнѣніе; то же усыпленіе общества оптимистическими извѣстіями, кричащими сообщеніями о побѣдахъ и увѣреніями въ близости конца страданіямъ!...

Конецъ оказался дѣйствительно близкимъ — .....ближе, чѣмъ можно было ожидать, даже при самомъ пессимистическомъ настроеніи! Но только *не тотъ конецъ, какой предрекалъ Врангель и его сотрудники.*

Еще 1-го октбря (с. ст.) 1920 г. въ Крыму раздавались самыя оптимистическія предположенія; и даже 26 октября (с.ст.) газеты пѣли дифирамбы Врангелю и увѣряли, что «Крымъ крѣпокъ, какъ никогда»! Еще 27 октября усыпленный обыватель Крыма и даже чиновники не подозрѣвали возможности эвакуаціи! А 29 октября (по старому стилю) эта эвакуація уже началась и, конечно, въ великомъ смятеніи! Съ обывателемъ вновь власть продѣлала ту же гнусность, которая столько разъ практиковалась съ 1915 года: успокаиваютъ и даже глумятся надъ «паническимъ» настроеніемъ обывателя; а потомъ — «въ три счета» покидаютъ городъ или село, предлагая обывателю собраться въ 5 минутъ съ «ручнымъ багажемъ»!

Только тѣ, что стояли близко у центра могли принять мѣры для вывоза своего имущества.*) Тѣ же, кто вѣрилъ властямъ, и особенно тѣ, которые не занимались спекуляціей или накапливаніемъ валюты — остались «при печальномъ интересѣ», т.е. *съ ручнымъ багажемъ и безъ гроша въ карманѣ!.....*

Что именно произошло на фронтѣ и почему власть рѣшилась на эвакуацію, описывать не буду. Но не могу умолчать, что — все это надо было предвидѣть (при «добровольческихъ» порядкахъ въ «русской» арміи) и потому надо было: солидно укрѣпить перешейки, снабдить ихъ своимъ постояннымъ гарнизономъ и организовать постепенный отходъ арміи къ морю.

Вмѣсто такой организаціи мы вновь видимъ «бѣгство» вразсыпную отъ перешейковъ прямо къ морю! При чемъ сигналъ даетъ сама власть, объявившая о *правѣ* «желающихъ» — уѣзжать! Политическую ошибку военному простительно сдѣлать: онъ можетъ оказаться слабымъ въ дѣлахъ гражданскихъ; наконецъ, могутъ быть *ошибки* и въ военныхъ операціяхъ! Но, какъ не предусмотрѣть планомѣрный и медленный отходъ къ морю и защиту Крыма? Это элементарное требованіе жизни «Русской Арміей», очевидно, упущено въ хаосѣ интригъ и въ блескѣ самомнѣній. Наконецъ, почему герои Крымской Ставки, не предпочли смерть за свои идеалы, смерть въ честномъ бою, въ борь-

*) Съ накопленной валютой.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ГЕНЕРАЛА Л. Г. КОРНИЛОВА ЯНВАРЬСКИХЪ ДНЕЙ 1918 ГОДА.

Въ дни эвакуаціи 1919 года, въ Музей были переданы г.*** копіи матеріаловъ отчета по командировкѣ въ Сибирь изъ Добр. Арм., съ приложеніями, въ числѣ которыхъ находилась и политическая программа генерала Л. Г. Корнилова январьскихъ дней 1918 г.

Нынѣ этотъ отчетъ напечатанъ въ IX т. «Архива Русской Революціи». Говоря, между прочимъ, о вышеупомянутой программѣ, авторъ отчета заявляетъ слѣдующее — «неизвѣстно являлась ли эта программа личнымъ мнѣніемъ генерала Корнилова, или же составляла она политическое credo организаціи».

Какъ лицо, находившееся въ то время во главѣ управленія В.-Политическимъ Отдѣломъ, могу засвидѣтельствовать, что программа эта являлась, именно, личнымъ мнѣніемъ генерала Корнилова, что о ней не знали ни генералъ Алексѣевъ, ни широкіе общественно-политическіе круги, и что она въ то время носила скорѣе характеръ проекта, который, прежде широкаго обнародованія, подлежалъ еще утвержденію.

Характеренъ фактъ полученія этой программы генераломъ Алексѣевымъ.

Когда изъ разговора съ авторомъ упомянутаго выше отчета (передъ его отправленіемъ въ Сибирь) выяснилось, что онъ имѣетъ политическую программу, о которой генералъ Алексѣевъ ничего не знаетъ, послѣдній, тотчасъ же по уходѣ ***, вызвалъ меня и продиктовалъ слѣдующее письмо (приводится по памяти):*)

«Ваше Высокопревосходительство,
Милостивый Государь
Лавръ Георгіевичъ,

до меня дошли свѣдѣнія, что Вами выработана политическая программа, являющаяся будто бы той платформой, на которой строится наша организація.

Такъ какъ объ этомъ прежде всего долженъ знать я, прошу Васъ не

---

*) Всѣ сношенія между собою генералы Алексѣевъ и Корниловъ вели путемъ переписки или черезъ офицеровъ, несмотря на то, что ихъ кабинеты находились въ одномъ помѣщеніи (въ д. Парамонова).

отказать въ предоставленіи мнѣ одного экземпляра означенной программы.

Уважающій Васъ

Михаилъ Алексѣевъ».

Съ этимъ письмомъ я отправился въ сосѣдній кабинетъ, гдѣ иаходился генералъ Корниловъ, отъ котораго и получилъ одинъ экземпляръ этого документа, при чемъ генералъ Корниловъ собственноручно поставилъ вверху «№ 3», а затѣмъ, подумавъ немного, въ верхнемъ правомъ углу приписалъ: «Проэктъ».

Для многихъ появленіе этой программы въ то время явилось полной неожиданностью — авторство ея приписывалось, то иебезызвѣстному Добрынскому, то другимъ лицамъ, окружавшимъ генер. Корнилова, и только черезъ 7 мѣс. въ печати появилось впервые описаніе появленія этого докумеита, которое и приводится здѣсь полностью.

ВЕЛИКІЙ ПАТРІОТЪ.

(31 марта — 30 сентября).

«СОЮЗЪ ВОЗРОЖДЕНІЯ РОССІИ» и Л. Г. КОРНИЛОВЪ.

Недавио въ газетахъ промелькнуло извѣстіе объ образованіи въ Москвѣ тайнаго «Союза Возрожденія Россіи», въ который вошли представители всѣхъ существующихъ въ Россіи прогрессивныхъ и демократическихъ партій отъ кадетовъ до меньшевиковъ включительно. Союзъ ставитъ своей задачей сверженіе совѣтской власти и установленіе въ Россіи, до созыва Учредительиаго Собранія, буржуазно-демократической диктатуры. На постъ диктатора «Союзъ», какъ сообщили газеты, выдвигаетъ Б. В. Савинкова.

Насколько это извѣстіе соотвѣтствуетъ дѣйствительности, я свѣдѣній ие имѣю, но, по нѣкоторой ассоціаціи событій, могу предполагать, что оно не лишено вѣроятности.

Идея созданія подобнаго союза родилась еще семь мѣсяцевъ тому иазадъ въ головѣ незабвеннаго Лавра Георгіевича Корнилова. Это было въ понедѣльиикъ, 22-го января, ровно за недѣлю до рокового выстрѣла А. М. Каледина. Я сидѣлъ въ кабинетѣ у Лавра Георгіевича, въ Ростовскомъ особиякѣ Парамонова, занятомъ подъ Штабъ Добровольческой Арміи, и внимательно слушалъ его разсказъ о лихомъ дѣлѣ добровольцевъ подъ Синявкой.

Дѣло было, дѣйствительио, молодецкое. Тысячиая баида большевиковъ

IV.

ПЕРЕПИСКА БѢЛЫХЪ ВОЖДЕЙ И ПРОЧ. ДОКУМЕНТЫ.

бѣ не безъ шансовъ на успѣхъ, а избрали *бѣгство* и проклятую звакуацію?! Ту самую звакуацію, которая привела большинство участниковъ (не всѣхъ, правда) къ нищенскому, безконечно тягостному существованію на чужбинѣ. Вѣдь этому существованію нѣтъ словъ для опредѣленія! И если оно лучше «россійскаго» въ физическомъ отношеніи, то во всякомъ случаѣ оно хуже въ моральномъ отношеніи, ибо оставшіеся въ Россіи могутъ сказать: «намъ тяжело, но мы не покинули Родину въ трудныя минуты ея жизни»... А что же можемъ сказать мы — эмигранты?!..

— — —

А тутъ, какъ нарочно, лѣзутъ въ голову воспоминанія о прежнемъ: все легкомысленное поведеніе власти, въ которую вѣрили и которой повиновались!

Картины одна другой безотраднѣе встаютъ въ памяти...

Урокъ въ Манчжуріи.

Преступное якшаніе власти съ Дубровинскими погромщиками.

Вызывающее обращеніе съ Государственною Думой. Занятіе вздоромъ и побрякушками въ арміи, вмѣсто широкаго использованія уроковъ Японской войны и революціи 1905 года. Неготовность арміи передъ войной 1914 г. Общая паника передъ германцами, особенно послѣ ряда пораженій въ 1914 году...

Быстрая приспособляемость чиновниковъ всѣхъ видовъ и ранговъ, нашедшихъ свои выгоды — и въ затяжной войнѣ, и въ безславномъ отступленіи, и въ разореніи Страны по примѣру 1812 года!

Безстыжая погоня за всякими благами, начиная отъ большихъ окладовъ при минимальныхъ служебныхъ обязанностяхъ и кончая боевыми наградами безъ предѣла и нормы и даже безъ риска жизнью!

Человѣку, не утратившему стыда — трудно было дышать! И ясно былъ видѣнъ полный провалъ войны, если на смѣну легкомыслія и бездарности не придетъ хотя бы сознаніе своей вины.

Но..... бездарность была упряма и до конца вѣрила въ свою звѣзду и «авось»....

Но «авось» не вывезъ и на этотъ разъ. Все повалилось въ бездну.

Армія, созданная Петромъ Великимъ, укрѣпленная Минихомъ, давшая Румянцева, Суворова, Скобелева, видѣвшая Берлинъ, Парижъ и Царьградъ, армія построенная на дисциплинѣ и рыцарскихъ понятіяхъ, — эта армія первая обратилась въ смрадный трупъ!

И надо было видѣть, какъ спасались *командныя* крысы съ тонущаго корабля, и какъ растаскивали «товарищи» всякое имущество — казенное и частное!

Жутко вспоминать прошлое.

Но вотъ, посвѣтлѣло. Порядокъ принесли вчерашніе противники —

германцы. Украиина, Донъ, Кубань, Крымъ, Кавказъ могли бы установить прочиый лравопорядокъ. Такъ — гдѣ тутъ?!

Виовь — легкомысліе, незнаніе и иедальиовидность! Вновь иитриги и личные иитересы! Забыты всѣ кровавые уроки! «На Москву», «не допущу», «разнесу», — и прочія «повелѣнія» лослышались на всемъ Югѣ Россіи, смѣшиваясь съ пьяиыми лѣснями, криками миимыхъ побѣдителей и съ мечтами «вождей» о торжественномъ въѣздѣ въ Москву!..... .

Затѣмъ — провалъ и лри этомъ грандіозный!

Кошмаромъ кажутся картины бѣгства Добровольческой арміи въ 1919 и 1920 годахъ.

Нераслорядительность, растеряниость и дурной примѣръ разныхъ властей: всѣ думаютъ только о спасеніи себя и своего имущества бѣгствомъ. Объ оборонѣ иикто даже не заикается; слова: «стой»—никто не лризиоситъ... Все бѣжало безъ оглядки, таща за собою свои громоздкіе «эшелоны» съ разнымъ нужиымъ и ненужнымъ имуществомъ!

Такъ докатились до Екатерииодара, послѣ скаидальной сдачи Новочеркасска и Ростова. А тутъ—опять интриги, опять самолюбіе, самодержавіе; опять ошибочная оцѣнка обстановки; опять самомиѣніе и рядомъ — полная нераспорядительность!

И вновь все понеслось дальше, къ берегу моря, къ Новороссійску — въ прежнемъ безпорядкѣ и въ прежней растерянности той власти, которая еше недавно упивалась лочетными встрѣчами, тріумфальными пріемами и правомъ «повелѣвать»!

Насмотрѣлся я—и въ Харьковѣ, и въ Ростовѣ, и въ Екатеринодарѣ, и въ Новороссійскѣ — на эту *власть!*

И даже сейчасъ горечь пережитого давитъ грудь! Вѣдь мы жили безъ властей, а лишь среди произвола и самодурства большихъ и малыхъ *носителей аттрибутовъ власти*, вѣрнѣе — иммитаторовъ власти, мечтавшихъ лишь о своемъ достаткѣ, развлечеиіяхъ или карьерѣ!... Люди, не пересмыкавшіеся передъ этою случайною и неумиою властью, терпѣли всевозможныя униженія и лишеиія! Съ большимъ трудомъ имъ удавалось лередвигаться .. Переѣздъ въ Крымъ былъ сплошнымъ кошмаромъ... И здѣсь власть ловторила вновь ошибки вчерашняго дня, ие взирая на ужасный опытъ. Первоначальный успѣхъ, видимо, и тутъ вскружилъ голову и наполнилъ сердце несбыточными мечтами... Самодержавная власть, самодержавиыя рѣшенія и — дуриые совѣтчики, лриведшіе къ общему провалу!

Не слѣдуетъ забывать, что Врангель имѣлъ лоддержку всѣхъ культурныхъ странъ міра, а силы противника на Крымскомъ фронтѣ мало лревосходили числомъ силы «русской арміи!»

Но «лавочка», эгоизмъ, легкомысліе, недальиовидность и легендарное самомиѣиіе лривели все къ краху. — Мы сами все зиаемъ; мы сами все умѣемъ!

— было написано на лицахъ многочисленныхъ врангелевскихъ «вундеркиндовъ» — отъ полковниковъ до полныхъ генераловъ (эти чины были наиболѣе предпочтительны для «вундеркиндовъ»).

Ну вотъ, и «сумѣли»... привести всѣхъ (или почти всѣхъ) голыми на чужбину, въ одинъ день бросивъ Перекопскія позиціи и въ одну недѣлю отдавъ «неприступный» Крымъ съ его колоссальнымъ имуществомъ!

Стоило изъ-за этого 7 мѣсяцевъ мучить людей и нести громадныя жертвы?

Но жертвы и лишенія несли, конечно, одни, а повелѣвали и фантазировали другіе!..

Съ невеселыми думами ѣхали изъ Крыма голодные, холодные, измокшіе русскіе бѣженцы — преимущественно офицеры.

Особенно тяжко было тѣмъ, кто не лукавилъ, съ совѣстью въ сдѣлку не входилъ, ни подъ что не поддѣлывался, въ «дамки» не лѣзъ, никого не грабилъ, спекуляціей не занимался, взятокъ не бралъ, *валюту не накапливалъ*, въ политику не совался, въ Наполеоны не заносился, въ солдатики не игралъ, къ государственному рулю не тянулся!.. *Люди, отдававшіе всю жизнь Россіи, оказались на корабляхъ съ «ручнымъ багажомъ», и безъ всякихъ средствъ къ существованію...* Впереди была тьма, а сзади — Родина, а въ ней: близкіе люди, все имущество, всѣ прежніе труды, вся прошлая жизнь!

Все было отнято.

Но съ эвакуаціей Крыма отняты были и послѣднія надежды, и самыя скромныя мечты!...

Съ паденіемъ Самодержавія многіе мечтали о *Новой Россіи*. Конечно, не кровавой и безумной. Мечтали о Россіи: чистой, грамотной, трудолюбивой, честной, благородной и дѣловитой; Россіи — богатой знаніями и талантами; Россіи — могучей, красивой и стойкой. Но судьбѣ угодно было дать міру иное зрѣлище. Судьбѣ угодно было держать Россію въ собственномъ плѣну и бить ее ея же руками — сначала съ помощью легкомысленныхъ и бездарныхъ людей, подготовившихъ ея «неготовность» къ міровому экзамену; потомъ — съ помощью глубочайшихъ канцеляристовъ и эпикурействующихъ бюрократовъ, окончательно провалившихся на этомъ міровомъ экзаменѣ; затѣмъ — помощью смѣси: авантюристовъ и фантазеровъ съ пропойцами, каторжниками и кокаинистами; соціалистовъ съ капиталистами, республиканцевъ съ монархистами, коммунистовъ съ простыми жуликами, вахмистровъ съ полковниками и генералами, проходимцевъ съ титулованными аристократами!...

Такъ окончила свое существованіе *Старая* Россія, Россія — родившаяся въ мукахъ Смутнаго времени; ие погибшая тогда только благодаря благоразумію и энергіи Мининыхъ и Пожарскихъ; Россія вскормленная Филаретами, Морозовыми, Ртищевыми, Стрешневыми, Ордынъ-Нащокиными, Матвѣевыми

подъ флагомъ первыхъ Романовыхъ; Россія, двинутая по пути культуры мощною рукою геніальнаго Петра Великаго, безъ устали трудившагося во славу ея! Такъ погибла блестящая Россія Екатерины Великой, умѣвшей находить талантливыхъ сотрудниковъ и отличать правду отъ лжи! Погибла Россія 1812 года, нашедшая въ себѣ силы перенести съ честью великое испытаніе Судьбы и принесшая безчисленныя жертвы для освобожденія Европы отъ геніальнаго завоевателя; Россія, спасшая Пруссію въ 1807 г., Австрію въ 1849 г.; освободившая Болгарію — *покровительница* всѣхъ православныхъ странъ и *заступница всѣхъ Славянъ!* Пала Россія — легкомысленная и расточительная, но всегда *гостепріимная и щедрая* на помощь; Россія, неумѣвшая жить для своего блага, *но много сдѣлавшая для блага другихъ;* Россія, преступная, но прежде всего передъ самой собою; Россія *блестящая* и *даже красивая*, но *устарѣвшая* и застывшая въ мысляхъ о былыхъ удачахъ, и потому — не сумѣвшая во-время направить свой государственный корабль по другому курсу!

Такъ погибла и надежда на скорое возстановленіе въ Россіи нормальной человѣческой жизни, построенной на началахъ труда и этики. И массы русскихъ людей, часто совершенно неповинныхъ, напримѣръ женщины и дѣти, *влачатъ жалкое, тягостное существованіе на Родинѣ!...* А въ то же время другіе русскіе люди (тоже много невинныхъ) скитаются по чужимъ землямъ, *моля о гостепріимствѣ и заработкѣ!* И даютъ имъ; - даютъ нехотя, иногда, съ высокомѣрнымъ видомъ благодѣтелей, *даютъ изъ жалости и ради прежнихъ заслугъ ихъ Матери-Россіи!.....* И трудится эмигрантская масса, въ потѣ лица зарабатывая кусокъ хлѣба!

Чѣмъ только она не занимается? :

Плотники, сапожники, писаря, чертежники,
сторожа, настройщики, повара, обойщики
въ Мексикѣ — ковбоями, въ U.S.A. — Hotel-boy-ями
кучера и булочники, пекаря и трубочники
маляра — стекольщики, пѣвчіе — наборщики,
Шоферы, носильщики, судомойки, пильщики,
въ Африкѣ — сержантами, въ Парижѣ — музыкантами
майнеръ — въ Пенсильваніи, дансингъ-менъ — въ Британіи.
сторожъ — полотеры, повара — актеры
кузнецы — рабочіе и проч. и проч. и проч.

Смотри, Россія, и радуйся (если это можетъ тебя радовать): какъ твои офицеры, генералы, профессора и чиновники — работаютъ на маленькихъ роляхъ и даже на черномъ трудѣ! Не даромъ они проходили университетскіе

курсы и разныя Академіи! Теперь это имъ пригодится для тасканія камней или для переписыванія бумагъ!..

Много вины на нихъ — это правда. Кланялись низко неумнымъ капитанамъ, стоявшимъ у власти и ведшимъ государственный корабль къ погибели; *молчали* или *поддакивали* помощникамъ этихъ капитановъ — лишь бы и самимъ перепало что либо съ «барскаго стола»! Ну, и дотанцовались, докланялись, доигрались!!! Теперь, таская камни и переписывая ненужныя бумаги — есть о чемъ вспомнить, о чемъ пожалѣть, въ чемъ покаяться! Нагрѣшили; ну — и покайтесь!

Такъ нѣтъ же! И теперь многіе безумствуютъ. Одни разыгрываютъ «правителей» и «главнокомандующихъ» (это въ чужомъ-то государствѣ и послѣ позорнаго провала на экзаменѣ!); другіе въ солдатики играютъ, муштруя неподчиненныхъ имъ людей, третьи норовятъ «выиграть» на несчастьи соотечественниковъ; четвертые не брезгаютъ ни чемъ въ добываніи средствъ къ жизни... Вмѣсто раскаянія и траура, многіе предаются веселію, чревоугодію, пьянству и злобѣ!

И все это — наслѣдіе прошлаго. Не было тогда заложено твердыхъ началъ этики и благородства: все было показное, внѣшнее... А когда настало испытаніе — не хватило величія духа! Сразу всѣ обмельчали, обезличили и показали истинную свою сущность, сущность рабовъ и рабовладѣльцевъ въ одно и то же время!!!

Большевики... Это вѣдь тоже продуктъ прошлаго режима: озлобленные рабы, съ молокомъ матери впитавшіе ненависть по всему прошлому, являющемуся для нихъ эмблемой гнета и униженія! *Сами лѣзутъ въ буржуи и капиталисты*, но прежнихъ буржуевъ и капиталистовъ ненавидятъ всѣми фибрами души, и не потому только, что «ставку» свою поставили на *селяка* и *чернорабочаго* (это вѣдь дѣло вожаковъ), а потому, потворяю, что велика ненависть ко всему прошлому — рабовладѣльческому и рабскому! О это прошлое!

Оно отравило и рабовъ, и рабовладѣльцевъ.

Первые нынѣ мрутъ съ голода и холода на Родинѣ; а вторые — и на Родинѣ, и за-границей.

И нѣтъ исхода пока не раскаются рабовладѣльцы и не образумятся рабы! Пока и тѣ, и другіе не станутъ на путь истинно-христіанской морали и честнаго всеобщаго труда — для объединенія во имя общаго блага!

Всѣмъ русскимъ и даже всему міру нужна работоспособная и кредитоспособная Россія.

Она будетъ таковою только тогда, когда станетъ на путь христіанской морали; не показной, а — дѣйствительной, въ основѣ которой лежитъ принципъ: «живи, и другому дай жить»!

Генералъ П. Залѣсскій.

88

окружила на станціи добровольческій арьергардъ въ 15 человѣкъ юнкеровъ и офицеровъ. Положеніе горсточки храбрецовъ было отчаянное, но они не только не сдались въ плѣнъ, но, послѣ горячаго боя, прогнали большевиковъ далеко за станцію, захвативъ большевистскій паровозъ съ платформой и двумя пулеметами и благополучно докатили на немъ къ своему отряду.

Генералъ Корниловъ несказанно радовался успѣху и былъ въ хорошемъ расположеніи духа, несмотря на то, что первыя зловѣщія тучи, надвинувшейся вскорѣ грозной бури, уже начали сгущаться на батайскомъ горизонтѣ.

Разсказъ о подвигѣ добровольцевъ еще не былъ законченъ, когда въ кабинетъ вошелъ юный адъютантъ генерала, поручикъ Долинскій, и доложилъ, что пришелъ И. А. Добрыискій.

Съ лица генерала разомъ сбѣжала веселая улыбка. Оно сдѣлалось непроницаемо холодное и неподвижное, словно покрытое слоемъ коллодія. Онъ приказалъ просить. Черезъ минуту дверь съ шумомъ открылась и въ кабинетъ широкими шагами влетѣлъ нынѣшній «министръ иностранныхъ дѣлъ» Астраханскаго войска.

Это былъ мужчина среднихъ лѣтъ съ энглизированными усами, затянутый въ новенькій «фрэнчъ» цвѣта зрѣлыхъ желудей, въ черныхъ «галифэ» съ ярко желтыми астраханскими лампасами и въ черныхъ лакированныхъ сапогахъ, увѣнчанныхъ у каблуковъ парою кавалерійскихъ шпоръ. Слѣва на груди у него красовался солдатскій Георгіевскій крестикъ. Увидѣвъ генерала, онъ торопливо раскланялся и уронилъ на полъ pince-nez.

— Плохая примѣта! — засмѣялся Лавръ Георгіевичъ, подавая вошедшему руку и указывая на стулъ. — Садитесь!

Добрынскій, извинившись, принялся отыскивать упавшее pince-nez. Въ комнату вошелъ генералъ-майоръ Романовскій, взглянулъ на астраханца, все еще продолжавшаго близорукимъ жестомъ нащупывать подъ столомъ злополучныя стекла, на его лампасы и шпоры, чуть-чуть улыбнулся въ усы, протянулъ Лавру Георгіевичу пачку телеграммъ, скрылся вновь за дверью.

«Верховный», какъ всѣ величали въ штабѣ генерала Корнилова, тотчасъ углубился въ телеграммы, словно забывъ о нашемъ существованіи. Но вдругъ поднялъ голову, вперилъ пару проницательныхъ глазъ въ Добрыискаго и громко отчеканилъ:

— Я васъ слушаю.

Я сдѣлалъ общій поклонъ и вышелъ въ адъютантскую генерала.

Разговоръ между Лавромъ Георгіевичемъ и астраханскимъ политикомъ продолжался около полу-часа. По долетавшимъ сквозь двери звукамъ голосовъ можно было заключить, что Добрынскій горячо убѣждалъ въ чемъ-то генерала. Тотъ молча слушалъ, но иногда сухо и рѣзко вставлялъ свои замѣчанія. И тогда въ голосѣ астраханца слышались дрожащія нотки. Отдѣльныхъ словъ, конечно, не было возможности разобрать.

Наконецъ голосъ Добрынскаго смолкъ, послышалось движеніе, звякнули шпоры, хлопнула дверь. Я, не осмѣливаясь вторично безпокоить Лавра Георгіевича, хотѣлъ было уйти домой, но, вдругъ, поручикъ Долинскій нагналъ меня уже на лѣстницѣ и сказалъ: «Генералъ проситъ васъ къ себѣ».

Я поспѣшилъ вериуться.

— Вы не очень заняты? — встрѣтилъ меня вопросомъ Лавръ Георгіевичъ еще у порога.— Хочу дать вамъ маленькую работу по вашей части!

Въ то время мы всѣ на Дону были совершенно отрѣзаны отъ столицъ тѣснымъ кольцомъ большевистской блокады. Объ отправкѣ редакціи корреспонденцій я даже не мечталъ и приходилось цѣлыми днями томиться отъ бездѣлья. Вполнѣ понятно я выразилъ генералу живѣйшую готовность быть ему всячески полезнымъ.

Генералъ Корниловъ безъ всякихъ обиняковъ объяснилъ мнѣ суть своего дѣла. Послѣднее время генерала часто посѣщали всякаго рода политическіе дѣятели и подолгу занимали его время надъ выясненіемъ личныхъ взглядовъ Лавра Георгіевича по тѣмъ, либо инымъ вопросамъ государственной политики.

Чтобы избѣжать въ дальнѣйшемъ повторныхъ разговоровъ, генералъ Корниловъ и поручалъ теперь мнѣ составить ему «корниловскую программу», болѣе или менѣе дающую исчерпывающіе отвѣты на всѣ основныя задачи государственнаго устройства.

— Я ознакомлю васъ со своими мыслями, а вы, ужъ сами, какъ тамъ хотите, расписывайте,—сказалъ Корнилловъ.— По крайней мѣрѣ отдѣлаюсь разомъ, за то, кто потомъ ко мнѣ съ политикой пристанетъ — суну ему въ руку программу и до свиданія!

Я рѣшилъ попробовать воспользоваться хорошимъ расположеніемъ духа генерала, чтобы удовлетворить свое корреспондентское любопытство, затронутое таинственной бесѣдой съ астраханскимъ дѣятелемъ. Онъ являлся къ тому же, какъ мнѣ стало случайно извѣстно, еще и эмиссаромъ Московскаго кривошеино-самаринскаго праваго монархическаго центра и, несомнѣнно, сплеталъ какую нибудь сложную политическую интригу.

— Вамъ понадобилась программа въ связи съ визитомъ Добрынскаго? — задалъ я тогда осторожно вопросъ генералу.

Лавръ Георгіевичъ понялъ мой маневръ и лукаво улыбнулся.

— Бѣда съ этими корреспондентами! Все имъ надо знать. Ну, да ладно! Добрынскій все уговариваетъ меня бросить Добровольческую Армію и ѣхать къ Астраханскимъ казакамъ. Говоритъ, что тамъ уже собрано 50 милліоновъ рублей на формированіе арміи. Но все это, навѣрно, не серьезно... Не вѣрю я что то въ это дѣло. Со своими добровольцами я уже сроднился, бросить ихъ не могу... Въ Астрахань все же пошлю Голицына — пусть провѣритъ. Можетъ быть и правда!.. Про программу онъ тоже говорилъ, что она нужна для пропаганды, вотъ я и вспомнилъ къ случаю...

Онъ на минуту задумался, вскочилъ порывисто со стула, прошелся раза два изъ угла въ уголъ и вдругъ разомъ бросилъ:

— Пишите!

Я досталъ записную книжку, карандашъ и обратился весь во вниманіе.

И Лавръ Георгіевичъ началъ пунктъ за пунктомъ, кратко, сильно и ясно, излагать свои политическія догмы. И предо мною, вдругъ обрисовалась, во всю свою необъятную величину, другая сторона свѣтлаго ума Корнилова — ума истаго государственнаго мужа и мудраго политика.

Всѣ русскіе полководцы, отъ временъ Суворова и до нашихъ дней, любятъ повторять одну и ту же фразу: — «я солдатъ, а не политикъ». Часто эту фразу говорилъ и Л. Г. Корниловъ. У многихъ, въ томъ числѣ и у меня, по этому сложилось убѣжденіе, что все, что внѣ войны и арміи, мало интересовало покойнаго генерала. Когда теперь я вспоминаю то утро 22-го января, я особенно остро чувствую — какого великаго человѣка потеряла Россія.

Генералъ Корниловъ диктовалъ всего около 20 минутъ. Но этого времени для него было вполнѣ достаточно, чтобы охватить и освѣтить по пунктамъ всѣ сложнѣйшіе вопросы русской государственности.

«Преступное легкомысліе, либо сознательное предательство людей вознесенныхъ къ власти стихійной волной революціи, — диктовалъ генералъ Корниловъ, — ввергнувъ нашу родину въ пучину анархіи, дали возможность восторжествовать кучкѣ германскихъ наемниковъ и политическихъ шарлатановъ. Прикрываясь знаменемъ народоправства, они водворили диктатуру черни, и грозятъ окончательной гибелью всей культурно-исторической жизни страны.

Печальный опытъ революціи показалъ всю несостоятельность правительствъ, создаваемыхъ изъ представителей нынѣшнихъ различныхъ политическихъ партій. Слишкомъ связанные въ своихъ дѣйствіяхъ партійными программами, они, либо отставали отъ требованій жизни, либо, не считаясь съ реальными силами народа, забѣгали впередъ. Государственный организмъ, безъ того надорванный міровой войной и революціей, отъ этого еще болѣе расшатывался, разлагался, создавая благопріятную почву для большевистскихъ всходовъ.

Поэтому генералъ Корниловъ, вступая снова на арену открытой борьбы во имя спасенія Россіи и чести націи, ставитъ своей цѣлью сверженіе большевистскаго самодержавія и водворенія въ Россіи такого образа правленія, который бы возродилъ страну къ ея былому величію и вывелъ бы ее на свѣтлый путь свободы, вѣчнаго мира и счастья народныхъ массъ.

Такой образъ правленія можетъ быть достигнутъ единственно путемъ тѣсной самоотверженной работы всѣхъ здоровыхъ національно-демократическихъ элементовъ государства, которые, слившись воедино въ одинъ могучій союзъ Возрожденія Россіи, выдѣлили бы изъ себя наиболѣе государствен-

но мыслящихъ людей, независимыхъ, сильныхъ духомъ и волей, признанныхъ патріотовъ и готовыхъ въ каждый моментъ отдать свою жизнь за благо Родины и Народа. Эти люди и составятъ правительство спасенія Россіи, безпощадное для предателей, грозное для враговъ и желанное для всѣхъ вѣрныхъ, честныхъ русскихъ гражданъ».

Выждавъ, когда я покончу съ записью послѣдняго тезиса, генералъ Корниловъ началъ излагать уже отдѣльные пункты своей программы.

Всѣхъ параграфовъ набралось 14-ть. Привожу ихъ я, конечно, въ сокращенномъ видѣ.

Въ программѣ на первомъ мѣстѣ значилось возстановленіе попранныхъ большевиками правъ гражданства.

— Всѣ русскіе граждане, говорилъ генералъ Корниловъ, равны между собою. Ни сословнымъ, ни національнымъ ограниченіямъ въ свободной Россіи не можетъ быть мѣста, всѣ въ одинаковой степени отвѣтственны передъ закономъ и страной.

Затѣмъ генералъ находилъ необходимымъ возстановленіе въ первую очередь свободы слова и печати, возстановленіе свободы торговли и промышленности, отмѣну націонализаціи частныхъ финансовыхъ и промышленныхъ предпріятій, возстановленіе свободы совѣсти, возсозданіе разогнанныхъ большевиками городскихъ демократическихъ думъ и управъ, возстановленіе судовъ, введеніе всеобщаго безплатнаго начальнаго и средняго образованія и дарованіе широкой автономіи церкви.

Армія безусловно должна формироваться безъ комитетовъ и комиссаровъ, на основахъ строгой военной дисциплины, при наличіи единой воли начальства. Всѣ обязательства передъ союзниками генералъ Корниловъ считалъ ненарушимыми.

— Германія—заклятый врагъ Россіи и всего славянства, —говорилъ онъ, — Либо полная побѣда надъ Германіей, либо гибель Россіи. Иного выбора нѣтъ.

По вопросамъ о національныхъ автономіяхъ въ Россіи, Л. Г. Корниловъ высказалъ необыкновенную терпимость.

— Польша и Финляндія,—заявилъ онъ,—должны быть не только признаны самостоятельными, но для болѣе тѣснаго и вѣчнаго союза съ великой Россіей, всячески поддержаны послѣдней и матеріально, и морально въ ихъ стремленіяхъ къ образованію отдѣльныхъ національно-государственныхъ единицъ.

За рабочими онъ оставлялъ всѣ цѣлесообразныя завоеванія революціи, какъ-то: восьмичасовой рабочій день, право союзовъ и стачекъ, широкое развитіе кооперації, за исключеніемъ гибельнаго для развитія промышленности рабочаго контроля надъ предпріятіями.

Учредительное Собраніе, созванное въ дни гражданской войны, выборы въ которое производились неравномѣрно, не всюду и не свободно, по мнѣнію

Лавра Георгіевича, не могло являться выразителемъ истинной воли народной. Правительство спасенія Россіи, по водвореніи въ странѣ порядка и законности, должно подготовить новые выборы, со строгимъ соблюденіемъ выборныхъ законовъ и правилъ и тогда передать всю власть новому Учредительному Собранію.

Въ заключеніе земельной вопросъ генералъ Корниловъ разрѣшалъ такъ государство выкупаетъ у помѣщиковъ и духовенства землю и отдаетъ ее, вмѣстѣ со всѣми свободными государственными землями, бѣднѣйшимъ крестьянамъ, безплатно, въ полную ихъ собственность; для болѣе имущихъ — по справедливой оцѣнкѣ; майоратныя земли конфискуются безъ выкупа, полностью; для помѣщиковъ, ведущихъ лично сельское хозяйство, долженъ быть установленъ достаточный максимумъ землевладѣнія. Генералъ Корниловъ разсчитывалъ такимъ образомъ привлечь на сторону будущаго правительства милліоны вновь образовавшихся мелкихъ собственниковъ.

Послѣдній земельный пунктъ, однако, при окончательной редакціи «Корниловской программы», по настоянію П. Н. Милюкова, былъ измѣненъ генераломъ приблизительно въ духѣ кадетскихъ требованій.

Въ тотъ-же день я закончилъ данную мнѣ работу. Перепечатавъ программу на машинкѣ съ 5-ю копіями, я отнесъ ее генералу. На третій день я былъ вновь приглашенъ къ нему. Протягивая мнѣ подписанный имъ одинъ изъ экземпляровъ программы, Лавръ Георгіевичъ, смѣясь, заявилъ:

— У васъ легкая рука! Программа всѣмъ понравилась. Для проведенія ея мнѣ совѣтуютъ образовать «Союзъ Возрожденія Россіи». Какъ прогонимъ большевиковъ отъ Ростова, такъ сейчасъ и займусь этимъ дѣломъ; нужно будетъ выработать уставъ и тактику Союза.

Я предложилъ свои услуги по наброскѣ конспекта устава. Генералъ горячо пожалъ мою руку:

— Спасибо! Буду радъ. Займитесь!..

Таковы были послѣдніе политическіе замыслы генерала Корнилова. Увы, ему такъ и не пришлось осуществить ихъ самому.

Объ идеѣ Корниловскаго союза я, между прочимъ, разсказалъ ротмистру Н. К. Кузьмину-Караваеву и б. комиссару при VII арміи, доктору Н. Г. Григорьеву, работавшимъ при Политическомъ Совѣтѣ Добровольческой Арміи въ группѣ Б. В. Савинкова. Она ихъ привела въ восхищеніе.

Оба потомъ, послѣ разгрома Ростова, уѣхали въ Москву къ Савинкову, захвативъ съ собою копіи политической программы Л. Г. Корнилова и составленнаго мною конспекта будущаго устава Союза Возрожденія. Конспектъ былъ уже разсмотрѣнъ и одобренъ генераломъ.

Быть можетъ нынѣшній Союзъ Возрожденія Россіи, объединившій въ

Москвѣ всѣ національно-демократическія политическія теченія, и явился осуществленіемъ замысла велнкаго русскаго патріота. Если нѣтъ, привожу эти строки для устаиовленія нсторической точности.

М. Лембичъ.

Екатериподаръ,
4-го сентября 1918 года.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ГЕН. КОРНИЛОВА. *)

Преступное легкомысліе либо сознательное предательство людей, возиесенныхъ къ властн стихійной революціонной волной, прнвело страиу въ состояніе полной дезорганизаціи и анархіи. *То, что предсказывалъ ген. Корниловъ въ первые дни освободительнаго движенія, съ чѣмъ онъ рыцарски боролся, наконецъ, свершилось.* — Россія оказалась въ рукахъ политическихъ авантюристовъ, дѣлающихъ подъ флагомъ соціальной революціи — великогерманское дѣло разложенія боевой мощн страны. Играя, съ одной стороны, иа низменныхъ нистинктахъ темныхъ народныхъ массъ, съ другой — иа моральиой и физической усталости широкнхъ слоевъ русскаго общества, вызванной тяжелой четырехлѣтней войной, такъ называемой «Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ», утвердилъ у насъ деспотическую диктатуру черни, иесущую гибель всѣмъ культурно-исторнческимъ завоеваніямъ страны.

Печальный опытъ революціи показалъ полную несостоятельиость власти, созданной представителями различныхъ нынѣшнихъ политическихъ партій, слишкомъ связаиныхъ въ своихъ дѣйствіяхъ мертвой буквой программы. Какъ въ рядахъ партійной демократіи, взявшей на себя инициативу управленія страной, такъ н въ протнвоположиомъ лагерѣ, вслѣдствіе этого не могло быть достаточной увѣрениости и твердости въ опредѣленіи своей линіи поведенія. Въ результатѣ пожаръ анархіи, вспыхнувшій въ центрахъ и перенесшійся въ армію и на окраины, нензбѣжно сметалъ всѣ политическія комбииаціи, выдвигаемыя сторонамн и привелъ наконецъ къ господству германобольшевизма. Поэтому ген. Корниловъ, вступая снова на арену политической борьбы во нмя спасенія Россіи и чести націн, ставнтъ своей цѣлью сокрушеніе большевистскаго самодержавія и замѣиу его такимъ образомъ правленія, который обезпечивалъ бы въ странѣ порядокъ, возстановилъ бы попраиныя права гражданства и, закрѣпивъ цѣлесообразныя завоеванія революціи, вывелъ бы Россію иа свѣтлый путь свободы и прочнаго почетнаго мира, столь необходимаго для культурно-экономическаго прогресса государства.

---

*) Полный текстъ.

вооруженныхъ силъ и всѣхъ правительствъ, принявшихъ на себя въ полной мѣрѣ указанную задачу. Для этого я считалъ бы своевременнымъ поднять на проектируемыхъ совѣщаніяхъ въ первую очередь вопросъ *объ объединеніи командованія вооруженными силами, ведущими бои противъ большевиковъ* на территоріи Донского, Кубанскаго, Терскаго и Астраханскаго казачьихъ войскъ и въ предѣлахъ Черноморской и Ставропольской губерніи. Объединеніе это должно коснуться, главнымъ образомъ, *оперативной части и части военнаго снабженія* войсковыхъ соединеній, находящихся на боевыхъ фронтахъ.

Одновременно желательно подвергнуть обсужденію вопросъ и объ объединеніи въ тѣхъ же областяхъ и губерніяхъ дѣла внѣшнихъ сношеній, тѣсно связанныя съ общимъ оперативнымъ командованіемъ.

Если на нашихъ совѣщаніяхъ, исходя изъ самаго искренняго желанія найти пути къ полному единству въ нашемъ общемъ, великомъ и святомъ дѣлѣ, намъ удастся сговориться по перечисленнымъ мною кардинальнымъ вопросамъ, то въ недалекомъ будущемъ можно было бы выдвинуть на очередь объединеніе и въ тѣхъ отрасляхъ государственнаго устройства, которыя Донской Атаманъ перечислилъ въ своемъ письмѣ отъ 3 Сентября сего года № 679, а именно:

а) установленіе общей системы денежныхъ знаковъ,

б) объединеніе учрежденій Государственнаго Банка и другихъ учрежденій Министерства Финансовъ,

в) объединеніе учрежденій Министерства Юстиціи,

г) объединеніе продовольственнаго дѣла и торговопромышленной политики, а въ особенности товарообмѣна,

д) въ связи съ пунктомъ г) — уничтоженіе внутреннихъ таможень и объединеніе границъ,

е) объединеніе управленія путями сообщенія, почты и телеграфа.

Въ случаѣ согласія Донского Атамана на вышеизложенную программу, прошу меня увѣдомить въ спѣшномъ порядкѣ, какіе именно вопросы Вы полагали бы возможнымъ поставить на обсужденіе перваго совѣщанія и кто явится на немъ представителями Всевеликаго Войска Донского, въ зависимости отъ чего мною будетъ окончательно намѣченъ день засѣданія и будутъ назначены представители отъ Добровольческой Арміи и приглашены представители отъ Кубанскаго Казачьяго Войска.

Позволяю себѣ выразить надежду, что этотъ первый шагъ къ «собиранію Земли Русской» приведетъ къ полному единству всѣхъ нашихъ будущихъ дѣйствій на пользу всѣми нами горячо любимой Родины.

Примите увѣреніе въ искреннемъ уваженіи и преданности.

А. Деникинъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ПИСЬМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМІЕЙ ОТЪ 25 ОКТЯБРЯ 1918 Г. ЗА № 318.

ВЫПИСКА

изъ журнала №5 Особаго Совѣщанія при Главнокомандующемъ Добровольческой Арміей.

Засѣданіе 12 Октября 1918 года.

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
1)	1) .....
2) Предложеніе Главнокомандующаго обсудить вопросы:	2) .....
а)	а) .....
б) о подготовкѣ къ предстоящимъ мирнымъ переговорамъ.	б) При подготовкѣ къ предстоящимъ мирнымъ переговорамъ принять за основаніе нижеслѣдующія положенія:

1) Единство представительства Россіи на мирной конференціи, съ исключеніемъ изъ него делегатовъ большевистскихъ и тѣхъ территоріальныхъ образованій, которыя въ своихъ основныхъ принципахъ расходятся съ цѣлями Добровольческой Арміи.

2) Аннулированіе политическихъ и экономическихъ договоровъ, заключенныхъ съ Германіей, или съ ея союзниками, а также самостоятельныхъ актовъ о введеніи въ занятыхъ областяхъ того или иного порядка управленія. Возстановленіе нарушенныхъ такими договорами или актами, правъ, возмѣщеніе причиненныхъ этимъ путемъ убытковъ (возвратъ золота, военнаго и торговаго флота, предметовъ вооруженія, подвижного состава желѣзныхъ дорогъ и пр.) и прекращеніе вывоза изъ Россіи продовольствія и имущества.

Это требованіе, само собою разумѣется, не имѣетъ въ внду соглашеній, заключенныхъ Державами Согласія.

3) Очищеніе Германіей и ея союзниками русской территоріи въ предѣлахъ границъ 1914 года, включая и Финляндію.

Такое же требованіе признается необходимымъ и въ отношеніи Польши.

4) Занятіе на русской территоріи, оккупированной нынѣ Германо-Австро-Турецкими войсками главнѣйшихъ желѣзнодорожныхъ или иныхъ важныхъ въ стратегическомъ отношеніи пунктовъ русскими частями, или же временно войсками державъ Согласія до момента сформированія достаточно сильныхъ русскихъ отрядовъ.

ПЕРЕПИСКА О ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВѢ НА ВЕРСАЛЬСКОЙ КОНФЕРЕНЦІИ

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА А. П. БОГАЕВСКАГО ГЕНЕРАЛУ А. И. ДЕНИКИНУ

Предсѣдатель
Совѣта
Управляющихъ Отдѣлами
Правительства
Всевеликаго Войска Донского
12-го октября 1918 г.
№ 1145.
Ростовъ н/Д.

Его Превосходительству А. И. ДЕНИКИНУ, Главиокомандующему Добровольческой Арміей.

Милостивый Государь
Антонъ Ивановичъ,

По порученію Донского Атамана, обращаюсь къ Вамъ со слѣдующимъ предложеніемъ:

Событія иа Западѣ, а такъ же на Балканскомъ полуостровѣ, настолько мѣняютъ общее положеніе, что весьма возможно скорое заключеніе мира и коифереиція, иа которой, очевидно, будетъ рѣшаться такъ же и судьба Россіи. Невозможио допустить, чтобы этотъ вопросъ рѣшался безъ участія представителей отъ тѣхъ частей Россіи, которыя своими силами добивались самостоятельнаго существованія или при участіи представителей Совѣтской власти, съ которой всѣ мы ведемъ упорную борьбу.— Конечно, на конференціи должиы быть представители настоящей Россіи, желающіе ея возстановленія въ прежнихъ предѣлахъ и мощи; ио предварительио необходимо всѣмъ иамъ сговориться о томъ — какія требоваиія предъявить на будущемъ международномъ совѣщаніи. — Для этого было бы желательно уже теперь обмѣияться мнѣніями, для чего Доиской Атаманъ предлагаетъ Вамъ созвать совѣщаніе въ Екатериподарѣ, иа которое будетъ присланъ представитель Доиа, — или согласиться иа то, чтобы починъ въ этомъ дѣлѣ взялъ иа себя геиералъ Красновъ; тогда совѣщаніе будетъ собрано въ Новочеркасскѣ.

Не откажите увѣдомить меия для доклада Атаману Ваше рѣшеніе по сему вопросу.

Примите увѣренія въ совершеииомъ уважеиіи и преданности

А. Богаевскій.

93

ОТВѢТЪ ГЕНЕР. А. И. ДЕНИКИНА ГЕНЕР. А. П. БОГАЕВСКОМУ

Главнокомандующій
Добровольческой Арміей
(по Общему Управл.).
25-го Октября 1918 года.
№ 318.
г. Армавиръ.

Милостивый Государь
Африканъ Петровичъ,

Вопросъ, затронутый въ Вашемъ письмѣ отъ 12 Октября за №1145, представляетъ чрезвычайную важность и я вполнѣ согласенъ съ Атаманомъ Всевеликаго Войска Донского о необходимости теперь же приступить къ обмѣну мнѣній по этому вопросу.

Особое Совѣщаніе при Добровольческой Арміи, состоявшееся 12 Октября подъ моимъ предсѣдательствомъ, уже намѣтило нѣкоторыя положенія, которыя необходимо поставить въ основаніе при предстоящихъ переговорахъ о перемиріи, а затѣмъ и на мирной конференціи.

Эти положенія, прилагаемыя при семъ въ копіи, и могли бы быть положены въ основаніе работъ того совѣщанія, которое я, согласно предложенія Атамана, считалъ бы желательнымъ собрать въ Екатеринодарѣ.

Въ возбужденномъ Вами вопросѣ *о представительствѣ на будущей мирной конференціи* — несомнѣнно то, что нѣтъ никакой возможности создавать такое коллективное представительство, въ которомъ приняли бы участіе делегаты отъ всѣхъ тѣхъ частей и областей Россійскаго Государства, которымъ удастся сговориться между собою до начала мирной конференціи.

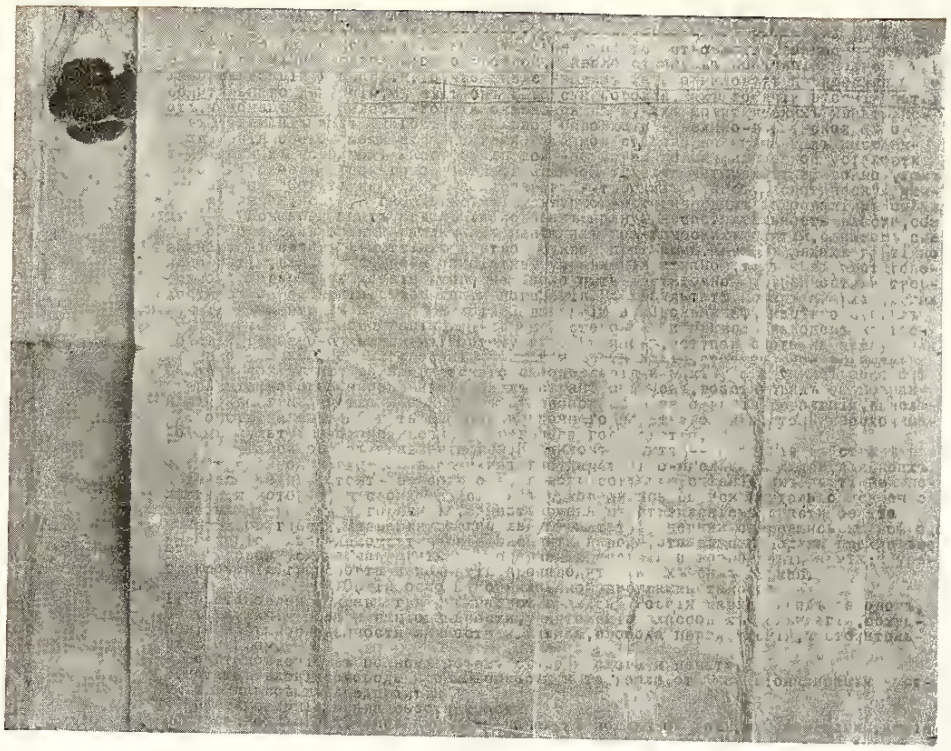
Единственнымъ возможнымъ рѣшеніемъ этого вопроса, при настоящихъ условіяхъ, я считалъ бы установленіе, на предстоящихъ совѣщаніяхъ въ Екатеринодарѣ, перечня опредѣленныхъ лицъ, изъ числа дипломатовъ, генераловъ и финансистовъ-экономистовъ съ именами настолько извѣстными и въ Россіи, и заграницей, чтобы имъ можно было бы ввѣрить защиту интересовъ всей Россіи на всемірномъ конгрессѣ.

Словомъ, я полагалъ бы остановиться на принципѣ персональнаго назначенія въ составъ делегаціи опредѣленныхъ лицъ, а не на принципѣ представительства отъ каждой области, вошедшей въ объединеніе.

Желательно, чтобы Вашимъ представителямъ были бы даны по этому вопросу надлежащія инструкціи.

Затѣмъ я пошелъ бы далѣе. Общность задачъ, которыя приняли на себя Всевеликое Войско Донское и Добровольческая Армія, въ дѣлѣ освобожденія страны отъ власти большевиковъ и возсозданія единства, мощи и величія нашей Родины, властно требуетъ полнаго взаимодѣйствія всѣхъ

Къ статьѣ М. Лембича:
«Политическая программа Л. Г. Корнилова».



Такой образъ правленія ген. Корниловъ видитъ: — созданіе въ странѣ временной сильной Верховной власти изъ государственно-мыслящихъ людей, для коихъ интересы Родины стоятъ безспорно выше вопросовъ преуспѣянія ихъ партійной политики, и которые, въ своихъ дѣйствіяхъ, руководились бы исключительно искренней любовью къ Родинѣ и горячимъ самоотверженнымъ стремленіемъ спасти ее отъ неизбѣжной гибели. Низвергнувъ гибельную диктатуру черни и оперевшись на всѣ здоровые національно-демократическіе элементы народа, эта власть должна прежде всего свои усилія направить къ подавленію анархіи, возрожденію арміи, урегулированію транспорта и поднятію производительныхъ силъ страны.

Общія основанія Корниловской программы таковы:

1. Возстановленіе правъ гражданства: всѣ граждане равны передъ закономъ безъ различія пола и національности, уничтоженіе классовыхъ привилегій, сохраненіе неприкосновенности личности и жилища, свобода передвиженій, мѣстожительства и проч.,
2. Возстановленіе въ полномъ объемѣ свободы слова и печати,
3. Возстановленіе свободы промышленности и торговли, отмѣна націонализаціи частныхъ финансовыхъ предпріятій,
4. Возстановленіе права собственности,
5. Возстановленіе русской арміи на началахъ подлинной военной дисциплины. Армія должна формироваться на добровольческихъ началахъ (по принципу англійской арміи),безъ комитетовъ, комиссаровъ и выборныхъ должностей,
6. Полное исполненіе всѣхъ принятыхъ Россіей союзныхъ обязательствъ международныхъ договоровъ. Война должна быть доведена до конца въ тѣсномъ единеніи съ нашими союзниками. Миръ долженъ быть заключенъ всеобщій и почетный на демократическихъ принципахъ, т. е. съ правомъ на самоопредѣленіе порабощенныхъ народовъ.
7. Въ Россіи вводится всеобщее обязательное начальное образованіе съ широкой мѣстной автономіей школы,
8. Сорванное большевиками Учредительное Собраніе должно быть созвано вновь. Выборы въ Учредительное Собраніе должны быть произведены свободно, безъ всякаго давленія на народную волю и во всей странѣ. Личность народныхъ избранниковъ священна и неприкосновенна.
9. Правительство, созданное по программѣ ген. Корнилова, отвѣтственно въ своихъ дѣйствіяхъ только передъ Учредительнымъ Собраніемъ, коему она и передастъ всю полноту государственно-законодательной власти. Учредительное Собраніе, какъ единственный

95

хозяинъ Земли Русской, должно выработать основные законы русской конституціи и окоичательно сконструировать государственный строй.

10. Церковь должна получить полную автономію въ дѣлахъ религіи. Государственная опека надъ дѣлами религіи устраняется. Свобода вѣроисповѣданій осуществляется въ полной мѣрѣ.

11. Сложный аграрный вопросъ представляется на разрѣшеніе Учредительнаго Собранія. До разработки послѣднимъ въ окончательной формѣ земельнаго вопроса и изданія соотвѣтствующихъ законовъ, всякаго рода захватно-анархическія дѣйствія гражданъ признаются недопустимыми.

12. Всѣ граждане равны передъ судомъ. Смертная казнь остается въ силѣ, но примѣняется только въ случаяхъ тягчайшихъ государственныхъ преступленій.

13. За рабочими сохраняются всѣ политико-экономическія завоеванія революціи въ области нормировки труда, свободы рабочихъ союзовъ, собраній и стачекъ, за исключеніемъ насильственной соціализаціи предпріятій и рабочаго контроля, ведущаго къ гибели отечественной промышленности.

14. Генералъ Корниловъ признаетъ за отдѣльными народностями, входящими въ составъ Россіи, право на широкую мѣстную автономію, при условіи, однако, сохраненія государственнаго единства. Польша, Украина и Финляндія, образовавшіяся въ отдѣльныя національно-государственныя единицы, должны быть широко поддержаны Правительствомъ Россіи въ ихъ стремленіяхъ къ государственному возрожденію, дабы этимъ еще болѣе спаять вѣчный и несокрушимый союзъ братскихъ народовъ.

Ген. Корниловъ.

РУССКАЯ ... БИБЛІОТЕКА ВЪ БѢЛГРАДѢ

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА М. В. АЛЕКСѢЕВА НАЧАЛЬНИКУ ТАГАНРОГСКАГО ЦЕНТРА ПОЛКОВНИКУ БАРОНУ М. И. ШТЕНГЕЛЮ.

Генералъ АЛЕКСѢЕВЪ
Добровольческая Армія

Милостивый Государь
Михаилъ Ивановичъ,

Прежде всего выражаю свое глубокое удовольствіе энергіей, съ которой ведется работа въ Таганрогѣ, поэтому при семъ препровождаю Вамъ особое письмо, которое Вамъ надлежитъ объявить въ Союзѣ Солдатъ.

Привлеченіе лѣвыхъ элементовъ подъ тѣмъ лозунгомъ, который Вы указали въ своемъ рапортѣ, не представляется возможнымъ. Въ общемъ процессѣ революціи идея Учредительнаго Собранія мало по малу отходитъ назадъ, и устроеніе государственнаго порядка произойдетъ, повидимому, какими то иными путями; кр[illegible]ѣ того, и политическая обстановка такова, что еще не скоро создадутся усло[illegible], при которыхъ можно было бы въ Учредительное Собраніе произвести выб[illegible]ры и его созвать. Необходимо считаться съ существующимъ положеніемъ вещей и поэтому лозунгъ «*Учредительное Собраніе*», надлежитъ признать нынѣ уже мало дѣйствительнымъ для практической работы (чего не отрицаютъ даже и лѣвые элементы).

Полномочія Вамъ посылаются, но объединеніе общественныхъ круговъ надлежитъ производить съ осторожностью, въ томъ смыслѣ, что бы не принимать на себя какихъ либо партійныхъ лозунговъ; созданіе Единой Россіи и освобожденіе ея отъ порабощенія внѣшнимъ врагомъ настолько могутъ служить для объединенія всѣхъ истинно-государственныхъ элементовъ, что иныхъ лозунговъ пока и не требуется.

Вербовку добровольцевъ возьмите болѣе въ свои руки: необходимо въ корнѣ пресѣчь наборъ добровольцевъ вербовщиками отдѣльныхъ частей; это только вредно отзывается на дѣлѣ. Вамъ должно быть извѣстно объявленіе Военно-Политическаго Отдѣла, помѣщеное въ Новочеркасскихъ и Ростовскихъ газетахъ, въ которомъ этотъ вопросъ разъясняется; одинъ экземпляръ Вамъ посылаю.

Раіонъ, находящійся въ Вашемъ вѣдѣніи, необходимо использовать вполнѣ, но слѣдуетъ воздержаться отъ посылки вербовщиковъ въ раіоны,

смежные Вашему, т.к. это можетъ привести къ путанницѣ въ дѣлѣ. Ближайшими къ Вамъ центрами являются: Харьковъ, Екатеринославъ, Кіевъ и, кромѣ того, центры, обслуживающіе Крымъ: Ялта, Симферополь, Севастополь. Въ ближайшее время Вамъ будетъ выслана подробная схема.

Желаніе семейныхъ офицеровъ, чтобы часть жалованья выдавалась имъ на мѣстѣ, въ Таганрогѣ, неисполнимо, къ сожалѣнію; это явилось бы чрезвычайно затруднительно для нашихъ финансовыхъ и контрольныхъ органовъ. Въ борьбѣ со всякаго рода самозванцами, появляющимися въ Таганрогѣ, лучше было бы воздержаться отъ содѣйствія нѣмецкаго коменданта; съ этимъ нужно бороться своими средствами и, прежде всего, тѣмъ, что взять дѣло въ свои руки настолько прочно, чтобы для самозванцевъ не оставалось поля дѣятельности.

Офицеры бывшаго Заамурскаго полка на полученіе лошадей въ нашихъ коинныхъ частяхъ расчитывать могутъ.

Увѣдомленіе Васъ о томъ, куда зачислены прибывающіе отъ Васъ добровольцы, очень затруднительно, т.к. фактическое распредѣленіе по частямъ производится въ Арміи.

Прошу принять увѣренія въ моемъ къ Вамъ уваженіи и преданности

Мих. Алексѣевъ.

№ 87.
5 іюля 1918 года.
Новочеркасскъ.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА М. В. АЛЕКСѢЕВА Г-ЖѢ Х.

Генералъ АЛЕКСѢЕВЪ.
Добровольческая Армія.

Милостивая Государыня,

Полковникъ Сергѣй Николаевичъ Р—ій сообщилъ мнѣ, что у Васъ находятся нѣкоторыя денежныя суммы, собранныя при Вашемъ содѣйствіи и предназначаемыя Добровольческой Арміи.

Я поручаю полковнику Генеральнаго Штаба Лисовому обратиться лично къ Вамъ по этому вопросу, дабы не безпокоить Васъ перепиской.

Если бы сообщеніе полковника Р-го оказалось правильнымъ, то я могу лишь выразить Вамъ свою глубокую блгодарность за тотъ трудъ, который Вы приняли на себя въ этомъ дѣлѣ.

Помимо того значенія, которое для насъ можетъ имѣть финансовая поддержка, я радъ былъ сочувствіе нашему дѣлу встрѣтить именно у Васъ.

Прошу принять увѣренія въ моемъ глубокомъ къ Вамъ уваженіи и въ совершенной преданности.

Михаилъ Алексѣевъ.

№ 88.
5 іюля 1918 года.
Гор. Новочеркасскъ.

ПИСЬМО ГЕН. М. В. АЛЕКСѢЕВА ГЕН. А. П. БОГАЕВСКОМУ.

Копія.

Спѣшно.

Генералъ АЛЕКСѢЕВЪ.

Милостивый Государь
Африканъ Петровичъ,

Какъ Вамъ извѣстно, Добровольческая Армія испытываетъ большую нужду во всѣхъ видахъ довольствія.

Не будучи въ состояніи получить отъ Всевеликаго Войска Донского тѣхъ или иныхъ предметовъ снаряженія, обмундированія и продовольствія, Добровольческая Армія въ тоже время не можетъ самостоятельно, безъ соотвѣтствующаго разрѣшенія, пріобрѣсти эти предметы путемъ закупокъ, Между тѣмъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, многіе изъ необходимыхъ для насъ предметовъ имѣются въ продажѣ на рынкѣ въ Ростовѣ.

Въ виду изложеннаго прошу Васъ не отказать въ представленіи права производства покупокъ представителю Добровольческой Арміи, каковымъ является купецъ Мефодій Константиновичъ И-въ и о выдачѣ на его имя разрѣшенія, которое имъ лично будетъ вручено Областному и Окружному Интендантамъ Всевеликаго Войска Донского — послѣднее и желательно оговорить въ означенномъ разрѣшеніи. Считаю необходимымъ поставить Васъ въ извѣстность, что такое рѣшеніе вопроса во многомъ облегчитъ тяжелое положеніе Добровольческой Арміи.

Примите увѣренія въ искреннемъ къ Вамъ уваженіи и пр.

№ 64.
29-го Іюня 1918 г. Мих. Алексѣевъ.
г. Новочеркасскъ.

ИЗЪ БЛОКНОТА ГЕНЕРАЛА М. В. АЛЕКСѢЕВА.

РАДІОГРАММА

генерала М. В. Алексѣева генералу А. И. Деникину.

Комаидующему Арміей.

Доблестное поведеніе въ бою подъесаула Ф—ва, его тяжелое раненіе являются данными, смягчающими, а быть можетъ совершенно заглаживающими вину его передъ Донскимъ Войскомъ, къ составу коего принадлежалъ онъ во время нарушенія имъ долга службы и казака-гражданина. Къ составу этого Войска онъ принадлежитъ и въ настоящую минуту.

Полагаю, что нѣтъ законныхъ основаній изъять дѣло подъесаула Ф-ва изъ общаго порядка подслѣдственности и подсудности, опредѣленнаго кн. XXIV С.В.П. 1869 г., донынѣ неотмѣненной.*)

Ген. Алексѣевъ.

РУССКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА ВЪ БѢЛГРАДѢ

*) Подъесаулъ Ф—въ, совершивъ какой то проступокъ въ бытность его на службѣ въ Донской Арміи, съ цѣлью избѣгнуть наказанія, «самовольно перевелся» на службу въ Добровольческую Армію.

Несмотря на справедливое требованіе Донскихъ властей о «выдачѣ» названнаго офицера — штабъ Добр. Арміи, подъ разными предлогами, уклонялся отъ исполненія — дѣло дошло до генер. Алексѣева, который въ этомъ вопросѣ опредѣленно сталъ на сторону Атамана Всев. В. Донского.

Случай этотъ былъ не единственный и «перелетныя пташки» подобнаго рода бывали съ обѣихъ сторонъ.

5) Немедленный приступъ къ обмѣну военно-плѣнными.

6) Обязательство Германiи и ея союзниковъ препятствовать какимъ бы то ни было способомъ водворенiю въ Россiи единаго прочнаго строя.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬСТВОВАЛЪ: Главнокомандующiй генералъ-лейтенантъ Деникинъ.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: *А. М. Драгомировъ, А. С. Лукомскiй, А. А. Нератовъ, В. А. Степановъ, В. В. Шульгинъ, А. С. Макаренко, О. О. Гейманъ, В. А. Лебедевъ, А. С. Санниковъ.*

Съ подлиннымъ вѣрно:
Начальникъ Политической Канцелярiи
Генеральнаго Штаба полковникъ *(подпись)*.

ТЕЛЕГРАММА

Предсѣдателю Совѣта Управляющихъ Отдѣламн генералу Богаевскому.

Сообщаю для свѣдѣнiя копiю отвѣта Министру Иностранныхъ Дѣлъ Украины его циркулярную депешу 22 ноября стараго стиля *двоеточiе кавычки* Кiевъ Министру Иностранныхъ Дѣлъ Афанасьеву Циркулярную телеграмму 22 ноября получилъ опозданiемъ отъ Донского Правительства *точка* Главнокомандующiй Добрармiи вполнѣ раздѣляетъ необходимость совмѣстнаго обсужденiя вопросовъ связанныхъ возстановленiемъ единства Россiи но полагаетъ *двоеточiе* первое виду событiй послѣдняго времени Кiевъ какъ мѣсто съѣзда нежелателенъ предпочтительнѣй Екатеринодаръ или Симферополь второе обсужденiе отношенiй къ различнымъ державамъ для Добрармiи является излишнимъ Добрармiя всегда признавала только твердую солидарность всѣхъ дѣйствiй Державами Согласiя и нынѣ твердо ведетъ политику томъ же направленiи и не имѣетъ никакихъ основанiй отступать отъ него и впредь *точка* Третье участiе конференцiи Грузiи правительство коей стоитъ опредѣленной самостiйнической позицiи и ведетъ политику крайне враждебную Россiи и унижающую достоинство русскаго имени Добрармiя считаетъ совершенно недопустимымъ пока Грузiя не измѣнитъ своего отношенiя вопросъ возстановленiя Россiи *точка* №623 Екатеринодаръ 16 ноября Предсѣдатель Особаго Совѣщанiя при Главнокомандующемъ Добровольческой Арміи генералъ Драгомировъ *кавычки точка* № 658 Екатеринодаръ 18 ноября Драгомировъ.

ПЕРЕПИСКА ПО ГРУЗИНСКОМУ ВОПРОСУ

ПИСЬМО ГЕН. А. П. БОГАЕВСКАГО ГЕН. А. И. ДЕНИКИНУ.

Милостивый Государь
Антонъ Ивановичъ,

Всѣ Ваши письма на мое имя своевременно были доложены мною Донскому Атаману и Правительству. Ваши указанія и пожеланія приняты во вниманіе и при будущихъ переговорахъ и совѣщаніяхъ, лицамъ, которыя будутъ для этого назначены, будутъ даваться соотвѣтствующія указанія.

Что касается вопроса объ отношеніяхъ съ Грузіей, то пока они еще не наладились. Еще до полученія Вашего письма, по настоянію отставного генералъ-маіора Токай-Швили (грузинъ), постоянно живущаго въ Ростовѣ и много лѣтъ служившаго на Дону, Атаманомъ была обѣщана для Грузіи партія хлѣба въ 15 вагоновъ въ обмѣнъ на батумскій чай, табакъ и пр. Часть этого хлѣба выдана съ условіемъ, чтобы при раздачѣ его въ Грузіи могли получить долю и русскіе жители, что и было обѣщано генераломъ Токай-Швили. Послѣдній, а такъ же русскіе офицеры, пріѣзжавшіе ко мнѣ съ Кавказа, увѣряютъ, что грузинскій народъ въ массѣ не проявляетъ никакой враждебности къ русскому населенію; этого желаетъ кучка авантюристовъ, составляющая нынѣ грузинское самозванное правительство, занявшееся усердной націонализаціей всего негрузинскаго.

По частнымъ свѣдѣніямъ, Грузія предполагаетъ послать оффиціальное посольство на Донъ для установленія съ нимъ добрыхъ отношеній; пока же изъ Тифлиса прибылъ консулъ, съ которымъ, однако, до сихъ поръ имѣть дѣла не приходилось. Нашего представителя въ Грузію также не назначено.

А. Богаевскій.

ВЫПИСКА ИЗЪ ДОКЛАДА-ПИСЬМА ПРЕДСТАВИТЕЛЯ В. В. Д. ПРИ КУБАНСКОМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВѢ 13 СЕНТЯБРЯ 1919 Г.

I.

АТАМАНЪ
Зимовой Станицы
Представитель Всевеликаго
Войска Донского
при Кубанскомъ Правительствѣ.
№ 9.
13 Сентября 1919 года
г. Екатеринодаръ
Графская ул., д. № 28.

..... Цѣль посольства — опредѣленіе границъ между Грузинской республикой и Кубанью и раіономъ, занятымъ Добровольческой Арміей, а также и по товаро-обмѣну и, какъ мнѣ кажется, это и есть главная побудительная причина ихъ пріѣзда, такъ какъ въ Грузіи острая нужда въ хлѣбѣ и фуражѣ.

Между прочимъ, грузинамъ еще ранѣе какимъ то путемъ, вѣроятно по сношенію съ кубанцами, удалось получить разрѣшеніе на вывозъ нѣсколькихъ тысячъ пудовъ муки или пшеницы и фуража, но когда этотъ грузъ слѣдовалъ съ Кубани черезъ Новороссійскъ, то онъ тамъ былъ задержанъ военнымъ губернаторомъ, полковникомъ Добровольческой Арміи, кажется, Кутеповымъ.

Вчера же было первое засѣданіе Грузинскаго посольства съ Верховнымъ Командованіемъ Добровольческой Арміи: генералами Алексѣевымъ, Драгомировымъ, Деникинымъ, Лукомскимъ и Романовскимъ — также участвовалъ и Шульгинъ, а отъ Кубанскаго Правительства — Бычъ и одинъ Управляющій отдѣломъ. Долженъ былъ быть на этомъ засѣданіи и Войсковой Атаманъ А. П. Фолимоновъ, но онъ уѣхалъ еще 8-IX въ Ейскъ — оффиціально для осмотра порта — вообще по служебнымъ дѣламъ, а по другой версіи — онъ уѣхалъ просто на охоту съ хорошими знакомыми — вообще А. П. не особенно себя утруждаетъ работой и дѣлами, что можетъ отразиться невыгодно для него иа предстоящихъ выборахъ на Радѣ Атамана.

Передъ его отъѣздомъ у него былъ роскошный вечеръ, на который и я получилъ приглашеніе, какъ лично—онъ заѣхалъ меня пригласить, —такъ и письменно, оффиціальнымъ письмомъ, въ 8 час. веч., на чашку чая, которая затянулась до 3-хъ часовъ ночи. Ровно въ 12 часовъ былъ поданъ прекрасный гастрономическій ужинъ съ массой изысканныхъ блюдъ — столъ былъ шикар-

но сервированъ, масса цвѣтовъ, фруктовъ и изобиліе винъ, ликеровъ и всякихъ прочихъ крѣпкихъ напитковъ. Вечеръ не иосилъ характера официальнаго, хотя и было на вечерѣ не менѣе 24 персонъ—были геи. Драгомировъ, (Алексѣевъ отсутствовалъ по болѣзни), Деникинъ, Эрдели, Ромаиовскій, Невадовскій—были и дамы,въ томъ числѣ и м-мъ Деиикиина. Но никого изъ членовъ Правительства — ии Быча, ни Рябовола. Весь вечеръ игралъ прекрасный оркестръ, пѣлъ чудный хоръ войсковыхъ пѣсеиниковъ и казаками и мальчугаиами-казачатами исполнялись танцы: казачокъ, гопакъ и неизмѣнная лезгинка. Быль исполненъ и гимнъ Кубани, при исполненіи котораго не вставали.

Почему допускается Правительствомъ Грузинской Республики, ие только неуважеиіе, а возмутительиое отношеніе вообще къ русскимъ и къ офицерамъ въ особенности? Этимъ грѣшитъ отнюдь не простой народъ, а Правленіе Круга и интеллигенція. Не задаются ли грузины цѣлью, совмѣстно съ иѣмцами,окружить враждебнымъ отношеніемъ къ Добровольческой Арміи?

На какомъ основаніи Грузія заияла часть Черноморской губерніи? Гегечкори всячески старается отвѣчать уклончивыми отвѣтами: такъ, напримѣръ,по поводу Черноморской губ. онъ началъ издалека ие по вопросу, а съ воскуренія фиміама Добровольческой Арміи, что, дескать, доблестная героическая Добровольческая Армія, поставившая себѣ такую великую цѣль, освобожденіе отъ большевиковъ всей родиины — Росссіи, и что, какъ понимаютъ оии, грузины, всѣ помыслы, цѣли и желанія Добровольческой Арміи должны быть направлены туда—на сѣверъ, на Москву и Петроградъ, а не на такой (сравнительно съ поставленной цѣлью клочекъ) участокъ незначительный, какъ Черноморская губернія. Что грузины расчитывали этимъ оказать дружескую услугу (ловкій господинъ), занявъ и такимъ образомъ охраняя Черноморскую губернію. Что въ ихъ планы — теперяшняго состава Правительства—отнюдь не входитъ непріемлемое, а тѣмъ болѣе враждебное отношеніе къ Добровольческой Арміи и что если бы такая политика по отношеиіи къ Добров.Арміи,да еще съ нѣмцами вмѣстѣ,была возможна или предполагалась, — онъ,Гегечкори, точасъ же,какъ и его коллеги,ушли бы изъ состава Правительства. Что никакого преслѣдованія русскихъ въ Грузіи не наблюдается.

По послѣднему отвѣту неудачное и довольно безтактное выступленіе сдѣлалъ Бычъ,заявившій, что ему извѣстно отъ возвращающихся кубанцевъ, что никто изъ кубанскихъ казаковъ никакимъ униженіямъ и стѣсненіямъ со стороны Грузіи не подвергался, за что онъ получилъ должную суровую отповѣдь, какъ и грузиины,отъ генераловъ Добровольческой Арміи и особенио Драгомирова: что стоитъ только обратиться къ печати, которая переполиена указаніями на тяжелое положеиіе русскихъ въ Грузіи.

Вѣроятно и Вы сами читали № 140 «Приазовскаго Края» отъ 7-IX въ отдѣлѣ: «Въ Грузіи», гдѣ узко націоналистическая политика Грузинскаго

Правительства вызываетъ рѣзкій протестъ среди общественныхъ круговъ Грузіи. Это даже возмутило самихъ грузинъ и извѣстный грузинскій журналистъ Левонъ Кипіани выступилъ въ «Кавказскомъ Словѣ», возмущаясь за отношеніе къ русскимъ. Простите опять я уклонился и отъ себя. Вообще на этомъ засѣданіи Верховное Командованіе Добровольческой Арміи держало себя съ большимъ достоинствомъ — и въ заключеніе ген. Алексѣевъ твердо заявилъ, чтобы въ слѣдующее, т.е. въ сегодняшнее засѣданіе, они требуетъ опредѣленныхъ отвѣтовъ, и чтобы грузинскіе представители явились бы съ картой въ рукахъ, въ которой точно обозначили свои границы, и что Добровольческая Армія не допускаетъ никакого посягательства на территорію Русскаго государства, иначе они не получатъ ничего. О послѣдующихъ засѣданіяхъ напишу, быть можетъ удастся достать копію протокола засѣданій, хотя, если это и не удастся, то, во всякомъ случаѣ, съ общей картиной переговоровъ, я надѣюсь быть освѣдомленнымъ. Что касается Шведской миссіи, то она, проживая здѣсь съ 23-VIII — оффиціально по вопросу объ обмѣнѣ плѣнныхъ германцевъ и австрійцевъ — состоитъ изъ двухъ лицъ и двухъ лакеевъ при нихъ. Всѣ говорятъ хорошо по-русски. Одинъ изъ нихъ — старшій, даже прекрасно говоритъ — очень милый, необыкновенно общительный и живой, съ выправкой прекраснаго строевого офицера — нѣсколько фамильярный и назойливый а ла штабсъ-капитанъ Рыбниковъ, но въ болѣе утонченномъ, европейскомъ стилѣ, — веселый собесѣдникъ и большой любитель выпить — однимъ словомъ, «компанейскій человѣкъ».

Меня беретъ сомнѣніе: живутъ они съ 23-VIII, выполняя такую простую миссію благородную (какъ забота) и обмѣнъ плѣнныхъ, а все-таки позаботились привезти съ собою достаточное количество напитковъ, въ особенности прекраснаго шампанскаго, которымъ они очень радушно и щедро угощаютъ тѣхъ — кто имъ можетъ быть полезнымъ.

Прошу принять увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности

Вашъ покорный слуга В. Ажиновъ.

100

ВЫПИСКА ИЗЪ ДОКЛАДА-ПИСЬМА ПРЕДСТАВИТЕЛЯ В. В. Д. ПРИ КУБАНСКОМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВѢ 14 СЕНТЯБРЯ 1919 Г.

АТАМАНЪ
Зимовой станицы
Представитель Всевеликаго
Войска Доиского
при Кубанскомъ Правительствѣ
№ 11.
14 Сентября 1919 года.
г. Екатеринодаръ.
Графская ул. № 28.

..... Вчерашнее засѣданіе, какъ и иужно ожидать, закончилось разрывомъ, т.е., къ прекращенію переговоровъ. На категорическое требованіе Добровольческой Арміи о немедлеииомъ очищеніи Сочинскаго и Гагрскаго округовъ, занятыхъ грузинами — г. Гегечкори давалъ уклоичивые отвѣты, что они занимаютъ временно, что они этимъ помогаютъ Добр. Арміи, что тамъ 20 проц. грузинъ; — на зто ему было указано, что русскихъ мии. 34 проц. — да и другія иаселяющія эти округи иародиости тяготѣютъ къ русскимъ. И такъ какъ грузинами опредѣлениаго отвѣта на согласіе ихъ очистить Сочи и Гагры ие давалось, а они пытались иайти другіе пути соглашенія и перейти къ обсужденію другихъ вопросовъ, то геи. Деникинъ твердо заявилъ, что здѣсь всѣ они—народъ очень занятой и тратить время иа разговоры и дебаты, неприводящіе къ положительнымъ и практическимъ результатамъ — ие представляется возможности, и конечио, ие можетъ быть уже и обсужденія о разрѣшеніи вывоза хлѣба и продуктовъ съ Кубаии и раіоиа занятаго Доб. Арміей. И засѣданіе было прервано, несмотря на попытки грузинъ дебатировать по другимъ вопросамъ.

А сегодия, когда я заходилъ къ ген. Деиикиiу, живущему вмѣстѣ съ ген. Алексѣевымъ — я столкнулся съ выходящимъ, повидимому отъ ген. Алексѣева, Гегечкори и, судя по тому, что посольство ие собирается уѣзжать, надо полагать, что грузины пойдутъ на уступку Добр. Арміи...

В. Ажиiовъ.

поѣздъ вскорѣ былъ вызванъ оттуда на Таганрогскій фронтъ къ *Матвѣеву Кургану*, гдѣ, пронзведя нѣсколько взрывовъ, погнбъ при отступленін отряда полковнпка Кутепова, нарвавшнсь иа разобранный путь. Со словъ очевндцевъ, вндимо отъ сотрясенія, прн сходѣ съ рельсовъ, пронзошло воспламененіе диамнта (можетъ быть, отъсильнаго удара нлн какой нной прнчины) и поѣздъ былъ уннчтоженъ. Съ нимъ погнбъ поручнкъ Ермолаевъ и вся команда.

Диамнта, по монмъ расчетамъ, должно было остаться около 30 пудовъ, колнчество вполнѣ достаточное для полнаго разрушенія всѣхъ четырехъ вагоновъ.

Вскорѣ послѣ сформированія перваго поѣзда, долженъ былъ быть готовъ и второй. Командиромъ поѣзда былъ назначенъ ротмнстръ Гессель, нынѣ полковнпкъ Добровольческой Арміи. Команда была нмъ подобрана. Отказъ со стороны Н-ка Военныхъ Сообщеній дать вагоны для поѣзда, за ненмѣніемъ нхъ, н отсутствіе взрывчатаго вещества, задержалн формнрованіе поѣзда, а нспользованіе людей Добровольческой Арміей для свонхъ формнрованій, совершенно прекратили попыткн продолжать формнровать поѣзда дальше.

Инженерныхъ Войскъ
Полковникъ В. Модрахъ.

7 февраля 1919 г.

г. Новочеркасскъ.

ДВѢ НЕДѢЛИ СОБЫТІЙ НА ДОНУ.

Изъ дневника неизвѣстнаго офицера *)

Ростовъ на Дону.
Ноябрь, 21-го числа 1917 года.

Дорогой другъ, Александръ Федоровичъ! Совершающіяся на нашихъ глазахъ событія столь разнообразны, столь быстро слѣдуютъ одни за другими, что все казавшееся еще вчера важнымъ и зловѣщимъ — сегодня забывается и вытѣсняется изъ памяти болѣе свѣжимъ. Чтобы не сбиться и ие смѣшивать одно съ другимъ — надо записывать, что и собираюсь дѣлать, ие зная, будетъ ли эта запись отправлена или нѣтъ...

21-го, т. е. сегодия, прибыли въ Таганрогъ два транспорта съ черноморскими моряками, иаправляющимися къ иамъ, въ Ростовъ, на помощь нашимъ большевикамъ; сегодня же они погрузили уголь и хотѣли выйти сюда — вышли или нѣтъ, я еще не знаю. По слухамъ, въ гирлахъ приготовлены баржи, для затопленія въ фарватерѣ, съ цѣлью преградить проходъ этимъ транспортамъ.

19-20-го, большевики реквизировали здѣсь у частныхъ лицъ автомобили, въ предупрежденіе захвата ихъ Войсковымъ Правительствомъ; иабрали штукъ 12 – между прочимъ, взяли у богача Ахвердова роскошный лимузиив; сегодня они разъѣзжали на нихъ, вооруженные съ ногъ до головы. Войсковое Правительство ограничивается пока наблюденіемъ. Предполагалось здѣсь сегодня и вооруженное выступленіе, ио день прошелъ спокойно.

Вчера, въ Новочеркасскѣ, Войсковое Правительство обезоружило безъ выстрѣла весь пѣхотный гарнизонъ – два полка: взято много патроновъ и винтовокъ – по однимъ свѣдѣніямъ 10, по другимъ 17 тысячъ, какихъ системъ –неизвѣстно, но, вѣрнѣе, разныхъ. Такимъ образомъ у казачества тылъ обезпеченъ и можно иадѣяться, что здѣсь будутъ дѣйствовать рѣшительнѣе.

Командуетъ здѣсь всѣми казачьими силами молодой генералъ Потоцкій.

---

*) Листки этого дневника были мною найдены на вокзалѣ г. Ростова — въ день занятія города войсками ген. Каледина.

V.

КАЗАЧЕСТВО

102

ОХРАНА ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЫ ДОНСКОЙ ОБЛАСТИ ВЪ 1917 Г.

Въ концѣ ноября 1917 года, я получилъ предписаніе отъ Войскового Штаба Донской Области отправиться на пограничныя станціи желѣзныхъ дорогъ Донской обпастн, по ея западной границѣ, провѣрить готовность иазначенныхъ туда подрывныхъ командъ и знаніе чинами командъ своихъ обязанностей. Въ задачу командъ входила порча жеп.-дор. пути при приближеніи большевиковъ. Мосты и станціонныя сооруженія порчѣ не подлежали.

Въ первую очередь была провѣрена команда на ст. *Чертково*. Здѣсь иаходилось четыре офицера, имѣвшіе въ своемъ распоряженіи два чемодаиа отъ кавалерійскаго вьюка съ толомъ, въ количествѣ ок. 2 пудовъ, вполнѣ достаточномъ для основательной порчи пути. Они, видимо, были ие вполнѣ увѣрены въ возможности успѣшно выпопнить возложенную на нихъ задачу, такъ какъ уже тогда высказывались ими предположенія, что казаки 35 попка, на *ст. Милерово*, не позволятъ имъ своевременно взорвать путь. Кромѣ того, не быпо у офицеровъ увѣренности въ своихъ знаніяхъ въ подрывномъ дѣлѣ; отсутствовала правипьная развѣдка и большевики могли появиться совершенно неожиданно, не давъ разрушить путь. Сдѣлавъ указанія какъ и что взрывать и какъ иаладить развѣдку, я отправипся на *ст. Колпаково* (пинія Звѣрево-Дебальцево). Здѣсь я не могъ найти подрывиого поста, несмотря иа всѣ старанія. Комендантъ мнѣ заявипъ, что до сегодня подрывники быпи, но уѣхали.

Проѣзжая черезъ *Дебальцево* я былъ задержанъ красногвардейцами, иапетѣвшими сюда и задержавшимися , какъ я узнапъ на обратномъ пути, иа одни сутки въ Дебальцево. Видимо, ихъ патрупь, повѣрявшій въ поѣздѣ документы, былъ не опытнымъ, ибо мое революціонное удостовѣреиіе (большевистское) отъ Штаба Петроградскаго Округа (гдѣ я, до пріѣзда иа Донъ, спужилъ)было достаточно для того, чтобы я показался патрупю вполиѣ благонадежнымъ для большевиковъ элементомъ, несмотря на то,что былъ въ офицерской формѣ.

На станціи *Ханженково* дѣло было въ надежныхъ рукахъ. Здѣсь командиромъ отряда, державшимъ мѣстныхъ большевиковъ въ страхѣ, былъ сотникъ Грековъ (впоспѣдствіе «Бѣлый Дьяволъ»), наладившій охрану и

имѣвшій взрывчатое вещество для порчи пути. За нѣсколько дней до моего пріѣзда , по словамъ сотника Грекова, онъ съ отрядомъ сдѣлалъ набѣгъ на *ст. Иловайскую*, гдѣ разогналъ мѣстный военно-революціонный комитетъ и отбилъ патроны, захваченные большевиками у стоявшей тамъ на охранѣ команды. Настроеніе у казаковъ отряда сотника Грекова на *ст. Ханженково* было , видимо, крайне взвинченное, они все время ждали появленія большевиковъ, во всемъ видѣли ихъ довлѣющую силу и были этимъ деморализованы. Напримѣръ, наканунѣ моего пріѣзда, патрульный казакъ убилъ выстрѣломъ изъ винтовки казака своего же отряда,бѣжавшаго ночью по станціонной платформѣ, принявъ его за большевика.

На обратномъ пути я проѣхалъ черезъ *г. Луганскъ* на станицу Луганскую.

Въ г. Луганскъ, за нѣсколько часовъ до моего пріѣзда, прибыли большевики съ оружіемъ, желая, видимо, вооружить мѣстныхъ большевиковъ, но, какъ мнѣ разсказывали на станціи, сами были разоружены гайдамаками.

На полустанкѣ, передъ *станицей Луганской*, на первой остановкѣ при въѣздѣ въ Область, былъ тоже подрывной постъ. Разспросивъ коменданта станціи, я узналъ, что здѣсь находится офицеръ-подрывникъ со взрывчатымъ веществомъ, живетъ въ поселкѣ не далеко отъ станціи. Ни развѣдка, ни связь не налажены, да и при наличіи малаго числа чиновъ охранной команды и ненадежности ихъ, ничего нельзя было сдѣлать. Лично видѣть этого офицера мнѣ не удалось, да и незачѣмъ было, все равно съ имѣвшимися средствами нельзя было наладить дѣло.

Я спѣшилъ скорѣе назадъ, дабы представить соображенія объ организаціи болѣе серьезной подрывной обороны Области. Кстати замѣчу, въ то время взглядъ на характеръ борьбы былъ иной, мы не предполагали производить серьезныя разрушенія жел.-дор. сооруженій, а думали ограничиться лишь порчей самого пути.

Подрываніе рельсовъ не ведетъ къ долгому прекращенію движенія и вообще не представляетъ собой серьезной, трудно возстановимой порчи. Замѣнить подорванные рельсы дѣло нѣсколькихъ минутъ.

Правда,такому взгляду на дѣло способствовало то обстоятельство,что, на ряду съ начинавшимися военными дѣйствіями, продолжалось нормальное, для того времени, пассажирское и грузовое движеніе, прервать которое на продолжительное время не находили возможнымъ.

По всѣмъ станціямъ приграничной полосы, гдѣ мнѣ приходилось выходить изъ поѣзда, а въ особенности на узловыхъ, шла страшная большевистская агитація, разсказывали о большевистскихъ побѣдахъ, о взятіи ростовскими большевиками Новочеркасска и пр. Все это жадно схватыва-

лось слушателями и разносилось ими дальше, безсознательно играя въ руку большевикамъ.

Происходило же это отъ полнаго отсутствія контръ-агитаціи и газетъ изъ Новочеркасска.

Вернувшись изъ командировки (въ началѣдекабря, числа 2-5) я подалъ предположенія объ организаціи подрывной обороны области.

Оборона предполагалась двухъ родовъ:

1. *Пассивная* — съ минированіемъ ж.-д. пути въ предѣлахъ Области большими (до 5 пудовъ) сближенными зарядами и со взрывомъ ихъ электрическимъ токомъ, по наблюденію, съ агентурной и военной развѣдкой, высланной въ сторону появленія большевиковъ.

2. *Активная* — съ формированіемъ подрывныхъ поѣздовъ, снабженныхъ всѣмъ необходимымъ подрывнымъ имуществомъ и жел.-дор. инструментомъ, а такъ же накатными (подъ уклонъ) платформами, съ большими (до 30 пудовъ) зарядами взрывчатаго вещества и ударными приспособленіями, дѣйствовавшими при столкновеніи съ поѣздомъ противника. Личный составъ поѣзда и обуродованіе его должны были позволить дѣлать набѣги, если не всѣмъ поѣздомъ, то спеціально выдѣленными для этого командами, въ раіоны занятые большевиками.

Минировать путь предполагалось у всѣхъ приграничныхъ жел.-дор. станцій по всей границѣ Области.

Поѣзда же (всего пять) должны были обслуживать линіи:

1-й *Алексиково-Царицынъ*,

2-й *Великокняжеская - Царицынъ*,

3-й *Жел. дороги Макѣевскаго угольнаго раіона*,

4-й и 5-й *Лихая -Чертково*, *Лихая-Царицынъ*, *Звѣрево-Дебальцево* и *Звѣрево-Родаково*.

Отсутствіе личнаго состава и взрывчатаго вещества въ должной мѣрѣ, не дало возможности выполнить планъ обороны.

Было приступлено къ формированію перваго подрывного поѣзда, который и былъ сформированъ въ серединѣ декабря 1917 года подъ командой поручика инженерныхъ войскъ Ермолаева и съ командой изъ юнкеровъ и добровольцевъ оть Добровольческой Арміи (тогда еще, кажется, Союза офицеровъ).

Поѣздъ имѣлъ запасъ жел.-дор. инструмента, 50 пудовъ динамита, подрывные электрическіе провода, аккумуляторныя батареи, приборы для испытанія проводовъ и запаловъ и проч. подрывное имущество. Состоялъ поѣздъ изъ вагона 2 класса для команды, теплущки-кухни, вагона-склада для инструмента и подрывного имущества и вагона-склада для динамита.

Отправленный на *ст. Каменскую* въ распоряженіе генерала Назарова

Къ статьѣ полк. В. Модраха.

«ОХРАНА ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЫ ДОНСКОЙ ОБЛАСТИ ВЪ 1917 ГОДУ».

Сейчасъ пронесся слухъ, что будто бы двѣ роты изъ Ростова заняли Батайскъ и не пускаютъ молочницъ — посланной туда казачьей части они объявили, что уступятъ только силѣ оружія.

Чуть не лозабылъ: вчера 20-го, съ утра, наши солдаты разобрали на протяженіи 200-300 саж. желѣзнодорожный путь въ налравленіи къ Новочеркасску, около Таганрогскаго проспекта, почему и не было цѣлый день поѣздовъ; подъ охраной казаковъ пути были исправлены и въ 6 час. вечера отсюда были отправлены первые поѣзда.

Это, такъ сказать, нашн мѣстныя новости — общія же, всероссійскія, таковы: захватъ Ставки матросами Крыленки, убійство ген. Духонина, уходъ Корнилова съ товарнщами по аресту и съ 4-мя сотнями текинцевъ изъ Быхова.

Навѣрное многіе молятся, чтобы ему удалось благополучно добраться къ намъ.

22 ноября.

Грозовыя тучи на нашъ Тихій Донъ собираются со всѣхъ сторонъ. Сегодня въ 16 часовъ оба транспорта съ матросней вышли изъ Таганрога, держа курсъ на Ростовъ. Войсковой Атаманъ приказалъ, если лопытаются высадиться вооруженными, стрѣлять.

На насъ же идетъ лѣхотный гарнизонъ Астрахани, который былъ обезоруженъ мѣстными казаками еще въ началѣ большевистской авантюры, но теперь вновь откуда то добылъ оружіе; идутъ черезъ Царицынъ.

Наконецъ, Ленинъ отправилъ изъ Петрограда нѣсколько эшелоновъ кронштадскихъ моряковъ съ карательными цѣлями на Донъ — они находятся въ лути уже дней 10-14, но гдѣ болтаются — неизвѣстно...

Я думаю — чортъ не такъ страшенъ, какъ его малюютъ. Тѣмъ не менѣе на Дону Войсковое Правительство пустило логоловный «сполохъ».

Это значитъ собираютъ стариковъ, чтобы они воздѣйствовали на казачью молодежь, которая заражается большевизмомъ. Поживемъ увидимъ. Сегодня имѣются лока слѣдующія нелровѣренные слухи, дошедшіе ло лроволокамъ*): близъ ст. Жлобинъ былъ бой между матросами, посланными для лоимки Корнилова (не тѣми ли, что были посланы лротивъ Дона, но съ лути лолучившими другое назначеніе) и вѣрнымъ ему ударнымъ батальономъ. Матроснѣ, будто-бы, здорово насылали.

Второе: будто бы, нѣмцами объявлены слѣдующія условія для леремирія: 1) Нашъ фронтъ отодвинуть на 100 верстъ, 2) Удалить генераловъ, неугодныхъ нѣмцамъ, замѣнивъ ихъ другимн, которыхъ они, нѣмцы, ука-

*) Обычное явленіе во время гражд. войны, являющееся результатомъ частныхъ переговоровъ телеграфныхъ чиновниковъ сосѣднихъ станцій.

жутъ (не германской ли службы?) и 3) Для выработки мирныхъ условій никакихъ уполномоченныхъ отъ насъ не требуется, такъ какъ эти условія будутъ диктоваться нѣмцами!

Vae victis! Что-то скажутъ на это г. г. Ленинъ, Бронштейнъ и вся эта компанія!?

Въ публикѣ паника: вклады изъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ усиленно выбираются, приходныя кассы въ казначействахъ и государственныхъ банкахъ сидятъ безъ дѣла — притока нѣтъ ни откуда, расходныя же кассы работаютъ во всю. Завтра изсякнетъ запасъ денежныхъ знаковъ. Войсковое Правительство готовитъ свои боны, но когда то выйдутъ они?...

Ко всѣмъ существующимъ голодамъ: сахарному, угольному, керосиновому, мануфактурному, обувному и другимъ, — прибавился еще одинъ: денежный! «Бывали хуже времена, но не было подлѣй!»

Знаете ли какъ называется въ просторѣчіи Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ, желающій управлять Россіей: «ЦЕНТРОХАМЪ».

23 ноября.

Сегодня въ три часа дня прибыли сюда, вооруженные пушками и пулеметами, три транспорта съ черноморскими моряками — по сто человѣкъ на каждомъ. Оказывается—затопленію баржъ въ фарватерѣ воспротивился начальникъ порта. На транспортахъ комиссаръ флота — іудейскаго типа. Отшвартовались около «Колхиды», вблизи мореходнаго училища, на которое немедленно навели свои орудія (семь); пока агрессивныхъ дѣйствій съ ихъ стороны не было.

Не легче и съ другой стороны: «Викжель» сдѣлалъ распоряженіе о пропускѣ блиндированнаго поѣзда съ балтійскими моряками изъ Харькова на Ростовъ — ожидается завтра...

Странно то, что сегодня на совѣщаніи членовъ военно-революціоннаго комитета съ генераломъ Потоцкимъ, они заявили, что «Центрохама» они не признаютъ — что же именно они признаютъ, осталось невыясненнымъ.

24 ноября.

Вчера состоялось соглашеніе между Войсковымъ Правительствомъ и С. С. и Р. Д., по которому послѣдній согласился возвратить реквизированные автомобили. Когда же одинъ изъ пострадавшихъ владѣльцевъ отправился за своимъ автомобилемъ, то ему заявили, что они исполнять обязательства соглашенія не намѣрены. Такимъ образомъ, положеніе безъ перемѣнъ.

Казаки и большевики другъ друга пугаютъ, но, очевидно, — другъ друга боятся.

Сегодня получили извѣстіе, что ваша дивизія назначается въ Донецкій бассейнъ, на охрану рудниковъ. Буду ждать пріятныхъ извѣстій отъ васъ.

25 ноября.

Событій здѣсь никакихъ и пока все спокойно. Черноморскіе моряки пришли сюда какъ будто бы для того, чтобы быть подальше отъ орудій Гебена и Бреслау. Сегодня они послали въ свой комитетъ телеграмму съ жалобой на Каледина, который разоружаетъ пѣхоту, красную гвардію и непокорныя казачьи части.

Подобные приказы дѣйствительно выпущены, но срока для сдачи оружія не назначено!...

Потоцкій объявилъ сегодня, что Ростовъ съ 22-го находится въ состояніи гражданской войны.

1-го декабря.

Цѣлую недѣлю не записывалъ — не до того было... А событія произошли вотъ какія: раньше телеграфъ охранялся казачьимъ карауломъ. 23 ноября была поставлена общая охрана: 12 казаковъ и столько же солдатъ большевиковъ. Въ ночь на 26 ноября, по распоряженію Потоцкаго, была сдѣлана попытка арестовать депутатовъ С. С. и Р. Д., засѣдавшихъ въ Марсѣ. Совѣтъ оказалъ сопротивленіе и въ перестрѣлкѣ были убиты: штабсъ-капитанъ, участвовавшій добровольцемъ въ отрядѣ казаковъ, и нѣсколько большевиковъ—въ томъ числѣ членъ Совѣта, нѣкто Кунда. Арестъ не удался, вслѣдствіе слабости казачьяго отряда.

Цѣлый день, 26-го ноября, по городу шла безтолковая стрѣльба изъ винтовокъ и револьверовъ, стрѣляли также орудія транспортовъ, по слухамъ — по Александровской станицѣ.

Около солдатскихъ бараковъ, на границѣ, построены окопы и проволочныя загражденія.

Объявленъ приказъ Каледина о разоруженіи и роспускѣ по домамъ пѣхотнаго гарнизона 252 и 255 пѣх. полковъ.

27-го началось наступленіе Каледина отъ Александровской станицы; цѣлый день гремѣлъ бой на границѣ Нахичевани; участвовали и орудія транспортовъ.

Теперь уже выяснилось, что наступали — офицерскій и юнкерскій батальоны — казаки шли неохотно и иногда совсѣмъ отказывались.

У большевиковъ принимали участіе въ бою матросы, единичные солдаты и красная с...ь.

Бой шелъ также возлѣ вокзала, гдѣ стоялъ Потоцкій со своимъ штабомъ и сотней казаковъ.

Пѣхотный гарнизонъ оказался, за все время, первый разъ послушнымъ: солдаты кучками, съ котомками и сундуками, но безъ оружія тянулись по Сѣнной, Пушкинской и Б. Садовой на вокзалъ. Телефонъ, телеграфъ и пути желѣзной дороги на Новочеркасскъ повреждены; по ночамъ грабежи

и убійства. Жители съорганизовываются въ домовые комитеты для самоохраны; всѣ, иногда женщины, отбываютъ часы караульной службы.

28-го утромъ вокзалъ сдался большевикамъ; Потоцкій со штабомъ попалъ въ плѣнъ и отправленъ на «Колхиду», гдѣ находится штабъ революціонныхъ войскъ; подъ Нахичеванью бой продолжается.

На телеграфѣ казачья охрана обезоружена и распущена, телеграфъ занятъ большевиками и такъ какъ контроль за телеграммами не установленъ, то работа не прерывается.

29-го сраженіе продолжается: хулиганская команда являлась трижды съ приказомъ штаба красногвардейцевъ объ арестѣ начальника телеграфной конторы Алешинскаго, но чины, угрожая забастовкой, отстояли его. Тѣмъ не менѣе, чтобы не подвергаться дальнѣйшимъ насиліямъ, Алешинскій скрылся.

Большевики заняли также наше новоустроенное радіо.

30-го ноября сраженіе продолжается. Въ Думѣ объявлено требованіе Каледина о безусловной сдачѣ большевиковъ и красногвардейцевъ, разоруженіи ихъ и объ уходѣ транспортовъ. Со стороны наступленія Каледина слышна сильная орудійная стрѣльба.

Рѣзкая перемѣна въ настроеніи казаковъ — остатки гарнизона объявили нейтралитетъ. Явившейся къ Каледину депутаціи отъ Городской Думы, имъ было сказано: «безусловная сдача, или завтра въ 2 часа мои казаки будутъ въ Ростовѣ. Стратегическое окруженіе закончено».

Начались бои у Олимпіадовки.

2 декабря.

Въ часъ ночи арестованъ Зеелеръ. Началось энергичное наступленіе казаковъ со всѣхъ сторонъ и, въ 2 часа дня, казаки уже были на Сѣнной площади Ростова. Къ 4 часамъ бой окончился: Ростовъ и Нахичевань были во власти Каледина. «Колхида» и транспорты ушли за желѣзнодорожный мостъ. Красные и остальной сбродъ обезоруживаются.

3 декабря.

Ночью «Колхида» брошена командою—остались 8 матросовъ украинцевъ, генералъ Потоцкій, Зеелеръ и 10 офицеровъ, которые утромъ освобождены. Транспорты, воспользовавшись густымъ туманомъ, удрали въ Таганрогъ, гдѣ стараются поднять чернь по ростовскому образцу. Здѣсь продолжается разореніе разнаго сброда.

4 декабря.

Пронесся слухъ будто бы казачій разъѣздъ задержалъ Сырцова, къ сожалѣнію, слухъ этотъ не подтвердился...

.....?

РУССКАЯ ЗАГРАНИЧНАЯ
БИБЛІОТЕКА
ВЪ БѢЛГРАДѢ

СЪ ЧЕХОСЛОВАЦКИМИ ЛЕГІОНАМИ ОТЪ ВОЛГИ ДО ТИХАГО ОКЕАНА.

«...Люби Правду, храни Правду, стой за Правду ажъ до смерти»...
(Слова Яна Гуса на его памятникѣ, на Старомѣстской площади въ Прагѣ Чешской).

Съ особымъ чувствомъ я приступаю къ этимъ строкамъ и прошу у Бога помощи, дабы Онъ далъ мнѣ возможность, по мѣрѣ снлъ и разумѣнія, какъ можно спокойнѣе и безпристрастнѣе отнестнсь ко всему пережитому, о которомъ я, здѣсь, поведу свое повѣствованіе.

Не въ судъ нли въ осужденіе кого либо пишу я эти строкн, не изъ желанія возбудить чье либо любопытство, и не въ расчетѣ на дешевую сенсацію приступаю я къ этому труду, а по чувству долга, какъ патріотъ своей Страдалицы-Родины, и какъ человѣкъ, исполненный братскихъ славянскихъ чувствъ къ Чешскому Народу, гостепріимствомъ котораго я, волей нли неволей, пользовался, и которымъ пользуются еще и сейчасъ многіе русскіе люди, главнымъ образомъ, учащаяся молодежь, профессора и пнсатели.

Быть можетъ этн строки вызовутъ м а л о д у ш н о е волненіе среди Пражской русской колонін, но волненіе это, я, лично, счелъ бы излишнимъ, такъ какъ я не намѣренъ сводить съ кѣмъ либо личные счеты. Я лишь собираюсь, по возможиости объективнѣе, бросить взглядъ на недавнее прошлое, которое насъ непосредственно касается и на событія, свидѣтелемъ н участникомъ которыхъ я былъ съ момента прихода Чехословацкихъ легіоновъ въ Казань, и дальше, по Снбирской магистрали, до береговъ Тнхаго океана.

Прн этомъ я долженъ оговориться, что всѣ тѣ немногіе документы, которымн я располагаю — документы совершенно случайно у меня задержавшіеся, ибо будучн весьма дружески настроенъ къ братьямъ чехамъ и, относясь къ нимъ искренне и по братски, я иикогда и въ мысляхъ не имѣлъ собирать противъ иихъ какіе либо документы. Да и то, что я имѣю, сохранилось лишь какнмъ то чудомъ, тѣмъ болѣе, что въ Чехословакіи я жилъ

подъ постоянной угрозой обыска, при чемъ послѣдній и былъ, наконецъ, произведенъ у меня 10 марта 1924 года.*)

I.

Для того, чтобы читателямъ были яснѣе мои взаимоотношенія съ Чехословацкими легіонерами, я вынужденъ начать именно съ описанія этихъ взаимоотношеній и съ того времени, когда, наконецъ, исполнилось мое завѣтное желаніе — увидѣть настоящихъ сыновей моего любимаго чешскаго героя Яна Гуса. Образъ этого славянскаго мученика не разъ вставалъ передо мной въ ореолѣ своихъ страданій за Чешскій народъ, за его Вѣру и Свободу. И вотъ, будучи эвакуированъ изъ Дѣйствующей Арміи въ Кіевъ, въ 1915 году я, подъ вліяніемъ празднества въ память пятисотлѣтней годовщины со дня мученической кончины Яна Гуса, рѣшилъ посвятить ему свои строфы въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ драматическихъ картинахъ, которыя впослѣдствіи были передѣланы мною въ 5-ти актную пьесу, подъ руководствомъ извѣстнаго профессора слависта Казанскаго Университета Н. М. Петровскаго (скончавшагося потомъ отъ голоднаго тифа).

Первая встрѣча съ чехословацкими легіонерами произошла въ то время, когда моя драма «Янъ Гусъ» уже освободилась отъ цензурнаго запрета, а я самъ, какъ и всѣ русскіе люди, — находился въ тяжеломъ положеніи — подъ властью большевиковъ и, конечно, вмѣстѣ съ родной Казанью и всѣмъ Поволжьемъ, радовался успѣхамъ Чехословацкихъ легіоновъ, идущихъ на помощь своей старшей славянской сестрѣ—Россіи, еще такъ недавно освободившей — однихъ славянъ отъ тысячелѣтняго чужестраннаго ига, другихъ отъ угрозы порабощенія.

Въ это время, я уже былъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ представителями мѣстной чешской колоніи, главнымъ образомъ, съ соколами, посѣтившими первое чтеніе моей драмы «Янъ Гусъ» артистами мѣстнаго театра, — въ стѣнахъ родного мнѣ Казанскаго университета. Въ то же время, артистами того же театра была прочитана и другая моя историческая пьеса «Ливонскіе рыцари» («Меченосцы»), которая, еще будучи поэмой, была просмотрѣна и одобрена моимъ учителемъ по творчеству, поэтомъ К. Р., многочисленныя письма котораго за десятилѣтній періодъ я сохранилъ и до сего времени, какъ драгоцѣннѣйшую память объ этомъ свѣтломъ человѣкѣ и поэтѣ.

---

*) Несмотря на тщательные поиски комиссаровъ тайной полиціи — обыскъ былъ безрезультатнымъ. На мой недоумѣнный вопросъ — о причинѣ обыска, полицейскіе сыщики отвѣтили мнѣ буквально слѣдующее — что я подозрѣваюсь въ черченіи этнографической карты Карпатской Руси, на предметъ отдѣленія ея отъ Чехословацкой Республики. При чемъ я, будто бы, дѣлаю это не одинъ, а вмѣстѣ съ Ив. Заикинымъ (извѣстный борецъ-волжаниянъ, обладающій природнымъ умомъ, но, вслѣдствіе, малограмотности, съ трудомъ подписывающій свое имя!).

Чтеніе этихъ произведеній, проникнутыхъ любовью къ Родинѣ и Славянству и при этомъ — чтеніе публичное, было однимъ изъ способовъ моей дѣйственной борьбы съ большевиками*), и устраивая эти чтенія, какъ разъ почти наканунѣ занятія Казани чехами, я, конечно, рисковалъ не малымъ...

Какъ сейчасъ я вижу картину занятія Казани Чехословацкими легіонерами. Съ какимъ восторгомъ все населеніе города Казани, отъ мала до велика, встрѣчало своихъ избавителей — братьевъ Чехословаковъ, Сербовъ и отрядъ Русской Народной Арміи, пришедшихъ съ бѣлыми повязками на рукавѣ!

Съ какой поспѣшностью, равной паникѣ, бѣжали коммунисты изъ Казани въ разныя стороны — неуспѣвшіе убѣжать бросали оружіе, падали на колѣни, плакали, просили пощады!..

Во главѣ всего Волжскаго фронта стоялъ, здравствующій и по нынѣ, начальникъ военной канцеляріи Чехословацкаго Президента Т. Г. Масарика, — генералъ Чечекъ.

Во главѣ 1-го Чешскаго стрѣлковаго имени Яна Гуса полка, стоялъ доблестный командиръ, въ то время только поручикъ, а потомъ полковникъ Швецъ, храбрый и честный воинъ, любившій Россію горячей неподкупной любовью, рвавшійся освободить ее отъ большевистскихъ путъ.

Во главѣ Сербскаго отряда стоялъ доблестный воевода Благотичъ, вскорѣ погибшій смертью храбрыхъ за Россію, Сербію и все Славянство, въ неравныхъ бояхъ подъ городомъ Свіяжскомъ. Какъ сейчасъ вижу его гробъ на лафетѣ, буквально утопавшій въ цвѣтахъ, славянскихъ лентахъ и многочисленныхъ вѣнкахъ — это провожали на мѣсто вѣчнаго упокоенія героя-славянина, помнившаго свой долгъ и оставшагося вѣрнымъ до конца матери Россіи.

Русскимъ отрядомъ командовалъ полковникъ Степановъ; сюда же входилъ и только что созданный добровольческій отрядъ доблестнаго героя Каппеля.

Все это движеніе возглавлялось Комитетомъ Учредительнаго Собранія, съ помощникомъ военнаго министра эсъ-эромъ Лебедевымъ и эсъ-эрами — Фортунатовымъ, Брушвитомъ и другими.

Еще за долго до выступленія чеховъ, къ намъ, на берега Волги, летѣли вѣсти о чемъ то важномъ, о какомъ то торжественномъ событіи... И когда это совершилось, то почувствовалось, что наступилъ, дѣйствительно, торжественный моментъ, впослѣдствіи выдвинувшій много и героическихъ и предательскихъ именъ — именъ запечатлѣнныхъ исторіей. Эти имена передавались въ то время изъ устъ въ уста и, какъ эхо,

*) Такъ же открыто я боролся, когда редактировалъ журналъ «Къ Свѣту» — органъ Казанскаго Губернскаго Союза Увѣчныхъ Воиновъ, недопуская печатать ни большевистскихъ декретовъ, ни статей.

отзывались по всей Россіи, и волновали сердца обывателя, жаждавшаго прихода избавителей отъ коммунистическаго ига. Но что они несли Русскому Народу — ие было извѣстно...

А слухи шли, набѣгали, разростались и, иакоиецъ, свершилось!

Была взята Самара, затѣмъ Симбирскъ — настала очередь и Казаии. Волненіе среди населенія усилилось: одни говорили, что подошли баидиты, другіе отвѣчали, что идутъ освободители, иесущіе закоиъ, порядокъ и хлѣбъ...

Но вотъ стихла орудійная и ружейная стрѣльба — вошли избавители... Жизнь казаицевъ начала выпрямляться, какъ выпрямляется цвѣтокъ изъ подъ давившаго его камня; лица гражданъ до того хмурыя, забитыя — повеселѣли и опять затрепетала, какъ выпущенная на свободу птица, повседневиая жизнь.

Къ сожалѣнію, это состояніе длилось недолго — былъ упущенъ важный моментъ закрѣпленія взятыхъ позицій. Вмѣсто этого — начались безконечные митинги, всевозможныя собраиія, засѣданія, резолюціи, голосованія и все то, что, въ концѣ концовъ, явилось одиой изъ важнѣйшихъ причинъ иеудачъ въ борьбѣ съ большевиками. — Чувствовалась безсистемность, иеумѣстная нервозиость, суетливость... Все это остановило порывъ, движеніе впередъ, а самое главиое, не былъ захваченъ желѣзнодорожный мостъ у Казани, дабы пресѣчь накапливаніе большевистскихъ силъ.

А между тѣмъ опять начались бои; большевики, бѣжавшіе вначалѣ безъ оглядки при одномъ имени «чехи», понемногу оправились, ибо первый ударъ, который былъ настолько ошеломляющимъ своей неожиданностью, что, при условіи дальнѣйшаго его развитія, чешскіе, сербскіе отряды и русская добровольческая Народная Армія могли бы, чуть ли ие на плечахъ бѣгущихъ коммунистовъ, выйти на Московскую дорогу и покрыть себя иеувядаемой славой — этотъ первый ударъ не былъ своевременно развитъ и это ие случилось по многимъ причинамъ.

Я, лично, считаю эти причины слѣдующими: 1) отсутствіе опредѣлеиаго заданія у руководителей движенія, 2) полная неспособность поставить дѣло не на митинговую, а иа серьезную, чисто воениую почву, 3) не было дано населенію дѣйствительиой увѣренности въ правотѣ этого дѣла изъ за безконечной расплывчатости лозунговъ, провозглашаемыхъ иа митингахъ и въ воззваніяхь, 4) отсутствіе единой руководящей авторитетиой воли у главиокомандованія, такъ какъ геиералъ Чечекъ не былъ популяренъ среди русскаго населеиія и отрядовъ, а, слѣдовательиио, и не имѣлъ достаточиаго авторитета, 5) открытый вывозъ золотого запаса изъ кладовыхъ государственнаго казначейства и переводъ его въ депозитъ эсъ-эровскаго «Комуча». Послѣдиее послужило однимъ изъ сильнѣйшихъ средствъ пропаганды большевиковъ, во миожествѣ оставшихся въ Казани, вслѣдствіе

опять таки не достаточнаго устройства административнаго аппарата и непріятія соотвѣтствующихъ мѣръ, какъ для борьбы съ этими элементами, такъ и для борьбы съ ихъ пропагандой.

Большевики распространяли слухи, что чехи и эсъ-эры пришли не для освобожденія Казани, а для вывоза русскаго народнаго достоянія — русскаго золота, и что они это продѣлаютъ и въ другихъ городахъ. Эта пропаганда возымѣла свое дѣйствіе и въ сильной мѣрѣ воспрепятствовала дальнѣйшему притоку добровольцевъ.

Такъ какъ ни уговариванія, ни воззванія, ни митинги не помогали, то въ отношеніи мѣстнаго крестьянскаго населенія были приняты к р у т ы я м ѣ р ы — вплоть до насильственной мобилизаціи крестьянъ с ъ у г р о з а м и р а з с т р ѣ л а дезертировъ.

Но населеніе въ своей массѣ оставалось глубоко равнодушнымъ къ различнаго рода «демократическимъ» призывамъ, ибо оно уже одинъ разъ больно обожглось на этихъ лозунгахъ; и дѣйствительно, сулили ему и красный рай, и братство, и равенство, и свободу, и землю, и волю, а вмѣсто этого они получили цѣпи рабства и неслыханный гнетъ III Интернаціонала. Очевидно, крестьяне и рабочіе, помнили пословицу: «извѣрившись въ рублѣ, не повѣрятъ и въ иглѣ» и оставаясь безразличными, думали свою думу, тяжелую, непроницаемую...

II.

А бои подъ Казанью развивались, становились упорнѣе, ожесточеннѣе, силы большевиковъ увеличивались, а наши слабѣли. Появились убитые и раненые — много раненыхъ. Общеславянская кровь какъ бы вѣнчала великій подвигъ четырехъ братскихъ славянскихъ народовъ: русскихъ, сербовъ, чеховъ и словаковъ. Единственный разъ за все время борьбы эта кровь братскаго единенія славянскихъ народовъ являлась яркимъ символическимъ лучемъ въ наступившей затѣмъ тьмѣ деморализаціи, охватившей Чехословацкіе легіоны, когда они, послѣ героическихъ подвиговъ, покатились отъ береговъ Волги назадъ и когда, на всѣ просьбы о помощи, ихъ «вожди» со спокойствіемъ, граничащимъ съ цинизмомъ, отвѣчали: «Мы не вмѣшиваемся въ русскія дѣла, наша политика — рельсы». (Т.Г. Масарикъ).

Но еще не было произнесено этихъ предательскихъ словъ, еще на чехахъ и словакахъ почивалъ великій духъ героевъ Зборова и Бахмача, и они еще дрались какъ соколы, мужественно отбиваясь отъ чернаго воронья — интернаціональныхъ силъ, среди которыхъ было не мало мадьяръ, латышей, австрійцевъ и нѣмцевъ, переодѣтыхъ въ красноармейскую форму и организованныхъ въ особые отряды въ мѣстахъ нахожденія бывшихъ австрійскихъ и германскихъ консульствъ, при чемъ пріемъ и запись въ эти отряды велась именно въ помѣщеніяхъ этихъ консульствъ.

Среди чеховъ особенно выдѣлялся изъ командировъ доблестный Швецъ — всегда въ бою, всегда на позиціи... Вѣдь только искреннее удивленіе передъ подвигами чехословаковъ и искренняя любовь къ нимъ могли вдохновить слѣдующія строфы, посвященнаго имъ стихотворенія, которымъ открывалась первая страница моей книги «Янъ Гусъ».

БРАТЬЯМЪ ЧЕХО-СЛОВАКАМЪ.

(*Посвященіе*)

Благословенъ Вашъ славный путь
Къ зарѣ величья и свободы,
Гдѣ, послѣ долгой непогоды,
Вамъ можно будетъ отдохнуть.
Погибнувъ въ пламени костра,
Янъ Гусъ живетъ средь васъ вѣками...
Чу! Вдохновенными устами
Онъ говоритъ: «Пришла пора».
Пришла пора! И ожилъ вновь
Славянскій духъ, о братья, чехи!
На полѣ битвъ звенятъ доспѣхи
Бойцовъ за Правду и Любовь...
Пусть бой жестокъ! Самъ Богъ за насъ!
Пусть сѣетъ смерть, вражду и стоны, —
Трепещутъ хищные тевтоны, —
Суда и мести близокъ часъ...
Когда жъ умолкнетъ звонъ мечей,
Въ святомъ порывѣ возрожденія,
Взойдетъ заря освобожденья
Въ сіяньѣ радостныхъ лучей...
О вѣрьте, братья! Часъ придетъ,
Когда свободный и счастливый,
Въ святомъ трудѣ надъ вольной нивой
Народъ Богемскій процвѣтетъ...

1918 г. Казань.

Эти строки, излившіяся изъ моего искренне любящаго сердца, я думаю, вполнѣ ограждаютъ меня отъ какого бы то ни было подозрѣнія въ мотивахъ, заставившихъ приступить къ составленію этого труда. Повторяю, что только искренняя любовь къ чехословакамъ диктуетъ мнѣ эти строки, только искренній голосъ брата и друга заставляетъ меня стать ближе къ правдѣ въ отношеніи тѣхъ событій, кровью связанныхъ съ судьбами моей Родины, въ

которыхъ они принимали участіе и предостерегающе крикнуть имъ: — «Братья, Чехи! Посмотрите на свой путь, завѣщанный вамъ вашими великими вождями Яномъ Жижкой, Яномъ Гусомъ и другими, поставившими на міровую высоту чешское имя! Осмотритесь! Ибо вашъ теперешній путь, путь братанья вашего Правительства съ большевистскими комиссарами — агентами III Интернаціонала, какъ это недавно имѣло мѣсто на VIII Сокольскомъ слетѣ въ Прагѣ Чешской, — путь невѣрный, не славянскій путь, путь оскверняющій могилы вашихъ сыновей и братьевъ, павшихъ смертью храбрыхъ на берегахъ Волги, въ горахъ Алтая и Урала, путь сводящій на-нѣтъ подвиги этихъ славянскихъ соколовъ и накрѣпко закрывающій двери въ грядущую послѣбольшевистскую Возрожденную Россію».

И я буду счастливъ, я буду считать свою цѣль достигнутой, если этотъ мой зовъ коснется хоть одного еще вѣрнаго Россіи и Славянству сердца чеха и заставитъ это сердце забиться искренней, неподкупной, дѣйственной любовью къ старшей славянской сестрѣ — Россіи, нынѣ всѣми покинутой и преданной — не только своими союзниками, но и братьями — за освобожденіе которыхъ вѣками кровоточила Россія, нынѣ страдающая въ цѣпяхъ неслыханнаго рабства.

Душой и вдохновителемъ русскаго отряда на Волгѣ былъ молодой офицеръ Каппель; его добровольческій отрядъ, состоящій большей частью изъ офицерства, студенчества и гимназической молодежи, дѣлалъ чудеса храбрости. Онъ держалъ въ страхѣ большевистскія силы и оборонялъ до послѣдней возможности весь, такъ называемый, Услонскій раіонъ, на другомъ берегу Волги, отгоняя съ помощью одной лишь пушки большевистскія банды — не только на сушѣ, но и на рѣкѣ. Этимъ-то воднымъ путемъ большевики и думали воспользоваться и, высадивъ десантъ, разъединить молодецкій отрядъ Каппеля съ главными силами и, окруживъ, ничтожить. Но каждый разъ Каппель, неожиданнымъ контръ-наступленіемъ, разрушалъ ихъ планы и часто бывало, что поддержанный нашей небольшой рѣчной флотиліей, обращалъ, какъ наступавшія съ суши, такъ и съ Волги большевистскія во много разъ лучше вооруженныя суда и пѣшіе отряды въ бѣгство.

Но время шло, Каппелевскія силы таяли, а помощь не приходила. Какіе только слухи не ходили въ то время объ этой помощи! Дошло до того, что ожидали, съ часу на часъ, прихода нѣсколькихъ союзническихъ дивизій, главнымъ образомъ, почему то японскихъ...

Дѣйствительность показала иное — вмѣсто ожидаемыхъ союзническихъ войскъ, съ позицій прибывали все новые и новые раненые, а большевики все больше и больше наглѣли — наглѣли и нѣмецкіе аэропланы, которые все чаще и чаще дѣлали налеты на беззащитный городъ, сбрасывая бомбы

110

очень большой силы; жертвами этихъ цивилизованныхъ варваровъ являлись большей частью дѣти, жеищины, старики со старухами. Какъ сейчасъ, помню иеподдѣльное горе одной вдовы-матери, дочь которой, шедшая на свой ежедневиый заработокъ — репетиторскій урокъ, и кормившая этимъ заработкомъ мать — была убита одной изъ бомбъ, сброшенныхъ съ аэроплана иа беззащитныхъ жителей рукой культурнаго варвара.

А между тѣмъ число ранеиыхъ все увеличивалось и, наконецъ, рѣшено было серьезно заняться этимъ вопросомъ. Подъ госпиталь,или вѣриѣе перевязочный пунктъ,было отведено Дворянское Собраніе, тамъ же была стоянка ночного дежурства внутренней стражи милиціи, несшей службу по отдѣльнымъ, разбросаннымъ по всему городу постамъ, иа случай безпорядковъ или оказанія помощи и въ качествѣ резерва войскамъ, находящимся на позиціяхъ; какъ инвалидъ Великой Войны, я тоже получилъ назначеніе — начальника одного изъ сторожевыхъ постовъ внутренней охраны. Помощь этой охраны понадобилась въ послѣдній критическій моментъ защиты Казани. Но что могли сдѣлать инвалиды, преподаватели средне-учебныхъ заведеній, профессора университета и т. п., противъ регулярныхъ иѣмецко-латышско-мацьярскихъ войскъ, среди которыхъ были и чешскіе коммунисты, поднявшіе братоубійственную руку не только на единокровиыхъ братьевъ русскихъ, но и на единоутробныхъ братьевъ чехословаковъ, сражавшихся на нашей сторонѣ!

Чтобы достать необходимыя деньги для ухода за ранеными, на лѣкарства и перевязочныя средства, которыхъ далеко не хватало, рѣшено была устроить день сбора и наименовать его «Днемъ Народной Арміи».

Нужно при этомъ отмѣтить, что значительную помощь раненымъ, въ свое время, оказалъ 5-й Чехословацкій санитарный поѣздъ со своими летучками, который обслуживалъ обширный раіонъ отъ Екатеринбурга до Сызрани и Казани. Я думаю вполнѣ умѣстной и ие лишенной интереса будетъ краткая историческая справка о созданіи Чехословацкихъ санитарныхъ поѣздовъ*).

Передъ выступленіемъ противъ большевиковъ, 1-я Чешская дивизія находилась въ раіонѣ гор. Пензы, а именно: 1-й, 4-й и Запасный полки и два эшелона добровольцевъ. Въ Кузнецкѣ и Сызрани находились эшелоны артиллеріи; 3-й, 2-й и 1-й эшелоны 1-го Яна Гуса полка стояли въ то время въ раіонѣ Челябинска. Санитарный эшелонъ № 1-й, обслуживающій 1-ю дивизію, былъ назначенъ на стоянку въ Челябинскъ — пунктъ наиболѣе безопасный. Такимъ образомъ, такъ называемая, «Пензенская группа» осталась безъ санитарнаго поѣзда. Околодки при эшелонахъ были болѣе чѣмъ недостаточны — безъ перевязочнаго матеріала

*) Эта справка дана мнѣ Н-комъ санит. эшелона въ гор. Николаевскѣ, куда я былъ приглашенъ чехами для осмотра ихъ санитарныхъ учрежденій.

и медикаментовъ. При этихъ тяжелыхъ санитарныхъ условіяхъ и началась борьба съ большевиками. Нужно было найти какой то выходъ изъ создавшагося положенія и наладить подачу помощи раненымъ Чехословацкимъ легіонерамъ, которыхъ, къ тому же, предвидѣлось большое количество. Чехословацкіе врачи, стараясь разрѣшить эту трудную въ санитарномъ отношеніи задачу, немедленно приступили къ дѣлу организаціи съ неослабѣвающей энергіей и любовью къ страдающимъ.

Первенствующее мѣсто между ними, какъ своей плодотворной дѣятельностью, такъ и неутомимой энергіей, занялъ дивизіонный врачъ 1-ой дивизіи д-ръ Панекъ. Ему удалось, при очень тяжелыхъ условіяхъ, почти изъ ничего, подъ обстрѣломъ, создать небольшой санитарный эшелонъ, состоящій изъ трехъ классныхъ вагоновъ и одного вагона-теплушки — перевязочной. Но этого было, конечно, недостаточно и, вмѣстѣ съ возрастающимъ наплывомъ раненыхъ, началъ ощущаться недостатокъ мѣстъ, а также и недостатокъ перевязочныхъ матеріаловъ.

Къ счастью, 4-го іюня, въ Липягахъ, удалось отбить у большевиковъ кое-какъ оборудованный поѣздъ № 97, носящій почему-то названіе — «Поѣздъ имени русскаго солдата» — я потому говорю «почему то», что это было въ то время, когда понятіе «русскій» и все съ нимъ связанное: Русское Государство, его славное прошлое, его исторія, религія и т. п. — преслѣдовались, а почетное и понятное званіе солдатъ, замѣнено неуклюжимъ и непонятнымъ «красноармеецъ».

Послѣ взятія Самары съ дальнѣйшимъ продвиженіемъ по Волгѣ, вслѣдствіе разрозненности фронта, постепенно выдѣлялись изъ Пензенскаго санитарнаго эшелона, насчитывавшаго въ свое время 21 классный вагонъ, по нѣсколько отдѣльныхъ классныхъ теплушекъ и санитарныхъ летучекъ, снабженныхъ всѣмъ необходимымъ, — число ихъ доходило въ октябрѣ мѣсяцѣ до 5-ти.

Въ августѣ мѣсяцѣ врачемъ этого поѣзда былъ назначенъ д-ръ Янцикъ. Подъ его управленіемъ были оборудованы больницы въ г.г. Уфѣ и Златоустѣ, за счетъ этого же, такъ широко развернувшагося, поѣзда; кромѣ того, была устроена прифронтовая прачешная и мастерскія, обслуживающія своими средствами все, подлежащее ремонту.

Съ 28-го мая, за все время боевъ на Волгѣ, было принято поѣздомъ 4165 раненыхъ и больныхъ, которыхъ нужно было не только кормить, но и частью одѣвать, такъ какъ раненые, по заявленію чехословацкаго врача д-ра Янцика, приходили съ фронта зачастую въ одномъ только лишь бѣльѣ...

Невольно склонишь голову предъ этимъ скромнымъ, но великимъ въ своей скромности, подвигомъ неусыпнаго труда и самоотверженія такихъ труженниковъ, какъ д-ра Панекъ и Янцикъ.

Но они могли, какъ мы видѣли, въ условіяхъ чрезвычайной напряжен-

ности, обслуживать только лишь Чехословацкіе легіоны. Намъ же, русскимъ, о своихъ раненыхъ приходилось думать самимъ.

И вотъ въ теченіе 6-8 августа 1918 года былъ организованъ «День Народной Арміи».

III.

Организація «Дня Народной Арміи», имѣющая цѣлью оказаніе широкой помощи раненымъ и больнымъ воинамъ, къ слову сказать, являлась чуть ли не единственнымъ положительнымъ достиженіемъ во всей хаотической, безсистемной и нервозной дѣятельности «Комуча» въ Казани.

«День Народной Арміи» открылся парадомъ войскъ, свободныхъ отъ служебныхъ нарядовъ.

Какъ сейчасъ вижу молодцевато-подтянутый отрядъ чеховъ, отвѣчающихъ на привѣтствіе начальствующихъ лицъ дружнымъ славянскимъ: «Наздаръ!».

А вотъ смуглые, загорѣлые сербы, волею Провидѣнія, поставленные бокъ-о-бокъ со своими братьями русскими и чехами, въ борьбѣ противъ общаго врага. — «Живіо» — несется изъ ихъ рядовъ.

Величественную и незабываемую картину представляли русскіе борцы, изображавшіе древнихъ русскихъ богатырей. Среди нихъ былъ борецъ всероссійской извѣстности Иванъ Заикинъ (Добрыня Никитичъ), а также извѣстные борцы Климовъ — Святогоръ*) (Илья Муромецъ), Дмитріевъ (Алеша Поповичъ) и рядъ другихъ.

Были составлены и всюду распространены воззванія. Въ одномъ изъ наиболѣе характерныхъ по тому времени интересно отмѣтить слѣдующія слова объ Учредительномъ Собраніи:

«Знайте всѣ, что Учредительное Собраніе будетъ имѣть равные голоса и палаты, какъ одного класса, такъ и другого.

Услышьте всѣ, что Учредительное Собраніе — избранники равнаго народа будутъ одинаковы для всѣхъ, а потому узнайте другъ друга, и бѣдный и богатый — всѣ братья и сыны Русской Земли».

Заканчивается это воззваніе поистинѣ трагическимъ возгласомъ:

«О, Матушка Земля Родная, пошли намъ Минина и Пожарскаго!»

Закипѣла работа. Во дворцѣ бывшаго Командующаго Войсками Казанскаго Военнаго Округа генер. Сандецкаго, среди ряда разныхъ комиссій, засѣдала и комиссія культурно-просвѣтительная. Эта комиссія и возложила на меня задачу организовать литературный вечеръ въ Казанскомъ Городскомъ театрѣ, что и было съ успѣхомъ выполнено, при горячемъ откликѣ, какъ артистовъ, такъ и дирекціи этого театра.

---

*) За участіе въ «Днѣ Нар. Арміи» Климовъ былъ разстрѣлянъ большевиками.

Этотъ вечеръ-концертъ начался исполненіемъ чешскаго и сербскаго гимновъ и марсельезы, а вся программа была посвящена славянской музыкѣ и славянскимъ произведеніямъ, и памяти Яна Гуса.

Городской театръ былъ переполненъ: и аристократъ, и послѣдній рабочій — всѣ принесли свою лепту «Дню Народной Арміи».

Вечеръ-концертъ закончился американской лотереей, гдѣ публика, подъ вліяніемъ охватившаго ее жертвеннаго порыва, отдавала рядъ цѣнныхъ вещей, которыя тутъ же и разыгривались, при чемъ нѣкоторыя русскія дамы снимали даже обручальныя кольца и серьги и жертвовали ихъ въ пользу семействъ убитыхъ сербовъ и чехословаковъ.

Говоря объ этомъ фактѣ, я не хочу подчеркивать этимъ какой либо особенный подвигъ — просто я не могу пройти мимо этого явленія, ярко иллюстрирующаго тотъ порывъ и воодушевленіе, которыми были встрѣчены чехи, какъ братья, какъ герои-освободители...

Какъ это ни грустно, но нужно подчеркнуть, что меньше всего, на призывъ жертвовать въ пользу больного и раненаго, отозвались имущіе классы — казанское купечество, которое, за рѣдкими исключеніями, нехотя развязывало свою мошну; были неоднократные случаи, когда, сидѣвшіе на золотыхъ милліонахъ, купцы давали не больше какъ... керенку... двадцати или сорока рублевую — измятую, изорванную... Стыдно вспомнить — Мининыхъ не было, да что то не видно ихъ и по сегодняшній день, хотя заграницей и живутъ русскіе банкиры финансисты и торгово-промышленники съ многомилліонными капиталами въ крѣпкой валютѣ.

Богъ послалъ намъ теперь князя Пожарскаго въ лицѣ Е. И. В. Великаго Князя НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА, но Мининыхъ какъ то, по прежнему, не находится, и пуста казна Великаго Князя — «Фондъ Спасенія Россіи». Помощь же больному и раненому воину-инвалиду составляется изъ скудныхъ средствъ, кровно заработанныхъ тяжелымъ трудомъ тѣхъ же простыхъ русскихъ патріотовъ эмигрантовъ: офицеровъ, солдатъ, казаковъ — молодежи, работающей въ рудникахъ, на заводахъ, на постройкахъ дорогъ — не брезгающей никакой черной работой и крѣпко вѣрующей въ грядущее освобожденіе Россіи.

И помню я — плохо кончили казанскіе и волжскіе торгово-промышленники. Ограбленные до нитки большевиками, многіе изъ нихъ окончили жизнь въ кровавыхъ подвалахъ палача Дзержинскаго, а иные прибѣжали искать защиты опять таки у того же раздѣтаго, голоднаго русскаго добровольца, въ помощи которому они отказали въ тотъ именно моментъ, когда онъ отстаивалъ не только Свободу, Права и Честь своей Родины, но и ихъ с о б с т в е н н о е достояніе.

Грустная и печальная страница, не къ чести русскихъ имущихъ клас-

совъ, послужившая одной изъ главнѣйшихъ причинъ неудачъ національной борьбы съ III-мъ Интернаціоналомъ на всѣхъ добровольческихъ фронтахъ.

Между тѣмъ событія развивались далеко не въ пользу нашу, иначе говоря, приближался роковой моментъ подведенія итога тѣмъ непоправимымъ ошибкамъ, которыя были допущены главарями движенія на Волгѣ.

Эти роковые итоги пришли неожиданнѣе, чѣмъ можно было бы расчитывать; развязку ускорилъ мятежъ — выступленіе рабочихъ Пороховской Слободы и Алафузовскихъ заводовъ.

Никто не ожидалъ, что Казань — главный городъ Поволжья, будетъ такъ быстро и внезапно сданъ, но, къ сожалѣнію, фактъ совершился.

Хотя рабочіе Пороховской Слободы и Алафузовскихъ заводовъ и были усмирены, хотя по улицамъ города, за подписью городского головы Корсакова (бывшаго уѣзднаго предводителя дворянства), и расклеивались воззванія отъ имени В. Лебедева, что Казани никакая опасность не угрожаетъ и что населеніе призывается спокойно заниматься своимъ ежедневнымъ трудомъ, — повсюду, тамъ и тутъ, чувствовалось приближеніе роковой развязки.

И она наступила скорѣе, чѣмъ ожидали, именно въ силу тѣхъ причинъ, которыя могли бы быть легко устранимы, если бы руководителемъ былъ не дилетантъ — морской министръ Керенскаго, а лицо опытное, авторитетное, разбирающееся въ обстановкѣ и заботящееся не о партійныхъ выгодахъ, а о пользѣ страждущаго Отечества и прежде всего только о немъ.

Вѣдь вотъ, напримѣръ, тотъ же городъ Уральскъ, пунктъ сравнительно небольшой и не обладающій такими разносторонними средствами защиты — могъ же держаться гораздо дольше...

Объясняется это, повторяю, тѣмъ, что руководители изъ «Комуча» не поняли и неоцѣнили достаточно всей важности г. Казани, какъ главнаго и опорнаго пункта всего Поволжья, да, откровенно сказать, и не до этого имъ было: съ утра до ночи и съ ночи до утра митинги, засѣданія, собранія и опять митинги, — на которые допускались въ оппоненты ораторы съ явно коммунистической окраской, — отнимали у нихъ все дѣловое время.

Большевики — наоборотъ, понявъ огромное значеніе Казани, воспользовались пустоболтаніемъ вождей противной стороны и заняли весьма важный стратегическій пунктъ — переправу черезъ Волгу, укрѣпили въ то же время свои позиціи противъ Казани: окопами, проволочными заграждеіями и могущественной артиллеріей — вотъ почему всѣ усилія незначительнаго гарнизона Казани отбросить большевиковъ и развить дальнѣйшій успѣхъ, оказались запоздавшими и осуществлены быть не могли.

Если бы во главѣ движенія стояли люди соотвѣтствующаго опыта и знаній, они бы поняли, что занявшіе Казань чешско-сербскіе отряды нужно усилить какъ можно скорѣе; они бы поняли, что въ періодъ продолжительна-

го бездѣйствія красныхъ подъ Казанью, за это время можно было основательно укрѣпить, какъ самый городъ, такъ и его окрестности и особенно Верхній Услонъ, державшійся единственно доблестью горсти Каппелевцевъ и являвшійся стратегическимъ ключемъ всей обороны, они поняли бы и многое другое — чего не поняли руководители изъ Учредительнаго Собранія и что привело къ катастрофѣ подъ Казанью.

IV.

Непоняли или не хотѣли, — или же въ ихъ расчеты уже ие входила эта «второстепенная задача», какъ удержаиіе Казани, — главиая задача — задача по вывозу золотого запаса изъ Казани была уже блестяще ими выполнена. А что она была въ это время выполнена «аккуратно» и кладовыя Казанскаго Казначейства были очищены своевременно и основательно — объ этомъ свидѣтельствуютъ многочислениыя данныя. Къ нимъ принадлежитъ, между прочимъ, мало извѣстная широкимъ русскимъ кругамъ, книга чешскаго легіонера маіора д-ра І. Ф. Кудели.

Книга эта носитъ интересное названіе:

«О россійскомъ золотомъ запасѣ и чехословацкихъ легіонахъ».

Издана она въ 1924 году, подъ редакціей историческаго отдѣла «Pamatniku Odboie» въ Прагѣ, въ «Легіографіи» — собственной типографіи легіоиеровъ, являющейся однимъ изъ многочислеиныхъ предпріятій Банка Чехословацкихъ Легіонеровъ.

Беру эту книгу не какъ первую попавшуюся,*) а потому, что она является изданіемъ, съ одной стороны, офиціознымъ, а съ другой, иастойчиво рекомеидуется русскимъ; такъ, напримѣръ, она была прислана въ библіотеки русскихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Прагѣ, для студентовъ эмигрантовъ, и прислана съ «предложеніемъ» ознакомить всѣхъ русскихъ студентовъ даинаго высшаго учебнаго заведенія съ ея содержаиіемъ.

Въ этой книгѣ выражается искренняя благодарность всѣмъ лицамъ, давшимъ устныя информаціи о судьбѣ РОССІЙСКАГО ЗОЛОТОГО ЗАПАСА, вывезениаго изъ Казани и добавляется, что очеркъ *«О россійскомъ золотомъ запасѣ»* вышелъ еще весной 1922 года на чешскомъ языкѣ; лѣтомъ того же года оиъ былъ переведенъ на французскій языкъ и иапечатанъ въ «Gazette de Prague» и отдѣльной брошюрой. Тутъ же маіоръ д-ръ Куделя добавляетъ, что для русскаго изданія этотъ очеркъ иемного расширенъ и переработанъ.

*) Кто такой д-ръ Куделя видно изъ газ. «Narodni Listy» № 231, 24 авг. 1926, которая говоритъ, что это: «одинъ изъ историковъ русскихъ легій» и «передовыхъ мыслящихъ людей».

Для чего маіору д-ру Куделѣ нужно было расширять, а главное перерабатывать свой очеркъ для русскаго изданія — конечно, лучше знать ему самому — у русскаго же читателя это сообщеніе вызываетъ лишь, по меньшей мѣрѣ, недоумѣніе...

Но обратимся къ упомянутой книгѣ д-ра Куделя; при внимательномъ чтеніи ея, у болѣе вдумчиваго читателя получается впечатлѣніе, какъ разъ обратное тому, котораго хочетъ добиться д-ръ маіоръ Куделя, а послѣ прочтенія всей книги въ цѣломъ, невольно, самъ собою, напрашивается вопросъ — но если высшее командованіе чехословацкими легіонами, какъ пришло, такъ и ушло съ однѣми «бѣлыми ризами», то почему же такое, казалось-бы, излишнее волненіе и безпокойство, переходящее временами въ паническій страхъ за чистоту этихъ «бѣлыхъ ризъ»? Почему не волнуются и не негодуютъ представители другихъ бывшихъ въ то время союзныхъ войскъ: сербскихъ, французскихъ, англійскихъ, японскихъ или, наконецъ, американскихъ? И почему ихъ имена не связываются съ судьбой Россійскаго золотого запаса?

«О Казанскомъ золотомъ запасѣ, — пишетъ д-ръ Куделя, — часто говорятъ и пишутъ въ томъ смыслѣ, что обвиняютъ Чехословацкое войско въ Россіи въ лишеніи Русскаго Народа его золотого запаса. Иногда это толкуется съ дѣйствительной или притворной симпатіей къ названнымъ легіонамъ, съ симпатіей, которая старается ихъ оправдать, другой же разъ — съ ненавистью указывается на то, что чехословацкіе легіонеры растащили изъ золотого запаса столько, сколько хотѣли.

Нерѣдко утверждаютъ, что, изъ такимъ образомъ украденнаго золота образовался основной капиталъ и фонды Банка Чехословацкихъ Легіоновъ.

Нелѣпая агитація нѣкоторыхъ группъ русскихъ реакціонеровъ развлекаетъ свою публику сказками о томъ, что высокій (сравнительно съ другими средне-европейскими государствами) курсъ чехословацкой кроны подкрѣпленъ золотомъ, украденнымъ изъ Казанскаго золотого запаса.

Вотъ почему я написалъ этотъ очеркъ исторіи той части Россійскаго золота, которое лѣтомъ 1918 года было взято у большевиковъ въ Казани, а въ началѣ весны 1920 года досталось имъ обратно.*) (стр. 27).

Матеріалъ доставили мнѣ, помимо упомянутыхъ статей и книгъ, равно какъ и соотвѣтственной литературы о легіонахъ, прежде всего устныя ин-

*) Фактически — золото, какъ это будетъ описано далѣе, было выдано большевикамъ далеко не полностью, а въ количествѣ равномъ приблизительно какой то одной трети — судьба остальныхъ какихъ то двухъ третей неизвѣстна.. Въ интересахъ исторической точности нужно замѣтить, что небольшая часть этихъ денегъ, которыя чехословаки пытались скрытно провести подъ американскимъ флагомъ, попала въ руки атамана Семенова, долгое время содержавшаго свою армію на эти именно средства.

Покойный Адмиралъ Колчакъ отдалъ распоряженіе о самомъ тщательномъ контролѣ надъ чехословацкими поѣздами, съ привлеченіемъ, въ случаѣ надоб-

формаціи, которыя я старался, насколько это было возможно, достать отъ всѣхъ лицъ, причастныхъ къ исторіи золотого запаса; изъ нихъ я называю И. М. Брушвита, генерала Я. Сырового, генерала Ст. Чечека, полковника Л. Крейчи, подполковника Фр. Шипа, подполковника Р. Медека и др-а І. Благошъ; д-ръ Глосъ прислалъ мнѣ изъ Познани свой разсказъ письменно».

Однако, что же это за лица, на устной информаціи которыхъ, главнымъ образомъ, построенъ весь очеркъ о «*Россійскомъ золотомъ запасѣ*»?

Говоря объ этихъ лицахъ, я, прежде всего, долженъ замѣтить, что, быть можетъ, я не коснулся бы ихъ, если бы на нихъ въ своей книгѣ не опирался самъ авторъ, маіоръ д-ръ Куделя, сославшись на этихъ лицъ, какъ на живые документы.

И. М. БРУШВИТЪ, — членъ партіи эсъ-эровъ, бывшій министръ финансовъ Самарскаго эсъ-эровскаго «Комуча»; по его именно приказу *Россійскій золотой запасъ* и былъ перевезенъ изъ Казани въ Самару.

И. М. Брушвитъ пользуется сейчасъ въ Прагѣ исключительнымъ вниманіемъ Чехословацкаго Правительства, т. е. Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, которое въ Чехословацкой Республикѣ является, скромно говоря, доминирующимъ.

Всѣ же остальные «живые документы», упомянутые авторомъ, на устныя информаціи которыхъ онъ ссылается — чехи легіонеры, т. е. тѣ же «обвиняемые», безпристрастіе которыхъ представляется весьма сомнительнымъ. Тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ этихъ лицъ являются непосредственно заинтересованными, — какъ напр., подполковникъ ФР. ШИПЪ, одинъ изъ Директоровъ Легіобанка и одинъ изъ организаторовъ финансовъ Чехословацкихъ легіонеровъ въ Россіи.

Или, напр., маіоръ д-ръ Н. БЛАГОШЪ, бывшій уполномоченный Правительства Чехословацкой Республики въ Иркутскѣ, выдавшій Адмирала А. В. Колчака большевикамъ — нынѣ онъ занимаетъ крупный постъ при Чехословацкомъ посольствѣ въ Берлинѣ.

Или генералъ ЯНЪ СЫРОВОЙ, бывшій Командующій Чехословацкими легіонами въ Сибири — нынѣ Военный Министръ Чехословацкой Республики...

Я не буду касаться остальныхъ лицъ — я лишь упомяну, что ни по какимъ законамъ въ мірѣ — «обвиняемые» не могутъ быть въ одно и тоже время и свидѣтелями.

ности, международной контрольной комиссіи; атаманъ же Семеновъ, въ цѣляхъ прекращенія дальнѣйшей утечки русскаго золотого запаса, пригрозилъ чехословакамъ взрывомъ тунелей и рядомъ другихъ мѣръ.

Этимъ то и объясняется вся та травля со стороны, какъ чехословацкихъ круговъ, такъ и русскихъ, находящихся въ непосредственной связи съ ними, въ силу общности интересовъ, по адресу и адм. Колчака и атам. Семенова.

Несмотря на все это, будемъ однако же и мы опираться на эти свидѣтельства и посмотримъ, что говоритъ д-ръ Куделя о судьбахъ Казанскаго золотого запаса.

Въ первой главѣ своей книги д-ръ Куделя опнсываетъ, какнмъ образомъ въ Казани былъ сосредоточенъ золотой запасъ. Брестскіе переговоры о мирѣ между центральными державами и представителями Совѣта Народныхъ Комиссаровъ были во второй половинѣ февраля прерваны заявленіямн совѣтскихъ делегатовъ: аннексіоннаго мира мы не подпишемъ, но и воевать ие будемъ,—на что Германія отвѣтила приказомъ по своимъ войскамъ — перейти вглубь Россіи.

Въ виду этого германскаго наступленія, Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ рѣшилъ сосредоточить весь золотой запасъ Россіи въ Казани, въ кладовыхъ мѣстнаго Отдѣленія Государственнаго Казначейства.

По предпнсанію Предсѣдателя Совнаркома, были спѣшно приспособлены подвальныя помѣщенія Банка подъ кладовыя и, съ мая мѣсяца, началась перевозка въ Казань металлическихъ запасовъ изъ Петрограда, Москвы и другихъ городовъ.

Такъ какъ впослѣдствіи миръ все таки не только былъ подписанъ и утвержденъ Всероссійскимъ Съѣздомъ Совѣтовъ, но въ Москву прнбылъ уже германскій посолъ, то приходнтся искать другую причину эвакуаціи и концентраціи золотого запаса. А найдется она, вѣроятно, во внутреннемъ положеніи совѣтской власти того времени, когда приходилось безпокоиться за будущій день, ввиду того, что и въ самой красной столицѣ положеніе было не вполнѣ надежнымъ.

Какъ бы то ни было, въ Казани предположено было сосредоточить весь золотой запасъ Россін, золотой запасъ Румыніи (пресловутую Румынскую «кукушку»), а также значнтельную часть серебра.

Взятіе Самары чехословакамн (въ началѣ іюня) пріостановило эвакуацію запасовъ Москвы, но изъ другихъ городовъ она продолжалась въ теченіе всего іюня мѣсяца.

Въ общемъ въ Казань, по утвержденію д-ра Куделя, за это время было доставлено золота въ монетѣ и слиткахъ на сумму свыше пятисотъ милліоновъ рублей номинальныхъ — 531 ящикъ съ золотомъ, платиной и издѣліями (медалями и крестами) монетнаго двора, около восьми милліоновъ серебряной монеты и на сто тридцать три милліона рублей процентныхъ бумагъ вкладчиковъ Петроградской Сберегательной Кассы.

Послѣ взятія чехословаками Симбирска, Ленинъ и главный Комиссаръ Банка, Поповъ, предприняли спѣшно розыски новыхъ помѣщеній для перевозки металлическнхъ запасовъ, но обслѣдованіе Вяткн и Перми, куда предполагалось ихъ эвакуировать, не дало удовлетворительныхъ результатовъ.

VII.

МЫСЛИ СОВРЕМЕННИКОВЪ РЕВОЛЮЦІИ

РУССКАЯ ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛІОТЕКА
ВЪ БѢЛГРАДѢ

115

Тогда же, въ Нижнемъ Новгородѣ, была снаряжена особая экспедиція изъ нѣсколькихъ пароходовъ и баржъ, задачей которыхъ являлась погрузка казанскихъ металлическихъ запасовъ и отправка ихъ вверхъ по Волгѣ до Нижняго, а затѣмъ по рѣкѣ Окѣ.

Мѣсто новаго храненія запасовъ въ точности не было извѣстно: по одной версіи предполагалось вывезти ихъ въ Москву, по другой — сложить въ Коломнѣ, подъ особой охраной рабочихъ Коломенскаго завода, а по третьей — баржи съ металломъ потопить въ руслѣ рѣкъ Волги и Оки.

Экспедиція эта прибыла въ Казань 28 іюля и приступила къ подготовкѣ погрузки. Предварительныя совѣщанія и подготовительная работа заняли около недѣли времени и на 5 августа было назначено начало работъ по погрузкѣ.

Но въ 8 часовъ вечера, когда были поданы къ зданію Банка вагоны трамвая и пришли рабочія команды, со стороны пристаней, отстоящихъ верстахъ въ семи отъ города, раздался первый пушечный выстрѣлъ.

Стоявшій у пристаней караванъ судовъ снялся съ якорей и ушелъ вверхъ по Волгѣ, въ городѣ же остались два комиссара (изъ пятн прибывшихъ для погрузки золота), которые, погрузивъ на четыре грузовика сто ящиковъ золота на приблизительную сумму сто милліоновъ рублей и на девяносто пять милліоновъ кредитныхъ билетовъ, уѣхали около 4-хъ часовъ ночи.

Въ ту же ночь правленіемъ Банка было получено отъ мѣстнаго Совѣта предписаніе о немедленной выдачѣ всѣхъ денежныхъ знаковъ, но это предписаніе не было исполнено».

На этомъ и заканчивается глава: «О Казанскомъ золотомъ запасѣ».

V.

Третья глава книги говоритъ о томъ, какъ золотой запасъ былъ перевезенъ изъ Казани въ Самару.

«Въ началѣ августа 1918 года, военное командованіе только что возникшаго Поволжскаго фронта, поставило задачей соединиться съ Арміей генерала Деникина на югѣ, находящейся всего въ какихъ нибудь ста верстахъ, для чего нужно было взять Саратовъ.

Но помощнику военнаго министра «Комуча» Вл. Лебедеву удалось убѣдить Командованіе, что надо итти не на Саратовъ, а въ противоположномъ направленіи — на сѣверъ, гдѣ легко можно овладѣть крупнымъ и богатымъ городомъ Казанью, въ которомъ, помимо огромныхъ военныхъ складовъ, находится недавно перевезенный туда «золотой запасъ».

И такъ вразрѣзъ съ планомъ Верховнаго Командованія и помимо запрещенія Командующаго Поволжскимъ Фронтомъ, Вл. Лебедевъ и Степа-

116

новъ повели группу войскъ на сѣверъ и 6-го августа 1918 года взяли гор. Казань.

Управляющимъ Отдѣломъ (Министерствомъ) Финансовъ въ Самарскомъ Правительствѣ въ то время былъ Членъ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія И. М. Брушвитъ; онъ немедленно отдалъ приказъ — о перевозкѣ золотого запаса въ Самару.

Этотъ приказъ встрѣтилъ въ Казани извѣстное противодѣйствіе со стороны мѣстныхъ дѣятелей, которые желали сдѣлать Казань центромъ антибольшевистской борьбы, и потому отказывали въ эвакуаціи чего бы то ни было, — въ Самару были лишь отправлены тѣ восемьдесятъ милліоновъ рублей, которые незадолго до боевъ съ Чехословаками, были перевезены изъ Самарскаго Государственнаго Банка въ Казань.

Въ отвѣтъ послѣдовалъ второй приказъ и очень рѣшительный: «Комучъ» отдалъ спѣшное распоряженіе замѣстителю Управляющаго Военнымъ Отдѣломъ Вл. Лебедеву, принять экстренныя мѣры для немедленной отправки золотого запаса изъ Казани въ Самару и употребить для этой цѣли всѣ имѣющіяся перевозочныя средства.

Казанцы продолжали пассивное сопротивленіе эвакуаціи, ссылаясь на то, что у нихъ не имѣется достаточнаго количества надежныхъ людей для перегрузки золотого запаса.

И вотъ тогда Управляющій Министерствомъ Финансовъ отправляетъ съ этой цѣлью изъ Самары въ Казань триста человѣкъ и два грузовика; изъ этихъ трехсотъ человѣкъ — сто были взяты изъ студенческой боевой дружины, сто — изъ сапернаго баталіона и сто изъ Самарской организаціи партіи «эсъ-эровъ».

Далѣе, въ книгѣ приводится нижеслѣдующая радіо-телеграмма Вл. Лебедева:*)

«Казань. Всѣмъ. Комитету Членовъ Учредительнаго Собранія и всѣмъ радіостанціямъ:

Сообщаю, что въ настоящую минуту отправка золотого запаса, принадлежащаго Россіи, закончена.

Я отправилъ изъ Казани:

1. Весь золотой запасъ въ нарицательную стоимость шестьсотъ пятьдесятъ семь милліоновъ рублей, по нынѣшней цѣнѣ шесть съ половиной милліардовъ рублей.

2. Сто милліоновъ рублей кредитными билетами.

3. На огромную сумму всякихъ другихъ цѣнностей.

4. Запасы платины и серебра.

*) Эта радіо-телеграмма была напечатана въ «Вѣстникѣ Учредительнаго Собранія» отъ 25 августа 1918 года № 38.

Счастливъ донести, что теперь все это народное достояніе отъ грабителей и предателей, п о л н о с т ь ю, перешло въ руки Учредительнаго Собранія и Россія не должна безпокоиться о цѣлости своего богатства».

Помощникъ Управляющаго Военнымъ Отдѣломъ Вл. Лебедевъ».

Я уже говорилъ, что вывозъ золота произвелъ на населеніе удручающее впечатлѣніе и, несмотря на успокаивающія завѣренія властей, всѣ отлично понимали, что Казань будетъ оставлена.

Надъ городомъ появились уже большевистскіе аэропланы, которые сбрасывали летучки съ угрозами населенію всяческими репрессіями, если оборона города будетъ продолжаться. Подвозъ продуктовъ изъ деревень почти прекратился, слухи — одинъ другого нелѣпѣе и тревожнѣе, ползли по городу...

Но вернемся къ книгѣ д-ра Куделя — онъ оговаривается, что хотя въ его задачу не входитъ приводить цыфровыя данныя золотого запаса, но, будучи увѣреннымъ въ томъ, что читателей этотъ вопросъ интересуетъ — онъ приводитъ цыфры, опубликованныя впослѣдствіи Омскимъ Министерствомъ Финансовъ:

«Всего запасовъ изъ Казани вывезено:

	а) въ русской монетѣ на	—	523.458.484 р. 42 к.
золота:	б) въ иностранной »	—	38.065.322 р. 57 к.
	в) въ слиткахъ »	—	90.012.027 р. 65 к.
	Итого	—	651.535.834 р. 64 к.»

Опредѣляя эти суммы, д-ръ Куделя, найдя разницу между приведенной имъ общей суммой золота и упомянутой выше радіо-телеграммой В. Лебедева, приводитъ и сумму, упомянутую въ этой телеграммѣ, а именно, что номинальная стоимость Казанскаго золота была опредѣлена суммой — 657.000.000 *рублей*.

Такимъ образомъ мы видимъ разницу пока около с е м и милліоновъ рублей.

Разницу эту д-ръ Куделя объясняетъ недостаточностью сообщенья Вл. Лебедева, который, будто бы, преслѣдовалъ лишь агитаціонную цѣль, а именно: сообщая о переводѣ золотого запаса изъ Казани, онъ будто бы, хотѣлъ уменьшить такимъ образомъ интересъ къ этому пункту (?—Авт.)

Далѣе, согласно того же радіо-телеграфнаго сообщенія Вл. Лебедева, въ Казанскомъ золотомъ запасѣ было кредитныхъ билетовъ на с т о м и л л і о н о в ъ рублей и на огромную сумму разныхъ другихъ драгоцѣнностей, и кромѣ того большіе запасы платины и серебра; такимъ образомъ получается еще одна «маленькая» разница уже на сумму свыше ста милліоновъ рублей, не считая платины, серебра и другихъ драгоцѣнностей.

Но что чрезвычайно интересно, такъ это слѣдующее обстоятельство: д-ръ Куделя добавляетъ, что самъ бывшій Министръ Финансовъ Самарскаго «Комуча» І. М. Брушвитъ, въ сообщеніи о Казанскомъ золотѣ, заявилъ, что чиновники Государственнаго Банка оцѣнивали стоимость Казанскаго золотого запаса въ одинъ милліардъ сто милліоновъ рублей. (Чехосл. журналъ «Пржеродъ» № 3, годъ изд. І.)

Очевидно, чиновники Казанскаго Государственнаго Банка оцѣнивали запасы платины, серебра и другія цѣнности, помѣченныя въ телеграммѣ Вл. Лебедева, не больше не меньше какъ въ полмилліарда рублей, т. е. они то и составляли чуть ли не половину всего золотого запаса, вывезеннаго изъ Казани; кромѣ того, сюда нужно присоединить и вышеупомянутые восемьдесятъ милліоновъ рублей, отправленные въ Самару.

Но, какъ мы видимъ изъ цыфръ Омскаго Казначейства, весь золотой запасъ, привезенный въ Омскъ, составлялъ всего лишь 651.535.834 р. 64 к. т. е. немногимъ больше половины вывезеннаго изъ Самары въ Уфу въ сентябрѣ 1918 года.

VI.

Въ это время въ Уфѣ эсъ-эры организовали Директорію. Новорожденная Директорія, конечно, была еще слишкомъ слаба и тутъ же на Совѣщаніи обратилась съ просьбой къ присутствующимъ въ качествѣ «гостей». представителямъ Отдѣленія Чехословацкаго Національнаго Совѣта, предоставить охрану для золотого запаса, который долженъ былъ прослѣдовать въ Челябинскъ.

«Ихъ просьба была удовлетворена, — разсказываетъ далѣе д-ръ Куделя — и къ эшелонамъ россійскаго золота были приставлены чехословацкіе патрули.

Вагоны продолжали быть опечатанными самарскими печатями и находиться подъ присмотромъ чиновниковъ Самарскаго Правительства и Государственнаго Банка, которые сопровождали золотой запасъ еще изъ Казани.

Золото было привезено въ Челябинскъ, гдѣ въ то время находился Главный Штабъ противобольшевистскаго фронта и тамъ оно было перегружено изъ вагоновъ въ бетонные подвалы казеннаго элеватора».

Объ этой же передачѣ эсъ-эрами золотого запаса подъ чешскую охрану имѣется документъ и въ книгѣ В. Зензинова: «Государственный переворотъ Адмирала Колчака въ Омскѣ 18 ноября 1918 года» (изданіе: Парижъ 1919 г., стр. 43).

ходитъ къ указываемымъ г. Брушвитомъ 80.000 пудамъ золотого запаса — значитъ въ общемъ опять таки не болѣе двухъ эшелоновъ.

Но въ этомъ документѣ не упоминанется о другихъ драгоцѣнностяхъ, хотя среди «просителей» былъ и Вл. Лебедевъ, оповѣстившій «всѣхъ» въ своей радіо-телеграммѣ о «всякихъ другихъ цѣнностяхъ» на огромную сумму, и обнадеживавшій Россію не безпокоиться о цѣлости ихъ. О Самарскихъ в о с ь м и д е с я т и м и л л і о н а х ъ рублей также ничего не говорится, какъ будто это такая мелочь, о которой не стоитъ и упомнинать. О такихъ же пустякахъ, какъ с т о м и л л і о н о в ъ кредитными — я уже и не говорю, нхъ и слѣдь простылъ...

Въ концѣ то концовъ — что же мы узнаемъ отъ д-ра Кудели о Казанскомъ золотомъ запасѣ? Очень немного...

Сколько взято въ августѣ мѣсяцѣ въ Казани? Мы точно не знаемъ...

Сколько дошло въ сентябрѣ 1918 г. до Уфы? Неизвѣстно...

Сколько привезено чехами въ Челябинскъ? Со странной прнбылью...

Сколько, наконецъ, получено Омскимъ Правнтельствомъ въ октябрѣ? Данныхъ нѣтъ...

Всѣ причастные нли, какъ ихъ называетъ д-ръ Куделя, «живые документы», вмѣсто того, чтобы ясно и опредѣленно сказать: «мы приняли столько то», говорятъ только: «изъ Казани вывезено...» и при этомъ не только впадаютъ въ странныя противорѣчія, но словно нарочно въ своихъ показаніяхъ преподносятъ общественному мнѣнію величины несонзмѣримыя: рубли, ящики, эшелоны, вагоны, пуды и т. д...

Да не посѣтуетъ читатель, что я такъ долго задержался на этомъ больномъ вопросѣ.

Вывозъ золота нзъ Казани — с о б ы т і е г о с у д а р с т в е н н о й в а ж н о с т н и во всей борьбѣ за Волгу играетъ г л а в н ѣ й ш у ю р о л ь, слѣдовательно, и каждаго русскаго патріота онъ интересуетъ прежде всего. Золотой запасъ — достояніе нашихъ дѣдовъ и отцовъ, переданное нашему поколѣнію. А какъ мы распорядились съ этнмъ наслѣдствомъ? Кто то пришелъ, взялъ, погрузилъ, возилъ, перевознлъ, другъ у друга выхватывалъ съ цѣлью спасти и такъ «спасли», что теперь и концовъ не найдешь...

И сами мы, русскіе люди, дошли до такого состоянія, что даже нитересоваться судьбой русскаго золота считается чуть ли не зазорнымъ. Конечно, истина выяснится въ полной мѣрѣ по возстановленіи нашей Родины, но и сейчасъ, въ глухую полночь, когда всѣ кошки сѣры, мы этнмъ вопросомъ должны интересоваться и освѣщать, не взирая на то, что кому нибудь и почему нибудь это не нравится. Болѣе того — это н а ш ъ н р а в с т в е н н ы й д о л г ъ, ибо грядущее намъ на смѣну поколѣніе предъявитъ намъ

рано или поздно грозный вопросъ: «А что вы сдѣлали съ наслѣдіемъ дѣдовъ?».

На этотъ вопросъ мы должны быть готовы дать ясный и опредѣленный отвѣтъ!

VII.

Казань продолжала переживать послѣдніе дни передъ паденіемъ; какъ миражъ; постепенно исчезала и, наконецъ, совершенно исчезла надежда на помощь союзниковъ. Обстрѣлъ города усилился, къ большевикамъ подошли сильныя подкрѣпленія изъ интернаціональныхъ отрядовъ, формированіе которыхъ ими въ то время тщательно скрывалось (нынѣ — это иностранные легіоны — войска III Интернаціонала)*).

И вдругъ, какъ то внезапно, стало извѣстно, что Казань оставлена не только представителями Правительства, Лебедевымъ и Фортунатовымъ, но и военнымъ командованіемъ, и что войска отходятъ на Сибирскій трактъ — въ городѣ началась паника.

Извѣстіе объ оставленіи Казани войсками пришло поздней ночью съ 7 на 8 сентября и всѣ казанцы, кто хоть мало-мальски былъ связанъ съ дѣломъ обороны родного города, поняли, что они первые подвергнутся всѣмъ жестокимъ гоненіямъ, неоднократно обѣщаннымъ Троцкимъ въ его приказахъ...

Начались тяжелыя сцены разставанья...

Голосила молодая жена, прощаясь съ мужемъ добровольцемъ и немогущая послѣдовать за нимъ въ неизвѣстность съ двумя маленькими дѣтьми.

Старый русскій генералъ, участникъ многихъ кампаній, послѣдній разъ крестилъ своего единственнаго сына гимназиста-добровольца, наказывая ему стоять до конца за трехцвѣтное русское знамя...

Безсильно рыдала, пришибленная горемъ, старушка мать, надѣвая на сына студента, образокъ Казанской Божьей Матери.

Вотъ идетъ слободской рабочій, окруженный цѣлымъ выводкомъ своихъ ребятишекъ. Нѣсколько разъ онъ останавливается и беретъ по очереди на руки то того, то другого малыша, ни-какъ не желающихъ отстать отъ «тяти».

---

*) Послѣ славной смерти на полѣ брани сербскаго воеводы Благотича, среди сербскаго отряда стало замѣчаться невольное уныніе; несмотря на свою малочисленность, сравнительно съ остальнымъ гарнизономъ Казани, сербы составляли довольно вѣскую силу: ни разу среди нихъ не дрогнула дисциплина, ни на одну минуту не поколебалась ихъ вѣра въ правоту дѣла борьбы съ большевизмомъ и самое главное — ни чемъ они не связали себя въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ, какъ «русскій золотой запасъ» — какъ пришли, такъ и ушли нищими — вотъ почему имъ теперь и не приходится прибѣгать къ всевозможнымъ средствамъ въ цѣляхъ самооправданія въ этомъ роковомъ и деликатномъ вопросѣ, какъ это вынуждены дѣлать политическіе и военные вожди чехословацкихъ легіоновъ.

Короче говоря: любовь къ Россіи у нихъ не была связана съ золотомъ...

Къ статьѣ А. Котомкина:

«Съ Чехословацкими Легіонами отъ Волги до Тихаго Океана».

418

Къ статьѣ Александра Котомкина:

«Съ Чехословацкими легіонами отъ Волги до Тихаго Океана».

Командующій 1-ой Стрѣлковой Гуситской дивизіей полковникъ Швецъ † 25.10.1928

Наши богатыри.

ПЕРЕДАЧА ЗОЛОТОГО ЗАПАСА РОССІИ.

«Какъ извѣстно, золотой запасъ, захваченный въ Казани и перевезенный оттуда въ Самару, былъ затѣмъ звакуированъ въ Снбирь, гдѣ долженъ былъ поступить въ распоряженіе Всероссійскаго Правительства.

Въ связи съ Омской катастрофой и новымъ кризисомъ власти, Совѣтъ Управляющихъ Вѣдомствами, въ засѣданіи Совѣта отъ 28 ноября с. г., принялъ слѣдующее постановленіе:

Въ виду того, что формальная передача серебрянаго запаса Комитета Членовъ Учредительнаго Собранія Всероссійскому Временному Правительству, по независящимъ отъ Комитета причинамъ, не состоялась, а Совѣтъ Управляющихъ Вѣдомствами не имѣетъ возможности охранять этотъ запасъ — поручить члену Совѣта Ф. П. Рудько обратиться къ Чехословацкому Національному Совѣту съ просьбой о томъ, чтобы онъ принялъ весь эвакуированный изъ города Самары въ Сибирь золотой и серебряный запасъ подъ свою охрану для передачи, какъ общероссійскаго достоянія, Всероссійскому Учредительному Собранію или Всероссійскому Правительству, которое можетъ явиться, какъ результатъ общаго соглашенія и потому будетъ пользоваться общимъ признаніемъ».

Въ связи съ этимъ постановленіемъ, Совѣтомъ Управляющихъ Вѣдомствами послана Чехословацкому Національному Совѣту слѣдующая телеграмма:

«Екатеринбургъ. Чехосовѣту. При взятіи Чехословаками и войсками Народной Арміи въ августѣ мѣсяцѣ Казани, — захвачены были, находившіяся въ Государственномъ Банкѣ, золото, палтина и серебро, къ вывозу которыхъ въ Москву большевики приступили за два дня до паденія Казани, но успѣли захватить съ собою только нѣсколько десятковъ пудовъ золота. Всего въ Казани взято было 40.000 пудовъ золотан платины — въ слнткахъ и монетѣ, т. е. большая часть всего запаса золота, принадлежащаго Россійскому Государству, и 30.000 пудовъ серебра.

Чтобы сохранить эти цѣнности отъ возможиости обратнаго захвата ихъ большевиками, Комитетъ Членовъ Учредительнаго Собранія распорядился перевезти ихъ въ Самару, а затѣмъ въ Сибирь, съ тѣмъ, чтобы передать ихъ потомъ, какъ всенародное достояніе, Временному Всероссійскому Правительству.

Однако эта передача не успѣла состояться и, съ паденіемъ Всероссійскаго Правительства, возникаетъ опасность, что захваченныя отъ большевиковъ цѣниости попадутъ въ руки тѣхъ, которые используютъ ихъ во вредъ Россіи. Поэтому Совѣтъ Управляющихъ Вѣдомствами постановилъ въ засѣданіи 28 сего ноября: ввѣрить указанныя выше цѣнности Чешскому Народу, въ лицѣ Чехосовѣта для

119

охраны и затѣмъ передачи Учредительному Собранію или общепризнанному Правительству съ тѣмъ, чтобы до этой передачи никто этими цѣнностями распоряжаться не могъ.

Офиціальный текстъ Постановленія Совѣта Управляющихъ Вѣдомствами о передачѣ будетъ присланъ дополнительно».

Въ чемъ несходство этой телеграммы съ разсказомъ д-ра Куделн? Во времени. Д-ръ Куделя говоритъ, что эта передача состоялась на Уфимскомъ Совѣщаніи, т. е. въ сентябрѣ 1918 года — эта же телеграмма говоритъ о спасеніи золота отъ принявшаго единоличную власть адмирала Колчака, т. е. о событіяхъ въ ноябрѣ 1918 года.

Во всякомъ случаѣ Казанскій золотой запасъ не залежался и въ Челябинскѣ.

Въ половинѣ октября 1918 года, по свидѣтельству д-ра Кудели, Омское Министерство Финансовъ (еще значитъ до переворота адмирала Колчака), въ лицѣ Министра Финансовъ Михайлова, распорядилось перевезти золотой запасъ въ Омскъ безъ вѣдома и согласія, какъ Директоріи, такъ и Главнокомандующаго генерала Сырового, въ Ставкѣ котораго находилось золото. Замѣщавшій въ то время генерала Сырового, во время его отсутствія, Начальникъ его штаба, генералъ М. К. Дитернхсъ, разрѣшилъ погрузить золото въ вагоны и отправить въ Омскъ, подъ охраной чешскаго караула.

Въ концѣ книги, какъ бы между прочимъ, д-ръ Куделя добавляетъ, что Министръ Финансовъ Самарскаго «Комуча», Брушвитъ, указываетъ, что во время перевозкн изъ Казани золото вѣсило 80.000 пудовъ и для перевозки понадобилось два поѣзда по сорокъ вагоновъ каждый.

«Насколько же помнитъ генералъ Сыровой,—пишетъ д-ръ Куделя,—золота въ Челябинскъ было привезено три эшелона въ составѣ около ста двадцати вагоновъ». И дальше неожиданно прибавляетъ: «разницу въ этихъ цыфрахъ нужно объяснить тѣмъ, что кромѣ золота было въ Казанскомъ золотомъ запасѣ и серебро, и другія драгоцѣнности».

Что же это еще значитъ?...

По сообщенію И. М. Брушвита, весь золотой запасъ съ упаковкой умѣщался въ 2-хъ поѣздахъ по сорокъ вагоновъ. Значитъ лн это, что въ это количество онъ не включилъ такую «мелочь», какъ сорокъ вагоновъ серебра и драгоцѣнностей?...

«Адмиралъ Колчакъ увезъ съ собою изъ Омска только 28 вагоновъ» — обличительно киваетъ д-ръ Куделя.

Въ приводимомъ выше документѣ — просьба «Комуча» къ Чешскому Національному Совѣту взять подъ охрану золотой запасъ—указываемая цыфра 40.000 пудовъ золота и 30.000 пудовъ серебра приблизительно под-

Уже розданы всѣ гостинцы, обѣщаны всѣ подарки, а ребятишки все бѣгутъ за отцомъ. Наконецъ, уговаривавшая ихъ мать махнула рукой и кинулась назадъ — въ свой слободской домишко. Наспѣхъ захвативъ кое-что, она возвращается и уже всѣ, вмѣстѣ, они спѣшатъ къ городскимъ воротамъ.

Помню, какъ потомъ я собиралъ эту дѣтвору на большую скрипучую телѣгу, уступленную мнѣ Уѣзднымъ Союзомъ Увѣчныхъ Воиновъ; дѣти беззаботно пѣли пѣсни, смѣялись, а вокругъ шли понурившись родители...

По дорогамъ тянулись бѣженцы, также нагруженные дѣтьми и захваченными впопыхахъ вещами... Попадались встрѣчные — это были поддавшіеся первой паникѣ и теперь возвращавшіеся обратно.

Среди нихъ вижу, измученное безсонной ночью, доброе лицо стараго преподавателя нашего реальнаго училища; онъ перекрестилъ меня: «вы идете, а я не могу уже: боленъ я, да и старъ» — и мы разстались...

Отходящихъ начали догонять новыя волны бѣженцевъ, которыя разсказывали, что красные уже вошли въ крѣпость и набросились на близлежащія улицы, что они грабятъ и разбиваютъ лавки, что уже сбросили съ колокольни священника и вообще творятъ разныя безчинства...

Надъ дорогами, усѣянными бѣженцами, летали нѣмецкіе аэропланы... А въ головѣ, какъ удары молота, раздавались слова проклятій, остающихся въ городѣ: «Зачѣмъ вы приходили? Вы растоптали нашу вѣру въ васъ. Вы хуже большевиковъ, — тѣ хоть прямо говорятъ, что идутъ грабить и убивать насъ, вы же говорили, что пришли насъ спасать и... обманули — предали насъ въ руки красныхъ палачей, а сами теперь трусливо убѣгаете»...

Надъ головами, въ смутномъ сентябрьскомъ небѣ, курлыкали перелетныя птицы, наводя на однихъ горькія думы о только что покинутыхъ гнѣздахъ, у другихъ же вызывая надежды на лучшее, въ этой притаившейся гдѣ то впереди неизвѣстности — куда они, шагъ за шагомъ, день за днемъ, все дальше и дальше уходили отъ родной рѣки...

(*Продолженіе слѣдуетъ*)

Александръ Котомкинъ.

«Революціонная Армія» въ иностранной каррикатурѣ.

Русская женщина-солдатъ спасаетъ Россію.

РУССКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА ВЪ БѢЛГРАДѢ

ИЗЪ ВОЗЗВАНІЯ

КЪ АРТИСТАМЪ И ХУДОЖНИКАМЪ
МОСКОВСКАГО СОВѢТА РАБОЧИХЪ ДЕПУТАТОВЪ

15 апрѣля 1917 г.

...Граждане артисты и художники! Глухая замкнутая стѣна долго отдѣляла васъ отъ вскормившаго васъ народа, вашъ голосъ не могъ доноситься до него, огонь вашего таланта согрѣвалъ только привилегированныхъ счастливцевъ. Теперь стѣна пала, передъ вами широкій просторъ и огромныя массы людей, жаждущихъ свѣта, добра и красоты; для каждаго желающаго изъ васъ работы много. Приходите!

Предсѣдатель Совѣта Рабочихъ Депутатовъ Л. Хинчукъ.
Предсѣдатель Художественно-Просвѣтительнаго Отдѣла В. Вересаевъ.

РЕЗОЛЮЦІЯ

КАЗАЧЬЯГО СЪѢЗДА

28 іюля 1917 г. (п. 2-й).

...Вывести Россію на путь спасенія можетъ только единая, сильная, національная власть, облеченная неограниченными полномочіями...

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ГАЗЕТНЫХЪ СТАТЕЙ — (МЫСЛИ)

А. И. ШИНГАРЕВЪ

НА 6-МЪ СЪѢЗДѢ ВСЕРОССІЙСКАГО СОЮЗА ГОРОДОВЪ

10 апрѣля 1917 г.

...Въ данный моментъ отъ хлѣба зависитъ все государство... Безъ хлѣба невозможно сохранить только что добытую свободу...

...Я вѣрю, что страна, отдавшая государству своихъ дѣтей, отдастъ ему и свой хлѣбъ. Я ухожу спокойнымъ, потому, что вѣрю, что хлѣбъ и свобода намъ обезпечены...

120

БѢЛОРУСОВЪ

ИЗЪ СТАТЬИ «КОНТРЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРЫ»
(«Русс. Вѣдомости», 30 іюля 1917 г.)

...Потому что, — это установлено не нами, — всѣ тѣ, которые не одобряютъ эту революцію, которая есть — суть контръ-революціонеры...

Н. Д. СОКОЛОВЪ

НА ВСЕРОССІЙСКОМЪ СЪѢЗДѢ УЧИТЕЛЕЙ
9 апрѣля 1917 г.

...Двоевластія нѣтъ. Есть лишь правильное соотношеніе двухъ группъ: Временнаго Правительства и крупнѣйшей организаціи, которая обладаетъ достаточнымъ авторитетомъ для осуществленія демократическихъ реформъ...

Н. В. ЧАЙКОВСКІЙ

1) ВЪ ЗАСѢДАНІИ ОБЪЕДИНЕННЫХЪ ЦЕНТРАЛЬНЫХЪ КОМИТЕТОВЪ С. С. И Р. Д.
9-го іюля 1917 г.

...На насъ, соціалистахъ, лежитъ отвѣтственность за разруху въ арміи...

...Вспомните, что еще два мѣсяца назадъ нельзя было и заикнуться о словѣ — родина...

...Въ Исполнительномъ Комитетѣ лидерами и вожаками были большевики...

...Вотъ мы и добились, что втолковали солдату, который шелъ изъ простого естественнаго человѣку чувства защищать свою землю, свой домъ, свою семью, — втолковали идею, что онъ идетъ на войну для наполненія кармановъ капиталистовъ...

2) ВЪ ЗАСѢДАНІИ «СТАРОЙ ГВАРДІИ»
4 августа 1917 г.

...Мы, старые революціонеры, старые политическіе противники, забыли прежніе споры и нашли слово, которое обожгло наши сердца однимъ и тѣмъ же пламенемъ. Это слово — «спасеніе родины».

Но это слово, увы, не объединило всей Россіи...

П. Н. МИЛЮКОВЪ

1) НА РУССКО-АМЕРИКАНСКОМЪ МИТИНГѢ
10 апрѣля 1917 г.

Еще нѣсколько недѣль назадъ, обращаясь къ вамъ съ этой кафедры, я говорилъ:

«Милостивыя Государи и Государыни»...

Теперь, съ сердцемъ полнымъ радости, я говорю:

«Граждане и гражданки Свободной Россіи»...

2) НА ЧАСТНОМЪ СОВѢЩАНІЕ ЧЛЕНОВЪ ГОСУДАРСТВ. ДУМЫ
18 іюля 1917 г.

...Министры-соціалисты, вошедшіе въ коалиціонное правительство, оффиціально заявили, что они входятъ не для соглашенія, а для продолженія классовой борьбы...

...Въ нашихъ требованіяхъ, обращенныхъ къ Правительству, нѣтъ ничего партійнаго... заявленіе это есть тотъ минимумъ обще-русскихъ требованій, обращенныхъ къ Правительству, исполненіе которыхъ только и можетъ дать этой власти дѣйствительно всенародную, а не партійную поддержку...

3) НА 9-МЪ КАДЕТСКОМЪ СЪѢЗДѢ
25 іюля 1917 г.

...Большевизмъ больше не опасенъ, какъ не опасна реставрація...

4) НА МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВЕНІОМЪ СОВѢЩАНІИ
16 августа 1917 г.

...Соціалисты западные вносятъ миръ и успокоеніе. Наши соціалисты усиливаютъ классовую борьбу...

...Болѣе умѣренныя группы соціалистовъ согласны признать то положеніе, что среди большевиковъ есть предатели и измѣнники, но они также не допускаютъ мысли о томъ, что сама идея большевизма преступна.

КН. Г. Е. ЛЬВОВЪ

ВЪ БЕСѢДѢ СЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ПЕЧАТИ
12 іюля 1917 г.

...Я глубоко скорблю, что наши революціонныя демократическія организаціи не отразили въ себѣ истинныхъ чувствъ и государственнаго пониманія русскаго народа.

Въ то время, какъ Россія предала проклятью наемныхъ убійцъ и ихъ друзей съ нѣмецкой и уголовной помѣсью, они по прежнему работаютъ въ составѣ С.С. и Р. Д. При такихъ условіяхъ Совѣты не могутъ вести русскую демократію по пути государственности, какъ понимаетъ ее русскій народъ въ цѣломъ. Они ниже уровня общественной народной морали...

ИЗЪ ПИСЬМА В. Л. БУРЦЕВА

ВЪ РЕД. «ИОВАГО ВРЕМЕИИ»

9-го іюля 1917 г.

...М. Горькій работаетъ надъ разложеніемъ Россіи и развитіемъ въ ней анархіи рука объ руку съ ленинцами, изъ которыхъ одни сознательно, а другіе безсознательно все время были агентами Вильгельма II въ Россіи во время войны и дѣлали его дѣло...

ИЗЪ БЕСѢДЫ П. Н. ПЕРЕВЕРЗЕВА

СЪ СОТРУДИИКАМИ ПЕЧАТИ

7-го іюля 1917 г.

...Лично я давно убѣжденъ, что Ленинъ работалъ на германскія деньги. Точно также я глубоко убѣжденъ и высказывалъ это открыто, что считаю его неспособнымъ взять деньги для себя.

...Ленинъ — это почти сумасшедшій фанатикъ...

Л. Г. ДЕЙЧЪ

ВЪ БЕСѢДѢ СЪ СОТРУДНИКАМИ ПЕЧАТИ

7-го іюля 1917 г.

...Ленинъ всегда держался того мнѣнія, что деньги не имѣютъ запаха...

Н. Д. АВКСЕНТЬЕВЪ

1) ВЪ ЗАСѢДАИІИ ОБЪЕДИИЕИИЫХЪ ЦЕНТРАЛЬНЫХЪ КОМИТЕТОВЪ С. Р. И С. Д.

14-го іюля 1917 г.

...Мы должны пасть съ честью, защищая революцію...

...Побольше дѣла и поменьше словъ. Мы много диспутировали, и я боюсь, что мы продиспутируемъ и настоящій моментъ...

2) ВЪ ЗАСѢДАНІИ ЦЕНТРАЛЬНАГО ИСПОЛНИТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА.

4 августа 1917 г.

...Демократія или должна взять на себя всю отвѣтственность за государственное устройство, или же прямо заявить: я отказываюсь отъ государственнаго строительства, пускай это дѣлаетъ кто либо другой...

3) НА МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ СОВѢЩАНІИ.

...Мы можемъ охарактеризовать внутреннее положеніе Россіи, какъ положеніе развала и распыленности власти и наличіе воли групповыхъ стремленій...

...Временное Правительство смѣетъ завѣрить, что если появятся такіе,) то они прежде всего переступятъ черезъ трупы Временнаго Правительства...*

Н. В. НЕКРАСОВЪ

НА МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ СОВѢЩАНІИ

...Надо смотрѣть правдѣ въ глаза — нельзя винить только старое правительство. Дѣятельность революціоннаго правительства была наиболѣе расточительной...

..Еще одинъ больной вопросъ, еще одна горькая правда. Нашъ революціонный строй обходится казначейству дороже стараго...

А. Ф. КЕРЕНСКІЙ

1) ВЪ ЗАСѢДАНІИ ОБЪЕДИНЕННЫХЪ ЦЕНТРАЛЬНЫХЪ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХЪ КОМИТЕТОВЪ

14 іюля 1917 г.

...Мы беремъ на себя обязанность спасти родину и революцію и то что дороже жизни: великія идеи свободы, равенства и братства, во имя которыхъ мы боролись, страдали и умирали...

...Временное Правительство будетъ рѣшительно бороться, какъ съ реакціонными попытками справа, такъ и съ анархіей слѣва. Пусть никто не ду-

*) Рѣчь идетъ о посягателяхъ на власть Врем. Прав. (*Ред.*).

маетъ, что нанесенный намъ ударъ сдвинетъ государство хоть бы на одинъ шагъ. Это допущено не будетъ.

...Русская Армія пойдетъ туда, куда ей укажетъ военный министръ и Временное Правительство...

2) НА МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ СОВѢЩАНІИ

...Наша сила въ великомъ довѣріи, которое питаютъ къ намъ широкія массы народа и всѣ наши братья, которые милліонами, взявъ штыки и оружіе, защищаютъ наши границы, родину и революцію...

..И только черезъ нашу жизнь можно погубить и разодрать тѣло великой демократіи русской...

...И если нужно будетъ для государства, мы душу свою убьемъ, но государство спасемъ...

А. М. МАСЛЕННИКОВЪ

ЧАСТНОЕ СОВѢЩАНІЕ ЧЛЕНОВЪ ГОСУДАРСТВЕН. ДУМЫ

18 іюля 1917 г.

27 февраля сюда пришелъ взбунтовавшійся Волынскій полкъ и прибѣжали толпы рабочихъ.

Вожаки революціи Керенскій, Скобелевъ и Чхеидзе пришли и молили Государственную Думу, чтобы она возглавила это возстаніе, что только въ этомъ залогъ успѣха революціи, а не солдатскаго бунта, который будетъ легко подавленъ.

Государственная Дума возглавила это движеніе. Благодаря Думѣ дѣйствительно совершилась революція, но въ этотъ моментъ къ революціи примазалась кучка сумасшедшихъ фанатиковъ, проходимцевъ и предателей, назвавшихъ себя Исполнительнымъ Комитетомъ Совѣтовъ Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ...

...Пора бросить терминоологію Николая II...

У него прежде всего было «Я», а на запяткахъ Россія. У нынѣшнихъ господъ, захватившихъ власть, тоже революція впереди, а потомъ гдѣ то Россія...

VIII.

ЗАРУБЕЖНАЯ РОССІЯ

В. М. ПУРИШКЕВИЧЪ

ЧАСТНОЕ СОВѢЩАНІЕ ЧЛЕНОВЪ ГОСУДАРСТВЕН. ДУМЫ
18 іюля 1917 г.

.. Я убѣжденнѣйшій монархистъ и своихъ убѣжденій не могу мѣнять. Но я готовъ служить послѣднему умному соціалъ-демократу, стоящему у власти, и запрятать свои симпатіи, если буду вѣрить, что онъ поведетъ Россію къ спасенію...

...Керенскій такой же чисто идейный человѣкъ, какъ и Церетели. Они кристально чистые люди, но они оторваны отъ быта и знанія родной земли. Нужно прежде всего, чтобы власть проявила боевой импульсъ и чтобы перестала существовать партія «И. И.» — испуганной интеллигенціи.

Ф. И. РОДИЧЕВЪ.

ЧАСТНОЕ СОВѢЩАНІЕ ЧЛЕНОВЪ ГОСУДАРСТВЕН. ДУМЫ.
18 іюля 1917 г.

... Временное Правительство — несчастно...

... Мы стоимъ передъ катастрофой и несчастье состоитъ въ томъ, что власть, отвѣтственная за судьбы родины, не смѣетъ сказать странѣ всю правду въ глаза...

... Нельзя одновременно вести войну и перестраивать всю соціальную жизнь въ условіяхъ международнаго пожара...

... Въ трудную минуту — долгъ каждаго, кому дороги судьбы отечества, не поддаваться паникѣ... Тѣмъ болѣе мы не должны бросать въ страну паническихъ возгласовъ...

Б. В. САВИНКОВЪ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗАСѢДАНІЕ ВЪ ЗИМНЕМЪ ДВОРЦѢ.
21 іюля 1917 года.

... Главная и основная причина разрухи арміи — бездѣйствіе власти, проявленное полномочными органами революціонной демократіи.

Тамъ, гдѣ льется ежеминутно кровь, тамъ думали дѣйствовать словами и увѣщеваніями.

126

Въ арміи нѣтъ дисциплины, ибо полномочные органы революціонной демократіи воспрепятствовали созданію ея во время.

Неужели же органы революціонной демократіи такъ глубоко и безнадежно не понимаютъ арміи? Ибо въ томъ, что за четыре мѣсяца революціи мы потеряли армію — виновны только они.

И. Г. ЦЕРЕТЕЛИ.

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВѢЩАНІЕ.

... Недисциплинированная армія — угроза революціи.

Армія, въ которой обсуждаютъ и критикуютъ боевые приказы, немыслима... Всякіе боевые приказы должны быть выполнены безъ разсужденій...

Н. И. АСТРОВЪ.

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВѢЩАНІЕ.

...Отъ распутья царизма мы попали въ другое распутье...

П. А. КРОПОТКИНЪ.

1) НА ЗАСѢДАНІИ «СТАРОЙ ГВАРДІИ»
4 августа 1917 г.

... Всѣ расчеты Германіи построены на упадкѣ нашего духа...

У насъ по старой привычкѣ всего ждутъ отъ правительства, а агенты германскаго генеральнаго штаба, въ роли истинныхъ соціалъ-демократовъ, дѣлаютъ все возможное, чтобы раздробить наши силы и убить нашъ духъ...

2) МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВѢЩАНІЕ.

...Не будемъ дѣлиться на правыхъ и на лѣвыхъ, у насъ одна родина и за нее мы должны лечь костьми, и правые, и лѣвые.

П. П. РЯБУШИНСКІЙ.

1) ТОРГОВО - ПРОМЫШЛЕННЫЙ СЪѢЗДЪ ВЪ МОСКВѢ.
4 августа 1917 г.

... Мы искренно привѣтствовали свержепіе царской власти, но свергая царскую власть мы не хотѣли, чтобы народъ страдалъ и чтобы мы и вся Россія находились подъ новой тиранiей...

2) МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВѢЩАНІЕ.

... Мы слышали здѣсь «зелвненькія и красныя слова съ ужимками царскаго

наслѣдія», но мы не видѣли и не видимъ власти; управляютъ нами несбыточныя мечты невѣжества и демагогіи...

... Если постылов прошлое насъ размежевываетъ, то пусть мы сблизимся хотя бы въ горѣ....

А. И. ГУЧКОВЪ.

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВѢЩАНІЕ.

... Прежде мы воевали плохо, а теперь еще хуже... Мы идемъ къ тому, чтобы проиграть войну окончательно...

... Наша теперешняя власть больна тѣмъ, что ея нѣтъ...

...Такъ называемая революціонная демократія исключила изъ своего состава многіе и многіе элементы нашей, въ сущности, сугубо демократической страны...

В. А. МАКЛАКОВЪ.

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВѢЩАНІЕ.

16 августа 1917 г.

... Никакіе ваши крики не помѣшаютъ мнѣ сказать, что разложеніе арміи началось послѣ переворота...

... Нужны не слова. Нужно работать. Докажите, что вы любите родину не какъ театръ для революціи или для демонстраціи... Умѣйте дерзать...

П. Б. СТРУВЕ.

МОСКОВСКОЕ СОВѢЩАНІЕ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

8 августа 1917 года.

... Пусть смолкнутъ, наконецъ, всѣ эти безсмысленныя, съ точки зрѣнія научной совершенно никуда негодныя, рѣчи и возгласы о классахъ и классовой борьбѣ въ настоящее время, о буржуазіи и пролетаріатѣ...

... Сейчасъ въ Россіи есть также два вида или двѣ породы людей, которые были въ грозное смутное время 17 вѣка: — прямые и кривые. Одни стоятъ за Россійское государство, за его оборону, за его цѣлость и честь; другіе — въ темной водѣ политической смуты и хозяйственной разрухи производятъ захваты и разрушаютъ господство права, подрываютъ народное согласіе, мощь вооруженной силы и, наконецъ, подрываютъ народное хозяйство...

В. В. ШУЛЬГИНЪ.

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВѢЩАНІЕ.

...Всякіе коллективы мало подвижны, близоруки и глубоко эгоистичны. Коллективы требуютъ, чтобы имъ говорили въ желательномъ смыслѣ...

...Когда мы требуемъ, чтобы вы были сильны, мы не преслѣдуемъ узко классовыхъ интересовъ... Мы желаемъ, чтобы вы были сильны во имя Россіи...

... Они (коллективы) мало подвижны — вы это видѣли у Тарнополя, когда митинговая стратегія запоздала спасти все то, что Совѣщаніе по обороннѣ съ такимъ адскимъ трудомъ накопило въ теченіе полутора лѣтъ. А знаете ли вы, что такое, рядомъ съ митинговой стратегіей, митинговое исправленіе паровозовъ?..

С. И. ТРЕТЬЯКОВЪ.

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВѢЩАНІЕ.

... Если бы потребовалось, то мы отдали бы на алтарь отечества все, даже свою жизнь...

И. А. ИЛЬИНЪ.

МОСКОВСКОЕ СОВѢЩАНІЕ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

... У Ленина есть сейчасъ въ Россіи превникъ. Этотъ преемникъ Викторъ Черновъ.

... Черновъ настолько неумный человѣкъ, что то, что я, никогда не бывшій ни министромъ, ни солдатомъ, понимаю, — онъ, министръ, спасающій Россію, этого не понимаетъ, онъ думаетъ, что солдатъ останется на фронтѣ, когда землю дѣлятъ...

Н. С. ЧХЕИДЗЕ

ВЪ ЗАСѢДАНІН ЦЕНТРАЛЬНЫХЪ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХЪ КОМНТЕТОВЪ

14 іюля 1917 г.

...Мы (С. С. и Р. Д.) не остановимся ни передъ какими жертвами для спасенія революціи и Россіи...

М. В. РОДЗЯНКО

ЧАСТНОЕ СОВѢЩАНІЕ ЧЛЕНОВЪ ГОСУДАРСТВЕН. ДУМЫ
18 іюля 1917 г.

...Передъ нами во весь ростъ стоитъ угроза государственнаго банкротства, разоренія земствъ и городовъ, разрушенія промышленности и торговли и сельскаго хозяйства, полное разстройство желѣзныхъ дорогъ, угроза холода и голода для городского населенія.

Катастрофа въ тылу повлечетъ за собою гибель арміи, а гибель арміи есть гибель Россіи.

Путь одинъ — т в е р д а я и с у р о в а я в л а с т ъ.

Иначе вмѣсто народной власти создастся другая, безпощадная къ тѣмъ свободамъ, которыя завоеваны русской революціей...

Е. ЕГОРОВЪ.

ИЗЪ СТ. «КОНТРЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРЫ»
(«Нов. Вр». 27 іюля 1917 г.)

... Монархія пала безболѣзненно. Она пережила самое себя. Она пала не потому, что не нашла защитниковъ въ столицѣ государства: о н а у м е р л а в ъ с е р д ц а х ъ двухсотъ милліоннаго народа задолго до возстанія въ столицѣ.

С т р ѣ л ь б а в ъ в о з д у х ѣ — вотъ чѣмъ было низвержено царское самодержавіе...

Б. О. БОГДАНОВЪ.

СОВѢЩАНІЕ ПО ОБОРОНѢ.
7 августа 1917 года.

... Наша революція не зажгла всемірнаго пожара революціи, о чемъ мы говорили пять мѣсяцевъ...

ГЕНЕРАЛЪ М. В. АЛЕКСѢЕВЪ.

1) МОСКОВСКОЕ СОВѢЩАНІЕ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.
8 августа 1917 г.

... Въ ряду прочихъ факторовъ , армія имѣетъ громадное значеніе для будущаго Россіи. Будетъ армія драться, будетъ она одерживать побѣды, — Россія спасена; будетъ продолжаться бѣгство и, быть можетъ, не будетъ Россіи.

128

2) МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВѢЩАНІЕ.

... Въ солдатской массѣ было сознаніе долга, было единеніе съ офицерствомъ, хотя кадровые офицеры, искони бывшіе солдатами и искренно солдата любившіе, были перебиты. Но люди, влившіеся въ офицерскую среду, несмотря на свою меньшую подготовку, поддерживали прежнія традиціи и съ охотой отдавали свою жизнь, идя впереди солдатъ...

ГЕНЕРАЛЪ Л. Г. КОРНИЛОВЪ.

1) ВЪ БЕСѢДѢ СЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ПЕЧАТИ.

18 іюля 1917 г.

... При всякой опасности нужно думать объ общемъ для насъ дѣлѣ, а не о себѣ и тогда будешь спокоенъ...

2) МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВѢЩАНІЕ.

... Между тыломъ и фронтомъ не можетъ быть разницы въ суровости возмездія за измѣну...

... Нельзя допустить мысли, что каждая реформа будетъ покупаться у насъ цѣною пораженій...

свои усилія и,отбросивъ въ сторону сведеніе партійныхъ илн иныхъ счетовъ, стать на единственно возможный путь — *путь общности дѣйствій*.

Такъ нѣтъ же! гордясь каждый только своими заслугами въ прошломъ (повторяю опять таки — совершенно справедливо), старое поколѣніе упорно вмѣстѣ съ тѣмъ не хочетъ признать ни прошлыхъ ошибокъ и преступленій, виноваты всѣ и вся — кромѣ нихъ , ни ложныхъ методовъ и безсистемностн настоящаго, а болѣе всего не хотятъ сознаться въ своемъ безснлiи, безплодности, въ томъ, что они отстали отъ теченія современной жизни, далеко ушедшей впередъ и не понимаютъ смысла ея — вотъ почему всѣ лѣкарства спасенія Россіи, приготовленныя по ихъ рецептамъ, оказываются илн устарѣвшнми, или ядовитыми, или безрезультатными.

Каковы же эти методы, которые выдвинуты ими во нмя освобожденія Россіи? Прежде всего мы видимъ старыя партійныя пререканія, дающія въ конечномъ итогѣ до отвращенія нудную старческую болтологію; далѣе — вновь выдвинуты затасканные лозунги, съ которыми отживающему поколѣнію также тяжело разстаться какъ со старымъ халатомъ; на основаніи логарифмическихъ вычисленій заслугъ прошлаго, возникаетъ споръ о мѣстничествѣ, а главное —величайшая самоувѣренность каждаго изъ нихъ только *въ своей* правотѣ, вѣра въ дѣйствительность только *своихъ* принциповъ и методовъ, все же остальное —чушь, однимъ словомъ, полное отсутствіе какого бы то ни было примиряющаго и объединяющаго начала.

А между тѣмъ время не ждетъ, время торопится, летитъ, уходитъ въ вѣчность — все живущее отживаетъ, отцвѣтаетъ, слабѣетъ, обезсиливаетъ и уходитъ въ небытіе—таковы законы природы, которымъ все живущее подчиняется... кромѣ, повидимому, нашего стараго поколѣнія.

У «семи нянекъ дитя безъ глазу», — удивительно ли, что при такомъ положеніи дѣлъ, эта пословица въ Зарубежной Руси оправдалась полностью?

Что бы не взяло старое поколѣніе въ свои рукн—дѣло это неизмѣнно хирѣетъ, глохнетъ и умолкаетъ на вѣки, а на смѣну имъ ндутъ новыя попытки, новыя дозы лѣкарствъ спасенія, по старымъ уже испробованнымъ и оказавшимися негодными рецептамъ, новые фантастнческіе узоры на старой блещущей дырами и заплатами ткани, затѣмъ, какъ полагается, очередной провалъ всей затѣи и такъ безъ конца...

Итакъ,—подведя итогъ о старомъ поколѣніи, нужно, не боясь нареканій, прямо и открыто сказать: *блескъ прошлаго, безсиліе*, а *отсюда безплодность настоящаго* и *безпросвѣтность будущаго*.

Естественно, что молодое поколѣніе не можетъ съ этимъ примириться и такъ какъ *будущее принадлежитъ ему*, то оно и заявило неоспоримыя права на самостоятельность устройства этого своего будущаго; но прежде всего, слѣдуя системѣ, нужно сказать нѣсколько словъ — кто же эта молодежь?

Это тѣ, кто въ свое время воздавали идеалъ своихъ стремленій въ той или иной области, по образцу апостоловъ стараго поколѣнія, кто молнлся этимъ апостоламъ и боготворилъ ихъ, кто за величайшее благо счнталъ попасть къ иимъ въ число учениковъ, кто съ трепетомъ слѣдилъ за каждымъ ихъ словомъ, шагомъ, движеніемъ.

Это тѣ, кто девять лѣтъ тому назадъ—проявили *дѣйствителѣную активность* на улицахъ Петрограда, Москвы и другнхъ городовъ.

Это тѣ, кто ие помирился съ неудачами въ этой первой борьбѣ и перенесъ эту *дѣйствительную и дѣйственную* борьбу на берега Дона, Кубани, Волги, Сѣв. и Зап. Двины.

Это тѣ, кто вели эту борьбу не только на внѣшиихъ фронтахъ, но и на фронтахъ внутреннихъ, создавая затрудненія и осложняя существованіе совѣтской власти.

Это, наконецъ, тѣ, кто послѣ испытанныхъ неудачъ и пораженій (не по ихъ, *простыхъ исполнителей*, винѣ), попали въ ту же эмиграціонную пропасть и, втеченіе восьми лѣтъ, довѣрчиво и терпѣливо, помогали своимъ учнтелямъ, въ ихъ безсильныхъ потугахъ, вылѣзть изъ иея.

Это тѣ, кто, извѣрившись въ нихъ, ушелъ на фабрики, заводы, руднпки—работая и учась,учась н работая,обезпечивая себѣ насущный день и пріобрѣтая знанія (опытъ у нихъ уже есть)—для будущей борьбы и твердо вѣря въ успѣхъ этой послѣдней компромиссной борьбы.

Вотъ какова эта молодежь въ прошломъ и настоящемъ, претендующая на самостоятельное устройство своего будущаго.

Окажется ли эта послѣдняя задача ей по плечу? — трудно сказать...

Мы ие знакомы ни съ плаиами, ни съ надеждами молодости, но считаемъ своимъ долгомъ предостеречь ее, какъ отъ *чрезмѣрныхъ*, на этомъ трудномъ и тернистомъ пути *увлеченій*, такъ и отъ *полнаго игнорированія* мудрой старости: но бережно принявъ отъ нихъ захирѣвшую идею освобожденія, вдохнуть въ иее духъ молодости, жизненности, энергіи и активности.

Политическаго прошлаго у молодого поколѣнія иѣтъ — въ этомъ можетъ быть его минусъ, но за то у молодежи есть другое прошлое, обволокивающее ихъ сердца теплотой воспомиианій и привязанности къ другу другъ, должное послужить залогомъ самаго тѣснаго единенія: этотъ могущественный плюсъ зиждется *на той крови*, которую проливали на поляхъ Дона, Кубаии, Сѣвера, Запада и Юга Россіи вся молодежь въ цѣломъ: и монархисты, и кадеты, и эсъ-деки, и эсъ-эры, и безпартійные...

Владимиръ Игоревъ.

НЕСОГЛАСІЯ ВЪ ЗАРУБЕЖНОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

Новая тяжесть обрушилась на змиграцію и именно съ той сторокы откуда ея меньше всего ждали: ко всѣмъ многочисленнымъ недугамъ, разъѣдающимъ и ослабляющимъ и безъ того слабый организмъ змиграціи, грозитъ присоединиться еще одинъ — *недугъ церковнаго разъединенія.*

Къ счастью, на этотъ разъ, рѣчь идетъ не о какомъ нибудь лжеученіи или лжетолкованіи того или иного догмата православной вѣры — несогласія происходятъ, главнымъ образомъ, по вопросу о признаніи или непризнаніи Карловацкаго Собора высшимъ и полномочнымъ Орагомъ Зарубежнаго Церковнаго Управленія, о дѣйствительности или недѣйствительности его постановленій и, въ связи съ этимъ, о подчиненіи или неподчиненіи этимъ постановленіямъ, т. е. тому же Карловацкому Собору.

Это, такъ сказать, общая формула разногласій, изъ которой конкретно уже вытекаетъ вопросъ о возглавленіи приходовъ тѣхъ или иныхъ зарубежно-территоріальныхъ церковныхъ подраздѣленій, а отсюда, слѣдовательно, вопросъ и о первенствѣ. ..

Вся отрицательная сторона этого печальнаго явленія заключается въ томъ, что Владыки не удержались отъ искушенія вынести эти, внутренніе между собою, несогласія на судъ змиграціи путемъ прессы, непосредственнаго общенія съ группами змиграціи или же общенія черезъ довѣренныхъ лицъ.

Естественно, что змиграція всколыхнулась, забурлила, и, проявивъ свое сочувствіе въ одномъ случаѣ и несочувствіе въ другомъ — раскололась на два лагеря: *другові и недругові по отношенію къ тому или иному Іерарху.*

Такимъ образомъ, событія, въ сущности второстепеннаго характера, въ области несогласія церковно-административныхъ толкованій, выносятся ка судъ толпы, чѣмъ создается поводъ для критики и подрывается престижъ того или иного Владыки, ко самое главное дается еще одинъ лишній поводъ *для торжества нашихъ враговъ — большевиковъ и темныхъ большевиствующихъ силъ.*

Не въ томъ дѣло, что по документамъ Св. Патріарха Тихона, функціи Зарубежныхъ Владыкъ ясно или неясно разграничены, а дѣло въ томъ, что эти документы, очевидно, въ какой то мѣрѣ вызываютъ такія сомнѣнія, что даже сами, Высшіе Церковные Служители, не могутъ разобраться въ нихъ, притти къ единству мнѣній и толкуютъ ихъ различно — какъ же можно въ этомъ случаѣ полагаться на судъ общества, не знакомаго въ тонкостяхъ—ни съ каноническими правилами, ни съ постановленіями Вселенскихъ Соборовъ, ке знающаго подробностей причинъ разногласія и могущаго противупоставить только *лишь личныя симпатіи и антипатіи.*

О. М—я.

ТРЕХЛѢТНЯЯ ГОДОВЩИНА СОЮЗА ГАЛЛИПОЛІЙЦЕВЪ.

12 мая*) для Галлиполійцевъ былъ памятный день—въ этотъ декь они праздновали трехлѣтнюю годовщину своего бытія во Франціи (а въ общемъ итогѣ $8^1/_2$ лѣтъ ихъ существованія — что еще важнѣе).

Ко дню празднованія прибылъ генер. баронъ Врангель, послѣдній Главнокомандующій Русской (Добровольческой) Арміи, который и присутствовалъ на банкетѣ Галлиполійцевъ — въ салонахъ Доре.

Огромный залъ еле могъ вмѣстить всѣхъ пожелавшихъ принять участіе — несомнѣнный признакъ симпатій и вниманія общества къ семейнымъ праздникамъ нашей Арміи.

Кромѣ членовъ Союза, присутствовали дамы и большинство общественныхъ и политическихъ дѣятелей, живущихъ въ Парижѣ и пожелавшихъ привѣтствовать Галлиполійцевъ съ годовщиной ихъ доблестнаго военно-рабочаго бытія во Франціи, — что и было высказаяо многими изъ присутствующихъ въ теплыхъ словахъ.

Лейтмотивомъ застольныхъ рѣчей звучали надежды на скорое возвращеніе въ Россію и надежды возлагаемыя въ этомъ отношеніи на Армію. И доблестные хозяева и гости слились во-едино.

*) Эта и слѣдующія даты относятся къ 1926 году.

Рѣзнимъ диссонансомъ, непріятно поразившимъ присутствующяхъ, и особенно старыхъ офицеровъ, явилось «нолѣнопрсклоненіе» одного изъ молодыхъ офицеровъ, когда онъ подносилъ традиціонную «чарочку» генералу Врангелю.

Канъ выснилось потомъ — это «традиція» молодыхъ Галлиполійцевъ...

Странная традиція... Молодымъ Галлиполійцамъ не слѣдуетъ забывать, что подобной традиціи не было яи въ Руссной Императорсной Арміи, ни въ Добровольческой Арміи временъ генераловъ Алексѣева, Корнилова и Деникина, ни въ другихъ братснихъ Добровольческихъ Арміяхъ — адмирала Колчака, генерала Юденича, генерала Миллера...

И имя этой традиціи: «униженіе офицерскаго достоинства».

ГОДОВЩИНА ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ.

31-го іюля въ Собраніи Союза Галлиполійцевъ состоялось панихида по павшимъ вождямъ и убіеняымъ воянамъ въ Велиную Войну, послѣ чего предсѣдателемъ Союза, гснераломъ Репьевымъ, было отнрыто торжественное собраніе, посвященное двѣнадцатилѣтію войны, яа которомъ присутствовало всего.. увы 45 человѣкъ, въ томъ числѣ—изъ высшаго номандованія одинъ только генералъ Шатиловъ, вснорѣ, впрочемъ, ушедшій.

А жаль! этотъ торжественный и знаменательный день нужно было бы вмѣстѣ провести всѣмъ участнинамъ войны — отъ высшаго генерала я до самаго младшаго офицера...

Собраніе было открыто теплой рѣчью генерала Репьева:

«12 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, когда мы по повелѣнію Императора обнажили мечъ противъ дерзнаго врага, вставъ на защиту маленькой братской Сербіи — за это время пережито яе мало. Мы шля на борьбу съ радостнымъ сердцемъ, увѣренные, что побѣда будетъ за нами—такъ и было бы—если бы солдаты не поддалясь лозунгамъ мирной жизни... врагъ не могъ съ пами справится и пошелъ на интриги»...

Перечисляя всѣхъ Вождей, упомянувъ о павшихъ участнинохъ, а также и о гибели Царсной Семьи, генералъ Репьевъ предложилъ почтить ихъ память вставаніемъ.

«Велиная по замыслу война — продолжалъ докладчикъ — онончилась позорнымъ Брестъ-Литовснимъ міромъ, не потому что насъ разбили, а потому, что русскіе солдаты не захотѣли воевать и вотъ, въ результатѣ, Россія во власти темныхъ снлъ, а мы въ изгнаніи».

Послѣдняя часть рѣчи генерала Репьева объ объединеніи подъ главенствомъ Верховнаго Вождя Великаго Князя Нинолая Николаевича, во имя освобожденія Россіи, было покрыта громнямъ «ура» присутствующихъ.

Слѣдующій докладчикъ, полн. Жолондновскій подробно освѣтилъ состоявіе всѣхъ сторонъ передъ войной.

Сяльное впечатлѣніе на присутствующихъ произвела рѣчь полновнина Пятяцнаго, полная глубоной любви нъ Россіи и гордости былыми подвигами. Докладчикъ негодуетъ, что союзняки, столь обязаяные Россіи, забыли не только о всемъ содѣянномъ нами, но вообще забыли самое слово «Россія» — какъ будто бы этого слова — ня въ историчесномъ, ни въ географичесномъ ленсиконѣ и не было някогда!...

«Но Россія воснресяетъ—говоритъ докладчинъ — и займетъ то мѣсто, нотоой ей принадлежитъ по праву въ ряду другихъ государствъ...»

Собраніе было закончено чтеніемъ прнрасныхъ стихотвореній корнета Станюновича, среди которыхъ нужно отмѣтить «Забытый танкъ».

X.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ

РУССКАЯ ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛІОТЕКА
ВЪ БѢЛГРАДѢ

131

IX.

ВНУТРЕННЯЯ РОССІЯ

132

ГДѢ МАТЕРІАЛЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ?

Главнѣйшими факторами правильнаго освѣщенія тѣхъ или иныхъ историческихъ событій, какъ извѣстно, является весь тотъ соотвѣтствующій данной эпохѣ официальный и неофиціальный матеріалъ (документы, письма, дневники, литература, художественные матеріалы, фотографіи, зарисовки и т. п.), который наглядным образомъ характеризуетъ всѣ основныя элементы обстановки, т. е. лица, мѣсто, время и образъ дѣйствій: причины, факты и слѣдствія.

Вся литература послѣдующаго данной эпохѣ времени будетъ имѣть значеніе лишь постольку, поскольку она основана на этихъ именно документальныхъ данныхъ и подобный матеріалъ, какъ напр., воспоминанія, очерки, описанія, изслѣдованія, исторіи и т. п., долженъ приниматься читателемъ въ зависимости отъ его обоснованности и съ поправкой за счетъ индивидуальныхъ качествъ автора — отсюда и вытекаетъ историческая цѣнность тѣхъ или иныхъ трудовъ, претендующихъ на вниманіе госпожи Кліо.

Дѣлая краткую предпосылку о положеніи этого вопроса въ періодъ войны и революціи, авторъ этихъ строкъ ставитъ себѣ главной задачей дать, въ общихъ чертахъ, обзоръ этого вопроса въ періодъ войны гражданской, съ цѣлью помочь будущему историку — найти и разобраться въ тѣхъ первоисточникахъ этого времени, которые лепестками разбросаны по всему русскому и заграничному міру и которые, въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ, не попали на страницы многочисленныхъ воспоминаній, мемуаровъ и т. п — вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ указаны и безвозвратно погибшіе матеріалы-нахожденіе хоть части которыхъ явится для историка счастливой случайностью.

*
*

Во время европейской войны, на вопросъ о собираніи историческихъ матеріаловъ, во всѣхъ государствахъ было обращено самое серьезное вниманіе и, какъ результатъ правильной постановки этого дѣла, спустя всего два-три года послѣ окончанія войны, книжный рынокъ былъ переполненъ многочисленными томами военныхъ, военно-историческихъ и военно-политическихъ сочиненій; уже тогда встрѣчались попытки (главнымъ образомъ, во французской и американской литературѣ) охватить войну въ цѣломъ,

иа всемъ ея протяженіи — правда, въ этихъ послѣднихъ случаяхъ, преслѣдовались скорѣе цѣли коммерческаго характера...

Само собою разумѣется, что и въ нашей «отсталой въ культуриомъ отношеніи Россіи» — на этотъ вопросъ было обращено исключительное вниманіе и дѣло собиранія и сохраненія военныхъ матеріаловъ было поставлено на должную высоту: чуть ли не съ первыхъ дней была образоваиа В.-Историческая Комиссія и отведены огромныя помѣщенія подъ архивы, куда части войскъ, періодически, по мѣрѣ иакопленія у нихъ матеріала, сдавали весь этотъ, излишній въ боевой обстановкѣ, грузъ.

В.-Историческая Комиссія во все время продолженія войны занималась разборкой и систематизаціей этого матеріала, а за время совѣтской власти и значительно расширила свои функціи, какъ въ смыслѣ организаціи работы и личнаго состава, такъ и въ смыслѣ продуктивности этихъ работъ — результатъ не замедлилъ сказаться: въ русской воеиной литературѣ мы уже имѣемъ рядъ трудовъ по изслѣдованію разныхъ періодовъ и разныхъ вопросовъ минувшей войны, такихъ авторовъ, какъ напр., генералы Заіончковскій, Клембовскій, Свѣчинъ, Маниковскій, Незнамовъ и др.*)

*
* *

Насколько организація сбора матеріаловъ войны поставлена была въ теченіе всего періода 1914-1917 г. г. въ нормальныя условія, — настолько же этотъ вопросъ во время революціи и послѣдовавшей затѣмъ гражданской войны — находился въ условіяхъ крайне легкомысленнаго отношенія и даже преступнаго бездѣйствія?

Казалось бы, что уже съ первыхъ дней революціи необходимо было образовать учрежденіе, аналогичное В.-Исторической Комиссіи и имѣющее цѣлью сборъ и храненіе матеріаловъ русской революціи — въ дѣйствительности ничего подобнаго сдѣлано не было. Въ результатѣ — много цѣннѣйшаго матеріала погибло во время пожаровъ, хозяйничанья темныхъ и заинтересованныхъ силъ въ офиціальныхъ архивахъ, или попросту было варварски уничтожено въ припадкѣ дикой злобы ко всему тому, что не соотвѣтствовало духу или понятію времени, политической или партійиой мысли.

Въ общемъ нужно еще разъ подчеркнуть, что на сборъ и храненіе матеріаловъ по исторіи революціи не было обращено должнаго вниманія (если ие считать отдѣльныхъ неорганизованныхъ попытокъ — попытокъ ие связанныхъ опредѣленной задачей и опредѣленнымъ руководствомъ, — заглохшихъ чуть ли не въ самомъ началѣ ихъ возникновенія) и, несмотря на

*) Среди зарубежной военной литературы необходимо отмѣтить труды генераловъ Н. Головина, Ю. Данилова, В. и А. Драгомировыхъ, П. Залѣсскаго.

переполненный рынокъ воспоминаніями этой эпохи, нужно сказать, что они далеко не въ полной мѣрѣ, далеко не всесторонне и, наконецъ, далеко не вполнѣ объективно, охватываютъ событія за февраль-октябрь 1917 года.

*

* *

Повторяю, что все вышензложенное является лишь вступительными словами для освѣщенія этого вопроса въ періодъ большевизма и гражданской войны.

Я не буду касаться этого вопроса въ его цѣломъ видѣ и замѣчу лишь, что, здѣсь, большевики, проявивъ «захватное право», въ широкой степени опубликовываютъ все то, что еще такъ недавно являлось или государственной тайной, или страницами той или иной частной жизни и было недоступно общему свѣдѣнію; я остановлюсь только на организаціи сбора матеріаловъ обѣими сторонами (большевистской и ангибольшевистской) въ періодъ гражданской войны.

Неизвѣстно — было ли что нибудь похожее на—В.—Историческую Комиссію или другую какую нибудь организацію по сбору и сохраненію матеріаловъ у большевиковъ, но за то съ полной опредѣленностью можно сказать, что у противной стороны — антибольшевистской на этотъ вопросъ, до марта мѣсяца 1919 года не было обращено никакого вниманія, — короче говоря — каждый генералъ или полковникъ, каждый политическій или общественный дѣятель, каждый служащій какого либо учрежденія, считали принадлежащимъ, на правахъ собственности, попавшій къ нимъ тотъ или иной матеріалъ, хотя бы и официальнаго характера*).

А такъ такъ генералы, полковники, общественные и политическіе дѣятели послѣ окончанія войны разъѣхались по бѣлу свѣту, то и исторія этого періода разсыпалась по различнымъ странамъ и собирать ихъ приходится буквально по лепесткамъ.

Куда же исчезли эти груды исписанной бумаги, горы свѣженапечатанныхъ книгъ и брошюръ, тюки плакатовъ и ящики съ дѣлами и перепиской?

Нижеприводимые примѣры дадутъ, если не исчерпывающій, то достаточно полный отвѣтъ на этотъ вопросъ:

А) *Совѣтскія войска эвакуируются — Добровольч. Армія вступаетъ...*

Все равно о какомъ пунктѣ идетъ рѣчь, ибо вездѣ происходило одно и то же. Итакъ, совѣтскія войска эвакуируются и, конечно, часть матеріаловъ увозится, а часть уничтожается. Добровольческая Армія, вступивъ въ тотъ или иной пунктъ, въ лицѣ особо назначенныхъ Политическимъ Отдѣломъ чиновъ, принимается за розыскъ большевистскихъ официальныхъ и неофи-

*) Примѣровъ сколько угодно: предс. комис. по разслѣдов. звѣрствъ содѣян. больш. — г. Мейнгардъ, генералы Лукомскій, Покровскій, Врангель и т. д.

ціальныхъ учрежденій и находитъ штабы, чрезвычайки, политотдѣлы, агитотдѣлы, клубы и т. п.

Послѣ осмотра и ознакомленія съ найденными въ нихъ матеріалами, часть — по 1-2 экземпляра книгъ и брошюръ, а также документы, дѣла, печати и т. п. отправляются въ высшій штабъ, часть же наиболѣе интереснаго матеріала, не исключая и документовъ, разбирается присутствующими «на память» — все же остальное безжалостно уничтожается.

Такъ какъ , въ это же время, работаетъ и «контръ-развѣдка», то, конечно, всякій благоразумный гражданинъ, если онъ только когда нибудь и задавался «историческими цѣлями», прежде всего подумаетъ о личной безопасности и, изъ боязни «исторіи», постарается, тѣмъ или инымъ путемъ, какъ можно скорѣе, избавиться отъ находящагося у него непріятнаго и опаснаго матеріала.

Между тѣмъ промежуточные штабы, оставивъ у себя также «на память» или «для дѣла» опять-таки наиболѣе интересные экземпляры весь остальной матеріалъ отсылаютъ въ слѣдующій — высшій штабъ и, наконецъ, послѣдняя инстанція оставляетъ лишь самое необходимое съ точки зрѣнія возможнаго использованія въ данный моментъ — все же остальное уничтожается.

Другой примѣръ:

Б) *Добровольческая Армія эвакуируется — Совѣтскія войска вступаютъ...*

Уже за нѣсколько дней упаковывается наиболѣе цѣнное и портативное имущество — весь же остальной малоцѣнный или громоздкій матеріалъ уничтожается или по-просту выбрасывается: улицы города, пригородные пути и пути вдоль желѣзныхъ дорогъ сплошь усѣяны выброшеннымъ ненужнымъ «хламомъ» — здѣсь и плакаты, и приказы, и пачки брошюръ, и листовокъ, и прокламацій, и хозяйственныхъ дѣлъ, и разныхъ книгъ, и газетъ — однимъ словомъ, все то, что видѣли многіе десятки тысячъ эвакуирующихся гражданъ на путяхъ къ Новороссійску и Севастополю.

Большевики занимаютъ оставленный добровольцами пунктъ и, въ свою очередь, устремившись на поиски «контръ-революціонныхъ учрежденій», и найдя таковыя , въ яростномъ ослѣпленіи, сжигаютъ и уничтожаютъ все найденное въ нихъ «до тла»; а такъ какъ, въ это же время, начинаетъ свою обычную работу и «че-ка», то опять таки благоразумный обыватель, опасаясь «исторіи», постарается заблаговременно и поскорѣе отдѣлаться отъ этихъ непріятныхъ «историческихъ» матеріаловъ, которые къ нему попали въ тѣхъ или иныхъ цѣляхъ.

Таковы примѣрно условія «нормальной» эвакуаціи — можно себѣ представить, что творится въ условіяхъ эвакуаціи, выражаясь мягко — внезапной, эвакуаціи моментальнаго характера, какъ это имѣло мѣсто при уходѣ Добровольческой Арміи въ Кубанскій походъ, или при оставленіи Ка-

зани чехо-словаками или, наконецъ, при оставленіи Крыма генераломъ Врангелемъ?

Вотъ тѣ причины, въ силу которыхъ историки, при изученіи русской революціи и гражданской войны, не разъ будутъ поставлены въ затруднительное, а иногда и безвыходное положеніе за отсутствіемъ тѣхъ или иныхъ первоисточниковъ, и вотъ почему нужно теперь же, пока еще не поздно, зафиксировать мѣста скопленія большого или меньшаго количества матеріаловъ этого періода и указать или тѣхъ лицъ, которыя этими матеріалами обладаютъ, или хотя бы слѣды, по которымъ, при достаточной энергіи, матеріалы впослѣдствіи могутъ быть найдены.

Нельзя не признать, что совѣтская власть находится въ этомъ отношеніи въ блестящихъ, по сравненію съ нами, условіяхъ,*) ибо, во-первыхъ, она обладаетъ территоріей минувшихъ событій, а во-вторыхъ, огромными средствами, дающими ей возможность легко и всесторонне разрѣшить этотъ вопросъ.

Идя на встрѣчу многочисленнымъ попыткамъ занести минувшія событія на страницы исторіи, авторъ настоящей статьи спѣшитъ подѣлиться нѣкоторыми воспоминаніями о безвозвратно погибшемъ историческомъ матеріалѣ данной эпохи, о случайно уцѣлѣвшемъ, а также о лицахъ обладающихъ имъ и о мѣстахъ случайнаго скопленія матеріаловъ — быть можетъ будущіе историки смогутъ использовать то, что для насъ, по ироніи судьбы, въ данное время, недоступно.

---

1. Въ предыдущей книгѣ «Бѣлаго Архива» было уже въ краткихъ чертахъ упомянуто какую невозградимую потерю покесла исторія Добровольческой Арміи передъ Кубанскимъ походомъ и какіе матеріалы были уничтожены — (сожжены) — тогда мнѣ казалось, что все было весьма основательно сожжено. И вотъ, спустя полтора года послѣ описаннаго событія, я познакомился съ одной очень милой и преданной бѣлому движенію барышней, служившей въ Ростовѣ, въ Политическомъ отдѣлѣ генерала Врангеля, у которой оказалась на рукахъ... обгорѣлая тетрадка подлинныхъ приказовъ генерала Корнилова и генерала Деникина; два-три экземпляра было переданы въ мой «Музей Современныхъ Событій въ Россіи», а остальные, повидимому, яаходятся у нея и по сіе время.

2. Въ гор. Новочеркасскѣ, у одного изъ телеграфныхъ чиновниковъ, я видѣлъ ленты прямого провода — телеграфные разговоры генерала Каледина и М. П. Богаевскаго съ Союзомъ Казачьихъ Войскъ, со Ставкой и т. п. — цѣна этихъ лентъ была очень высока, и при всемъ желаніи пріобрѣсти ихъ — это оказалось мнѣ не по средствамъ.

3. Въ концѣ 1917 года, въ гор. Ростовъ ка Д., прибылъ небезъизвѣстный матросъ Федоръ Баткинъ, остановившійся въ одномъ изъ офицерскихъ общежитій. Уходя ка поиски квартиры, онъ попросилъ Начальника общежитія особенно присмотрѣть за его чемоданомъ, прибавивъ, что черезъ полтора-два часа онъ пришлетъ за чемоданомъ «своего офицера».

*) Въ газетныхъ извѣстіяхъ кедавняго прошлаго имѣются любопытныя сообщенія: 1) что сов. властью отправлена истор. комиссія по слѣдамъ Таманской Арміи для сбора, попути слѣдованія арміи, матеріаловъ и 2) что въ Сибири, въ разныхъ мѣстахъ, обнаружены «Колчаковскіе Архивы».

Дѣйствительно, спустя два часа, въ общежитіе явился какой то молодой офицеръ и потребовалъ отъ имени Баткина чемоданъ, который и былъ переданъ ему, ничего ке подозрѣвавшимъ Начальникомъ общежитія.

Черезъ полчаса послѣ этого явился самъ Баткинъ и тутъ только выяснилось, что чемоданъ былъ похищенъ, такъ какъ Баткинъ никого не посылалъ; въ чемоданѣ же находились слѣдующіе цѣнные матеріалы: письма генерала М. В. Алексѣева, письма генерала Л. Г. Корнилова періода подготовки къ выступленію противъ Временнаго Правительства и самого выступленія, полевая книжка генерала Коркилова, часть писемъ генерала И. П. Романовскаго, различные документы о поѣздкахъ на фронтъ, а также краткія описанія дѣятелькости пѣкоторыхъ антибольшевистскихъ организацій — все это пропало вмѣстѣ съ чемоданомъ.

---

4. Въ концѣ 1918 года, Начальникомъ Штаба Добровольческой Арміи, генераломъ И. П. Романовскимъ, было поручено генеральнаго штаба полковнику И. И. Терванду составленіе офиціальнаго описанія 1-го Кубанскаго (Ледяного) похода, при чемъ въ его распоряженіе были предоставлены исчерпывающіе документы, въ томъ числѣ и папка Корниловскихъ документовъ. Впослѣдствіи функціи полковника Терванда въ этомъ направленіи были значительно расширены и онъ уже получилъ задачу составить описанія боевыхъ дѣйствій Добровольческой Арміи за время и второго Кубанскаго похода.

Къ осени 1919 года, первая часть заданія полк. Тервандомъ была исполнена и сдана для печати въ «Освагъ». Вслѣдствіе быстро разыгравшихся военныхъ событій и качавшейся, въ связи съ этимъ, эвакуаціей Ростова, печатаніе книги закончено ке было (по словамъ полк. Терванда, былъ отпечатанъ всего лишь первый листъ). Для окончанія начатой работы полк. Тервандъ испросилъ разрѣшеніе отправиться въ Чехословакію, куда и отбылъ съ нѣсколькими ящиками цѣннаго историческаго матеріала. Изъ Чехословакіи полк. Тервандъ отправился въ «родную» ему Эстонію, увезя съ собою, какъ папку съ Корниловскими документами, такъ и ящики съ военно-историческимъ матеріаломъ.

---

5. Бывая въ Софіи у генерала Покровскаго и помогая ему въ разборкѣ и оцѣнкѣ нѣкоторыхъ документовъ (которыхъ у него было два довольно большихъ ящика), я, среди документовъ объ участіи его въ Ледяномъ походѣ и дальнѣйшей его службѣ и боевой дѣятельности въ рядахъ Добровольческой Арміи, наткнулся ка два дѣла съ надписью «Калабуховская исторія». Эти дѣла содержали рядъ цѣкнѣйшихъ документовъ секретнаго характера, опредѣляющихъ роль и степень участія нѣкоторыхъ командныхъ лицъ Добров. Арміи въ этой исторіи, а также подобныя указанія и директивы, полученныя въ свое время генераломъ Покровскимъ отъ своего непосредственнаго въ то время качальника для безболѣзненнаго и безотказнаго проведенія этой «исторіи» *въ жизнь*.

---

6. Въ Архивѣ Отдѣла Иностранныхъ Дѣлъ Всевеликаго Войска Донского имѣется два весьма интересныхъ дѣла, содержащихъ переписку между Вождями Добровольческаго и Донского Командованія за 1918-1919 г. г. по раэличнымъ вопросамъ. Часть этой переписки опубликована въ сборкикахъ «Бѣлаго Архива».

---

7. Въ 1919 году, въ Кокстантинополь, въ числѣ прочихъ змигрантовъ, прибылъ нѣкто г. Мейнгардъ, предсѣдатель, такъ называемой въ общежитіи, «звѣрской» комиссіи — Комиссіи по разслѣдованію злодѣяній, совершенныхъ большевиками, привезя съ собою большое колпчество матеріаловъ, являющихся результатомъ дѣятельности Комиссіи.

Спустя нѣсколько времеки матеріалы эти были перевезены во Францію и здѣсь были сданы въ Musee de la Guerre. Въ настоящее время ведутся переговоры о передачѣ этихъ матеріаловъ въ одинъ изъ Американскихъ Укиверситетовъ: Stanford University, California.

Эти несомнѣнно интересные матеріалы будущей Россіи, конечно, будетъ весьма трудно получить обратко.

---

8. Въ кокцѣ 1918 года, въ г. Новочеркасскѣ, какъ сейчасъ помню, — въ пятницу пришелъ ко мнѣ покойный кынѣ генералъ Н. І. Ивановъ и среди

рилъ, что я только что выписанъ изъ екатеринодарскаго лазарета, гдѣ находился на излѣченіи отъ раны, полученной въ бою на Манычѣ. Третій документъ предписывалъ явиться въ распоряженіе екатеринодарскаго коменданта для направленія въ «свою часть».

Къ визиту въ комендантское управленіе надо было подготовиться. Прежде всего надлежало заглянуть въ «Уставъ Внутренней Службы Россійской Рабоче-Крестьянской Арміи», чтобы не сдѣлать при представленіи красному начальству чего нибудь «бѣлогвардейскаго».

Обзаведясь фуражкой съ красной звѣздой и соотвѣтствующей гимнастеркой, я пошелъ на розыски «Устава внутренней службы», который и пріобрѣлъ благополучно въ красноармейскомъ кооперативѣ. На изученіе устава пришлось истратить не больше двухъ часовъ, т. к. уставъ оказался переработкой, хорошо мнѣ знакомаго, стараго Устава внутренней службы. Встрѣтились, впрочемъ, кое-какія кововведенія. Нашъ уставъ говорилъ о «начальникѣ» и «подчиненномъ», красный уставчикъ «начальника» замѣнилъ «руководителемъ», а «подчиненнаго» «руководимымъ». Руководитель — это образецъ «революціоннаго долга». Руководимый долженъ брать съ него «революціонный примѣръ». Такъ какъ чиновъ въ красной арміи нѣтъ—всѣ именуются по должностямъ: тов. командиръ полка, тов. командующій арміей и т. д. Взамѣнъ погонъ, для отличія въ должностяхъ, введены нарукавные знаки. Знаки состоятъ изъ небольшихъ квадратиковъ — чѣмъ больше квадратиковъ и чѣмъ они крупнѣе по размѣрамъ, тѣмъ важнѣе персона товарища. Пришлось зазубрить скалу квадратиковъ, чтобы умѣть разбираться въ должностяхъ. Затѣмъ надо было запомнить цвѣта, ибо каждый родъ войска имѣетъ свой цвѣтъ или, какъ говорятъ, «свой приборъ». Не лишне было узнать, что «радъ стараться» не принято въ красной арміи, и что на благодарность начальства надо отвѣчать — «служу народу» или «служу революціи».

Одолѣвъ уставъ, можно было итти передъ очи, коваго для меня, краснаго начальства...

3. У КРАСНАГО КОМЕНДАНТА.

Въ комендантскомъ управленіи меня встрѣтилъ адъютантъ, пригласилъ къ себѣ въ кабинетъ и, ознакомившись съ моими документами, заявилъ:

— Вашъ полкъ, товарищъ, расформировывается — въ общемъ вся бригада расформировывается... Всѣхъ чиновъ вашей бригады приказано направлять въ 3-ю стрѣлковую бригаду.

Это распоряженіе не было для меня новостью — меня интересовалъ вопросъ другой: всѣ ли чины «моей» бригады будутъ переведены въ 3-ю бригаду. Встрѣча со «своими» была, разумѣется, нежелательна. Я закинулъ по этому вопросу осторожную «удочку», на что получилъ успокоительный отвѣтъ: кадры «моей» бригады назначены на укомплектованіе одной изъ дивизій, стоящей въ Ростовѣ, въ 3-ю же бригаду назначаются выписывающіеся изъ лазаретовъ, отпускные и прочіе случайные хвосты, оказавшіеся на Кубани.

Получилъ предписаніе явиться къ мѣсту новой службы.

Зашелъ въ ближайшее кафе, чтобы написать рапортъ на имя командира 3-й стрѣлковой бригады о томъ, что прибылъ въ его распоряженіе. Пришлось три раза переписывать рапортъ: Ѣ и Ъ все время предательски проскакивали на свои мѣста.

4. ВЪ ШТАБѢ 3-й СТРѢЛКОВОЙ БРИГАДЫ.

На трамваѣ добрался до штаба бригады. Начальникомъ штаба былъ бывшій штабсъ-капитанъ Тихоновъ. Представился ему. Онъ просмотрѣлъ номендантское предписаніе, пришпилснкое къ моему рапорту и пошелъ доложить обо мнѣ командиру бригады. У двери они встрѣтились — номандиръ бригады, товарищъ Карлсонъ, входилъ накъ разъ въ кабинетъ.

— Вы бывшій офицеръ? — чуточку шепелявя , съ латышскимъ акцентомъ, обратился ко мнѣ Карлсонъ.

— Да.

— Давко въ краской арміи?

— Съ 1918 года.

— Вашъ офицерскій чинъ?

— Поручикъ.

— Канъ въ полкахъ комсоставъ? — обратился окъ къ начальнику штаба.

— Полный штатъ, — отвѣтилъ Тихоновъ.

— А въ штабѣ?

— Свободно мѣсто сотруднина.

На рапортѣ моемъ , въ углу, комбригъ крупнымъ почерномъ выводитъ: «Приномандировать къ штабу сотрудкиномъ».

Итанъ, я вошелъ въ красную армію...

Чтобы избѣжнать излишкихъ разговоровъ и разспросовъ, разыгрываю бурбона; со всѣми сухъ, чуточку грубоватъ; держусь официалько.

Штабъ бригады состоитъ изъ начальника штаба , двухъ его помощниковъ — одного по оперативной части и одного по административкой, двухъ сотрудниковъ, т. е. по нашему говоря, адъютантовъ и нѣсколькихъ писарей.

Оперативкой работы, конечно, сейчасъ никакой нѣтъ — бригада отдыхаетъ послѣ боевъ. Кромѣ обычной переписни, штабъ приводитъ въ порядокъ списки личнаго состава полковъ, дописываетъ задкимъ числомъ приказы по бригадѣ, приводитъ въ порядокъ архивъ.

Чувствую себя все время напряженко. Слово «товарищъ» говорю, кажется, чаще,чѣмъ это нужно. Трудно очень съ новыми терминами. Всѣ эти «запкавдивы» , «продномы», «инспехармы,» «начснабриги», «начвосо» — очень утомляютъ; а съ ними все время приходится имѣть дѣло — такова ужъ моя служба. Ошибиться въ термикѣ рисковано — могутъ взять подъ сомнѣніе: два года въ арміи и не знаетъ, что такое «начвосо» или «инспехармъ»...

Приходится пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы усвоить этотъ тарабарскій языкъ, и долженъ отдать себѣ справедливость: успѣхи на этомъ фронтѣ я дѣлалъ ощутительные.

— Завтра, товарищъ, комбригъ производитъ смотръ учебной номандѣ 125-го полна — вы назкачестсь ассистентомъ...

Мнѣ предстояло записывать недочеты въ подготовкѣ учебкой номанды, дѣлая при этомъ ссылки на соотвѣтствующія статьи уставовъ. Цѣлыя сутки я провелъ за стопкой красныхъ уставчиновъ; заучивать, впрочемъ, приходилось только измѣненія, такъ канъ старые уставы я зналъ довольно хорошо. Эта работа сошла вполнѣ благополучно и всѣ мои замѣчанія по поводу смотра полностью, безъ канихъ бы то ни было измѣкеяій, были приведены въ приказѣ по брига-

разговора заявилъ, что у него на квартирѣ имѣются весьма интересные и многочисленные документы, какъ напр., письма Государя, оперативныя документы, матеріалы 1905 г. и февраля 1917 г., матеріалы Южной Арміи, гдѣ онъ, по его словамъ, «влипъ въ грязную исторію» и т. п., которые ему удалось вывезти на Донъ, но что онъ, вслѣдствіе своей старости, не надѣется ихъ использовать и не прочь передать ихъ мнѣ, молодому человѣку... и т. д., для чего и пригласилъ меня къ себѣ въ слѣдующій вторникъ. Къ глубокому моему прискорбію генералъ заболѣлъ въ воскресенье, а во вторникъ... скончался... Гдѣ матеріалы — неизвѣстно?

9. Какъ извѣстно, покойный генералъ М. Г. Дроздовскій, во время формированія отряда въ Румыніи, велъ подробный дневникъ. Въ этомъ дневникѣ, шагъ за шагомъ, описывалась исторія формированія отряда, содѣйствіе и противодѣйствіе этому начинанію со стороны нѣкоторыхъ высокихъ русскихъ и румынскихъ военныхъ лицъ, движеніе отряда на Донъ и бои, какъ самостоятельные, такъ впослѣдствіе и въ рядахъ Добровольческой Арміи; къ этому послѣднему времени относится и рядъ весьма интересныхъ документовъ: рапорты генерала Дроздовскаго о неудовлетворительномъ состояніи арміи и о причинахъ этого отрицательнаго явленія, стратегическія соображенія покойнаго, шедшія иногда вразрѣзъ съ планами Главнаго Командованія Добровольческой Арміи, донесенія о преступной дѣятельности нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ — однимъ словомъ, все то, что послужило причиной отрицательнаго отношенія Ставки къ покойному, что не разъ высказывалось Штабомъ въ отвѣтахъ генералу Дроздовскому.

Весь этотъ матеріалъ генералъ Дроздовскій наканунѣ своей смерти обѣщалъ, въ присутствіи свидѣтелей, передать мнѣ, своему старому боевому товарищу,*) на храненіе.

Но въ день смерти его, изъ политической канцеляріи, явился полковникъ Чайковскій, который и забралъ весь матеріалъ по распоряженію генерала Драгомирова (Абрама). Конечно, при этихъ условіяхъ, было уже трудно что нибудь оттуда получить...

10. Огромные матеріалы, къ сожалѣнію, пока полностью недоступные, имѣются въ распоряженіи генерала Врангеля, находящіеся главной своей частью въ г. Сараево и Карловцахъ, составляющихъ Архивъ Арміи. Въ настоящее время, въ связи съ появившимися въ газетахъ сообщеніями объ изданіи «Бѣлаго Движенія» или «Лѣтописи бѣлаго движенія», въ основу котораго будетъ заложенъ дневникъ ген. Врангеля, повидимому, часть этихъ матеріаловъ, конечно, несекретнаго характера, лежавшихъ долгое время подъ спудомъ, рѣшено использовать.

11. Слѣдуетъ сказать еще нѣсколько словъ о различныхъ офиціальныхъ и неофиціальныхъ преставителяхъ Добровольческой Арміи, командированныхъ за-границу и снабженныхъ, въ свое время, различными матеріалами. Такъ какъ командировки эти дѣлались всякій разъ безъ заранѣе вырабатаннаго плана и носили случайный характеръ, то и снабженіе ихъ матеріалами носило кустарный характеръ, — такъ напр., въ однихъ случаяхъ давался одинъ -другой фильмъ для «распространенія въ западныхъ кинематографахъ», въ другихъ — фотографіи звѣрствъ — для помѣщенія въ газетахъ или устройства «витринъ» и т. п. Нѣкоторыя изъ этихъ матеріаловъ, за невозможностью использованія ихъ, были сданы въ русскія посольства тѣхъ странъ, гдѣ въ данный моментъ находился тотъ или иной представитель (такъ были сданы фильмы въ посольства Франціи и Сербіи), въ другихъ случаяхъ фильмъ былъ проданъ (такъ, напр., былъ проданъ въ Сербіи негативъ фильма «Генералъ Врангель въ Крыму»), въ третихъ — матеріалы были оставлены у себя (въ Америкѣ), но справедливость требуетъ отмѣтить и случаи широкаго и активнаго использованія матеріаловъ, какъ напр. г. Гр. Алексинскимъ и рядомъ др. лицъ.

12. Этотъ краткій обзоръ былъ бы не полонъ, если бы не упомянуть о двухъ центрахъ, повидимому, наибольшаго скопленія матеріаловъ.

*) По Краснопольскимъ боямъ.

Первый изъ нихъ — старѣйшій, Музей Современныхъ Событій въ Россіи, характеръ и дѣятельность его съ достаточной подробностью изложены въ первомъ сборникѣ «Бѣлаго Архива».

Второй — «Архивъ Русской Революціи« (Прага), хотя и болѣе поздняго образованія, тѣмъ не менѣе, благодаря, повидимому, широкимъ средствамъ, имѣющимся въ его распоряженіи, развился и развиваетъ широкую дѣятельность въ отношеніи сбора матеріаловъ и нужно надѣяться — станетъ центральнымъ мѣстомъ сдачи матеріаловъ т. е. приметъ на себя функціи Зарубежной В.—Исторической Комиссіи.

---

13. Когда Главн. Команд. Добр. Арміи было отказано нѣкоторымъ нѣмецкимъ офицерамъ и даже цѣлымъ частямъ въ пріемѣ ихъ на службу, — послѣдними былъ сожженъ, какъ лишній грузъ, большой канцелярскій матеріалъ, среди котораго несомнѣнно было много цѣнныхъ матеріаловъ (Крымъ, Таганрогъ, Ростовъ).

---

14. Политическій представитель нѣмецкаго командованія при Всевеликомъ Войскѣ Донскомъ, небезъизвѣстный маіоръ Кохенгаузенъ, велъ весьма интересный дневникъ (небольшія выдержки изъ котораго будутъ мною опубликованы) и обладалъ весьма цѣнными документами по вопросу о взаимотношеніяхъ Дона, Добр. Арміи и Нѣмецкаго Главнокомандованія — всѣ эти матеріалы увезены имъ въ Германію.

Весьма возможно, что въ этомъ краткомъ, очеркѣ, многое и пропущено, но въ этомъ случаѣ страницы «Бѣлаго Архива» предоставлены каждому для пополненія найденныхъ пробѣловъ и для продолженія этого необходимаго очерка.

Я. Лисовой.

Д-ръ Д. С. Пасманикъ. Революціонные годы въ Крыму. 1926 годъ.

Среди потопа всякаго рода воспоминаній, мемуаровъ, самооправданій, обличеній и т. п. — нѣтъ-нѣтъ да и промелькнутъ страницы, на которыхъ взглядъ почему то задержится нѣсколько дольше и внимательнѣе... послѣ этого, обыкновенно, садишься поудобнѣе въ кресло, закуриваешь папиросу, да такъ и просидишь далеко за полночь, пока не проглотишь послѣднюю строку — книга д-ра Пасманика принадлежитъ именно къ этому числу изданій.

Съ первой и до послѣдней страницы — изъ каждой строки, изъ каждой буквы, такъ и бьетъ ключемъ честная и искренняя любовь интеллигента-еврея къ Россіи, страданіе ея недугами, вѣра въ ея освобожденіе и могущество и какъ результатъ этой глубокой вѣры—стремленіе отдать все, можетъ быть даже и жизнь, за ту Россію, которую авторъ любитъ и которую считаетъ своей Родиной и Родиной русскихъ евреевъ.

Авторъ, военный врачъ, не чувствуетъ, подобно другимъ интеллигентамъ, никакой радости при извѣстіи о революціи — онъ ошеломленъ и придавленъ; это «не революція, а страшная катастрофа» — грандіозный солдатскій бунтъ, возглавляемый Государственной Думой, и прежде всего о чемъ думаетъ авторъ— «надо спасать культуру».

На дальнѣйшихъ страницахъ своихъ воспоминаній, онъ останавливается зачастую на добродушно-тупыхъ, на безвольныхъ интеллигентахъ, которые, онъ это чувствуетъ, «загубятъ Россію» — что дѣлаетъ честь его проницательности, но больше всего его, какъ военнаго врача, поражаетъ глубокое равнодушіе офицеровъ, которыхъ онъ жестоко обвиняетъ въ «мертвой пассивности, политической безграмотности и гражданской трусости».

«... Странно было — пишетъ авторъ — видѣть эти банты (красные — конечно) на грудяхъ старыхъ генераловъ и молодцеватыхъ полковниковъ, для которыхъ вчера еще подобная декорація была немыслима. И сдѣлано этотъ было безъ борьбы, безъ внутреннихъ мукъ». Приводятся и другіе, болѣе убійственные при-

мѣры — дѣлается оцѣнка еще болѣе рѣзкая и безпощадная... Авторъ беретъ на себя смѣлость поставить точку надъ і — «эта фальшь, и это безволіе офицерства и буржуазной интеллигенціи ввергли Россію въ бездну большевизма».

Дальнѣйшія страницы заполнены авторомъ живыми описаніями активныхъ попытокъ противодѣйствія надвигающемуся ужасу, различныхъ выступленій противъ разрушительной демогогіи, борьбы съ надвигающимся большевизмомъ, работы при нѣмцахъ въ качествѣ редактора русской газеты, отстаивающей русскіе интересы, столкновеній, или вѣрнѣй разногласій, со своими партійными единомышленниками и т. д., и т. д.

Трудно, конечно, передать, даже въ общихъ чертахъ, содержаніе этой несомнѣнно интересной книги: многое уже намъ знакомо, многое принимается авторомъ слишкомъ близко къ сердцу, многія явленія, въ особенности явленія гражданской войны, повидимому, не совсѣмъ понятны автору, кое что можно и отрицать, но съ однимъ изъ выводовъ автора нельзя не согласиться — «Но кто изъ насъ безгрѣшенъ въ великомъ русскомъ бѣдствіи?... Мое глубочайшее убѣжденіе: нѣтъ такого безгрѣшнаго русскаго гражданина».

Послѣ Крыма д-ръ Пасманикъ ѣдетъ въ Новороссійскъ искать «работы», но съ горечью констатируетъ, что онъ для себя «работы въ раіонѣ Добрарміи не нашелъ» и тогда онъ рѣшилъ выѣхать за границу. — «что бы тамъ работать для Россіи, что тогда означало для генерала Деникина».

И работалъ! Живы еще и по сію пору свидѣтели его самоотверженной и честной работы на страницахъ «Общаго Дѣла» втеченіе почти трехъ лѣтъ.

Въ концѣ книги приложена интересная полемика съ И. И. Петрункевичемъ по вопросу о русской интеллигенціи. И здѣсь авторъ прямо, опредѣленно и частно, безъ всякихъ увиливаній, заявляетъ: «Новую Россію будетъ строить не часть интеллигенціи И. И. Петрункевича, а весь народъ, вмѣстѣ съ арміей и интеллигенціей» и что «прежняя слабосильная, безвольная, немощно гуманитарная интеллигенція умерла. Ей на смѣну должна появиться новая интеллигенція: волевая, цѣлевая, властная, дѣловитая, національная, упорная и паче всего государствостроительная. Однимъ словомъ: для оздоровленія Россіи абсолютно необходима интеллигенція, но совершенно иная, чѣмъ та, которая дѣйствовала въ Россіи во второй половинѣ 19-го столѣтія и которая допустила воцареніе хама на родинѣ въ октябрѣ 1917 года».

Прочтите эту книгу!

Князь Д. Н. Святополкъ-Мирскій. Чѣмъ объяснить наше прошлое и чего ожидать отъ нашего будущаго? Парижъ 1926 г.

Жестокость и размахъ русской революціи авторъ объясняетъ низкимъ культурнымъ уровнемъ развитія современной Россіи и бѣдностью страны и суровостью климата.

Въ поискахъ за причинами революціи, авторъ забирается вглубь исторіи и приходитъ къ выводу, что «преобразованія Петра» (о которыхъ онъ, между прочимъ, весьма невысокаго мнѣнія) не «преобразили», а «обезобразили» духовный «образъ» русскаго человѣка. И хотя жизнь понемногу сгушевала и загладила крайности Петровскихъ реформъ (Вѣкъ Екатерины), но безпочвенность и оторванность отъ русской культурной мысли прошлаго навсегда сохранились въ качествѣ крайне вредной закваски.

Далѣе, переходя въ эпохѣ Императора Николая I-го, авторъ говоритъ, что «не пониманіе русскими мыслящими людьми истиннаго положенія у себя на родинѣ и ошибочное толкованіе, вслѣдствіе недостаточнаго культурнаго развитія, западно-европейской эволюціи, дало въ конечномъ итогѣ декабрьскій бунтъ и русская революція получила свое первое боевое крещеніе» (Несомнѣнно!). Это царствованіе дало революціонному движенію новыя боевыя силы — нашу интеллигенцію, начало которой положилъ Императоръ Александръ I-ый, насажденіемъ средняго и высшаго образованія.

«Преждевременное и неуклюжее освобожденіе крестьянъ Императоромъ Александромъ II» — авторъ называетъ — самой крупной и непоправимой ошибкой, которая, въ связи съ отказомъ дать дворянству «Конституцію», отбросила послѣднее въ лагерь идейной интеллигенціи и это въ значительной мѣрѣ способствовало подготовкѣ революціи.

Далѣе авторъ подробно останавливается на эволюціи — со времени освобожденія крестьянъ и до послѣднихъ дней—трехъ нашихъ главныхъ общественныхъ классовъ: дворянства, крестьянства и интеллигенціи.

«Предвзятость и незрѣлость политической мысли, оторванность отъ жизни, непониманіе крестьянина, систематическая оппозиціонность, незнаніе истиннаго положенія вещей въ Россіи, отсутствіе чувства отвѣтственности передъ страной, вастарѣлая привычка исканія популярности — вотъ что внесли наши дворяне — земцы въ новоиспеченный парламентъ» — такую рѣзную оцѣнку даетъ авторъ дворянству.

Столь же нелестныя оцѣнки и для крестьянства: «некультурные, инертные, чуждые устоевъ собственности и идей порядка, отчасти рсволюціонизированные»; и для интеллигенціи въ кавычкахъ (болѣе лѣвое и болѣе крайнее отвѣтвленіе русской интеллигенціи въ широкомъ смыслѣ этого слова): слѣпые, фантастическіе мечтатели, во имя превратно понятыхъ ими идей свободы и справедливости, мутившіе душу наивнаго крестьянина и сѣявшіе сѣмена анархіи, грабежа и насилія.

Далѣе авторъ переходитъ ко второму вопросу: Что ждать отъ нашего будущаго?

Авторъ полагаетъ, что нашу современную интеллигенцію въ ближайшемъ будущемъ ждетъ соціально-политическое увяданіе и умираніе — во всякомъ случаѣ, для будущей Россіи, она или непригодна, или вредна; въ Россіи, несмотря на царящій нынѣ большевизмъ, который рано или поздно падетъ, вслѣдствіе внутреннихъ и внѣшнихъ причинъ — неизбѣжно возстановленіе монархіи — монархіи абсолютной, но съ «торжественнымъ при вступленіи на престолъ возвѣщеніемъ народу своей непреклонной, искренней и нелицемѣрной воли даровать народное представительство, какъ только позволятъ обстоятельства»: «умиротвореніе страны, уясненіе ея положенія и наличіе общественныхъ элементовъ годныхъ для представительства».

Собственно говоря, основная мысль автора сводится въ этомъ послѣднемъ вопросѣ къ тремъ основнымъ факторамъ: «Царь, крестьянство и мыслящій руководящій классъ».

Несмотря на отсутствіе плана и исторіософской системы (въ чемъ сознается и самъ авторъ) и мѣстами — трудное изложеніе, книга эта представляетъ несомнѣнный интересъ съ точки зрѣнія и оринигальныхъ мыслей автора, и идеологическаго подхода къ будущему образу правленія въ Россіи, и ярко написанной картины этого будущаго — въ томъ видѣ, какъ она представляется автору...

А. С. Александровъ. Большевики, поднявшіе мечъ, отъ меча должны и погибнуть. Парижъ. 1926 г.

Въ своемъ предисловіи авторъ откровенно заявляетъ, что его трудъ составленъ и издается исключительно въ цѣляхъ агитаціонныхъ — съ этой точки зрѣнія книга не оставляетъ желать ничего лучшаго...

Суть власти большевиковъ, соотношенія различныхъ группировокъ и лицъ изложены авторомъ съ полнымъ знаніемъ вопроса, а «эпизодъ крушенія карьеры товарища Троцкаго» читается съ особеннымъ интересомъ, при чемъ нужно отмѣтить исключительное мужество автора, съ которымъ онъ дѣлаетъ выводы въ назиданіе эмиграціи не только въ этомъ случаѣ, но и посвящаетъ ей особую главу съ тяжкими обвиненіями въ бездѣятельности, а это, по нынѣшнимъ временамъ, хотя и морально, но не проходитъ даромъ.

Авторъ, со свойственной ему прямотой, заявляетъ, что всѣ прогнозы эмиграціи, построенные на различныхъ фантастическихъ теоріяхъ, въ конечномъ итогѣ, могутъ привести къ гибели Національной Россіи, распыленію эмиграціи и раздѣленію Россіи на «сферы вліянія».

Эмиграція бездѣйствуетъ, эмиграція живетъ иллюзіями, эмиграція даже не понимаетъ разлагающаго вліянія этого бездѣйствія — нужно бросить тактику выжиданія и т. д. — нужна вооруженная борьба.

Все это вѣрно, все это до ужаса вѣрно — но гдѣ та сила, которая можетъ расшевелить нашу *спящую старушку?* Какой нуженъ языкъ, что бы заставить ее понять то, что понимаетъ каждый болѣющій за Россію?

О. М—я.

XI.
ПРИЛОЖЕНІЕ.

Илья Савченко

ВЪ КРАСНОМЪ СТАНѢ

Записки офицера.

136

РУССКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА ВЪ БѢЛГРАДѢ

ВЪ КРАСНОМЪ СТАНѢ.

Записки офицера.

Авторъ очерковъ «Въ красномъ станѣ», Илья Савченко — журналистъ, офицеръ. Въ февралѣ 1920 года, его, больного тифомъ, эвакуировали съ фронта въ Екатеринодаръ, который черезъ нѣсколько дней былъ оставленъ войсками Добровольческой Арміи, не успѣвшей вывезти своихъ больныхъ и раненыхъ. Въ числѣ многихъ тысячъ обреченныхъ на плѣнъ оказался и И. Савченко.

Этому плѣну И. Савченко посвятилъ первую часть своихъ очерковъ «Въ красномъ станѣ», которые были напечатаны въ журналѣ «Русская Мысль» (кн. VI-VIII и IX-XII). Въ рядѣ художественно изображенныхъ моментовъ авторъ рисуетъ картины лазаретной паники передъ сдачей города большевикамъ, самый актъ плѣна, встрѣчи, впечатлѣнія, наблюденія, разговоры... Понемногу назрѣваетъ мысль о возстаніи, создается заговорщицкій кружокъ — возстаніе при поддержкѣ нѣкоторыхъ красныхъ командировъ близко къ осуществленію и назначается на I-е мая. И вдругъ... все рухнуло!... Въ ночь на I-е мая участники заговора арестовываются, многіе изъ нихъ въ спѣшномъ порядкѣ разстрѣливаются — автору съ большимъ трудомъ удается скрыться...

Начинается звѣриная жизнь въ плавняхъ Кубани, гдѣ авторъ встрѣчается со многими офицерами — одиночками, такъ же какъ и онъ, не желавшими примириться съ совѣтскою властью. Молодежь принимается за работу: организуется развѣдка, распредѣляются роли — на долю автора выпадаетъ сбязанность проникнуть въ ряды красной арміи, что бы быть въ курсѣ ея плановъ и задачъ...

Очерки «Въ красномъ станѣ» обратили на себя вниманіе и зарубежной, и совѣтской печати, удѣлившей этому «человѣческому документу» рядъ статей и замѣтокъ. Большой фельетонъ «Бѣлогвардейскія признанія» — съ подробными выдержками изъ очерковъ, былъ напечатанъ въ Екатеринодарской газетѣ «Красная Кубань» (4-III-1924).

Высокія литературныя качества очерковъ Ильи Савченко въ свое время отмѣтили А. Кизеветтеръ, Ю. Айхенвальдъ и др.

Печатаемые въ настоящей книгѣ «Бѣлаго Архива» очерки «Въ красномъ станѣ» охватываютъ послѣдующій періодъ пребыванія автора среди большевиковъ—отъ момента проникновенія его въ красную армію и до бѣгства къ казакамъ, поднявшимъ возстаніе на Линейной Кубани.

Описаніе казачьяго возстанія — подъ заглавіемъ «Зеленая Кубань» — появилось въ IV и V книгахъ журнала «Голосъ минувшаго на чужой сторонѣ».

Перу автора принадлежитъ ,кромѣ того,рядъ отдѣльныхъ очерковъ и разсказовъ, рисующихъ отдѣльные эпизоды и типы гражданской войны, какъ напр., «Полковникъ Шумайловъ», «Зеленые сказы», «Шрамъ», «Галлиполійское сидѣніе», книга на французскомъ языкѣ «La guerre des verts sur les Monts du Caucase» и др.

Редакція.

140

I. КОНСПИРАТИВНАЯ ЗАДАЧА.

Добровольческая Армія въ мартѣ 1920 года такъ спѣшно покинула Кубань, что даже не успѣла оставить секретнаго явочнаго пункта, куда бы мы, плѣнные, могли явиться за полученіемъ директивъ и указаній. А вѣдь въ плѣнъ сдано было нѣсколько десятковъ тысячъ бойцовъ...

Передъ этой громадой плѣнныхъ былъ жестокій выборъ: либо коянцентраціонные лагери, либо вступленіе въ ряды красной арміи — ни то, ни другое большинству изъ насъ не улыбалось.

... Стали организовываться тайные офицерскіе кружки, раскрывавшіеся, впрочемъ, большевиками черезъ нѣсколько дней послѣ ихъ образованія. Въ конспираціи мы были люди неопытные, да и предателей среди насъ расплодилось не мало — на предательствѣ нѣкоторые дѣлали себѣ красную карьеру.

Кружокъ , къ которому я принадлежалъ, также вскорѣ былъ расшифрованъ и въ ночь на I мая 1920 года — день,на который мы организовали въ Екатеринодарѣ возстаніе, — большинство его дѣйствующихъ лицъ было арестовано и разстрѣляно *).

Осталось изъ этого кружка въ живыхъ нѣсколько человѣкъ. Кое-кто задержался въ Екатеринодарѣ, другіе перекочевали въ Майкопъ, Армавиръ, на Терекъ.

Послѣ первомайскаго разгрома, заговорщицкаго кружка у насъ уже фактически не было, но «на всякій случай» мы учредили въ Екатеринодарѣ «адресъ», куда должны были время отъ времени заглядывать. Мы все еще надѣялись, что Добровольческое командованіе какъ нибудь догадается прислать на Кубань своихъ тайныхъ сотрудниковъ; пока же что рѣшили для этихъ будущихъ сотрудниковъ собирать матеріалъ.

Капитанъ Т. поѣхалъ на развѣдку въ Пятигорскъ. Тамъ у него были старыя связи и онъ надѣялся использовать ихъ.

Поручикъ П. переправился за Кубань, въ раіонъ линейныхъ станицъ, гдѣ «зеленые» уже имѣли нѣсколько отрядовъ и дрались съ большевиками; надо было держать съ ними связь.

Я долженъ былъ по подложнымъ документамъ вступить въ красную армію...

Было еще нѣсколько своихъ людей — рѣшено было держать другъ съ другомъ связь... Плана никакого у насъ не было—были лишь надежды.

Изъ разговоровъ съ плѣнными офицерами и казаками можно было сдѣлать выводъ, что никто изъ нихъ «всерьезъ» не вѣрилъ въ продолжительность плѣна. Всѣмъ казалось, что это только случайный эпизодъ, что вотъ-вотъ загремятъ подъ Екатеринодаромъ добровольческія пушки и дурной сонъ разсѣется...

2. «ЛИПА».

Изготовленный для меня общими усиліями документъ гласилъ, что я, имя рекъ, — начальникъ конно-развѣдочной команды 127-го полка, 14-й дивизіи. Этотъ полкъ, по нашимъ свѣдѣніямъ, какъ, впрочемъ, и вся бригада,въ которую онъ входилъ, расформировывался въ Ростовѣ на Дону. Другой документъ гово-

*) См. объ этомъ «Русская Мысль», кн. VI-VIII.

дѣ. Для «пущей важности» пришлось удариться въ революціоняую фразеологію и въ моихъ замѣтнахъ значилось:

— Учебники-красноармейцы не отчетливо опредѣляли роль краснаго воина... Ни одинъ изъ опрошенныхъ красноармейцевъ не далъ уставного опредѣленія того, что называется краснымъ воиномъ и канова его роль въ руссной и міровой революціи... На этотъ отдѣлъ обученія слѣдуетъ обратить особое внимаяіе...

Карлсону мои замѣтки очень понравились и, нанъ похвалу, онъ изренъ:

— Васъ надо бы въ строй пустить... Что вамъ въ штабѣ ниснуть... Отличный начальникъ учебной команды былъ бы...

У меня же на счетъ штабного «киснунья» были свои особые планы...

Послѣ инспентированія учебяой номанды, на меня начальникъ штаба возложилъ сразу двѣ работы: 1) сдѣлать предметный справочникъ, выбравъ для этого изъ приназовъ на республикѣ, арміи, дивизіи и бригадѣ все ьеобходимое для руководства и 2) привести въ порядокъ военный дневникъ бригады. Вторая работа была интереснѣе въ бытовомъ отношеяіи, но непосредственяаго насательства нъ моимъ нонспиративнымъ заданіямъ не имѣла — это была уже исторія. За то цѣлый кладъ я нашелъ въ первомъ порученіи начальнина штаба. Оно открывало мнѣ доступъ ко всѣмъ приказамъ, особенно къ приназамъ сенретнаго характера, изъ нотрыхъ я получилъ богатый дислонаціоняый и оперативный матеріалъ. Изъ приназовъ по Екатеринодарскому укрѣпленяому району я зналъ теперь о группировнѣ красныхъ войснъ на зеленомъ фронтѣ, ихъ численяость,стоянни штабовъ, сенторы развѣдонъ, общія оперативныя заданія и проч.

Я съ жадностью нанинулся на изученіе приназовъ и очень сноро смогъ сообщить въ енатеринодарскій «адресъ» свѣдѣнія, нотарыя, въ свою очередь, пошли дальше по назначенію...

5. ВЕЧЕРИНКА У КАРЛСОНА.

Нужно мнѣ было накъ то что то спросить у начальнина штаба.— звоню ему по телефону.

— Онъ у номбрига, — отвѣтилъ ординарецъ.

Звоню туда — нъ телефону подходитъ самъ номбригъ.

— Разрѣшите, товарищъ комбригъ, просить нъ телефону товарища начальнина штаба.

— Срочное что нибудь?

— Нѣтъ, я хотѣлъ спросить о суточной рапортичнѣ въ штабъ дивизіи.

— Берите вашу рапортичну и приходите но мнѣ...

У Карлсона собралась небольшая номпанія: Тихоновъ, начальникъ штаба дивизіи и начальнинъ связи дивизіи. Когда я вошелъ нъ Карлсону, всѣ встали. Карлсонъ представилъ меня. Онъ очень любезно усадилъ меня за столъ, обильно уставленный всевозможными бутылнами и закусками. Всѣ были уже «на взводѣ».

— Вы, конечно, бывшій офицеръ, — сразу же замѣтилъ начальникъ штаба дивизіи. — Это, впрочемъ, видно и бсъ вопроса. А вѣдь, господа, на насъ печать лежитъ... Ей Богу, печать!

— Во-первыхъ, не «господа»,—началъ было Карлсонъ, но начальникъ штаба дивизіи сейчасъ же его остановилъ:

— И во-первыхъ, и во-вторыхъ, и въ десятыхъ между собою мы — «господа»,

а «товарищи»... — онъ сдѣлалъ гримасу пренебреженія, — это для простаго народа...

Карлсонъ шутливо возражалъ:

— Какъ коммунистъ...

— Иди ты къ чорту съ твоимъ коммуняизмомъ. Мы люди безпартійные, а коммунизмъ это тоже для простаго народа... Ну вамъ, ваше высокородіе, нужно догонять. Ваше имя —отчество? Мое—Николай Викторовичъ. Старый измайловецъ, чортъ меня подери!

Налила мнѣ рюмку.

— Вы мнѣ очень нравитесь, — не унялся подвыпившій начальникъ штаба дивизіи, игравшій въ этой компаніи первую скрипку, какъ старшій по должности, — за что бы вы хотѣли выпить?...

Наштадивъ держалъ свою рюмку противъ моей и ждалъ.

— Это, господа—товарищи, очень интересно. Всѣ мы зваемъ другъ друга и я, напримѣръ, знаю за что готовъ выпить ты, Карлсонъ. Ты, конечно, за лучезаряый коммунизмъ (онъ произнесъ это подъ латышскій акцентъ), ты, Васька, за неизмѣняыхъ «мялыхъ женщинъ, прекрасныхъ женщинъ». Тихоновъ пьетъ молча и упрямо; его тостъ всегда одинаковъ: «шобъ не було»! Я знаю всѣхъ васъ насквозь, съ головы до ногъ и съ ногъ до головы, — а это новый человѣкъ: homo novus. Итакъ, ждемъ!

Пришлось сказать нѣсколько словъ подъ тонъ пьяной компаніи. Говорилъ я что то о «радугѣ жизни»,о «сложномъ комплексѣ», имя которому человѣкъ и еще что то нарочито сумбурное и неясное.

— Попробуемъ выпить за радугу жизни!

Выпили. Пили еще много.

Васька, начальникъ связи штадива, послѣ какой то рюмки водки, даже сказалъ:

— Нашего брата въ арміи терпятъ, но не любятъ, а все же мы — мы... Безъ насъ тю-тю Ильичъ съ Лейбушкой... Мы мозгъ, мы — сила... Мы, чортъ возьми, въ концѣ концовъ, все...

Карлсонъ пытался замять щекотливую тему, но разговоръ продолжалъ вертѣться вокругъ офицерства.

— Ну возьмите нашего Володина*)... Парикмахеръ командуетъ арміей... И командуетъ... Здорово командуетъ... Парикмахеръ бьетъ генераловъ, собаку съѣвшихъ по военной части. А развѣ это парикмахеръ Володинъ ихъ бьетъ? Бьемъ мы... Не будь у Володина нашего брата, кадроваго офицера, онъ узналъ бы вмѣстѣ съ Троцкимъ, что значитъ стричь подъ бобрикъ.. Ѣсть фаршированную щуку и командовать арміей, господа, это не совсѣмъ одно и тоже!—начальникъ штаба дивизія при этомъ тонно защелкалъ шпорами подъ столомъ.—Да-съ, не одно и тоже...

— Володинъ — это дрянь. Такъ, выскочка; если бы не его связь съ Кремлемъ дальше комбата**) не пошелъ бы. Вотъ Степинъ***)... Да, это молодчага! — замѣтилъ начальникъ связи дивизіи.

— Сказалъ тоже, — подернулъ плечами начальникъ штаба дивизіи. — Степинъ кадровый офицеръ. Это фигура!

---

*) Бывшій Командующій IX Кубанской Арміей.
**) Командиръ баталіона.
***) Командующій IX Арміей послѣ Володина.

— Большая фигура, — согласился Карлсонъ. — Онъ меня одинъ разъ такъ подтянулъ по телефону, что и сейчасъ еще поджилки трясутся, когда вспоминаю. Степинъ большой человѣкъ — жаль покойника. Безъ него IX армія осиротѣла. Левандовскій*) — это не то...

— Ну, не скажи, — вступился за Левандовскаго начальникъ штаба дивизіи. — Нѣтъ, господа, старое офицерство лицомъ въ грязь не ударяетъ. Это говорю вамъ я, старый измайловецъ! Вы посмотрите, какъ Левандовскій докладъ принимаетъ. Какъ будто онъ родился командармомъ! А выѣздъ его.. видѣли? Такъ ѣздили когда то только старые командиры... Да и то давно уже такъ не ѣздили...

— Старая армія умираетъ, но не сдается!—рявкнулъ совсѣмъ охмѣлѣвшій начальникъ связи.

Когда входилъ вѣстовой Карлсона съ новой бутылкой вина или съ какой-нибудь снѣдью, разговоръ прерывался. Вѣстового стѣснялись, да и не безопасно было — вся эта офицерская компанія черезъ часъ могла очутиться въ чрезвычайкѣ.

— Такъ говорите, бригаду расформировываютъ? — спросилъ Тихоновъ, возвращаясь къ разговору, который былъ, повидимому, до моего прихода.

— Да, командармъ опредѣленно объ этомъ сказалъ.

— Неужели это все изъ-за Дейбнера?

— Исключительно.

— Но это невѣроятно! Я Дейбнера знаю во-какъ! Какой тамъ, къ чорту, онъ контръ-революціонеръ... Его къ красной звѣздѣ за Манычскіе бои представляли, — сказалъ Карлсонъ.

— Ты коммунистъ, аттестуй его, поручись головой, что онъ не при чемъ во всей этой исторіи.

А дѣло было вотъ въ чемъ: Дейбнеръ, бывшій штабсъ-капитанъ, командиръ 125-го полка, считался однимъ изъ лучшихъ командировъ. Успѣхъ Манычской операціи въ значительной степени обязанъ его иниціативѣ, находчивости, лихости и умѣнію ориентироваться въ боевой обстановкѣ. Въ апрѣлѣ 1920 года къ нему въ полкъ поступило нѣсколько плѣнныхъ офицеровъ, назначенныхъ въ полкъ съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ. Лишь одного офицера, полковника, Дейбнеръ принялъ въ полкъ на свой страхъ и рискъ, какъ добровольца, минуя всѣ высшія инстанціи, куда онъ только донесъ о фактѣ пріема офицера-добровольца. Комиссаръ полка зналъ объ этомъ и санкціонировалъ приказъ о зачисленіи. Когда екатеринодарская чрезвычайка раскрыла офицерскій первомайскій заговоръ, добралась она и до полковника-добровольца. Установлено было его знакомство съ нѣкоторыми участниками заговора. Дейбнеръ сейчасъ же былъ арестованъ. Въ другихъ полкахъ бригады тоже нашли офицеровъ, изъ числа плѣнныхъ, которыхъ че-ка сопричислила къ заговору. Бригада была объявлена ненадежной и командармъ приказалъ расформировать ее.

— Жаль бригаду!... Боевая бригада, старан... — сокрушался Карлсонъ.

— Получишь другую... Это я тебѣ обѣщаю... Разговоры по этому поводу уже были... Все пока благополучно, — успокаивалъ начальникъ штаба дивизіи.

— И вы, — обратился онъ къ Тихонову, — получете штабригъ, и вы, — обратилъ онъ ко мнѣ свои взоры...—Хотите ко мнѣ адъютантомъ? Мы съ вами, я вижу, уживемся... Выпьемъ, господа! Къ чорту всякія формированія и расфор-

*) Левандовскій — Командующій IX Арміей послѣ Степина.

142

мированія. Давайте кутнемъ сегодня по хорошему, по настоящему. Звони, Васька, въ штабъ, что бы подали мой «Бенцъ». Кутимъ сегодня!

Я попробовалъ было воспользоваться оживленіемъ компаніи и уйти восвояси, но ке удалось.

— Э, батенька, нѣтъ! Дудки-съ! Пожалуйте съ нами.. Такого шампанскаго вы давно уже не пили. А какія будутъ женщины!...

Черезъ двадцать минутъ мы сидѣли уже въ штабномъ «Бенцѣ» и безшумно мчались по затихшимъ улицамъ засыпавшаго Екатеринодара.

Красная улица...Машина остановилась у какого то параднаго подъѣзда.Шоферъ, видимо, возилъ сюда неразъ своего барина.По мраморкой лѣстницѣ, устланной бархатной дорожкой, поднялись во второй этажъ.

— Радъ, очень радъ васъ видѣть, господа... Милости прошу, — встрѣчалъ насъ хозяинъ квартиры, солидный человѣкъ лѣтъ сорока пяти, одѣтый въ безукоризненную визитку, полосатын брюки со свѣжей складкой и лакированные ботинки. Въ его акцентѣ слышалось что то не русское: это былъ или грекъ, или еврей.

Прошли въ гостиную. Хозяинъ гостепріимно суетился и заботливо усаживалъ насъ у круглаго стола, подвиган каждому удобное кресло съ подлокотниками.

Лакей принесъ серебряное ведерко съ замороженнымъ «Мумомъ». Появился жаренный миндаль, ваза съ фруктами.

— Сейчасъ пріѣдутъ такія то и такія то, — называлъ хозяинъ квартиры имена незнакомыхъ мнѣ лицъ.

Тихоновъ шепнулъ мнѣ:

— Собираются екатеринодарскіе милліонеры... Шампанскимъ и шмендефероиъ они откупаются отъ реквизицій...

Гостиная становилась все люднѣе и люднѣе. Пріѣхали тузы. Пріѣхали сотрудники Кубанскаго Особаго Отдѣла... Понвились женщины...

Лакеи раскинули карточные столики. Началась игра. Тузы проигрывали. Не знаю, почему это считалось легче,чѣмъ просто дать взятку... Суммы проигрышей были очень велики. Большевики здѣсь снимали обильную жатву.

6. МОЙ СОЖИТЕЛЬ ПО КВАРТИРѢ.

Въ бытность мою при штабѣ 3-й бригады жилъ я въ реквизированной комнатѣ вмѣстѣ съ писаремъ изъ штаба. Это, правильнѣе сказать, былъ не писарь, а нѣчто вродѣ дѣлопроизводителя. Человѣкъ былъ занятный. Политически онъ былъ безцвѣтенъ, по душою—типичный большевикъ. Ничего свитого у этого человѣка не было — никакихъ принциповъ: жуликъ и авантюристъ чистѣйшей воды. Ко всему этому, онъ еще былъ нарѣдкость словоохотливый малый. Москвичъ. Въ большевицкихъ водахъ плаваетъ съ первыхъ октябрьскихъ дней.

Мой сожитель, видимо, питалъ ко мнѣ какое то исключительное довѣріе, ибо онъ дѣлился со мною своими похожденіями по Р. С. Ф. С. Р. такъ откровенно, что я порою думалъ, ужъ не издѣвается ли онъ надъ моею способностью слушать его «тысячу и одну ночь».

— Хорошая штука наша Совѣтроссія, — помню философствовалъ онъ какъ то за чаемъ. — Будь только съ головой, а остальное все къ твоимъ услугамъ... Въ началѣ революціи былъ и въ Москвѣ... Ну, конечно, первымъ дѣломъ надо

было въ начальство выйти. Туда сюда сходилъ, кое съ кѣмъ поговорилъ. Въ одинъ декь все обтяпалъ и предписаніе получилъ: принять комиссаріатъ участка. Ну, разумѣется, по Секькѣ и шапку давай — реквизнулъ особнячекъ для себя. Домикъ выбралъ себѣ на ять. Сами покимаете, что въ своемъ участкѣ — своя рука владыка: семь комнатъ, ковры, рояли, картины... Въѣхалъ. Въѣхать то въѣхалъ, да самъ я одинъ въ семи комнатахъ — это тоже не модель. Рѣшилъ себѣ мадаму взять. Бабу раздобылъ такую, что ка всей Москвѣ не сыскать. Ну, а разъ мадама — зкачитъ надо было фасокъ держать. Брилліантовъ этихъ, шелку да жемчуговъ доставалъ я ей сколько душенькѣ ея хотѣлось. Ордеръ, обыскъ и — дѣло въ шляпѣ! Брать то было у кого... Поваръ былъ у меня — отмѣнкый поваръ. Кормилъ онъ меня и мою мадаму такими гастрономіями, что и не выговорить: что не казваніе, то три этажа. Жилось, одкимъ словомъ, хорошо. Денегъ было—сколько хотѣлъ. Да поймался по пустяшному дѣлу: реквизнулъ не въ своемъ участкѣ. Споръ начался, дѣло всерьезъ пошло. Пришлось по-добру, по-здорову драпать...

Поколесилъ я малость, да и поступилъ въ правозаступники... Заявилъ себя адвокатомъ. По тѣмъ временамъ—это было хлѣбное дѣло. Вообще времека были хорошія!... Назкачили меня въ революціоняый трпбуналъ въ Ярославль. Три дѣла я тамъ только и провелъ. Малость подработалъ. Милліонера, одного пароходчика, выкручивалъ— тутъ изрядно я взялъ. Пополамъ мы его капиталецъ честно подѣлили, при чемъ бумажки были ке въ счетъ — разсчетъ вели на золото. И золотомъ я отъ него получилъ, какъ одну копѣйку, 60.000 цѣлкачей—монетка какъ никакъ!... Н-да... Да только скоро юриспруденція моя сорвалась. Доискались, что я ке адвокатъ и что по этой части маракую мало. Хотѣли было подъ судъ отдать, да все сошло благополучно. Замяли дѣло. Кончилось все это тѣмъ, что меня перевели въ красную армію — въ строй. Ну-съ, это дудки!... Сталъ ловчиться. Около мѣсяца проторчалъ въ полку, а потомъ и тиснулъ рапортъ: такъ молъ и такъ, я — студентъ-медикъ и хочу быть переведеннымъ изъ строя на лѣкарскую должность. Лѣкаря въ тѣ поры хорошо зарабатывали: морфій, кокаинчикъ, спиртяга, то, другое, десятое — глядишь и есть дѣтишкамъ на молочишко. Дѣло выгорѣло — казкачили лѣкаремъ въ запасный полкъ. Все было хорошо, пока рецептовъ писать не пришлось, а случай подоспѣлъ—влопался, кокечно. По латински то я ни гу-гу. Кокаинъ и спиртъ— это я научился по аптечному выводить, ну, а разныя тамъ мудрекныя вещи—шабашъ... Хорошія были времена!.. А сейчасъ могила... Вотъ и кончу штабное небо. Ни Богу свѣчка, ни чорту кочережка...

Первое время мнѣ казалось, что это мой наблюдатель. Я зналъ, что у красныхъ контръ-развѣдка поставлена блестяще. За каждымъ мало-мальски подозрительнымъ человѣкомъ непремѣнно слѣдитъ кто нибудь изъ спеціально поставленныхъ людей — это цѣлая система сыска. Ко мнѣ приставятъ для каблюденія члена комячейки моей части, за нимъ слѣдитъ кто кибудь по казначенію Особаго отдѣла, а за этимъ наблюдателемъ имѣетъ глазъ секретный агентъ Псарма, находящійся кепремѣняо въ каждомъ полку или батареѣ. Каждая воинская часть имѣетъ сыщика ЦИК'а, а за нимъ слѣдитъ человѣкъ изъ Совѣта Обороны Республики. Кромѣ этого хвоста наблюдателей отъ учрежденій, имѣются личные агенты Ленина и Троцкаго, со спеціальными мандатами, имѣющими магическую силу.

Я долго присматривался и каблюдалъ моего сожителя. И рѣшилъ, что врядъ-ли онъ былъ изъ наблюдающихъ за мной. Больше того: какъ «свой человѣкъ»

онъ раскрылъ мнѣ штабную тайну, о которой случайно узналъ отъ друзей изъ штабной комячейки — для наблюденія за мной приставленъ одинъ изъ писарей штаба. Дѣйствительно , я только послѣ этого сталъ понимать, почему я такъ часто всюду сталкивался со своей «тѣнью». До разсказа моего сожителя, я какъ то не обращалъ на это никакого вниманія.

7. РАСФОРМИРОВАНІЕ «МОЕЙ» БРИГАДЫ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ пьяной вечеринки у Карлсона, я получилъ предписаніе отправиться въ распоряженіе предсѣдателя Армейской ликвидаціонной комиссіи, которая приступила уже къ расформированію опальной бригады Карлсона. Въ комиссіи я получилъ мѣсто секретаря и, въ значительной мѣрѣ, моими трудами дѣло ликвидаціи бригады было доведено до благополучнаго конца, за что я получилъ даже особую письменную благодарность отъ предсѣдателя комиссіи. Комиссія эта была созданна ad hoc и потому, какъ только работа ея была закончена, всѣ участники комиссіи возвращались къ прямымъ своимъ обязанностямъ. Исключеніемъ былъ только я, т. к. у меня не было уже своей части. Предсѣдатель комиссіи далъ мнѣ предписаніе явиться въ распоряженіе инспектора пѣхоты IX арміи.

Расформированіе бригады для меня было какъ нельзя болѣе кстати. Съ ея расформированіемъ я пріобрѣталъ уже нѣкоторую «легальность», т. к. у меня оказывалось не только «маргариновое» прошлое: я получалъ на руки настоящіе, а не «липовые» документы.

Въ инспекціи мнѣ объявили, что я назначаюсь въ обозъ 14-й дивизіи — шло какъ разъ его пополненіе.

Пребываніе въ обозѣ не входило въ мои планы — я запротестовалъ.

— Я кавалеристъ... Согласно такого то приказа по арміи я долженъ быть направленъ по роду оружія... Кромѣ того, я строевикъ и служить внѣ строя не согласенъ...

— Все это такъ, но и въ обозъ требуется комсоставъ.

Возникъ споръ — впрочемъ, мнѣ скоро уступили въ моихъ кавалерійскихъ домогательствахъ и черезъ полчаса у меня уже было предписаніе явиться по роду оружія — къ Инспектору кавалеріи IX арміи.

8. ВЪ ИНСПЕКЦІИ КАВАЛЕРІИ.

Въ инспекціи кавалеріи меня встрѣтили очень любезно, «по кавалерійски», и сейчасъ же предложили заполнить анкетный листъ, гдѣ нужно было указать прохожденіе службы въ рядахъ красной арміи, службу въ царской арміи, службу у бѣлыхъ, какую должность хотѣлъ бы занять въ кавалеріи, принадлежу ли къ компартіи. Я показалъ, что у бѣлыхъ не служилъ и хотѣлъ бы занять штабную должность.

Начальникъ канцеляріи — бывшій прапорщикъ запаса кавалеріи, а до войны судебный слѣдователь, тов. Чубиновъ — сейчасъ же доложилъ обо мнѣ инспектору кавалеріи.

Долго ждать пріема не пришлось. Черезъ двѣ минуты Чубиновъ вышелъ и пригласилъ меня въ кабинетъ къ инспектору.

Вхожу. Великолѣпный дубовый письменный столъ. Глубокія кожаныя кре-

сла. За столомъ съ чувствомъ собственнаго достоинства возсѣдаетъ инкавъ*) тов. Михаилъ Чувелевъ,бывшій комми-вояжеръ какой то еврейской фирмы въ Польшѣ. Справа, за маленькимъ столомъ — его помощникъ, породистый Коршъ, бывшій гвардіи полковникъ.

Представляюсь. Чувелевъ держитъ себя сверхъ-генераломъ. Молча выслушиваетъ мой рапортъ, руки не подаетъ. Коршу отвѣшиваю поклонъ — этотъ спускается съ начальственныхъ высотъ и протягиваетъ мнѣ выхоленную руку.

— Какую должность вы хотѣли бы получить? — спросилъ Чувелевъ, разсматривая мою анкету.

— Я хотѣлъ бы нести штабную службу.

— Почему именно штабную?

— Мнѣ думается, что въ штабной работѣ я буду болѣе полезенъ, чѣмъ въ строю. У меня есть нѣкоторый штабной стажъ... правда, по старой арміи...

— А въ какомъ вы чинѣ? Да, поручикъ... Каковъ же вашъ штабный стажъ?

— Въ старой арміи я былъ полковымъ адъютантомъ,работалъ одно время въ оперативной части штаба дивизіи.

— Что-жъ, проэкзаменуйте товарища, — обратился Чувелевъ къ Коршу, — пригласите въ комиссію... —онъ назвалъ незнакомую мнѣ фамилію кого то изъ сотрудниковъ инспекціи кавалеріи.

Тутъ же въ кабинетѣ я подвергся экзамену въ комиссіи изъ трехъ — Чувелева, Корша и какого то усатаго «товарища», несомнѣнно изъ старыхъ ротмистровъ, прокомандовавшаго эскадрономъ лѣтъ пятнадцать. Экзаменовалъ меня, собственно, одинъ Коршъ; Чувелевъ просматривалъ во время испытанія какія то бумаги на своемъ столѣ и накладывалъ на нихъ резолюціи, слушая однимъ лишь ухомъ мои отвѣты; усатый ротмистръ внимательно курилъ и читалъ газету, изрѣдка посматривая на меня изъ подлобья. Коршъ развернулъ на столѣ карту — двухверстку, положилъ компасъ, бумагу, карандашъ.

— Представьте себѣ, что вы начальникъ штаба конной бригады. У васъ три кавалерійскихъ полка, квартирующихъ въ станицахъ Елизаветинской и Ново-Титаровской, — онъ показалъ на картѣ эти станицы. — Въ станицѣ Елизаветинской стоитъ два вашихъ полка, въ станицѣ Ново-Титаровской — одинъ. Штабригъ квартируетъ въ Елизаветинской. Противникъ, силою до бригады нѣхоты, въ станицахъ такихъ и такихъ то. Отдайте въ письменномъ видѣ приказъ о сторожевомъ охраненіи и развѣдкѣ.

Я задалъ нѣсколько вопросовъ — о томъ, есть ли у меня артиллерія и гдѣ она квартируетъ, о сосѣдяхъ справа и слѣва, объ общей ситуаціи на фронтѣ, въ который входитъ мой сторожевой участокъ, послѣ боя ли бригада моя расквартирована, или до боя и проч.

— Отлично... Вопросы ваши существенны.

Онъ внесъ добавленія въ свою задачу и я набросалъ приказъ по бригадѣ о сторожевомъ охраненіи. Приказовъ такихъ за свою службу я писалъ уже не мало*), и потому задача эта была мнѣ по силамъ.

Коршъ взялъ мой приказъ и сталъ провѣрять мои задапія полкамъ по картѣ. Усатый ротмистръ отложилъ свою газету и тоже наклонился надъ картой.

---

*) Инкавъ-инспекторъ кавалеріи.

*) Я два года былъ старшимъ оперативнымъ адъютантомъ штаба 4-й Донской конной дивизіи.

— Вотъ вы приказали вести бригадную развѣдку, — сказалъ усатый ротмистръ, — на это дѣло вы ухлопали въ общей сложности два эскадрона — такъ?

— Такъ.

— Ну вотъ. Да два эскадрона разсироплено вами на сторожевку. Не слишкомъ ли это большой расходъ для бригады?...

Надо было защищаться.

— Очень трудно, товарищъ, рѣшить тактическую задачу такъ, что бы не встрѣтить еще и другого возможнаго рѣшенія. Кромѣ того, всякое рѣшеніе всегда индивидуально. Каждый, разрабатывающій ту или иную задачу, всегда дѣлаетъ удареніе на что то свое. Но въ защиту моего рѣшенія разрѣшите привести слѣдующія соображенія: своей развѣдкѣ я поставилъ двѣ задачи: а) развѣдать противника съ боемъ и б) если удастся вытѣснить его изъ занимаемыхъ имъ станицъ, то удержать за собою взятыя станицы, т. к. бригада съ разсвѣтомъ все равно должна начать наступленіе на расположеніе противника. Вотъ почему я мою развѣдку сдѣлалъ нѣсколько больше уставной. Моя развѣдка — это въ то же время мой боевой авангардъ. Охрану я тоже усилилъ, т. к. противъ меня стоитъ пѣхота и мѣстность къ тому же очень пересѣченная.

— А какова уставная норма высылки разъѣздовъ? — спросилъ Коршъ.

Я отвѣтилъ.

— Правильно. Приказъ вашъ вполнѣ удовлетворителенъ. У васъ есть несомнѣнный опытъ. Какъ находите вы, товарищъ инспекторъ?

— Да, да, конечно.

Усатый ротмистръ, въ отвѣтъ на вопросъ Корша, кратко отвѣтилъ:

— Годенъ.

Но Чувелевъ все же не удовлетворился экзаменомъ «по штабистикѣ».

— Прозкзаменуйте товарища и по строю.

Начался экзаменъ съ эскадроннаго ученія. Вмѣсто взводовъ — спички. Начальники — спичечныя головки. Эскадронное ученіе я зналъ и потому всѣ построенія исполнилъ правильно, и правильно подалъ всѣ нужныя команды. Но когда Коршъ наломалъ спичекъ на цѣлый полкъ и вытянулъ его въ резервную колонну, пришлось признаться, что къ полковому ученію я не подготовленъ.

— Я полкомъ, товарищъ, никогда не командовалъ... Я знаю только эскадронное мѣсто въ полковомъ ученіи, да и то, пожалуй, теперь уже забылъ и это...

— А вотъ попробуемъ... Авось... Двойную колонну полка изъ резервнаго порядка можете построить?... Подайте команду и покажите какъ она исполняется эскадронами.

Построеніе это было не изъ трудныхъ и я припомнилъ и команду, и исполненіе ея.

— Что-жъ, отлично... Все по уставу...

Коршъ задалъ еще нѣсколько простыхъ построеній — сдѣлалъ и ихъ.

Экзаменъ кончился. Чувелевъ предложилъ подсѣсть къ его столу.

— Экзаменъ вы сдали и на начальника штаба бригады, и на командира полка. Я васъ все таки хочу назначить въ строй и именно въ запасный дивизіонъ арміи. Тамъ 12 эскадроновъ и надъ ними нуженъ опытный глазъ. Дивизіономъ командуетъ тов. Понамаревъ, но онъ не кавалеристъ, дѣло это знаетъ слабо и дивизіону вы будете очень полезны. Тамъ есть гдѣ показать себя. Запасная часть, маршевые эскадроны для всей IX арміи — это видная работа. Поработайте снача-

ла тамъ, а штабная работа отъ васъ не уйдетъ. Да и нѣтъ сейчасъ вакансій. Я васъ въ одномъ могу завѣрить: я буду имѣть васъ въ виду.

Я не сталъ возражать. Въ конечномъ итогѣ я получалъ назначеніе выгодное для моихъ цѣлей: съ маршевыми эскадронами можно было разсылать по всей кавалеріи IX арміи своихъ людей. Это позволило бы наладить связь, а такъ какъ въ запасномъ понамаревскомъ дивизіонѣ , по моимъ свѣдѣніямъ, было много плѣнныхъ офицеровъ и казаковъ, новое мое назначеніе неожиданно открывало предо мною новыя возможности...

9. ПРЕДСТАВЛЕНІЕ НОВОМУ НАЧАЛЬСТВУ.

Въ тотъ же день я отправился въ слободу Дубинку, находящуюс въ четырехъ верстахъ отъ Екатеринодара, чтобы представиться товарищу Понамареву — моему новому начальнику.

Понамаревъ принялъ меня болѣе чѣмъ любезно и выразилъ живѣйшую радость, что, наконецъ то, онъ получилъ помощника-строевика.

— Тяжело одному, — жаловался онъ на свою судьбу, — я и командиръ, я и комиссаръ дивизіона — работы по уши. Ну-съ, а теперь мы раздѣлимъ трудъ. Да и, между нами говоря, я не кавалеристъ настоящій. Былъ двадцать лѣтъ тому назадъ вольноопредѣляющимся въ кавалерійскомъ полку, но это ,сами знаете, одно, а командовать 12 эскадронами—другое. Вести занятія я не могу. Эскадронные командиры мои — тоже не спецы. Есть одинъ, бывшій офицеръ, но лодырь такой, что его не расшевелишь... Вотъ вы и беритесь за это дѣло. Дѣйствуйте моимъ именемъ. На меня всегда можете разсчитывать...

Кириллъ Федоровичъ Понамаревъ былъ выше-средняго роста, статенъ и, видимо, очень слѣдилъ за своею внѣшностью. Это не былъ «баринъ», но онъ держалъ себя «подъ барина». Усы и бороду онъ брилъ. Въ немъ было что то артистическое — посѣдѣвшая густая шевелюра, большіе выразительные глаза... Въ 1905 году онъ отбывалъ воинскую повинность въ какомъ то кавалерійскомъ полку — въ какомъ это было туманно. Одинъ разъ онъ оказывался въ гусарахъ, другой — въ кирасирахъ. Въ повѣствованіяхъ своихъ Понамаревъ былъ недостаточно твердъ. Говоритъ, что служилъ вольноопредѣляющимся. Во время октябрьскихъ дней первой революціи участвовалъ въ безпорядкахъ, былъ преданъ суду, осужденъ на каторгу, но благополучно бѣжалъ за-границу. Эмигрантомъ кочевалъ по Германіи, Швейцаріи, Франціи и Италіи. Въ Россію вернулся въ «запломбированномъ вагонѣ» вмѣстѣ съ Ленинымъ и Троцкимъ, съ которыми былъ, по его словамъ, друженъ. По всему было видно, что онъ не имѣлъ средняго образованія, хотя и говорилъ, что «сейчасъ же по окончаніи гимназіи» поступилъ въ полкъ, что бы отдѣлаться отъ воинской повинности. Жизнь заграницей, знакомство съ языками и эмигрантская кружковщина развили его. Онъ не мало прочелъ на своемъ вѣку брошюръ, умѣлъ показать свой товаръ лицомъ, темпераментно, съ огонькомъ могъ произносить на митингахъ рѣчи. Красноармейцы, видя его солидность и внѣшнюю строгость, поговаривали, что Понамаревъ — бывшій полковникъ...

Прощаясь съ моимъ командиромъ, я попросилъ разрѣшеніе взять верховую лошадь, чтобы съѣздить въ городъ,и бричку для перевозки своего багажа въ дивизіонъ. Багажъ этотъ былъ не сложенъ: постель да чемоданъ — но все же багажъ.

10. МОЙ ВѢСТОВОЙ.

Понамаревъ рѣшилъ сразу поставить мое пребываніе въ дивизіонѣ на солидную ногу и заговорилъ о томъ, что мнѣ надо подыскать хорошаго вѣстового.

— Вы какъ на счетъ плѣнныхъ? Наши красноармейцы немного того, распущены, а плѣнные, пока обживутся, будутъ ручнѣе.

— Мнѣ все равно — плѣнный или красноармеецъ... Лишь бы любилъ лошадь, да ухаживалъ за ней.

Пока Понамаревъ потчевалъ меня чаемъ съ вишневымъ вареньемъ, его вѣстовой сходилъ съ понамарсвской запиской въ эскадронъ, гдѣ посѣдлали для меня лошадь и назначили вѣстового.

Ѣдучи въ городъ, разсматриваю своего вѣстового.

— Казакъ?

Это, впрочемъ, можно было и не спрашивать. Несомнѣнно мой вѣстовой былъ казакъ, чистокровнѣйшій донецъ. На нихъ вѣдь печать казачья лежитъ такая, что не ошибешься.

— Такъ точно — донецъ...

— Какого полка былъ?

— 26-го коннаго...

Я взглянулъ пристальнѣе на казака. Вѣдь 26-й конный полкъ — мой полкъ... Въ этомъ полку я началъ свою службу въ Донской Арміи, въ этомъ полку въ 1918 году былъ раненъ...

Казакъ продолжалъ:

— Насъ тутъ въ дивизіонѣ сотни двѣ будетъ... Я васъ сразу призналъ... А полковнику Маноцкову*) ногу отрѣзали. Слыхали?

— Вотъ что, станица, это, конечно, хорошо, что у меня подъ рукой будетъ своихъ людей двѣ сотни. Люди вы все вѣрные... Но только никому ни гу-гу, что я плѣнный... Понимаешь? И казакамъ нашимъ скажи, чтобы молчокъ былъ. Я тутъ тайкомъ у красныхъ и дѣлаю видъ, что у бѣлыхъ никогда не былъ — понимешь?

— Про это не извольте безпокоиться, господинъ есаулъ... Дѣло тутъ сурьезное... Мы и сами гуторимъ, что надо возстаніе поднимать... Слыханное ли дѣло... Почитай тридцать тысячъ казаковъ въ плѣну... Да мы тутъ, ежели съ умомъ, все вверхъ дномъ могимъ перевернуть...

— Вотъ и будемъ мараковать на этотъ счетъ. Надо только другъ за дружки держаться, да языкъ за зубами хорошо до поры до времени держать...

— Это ужъ будьте покойны... Съ нами тутъ и есаулъ П-ъ... Онъ не открылся, что офицеръ, и красноармейцемъ простымъ въ строй пошелъ... А на счетъ секрету будьте покойны. У казаковъ выдачи нѣту. Не сумлѣвайтесь **)...

11. ВЪ ДИВИЗІОНѢ.

Съ Понамаревымъ у меня сразу же наладились наилучшія отношенія. Строевымъ хозяиномъ дивизіона былъ я. Всѣ мои требованія, вплоть до внутренняго распорядка дивизіона — компетенція, къ слову сказать, комиссара части

*) Командиръ 26-го Донского коннаго полка.

**) Упоминаю о своемъ вѣстовомъ такъ откровенно, ибо онъ бѣжалъ отъ красныхъ и находится внѣ ихъ досягаемости

— безпрекословно исполнялись Понамаревымъ. Онъ былъ несказано радъ, что могъ сбросить съ себя непосильную строевую обузу.

До меня эскадроны почти ничѣмъ строевымъ не занимались, танъ нанъ Понамаревъ не могъ организовать строевую работу, а командиры эскадроновъ тоже предпочитали службу въ дивизіонѣ превратить въ лѣтній отдыхъ послѣ долгой боевой страды. Если же когда — никогда эскадроны выѣзжали на проѣздку лошадей, — это ужъ, хочешь не хочешь, приходилось дѣлать, что бы не погубить конскій составъ, — то дѣлалось это такъ распущено, хулигански, что эскадроны походили не на воинскую часть, а на толпу базарныхъ цыганъ. Одни ѣхали на посѣдланныхъ лошадяхъ, другіе даже посѣдлать не потрудились... Курили, разговаривали... Ѣхали кто нанъ хотѣлъ и умѣлъ.

При мнѣ началась «наторга» для дивизіона. Словечно это было пущено красноармейцами, нанъ мнѣ передавали назани. Я ввелъ уставной режимъ. Все должно было дѣлаться въ положенные часы, на наковой предметъ я объявилъ росписаніе дня, предупредивъ, что за нерадѣніе буду наназывать по всей строгости «революціонной дисциплины». Два раза въ день, утромъ въ 6 часовъ и вечеромъ въ 7 часовъ, была назначена генеральная чистка лошадей на эскадронныхъ коновязяхъ. Коновязей не было и въ поминѣ и въ три дня пришлось ихъ выстроить. Я самъ выходилъ на уборку и требовалъ, чтобы всѣ эскадронные командиры со всѣмъ своимъ командным составомъ были на своихъ мѣстахъ. Утромъ и послѣ обѣда — строевыя занятія. Росписаніе занятій я объявилъ въ приназѣ и приназалъ неуклонно руководствоваться имъ. Въ первые же дни нѣноторые командиры эскадроновъ оназались неисполнительными. Я доложилъ Понамареву и ной нто сейчасъ же былъ отрѣшенъ отъ командованія, двухъ эскадронныхъ командировъ оштрафовали въ размѣрѣ половиннаго мѣсячнаго содержанія, одного подвергли аресту на гауптвахтѣ съ объявленіемъ въ приназѣ по дивизіону.

Дивизіонъ мнѣ нужно было сдѣлать своимъ, такимъ, ноторый бы безпрекословно подчинялся моему приказу. Тольно такой послушный дивизіонъ могъ быть полезенъ въ возможномъ будущемъ...

Не успѣлъ я еще ввести твердаго режима въ дивизіонѣ, нанъ получился приказъ: въ виду нонтръ-революціоннаго настроенія близлежащихъ нъ Екатеринодару черноморснихъ станицъ, дивизіонъ перевести въ станицу Ново-Титаровсную.

Это было прикрытіе для Екатеринодара, если бы черноморскія станицы вздумали серьезно зашевелиться.

Переходъ въ нонтръ-революціонный раіонъ подбадривалъ меня — можно было и помощь оназать черноморцамъ...

Въ Ново-Титаровсную мы прибыли уже въ порядкѣ и въ порядкѣ раснвартировали эскадроны. Вновь отстроили коновязи. За станицей было велинолѣпное поле. Я разбилъ здѣсь нѣснольно манежей, стѣнни обложилъ дерномъ, сдѣлалъ манежныя препятствія, приборы для рубки и работы пикой, и проч. Черезъ недѣлю въ дивизіонѣ шла уже жизнь нормальной воинсной части. Понамаревъ ни во что не вмѣшивался и большую часть времени проводилъ въ Екатеринодарѣ, слегно понучивая тамъ и предаваясь отдыху. Но какъ то все же заглянулъ онъ ко мнѣ на плацъ. На двухъ манежахъ шла ѣзда. Въ одномъ ѣздили съ сѣдлами, на другомъ — безъ сѣделъ. Одни эскадроны занимались взводнымъ ученіемъ, другіе — учились рубкѣ, третьи — работали пинами. Я подобающе встрѣтилъ начальство — вѣрнѣе, не подобающе. Согласно нрасному строевому уставу, но-

мандиру части, если только онъ не объявилъ заранѣе, что будетъ инспектировать свою часть, никакихъ знаковъ воинской вѣжливости не оказывается — ни «встрѣчи», ни команды «смирно» ему не положено. Командиръ того эскадрона, къ которому онъ подъѣзжаетъ, беретъ только подъ козырекъ. Я продѣлалъ Понамареву «старорежимную» встрѣчу: выстроилъ эскадроны, скомандовалъ «смирно» и поскакалъ съ рапортомъ. Понамареву этотъ «старый режимъ» понравился. Онъ объѣхалъ эскадроны и попросилъ меня показать ему полковое ученіе, котораго онъ никогда, кажется, не видѣлъ. Къ полковому ученію дивизіонъ не былъ еще подготовленъ и потому я могъ показать Понамареву только нѣсколько элементарныхъ построеній, съ которыми дивизіонъ уже былъ знакомъ.

Послѣ «смотра» Понамаревъ произнесъ рѣчь, въ которой говорилъ о революціонной арміи, о томъ, что «мы» — авангардъ міровой революціи, что по нашему образцу всѣ народы будутъ строить жизнь.

— Мы рыцари новой жизни. Но это званіе обязываетъ. Оно требуетъ подвига и примѣра, лишеній и жертвъ... Я знаю какъ труденъ режимъ дисциплины и какъ хочется вамъ отдохнуть послѣ побѣдныхъ боевъ съ бѣлыми бандами. Но бой еще не конченъ. Мы все еще въ станѣ враговъ, и потому сабли наши не должны затупляться. Будемъ работать, не будемъ тяготиться тяжелой воинской службой. Настоящій отдыхъ еще далеко впереди. Вы имѣете опытнаго руководителя. Учитесь у него кавалерійскому искусству. Симъ побѣдишь!

Съ пѣснями пошли эскадроны по квартирамъ...

Не знаю, о чемъ думалъ Покамаревъ, пропуская мимо себя стройные ряды... Я же думалъ о томъ, что, если Богъ поможетъ, эти эскадроны, быть можетъ, сыграютъ свою роль...

Мой вѣстовой, толкавшійся все время среди красноармейцевъ, питалъ меня свѣдѣніями о настроеніяхъ въ эскадронахъ. Красноармейцы дѣлились у насъ на «своихъ» и на «чужихъ». «Свои» не роптали на меня, такъ какъ понимали, что я «прибираю» дивизіонъ къ рукамъ, что бы имѣть его «на всякій случай». «Чужіе» открыто проклинали заведенную мною «каторгу». Чистка лошадей, манежъ, ученія, дисциплина, наказанія за распущенность, — а за всѣмъ этимъ я слѣдилъ, — все это было для «чужихъ» непривычной мукой, возвращеніемъ къ «проклятому старому режиму».

Въ дивизіонѣ было много донцовъ. Одни изъ нихъ были въ красной арміи еще съ Мироновскаго возстанія, другіе стали «товарищами» только послѣ мартовской новороссійской драмы. Эти двѣ группы донцовъ были между собою на ножахъ. Наступающей стороной были новороссійскіе плѣнники. Они упрекали «мироновцевъ» въ гибели Дона и грозили, что станицы съ ними будутъ еще расчетъ производить.

— Вернемся на Донъ... Не вѣчно же будетъ комиссарское царство... Тамъ поговоримъ кто что дѣлалъ и гдѣ былъ, — говорили плѣнные.

— А вотъ ты поразговаривай, такъ въ чрезвычайкѣ въ гостяхъ побываешь, — припугивалъ «мироновецъ», но до начальства эти «домашніе разговоры» не доходили, если только не вмѣшивался въ разговоръ кто нибудь изъ красноармейцевъ-коммунистовъ, которыхъ было, впрочемъ, немного въ дивизіонѣ, но все же они были и были старательно разсиропплены по всѣмъ эскадронамъ,— это были глаза и уши комиссара дивизіона. Донцы же, какъ не ссорились между собой, сора изъ избы не выносили. «Мироновцы» и сами нерѣдко подумывали о томъ, что день расплаты за грѣхи передъ Родиной когда нибудь да настанетъ.

Въ дивизіонѣ было не мало мироновцевъ, буденовцевъ, жлобинцевъ, думенковцевъ, блиновцевъ и прочей прославленной братіи, считавшей себя кавалерійской аристократіей и бывшей въ явной оппозиціи мнѣ и моему режиму. Стычки съ ними бывали нерѣдки. Понамареву я докладывалъ о дерзостяхъ «аристократіи» и онъ, долженъ отдать ему полную справедливость, всегда, просто съ моихъ словъ, безъ комиссарской провѣрки, становился на мою сторону и безпощадно грѣлъ, «аристократію». Особенно дерзкихъ и хулиганствующихъ мы, подъ разными предлогами, сплавляли изъ дивизіона.

Самымъ ощутительнымъ наказаніемъ для буденовца или думенковца — это переводъ въ пѣхоту. Обычно «аристократъ» предпочиталъ дезертирство такому умаленію его кавалерійскаго достоинства. Страхъ передъ «разжалованіемъ въ пѣхоту» помогалъ мнѣ справляться съ распущеннымъ дивизіономъ.

Приналегъ я какъ то на одинъ эскадронъ, въ которомъ было особенно много хулиганствующихъ думенковцевъ. Занимался я съ ними ѣздой безъ сѣделъ. Во время перерыва для отдыха слышу разговоръ: упражненіе это «старорежимное», «уставомъ красной арміи не предусмотрѣнное», «у Думенки этимъ не занимались»...

И уже съ расчетомъ, чтобы я непремѣнно услыхалъ, думенковецъ подчеркнуто громко сказалъ:

— А били офицериковъ почемъ здря!..Изюминка тутъ въ другомъ... Лихость нужна, а не каблучокъ въ манежѣ оттягивать, да локотки прижимать...

Играя обнаженной шашкой, онъ приговаривалъ:

— Каблучокъ тянуть не умѣю, а вотъ этой самой сабелькой четырнадцать офицериковъ срубилъ... Безъ манежа... По-думенковски...

Можно было, конечно, сдѣлать видъ, что я не слышу. Можно было просто прекратить разговоръ, но захотѣлось проучить наглеца.

Я подошелъ къ нему.

— Такъ говорите, что васъ рубкѣ уже учить больше не нужно?

— Рубкѣ мы учились въ бояхъ... Наша школа тамъ... На офицерскихъ головкахъ...

— Можетъ быть вы, товарищъ, и правы...Покажите свое искусство... Пожалуйте сюда...

Думенковецъ догадался чего я хочу.

— Это дѣло!.. Попробуемъ, товарищъ командиръ... Ну-ка, сабелька, не выдай!

Мы скрестили шашки. Думенковецъ не имѣлъ понятія объ эскадронномъ фехтованіи, но все же перешелъ въ наступленіе.

Я подзадаривалъ его:

— Ничего, смѣлѣе, смѣлѣе... Не бойся, не зарубишь...

Каждый ударъ думенковца я безъ труда парировалъ, потомъ выбралъ удобный моментъ и выбилъ у него шашку изъ рукъ.

— Вотъ хвалишься, а шашку держать въ рукѣ не умѣешь. Ты рубилъ головки навѣрно связаннымъ по рукамъ офицерамъ... Ну, по конямъ!.. Заниматься!..

Этого думенковца, черезъ нѣсколько дней, я откомандировалъ отъ дивизіона въ пѣхоту, придравшись къ плохой уборкѣ коня.

Оппозиція мнѣ была и въ командномъ составѣ; пожалуй, еще болѣе ненавистная. Среди командировъ было не мало, такъ называемыхъ, красныхъ офицеровъ изъ курсантовъ. Они «давили фасонъ», одѣвались щеголевато, ходили непремѣнно съ стэками. Знаній у нихъ было очень немного; все это были скороспѣлки, менѣе

подготовленные къ командованію, чѣмъ самый плохенькій унтеръ-офицеръ старой арміи, прошедшій девятимѣсячную школу учебной команды полка. Я успѣлъ скоро изучить своихъ командировъ эскадроновъ и взводовъ и зналъ кто на мѣстѣ и кто ятъ; опредѣлилъ я также, по возможности, и политическій духъ каждаго. Это тоже имѣло для меня значеніе.

Надо было произвести чистку.

Я предложилъ Понамареву устроить испытаніе нашему комсоставу, доказывая, что при слабыхъ командирахъ вся моя работа будетъ итти впустую. Мало организовать строевую работу, надо еще имѣть помощниковъ, которые могли бы проводить въ жизнь эту организацію. Понамаревъ не возражалъ, спросивъ только, не противорѣчатъ ли такія испытанія уставу. Я увѣрилъ его, что такая провѣрка входитъ въ прямыя обязанности командира части, т. к. онъ несетъ отвѣтственность за подготовку людей, а для этого нужно имѣть увѣренность въ подготовкѣ комсостава.

Устроили провѣрку. Я экзаменовалъ, Понамаревъ только слушалъ. «Жертвы» мною были намѣчены заранѣе. Для «жертвъ» у меня было заготовлено по нѣсколько заковыристыхъ вопросовъ изъ устава строевой службы. На такіе вопросы, обыкновенно, въ отвѣтъ слѣдовало гробовое молчаніе. Въ результатѣ экзамена большинство неугодныхъ мнѣ командировъ было свалено. Рѣшено было отправить ихъ въ инспекцію кавалеріи. Тутъ же мы намѣтили и замѣстителей.

Цѣлая пачка прозктируемаго комсостава была послана въ инспекцію на экзаменъ и всѣ они возвратились въ дивизіонъ со свидѣтельствами комзскадроновъ и комвзводовъ.

Не удалось мнѣ свалить лишь одного командира эскадрона, краснаго офицера и коммуниста; къ тому же онъ былъ протежэ самого Понамарева. Чтобы задобрить Понамарева, пришлось схитрить:

— Надо бы,— помню сказалъ я, — смѣнить еще и этого комзска .. Между нами говоря, командиръ онъ никудышный, но онъ коммунистъ... Это надо беречь... Ну, какъ нибудь, будемъ изворачиваться...

Понамаревъ долженъ былъ оцѣнить по достоинству такой подходъ къ дѣлу...

Коммунистовъ въ дивизіонѣ было немного. На тысячу съ лишнимъ красноармейцевъ ихъ было не больше 50-60 человѣкъ; они составляли дивизіонную комячейку. Коммунисты занимали въ дивизіонѣ привилегированное положеніе, ихъ чище обмундировывали, они имѣли свой клубъ, содержимый на средства Политическаго Отдѣла Арміи, гдѣ имъ, въ придачу къ коммунистической литературѣ, давалось пиво и чай. Хозяйственныхъ нарядовъ въ дивизіонѣ они не несли, да и отъ караульной службы увиливали.

Обладали они и особымъ «продовольственнымъ правомъ»: коммунисты могли въ красноармейскихъ кооперативахъ пріобрѣтать всѣ товары по твердой цѣнѣ —нужно ли говорить, что это право открывало дорогу къ довольно доходной спекуляціи.

Нѣсколько разъ въ недѣлю комячейка собирала дивизіонъ на митингъ, послѣ котораго выносилась неизмѣнная резолюція, заканчивающаяся штампованой фразой:

— Да здравствуетъ россійская коммунистическая партія! Да здравствуетъ Совѣтъ Народныхъ Коммисаровъ!

Пятьдесятъ коммунистовъ продѣлывали это совершенно свободно, т. к. крас-

ноармейцы митингами не интересовались и поднимали руку за что угодно. Для нихъ это была лишь скучная повинность.

Режимъ, заведенный мною въ дивизіонѣ, митинги, естественно, вытѣснилъ. Для нихъ просто не оставалось времени, или ихъ надо было устраивать въ часы, положеяные для отдыха, что совершевно не улыбалось красноармейцамъ. Комячейка рѣшила протестовать противъ моего распорядка дня, говоря, что политическое развитіе дивизіона у насъ въ загонѣ. Въ этомъ духѣ былъ поданъ рапортъ Понамареву, какъ комиссару дивизіона. Поямаревъ запросилъ меня — какъ быть? Комячейка имѣла право заботиться о политическомъ воспитаніи красноармейцевъ и нажимать на это было бы неблагоразумно, ибо, если бы даже Понамаревъ отказалъ комячейкѣ въ ея домогательствахъ, ояа добилась бы своего отъ Политическаго Отдѣла Арміи. Меня же комячейка «подмочила бы», разсказавъ въ Поармѣ, что я «контръ-революціонеръ», тѣсяю коммунистовъ и проч. Нужно было пойти навстрѣчу комячейкѣ. Рѣшеко было отвести два дня въ недѣлю на политическое развитіе дивизіона, и то два дня не полныхъ: до обѣда занятія; послѣ обѣда — политическая грамота. Комячейка поторговалась съ Понамаревымъ, но успокоилась — жаловаться теперь уже было не яа что.

12. ПОНАМАРЕВЪ.

Понамаревъ могъ бы быть примѣрнымъ комиссаромъ: развитой, волевой, видавшій виды, кое-что читавшій, — онъ могъ бы развить свою комиссарскую дѣятельность въ дивизіонѣ ке въ примѣръ комиссарамъ сосѣднихъ частей, которые кичего, кромѣ партійнаго билета, за душой не имѣли. На комиссарскомъ горизонтѣ онъ былъ фигурой яркой, на голову выше мкогихъ своихъ коллегъ. И когда то, въ первый періодъ комиссарства, онъ, по его же словамъ, много работалъ. Къ нему приходили посмотрѣть, какъ надо работать. Теперь онъ охладѣлъ къ работѣ. Митинги проходили безъ его участія и руководства — онъ выдохся. Дивизіонъ поэтому не вываривался въ коммунистической пропагандѣ, какъ другія части, гдѣ комиссаръ велъ политическое воспитаніе своихъ красноармейцевъ: каждую недѣлю секретарь Понамарева, Молотковъ, составлялъ недѣльный докладъ въ Поармъ о политической работѣ въ дивизіонѣ и этимъ дѣло ограничивалось.

Мысли Понамарева вертѣлись теперь вокругъ личныхъ дѣлъ: ояъ не такъ давно женился, жека гостила у ея родныхъ въ Балашовѣ и ее нужно было выписать сюда, въ дивизіонъ — комиссарская работа отходила на второй планъ.

Туть кстати замѣтить: Понамаревъ жекился по христіанскому церковному обряду. Для другого бы коммуниста—это зарѣзъ: партія нсмедленяо же исключила бы такого «вѣроотступника» изъ своихъ рядовъ. На Понамарева донесли въ ЦИК партіи — качалось дѣло. Но оно очень скоро было ликвидировано по приказу изъ Москвы. Ходили слухи, что Покамаревъ — секретный освѣдомитель Ленина, и что онъ снабженъ его личнымъ мандатомъ, предъ которымъ мѣстныя власти безсилькы.

Какъ то вечеромъ зашелъ я къ Понамареву. На скамеечкѣ, у воротъ, мы усѣлись, и весь вечеръ проболтали о всякой всячинѣ. Замѣтивъ на станичной церкви массивный крестъ, Понамаревъ сказалъ:

— Такой бы золотой крестикъ имѣть и больше ничего не нужно. Купилъ бы я въ Малороссіи хуторокъ, бычковъ завелъ бы, лошадокъ, коровокъ... Хо-ро-шая штука!..

1148

Коммунизмъ для него былъ карьерой, а не идеологіей. Въ другое бы время и при другой обстановкѣ изъ него выработался бы недурной чиновникъ. По натурѣ своей онъ не былъ революціонеромъ, но власть онъ любилъ и дорожилъ своимъ положеніемъ. Ко всему этому Понамаревъ былъ еще циникъ.

Послѣ сидѣнія на скамеечкѣ за воротами, Понамаревъ пригласилъ меня «къ себѣ» въ садъ.

— Яблоки тамъ во-какія!

Пошли въ «его» садъ. Понамаревъ сталъ рвать съ дерева яблоки. Увидѣла это хозяйка, запротестовала.

— Что же вы это въ чужой садъ безъ спросу забрались и хозяйничаете!.. Заведите свой и рвите тамъ сколько вамъ понравится. Да еще гостей явели...

— А ты, милая, не горячись. Садъ это не твой.

— А чей же?

— Божій. Мы Божьими дарами пользуемся.

— Сами безбожники, а туда же на Бога ссылаются.

— Какъ безбожники? Видишь, говорю, что яблоки Божьи, значитъ признаю яблочнаго Бога... А къ тому же еще, это садъ моего брата.

— Какого тамъ брата... Уходите изъ саду! Нѣтъ декрету такого, что бы чужіе яблоки таскать. Мы этимъ живемъ... Тутъ и такъ неурожай.

— Декрета такого нѣтъ, но если по хорошему, по христіанскому, такъ всѣ люди братья и твой мужъ мнѣ — братъ, а ты сестра. Вотъ я и ѣмъ яблоки моихъ родичей. Брату у брата можно яблочкомъ попользоваться и третьяго брата не грѣхъ угостить...

Такъ онъ съ шуточками и прибауточками пользовался садомъ своего «брата», и цѣлыми мѣшками возилъ яблоки въ городъ своимъ «братьямъ» изъ Особаго Отдѣла и инспекціи кавалеріи.

13. ВЪ СТАНИЦѢ

Красноармейцы тоже не стѣснялись «по братски» залѣзать въ чужіе сады и огороды. Особенно охотно и даже «съ чувствомъ» дѣлали это плѣнные донцы, которые къ кубанцамъ питали нескрываемую вражду.

— Матери вашей чертъ! Не хотѣли воевать — кормите насъ теперь вашими садами и огородами... У насъ на Дону ничего не осталось... Равенство, такъ равенство... и у васъ пусть будетъ столько же...

Донцы, впрочемъ, спуска не давали никому.

Коммунистовъ донцы иначе не называли, какъ «жидовскими прихвостнями» и громко говорили, что казаки никогда «жидамъ» не служили и служить не будутъ. Говорилось и о томъ, что «коммунистовъ всѣхъ перевѣшать надо», тогда «народъ сговорится» и въ Россіи установится порядокъ. Офицера за такія рѣчи повѣсили бы на первой же осинѣ, казаку это прощалось, просто объ этомъ не доводилось до свѣдѣнія начальства.

Квартирныя хозяйки тоже дѣлили красноармейцевъ на подневольныхъ и на коммунистовъ. Подневольныхъ красноармейцевъ онѣ кормили и поили тѣмъ, что сами ѣли, а коммунисты были въ немилости:

— Ленинъ пусть васъ кормитъ... Вы сго отродье...

Многіе коммунисты скрывали свое коммунистическое званіе, что бы не быть изгоями среди своихъ же красноармейцевъ, но коммунисты были всѣ яа перечетъ и поэтому «игра» не удавалась. Но тутъ у хозяевъ дворовъ получался заколдован-

ный кругъ: кормить коммунистовъ они не хотятъ, а если ихъ добровольно не кормить, они сами кормятся — крадутъ птицу, колятъ свиней, опустошаютъ погреба съ молокомъ, масломъ и яйцами.

Станица кряхтѣла отъ красноармейскаго постоя, но еще больше имъ приходилось терпѣть отъ постоя всевозможнаго краснаго начальства. На красноармейцевъ хоть когда—никогда можно было пожаловаться начальству, а на начальство жаловаться уже было некому.... А начальство было куда требовательнѣе красноармейцевъ! Красноармейца накорми хлѣбомъ и щами —онъ и доволенъ, порою и «спасибо» скажетъ. А начальство щи не ѣстъ, ему подай цыпленка, сдѣлай яичницу, да къ чаю не просто бѣлаго хлѣба нарѣжь, а спеки оладьи, блинчики, хворостъ изжарь, давай непремѣнно все «по господски».

Я квартировалъ у казачки-вдовы. Мужъ, бывшій старый служака конвоя Его Величества, былъ давно уже покойникъ, сынъ ея убитъ въ Коряиловскомъ походѣ. Жила старуха съ дочерью, мужъ которой ушелъ съ Деникинскими войсками въ Крымъ. Это была настоящая «кадетская» семья. Мною и моими двумя вѣстовыми хозяйка не имѣла особыхъ основаній быть недовольной. Я за все платилъ ей, а вѣстовые мои, хотя и не платили за постой и «харчи», но они работали у нея и во дворѣ, и въ полѣ такъ, что она не могла нахвалиться ими.

— И вотъ поди-жъ ты, и тѣ въ красной арміи,и эти... А люди совсѣмъ разные... Эти люди, какъ люди, а тѣ одно слово — товарищи. Ваши слуги и не ругаются никогда, а тѣ, прости Господи, что ни слово, то «въ Бога мать».

Частенько она допытывалась:

— Да вы не изъ красныхъ... Красные не такіе...

Старуха любила потолковать со мною на тему о томъ, долго ли продержится большевицкая власть,что слышно про бѣлыхъ, много ли зеленыхъ, вѣрно ли что всѣ коммунисты — жиды и живъ ли «бѣдный батюшка, Царь-Государь нашъ».

И если я не рисковалъ говорить откровенно со своей квартирной хозяйкой, то за то она не боялась меня.

— А я вотъ, по старушечьи,думаю, что красное царство не надолго... Богъ не допуститъ... Поцарствуютъ эти воры, что власть украли, да и поймаются... Не можетъ это долго быть. Сейчасъ народъ смотритъ, кряхтитъ да помалкиваетъ, а какъ за народомъ чередъ придетъ, да какъ начнетъ онъ всѣхъ этихъ комиссаровъ помеломъ мести, да вилами угощать, такъ живо Рассея въ Рассею превратится. Вы меня старуху простите. Я хочу правду говорить, какъ передъ Богомъ. Побьетъ народъ комиссаровъ...

Приходили ко мнѣ частенько старики-казаки. Кто съ жалобой придетъ на красноармейцевъ, кто съ просьбой уменьшить у него на квартирѣ число красноармейскихъ ртовъ, кто просить освободить отъ подводной повинности, т. к. онъ собрался ѣхать въ поле... За всѣмъ этимъ надлежало ходить въ Понамареву, какъ командиру и комиссару части и начальнику станичнаго гарнизона, — но жители его боялись.

— Ему никакъ не угодишь, — говорили казаки, — придешь съ виноватымъ видомъ, закричитъ:

— «Что казанской сиротой стоишь? Совѣтская власть обидѣла тебя? Ишь въ три погибели согнулся. Трудно... При кадетахъ гоголемъ ходилъ, а тутъ стоишь, точно изъ тебя жилы тянуть...»

— Придешь свободно, развязно, какъ къ «своему» — тоже плохо:

— «Ты что же это къ своему сосѣду пришелъ?.. Уши врозь, дугою ноги...

Небось къ атаману приходилъ шапку ломалъ, а тутъ яа-ка тебѣ... Ты еще разсядься тутъ...»

— Назовешь его «господинъ комиссаръ» — закричитъ, что «господъ» теперь нѣтъ, а сказать «товарищъ» боязно, чего добраго обидится, что въ товарищи къ нему записался.

Объ этомъ мнѣ такъ и говорилъ одинъ станичникъ. И предпочитали они ко мнѣ ходить со своими дѣлами. Сдѣлаешь обыкновенно все, что можно сдѣлать. Благо, что Понамаревъ ничего не имѣлъ противъ моего вмѣшательства въ его компетенцію — это разгружало его отъ обязанностей.

Какъ то послѣ одного такого дѣлового визита, проситель, казакъ-старикъ, задержался у меня. Сидитъ, молчитъ... Шапку въ рукѣ мнетъ. На полъ смотритъ, точно вычитываетъ что то.

— Что, отецъ, еще какая докука есть?

— Есть, родной... Спросить хочу...

И, оглядѣвшись, старикъ спрашиваетъ:

— Скажите мнѣ, ради Христа, — долго еще власть эта продержится?

— У меня нельзя, отецъ, объ этомъ спрашивать. Думай своей головой. А то вотъ ты меня пытаешь, кто нибудь узнаетъ, что мы съ тобою о такихъ вещахъ говоримъ и, кончено — меня повѣсятъ, какъ собаку. Не полагается мнѣ объ этомъ разговаривать. Ты человѣкъ умный, самъ и рѣшай это...

Старикъ сочувственно покачалъ головой и ушелъ.

Совѣтская власть для богатыхъ кубанскихъ станицъ была во-истину нестерпимой. Первое, наиболѣе ощутительное впечатлѣніе отъ этой власти было таково, что казаки перестали чувствовать себя хозяевами въ своемъ хозяйствѣ, хозяйство точно выпало изъ ихъ рукъ. Учетная комиссія станичнаго продком-а назойливо вторгалась въ хозяйство и все брала на учетъ — посѣвную площадь, хлѣбные запасы, скотъ, наличіе рабочихъ рукъ. Тщательнѣйшимъ образомъ опредлялся дворовый «продовольственный взятокъ», назначался затѣмъ срокъ и къ этому сроку надлежало сдать въ продовольственную комиссію столько-то мѣшковъ зерна, столько-то птицы, скота, яицъ... Хозяинъ не имѣлъ права заколоть свинью, зарѣзать теленка или курицу, использовать даже куриныя яйца безъ ордера комиссіи. Комиссія точно опредѣляла какой процентъ живности могъ владѣлецъ употребить на свои домашнія нужды. Обычно станица противилась продовольственнымъ реквизиціямъ, прятала куръ, гусей, утокъ, свиней. Бабы ухватами и кочергами защищали свое добро, но на этотъ случай продком-ы имѣли особые продовольственные карательные отряды и ихъ пулеметами искоренялась казачья непокорность.

Совѣтская власть прежде всего била по собственнической психологіи. Къ психологіи же коллективизма станица никакъ не могла приспособиться — тутъ таилась безысходная война. Взрослое населеніе станицы было въ открытой оппозиціи ко всему совѣтскому и мира здѣсь не предвидѣлось. Молодежь оказалась болѣе приспособляемой и за очень короткій срокъ она поддалась новымъ вліяніямъ и новому быту. Прежде всего она оказалась падкой на хулиганство, пахабную пѣсню, развратъ. Молодыя казачки, прельщенные «трофеями» похода думенковцевъ и буденовцевъ, охотно, за колечко, сережки, кусокъ шелка дарили своихъ кавалеровъ лаской и любовью. Вечерами станица превращалась въ сплошную гулянку, гдѣ царили неотразимые держатели награбленныхъ серегъ и колецъ.

Станичный врачъ, практикующій въ станицѣ много лѣтъ, говорилъ мнѣ:

— Прежде въ станицѣ венерикъ былъ рѣдкостью — развѣ пріѣдетъ съ

фронта казакъ, а сейчасъ... сейчасъ у меня лѣчится пятнадцать казачекъ... Вы понимаете, ка-за-чекъ больныхъ луэсомъ...

Мужья, отцы, братья были въ Добровольческой Арміи или въ повстанческихъ зеленыхъ отрядахъ, а станичная молодежь, ничтоже сумняшееся, голосила подъ гармошку думенковца:

Офицеръ молодой,
Погонъ бѣленькій...
Возьращайся домой
Пока цѣленькій!

или

Пароходъ идетъ,
А дымъ кольцами...
Будемъ рыбу кормить
Добровольцами...

И все это распѣвалось «кадетскими дѣтьми», тѣми, въ семьѣ которыхъ уже реквизировался хлѣбъ для красной арміи, кому грозила конфискація имущества за уклоненіе отъ мобилизаціи брата, а братъ въ это время скрывался въ плавняхъ.

Старыхъ казачьихъ пѣсенъ не было слышно совсѣмъ. Замолкла запорожская пѣсня. А какъ пѣли эти пѣсни еще такъ недавно черяморскіе казаки! Пришло большевицкое «Яблочко» и задушило казачью старую пѣснь. Развѣ въ полѣ, на пашнѣ, сѣдой казакъ-усачъ вполголоса затянетъ что-нибудь дѣдовское, родное, обвѣянное вѣками.

А дѣтскія игры... Войну всегда любили мальчики. На палочкахъ верхомъ, съ палкой-шашкой въ рукѣ, мчится маленькій витязь. Въ мальчикѣ пробуждался рыцарь, душа требовала отваги, подвига. Но въ японскую войну игра въ войну всегда кончалась тѣмъ, что «макака» былъ битъ, даже и тогда «макака» продолжалъ быть битымъ, когда Витте заключилъ для Россіи миръ пораженія въ Портсмутѣ. Въ Великую войну, нѣмецъ тоже всегда оказывался пораженнымъ. Дѣтское національное чувство, инстинктъ подсказывали необходимость побѣды. Національная кровь говорила. А теперь дѣтская игра въ гражданскую войну кончалась неизмѣнной побѣдой красныхъ. Побѣждалъ комиссаръ, лихо въѣзжающій въ станицу. Доходило до того, какъ я наблюдалъ, что никто изъ дѣтей не хотѣлъ играть бѣлыхъ — всѣ хотѣли быть красными. И тотъ, кому доставалось счастье быть комиссаромъ — былъ на седьмомъ небѣ. И это тѣ дѣти, у которыхъ въ семьѣ кто-нибудь отдалъ свою жизнь въ рядахъ бѣлой арміи...

И ничего не будетъ удивительнаго, если въ семьѣ казаченка, съ радостью принимающаго постъ игрушечнаго комиссара-побѣдителя, вы на стѣнахъ комнаты увидите портреты царской семьи, Корнилова, Деникина, Врангеля, Шкуро... Молодежь живетъ уже не этимъ. У нихъ нѣтъ воспоминаній прошлаго — они всецѣло во власти сегодняшняго дня. Старики же берегутъ это прошлое.

Изъ за «старорежимныхъ» портретовъ бывало не мало столкновеній съ властью, требовавшей уничтоженія контръ-революціонныхъ комнатныхъ украшеній:

— Мѣшаетъ тебѣ что-ли патретъ? Виситъ, ну и пусть виситъ. Троцкаго и Ленина вашего они не трогаютъ...

— Это враги народа!

— Ну и пусть враги... Хочу и враговъ народныхъ видѣть...

Въ городѣ разговоръ былъ бы иной. Тамъ власть круче. Въ станицѣ стараются не доводить дѣло до возстанія, которое какъ бы чувствовалось въ воздухѣ.

Станицу прибираютъ къ рукамъ мягче, осторожнѣе, съ оглядкой.

Бывалъ я нѣсколько разъ на станичныхъ сходахъ, созываемыхъ пріѣзжающими изъ города сотрудниками Политическаго Отдѣла IX Кубанской арміи.

Собирались казаки на сходъ не густо. Приходили только потому, что боялись неудовольствія начальства. Въ станицѣ Марьинской былъ случай, когда ни одинъ казакъ не пришелъ на сходъ. Ораторъ обидѣлся, доѣсъ на станицу. Станицу объявили «кадетской» и увеличили продразверстку въ ней настолько, что казаки возопили и рѣшили, что впредь лучше ужъ ходить и слушать ораторовъ, а то неровенъ часъ и худобы послѣдней лишатся.

На сходѣ обычно выступаетъ пріѣзжій ораторъ. Темой для своей рѣчи онъ береть какой нибудь очередной боевой вопросъ. Онъ говоритъ и каждую свою мысль заканчиваетъ вопросомъ:

— Вѣрно я говорю, товарищи?

Если казаки отвѣчаютъ «вѣрно», «правильно», ораторъ дальше развиваетъ тему и, окончивъ рѣчь, читаетъ резолюцію, что , молъ, сходъ станицы такой то, заслушавъ докладъ такого то, единогласно постановилъ то-то и то-то.

Чаще всего казаки на вопросъ оратора отвѣчаютъ молчаніемъ.

— Что же вы, товарищи, молчите, ровно воды въ ротъ понабрали? Скажите — «вѣрно » или «не вѣрно». Если не вѣрно, то объясните почему. Бояться нечего. Совѣтская власть дала вамъ свободу слова... Говорите, что думаете — вѣрно я говорю?

Молчатъ казаки — опустятъ головы и упрямо молчатъ.

— Если не хотите меня слушать, я уйду, — начинаетъ обижаться докладчикъ.

— Зачѣмъ уходить?... Говори, а мы будемъ слушать... Дѣлать то все равно нечего...

На другой день вы можете прочесть въ «Красной Кубани» отчетъ о митингѣ въ такой то станицѣ, единогласно вынесшей резолюцію о поддержкѣ совѣтской власти...

14. ВТЯГИВАНІЕ МЕНЯ ВЪ КОМПАРТІЮ.

Я часто бесѣдовалъ съ Понамаревымъ на темы о политикѣ большевиковъ въ станицѣ, при чемъ въ этихъ разговорахъ коммунистъ Понамаревъ оказывался болѣе контръ-революціоннымъ, чѣмъ я. Онъ находилъ, что коммунизмъ надо приспособлять къ мѣстнымъ условіямъ, что нужна индивидуализація мѣръ и способовъ совѣтизаціи, я же доказывалъ, что сильная власть можетъ пренебречь «мѣстными условіями» и что, если дѣлать поправки на «индивидуальность населенія», то это приведетъ къ-зависти сосѣдей, а это дастъ пищу для всяческихъ броженій, неудовольствій и проч. Я рисовалъ себя большимъ большевикомъ, чѣмъ самъ коммунистъ Понамаревъ... Это, впрочемъ, возымѣло свое дѣйствіе; адъютантъ дивизіона, быв. артиллерійскій поручикъ Збыковскій, по секрету показалъ мнѣ коію секретной аттестаціи, данной обо мнѣ въ Политическій Отдѣлъ Арміи. Понамаревъ писалъ, что я «отличный организаторъ», «знатокъ коннаго дѣла», «строгій руководитель», и что «не будучи въ компартіи, стою на стражѣ совѣтской республики и высоко держу знамя красной арміи»...

Понамаревъ нѣсколько разъ заводилъ рѣчь о моемъ вхожденіи въ партію, суля мнѣ большую служебную карьеру.

— При вашемъ знаніи дѣла быть еще партійцемъ, да вы черезъ годъ арміей командовать будете...

— Я старый анархистъ-индивидуалистъ и ломать себя уже поздно — да и не нужно. Я и безъ партійнаго билета дѣлаю не меньше партійца. Не въ этомъ

дѣло, вся суть въ довѣріи но мнѣ, но его, я думаю, мнѣ можно безбоязненно оназать.

Такъ и слылъ я всюду накъ безвредный для совѣтской власть«анархистъ-индивидуалистъ». У Понамарева я пользовался большимъ довѣріемъ, а черезъ него мое рсномз укрѣплялось и въ Инспекціи навалеріи и въ Политическомъ Отдѣлѣ Арміи.

15. ДВѢ РАЗВѢДКИ.

Тольно дивизіонъ нашъ наладилъ работу и сталъ втягиваться въ режимъ, какъ получился новый приказъ: перевести дивизіонъ въ станицу Елизаветинскую,т.е. ещс ближе къ Екатеринодару. Понамаревъ поназалъ мнѣ секретный приназъ по Енатеринодарсному Укрѣпленному Раіону, въ ноторомъ сообщалось, что зеленое движеніе на Кубани растетъ съ каждымъ днемъ, и что населеніе ему сочувствуетъ и помогаетъ повстанцамъ, чѣмъ можетъ.

Зеленые яко-бы появились и на Черноморсной половинѣ Кубани. Дивизіону предписывалось перейти въ Елизаветинскую и «на всякій случай» прикрывать Екатеринодаръ со стороны Черноморья. Дивизіонъ долженъ былъ организовать развѣдну, освѣщая раіонъ по радіусу 25 верстъ. Намъ приказывалось каждый день давать донесенія въ штабъ Укрѣпленнаго раіона о положеніи на нашемъ участнѣ.

О томъ, что въ плавняхъ были зеленые, я зналъ. Зналъ я также, что подъ самой ст. Елизаветинской сидитъ въ намышахъ сотникъ Пилюнъ,*)съ ноторымъ нѣкоторые зеленые отряды держатъ связь. Кое нанія свѣдѣнія о томъ, что дѣлается у насъ, я переслалъ ему со своимъ человѣномъ. Нѣкоторыя оріентировочныя свѣдѣнія о зеленыхъ онъ сообщилъ мнѣ . Черезъ «намышатниновъ» я поддерживалъ связь съ поручикомъ П., ноторый въ зто время бродилъ по линейнымъ станицамъ и пропагандировалъ возстаніе. Довольно регулярно и нашъ енатеринодарсній «адресъ» получалъ изъ разныхъ мѣстъ информаціи — связь все время была. Угнетало только то, что вся зта информація являлась «мертвымъ напиталомъ». Всѣ наши цѣнныя свѣдѣнія не превращались въ дѣло. Конспирація оназывалась накъ бы для «внутренняго употребленія».

Во исполненіе приназа по Укрѣпленному Раіону, мы переночевали въ ст. Елизаветинсную. Вновь надо было все начинать сначала: нововязи, манежи и проч. — на зто я продолжалъ дѣлать удареніе, надѣясь, что все это еще сослужить службу... Въ штабъ Укрраіона была представлена схема развѣдочныхъ секторовъ — штабъ утвердилъ нашъ планъ. Я исправно высылалъ особо подобранные разъѣзды и исправно доносилъ, что «все обстоитъ благополучно». Но зти же самые разъѣзды, правда не всѣ, а особые, которые направлялись въ «подозрительныя мѣста», приносили мнѣ иногда свѣдѣнія о новой группѣ «зеленчуновъ», появившихся въ плавняхъ и изыскивавшихъ способы и средства,

*) Сотнинъ Пилюкъ весною 1920 года образовалъ Зеленую Кубанскую Сѣчь, враждебно настроенную къ Добровольческой Арміи. Онъ помогъ красной арміи отбросить добровольцевъ къ берегамъ Чернаго моря. По приходѣ большевиновъ на Кубань, онъ получилъ въ номандованіе красную конную дивизію, но очень скоро разочаровался въ большевикахъ и бѣжалъ отъ нихъ. Онъ скрывался въ плавняхъ и непосредственаго участія въ новомъ зеленомъ движеніиис принималъ.

чтобы перспавиться на Линейный берегъ Кубани. Иногда удавалось оказать имъ помощь совѣтомъ, указаніями и т. п. Нѣсколько разъ съ такими, готовыми къ отплытію, отрядикамп я командировалъ въ зеленый станъ для связи кое кого изъ своихъ казаковъ—это была цѣнная взаиморазвѣдка. «Легализировать» такую «посылку» особаго труда не составляло—въ приказѣ отдавалось: «полагать въ отпуску». Понамаревъ никогда не слѣдилъ за этимъ дѣломъ, а приказы редактировалъ я. Адъютантъ вообще не долюбливалъ бумажнаго дѣла. «Посылки» такимъ образомъ сходили совершенно гладко.

Недѣлю мы благополучно отквартировали въ Елизаветинской. Никакой зеленой опасности офиціально не было обнаружено и начальство въ Екатеринодарѣ могло быть спокойно...

16. ОБЛАВА НА ПИЛЮКА.

Какъ то ночью будитъ меня Понамаревъ — онъ только что вернулся изъ Екатеринодара.

— Вставайте! Пилюкъ здѣсь... Особый Отдѣлъ получилъ свѣдѣнія, что онъ въ плавняхъ возлѣ Елизаветинской. Надо сейчасъ же организовать облаву...

Встаю. Предстоитъ непріятное дѣло — чего добраго, дѣйствительно накроемъ Пилюка. Правда, въ плавняхъ много не побродишь, да еще ночью, а все таки возможность напасть на логовище Пилюка была не исключена.

Зажгли лампу. Развернули карту Елизаветинскаго раіона. Набросали планъ облавы: концентрическій полукругъ долженъ флангами упереться въ Кубань и постепенно съуживаться такъ, чтобы все, что есть живого, оказалось въ нашемъ неводѣ...

Я приказалъ прислать мнѣ на квартиру дежурнаго по дивизіону и дежурныхъ трехъ эскадроновъ. Я хотѣлъ обойтись двумя эскадронами, но Понамаревъ «для вѣрности дѣла» настоялъ на трехъ. Когда дежурные явились, я приказалъ имъ срочно выводить эскадроны на церковную площадь и ждать тамъ моего приказа.

— Но что бы была полная тишина, — предупредилъ я. — Ни разговоровъ, ни шума...

Это нужно было для Понамарева. А когда онъ пошелъ лично понаблюдать за соблюденіемъ тишины, я послалъ своего вѣстового въ одинъ изъ трехъ эскадроновъ, предназначенныхъ въ облаву, съ тѣмъ, чтобы трубачъ эскадрона—трубачъ тамъ былъ свой человѣкъ — протрубилъ «во всѣ легкія» тревогу. Когда его за это потянутъ къ начальству, пусть объяснитъ, что «по тревогѣ полагается трубить»,онъ и протрубилъ. Къ тому же его эскадронъ былъ дежурнымъ эскадрономъ—тѣмъ болѣе, молъ, трубить надо... А тамъ дѣло замнемъ... Выручимъ...

Трубачъ выполнилъ свою роль идеально: сигналъ въ ночномъ воздухѣ былъ слышенъ на нѣсколько верстъ. Пилюкъ долженъ былъ его услышать и догадаться, что что-то случилось. Во всякомъ случаѣ будетъ настороже.

Облава не удалась — четыре часа мы рыскали по камышамъ, но ни одного зеленаго не поймали. Трубачу же здорово попало отъ Понамарева: онъ засадилъ его на двѣ недѣли на гауптвахту и приказалъ смѣстить съ трубаческой должности. Но это все было не существенно, въ сравненіи съ тѣмъ, что могло бы быть, если бы не было сигнала тревоги...

О неудачномъ сигналѣ мы ничего въ штабъ не донесли, донесли просто: «въ плавняхъ ни Пилюка, ни вообще зеленыхъ не обнаружено»*).

17. ПРІѢЗДЪ ИНСПЕКТОРА КАВАЛЕРІИ ФРОНТА.

Тов. Чувелевъ сообщилъ Понамареву, что инспекторъ кавалеріи фронта, тов. Малинскій, пріѣзжаетъ въ Екатеринодаръ и намѣренъ произвести смотръ кавалерійскимъ частямъ арміи. Смотръ будетъ «на выборку», такъ что и мы были подъ начальственной угрозой. Малинскій — старый кавалеристъ, очки втереть ему мудренно; строгій, любитъ подтянуть.

Надо было на всякій случай подготовиться. Понамаревъ струсилъ, т. к. дивизіонъ представлять надлежало ему, а смотрового порядка онъ и не нюхалъ. Я и самъ былъ не твердъ по этой части. Пришлось засѣсть за строевой кавалерійскій уставъ, чтобы заучить порядокъ смотра, встрѣчи, церемоніальнаго марша. Дѣло это было хлопотливое и строго уставное.

Проштудировавъ уставчикъ, я приказалъ эскадронамъ построиться на церковномъ плацу. Всю церемонію парада продѣлывалъ я — Понамаревъ только слѣдилъ за тѣмъ, что и въ какомъ порядкѣ дѣлается, какія подаются команды и проч. Продѣлавъ нѣсколько разъ встрѣчу и маршъ, я успокоился: все шло болѣе или менѣе удовлетворительно. За Понамарева же мнѣ безпокоиться не приходилось: умѣніе командовать на смотру лежало всецѣло на его отвѣтственности.

Послѣ отдыха занялся дивизіономъ Понамаревъ. Дѣло это у него не клеилось. При церемоніальномъ маршѣ онъ забылъ скомандовать «шашки вонъ, пики въ бою», не указалъ равненія, не скомандовалъ дистанцію между взводами; указалъ направляющій эскадронъ, но не скомандовалъ остальнымъ эскадронамъ «поворотъ направо» — въ общемъ, выходило ягладко. Онъ вторично продѣлалъ весь парадъ, исправилъ одни недочеты, но сдѣлалъ рядъ новыхъ промаховъ. Никогда не работая съ дивизіономъ, онъ терялся теперь съ управленіемъ 12-ю эскадронами.

Понамареву нужно было, кромѣ строевой репетиціи, провѣрить еще и политграмоту. Малинскій этимъ не будетъ интересоваться, но съ нимъ ѣдетъ комиссаръ кавалеріи фронта; этотъ можетъ заглянуть въ эту область подготовки дивизіона — это его сфера.

Спѣшили людей; Понамаревъ собралъ предсѣдателей эскадронныхъ комячеекъ.

— Какъ у насъ дѣло съ политграмотой, друзья?

— Не подкачаемъ, товарищъ, — отвѣтили предсѣдатели комячеекъ.

Понамаревъ сталъ обходить спѣшенные ряды эскадроновъ, опрашивая на выборку отдѣльныхъ красноармейцевъ.

— Что такое коммунизмъ? — спрашиваетъ онъ одного красноармейца.

Красноармеецъ заморгалъ глазами и сталъ опредѣлять понятіе коммунизма:

— Это такіе люди, которые... которые, значитъ, революцію дѣлаютъ... борцы за народъ...

---

*) Трубачъ-казакъ находится внѣ досягаемости большевиковъ. Онъ былъ отпущенъ мною домой — на Донъ, и больше въ красную армію не возвращался.

352

— Не такъ. Повторяй за мной: коммунизмъ это есть ученіе...

... Коммуниэымъ это есть ученіе...

... которое стремится освободить пролетаріатъ...

... ослобонить пролетаріатъ...

... изъ подъ власти капитала и передать всѣ орудія произэводства въ руки организованныхъ рабочихъ и крестьянъ... Понятно?

— Такъ точно, товарищъ комиссаръ!

— Да не «такъ точно», а отвѣчай: «понимаю», молъ, «да».

— Слушаюсь, товарищъ комиссаръ.

— И не «слушаюсь» — это все старорежимное; пора бы уже забыть! Третій годъ ты въ красной арміи, а все еще, какъ попугай, твердишь — «такъ точно» да «никакъ нѣтъ».

— Скажи мнѣ, — обращается Понамаревъ къ другому красноармейцу, — почему наша республика называется «Россійская Соціалистическая Федеративная Совѣтская Республика»?

— Такъ что потому, что это республика коммунистическая.

— Ну... допустимъ. Почему же она «Россійская».

— На Рассейской землѣ, значитъ, гдѣ отцы и дѣды наши жили... Опять же коммуна заведена...

— А «соціалистическая» почему?

— А такъ какъ сицилисты власть захватили, Рассея и называется сицилистической...

Понамаревъ мрачнѣлъ. Онъ понималъ, что это его недочетъ, что обученіе политической грамотѣ — его прямая комиссарская обязанность. Для успокоенія души далъ пагоняй предсѣдателямъ комячеекъ, сказавъ, что работы ихъ надъ красноармейцами не видно никакой.

Надо было прорепетировать и комячейку. Къ ней больше предъявляется требованій, она должна быть болѣе сознательной.

— Какая разница между буржуазнымъ государствомъ и соціалистическимъ?

— Что такое соціализація?

— Въ чемъ состоитъ политика имперіализма? Что ей противупоставляетъ пролетаріатъ?

И тутъ отвѣты были неутѣшительные. Секретаръ дивизіонной ячейки, тов. Еремѣевъ, на вопросъ о томъ, какая разница между буржуазнымъ и соціалистическимъ государствами, отвѣтилъ:

— Разница огромадная: буржуазное государство можетъ быть, а соціалистическое нѣтъ.

— Какъ? — всполошился Понамаревъ. —Вы съума сошли, тов. Еремѣевъ! А наша совѣтская республика не соціалистическая развѣ?

— Такъ то республика, а не государство! — отвѣтилъ не смутившійся секретарь комячейки. — Государство — это съ государемъ, а республика завсегда безъ царя бываетъ...

«Политическая зрѣлость» дивизіона предстала передъ Понамаревымъ въ далеко неприглядномъ видѣ. За такую подготовку могутъ смѣстить съ комиссарства, предать суду, ибо это уже «контръ-революціонная халатность», не исполненіе своихъ служебныхъ обязанностей. Впрочемъ, Понамаревъ довольно скоро успокоился, видимо, вспомнивъ, что въ карманѣ его френча лежитъ бумажка изъ Кремля.

Дивизіонъ съ пѣснями отпустили по квартирамъ.

Вечеромъ Понамаревъ зашелъ ко мнѣ; пили чай. Понамаревъ жаловался на свою командирскую и комиссарскую судьбу.

— Передъ Чувелевымъ я вамъ буду заворачивать дивизіономъ, какъ хочу. Онъ самъ такой же кавалеристъ, какъ и я. Оба мы въ этомъ дѣлѣ — пара пятакъ. А кирасиры, уланы, гусары — это публика третья. Малиновскій зубы проѣлъ на уставчикѣ. Вотъ и хлопай завтра глазами. А эта политическая грамотность — будь она неладна! Ну втемяшьте вы въ голову Иванову или Сидорову разницу между федеративнымъ строемъ и чортъ его знаетъ еще какимъ. Онъ неграмотный — представленія не имѣетъ не только о политической азбукѣ, а просто объ азбукѣ, которую дѣти знаютъ, а я долженъ отвѣчать за его политическую зрѣлость. Арутюновъ вмѣсто федералисты говоритъ «федерасты». Научите на его Бухаринской словесности!... Еремѣевъ, коммунистъ, прошелъ партійную школу, митинги ведетъ, рѣчи произноситъ передъ тысячной толпой, а все еще считаетъ, что республика и государство разныя двѣ вещи... Конечно, нужно армію ввести въ орбиту новыхъ понятій. Но дайте людей для работы. Чему Еремѣевъ можетъ научить, когда онъ самъ невѣжда невѣждой? А вѣдь онъ мой ближайшій сотрудникъ... А работники есть... Есть силы. Вотъ вы... Вы меня простите, но такъ нельзя — надо помогать. Бросьте вы къ черту вашъ анархизмъ! Будемъ дѣло дѣлать. Вамъ надо въ партію входить и работать...

Весь вечеръ мы занимались церемоніей парада. Въ ходъ была пущена и коробка спичекъ, и цвѣтныя полоски бумаги. Къ часу ночи Понамаревъ уже безъ ошибки продѣлалъ, правда, на столѣ пока что всю процедуру смотра и не запинаясь умѣлъ сдать строевой рапортъ.

На другой день, въ 4 часа, намъ былъ назначенъ смотръ. Приказаніе инспекціи кавалеріи гласило, что дивизіонъ должны представлять я. Видно, Чувелевъ боялся строевой неопытности Понамарева. Понамареву на смотру отводилась роль военкома дивизіона и я его пристроилъ на правомъ флангѣ. Мѣсто его на смотру не было опредѣлено уставомъ и потому мѣсто это приходилось «самоопредѣлять».

На автомобиляхъ прибыло высокое начальство.

«Встрѣча» удалась. Эскадроны довольно чисто отсалютовали.

Трубачи играли «Интернаціоналъ»...

Малинскій сдѣлалъ знакъ трубачамъ.

— Здравствуйте, красные орлы!

— Здравствуйте, товарищъ Инкавъ!

— Молодцами смотрите!

— Служимъ народу, товарищъ Инкавъ!

Инкавъ отъѣхалъ къ церковной оградѣ и приказалъ пропустить дивизіонъ церемоніальнымъ маршемъ.

Маршъ удался лучше, чѣмъ можно было ожидать.

— Да здравствуетъ красная кавалерія! — встрѣтилъ Инкавъ, проходившую мимо него учебную команду.

— Ура! — гаркнула въ отвѣтъ учебная команда.

— Да здравствуетъ Совѣтская Россія! — встрѣтилъ Инкавъ слѣдующій эскадронъ.

— У-р-р-а!

Каждый эскадронъ привѣтствовался какимъ нибудь революціоннымъ возгласомъ.

Когда всѣ эскадроны прошли церемоніальнымъ маршемъ, дивизіонъ вновь построился развернутымъ порядкомъ.

Инкавъ поблагодарилъ дивизіонъ за «отличный видъ» и далъ людямъ оправиться. Начальство почтительно собралось вокругъ Малинскаго — подъѣхалъ и я.

— Видомъ дивизіона я очень доволенъ...Благодарю васъ, товарищъ...—обратился онъ ко мнѣ. — Видка большая работа... Вы вѣдь помощникъ командира — не такъ ли?

Чувелевъ представилъ Малинскому Покамарева.

— Какъ вашъ командный составъ? — обратился онъ къ нему.

Понамаревъ сообщилъ, что командным составомъ онъ доволенъ и добавилъ, указывая яа меня:

— У меня отличный строевой помощникъ...

— Да, да... Я это слышалъ въ инспекціи кавалеріи... Я и хотѣлъ собственно посмотрѣть васъ и вашу работу, — обратился онъ ко мнѣ. — Дивизіономъ я очень, очень доволенъ...

Послѣ отдыха Малинскій захотѣлъ посмотрѣть подготовку эскадроновъ въ различныхъ областяхъ строевого ученія.

— Учебкая команда пусть покажетъ мнѣ манежную ѣзду, 2-й эскадронъ — эскадроякос ученіе, 5-й эскадронъ — рубка, 7-й — работа пикой...

Послѣ 2-го эскадрона Малинскій больше ничего не смотрѣлъ. Дивизіонъ былъ отпущенъ по квартирамъ.

Смотръ кончился. Комиссаръ фронта отъ смотра политической грамотности отказался.

18. КАВАЛЕРІЙСКІЕ КУРСЫ КОМСОСТАВА.

Начальство отправилось къ Понамареву на чашку чая, которая была организована на славу: было и вино, и фрукты, и вареніе , и пирожныя...

За чаемъ шла бесѣда на разныя темы и такъ какъ младшаго начальства здѣсь не было, — самый младшій по должкости былъ здѣсь я, — все говорилось болѣе или мснѣе откровенно.

Зашла рѣчь о кавалерійскихъ курсахъ для командпаго состава. Авторомъ этихъ курсовъ былъ Малинскій. Онъ видѣлъ, что командный составъ ввѣренныхъ ему частей очень слабо подготовленъ и что яеобходимс «подтянуть» въ строевомъ отношеніи начальство.

Маликскій говорилъ:

— Курсы совершенно необходимы. Нашъ командный составъ ниже всякой критики. Мы переходимъ на мирное положеніе и здѣсь одною лихостью уже не возьмешь. Конница требуетъ методической работы и надъ всадникомъ, и надъ лошадью — это очень отвѣтственкая работа, это цѣлая наука. Въ былыя времена командный составъ — что же тутъ между нами скрывать—былъ ке чета нашему. Два года шла работа въ военныхъ училищахъ. Въ полкъ прибывалъ молодой корнетъ, онъ попадалъ въ хорошо налаженный эскадронъ, гдѣ работалъ подъ руководствомъ опытнаго командира эскадрока. Четыре-пять лѣтъ онъ учился конному дѣлу въ полку, а потомъ еще, передъ полученіемъ эскадрона, уходилъ въ особую офицерскую кавалерійскую школу, гдѣ изъ офицера вырабатывался во-истину виртуозъ своего дѣла. А нашъ командный составъ...

Малинскій вспомнилъ, что за столомъ сидитъ инспекторъ кавалеріи IX-й арміи, никогда не служившій въ кавалеріи, и сталъ говорить мягче.

— Намъ, конечно, пона что такая школа не подъ силу, но создать курсы, гдѣ бы командиры научились хоть правильно сидѣть въ сѣдлѣ, чтобы показать затѣмъ это красноармейцамъ — это намъ по силамъ. И это неотложно надо сдѣлать. Я осмотрѣлъ части навалеріи и вынесъ убійственное впечатлѣніе, Два-три полка тольно и похожи на что то. А все остальное для моего навалерійснагосердца — ножъ острый. Я видѣлъ полки, гдѣ люди понятія не имѣютъ о расчетѣ для посадки: садятся прямо кучей — кучей и спѣшиваются. Въ одномъ полку не знали разницы между командой «направо» и «поворотъ направо». Вообще это, конечно, не конница, а просто люди, посаженные на копей... Надо весь комсоставъ пропустить черезъ нурсы. И отборъ нужно сдѣлать. Негодныхъ нужно убрать. Конницу нужно спасать, а то мы лошадей погубимъ. Вѣдь большинство просто понятія не имѣетъ о режимѣ питанія лошади, уходѣ за нею... А конскій составъ — это не шутна: доконать его легко, создать его очень трудно...

Кто то изъ присутствующихъ замѣтилъ, что на этихъ навкурсахъ можетъ быть умаленъ авторитетъ командиаго состава.

— Удобно ли, что и командиръ полка,и командиръ эснадрона,и даже взводные командиры будутъ на однихъ и тѣхъ же курсахъ?... Субординація пострадаетъ...

— Ну, знаете ли, если дорожить субординаціей, покоящейся тольно на томъ, что ни командиръ полка, ни его помощники ничего не знаютъ, то это значитъ не дорожить конницей... Ничего нѣтъ зазорнаго въ томъ, что люди будутъ учиться тому, чего они не знаютъ, но что обязаны знать по долгу службы... Конечно, лучше было бы имѣть рядъ нурсовъ: на однихъ обучаются командиры взводовъ, на другихъ эснадронные командиры и т. д., но танихъ нурсовъ надо создать тогда цѣлую лѣстницу. Надо вѣдь тогда открыть особые курсы для начальниковъ навалерійснихъ дивизій .. Вѣдь среди нихъ врядъ ли найдется три человѣна, которые въ нурсахъ этихъ настоятельнѣйшимъ образомъ не нуждаются.

Онъ изъ скромности, надо полагать, не упомянулъ о курсахъ для инспекторовъ навалеріи...

Въ разговоръ вмѣшался комиссаръ Малинскаго:

— Не нужно тольно при донладѣ командарму особенно сгущать краски. Строй, конечно, святое дѣло... Такъ, кажется, говорилось въ старину? Но строй это еще не все — важенъ духъ, революціонный подъемъ! Вотъ у бѣлыхъ командный составъ былъ со школой. Тамъ всѣ уставчини знали на ять. Но кончилось для нихъ дѣло все же плохо. Уставчикъ вещь хорошая и полезная, но строй еще не все, — важна политическая сознательность арміи. И строй нашъ уже не танъ плохъ. Блесна нѣтъ былой навалсріи — ну что жъ, это не велина утрата... Не надо бить комсоставъ по самолюбію. Постепенно и у насъ появится опытный въ строевомъ дѣлѣ командный составъ. Это дѣло времени. Старая армія тоже вѣдь не въ одинъ годъ обзавелась спецами — дойдемъ и мы до этого.

19. РАЗГОВОРЫ О ДУМЕНКѢ И КЕЛЬЧЕВСКОМЪ.

Разговоръ перешелъ съ служебныхъ темъ на животрепещущія. Заговорили о процессѣ Думенки, занончившемся нѣсколько дней тому назадъ смертнымъ приговоромъ нрасному генералу — кавалеру ордена нрасной звѣзды. Процессъ этотъ вызывалъ въ то время много шума и толковъ.

— И главное, когда это все разразилось надъ его головой... Нѣтъ уже ни бѣлыхъ, ни войны... — сказалъ Малинскій.

— Предательство — всегда предательство, — замѣтилъ Понамаревъ.

— Да, но доказано ли предательство? — продолжалъ Малинскій,— не очередной ли это «заговоръ»?

— Смертный приговоръ говоритъ, что доказано. Думенко опредѣленно мечталъ о переходѣ на сторону бѣлыхъ. Цѣлый рядъ свидѣтельскихъ показаній устанавливаютъ, что Думенко велъ секретные переговоры съ генераломъ Сидориным. На судѣ фигурировали телеграфныя ленты — разговоръ между Думенкой и Сидоринымъ. Думенко хотѣлъ сразу же сдаться со своимъ корпусомъ на Манычъ, Сидоринъ же предлагалъ повременить и говорилъ, что надо эту сдачу обставить такъ, чтобы однимъ ударомъ разгромить его и Буденнаго. Въ февралѣ они должны были какъ разъ сомкнуться на Манычѣ и Сидорику хотѣлось, чтобы Думенко не просто сдался, но поставилъ бы и Буденнаго въ безвыходное положеніе. Если бы планъ Сидорина удался, вся картина на фронтѣ была бы совершенно иной .. Все наше спасеніе было въ конницѣ. Разгромъ конницы былъ бы нашимъ разгромомъ... — говорилъ комиссаръ кавалеріи фронта.

— Ну, а что же Думенко ? Признался?

— Наоборотъ, полный отказъ отъ всѣхъ обвиненій... А когда ему показали телеграфную ленту, онъ сказалъ: — «дайте мнѣ полъ часа свободнаго времени и телеграфиста, и я сфабрикую вамъ ленту не о томъ еще, а что самъ Ленинъ и Троцкій вели переговоры съ Деникинымъ о разгромѣ красной арміи»...

— Вообще съ конницей у насъ не все благополучно. Она, правда, вывезла насъ, но она же все время и угрожаетъ намъ... Думенко разоблаченъ, Мироковъ разоблаченъ... Въ Буденовскихъ частяхъ раскрыта сейчасъ бѣлая офицерская организація... Безпокойный родъ оружія!..

Малинскій сказалъ:

— А въ старину было какъ разъ наоборотъ: конница была самымъ надежнымъ родомъ оружія...

— Эти то «старыя времена» еще и сидятъ тайкомъ въ конницѣ... Старая закваска не такъ легко умираетъ... Нуженъ глазъ да глазъ...

— Мы вотъ говоримъ о нашихъ предателяхъ... А слышали ли вы, товарищи, о томъ, что весною Донская армія должна была въ полномъ составѣ , вмѣстѣ со своимъ Командующимъ Арміей и Атаманомъ, перейти къ намъ? Да-съ, я слышалъ объ этомъ отъ одного очень освѣдомленнаго лица. Фамилію его не назову вамъ, а только онъ офицеръ генеральнаго штаба и занимаетъ въ нашей арміи очень видное мѣсто. Такъ вотъ онъ говорилъ мнѣ, что генералъ Кельчевскій тоже велъ переговоры съ нашимъ командованіемъ, но уже о сдачѣ Донской Арміи...

— Это, вѣроятно, творимая легенда...

— Врядъ-ли, — защищалъ свои свѣдѣнія Малиновскій. — Говорилъ мнѣ объ этомъ генштабистъ, а они въ курсѣ такихъ дѣлъ. Онъ передавалъ даже нѣкоторыя подробности. Дѣло въ томъ, что Донцы, и въ частности Кельчевскій, были не въ фаворѣ у Добровольческой Арміи. Отношенія у нихъ были до того рогатыя, что Донская Армія просто не исполняла приказовъ Главнаго Командованія. Среди Донцовъ начался расколъ. Одни захотѣли по домамъ уйти, другіе стали подумывать о перебѣжкѣ къ намъ для «совмѣстной службы». Донское командованіе оказывалось подъ угрозой — казаки говорили, что надо не только перейти къ краснымъ, но и генераловъ своихъ привести. Вотъ , молъ, вамъ виновники войны, берите ихъ, дѣлайте съ ними, что хотите, и давайте дѣло миромъ

кончать. Кельчевскій будто бы все это взвѣсилъ, такой финалъ борьбы не казался ему невѣроятнымъ и онъ задумалъ произвести маленькую оперативную комбинацію, результатомъ которой должно было быть окруженіе Донской Арміи и сдача ее въ плѣнъ. По этому поводу Кельчевскій велъ переговоры кое съ кѣмъ изъ нашихъ генштабистовъ. Эти генштабисты, вы вѣдь знаете — одна семьи .Ихъ мало, они другъ друга знаютъ. Кельчевскій, видимо, хотѣлъ выговорить себѣ нѣкоторыя почетныя условія сдачи...

— Если это и такъ, то Его Превосходительство нѣсколько опоздали! Мы и безъ него сдѣлали «маленькую оперативую комбинацію», какъ вы изволили выразиться...

— Неужели во всемъ этомъ есть хоть доля истины? — думалъ я, слушая увѣренную рѣчь Малинскаго.

Припомнились мнѣ наши зимнія тревоги на Дону. Вспомнилъ и одно нѣсколько необычное, ночное засѣданіе на хуторѣ Елкинѣ,на которое были приглашены начальникомъ штаба 4-й донской конной дивизіи, генер.штаба полковникомъ Барцевичемъ, командиры полковъ дивизіи, командиры бригадъ и ихъ начальники штабовъ. Былъ на этомъ тайномъ засѣданіи и я, какъ старшій адъютантъ штаба дивизіи. Полковникъ Барцевичъ только что вернулся изъ Ростова и Новочеркасска, куда ѣздилъ спеціально для того, что бы «произвести развѣдку» въ штабахъ Добровольческаго и Донского командованія. Всюду онъ встрѣтилъ нѣкоторую растерянность и неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ. На фронтѣ творилось что то неописуемое. Полки не хотѣли драться. Одинъ большевицкій разъѣздъ выгонялъ изъ станицъ цѣлые полки. Полки тали не по днямъ, а по часамъ — казаки или уходили домой, или сдавались краснымъ. У начальниковъ не было увѣренности, что въ одинъ, далеко не прекрасный дснь, ихъ не предадутъ въ руки большевиковъ. Барцевичъ рѣшилъ оргаиизовать тайную офицерскую сотню, куда, въ случаѣ какихъ либо превратностей военной судьбы, надо было собираться командному составу.Такой сотней можно было, если не продолжать войну, то хоть спасти себя отъ плѣна, на врсмя скрыться гдѣ нибудь, а тамъ уже дѣйствовать,глядя по обстановкѣ. Планъ полковника Барцевича былъ одобрснъ и начальникомъ дивизіи, генераломъ Лобовымъ, и другими участниками совѣщанія.

На вопросъ участниковъ совѣщанія:—«А что же думаетъ командованіе?..», полковникъ Барцевичъ отвѣтилъ «туманной» фразой: — «Поговорка говоритъ: на Бога надѣйся, а самъ не плошай! Ну, а нашему начальству далеко до Бога... У нихъ и деньги припасены, и паспорта иностранные въ карманѣ... Съ иностранными миссіями, въ случаѣ чего, и улепетнутъ, а мы тутъ расхлебывай...»

Это все было, но все это не то, о чемъ говоритъ Малинскій и что ему повѣдалъ какой то крупный офицеръ генеральнаго штаба...

О думенковскомъ «предательствѣ» я зналъ кое-что. Моя дивизія все время дралась съ нимъ зимою 1919 года на Манычѣ. Ужс тогда у насъ были слухи, что Думенко не прочь сдаться намъ со своимъ лихимъ конным корпусомъ. Въ хуторѣ Веселомъ я видѣлъ записку, написанную рукою Думенки. Адресовалась она на имя Начальника 4-й донской дивизіи, генерала Калинина. Думенко, подъ напоромъ нашихъ частей, оставилъ хуторъ Веселый и въ домѣ, гдѣ онъ квартировалъ, онъ оставилъ записку, приказавъ казаку,хозяину дома,передать записку генералу Калинину. Казакъ исполнилъ порученіе Думенки. Записка гласила: «Ухожу. Не хочу драться съ казаками. Можетъ скоро свидимся». Подписи не было. Но казакъ, передававшій записку говорилъ, что писалъ ее самъ Думенко

и писалъ при немъ. Подписи же не поставилъ, видимо, изъ предосторожности. Идя вслѣдъ за уклонявшимся отъ боевъ Думенкой, мы все время получали интересныя свѣдѣнія о его поведеніи. На хуторѣ Жеребковомъ мы узнали отъ мѣстныхъ казаковъ, что Думенко разстрѣлялъ, здѣсь же на хуторѣ, своего комиссара за то, что тотъ сталъ вмѣшиваться въ оперативныя распоряженія Думенки. Казаки говорили, что комиссаръ требовалъ контръ-атаки противъ насъ, Думенко не соглашался, говоря, что онъ будетъ отступать, пока не соединится съ конницей Буденнаго, который идетъ къ нему, якобы, на подмогу. Черезъ нѣсколько дней въ бою онъ разстрѣлялъ другого своего комиссара. Думеяковскій разъѣздъ захватилъ какъ то нашъ офицерскій разъѣздъ. Плѣнныхъ доставили въ штабъ. Думенко ихъ лично разспрашивалъ и объявилъ, что имъ предоставляется выборъ: хотятъ — могутъ остаться у красныхъ, не хотятъ — могутъ безпрепятственно возвращаться къ себѣ. Часть казаковъ осталась у красныхъ, а офицеръ и три казака вернулись къ намъ. Отъ нихъ мы узнали тоже кое-какія свѣдѣнія о настроеніяхъ Думенки. Вѣроятнѣе всего, что планъ сдачи, если онъ и былъ у Думенки, былъ его личной затѣей. Въ Думенковскіе полки эта идея не проникла; по крайней мѣрѣ, плѣняые думенковцы ничего объ этомъ не показывали на допросахъ.

Отъ Думенки и Кольчевскаго разговоръ за столомъ перешелъ къ Врангелю. Здѣсь была извѣстна исторія борьбы между генералами Врангелемъ и Деникинымъ — знали также и о возстаніи капитана Орлова. Крымскій фронтъ считали послѣдней вспышкой борьбы. Всѣ были увѣрены, что къ осени врангелевскій фронтъ будетъ совершенно ликвидированъ. Говорили о польскомъ фронтѣ — онъ внушалъ болѣе тревоги. Боялись, что за Польшу вступится Франція и тогда дѣла могли принять совсѣмъ опасный поворотъ. Ввязываться въ войну съ Европой не хотѣли. Въ общемъ публика настроена была не мрачно. Всѣ рады были, что для нихъ война уже позади, и что пока что участникамъ бесѣды въ удѣлъ данъ отдыхъ. У всѣхъ было настроеніе какихъ то каникулъ... Гдѣ то тамъ, въ Крыму, на польской границѣ гремятъ пушки, лаютъ пулеметы, щелкаютъ винтовки. Но это гдѣ то далеко... въ сторонѣ... Здѣсь же не слышно гула войны. Зеленые?... Конечно, непріятность, но съ ними тоже кто то дерется... Во всякомъ случаѣ пока что — можно считать себя на положеніи отдыхающихъ...

Поздно вечеромъ начальство уѣхало въ городъ, рѣшивъ тамъ докончить пріятно начатый день...

20. ПОСЛѢ СМОТРА.

Черезъ нѣсколько дней послѣ смотра, я былъ вызванъ въ инспекцію кавалеріи. Малинскій по телеграфу запрашивалъ — соглашусь ли я принять на себя организацію кавалерійскихъ курсовъ IX Кубанской арміи, съ тѣмъ, что я же буду и начальникомъ этихъ курсовъ. Отъ этого назначенія я категорически отказался. Готовить къ строю красный командный составъ совсѣмъ не входило въ мои задачи. Мнѣ очень хотѣлось остаться въ дивизіонѣ, гдѣ я уже кое-какъ подобралъ людей, наладилъ кое-какія связи. И потомъ это все таки боевая часть. Въ случаѣ чего, при нѣкоторыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ наступленіе которыхъ я упрямо вѣрилъ, эта боевая часть, мною же подготовленная, можетъ оказаться очень полезной. Зеленое движеніе съ каждымъ днемъ ширилось. Оно было у меня подъ бокомъ. Терять съ нимъ стыкъ мнѣ не хотѣлось. Чуveленъ внялъ моей просьбѣ и рѣшилъ телеграфировать Малинскому о моемъ от-

казѣ отъ этого назначенія. Для Чувелева у меня былъ особый доводъ: откомандую я курсами — Малинскій заберетъ меня къ себѣ... Съ IX арміей, значитъ, ядо разстаться..А IX армія мнѣ «родная»,въ ней я провелъ всю красную службу. Чувелеву же врядъ ли хотѣлось со мной разставаться. Поэтому онъ очень охотно поддержалъ мой отказъ отъ должности начальника кавкурсовъ.

Черезъ двѣ недѣли курсы все же были организованы и во главѣ ихъ сталъ кто то изъ старыхъ кавалеристовъ. Командный составъ частей былъ разбитъ на четыре группы. Одна за другой онѣ должны были пройти курсы. Составлена была первая очередь, куда попалъ и инспекторъ кавалеріи Чувелевъ! Въ эту же очередь былъ включенъ и Понамаревъ. Это была группа по преимуществу высшаго командnаго состава. Тамъ было много начальниковъ дивизій, командировъ бригадъ и полковъ.

Заѣхалъ я какъ то по дѣлу въ инспекцію кавалеріи. Встрѣтился съ Чувелевымъ. Разсказываетъ, что и его «забрили» въ курсанты.

— Красивый номерокъ — не правда ли? Инспектора кавалеріи въ манежной ѣздѣ будетъ погонять плѣнный корнетъ... Да, да плѣнный! Почти всѣ инструктора курсовъ изъ бѣлыхъ... Малинскій совсѣмъ съ ума спятилъ. И Левандовскій тоже шляпа, — тотъ нажужалъ ему, а этотъ радъ стараться...

21. ГЕРОЙ БАЛАШОВА, БУТУРЛИНОВКИ, УСТЬ-ХОПЕРСКА И ПР.

Какъ разъ во время этого разговора начальникъ канцеляріи доложилъ, что въ инспекцію прибылъ командиръ какого то полка, хочетъ представиться инспектору и проситъ о назначеніи комиссіи для испытанія его на должность командира бригады.

— Просите!

Въ кабинетъ вошла фигура — здоровенный дѣтина. По актерски бритый, лохматый, косая сажень въ плечахъ. На немъ была дорогая кавказская шашка, бинокль, револьверъ въ кобурѣ, полевая сумка. За плечами, на шнуркѣ, красный башлыкъ. Не было на вошедшемъ только пушки и пулемета.

Представился.

— Я командовалъ четырьмя полками... Бралъ Балашовъ, Бутурлиновку, Усть-Хоперскъ, Медвѣдовскую... Представленъ за Манычъ къ красной звѣздѣ... Получилъ благодарность въ приказѣ по Оборонѣ Республики, — аттестовалъ себя командиръ полка.

— Что же вамъ еще нужно? — спросилъ его Чувелевъ.

— Хочу бригаду.

Тутъ же была составлена экзаменаціонная комиссія, въ которую вошелъ и я

— Вотъ вамъ карта и компасъ, — обратился къ красному командиру полка предсѣдатель экзаменаціонной комиссіи Коршъ, — оріентируйте карту.

Командиръ полка не понялъ того, что отъ него требуютъ и сталъ вертѣть компасъ по столу то въ одну , то въ другую сторону.

— Карту оріентируйте, товарищъ, карту, а вы компасъ оріентируете... Компасъ сколько не вертите, пока вы его не сломаете, стрѣлка все равно будетъ показывать на сѣверъ... Вы знаете, что значитъ «оріентировать карту»...

— Этого я не знаю... Мое дѣло командовать въ бою...

— Да, но для этого то и нужно умѣть обращаться съ картой.

— Начальникъ штаба на это будетъ у меня имѣться...

— Но и вы, товарищъ, должны это умѣть. А то начальникъ штаба будетъ васъ за носъ водить...

— Я и безъ карты взялъ Балашевъ, Бутурлиновку, Усть-Хоперскъ, Медвѣдскую...

Экзаменъ по «тактикѣ» кончился — перешли къ строю. Предложили изъ взводной колонны бригады построить линію колоннъ. Разумѣется, не построилъ.

— На должность командира бригады вы, товарищъ, еще не подготовлены, — объявили герою Бутурлиновки, Балашова, Усть-Хоперска и прочихъ весей бѣдной Россіи.

Чувелевъ слышалъ отвѣты испытуемаго и приказалъ намъ подвергнуть краснаго героя испытанію на должность командира полка.

Результаты оказались очень неблагопріятны для экзаменующагося.

— Экзаменуйте на эскадронъ! Распорядился Чувелевъ.

Срѣзался.

— ... на взводъ!

Тоже срѣзался.

— Товарищъ Чубиновъ, заготовьте товарищу предписаніе отправиться въ штабной дивизіонъ товарища Андреева. Оять назначается туда рядовымъ красноармейцемъ.

— Какъ?!... —возмутился командиръ полка,—я взялъ съ четырьмя полками Балашовъ, Бутурлиновку...

— Потрудитесь, товарищъ, исполнять приказъ! Съ такими знаніями, какъ у васъ, придется отдавать назадъ, и Балашовъ, и Бутурлиновку...

Красный командиръ вдругъ свалился со своихъ командирскихъ высоть и мечтаній въ красноармейскій низъ. Бѣда его была въ томъ, что онъ не прошелъ хотя бы унтеръ-офицерской школы старой арміи. «Ундера» старой кавалеріи безъ особаго труда получали эскадроны и полки, — особенно сверхъ-срочные, кого принято было называть — «шкуры». Прошедшіе строгую школу учебной команды и особые дополнительные курсы для сверхъ-срочныхъ унтеръ-офицеровъ, знавшіе наизустъ уставы, они отлично справлялись со своими красными эскадронами и даже полками. Знающіе психологію солдата, выросшіе съ нимъ въ одьомъ быту, не боящіеся пограбить сами и разрѣшающіе это своимъ «руководимымъ», ундера, въ роли красныхъ командировъ полковъ, были на своемъ мѣстѣ. Достаточно назвать имена Буденнаго, Думенки, Гая, Блинова, Жлобы... Всѣ они до революціи носили погоны съ унтеръ-офицерскими нашивками, а теперь командовали конными дивизіями, корпусами и даже арміями. Вѣрные революціи за то, что она такъ возяесда ихъ, обожаемые солдатами, какъ начальники изъ «солдатской породы», — можно ли имѣть лучшихъ красныхъ генераловъ?...

Но у нашего героя не было старорежимной унтеръ-офицерской школы — въ этомъ то и заключалась его служебная бѣда.

22. ПОВЫШЕНІЕ ПО СЛУЖБѢ.

Послѣ экзамена чуть ли не всей инспекціей кавалеріи поѣхали обѣдать. Былъ съ нами и Понамаревъ. За обѣдомъ я узналъ, что вмѣсто Чувелева инспекторомъ кавалеріи назначенъ Сумовскій, бывшій полковникъ кавалеріи. До этого назначенія онъ занималъ должность помощника инспектора кавале-

ріи X-й арміи. За обѣдомъ же было рѣшено, что я приму отъ Понамарева дивизіонъ, ввиду его откомандированія на кавкурсы.

Вмѣстѣ съ Понамаревымъ, въ командирскомъ экипажѣ, я веркулся домой.

По дорогѣ шелъ разговоръ все ка ту же тему, — о перемѣнахъ, съ связи съ учрежденіемъ кавкурсовъ. Офиціально считалось, что всѣ курсакты сохраняютъ за собой свои должности и что оки будутъ каходиться только въ командировкѣ. Кое кому обѣщано было послѣ курсовъ повышеніе по елужбѣ. Въ частности, Понамареву обѣщана была Реввоексовѣтомъ арміи, гдѣ у Понамарева было много друзей, должность началькика кавалерійской дивизіи. Чувелевъ долженъ былъ вернуться ка свой старый постъ инспектора кавалеріи.

— Какъ только получу дивизію, я заберу васъ къ себѣ... Хотите полкъ — полкъ получите, хотите бригаду — устрою вамъ бригаду...

Поблагодаривъ Понамарева за благорасположекіе ко мнѣ, я спросилъ у пего — кто же будетъ воеккомомъ у меня въ дивизіонѣ. Для мекя зто было существенно важно, т. к. военный комиссаръ , обычно, болѣе вліятелькая особа, чѣмъ командиръ . Командиръ, по существу, фигура безвластная. Вся власть — у комиссара, вплоть до ареста командира, если таковой покажется комиссару неблагонадежнымъ. Мнѣ особенко важно было зкать, кто будетъ приставленъ ко мнѣ для политическаго наблюденія за мной и у кого я долженъ буду получать контръ-ассигновки для всѣхъ моихъ распоряженій по дивизіону.

Покамаревъ отвѣтилъ, что онъ и самъ подумываетъ о замѣстителѣ на постъ комиссара дивизіона. Онъ имѣлъ въ виду двухъ кандидатовъ: Молоткова (его секретаря) и Дубового (бывшій секретарь военкома армейскаго кавалерійскаго депо; депо зто было недавно расформировано и Дубовой былъ уже не у дѣлъ).

Пономаревъ разсуждалъ:

— Дубовой — добрый малый, бывшій офицеръ, прапорщикъ, кажется. Но Дубовой тряпка; его красноармейцы не будутъ бояться. Вамъ ке ка кого будетъ опереться... Но за то онъ ке вмѣшивался бы ни во что. Онъ любитъ выпить, поспать, поохотиться — охотникъ онъ заядлѣйшій... Молотковъ — тоже добрый малый. Молоднякъ еще. Человѣкъ самостоятельный и крѣпкій — этотъ справится съ нашими башибузуками. Но опъ будетъ дѣйствовать по комиссарскому катехизису — буквоѣдъ человѣкъ. Вотъ тутъ то и выбирайте — Молотковъ, пожалуй , будетъ понадежнѣе. Я съ кимъ потолкую, сведу васъ вмѣстѣ. Думаю, что вы уживетесь. Ну, а въ случаѣ неладовъ, — командиры вѣдь, рѣдко дружатъ съ комиссарами своими, — обращайтесь ко мнѣ: я всегда васъ поддержу.

Какъ ни старался я заполучить къ себѣ въ комиссары Дубового, прошла все же кандидатура Молоткова. Его поддержалъ и Политическій Отдѣлъ Арміи, гдѣ Молотковъ былъ ка виду и считался коммунистомъ, подающимъ надежды. Для кего новое назначеніе было уже карьерой и замѣтнымъ повышекіемъ.

Черезъ нѣсколько дней Понамаревъ подалъ рапортъ, что сдалъ, а я, что принялъ дивизіонъ, и я поѣхалъ въ инспекцію лично отвезти рапорта. Да и надо было представиться новому инспектору кавалеріи Сумовскому.

Сумовскій принялъ меня очекь любезно, разспрашивалъ о моей «старорежимной службѣ». Нашли мы не мало общихъ знакомыхъ. Онъ сказалъ, что слышалъ обо мнѣ «много лестнаго» и что на-дняхъ пріѣдетъ ко мнѣ въ станицу смотрѣть дивизіонъ.

Перемѣнился въ инспекціи и комиссаръ; старый комиссаръ тоже былъ откомандированъ ка курсы; фамилія новаго комиссара была Леоновичъ. Я немного

157

уже зналъ его по инспекціи; до своего назначенія комиссаромъ, онъ былъ сотрудникомъ для порученій при инспекціи кавалеріи. Это былъ интеллегентный человѣкъ, универсантъ; былъ когда-то меньшевикомъ, теперь сталъ партійнымъ коммунистомъ.

— Васъ съ Молотковымъ поздравить можно... — улыбнулся онъ мнѣ.

— Если съ этимъ можно поздравлять, готовъ принять поздравленія...

— Молоткова я знаю... Упрямъ, какъ стоеросъ... Хлопотъ у васъ будетъ не мало... Это не Понамаревъ... Впрочемъ, если будутъ тренія, я къ вашимъ услугамъ... Все, что можно будетъ сдѣлать — сдѣлаемъ...

23. НА ЭКСТРЕННОМЪ ВЫЗОВѢ.

Посылавшіеся для развѣдки въ зеленый станъ донцы — официально считались находящимися въ отпуску или въ командировкѣ; по возвращеніи своемъ въ дивизіонъ, они доставляли очень цѣнныя свѣдѣнія о развивающемся на Линейной Кубани зеленомъ движеніи, которыя я, въ свою очередь, сообщалъ въ нашъ екатеринодарскій «адресъ». Зеленымъ они доставляли мои развѣдочныя сообщенія о томъ, что дѣлается въ красномъ станѣ, гдѣ сосредоточены большевицкія части, каковы силы большевиковъ на зеленомъ фронтѣ, секторы раэвѣдки и проч. Правда, все это носило, по своему масштабу, кустарный характеръ. Изъ всѣхъ зеленыхъ отрядовъ я имѣлъ, болѣе или менѣе, постоянную связь только съ отрядомъ сотника Чичи-Бабы — этого было недостаточно. Но предполагалось, что Чичи-Баба мою «развѣдку» не консервируетъ, а распространяетъ дальше по зеленымъ отрядамъ. Я смотрѣлъ на связь съ Чичи-Бабой только какъ на начало связи съ зелеными и что дальше удастся эту связь расширить и углубить. Екатеринодарскій «адресъ» былъ мало живучъ. Располагалъ онъ цѣннѣйшимъ матеріаломъ, но реализаціи этого матеріала, дѣйственной реализаціи, не было еще видно. Онъ питалъ своими свѣдѣніями нѣсколькихъ лицъ. Этимъ вся работа «адреса» пока и ограничивалась. Не было среди насъ лица, которое могло бы заняться раэвитіемъ дѣла, — лицо все еще полагалось «въ ожиданіи», и это «ожиданіе» начинало уже томить. Время шло. Концентраціонные лагерп все гуще и гуще набивались плѣнными, не пожелавшими поступать въ ряды красной арміи. Въ лагеряхъ было уже нѣсколько бунтовъ, такъ какъ плѣнныхъ посылали на самыя тяжелыя работы, плохо кормили и всячески притѣсняли. Всѣ эти бунты кончались массовыми раэстрѣлами — много было разстрѣляно и моихъ знакомыхъ. При этихъ условіяхъ медленное движеніе нашей «улиты» безмѣрно тяготило душу. Хотѣлось дѣйствія, борьбы... Энергіи было много. Нужно было только толково и организовано суммировать ее.

Успѣхъ былъ обезпеченъ, ибо всѣ чувствовали себя какъ бы на «экстренномъ вызовѣ»... Вотъ-вотъ что то произойдетъ...

24. ЛЕГЕНДЫ О ГЕНЕРАЛѢ ФОСТИКОВѢ.

Одинъ изъ моихъ развѣдчиковъ, посланный въ Батэлпашинскій отдѣлъ, по возвращеніи съ раэвѣдки, передалъ, что баталпашинцы очень сочувствуютъ казачьему возстанію и имѣютъ свой отрядъ, который находится гдѣ то у Джемгура. Отрядомъ руководитъ баталпашинецъ — генералъ Фостиковъ. Красные

пытались, черезъ родныхъ генерала, живущихъ въ Баталпашинскѣ, уговорить его сложить оружіе, предлагая генералу какой то большой постъ въ красной арміи и тутъ же грозили, что если Фостиковъ не сдастся, че-ка расправится съ его семьей.

Мой развѣдчикъ говорилъ, что посломъ отъ большевиковъ къ генералу поѣхалъ его отецъ-старикъ.

— Покорись, сынъ. Замучатъ они насъ всѣхъ, запытаютъ... Комиссары такъ и велѣли тебѣ это пересказать...

— Не могу, отецъ. Не казачье это дѣло голову гнуть передъ комиссарами. А мучить они васъ не посмѣютъ. Такъ и передай имъ — Фостиковъ, молъ, сказалъ, что если они только тронутъ тебя, мать, жену, или кого-нибудь изъ нашихъ, я буду имъ мстить, какъ звѣрь... За каждаго изъ васъ замучу сотни большевиковъ. И станица пусть васъ бережетъ!...

— Уѣхалъ отецъ обратно въ станицу,—разсказываетъ мнѣ легенду казакъ, — пересказалъ генеральскую волю комиссарамъ, а тѣ говорятъ:

— Ну пусть жена еще поѣдетъ. Можетъ она его уговоритъ. И пущай скажетъ этому лѣсному генералу, что комиссары, молъ, изведутъ всю семью и чтобъ жена, значитъ, въ скорости возвращалась съ отвѣтомъ. Не возвратится — къ такому то дню и часу, почнутъ комиссары бить Фостиковскую родню.

— Поѣхала жена. Христомъ Богомъ проситъ и молитъ генерала покориться. И слушать не хочетъ!

— Не могу! Казакамъ помочь оказать должонъ. Слово имъ такое далъ.

— Перебьютъ они насъ...

— А ты не ѣзжай туда больше.

— А ребенокъ то какъ?...

— Ничего ребенку не станется. Есть кому посмотрѣть. А ребенка какъ-нибудь выкрадемъ...

— И осталась жена при Фостиковѣ, — докладываетъ казакъ. — А комиссары ждали пождали... Срокъ возвращенія миновалъ. Они и перебили Фостиковскую родню. Слово свое тоже сдержали. Всѣхъ перебили и ребенка тоже... Теперь станица боится, что генералъ осерчалъ и не ровенъ часъ на станицу гнѣвъ свой изольетъ. Дескать, не соблюли семью мою, а я за васъ всѣхъ дѣло дѣлаю...

Развѣдчики нерѣдко доставляли мнѣ аналогичныя легенды, героями которыхъ были то отдѣльные офицеры, то станичные атаманы или урядники. Я не зналъ, радоваться ли, что станицы уже творятъ легенду, или печалиться, что легендами напитали меня мои развѣдчики, а фактовъ, годныхъ для дѣйствія, увы, — никакихъ нѣтъ... Впрочемъ, и казачьи легенды въ какомъ то смыслѣ были фактомъ: такой колоритъ легенды о Фостиковѣ тоже позволялъ дѣлать кое какіе выводы. Я чувствовалъ, что Фостиковъ не одинокъ въ томъ дѣлѣ, которое онъ начиналъ и что помыслы казачества близки къ его начинаніямъ. Фостиковъ становился героемъ казачьихъ разсказовъ... О немъ ходятъ красивыя сказки — онъ тема разговоровъ «по душамъ» среди казаковъ.

РУССКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА ВЪ БѢЛГРАДѢ

159

25. НА КВАРТИРѢ ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА.

Вотъ и о Корниловѣ не перестаютъ вспоминать казаки. Хорошую онъ славу оставилъ по себѣ.

Квартировалъ я какъ разъ въ томъ домѣ (ст. Елизаветинская), гдѣ стоялъ штабъ генерала Корнилова.

Хозяйка раэсказывала мнѣ:

— Обходительный былъ человѣкъ, добрый, доступный,. Хоть и генералъ онъ былъ, а просто держалъ себя и съ простымъ казачествомъ не гнушался говорить...Вотъ тутъ у нихъ телефонъ былъ,—показывала хозяйка на окно.—Вотъ тутъ,на этомъ столѣ, гдѣ у васъ бумаги лежатъ, канцелярія была. А спалъ генералъ на постели, гдѣ вы сейчасъ спите. Съ нимъ въ этой же комнатѣ былъ генералъ Богаевскій... Да вы, навѣрно, все это знаете? — вдругъ перебила себя хозяйка.

— Откуда же мнѣ это знать... Я — красный, они — бѣлые...

Хозяйка лукаво поглядѣла на меня и покачала головой въ знакъ сомнѣнія.

— Ой-ли... Что то мнѣ думается, что вы не у красныхъ тогда были... У красныхъ въ тѣ поры одна шантрапа была... Это теперь поразжились они офицерами... Не похожи вы на краснаго...

— Забрело же тебѣ въ голову, мать, Богъ не вѣсть что...

— Вотъ забрело и забрело... И лицо ваше мнѣ знакомо... Да право же вы были съ Корниловымъ...

— Говорю же не былъ...

— Ну Богъ съ вами , коли признаваться не охота... Телефонъ этотъ звонилъ у нихъ цѣлыя сутки. Говорилъ все больше генералъ Богаевскій. А иногда самъ Корниловъ говорилъ. Видать , что это вождь. Говорилъ такъ, что умрутъ всѣ , какъ одинъ, а будетъ по его приказу. Душою онъ говорилъ. И въ душу. Богаевскій — головою говорилъ, а Лавръ то Георгіевичъ душой, вотъ отсюда, — она энергично показала на грудь.— Не любилъ онъ, когда мы его тутъ звали «превосходительствомъ». — Называйте меня Лавромъ Георгіевичемъ, — говаривалъ онъ, — у меня вѣдь имя человѣческое есть.

Хозяйка вновь вернулась къ своимъ догадкамъ:

— Ну, не правду, я старуха, говорю, что вы знаете все это? Вѣдь вы были съ Корниловымъ! Чуетъ моя душа , что были!...

Я вновь отдѣлался отговоркой.

— А про сестру милосердную Татьяну слыхали?

— Нѣтъ, раэскажите...

— При Корниловѣ она была. Когда она входила въ комнату, всѣ вставали и Корниловъ вставалъ. Ручку всѣ ей цѣловали. Сказывали, что это царская дочка была, великая княжна Татьяна... Тихая она была, ласковая... А красивая, такъ ровно на картинкѣ нарисована. Казаки сказывали, что ее убили потомъ... У меня и карточка Лавра Георгіевича спрятана. Хроню ее отъ этихъ, прости Господи, нехристей... Вы меня, старуху, простите... Васъ я этимъ не обижу, вы хоть и въ красныхъ, да не красный... Душа ваша бѣлая, офицерская..

Казачка порылась въ сундукѣ и достала фотографическую карточку Корнилова.

— Эхъ и человѣкъ это былъ!... Кабы не убило его на фермѣ, давно бы онъ эту войну закончилъ и порядокъ навелъ... Казаки пошли бы за нимъ. Это такъ

по первоначалу казаки не знали куда пристать. А теперь бы всѣ къ нему пошли... Теперь то видать за что онъ своихъ людей въ бой водилъ...

Казачья Кубань бережно хранила свѣтлый образъ народнаго героя, хотя этотъ герой и не былъ понятъ въ свое время...

26. ВѢСТИ О НАЗАРОВѢ.

Вернулся съ Дона казакъ. Разсказываетъ, что на Дону появился какой-то Назаровъ. По одной версіи — это полковникъ, по другой — сотникъ. Что будто онъ съ Донскими казаками пришелъ отъ Врангеля, изъ Крыма. Точно казакъ ничего не знаетъ, не можетъ даже назвать раіонъ дѣйствій Назарова. Извѣстно было только, что Назаровъ съ маленькимъ десантомъ высадился въ Таганрогѣ и пошелъ вглубь Донской Области...

Назаровскій десантъ меня очень заинтересовалъ. О немъ я сейчасъ же сообщилъ въ екатеринодарскій «адресъ» и послалъ вѣстника за Кубань къ сотнику Чичи-Бабѣ. О десантѣ хотѣлось знать достовѣрнѣе и подробнѣе. Нѣсколькимъ донцамъ даны были «командировки» на Донъ съ тѣмъ, что если дѣло это «въ серьезъ» пусть одинъ только возвратится для доклада, а остальные пусть примкнутъ къ Назарову. Помощь Назарову будетъ не велика, но это были бы люди для связи, въ которой Назаровъ, конечно, нуждался.

Изъ за командировокъ была стычка съ Молотковымъ — первая наша стычка.

— Пятнадцать командировокъ сразу... Вѣдь за это насъ подтянутъ, если узнаютъ... И все изъ плѣнныхъ...

— Плѣннымъ надо довѣріе оказать... Не вѣчно же они будутъ у насъ на положеніи плѣнныхъ... Люди служатъ, стараются... Надо поощрять... Пусть поѣдутъ на Донъ и разсказываютъ тамъ, что съ ними тутъ, хотя и съ плѣнными, а обращаются по-человѣчески... А потомъ что же дѣлать? Отпуска запрещены... Надо ихъ замѣнять командировками... Вы обратите вниманіе на дезертирство... Это результатъ прекращенія отпусковъ... Командировки даютъ выходъ изъ этого тяжелаго для красноармейцевъ положенія...

Молотковъ упрямился дать свою подпись на командировочныя свидѣтельства.

— Дѣло это ваше... Но тогда принимайте на себя и отвѣтственность за дезертирство изъ дивизіона...

Помирились на томъ, что Молотковъ сократилъ число командировокъ съ 15 на 10.

Черезъ нѣкоторе время донцы представили Молоткову «доказательство» ихъ вѣрности красной арміи и революціи: нѣсколько донцовъ подали заявленія о принятіи ихъ въ комячейку дивизіона. Сдѣлано это было для того, чтобы имѣть, свои глаза и уши среди коммунистовъ дивизіона. Они вѣдь вмѣстѣ съ комиссаромъ дивизіона дѣлали какія то свои тайныя дѣла, вели свою развѣдку, наблюдали за командным составомъ и проч. Надо было понаблюдать и за коммунистами...

27. ВОЗЗВАНІЯ УЛАГАЯ И МОИ ВОЗЗВАНІЯ.

Въ теченіе дня пять-шесть разъѣздовъ несли службу развѣдки. Каждому изъ нихъ давалась опредѣленная задача и точно указывался раіонъ развѣдки. Среди этихъ разъѣздовъ всегда у меня былъ одинъ свой разъѣздъ, донесенія котораго не

посылались въ штабъ укрѣпленнаго раіона. Свои разъѣзды я направлялъ въ мѣста, гдѣ можно было дѣйствительно натолкнуться на зеленыхъ. Въ Черноморской Кубани зеленыхъ отрядовъ не было, были только маленькія группы, ютившіяся около рѣки Кубаки и ожидавшія возможности тайкомъ переправиться на „елсный Линейный берегъ. Иногда они это дѣлали на плотахъ, которые вязали изъ камышей, иногда удавалось раздобыть гдѣ нибудь дырявую лодку... Разъѣзды мои керѣдко натыкались на такія группы... Были даже перестрѣлки, о которыхъ приходилось докосить въ Екатеринодаръ, ко конечная цѣль была связаться съ этими зелеными группами и разсказать имъ, куда надо переправляться, что бы на Линейномъ берегу не нарваться на красныхъ.

Какъ то разъѣздъ доставилъ мнѣ повстанческую прокламацію, составленную отъ имени генерала Улагая. Воззваніе это начиналось слѣдующими словами (привожу по памяти) : «Казаки! Вольные сыны Кубани! Я — генералъ Улагай, командующій Зеленой Арміей на Кубани, приказываю вамъ весь хлѣбъ, находящійся въ полѣ, свозить во дворы и не молотить, что бы не дать краснымъ хлѣба. Потерпите еще немного — скоро мы освободимъ Кубань отъ красной нечисти. Знайте, что армія Врангеля вышла на Днѣпръ, бьетъ красныхъ и идетъ на соединеніе съ Польской Арміей. Генералъ Шкуро со всей арміей на Черноморскомъ побережьи, генералъ Покровскій со своими казаками въ раіонѣ Майкопа и Армавира» и т. д.

Воззваніе это было написано отъ руки, въ немъ было много грубыхъ грамматическихъ ошибокъ. Подпись была сдѣлана, якобы рукой Улагая и даже росчеркъ имѣлся... Воззваніе было несомнѣнно кѣмъ то сфабриковано, при чемъ фабрикантъ не имѣлъ, видимо, никакого представленія о томъ, гдѣ генералы Шкуро и Покровскій и гдѣ самъ генералъ Улагай, командиръ не существующей «Зеленой Арміи». Воззваніе это было сработано кѣмъ то на предметъ поднятія «казачьяго духа» и такъ какъ воззваніе было найдено возлѣ станицы Ивановской, можно было полагать, что авторомъ его былъ сотникъ Стусь. Со Стусемъ я одно время держалъ связь, когда онъ съ маленькой группой казаковъ скрывался въ Краскомъ Лѣсу (недалеко отъ станицы Марьянской) но потомъ я потерялъ его изъ виду.

Бодрить казаковъ, разумѣется, надо было. Не слѣдовало только вводить ихъ въ заблужденіе о Шкуро, Покровсьомъ, Улагаѣ... Когда казаки узнавали, что это ложь, воззванія начинали производить дѣйствія, обратныя тѣмъ, на какія расчитывали авторы воззваній. Красныя газеты сообщали вѣдь не мало свѣдѣній о бѣлыхъ генералахъ и въ этихъ свѣдѣніяхъ, рядомъ съ небылицей, обнаруживалась и подлинная неприглядная правда.

Я тоже «сфабриковалъ» нѣсколько воззваній, но мои воззванія не вводили казаковъ въ заблужденіе ложью о Шкуро и Улагаѣ. Я писалъ, что въ лѣсахъ Линейной Кубани имѣются повстанческіе отряды Фостикова, Фартукова, полковника Улагая, полковника Крыжановскаго... Ряды ихъ растутъ... Они дерутся за освобожденіе Кубани отъ большевиковъ... Имъ надо помочь... Къ нимъ въ отряды нужно итти всѣмъ, кто чувствуетъ отвѣтственность за судьбы Кубани. Станицы должны оказывать всяческую помощь повстанцамъ, снабжать ихъ оружіемъ, одеждой, довольствіемъ, помогать нравственной поддержкой...

Воззванія эти, размноженныя екатеринодарскимъ «адресомъ» на пишущей машинкѣ, распространялись моими разъѣздами по станицамъ Черноморской Кубани, и выпускались отъ вымышленнаго учрежденія — «Комитета Возставшей Кубани».

Одно изъ моихъ воззваній въ секретномъ пакетѣ было прислано штабомъ Укрѣпленаго раіона въ мой дивизіонъ съ приказаніемъ вести тщательную развѣдку, т. к., по имѣющимся у Укрраіона свѣдѣніямъ, «Комитетъ Возставшей Кубани» находится въ раіонѣ черноморскихъ станицъ...

28. ПОЛУЭСКАДРОНЪ АНТИФЕЕВА.

Въ этомъ же пакетѣ было и другое приказаніе : спѣшно выдѣлить изъ состава дивизіона полузскадронъ въ полномъ боевомъ снаряженіи и направить его въ распоряженіе тов. Андреева, въ помощь его отряду, ведущему бои въ раіонѣ станицъ Черноморская-Имеретинская.

Мельнула возможность!...

Не говоря ничего Молоткову, я сейчасъ же приказалъ посѣдлать коня и поскакалъ въ штабъ Укрѣпленкаго Раіона просить о посылкѣ на «ликвидацію зеленыхъ» не полузскадронъ, а весь дивизіонъ.

— Полуэскадронъ — это вѣдь ничто. Надо сразу брать быка за рога. Пошлите мой дивизіонъ и черезъ двѣ недѣли я вамъ донесу, что Линейная Кубань очищена отъ зеленыхъ бандъ... Что жъ полузскадронъ... Мы ихъ вспугнемъ, а они вѣдь птицы перелетныя — вспорхнутъ и въ другомъ мѣстѣ засядутъ... Поручите задачу ликвидаціи повстанцевъ дивизіону... Двѣнадцать эскадроновъ, да вы еще мнѣ пару батарей придайте — за милую душу будетъ наведенъ порядокъ за Кубанью.

— Увы, это невозможно. У насъ всѣ части учтены до послѣдняго человѣка... На вашъ дивизіонъ возложена не менѣе отвѣтственная задача — прикрывать Екатеринодаръ. Адреевъ прикрываетъ съ одной стороны, вы съ другой...

Не выгорѣло...

Возвратившись въ дивизіонъ, вмѣстѣ съ Молотковымъ, выбрали полузскадронъ. Выбиралъ, собственно, я, но дѣлался видъ, что мы рѣшаемъ вопросъ сообща. Командиромъ полузскадрона былъ назначенъ Антифеевъ — старый донской вахмистръ. Въ дивизіонъ онъ проникъ по «липовымъ бумагамъ». Онъ былъ моей правой рукой во многихъ дѣлахъ. Антифеевъ былъ вызванъ и ему объявили о приказѣ штаба Укрѣплекнаго раіона. Выступить эскадронъ долженъ сегодня же вечеромъ.

Послѣ этого офиціальнаго разговора была у меня съ Антифеевымъ и секретная бесѣда.

— Берите въ этотъ полузскадронъ только своихъ людей. Два пулемета возьмите съ собой. Захватите хорошій запасъ патроновъ и пулеметныхъ лентъ. Лишь бы только все гладко было...

— Это ужъ будьте покойны... Подкачать тутъ Боже избавь... Чисто сдѣлаемъ...

— Ну смотрите же... Если выйдетъ негладко, насъ тутъ засыпете...

— Богъ милостивъ... Попробуемъ...

Къ вечеру полузскадронъ былъ готовъ и построился передъ штабомъ дивизіона для осмотра. Я остался доволекъ видомъ людей... Къ зеленымъ долженъ былъ перейти отличный полузскадронъ...

Молотковъ рѣшилъ сказать напутственное слово:

— Вамъ, товарищи, выпала честь первымъ изъ дивизіона пойти въ боевое дѣло. Зеленая сволочь, составленная изъ бѣлогвардейскихъ офицеровъ и отбросовъ казачества, вновь поднимаетъ голову и мечтаетъ свергнуть народную власть, чтобы вновь закабалить казачество и заставить его работать на тунеядцевъ генераловъ, помѣщиковъ, богачей и прочихъ враговъ народа. Имъ мало крови, которая льется вотъ уже шесть лѣтъ. Они хотятъ въ ней утопить весь русскій народъ. Но красная армія умѣетъ расправляться съ палачами. Красныя всадники имѣютъ острыя шашки. Товарищи , радуйте дивизіонъ своими боевыми успѣхами! Бейте зеленую сволочь!..

Товарищи поѣхали «радовать дивизіонъ»... Впереди Антифеевъ... Рядомъ съ нимъ политрукъ Ивановъ... Справа по три... Донцы затянули пѣсню...

«Поѣхалъ, казакъ на чужбину далеку,
«Поѣхалъ одинъ ка кояѣ ворокомъ»...

Что то Богъ дастъ...

29. ВЪ ЕКАТЕРИНОДАРѢ.

Пользуясь командирскимъ положеніемъ, я часто бывалъ теперь въ Екатеринодарѣ, проводя тамъ день, иногда два.

Въ городѣ большевики чувствовались значительно ощутительнѣе, чѣмъ въ станицахъ. Въ станицѣ большевизмъ былъ коркой, подъ которой пульсировала, вопрски всѣмъ декретамъ, почти прежняя жизнь. Казаки также сытно ѣли, какъ и прежде, несмотря на продовольственный учетъ всего ихъ хозяйства, также дѣлали свою полевую работу, по прежнему съ зорькой выгоняли на попасъ свою скотину. На улицѣ, какъ и встарь, бѣгалъ казаченокъ съ громадной краюхой бѣлаго хлѣба въ зубахъ.

Въ городѣ не то. Городъ бѣлый хлѣбъ считаетъ уже лакомствомъ. Здѣсь и черный хлѣбъ приходится раздобывать съ трудомъ. Мясо рѣдкостью стало въ самихъ зажиточныхъ семьяхъ. Чай въ городѣ пьютъ безъ сахару, безъ молока, безъ масла...

Квартиры всѣ «уплотнены». Буржуевъ потѣснили. Семья въ 5-6 человѣкъ ютится въ двухъ комнатахъ, а остальная часть квартиры отдавалась безкомнатнымъ пролетаріямъ. Квартирная комиссія опредѣляла необходимую обстановку для реквизированныхъ комнатъ, при чемъ въ число необходимаго включалось все лучшее и цѣнное, если только это лучшее и цѣнное не было уже вывезено изъ квартиры въ первые дни большевицкой власти.

Въ городѣ назначались реквизиціонныя недѣли: недѣля бѣлья, недѣля обуви, недѣля кроватей, недѣля художественныхъ вещей. Это означаетъ, что въ теченіе недѣли всѣ дома въ городѣ будутъ осмотрѣны и если идетъ недѣля бѣлья, заберутъ все лишнее бѣлье, считая лишнимъ все, что превосходитъ объявленную большевиками норму. Въ недѣлю обуви — отберутъ обувь...

«Недѣль» этихъ городъ пережилъ не мало. Тайно, ночью, все что можно было зарыть, зарывалось въ погребахъ, дворахъ, на чердакахъ, или вывозилось на сохраненіе въ ближайшую станицу къ знакомымъ казакамъ, гдѣ реквизиціонныхъ недѣль большевики не устраивали. Здѣсь охотились не за бѣльемъ и художественными вещами, а за болѣе необходимымъ — за хлѣбомъ.

Побывалъ я, въ одинъ изъ моихъ наѣздовъ въ Екатеринодаръ, на своей квартирѣ, въ которой жилъ еще въ періодъ моего легальнаго пребыванія въ Екатеринодарѣ. Это было еще въ апрѣлѣ, когда я только-только выписался изъ ла-

зарета, на нойнѣ котораго былъ взять въ плѣнъ. Здѣсь знали, что я бѣлый офицеръ, что я въ плѣну. Визитъ сюда былъ, по меньшей мѣрѣ, не остороженъ. Но въ одномъ я былъ увѣренъ: здѣсь меня не выдадутъ. Тянуло же меня сюда другое...

— Вы? — удивилась моему появленію хозяйка дома, принявшая нѣкогда трогательное участіе въ моей судьбѣ.

Начались разспросы... Какъ? Какимъ образомъ я въ формѣ, красная звѣзда на фуражкѣ, и пр.

— Командую дивизіономъ...

— Ну, знаете, отъ кого, отъ кого, но отъ васъ я подобнаго хамелеонства не ожидала... Хотя вы и красная персона, но все же скажу вамъ, что это нечестно... Вотъ такъ таки всѣми буквами н-е-ч-е-с-т-н-о... Ваши друзья разстрѣливаются въ концентраціонныхъ лагеряхъ, томятся въ чрезвычайкахъ, а вы... вы красный командиръ...

Сестра хозяйки, милая барышня, которую мнѣ то и хотѣлось, главнымъ образомъ, повидать, тоже не преминула замѣтить укоризненно:

— Я васъ не такимъ себѣ рисовала... I-е мая и вотъ теперешній вашъ видъ...

«Самъ» ходилъ по комнатѣ, крутилъ хохлацкій усъ и не разговаривалъ совсѣмъ; онъ изрѣдка только поглядывалъ на меня тяжелымъ, брезгливымъ взглядомъ.

Это были люди, которымъ можно было довѣриться и раскрыть тайну, да и тяжело было здѣсь играть роль хамелеона...

— Я очень радъ, что вы остались все тѣми же хорошими людьми, ненавидящими большевиковъ. Но и я остался тѣмъ же бѣлымъ офицеромъ... То что вы видите сейчасъ — эти нарукавныя нашивки, красную звѣзду на фуражкѣ — это маскарадъ... Я въ красной арміи нахожусь, какъ развѣдчикъ...

Я разсказалъ о своемъ арестѣ послѣ неудачной попытки возстанія I-го мая, о судѣ надо мною, о смертномъ приговорѣ, о моемъ побѣгѣ изъ чеки, разсказалъ о своихъ скитаніяхъ въ плавняхъ и о томъ, какъ и для чего я вступилъ въ красную армію.

Послѣ моей исповѣди гнѣвъ смѣнился на милость. Я былъ и обласканъ, и благословленъ на работу. Имъ же я оставилъ адресъ родныхъ, на тотъ случай, если со мной что нибудь случится, и заручился ихъ согласіемъ припрятать меня, если въ этомъ встрѣтится надобность. Вообще неожиданностей могло быть не мало и было очень хорошо, что была квартира, со своими людьми, готовыми помочь въ бѣдѣ.

«Самъ» былъ до большевиковъ богатымъ человѣкомъ и велъ крупную торговлю хлѣбомъ — теперь же онъ служилъ въ Совнархозѣ или въ «Совнархаосѣ», какъ онъ его называлъ.

— Пришлось итти на службу... Ѣсть хочется... Меня вѣдь реквизнули всего — нищимъ сдѣлали... Да и потомъ это спасаетъ меня отъ такъ называемыхъ «общественныхъ обязанностей» по очисткѣ городскихъ нечистотъ, совѣтскихъ отхожихъ мѣстъ и прочей прелести. А вотъ женская половина моетъ полы въ Совнархаосѣ...

Дамы были внѣ себя. Каждый день они являлись на сборный пунктъ и партіями, подъ командой милиціонера, гнались на мытье половъ въ совѣтскія учрежденія. Освобождались только роженицы и имѣющія грудныхъ дѣтей. Нѣкоторыя, чтобы уклониться отъ «общественныхъ обязанностей», черезъ знакомыхъ врачей, раздобывали свидѣтельства о беременности, но это не всегда по

могало: квартальный комитетъ назначалъ иногда переосвидѣтельствованіе и тогда получался совсѣмъ скверный анекдотъ: псевдо-роженицу предавали суду за «саботажъ» — ее ждала тюрьма или другія совѣтскі мѣры огражденія общественной безопасности.

«Не работающій — не ѣстъ» — говорила «трудовая республика совѣтовъ», и чтобы провести эту теорему въ жизнь все населеніе города было раздѣлено на категоріи. Кто не работалъ въ совѣтскихъ учрежденіяхъ — относился къ категоріи, которая нигдѣ ничего не могла купить. Чтобы получить право на питаніе, надо было чѣмъ то и какъ то служить совѣтской власти. Мытье половъ — позволяло требовать право на питаніе. Красные хотѣли видѣть гражданъ за работой на совѣтскую власть. Они не допытывались сочувствуетъ ли гражданинъ начинаніямъ совѣтской власти; «како вѣруеши» — ихъ перестало интересовать. Но всякій уклоняющійся отъ работы въ совѣтскихъ учрежденіяхъ разсматривался какъ паразитъ, какъ притавившійся противникъ, какъ контръ-революціонеръ. И что бы знать этихъ уклоняющихся отъ работы на совѣтскую власть, чтобы имѣть ихъ на постоянномъ учетѣ, Кубанскій Революціонный Комитетъ ввелъ квартальную статистику. Каждую недѣлю предсѣдатель квартальнаго комитета представлялъ Кубанскому Революціонному Комитету именной списокъ своего квартала съ отмѣткой противъ каждой фамиліи: «продкомъ», «рабконтроль», «культпросвѣтъ», «худстудъ», «не служитъ нигдѣ»... Отмѣченные «не служитъ нигдѣ» подчеркивались краснымъ карандашемъ и брались на учетъ Особаго Отдѣла. Почему не служитъ? На какія средства живетъ? Чѣмъ занимался до прихода большевиковъ? Саботажника начинали безпокоить безконечными вызовами на допросъ, обысками. Квартальному комитету вмѣнялось въ обязанность всѣхъ, кто «не служитъ нигдѣ», употреблять принудительно на общественныя работы. Не хочетъ работать въ учрежденіи, какъ чиновникъ, работай какъ уборщикъ этого учрежденія. И только исключительно твердые люди выдерживали себя и находили силы мыть клозеты, покупая этимъ возможность не превратиться въ совработника. Такихъ твердыхъ и упрямыхъ людей было очень немного — единицы, но они были. Масса же городская, толкаемая голодомъ, обысками, совѣтскими клозетами и заплеванными лѣстницами, которыя надо было мыть и чистить, — шла работать на своихъ враговъ.

Большевики цѣнили опытныхъ чиновниковъ стараго режима. Безъ нихъ совѣтскія канцеляріи превращались въ бумажный водоворотъ, разобраться въ которомъ было дѣломъ мудреннымъ. Опытныя руки чиновниковъ создавали большевикамъ настоящія канцеляріи, съ архивами, входящими и исходящими. Крупные чиновники занимали большіе посты въ совѣтскихъ учрежденіяхъ и руководили совѣтской канцелярской машиной, а чтобы машина эта не надѣлала контръ-революціонной бѣды, къ каждому такому новоявленному совработнику-спецу приставлялся зоркій коммунистъ-наблюдатель.

Интеллигенцію втягивали въ соотвѣтствующую работу. Интеллигентами заполнялись совѣтскія библіотеки, культпросвѣты, художественныя студіи, статистическія учрежденія, школы и проч.

«Библіотечное дѣло» у красныхъ было поставлено на большую высоту. Денегъ на это Москва не жалѣла. Вагоны литературы приходили на Кубань и распредѣлялись по безчисленнымъ совѣтскимъ библіотекамъ, разбросаннымъ по всѣмъ улицамъ. Столько библіотекъ врядъ-ли имѣла какая нибудь изъ наипросвѣщеннѣйшихъ странъ міра! Другой вопросъ — что это были за библіотеки. Это

былъ наборъ агитаціонной литературы, и только. У этихъ библіотекъ была и другая особенность: литературу можно было не возвращать обратно въ библіотеки. На каждой книгѣ былъ приклеенъ ярлычекъ, который прямо гласилъ: «прочитай и передай для прочтенія своему товарищу»! Это учрежденіе только по совѣтской терминологіи могло называться «библіотекой», на самомъ же дѣлѣ это былъ агитаціонный книжный пунктъ. При каждой библіотекѣ былъ лекціонный залъ, гдѣ ежедневно читались лекціи и доклады. Интеллигенты стояли за библіотечнымъ прилавкомъ и раздавали коммунистическую литературу, которая призывала къ погрому интеллигенціи и буржуазіи... Эти же голодные и запуганные интеллигенты читали лекціи по исторіи, литературѣ, общественной философіи, изъ кожи вонъ вылѣзая, чтобы приспособить свои мысли къ аудиторіи и заслужить вниманіе со стороны властей предержащихъ. Сотрудники Политотдѣла слѣдили за работой интеллигенціи при библіотекахъ и корректировали лекціи кооптированной интеллигенціи. Въ Екатеринодарѣ было учреждено нѣсколько краткосрочныхъ курсовъ для изученія агитаціонно-библіотечнаго дѣла. Окончившіе курсъ посылались въ станицы устраивать библіотеки и руководить ихъ дѣятельностью. Поѣздка въ сытыя станицы была очень заманчива и голодные интеллигенты очень охотно шли на эту работу. Книги до-большевицкаго изданія официально не изымались изъ употребленія, но неофиціально онѣ считались «нерекомендованными» и въ библіотечныхъ каталогахъ должны были обозначаться звѣздочкой, что означало: «книги эти выдаются только по особому ходатайству и съ разрѣшенія библіотечной агитаціонной комиссіи»...

Особенно много интеллигентныхъ силъ вошло въ «Пролеткультъ», учрежденіе, поставившее себѣ задачей пробуждать въ пролетаріатѣ творческія силы въ области литературы, науки и искусства. «Искусству» вообще большевики удѣляли много вниманія. Художественные кружки или студіи, какъ ихъ здѣсь называли, росли въ Екатеринодарѣ, какъ грибы послѣ хорошаго дождя. Надъ каждой такой студіей висѣлъ трафаретный плакатъ-девизъ «пролеткульта»: «Господство пролетаріата приведетъ цивилизацію, культуру и науку до расцвѣта, котораго исторія еще не знала». Это, кажется, изреченіе Лассаля въ его «Принципахъ труда въ современномъ обществѣ». Въ студіяхъ читались популярныя лекціи по вопросамъ эстетики, живописи, музыки, поэзіи и литературы. Литературно-музыкальные вечера, выставки, театръ — все это преподносилось на подмосткахъ студіи. Царили здѣсь футуристы.

30. САЛОНЪ MADAME Б — НОЙ.

Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Екатеринодаръ, навѣстилъ я и нѣкую madame Б—ну, съ которой мнѣ какъ то, въ какомъ то кафэ, познакомилъ Понамаревъ.

— Не женщина, а помадка, — рекомендовалъ мнѣ Понамаревъ г-жу Б—ну, и тутъ же добавилъ: — у нея свой салонъ... Тамъ собирается нашъ бомондъ...

Я получилъ приглашеніе «бывать» и воспользовался имъ. Объ этомъ «салонѣ» въ городѣ не мало говорили и мнѣ хотѣлось посмотрѣть, что онъ собою представляетъ.

Madame Б. была вдовой. Ея мужъ, офицеръ летчикъ, погибъ въ бѣлой арміи во время боевого полета. У Б. остались очень небольшія средства и маленькая дѣвочка на рукахъ. Красные летчики, послѣ взятія Екатеринодара, узнали о

462.

Б., навѣстили ее, какъ жену ихъ бывшаго сотоварища еще по царской арміи, и сочли своимъ пріятнымъ долгомъ не оставить хорошенькую вдову безъ своего вниманія. Около ея квартиры, на Кузнечной улицѣ, всегда стояло нѣсколько автомобилей, подкатывали нарядные лихачи, привозя летчиновъ и танкистовъ, выдѣлявшихся въ красной арміи своимъ стремленіемъ къ нарядности и лоску. До поздней ночи въ окнахъ не потухалъ свѣтъ и не смолналъ бравуряый рояль. Въ городѣ было уже все непомѣрно дорого, многаго уже совсѣмъ нельзя было найти въ продажѣ, хлѣбъ раздобывался еле-еле для себя, а у г-жи Б. столъ былъ полонъ яствъ. Къ Б—ной не приходили съ обыснами и изъятіями. Ее не та щили мыть уборныя и лѣстницы въ совѣтскихъ хозахъ и комахъ. Отъ нея не ушла кухарка. За дѣвочкой по прежнему ходила молоденькая гуверянтка, француженна. Штабные офицеры, танкисты, летчини, сотрудники Поарма, богатые дѣльцы, пристроившіеся нъ новымъ условіямъ жизни, защищали неприюсновенность квартиры хорошеньной офицерши, да и саму офицершу, умѣвшую такъ мило принимать гостей.

Здѣсь можно было услышать не мало занимательнаго. И въ первый же мой визитъ я кое-что и услышалъ.

Вотъ молодой офицеръ генеральяаго штаба... Ногти отполированы... Проборъ — какъ струна. Онъ въ визитнѣ. Это запрещается — военные должны быть всегда въ формѣ, яо онъ «вольяодумецъ» .Красиво грассируя, онъ позируетъ въ салонѣ, потягивая крюшонъ:

— Послѣ Петра Россія не знала революціонной власти. Прорубила Россія окно въ Европу, надышалась западной гнилью и рѣшила, что только и свѣта, что въ окошкѣ. А теперь наступили времена иныя: Европа должна пробивать окно къ намъ. Свѣтъ не съ Запада, а съ Востона! И не каламбуромъ должно звучать, что мы вновь подняли сейчасъ дѣло Петра, съ тою лишь разницей, что Петръ Мосновскую Русь обращалъ въ Россію Петербургсную, а мы Петербургсную Россію обращаемъ въ союзъ всѣхъ народовъ... Россіи больше нѣтъ... Границъ нашей республики никто указать яе можетъ... Наши границы уходятъ въ безпредѣльность всѣхъ народовъ... Изъ Петербургской Россіи мы создаемъ универсальную республину, свободный и открытый союзъ всѣхъ народовъ, въ который могутъ входить всѣ государства, готовыя строить новую жизнь, служить яовой культурѣ...

Кто то поддакнулъ:

— Мы наслѣдники Петра и въ другомъ: яаши декреты зто вѣдь тѣ же петровсніе указы о бородахъ и кафтанахъ... Кто дѣлаетъ революцію, тотъ дѣлаетъ ее только такъ... Судить будетъ потомъ исторія... Современники не всегда понимаютъ то, что развертывается передъ ихъ глазами... Нужна перспектива, нѣноторая историчесная удаленность отъ событій...

— Господа, а походъ въ Индію!.. Этотъ петровскій планъ вѣдь только теперь вновь мы воскрешаемъ. Я предлагаю выпить за понойника... «Боже, Царя храни» — можно и не пѣть по этому торжественному случаю, но революціонеръ на тронѣ достоинъ соотвѣтствующаго вниманія!... Хорошъ былъ покойнинъ!!!

Шумно выпили за Петра Великаго, при чемъ какой то сотруднинъ Поарма провозгласилъ:

— Да будетъ ему земля пухомъ!..

Всѣ засмѣялись, а madame Б—на даже сыграла начало шопеновскаго

похороннаго марша въ честь вѣнценоснаго революціонера, прародителя совѣтскихъ революціонеровъ...

Заговорили о походѣ черезъ Румынію въ Венгрію:

— Румынію можно пройти церемоніалькымъ маршемъ въ недѣлю... Венгрія готова встрѣтить насъ съ распущенными знаменами... А вы представляете себѣ, господа, что въ это время творятъ рабочіе во Франціи и Германіи?!..

Въ перемежку съ комплиментами хозяйкѣ, здѣсь развиваются «историческія теоріи», строятъ открытый универсальный союзъ народовъ всѣхъ странъ, смакуютъ воекный маршъ по Европѣ...

Въ каждомъ салонѣ долженъ быть поэтъ и музыкантъ — есть они и здѣсь. Я помню музыку одного такого маэстро. Рисуется побѣдный узоръ... Трещатъ пулеметы... Грохочутъ пушки... Слышно «Боже, Царя храни»... Откуда то издалека чуть слышится Марсельеза... Она вплетается въ патріотическій гимнъ, борется съ нимъ... Пушки грохочутъ ожесточеннѣе... Наконецъ, побѣда!.. «Марсельеза» уступаетъ мѣсто «Интернаціоналу»... — Однимъ словомъ подражаніе «1812 году» Чайковскаго.

Госпожа Б., конечно, не на свои средства содержала салокъ. Салонъ былъ «въ складчину», на которой, къ слову сказать, кое кто изъ участниковъ «складчины» свихнулъ себѣ шею. Нѣсколько лицъ привлечены были къ отвѣтственности за растраты. Какой то комиссаръ пустилъ себѣ пулю въ лобъ.

Въ этомъ же салонѣ шла очень крупная карточная игра.

31. ОФИЦЕРСКІЕ РАЗГОВОРЫ.

Вѣроятно для контраста съ «преемниками Петра Великаго» судьба свела меня съ Б—скимъ,—бывшимъ полковникомъ 14-го Гусарскаго Митавскаго полка. У красныхъ — онъ давно. Въ то время, когда я съ нимъ познакомился, онъ былъ не у дѣлъ и находился въ опалѣ, исполняя въ той станицѣ, гдѣ квартировалъ мой дивизіонъ, какое то случайное порученіе. Офиціально онъ числился въ резервѣ инспекціи кавалеріи. Я думаю, что онъ былъ подъ наблюдекіемъ. За кимъ числилось какое то служебное неблагополучіе. До опалы же Б—скій былъ на виду у краснаго командованія, командовалъ пѣхоткой дивизіей и командовалъ удачно, нанеся нѣкоторымъ частямъ Донской Арміи въ 1919 году серьезные удары. Эти боевые успѣхи его дивизіи причиняли ему не мало душевныхъ страданій.

Мы возвращались вмѣстѣ въ дивизіонъ, какъ разъ послѣ моего перваго и послѣдняго визита къ г-жѣ Б. Ѣхали въ моемъ командирскомъ экипажѣ. Разговорились. Б—скій почему-то сталъ разсказывать мнѣ о своей службѣ у красныхъ и о своихъ «удачахъ» на фронтѣ гражданской войны.

— Уклокиться отъ боя нельзя. Приказъ точно даетъ задачу. Да и комиссаръ подъ бокомъ. Слѣдитъ за каждымъ моимъ распоряженіемъ. Да и качальникъ штаба у меня человѣкъ поганенькій — карьеру дѣлалъ. Полки подобрались, какъ на зло, хорошіе. И дерутся хорошо, и послушны. Матеріалъ то вѣдь одинъ и тотъ же... Старый солдатъ, красный солдатъ, бѣлый солдатъ — тѣсто то вѣдь одно. Что ки бой — успѣхъ. Бьемъ бѣлыхъ... Бью людей, да что тамъ таиться, а у самого душа плачетъ. Не красный же я... Воспитаніе, сорокъ пять лѣтъ за плечами — все это не вычеркнешь. Вы какъ хотите судите меня, а я признаюсь вамъ: къ большевикамъ душа у меня не лежитъ... Скорѣе она тамъ, у бѣлыхъ...

Признаніе это было рискованнымъ и я не могъ понять, почему это Б—скій

такъ разоткровенничался... Такія откровенія мало знакомымъ людямъ стоятъ иногда жизни...

Разговорились о томъ, что съ ками сдѣлали бы бѣлые, если бы мы очутились у нихъ въ плѣну.

— А стыдно намъ было бы!.. Какими глазами я посмотрѣлъ бы на своихъ бывшихъ сослуживцевъ?.. Мы носимъ теперь несмываемую печать проклятія... Это ке вѣрно , что мы оказались въ тискахъ событій и что не было выбора... Для честныхъ людей всегда выборъ есть... Можно было пробраться къ Корнилову... Можно... Ну, а нельзя было, значитъ, пускай пулю въ лобъ. «Пришлось пойти къ краснымъ...» Это не оправданіе...*)

Это говорилъ одинъ изъ тѣхъ офицеровъ, кто, будучи душой и совѣстью съ Коркиловымъ и Деникинымъ, служилъ за страхъ Троцкому и Ленину. Этихъ людей «съ проклятьемъ ка душѣ» было ке мало въ красной арміи. Но не мало было и такихъ, которые откровенно говорили между собой:

— Гдѣ наша душа — у бѣлыхъ или у красныхъ — рѣчь не объ этомъ. Къ бѣлымъ намъ нѣтъ возврата. Тамъ насъ ждетъ позоръ и судъ. Теперь мы стоимъ передъ необходимостью во что бы то ни стало дать побѣду красной арміи. Лучше тутъ быть спецомъ, чѣмъ тамъ краснѣть передъ тѣми, кто не снялъ погонъ съ плечъ и креста съ груди.

Эту какъ разъ фразу сказалъ мнѣ начальникъ одной изъ дивизій.

Во время этого разговора было еще кѣсколько офицеровъ. Разговоръ все время вертѣлся вокругъ будущаго.

— А будущее, вѣроятно, будетъ таково: рано или поздно народъ попретъ напроломъ, сомнетъ наши ревкомы и комбѣды, доберется до губкомовъ, развѣситъ на фонарныхъ столбахъ комиссаровъ и комитетчиковъ, потомъ пойдетъ дальше, доберется до Москвы, которая къ тому времени изъ красной превратится въ розовую съ бѣлымъ отливомъ, зазвонитъ въ кремлевскіе колокола, а мы, пожалуйте бриться...

Такую картину рисовалъ себѣ офицеръ, носившій свой георгіевскій орденъ на часовой цѣпочкѣ, въ видѣ брелока.

Присутствующій тутъ же офицеръ генеральскаго штаба возразилъ ему:

— Бриться... Бритыми окажутся только чудаки и каивкые сентименталисты. Намъ же не рекомекдуется прикомандировываться къ сонму сихъ людей. Когда дѣло дойдетъ до фонарныхъ столбовъ и музыки кремлевской мѣди, тогда и мы, надо думать, увидимъ, что наступаетъ время, какъ вы изволили выразиться, бриться... Но бриться все же, а ке быть бритыми... А разъ мы увидимъ финишъ этого шабаша, значитъ и предпримемъ соотвѣтствующія дѣйствія. Мы въ Кремль придемъ не позже вашихъ звонарей. И зазвокимъ въ колокола мы, а не кто другой. У насъ всегда останется достаточный процентъ арміи, который увидѣвъ, что дѣло идетъ «къ расчету стройся», сумѣетъ запѣть «Громъ побѣды раздавайся». Намъ краснѣть ке придется, бѣлые генералы насъ не смогутъ судить, т. к. къ тому времени мы окажемся у власти и нашими штыками она будетъ охраняться. Отъ насъ будетъ зависѣть, принять бѣлыхъ или не принять... Но мы, конечно, будемъ великодушны. На радостяхъ будетъ очень весело и хорошо... Нужно только быть съ головой ка плечахъ. Въ Европѣ это называется — быть реалькымъ политикомъ.

---

*) Полковникъ Б—скій сейчасъ находится за-границей и поэтому вышеприведенкый разговоръ для него безопасенъ.

Это говорили люди, на опытѣ и знаніяхъ которыхъ покоилась красная армія, это говорила командная элита, безъ которой красная армія превратилась бы въ стадо, въ толпу.

Вся эта элита была увѣрена въ неизбѣжномъ паденіи той власти, которой она служитъ. Этотъ уродливый анекдотъ былъ возможенъ потому, что элита была увѣрена, что она не опоздаетъ къ кремлевскому звону, что она сумѣетъ, когда это станетъ нвью, первой забраться на колокольню. Это была психологія преторіанства. Въ этой игрѣ часть высшаго офицерства играетъ «съ шансомъ» того шулера, который никогда не проигрываетъ.

— Ну, а вдругъ проигрышъ?

— Не можетъ быть... Я играю съ шансомъ...

— Съ какимъ шансомъ?

— Когда проигрываю — не плачу...

32. МОИ ПРИКАЗЫ ПО ГАРНИЗОНУ.

Возвращаясь въ дивизіонъ послѣ экскурсій въ городъ, я заставалъ обычно въ кабинетѣ цѣлый ворохъ пакетовъ съ надписью «секретно», «совершенно секретно», «оперативно» и проч. Вскрывать эти бумаги надлежало только совмѣстно съ комиссаромъ. Ни онъ, ни я — другъ безъ друга — вскрыть такіе пакеты не имѣли права. Хранилъ же эти пакеты, послѣ ихъ прочтенія, комиссаръ. Таковъ былъ порядокъ. Я привыкъ при Понамаревѣ отъ него отступать. Понамаревъ мнѣ совершенно довѣрялъ и разрѣшилъ вскрывать всѣ пакеты безъ него. Отчасти это было вызвано тѣмъ, что Понамаревъ иногда по нѣсколько дней отсутствовалъ изъ дивизіона, и онъ не хотѣлъ, чтобы дѣло изъ за этого тормозилось. Эту же практику, удобную для меня, я пытался сохранить и при Молотковѣ. Обыкновенно онъ знакомился со всѣми «входящими» уже послѣ моего ознакомленія съ ними. Всѣ эти бумаги полны были распоряженій о развѣдкѣ, порядкѣ донесеній и распоряженій по управленію гарнизонами. Я, помимо обязанностей командира дивизіона, былъ еще и начальникомъ гарнизона станицы и мнѣ подчинены были всѣ воинскія и гражданскія власти, находящіяся въ ней.

Приказъ по гарнизону, обычно, составлялъ я самъ. Въ приказахъ этихъ я писалъ, что за порчу телефонныхъ проводовъ, за нападеніе на чиновъ арміи, за храненіе оружія, уклоненіе отъ мобилизаціи, отказъ отъ выполненія хлѣбныхъ продразверстокъ, я, въ силу предоставленной мнѣ власти, буду преслѣдовать виновныхъ по всей строгости революціонныхъ законовъ, имущество виновныхъ буду конфисковать и семьи брать заложниками. Вообще «грозы» пускалъ я не мало, стараясь возможно больнѣе задѣть самолюбіе свободолюбивыхъ казаковъ. Режимъ въ гарнизонѣ я нарочно устанавливалъ такой, чтобы дать почувствовать тираничность власти. Струна должна была быть все время натянута. Молотковъ подписывалъ все это безъ возраженій. Строгости мои должны были нравиться его коммунистическому сердцу. Въ этомъ состояла моя официальная работа. Екатеринодарскій же «адресъ» строчилъ подъ мою диктовку воззванія къ казакамъ, гдѣ говорилось, что совѣтская власть держится разстрѣлами и что казаки, несмотря на угрозы большевиковъ, будутъ продолжать рвать провода, подстрѣливать изъ за кустовъ своихъ палачей, не давать хлѣба

красной арміи и, вмѣсто службы въ рядахъ красной арміи, уходить въ казачьи повстанческіе отряды, чтобы освободить Родину-Кубань отъ неказачьей власти пришельцевъ.

Къ счастью, мнѣ ки разу не пришлось карать за карушеніе моихъ обязательныхъ постановленій. Кончалось, обыкновенко, все такъ, что виновные не обнаруживались. Молотковъ, въ такихъ случаяхъ, настаивалъ на коллективной отвѣтственности станицы, но круговая порука мною категорически отрицалась. Для вида вызову иногда стариковъ станицы, накричу на нихъ, напугаю разстрѣломъ и отпущу. Это-то ужъ приходилось дѣлать. Передъ Молотковымъ я все же долженъ былъ соблюдать нѣкоторый декорумъ свирѣпости.

— Нельзя, Николай Ивановичъ, за все по высшей мѣрѣ дуть... Этакъ мы всѣхъ возстановимъ противъ себя. Итакъ страху нагнали. Въ другой разъ побоятся рвать провода.

— Да, нельзя же и попустительствомъ заниматься. Мы только пугаемъ, а примѣра строгости не показываемъ, — говорилъ Молотковъ.

33. ВОЙНА СЪ МОЛОТКОВЫМЪ.

Такъ въ малекькихъ препирательствахъ я сотрудничалъ съ Молотковымъ. Впрочемъ, однажды я проявилъ всю полноту власти: ночью въ станицѣ вдругъ раздалась стрѣльба... Поднялась тревога... Оказалось, что это гуляютъ мѣстные комсомольцы... Я приказалъ ихъ арестовать и предать суду за тайное храненіе оружія...

Молотковъ отказался подписать приказъ о преданіи комсомольцевъ суду. Но ужъ тутъ я настоялъ.

— Нельзя, Николай Ивановичъ, попустительствомъ заниматься. Мы все только пугаемъ, пора и примѣръ строгости показать, — настаивалъ я словами самого Молоткова.

Но это, видимо, обозлило Молоткова.

Черезъ нѣсколько дней у меня съ нимъ произошла серьезная стычка. Я немного переборщилъ.

Дѣло было, впрочемъ, такъ:

Молотковъ показалъ мнѣ на соотвѣтствующій пунктъ комиссарской инструкціи, гласящей о порядкѣ вскрытія секретныхъ пакетовъ и сказалъ, что надо будетъ впредь слѣдовать этой инструкціи. Онъ боялся, какъ бы на этой почвѣ не получилось для него какихъ либо непріятностей.

Я ощетинился.

— Это что — недовѣріе ко мнѣ, какъ командиру?..

— Я о недовѣріи вамъ ничего не сказалъ, — инструкція этого требуетъ.

— Это ли она требуетъ? Въ инструкціи вашей говорится о секретныхъ бумагахъ, адресованныхъ на имя части... Если же на конвертѣ значится «командиру части», то почему я не имѣю права вскрыть пакетъ, хотя и секретный, но адресованный все же непосредственно и лично мнѣ?..

Это было произвольнымъ толкованіемъ — я это зналъ, но буквальный смыслъ инструкціи позволялъ дѣлать такое толкованіе.

— Я васъ все же прошу пользоваться моими указаніями по этому вопросу.

— Хорошо, вы мой комиссаръ, у васъ есть право дѣлать мнѣ указанія. Я подчиняюсь имъ. Но я сегодня же подаю рапортъ объ уходѣ изъ дивизіона. Я не могу работать, когда мнѣ не довѣряютъ...

Я нѣсколько зарвался, но отступать уже нужно было съ достоинствомъ, благо, Молотковъ поторопился обставить это отступленіе всѣми конвенансами. Онъ сталъ, вдругъ, разсыпатьея въ заявленіяхъ, говоря, что онъ не предполагалъ, что я такъ пойму его просьбу и такой именно смыслъ вложу въ его желаніе придерживаться инструкціи.

Пришлось и мнѣ попятиться.

— Если это не знакъ недовѣрія ко мнѣ, я никогда не стану возражать противъ законныхъ требованій инструкціи.

Инцидентъ былъ улаженъ. Молотковъ не хотѣлъ доводить дѣло до инспекціи, гдѣ, онъ былъ увѣренъ, я получу поддержку.

Но это было только внѣшнимъ примиреніемъ. Молотковъ терпѣть не могъ меня за мою самостоятельность. Въ тайникахъ души онъ очень хотѣлъ бы свалить меня.

Стычки у насъ становились все чаще и чаще. Каждый изъ насъ безъ труда находилъ поводы для взаимнаго неудовльствія. Да и такъ — и Молоткому и мнѣ — легко было влѣзть въ сферу компетенціи другъ друга.

Получили мы какъ то приказъ о томъ, что время отъ времени, начальники гарнизоновъ, совмѣстно съ ихъ комиссарами, должны производить обыски и облавы съ цѣлью поимки дезертировъ, уклоняющихся отъ мобилизаціи, и отобранія оружія отъ населенія. Я на бумагѣ сдѣлалъ помѣтку: «Принять къ свѣдѣнію. Къ дѣлу». Молотковъ также подписался подъ резолюціей, но, подписавшись, Молотковъ рѣшилъ дѣйствовать на свой страхъ и рискъ, а чтобы въ своихъ дѣйствіяхъ не быть одинокимъ, онъ притянулъ на помощь раіоннаго комиссара — тов. Орла. Это былъ пренепріятнѣйшій человѣкъ. Бѣды станицамъ онъ причинилъ не мало, выискивая всюду «контръ-революцію». Совмѣстно съ тов. Орломъ, Молотковъ и произвелъ обыскъ въ станицѣ. Нѣсколько казаковъ было арестовано за храненіе оружія. Отбирались даже фамильные кинжалы, было отобрано нѣсколько паръ погонъ, хранившихся у казаковъ.

Узнавъ о ночномъ обыскѣ въ станицѣ, я попросилъ у Молоткова объясненій.

— Въ моихъ секретныхъ инструкціяхъ есть указанія, что я могу, подъ свою отвѣтственность, производить обыски и облавы.

— Безъ вѣдома начальника гарнизона? Какъ же я могу отвѣчать за гарнизонъ, когда за моей спиной кто-то еще секретно распоряжается?!...

— Ваше неудовольствіе вы можете направить товарищу Орлу... Онъ старшій комиссаръ раіона... Ему здѣсь всѣ подчинены...

— Я ему не подчиненъ...

— Но онъ можетъ подчинить васъ въ порядкѣ чрезвычайной обстановки...

Молотковъ объявилъ мнѣ войну. Отъ него нужно было такъ или иначе отдѣлаться, ибо ничего добраго война эта мнѣ не предвѣщала.

— Этотъ вопросъ, Николай Ивановичъ, намъ съ вами, я вижу, полюбовно не разрѣшить. Обратимся по начальству...

— Обращайтесь вы, если вамъ мои дѣйствія кажутся неправильными.

— Но это будетъ уже жалоба на васъ... А я хотѣлъ бы не жаловаться, а только получить разъясненія.

— Вотъ и обращайтесь за разъясненіями... Мнѣ незачѣмъ обращаться... У меня есть на этотъ предметъ ясная инструкція.

Я поѣхалъ въ инспекцію. Леоновичъ выслушалъ меня и сказалъ, что это «обыкновенная исторія».

165

— Молотковъ, конечно, по своей комиссарской молодости переусердствовалъ. Ничего, я его вызову и цукну. Не хорошо, что въ дѣло замѣшанъ тов. Орелъ... Онъ тамъ у васъ, дѣйствительно, старшій. Впрочемъ, я буду сегодня въ Политотдѣлѣ арміи и поговорю объ инцидентѣ.

Сумовскій тоже поддержалъ меня:

— Леоновичъ усмиритъ вашего Молоткова. И не такихъ усмиряли... Вамъ, впрочемъ, недолго осталось быть въ дивизіонѣ: вы ка-днях получите новое назначеніе. Малиновскій говорилъ о васъ командарму. Васъ мѣтятъ яа формирующуюся новую бригаду...

34. АТАРБЕКОВСКАЯ РЕГИСТРАЦІЯ.

25 іюля Реввоенсовѣтъ IX-й арміи отдалъ приказъ о всеобщей регистраціи командиаго состава красной арміи на Кубани. На зту регистрацію обязаны были явиться всѣ офицеры, юнкера и вольноопредѣляющіеся когда либо служившіе въ Добровольческой Арміи, а также и тѣ изъ вышеназванныхъ категорій, которыя, хотя и не служили у бѣлыхъ, ко поступили въ красную армію, послѣ января 1918 года. Такой «глубокой» регистраціи еще ни разу не было. Эта регистрація захватывала командный составъ, каходившійся въ красныхъ рядахъ свыше 2-хъ лѣтъ. Регистрація была вызвана «заговоромъ», раскрытымъ ка Кубани, въ которомъ оказался замѣшаннымъ красяый командный составъ. Такъ какъ я всюду показывалъ, что вступилъ въ ряды красной арміи въ 1918 году, — ка регистрацію надлежало явиться и мнѣ...

Итти на регистрацію съ моимъ липовымъ послужнымъ спискомъ было не безопасно, но и не пойти было кельзя. За уклонекіе отъ регистраціи — смертная казнь: такъ гласилъ приказъ, а Атарбековъ *) не любилъ пускать свои угрозы на вѣтеръ. Бѣжать?... Жаль... Еще, въ сущности, почти ничего не сдѣлано...

Изъ дивизіока, кромѣ меня, должны были отправиться ка регистрацію еще нѣсколько человѣкъ; часть изъ нихъ не скрывала своей службы у бѣлыхъ, часть, какъ и я, прибѣгла къ фальшивымъ докумектамъ; должны были пойти на регистрацію и старые, настоящіе красные командиры, вступившіе къ красную армію послѣ января 1918 года.

На всякій случай далъ знать о возможной бѣдѣ въ екатеринодарскій «адресъ». Въ дивизіонѣ оставался Г.**) Его документы позволяли ему не итти ка регистрацію. Далъ ему кое-какія указанія и распоряженія.

Заѣхалъ въ инспекцію кавалеріи развѣдать — чѣмъ пахнетъ эта регистрація. Въ инспекціи были удивлены, что и мнѣ предстоитъ регистрироваться. Посмотрѣли приказъ. Пожали плечами.

— Вотъ еще безпокойные люди!..—говорилъ Сумовскій.—Ну регистрируйте сколько вашей душѣ угодно комсоставъ изъ плѣнныхъ, но старый комсоставъ тягать ка регистрацію...

— Не кончится ли все это прогулкой въ мѣста не столь отдаленкыя?..

— Ну, зто врядъ-ли... Этотъ приказъ вѣдь тянетъ на регистрацію добрую половину армейскаго комсостава...

Когда я подошелъ къ зданію Зимняго театра, въ которомъ была назанчена

*) Предсѣдатель Реввоенсовѣта IX Кубанской арміи.

**) Г. — незамѣнимый въ конспираціи человѣкъ. Ему я обязанъ многимъ, его же находчивости я обязакъ тѣмъ, что еще живъ. Настоящая его фамилія качинается не на букву Г.

регистрація, театръ былъ почти полонъ регистрируемыми. Люди пріѣзжали изъ Новороссійска, Ейска и другихъ городовъ. Съѣзжался раіокъ, занятый IX-й Кубанской арміей. Нигдѣ не видяо ни карауловъ, ии патрулей. Регистрируемые приходили, заполняли опросный листъ, сдавали его иа соотвѣтствующій по алфавиту регистраціокный столъ и были свободны до 5-ти час. вечера. Въ 5 час. должны были намъ раздать особыя учетныя карточки и мы отпускалясь по своимъ частямъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, гласило объявленіе Реввоенсовѣта арміи, вывѣшеккое у входа въ театръ.

Въ 5 часовъ вечера театръ былъ переполненъ. У дверей появились часовые. Выйти изъ театра уже было нельзя — впускали свободно.

— Почему поставлены часовые? Мы развѣ арестованы?

— Что вы! Ничего подобкаго! А только если будетъ и дальше хожденіе взадъ и впередъ, мы никогда яе окоячимъ регистрацію.

Часамъ къ шести театръ былъ окруженъ кольцомъ войскъ. Становилось яснымъ, что тутъ дѣло пахнетъ не просто регястраціей.

Еще черезъ полъ часа сомнѣніямъ уже не было мѣста... На сценѣ появился самъ товарищъ Атарбековъ.

Воцарилась тишика...

— Тише! Тише! Товарищъ Атарбековъ будетъ говорить!..

— Товарищи! Бѣлая армія, какъ вамъ извѣстно, разбита... Остатки бѣлыхъ бѣжали въ Крымъ. Тамъ они успѣли немного оправиться отъ разгрома и открыли фронтъ, которымъ командуетъ баронъ Враигель. У насъ есть свѣдѣиія, что уже ие мало изъ вашего числа перебѣжало съ красной Кубани въ Крымъ. Мы знаемъ также, что бѣлая зараза гнѣздится не только среди плѣнныхъ. Нѣсколько дней тому назадъ я раскрылъ большой заговоръ средя командиаго состава армій... Для васъ, товарищи, не секретъ, конечно, что Кубань охвачена кольцомъ зелекыхъ бандъ, концентрически стягивающихся къ сердцу Кубани — къ Екатеринодару. Позвольте васъ спросить, товарищи: изъ кого состоятъ эти зеленые отряды? Кто ими руководитъ? — Руководитъ ими офицерство. Товарищи, васъ здѣсь сейчасъ собрано около 8.000. Сколько среди васъ есть нашихъ недруговъ, мы ке знаемъ. Мы экаемъ только, что оки есть. И ихъ не мало. Но заниматься сейчасъ отборомъ мы не можемъ— во время пожара некогда этимъ заниматься. Есть средя васъ, разумѣется, и люди неопасные, но «лѣсъ рубятъ— щепки летятъ». Благодарите за это тѣхъ, кто не бросилъ до сихъ поръ мысли итти противъ народа и совѣтской рабочей власти... Я долженъ сообщить вамъ непріятную вѣсть: дабы обезопасить Кубань и ке держать около порохового погреба горючій матеріалъ, Реввоексовѣтъ арміи рѣшилъ сегодня же эвакуировать васъ въ коякцентраціонные лагери Россіи... У кого имѣется при себѣ оружіе, немедлеико сдайте его, т. к. здѣсь же въ театрѣ я произведу повальный обыскъ и у кого найдется спрятанное оружіе, тотъ будетъ разстрѣлянъ тутъ же въ театрѣ... Оружіе сдавайте яа тѣ столы, куда вы подавали ваши регистраціонныя карточки...

Подкялся невообразимый шумъ...

О такомъ исходѣ регистраціи мало кто думалъ... Всѣ были безъ вещей... Кое у кого изъ высылаемыхъ были семьи... Нельзя ихъ даже предупредить...

Среди региструемыхъ есть даже члены комлартія...

Восьмитысячная орава гудитъ, протестуетъ, вопрошаетъ, негодуетъ... На безконечные вопросы сотрудникамъ Реввоенсовѣта, получался одинъ торопливый отвѣтъ:

166

— Неногда, товарищи, заниматься частными вопросами... Поѣзда ждутъ посадни... Изъ лагерей уже будете хлопотать...

Собрались мои дивизіонеры... Что то надо предпринимать... Но что можно было сдѣлать въ этой нашѣ? У многихъ было оружіе... Можно было попытаться поднять бунтъ... Но многіе ли его поддержать?.. Кругомъ театра — войсна... Негдѣ развернуться... Да и въ театрѣ таная густая наша...

Сдавалось оружіе; прямо отъ стола, гдѣ принималось оружіе, регистрируемыхъ сортировали по фойе и отдѣльнымъ номнатамъ, подвергая наждаго обыску.

Началась отправна на вонзалъ — отправляли пачнами, по алфавиту. Отнимаетъ это не мало времени... Наступаетъ глубоній вечеръ—отправлено только три буквы... Эвакуація должна затянуться дня на два...

Наступила ночь... Дошли тольно до бунвы З.

Вмѣстѣ со мной сотнинъ ***. Мы изловчились и не пошли въ уназанныя намъ номнаты. Бродимъ съ нимъ по толпѣ и рѣшаемъ, что предпринять.

— Нельзя ли гдѣ нибудь спрятаться въ театрѣ? Вѣдь переклични не дѣлаютъ... Отправляютъ пачнами , по номнатамъ... Путаница тамъ идетъ не малая... Гдѣ нибудь притаиться, а потомъ, когда вся эта музына нончится, тамъ видно будетъ, что дальше дѣлать... Сотрудники Атарбенова одурѣютъ въ этой кашѣ... вниманіе будетъ притуплено...

Вмѣстѣ съ *** ищу накого нибудь выхода въ подвалъ или на чердакъ... Нашли лѣстницу, ведущую подъ нрышу. Канимъ то чудомъ она оназалась не охраняемой. Поднялись... Громадный чердакъ. Есть выходъ на крышу. Здѣсь можно спрятаться.

Я послалъ *** на поиски дивизіонеровъ... Насъ было человѣкъ пятнадцать. Нѣснольно человѣнъ уже были звакуированы, но остальныхъ еще можно было припрятать.

Задача найти кого нибудь въ таной сутолонѣ была нелегная, но все же нѣснольно человѣнъ *** разысналъ и направилъ на чердакъ... Всю ночь мы подбирали своихъ... Насъ собралось уже восемь человѣнъ... У одного сохранился даже браунингъ — единственное наше оружіе...

Утромъ , часовъ въ восемь, шла звакуація бунвъ Л. и М. *** все еще рыскалъ, разыснивая дивизіонеровъ. Нанонецъ, встревоженный, онъ пробрался на чердакъ.

— Васъ ищутъ,—сказалъ онъ мнѣ.—Въ нѣсноль кихъ мѣстахъ я слышалъ какъ на весь залъ вынлинали вашу фамилію...

35. НЕОЖИДАННАЯ ВЫРУЧКА.

— Ну, значить, влопался...

Можно было, нонечно, не итти... Скрываться — такъ скрываться... Но, съ другой стороны, я этимъ подводилъ другихъ скрывающихся... Начнутъ меня иснать... чего добраго набредутъ на лѣстницу, ведущую на чердакъ и, вмѣстѣ со мною, захватятъ и остальную дивизіонную номпанію...

Я рѣшилъ пойти на развѣдну, взявъ съ собою для связи одного изъ дивизіонеровъ. На всякій случай я сообщилъ, что нужно дѣлать, если друзьямъ удастся спастись : они должны были держать связь съ екатеринодарскимъ «адресомъ». Онъ помогъ бы имъ нѣкоторое время скрываться и указалъ бы куда направиться...

ПЕЧАТАЕТСЯ

Бѣлый Архивъ

КНИГА IV

ВЪ 4-ОЙ КНИГѢ БУДЕТЪ ПОМѢЩЕНЪ

„Дневникъ мистера Джемса Уильслея"

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ
КНИГА:

Я. М. Лисовой

„ГИБЕЛЬ РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМІИ"

ПЕЧАТАЕТСЯ
НОВАЯ КНИГА

Генерала П. И. Залѣсскаго

„ВОЗМЕЗДІЕ".

Imp: de Navarre, 5, rue des Gobelins. Paris XIII.

Спустившись внизъ, я, дѣйствительно, услышалъ, какъ въ разныхъ мѣстахъ выкрикивается мою фамилія... Рѣшилъ пока что не отзываться... Ничего добраго эти вызовы не предвѣщали.

Наконецъ, въ толпѣ я увидѣлъ Леоковича, комиссара инспекціи. Онъ сразу же замѣтилъ меня.

— Идемте... Мы васъ съ разсвѣта уже ищемъ... Васъ разрѣшили освободить...

Жметъ мнѣ руку.

— Тутъ и Сумовскій... Хлопотъ съ вами было по горло!...

Мигнувъ дивизіонеру, бывшему возлѣ меня для связи и слышавшему мой разговоръ съ Леоновичемъ, я пошелъ къ выходу. У дверей стоялъ Сумовскій.

— Ну, поздравляю васъ! Еле выцарапали!...

Сумовскій предъявилъ ордеръ о моемъ освобожденіи и мы благополучно выбрались изъ театра.

Уже въ экипажѣ мнѣ разсказали, какихъ хлопотъ стоило мое освобожденіе. Въ одиннадцать часовъ вечера стало извѣстно, что насъ высылаютъ. Сумовскій первый узналъ объ этомъ и помчался къ Леоновичу. Вмѣстѣ съ нимъ, они сейчасъ же поѣхали на квартиру къ командующему арміей, тов. Левандовскому. Левандовскій ничего не имѣлъ противъ моего освобожденія, но сказалъ, что это не отъ него зависитъ, т. к. регистрацію ведетъ Реввоенсовѣтъ арміи. Въ часъ ночи удалось добраться до предсѣдателя Реввоенсовѣта и говорить о моей «незамѣнимости» и «преданности совѣтской власти»... Еле уговорили его написать бумажку объ освобожденіи...

Въ инспекціи меня напоили чаемъ и по телефону дали знать въ дивизіонъ, чтобы за мною пріѣхалъ экипажъ...

Поблагодаривъ Сумовскаго и Леоновича за любезность, я пошелъ въ «адресъ» предупредить о случившемся и далъ указанія, куда направить дивизіонеровъ, если имъ удастся избѣжать эвакуаціи и вообще скрыться отъ цѣпкихъ рукъ тов. Атарбекова. Имъ нужно было пробираться на рѣчку Цеце, гдѣ оперировалъ со своимъ отрядомъ сотникъ Чичи-Баба.*)

36. «РАЗГРОМЪ» АНТИФЕЕВСКАГО ПОЛУЭСКАДРОНА.

Прошло уже нѣсколько дней со времени высылки полуэскадрона въ распоряженіе тов. Андреева. Изъ приказа по Екатеринодарскому укрѣпленному раіону я зналъ, что антифеевскій полуэскадронъ прибылъ по назначенію.

Сижу я какъ то въ кабинетѣ и подписываю бумаги.

Вбѣгаетъ Молотковъ.

— У насъ бѣда! Антифеевскій полуэскадронъ разбитъ!

— Да что вы говорите?!...

— Вотъ донесеніе отъ политрука...

Читаю донесеніе. Политрукъ полуэскадрона Ивановъ, пишетъ, что полуэскадронъ 23-го іюля прибылъ въ штабъ тов. Андреева и получилъ приказаніе стать на квартиры въ ст. Черноморской, гдѣ для полуэскадрона былъ заготовленъ фуражъ. 27-го іюля штабъ Андреева приказалъ полуэскадрону перей-

*) Дивизіонерамъ моимъ не удалось скрыться. Ни о комъ изъ нихъ я не получалъ больше никакихъ свѣдѣній...

169

ти въ ст. Имеретинскую. Во исполненіе приказа полузскадронъ выступилъ въ походъ, выславъ предварительно впередъ разъѣзды. Сзади полуэскадрона шелъ арьергардный разъѣздъ. Приблизнтельно на полъ пути между Чрноморской и Имеретинской, Антифеевъ получилъ изъ арьергарднаго разъѣзда донесеніе, что какъ только полузскадронъ оставилъ Черноморскую, въ иее сейчасъ же вошли зеленые, силою около эскадрона... Рѣшено было повернуть назадъ и атаковать зеленую банду. Въ боевомъ порядкѣ полузскадронъ вернулся въ Черноморскую. Но зеленыхъ тамъ не оказалось. На церковной площади былъ устроенъ привалъ. Вдругъ, неожиданно, изъ дворовъ вылетѣли зеленые и стремнтельно атаковали мирно отдыхающій полузскадронъ. Политрукъ Ивановъ не растерялся, онъ вскочилъ на пулеметную двуколку и ускакалъ. Выѣхавъ на окраину станицы, онъ открылъ пулеметный огонь по площади, но преслѣдуемый зелеными, долженъ былъ въ одиночествѣ отступить на ст. Саратовскую, къ штабу тов. Андреева, гдѣ и доложилъ о постигшемъ полузскадронъ кесчастін.

— Скандалъ... Позоръ...—сочувствовалъ я Молоткову.—Какъ же это Антифеевъ такъ опростоволосился?!

Разыграно было все, какъ по нотамъ... «Сложность» инсценировки дѣлала честь находчивости Антифеева...

О случившемся мы сейчасъ же донесли въ штабъ Екатеринодарскаго Укрѣпленкаго Раіона, откуда получили незамедлительно грозный приказъ: «произвести строжайшее разслѣдованіе. Политрука Иванова, по его возвращеніи въ дивизіонъ , выслать въ штабъ Укрраіона».

Къ вечеру прибылъ въ дивизіонъ и Ивановъ. Я и Молотковъ подробко допросили его и выяснили, что мѣры предосторожности по уставу всѣ были соблюдены , что Ивановъ дѣйствовалъ геройски и отправили Иванова въ штабъ Укрраіона, при чемъ я донесъ, что полузскадронъ, съ момента выступленія дивизіона, вышелъ изъ подъ моего подчиненія, и что всѣ дальнѣйшія неудовольствія начальства по поводу боевыхъ дѣйствій полузскадрона надлежитъ адресовать товарищу Андрееву.

Черезъ нѣсколько дней мы получили прнказъ — срочно выслать ковый полузскадронъ въ распоряженіе тов. Андреева. Тутъ я уже отказался отъ соблазна снабдить зеленыхъ еще однимъ добрымъ полузскадрономъ, ибо это могло бросить серьезную тѣнь подозрѣнія иа меня и на мой дивизіонъ... Впереди вѣдь маячила бригада... Съ нею можно было, при удачѣ, сдѣлать что либо болѣе серьезное и надо было поэтому вести себя болѣе осмотрительно...

Прошло около недѣли послѣ «разгрома» полузскадрона Антифеева. Въ екатеринодарскій «адресъ» пришло донесеніе Антнфеева н сводка Чичи-Бабы о положекіи дѣлъ на зеленомъ фронтѣ. Все это доставилъ одинъ чичи-бабинъ казакъ, уже нѣсколько разъ дѣлавшій вылазки въ красный станъ для развѣдки и связи.

Антифеевъ писалъ какъ было дѣло. Явившись въ штабъ тов. Андреева, Антифеевъ оріентировался о положекіи на фронтѣ. Получивъ приказъ стать по квартирамъ въ ст. Черноморской, онъ немедленно это сдѣлалъ, при чемъ ему было сказако въ штабѣ, что станица Черноморская ненадежна и что нужно смотрѣть «въ оба». По свѣдѣніямъ штаба Адреева, гдѣ то возлѣ Черноморской прячется въ лѣсу отрядъ сотника Чичи-Бабы. Это совпадало съ тѣми свѣдѣніями, которыя имѣлъ я и которыми снабдилъ Антифеева передъ его выступленіемъ изъ дивизіона. Изъ Черноморской онъ связался съ Чичи-Бабой и условился о планѣ сдачи, при чемъ это должно было произойти почти такъ , какъ и прои-

зошло. Отступленіе отъ плана, однако, случилось: Чичи-Баба имѣлъ въ ночь передъ сдачей полуэскадрона стычку съ краснымъ разъѣздомъ и рѣшилъ, что въ Черноморскую подошли андреевскія подкрѣпленія, о чемъ, полагалъ Чичи Баба, Антифеевъ не имѣлъ возможности его предупредить. Нужно было развѣдать. Пока Чичи-Баба развѣдывалъ, получился приказъ полуэскадрону перейти въ Имеретинскую... Чичи-Баба долженъ былъ вдогонку уже послать Антифееву сообщскіе, что «все остается по старому». Пришлось спѣшко выдумать «занятіе» Черноморской зелеными. Въ остальномъ показаніе политрука довольно вѣрно рисовало картину плѣка...

Сотникъ Чичи-Баба писалъ, что все сдѣлано гладко, благодарилъ за «подарокъ» и говорилъ о томъ, что дѣлается въ зеленомъ станѣ. Свѣдѣнія его были неутѣшительны. Онъ жаловался на разрозненность зеленыхъ, на ихъ вялость, на отсутствіе организующей руки... Чичи-Баба сообщилъ кое какія свѣдѣнія объ отрядѣ есаула Тимченки, полковника Фартукова и полковника Крыжановскаго. Намѣчено было нѣсколько «линейныхъ адресовъ» для связи. Чичи-Баба обѣщалъ мои свѣдѣнія разсылать по отрядамъ зелекыхъ : эти свѣдѣнія могли помочь имъ въ ихъ операціяхъ.

37. НАЗНАЧЕНІЕ МЕНЯ КОМАНДИРОМЪ БРИГАДЫ.

Вопросъ о формированіи новой кавалерійской бригады благополучно подвигался впередъ. По вопросу формированія меня нѣсколько разъ вызывала инспекція кавалеріи. Былъ вызванъ я и къ начальнику штаба арміи, бывшему генеральнаго штаба полковнику Захаревичу, пожелавшему лично дать мнѣ инструкціи по формированію бригады.

— Зеленые растутъ... Линсйная Кубань — сполошное зеленое царство... Ваша бригада предназначается на этотъ фронтъ... Зеленые сильны знаніемъ мѣстности... Ихъ , кромѣ того, поддерживаетъ каселеніе... Но ихъ надо во что бы то ни стало ликвидировать... Отрядъ тов. Андреева — у него 800 штыковъ — перейдетъ въ ваше подчиненіе... Вамъ будетъ придано двѣ горныхъ батареи... Вамъ будетъ назначенъ опытный начальникъ штаба... Вы и сами вѣдь штабистъ.. Вмѣстѣ съ нимъ вы должны разработать планъ операціи... Потомъ мы его вмѣстѣ обсудимъ... Придется вести партизанскую войну... Тутъ нужна особая сноровка... Однимъ словомъ, все это обдумайте, просмакуйте... Бригада будетъ формироваться недѣли двѣ, такъ что времени на разработку операціи имѣется достаточно ... У зеленыхъ самая опасная фигура — генералъ Фостиковъ... Онъ молодъ, храбръ, отличный партизанъ и знаетъ свою лѣскую Кубань, какъ никто... Вамъ придется помѣряться съ нимъ силами...

— Что-жъ, попробуемъ!

— Въ добрый часъ! Отправляйтесь въ инспекцію и получите предписаніе о назначеніи васъ командиромъ кавбригады.

Получивъ въ инспекціи предписаніе, я въ радушномъ настроеніи возвращался въ дивизіонъ.

Бодро бѣжала пара командирскихъ — сѣрыхъ въ яблокахъ. Кучеръ былъ свой человѣкъ, донской казакъ, и я разсказалъ ему, что его тоже ждетъ повышеніе по службѣ, и что онъ уже не вѣстовой командира дивизіона, а вѣстовой командира бригады и даже выше: вѣстовой Начальника Своднаго Линейнаго Отряда...

Балагуримъ, мечтаемъ о возможныхъ въ скоромъ будущемъ дѣлахъ...

140

38. МОЛОТКОВСКОЕ ОТКРЫТІЕ.

Экипажъ подъѣзжалъ къ небольшому лѣсну, красиво разросшемуся на поворотѣ дороги, что въ полъ-пути между Екатеринодаромъ и стоянкой дивизіона. Изъ-за деревьевъ высунулась фигура Г. — онъ дѣлалъ мнѣ знаки остановиться. Я слѣзъ съ экипажа и зашелъ въ лѣсонъ.

— Въ чемъ дѣло?

— Молотковъ разнюхалъ нашу работу...

— ?!...

Оказалось, что не только я посылалъ развѣдчиковъ и вѣстниновъ къ зеленымъ... Посылалъ ихъ туда и Молотновъ... Мои развѣдчини и развѣдчики Молотнова встрѣтились въ плавняхъ. Одинъ изъ молотновскихъ молодцовъ сегодня вернулся и доложилъ ему, что я держу связь съ зелеными... Молотковъ сейчасъ же приказалъ дивизіону выступить въ ст. Ново-Титаровскую подъ прикрытіе Заградительнаго отряда товарища Терека, а самъ занялся обыскомъ моей квартиры.

— Но въ Екатеринодарѣ еще ничего не знаютъ... Я только что изъ штаба арміи... Въ инспенціи навалеріи тоже ничего не знаютъ...

— Молотковъ донесъ, да мы перехватили на дорогѣ донесеніе... Его везъ Егорушнинъ... Да вотъ и онъ...

Егорушнинъ былъ донецъ, вахмистръ. Въ дивизіонѣ онъ былъ по подложнымъ документамъ и значился «мироновцемъ», т. е. изъ отряда нѣкогда славнаго донца Миронова. Онъ числился въ сонмѣ дивизіонной аристократіи. По подложному же коммунистическому билету онъ вступилъ въ дивизіонную номячейну. Съ нимъ то, какъ съ «вѣрнымъ человѣномъ» и было послано донесеніе въ штабъ Укрѣпленнаго раіона, съ копіями—въ Инспенцію, въ Штабъ Арміи, въ Реввоенсовѣтъ и въ Поармъ.

Донесеніе было съ надписью — «С. Секретно. В. Срочно. Въ собственныя руки». Донесеніе осторожно вскрыли, благо, оно не было припечатано сургучной печатью. Молотновъ доносилъ, что онъ раскрылъ «заговоръ», что я въ связи съ зелеными, что онъ отправилъ дивизіонъ «для безопасности» въ распоряженіе тов. Терека, а самъ производитъ обыскъ на моей квартирѣ. Поджидаетъ моего возвращенія въ дивизіонъ, чтобы арестовать меня. Проситъ о задержаніи меня, если я попадусь кому либо въ городѣ на глаза. Молотновъ заканчивалъ свое донесеніе просьбой дать «руководящія указанія».

Ничье имя въ донесеніи, кромѣ моего, не фигурировало.

На донесеніи стояло: 12 час. 10 м. дня.

Донесеніе нужно было, конечно, доставить, иначе Егорушнину пришлось бы скрываться, а онъ былъ въ дивизіонѣ весьма нужный человѣкъ, оказавшій намъ не разъ уже отличныя и очень цѣнныя услуги.

Если въ городѣ еще ничего не знаютъ о «заговорѣ», мой побѣгъ можно устроить безъ особыхъ хлопотъ... Въ городѣ же, повидимому, еще ничего не знаютъ... По телефону Молотковъ съ городомъ не говорилъ. Говорить онъ могъ только черезъ промежуточную станцію, находящуюся въ этомъ же лѣсѣ, но Г. увѣрилъ меня, что съ городомъ Молотковъ сегодня не говорилъ. Мелькнула мысль — не говорилъ ли Молотновъ окружнымъ путемъ — черезъ Ново-Титаровскую, но Г. увѣрялъ меня, что и изъ Ново-Титаровской никто не звонилъ, ибо Ново-

Титаровская связана съ Екатеринодаромъ черезъ эту же промежуточную станцію... Быть можетъ далъ знать по телеграфу?... Мало вѣроятно... Ужъ если не прибѣгъ онъ къ телефону, то къ телеграфу и подавно... Оставалось еще одно предположеяіе, что тов. Терекъ могъ послать донесеніе отъ себя... Но провѣрить это было уже невозможно. Гонецъ отъ тов. Терека могъ проѣхать незамѣченнымъ изъ этого лѣска... Изъ Ново-Титаровской въ Екатеринодаръ была своя дорога и она проходила въ сторонѣ...

На всякій случай я приказалъ порвать провода въ направленіи на Екатеринодаръ.

Ясно одно: нужно, какъ можно скорѣе, скрыться съ краснаго горизонта...

Планъ я намѣтилъ такой: я ѣду въ городъ и изъ города постараюсь пробраться за Кубань. Донесеяіе ѣдетъ за мной... Я самъ укажу Егорушкину, когда его надлежитъ сдать и въ какомъ порядкѣ сдать копіи донесенія...А что бы оправдать задержку въ доставкѣ весьма срочнаго донесенія, мы придумали оказію: возвращаясь въ дивизіонъ, Егорушкинъ долженъ расковать на переднюю ногу коня... На раскованномъ конѣ, извѣстно, какая быстрота передвиженія... Тутъ Егорушкину и было оправданіе за медленность доставки донесеній.

39. БѢГСТВО ИЗЪ КРАСНАГО СТАНА.

Преподавъ Г. кое какія инструкціи, сообщивъ планъ моихъ вѣроятныхъ дѣйствій, я поѣхалъ въ городъ... Егорушкинъ съ донесеніемъ — сзади меня...

Заѣхали въ «адресъ», гдѣ я наскоро сообщилъ о «катастрофѣ».Рѣшилъ ѣхать въ штабъ Укрѣпленнаго раіона... Блеснулъ выходъ... Если тов. Рыбалко — начальникъ раіона — еще ничего не знаетъ, дѣло можетъ выгорѣть...

Егорушкину приказалъ дожидаться меня возлѣ штаба.

Черезъ нѣсколько минутъ я сидѣлъ уже въ кабинетѣ тов. Рыбалко и ожидалъ предписанія отправиться «по дѣламъ службы» въ ст. Имеретинскую, Лежавшее у меня въ карманѣ свѣженькое предписаніе инспекціи кавалеріи, гласящее, что я назначаюсь командиромъ бригады, подъ начало которой переходитъ отрядъ тов. Андреева, — сыграло свою роль. Рыбалко , на основаніи этого предписанія, далъ пропускъ черезъ мостъ, безъ котораго на тотъ берегъ — зеленый берегъ Кубани — переправиться было очень трудно. Нужно было раздобывать лодку... Вообще это было уже предпріятіе...

Пропускъ писался безконечно долго... Такъ мучительно я еще никогда не ощущалъ время...

Наконецъ, пропускъ готовъ...

Теперь надо было указать Егорушкину очередь развозки донесеній. Во всякомъ случаѣ штабъ Укрраіоя долженъ узнать послѣднимъ о случившемся, ибо оиъ знаетъ въ какую сторону я кинулся... Надо было начинать съ Поарма...

Простившись съ Егорушкинымъ,*) я покатилъ яа мость черезъ Кубань.

На мосту караулъ. Я предъявилъ пропускъ. Начальникъ караула отдалъ честь... и предо мною открылась зеленая Кубань...

Отъѣхавъ отъ моста съ версту, я остановилъ экипажъ и перерѣзалъ полевой телефонный проводъ, соединяющій Екатеринодаръ со штабомъ тов. Андреева, къ которому я рѣшилъ заѣхать, чтобы на прощанье съ красными получить пос-

*) Егорушкинъ нѣкоторое время оставался въ дивизіонѣ, а затѣмъ дезертировалъ къ себѣ на Донъ.

лѣднюю отъ нихъ информацію о положеніи на красно-зеленомъ фронтѣ. Штабъ Андреева стоялъ въ ст. Саратовской. Андреевъ теперь могъ узнать обо мнѣ только черезъ гонца, но у меня былъ шансъ опередить его.

Къ 6 часамъ на взмыленныхъ лошадяхъ я подкатилъ къ штабу Андреевскаго отряда. Познакомился съ Андреевымъ. Здѣсь уже знали, что съ полученіемъ кавбригады, андреевскій отрядъ переходитъ ко мнѣ въ подчиненіе, и потому приняли меня, какъ свое начальство.

Тов. Андреевъ далъ самыя послѣднія свѣдѣнія о группировкѣ зеленыхъ.

—Сейчасъ на Линейной Кубани зарегистрировано около двадцати зеленыхъ бандъ, не связанныхъ между собою ни общностью командованія, ни единствомъ оперативнаго плана... Это банды одиночки. Одни изъ нихъ успѣли развиться до внушительныхъ размѣровъ, а большинство, такъ себѣ — взводики, полусотни... Тенденцію къ увеличенію обнаруживаетъ отрядъ генерала Фостикова и банды Махошевскаго лѣса... Полковникъ Фартуковъ оперируетъ въ раіонѣ Курджипской, полковникъ Посѣвинъ — въ раіонѣ Переправной и развиваетъ движеніе по западному берегу Лабы на станицы Губскую и Бесленеевскую... Генералъ Фостиковъ держится въ станицахъ Надежной , Спокойной и Отрадной. Онъ крѣпнетъ и будетъ , вѣроятно, командовать всѣми зелеными силами... Въ Махошевскомъ лѣсу еще нѣсколько отрядовъ: отрядъ Ющенки, отрядъ Крыжановскаго и отрядъ есаула Уртхмалидзе.

— Такъ... А наши силы изъ чего состоятъ?

— Наши силы здѣсь ничтожны... Мой отрядъ, да части 34-сй дивизіи...

Товарищъ Андреевъ по картѣ показалъ мнѣ подробную дислокацію красныхъ силъ.

Полученныя только что свѣдѣнія были очень цѣнны для екатеринодарскаго «адреса» и для Г., который долженъ былъ изъ дивизіона, по возможности, поддерживать связь со мной. Чтобы доставить эти свѣдѣнія въ Екатеринодаръ и Г., нужно было вернуть въ дивизіонъ моего вѣстового.

Попросивъ «для вида» у Андреева конвой въ два всадника и верховую лошадь для себя, я объявилъ Андрееву, что сейчасъ же думаю выѣхать въ ст. Имеретинскую, къ стоянкѣ своего полуэскадрона для раздачи людямъ жалованья...

Андреевъ не совѣтывалъ ѣхать, глядя на ночь, говоря, что тутъ и днемъ дороги не безопасны, но я разыгралъ изъ себя безстрашнаго героя и поѣхалъ. Не оставаться же здѣсь было до утра...

Вѣстового я отправилъ въ дивизіонъ...

— Если будутъ допрашивать — говори одно: знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю... Пріѣхалъ, молъ, командиръ въ ст. Саратовскую, а мнѣ приказалъ возвращаться... Я и возвернулся... А больше ничего не знаю...

Черезъ полчаса съ двумя красноармейцами я выѣхалъ изъ штаба тов. Андреева.

Темнѣло. Сейчасъ же за станицей начинался глухой лѣсъ. Конвой врядъ ли благодарилъ меня за путешествіе вечеромъ по жуткому лѣсу, гдѣ изъ за каждаго куста можно было ожидать засаду.

Отъѣхавъ съ версту — дорога раздвоилась: одна шла на Имеретинскую, другая — на Черноморскую.

Я свернулъ на ст. Черноморскую.

Конвой, знавшій дороги, замѣтилъ это.

— Товарищъ командиръ, мы неправильно пошли... Это дорога на Черноморскую!

— Ну такъ что-жъ?...

— А сказывали, что въ Имеретинскую направляемся.

— Значитъ, не вѣрно сказывали...

Дорога стала глуше... Въ лѣсу уже воцарилась ночь... Моя сѣрая папаха-кубанка все время цѣплялась за вѣтви, и я поминутно пригибался къ передней лукѣ, чтсбы защитить глаза.

Въ головѣ проносился рой мыслей... Лучше всего, конечно, было бы, если бы на насъ сейчасъ напали зеленые. Моя задача была бы разрѣшена...

Но, зеленые, — увы! — не нападали...

Казаки говорили, что ужъ больно лихо мы ѣдемъ — какъ бы бѣдой зто не кончилось.

— Тутъ, товарищъ, что не кустъ, то зеленый, а мы точно по сзоему дзору раскатываемъ... Того и жди пулю сбоку...

— Полно трусить... Пуля... Эка невидаль... Пора уже къ нимъ привыкнуть...

Показалась Черноморская.

— Вотъ и станица, а чья она, чортъ ее ночью разберетъ... Можетъ тутъ зеленые... Вѣдь тутъ какъ: мы въ станицу — зеленые уходятъ въ лѣсъ, мы изъ станицы — они тутъ какъ тутъ...

Но станица оказалась «нашей». Въѣхали. Я занялъ одну избу. Красноармейцамъ приказалъ расположиться гдѣ нибудь поблизости..

40. «ПОСЛѢДНЕЕ ПРОСТИ».

Прошло уже не меньше 7-8 часовъ, какъ въ Екатеринодарѣ узнали изъ донесенія Молоткова обо мнѣ. Навѣрно ищутъ меня уже всюду... Сидѣть въ Черноморской не рекомендовалось...

Съ разсвѣтомъ я рѣшилъ двинуться дальше. Декорація конвоя мнѣ больше была не нужна. Его теперь можно было использовать, чтобы послать большевикамъ «послѣднее прости».

На листѣ полевой книжки я написалъ:

— «Товарищу Андрееву. Копія прочему красному начальству. Прощайте. Радъ буду встрѣтиться съ вами въ бою. Мстить вамъ за все, что вы дѣлаете съ Родиной, считаю своимъ долгомъ».

Запечаталъ записку и пошелъ будить свой конвой.

— Вотъ что, ребята, срочно сѣдлайте коней и что есть духу скачите въ штабъ тов. Андреева... Тутъ важное донесеніе... Отвѣтъ привезите мнѣ сюда же... Да дуйте, смотрите, безъ остановки... Каждая минута дорога...

Конвой думалъ было сослаться на то, что еще темень, ночь... Мыслимо ли, молъ, зто... Но я такъ прикрикнулъ на конвой, что ему ничено больше не оставалось, какъ исполнить грозный приказъ.

Зацокали подковы по затихшей станицѣ.

Конская рысь все дальше и дальше..

Свободевъ!

Я вывелъ коня со двора, перекрестился на церковь, темнѣвшую на площади, и поѣхалъ, взявъ направленіе на ст. Линейную, въ раіонъ рѣки Цеце...

Что-то Богъ дастъ! Чѣмъ вновь судьба подаритъ!...

Галлиполи
1920 г.

Илья Савченко.

Государ. публичная Историческая библиотека РСФСР № 1964

172.

СОДЕРЖАНІЕ
БѢЛАГО АРХИВА
Т. I

стр.

ПРЕДИСЛОВІЕ 9

I. ВОЙНА И РЕВОЛЮЦІЯ.

1. Секретный Отчетъ Комиссаровъ XI Арм. И. Кирієнко и А. Чекотило 13
2. *Я. П. Лисовой.* А. Керенскій въ Арміи Генерала Деникина (по матеріал. шт. 28-й дивизіи)..... 35
3. » » Революціонные генералы 52

II. РЕВОЛЮЦІЯ И БОЛЬШЕВИЗМЪ.

1. *П. Нестеренко.* Гатчино въ дни борьбы съ большевизмомъ 72
2. *Ф. Гнѣсинъ.* Туркестанъ въ дни революціи и большевизма 81

III. БѢЛОЕ ДВИЖЕНІЕ.

1. Засѣданіе Политическаго Совѣщанія Добр. Арміи 15 января 1918 г. 96
2. Докладъ Главнок. Вооруж. Силами Юга Россіи о положеніи дѣлъ на Зап. фронтѣ вообще и объ арміи полк. Бермонта-Авалова въ частности 101
3. Объяснит. записка по этому докл. ген. шт. полк. Я. М. Лисового 127

IV. ПИСЬМА БѢЛЫХЪ ВОЖДЕЙ.

1. Письмо Верховн. Правителя Адмирала А. В. Колчака Донск. Атаману генер. А. П. Богаевскому 136
2. Письмо генер. М. В. Алексѣева генер. А. И. Деникину 138
3. Наказъ генерала М. В. Алексѣева членамъ Донской миссіи 142
4. Письмо генер. М. В. Алексѣева генер. П. Н. Краснову 144
5. Письмо генерала М. В. Алексѣева генералу А. П. Богаевскому 147
6. Письмо генер. И. П. Романовскаго генералу А. П. Богаевскому 151

7. Директивы генерала М. В. Алексѣева Нач. В.-Политич. Отд. Д. Ар. М. 153
8. Изъ блокъ-нота генер. М. В. Алексѣева 154

V. СЛАВЯНЕ — БОЛЬШЕВИЗМЪ — БѢЛОЕ ДВИЖЕНІЕ.

1. Черезъ Снбирь къ свободѣ (переводъ съ чешскаго) 158
2. *Г. Малецъ*. Докладъ Главнокомандующему Вооружен. Сил. Юга Россіи Члена Русскаго Нар. Сов. Прикарпатской Руси 163
3. Письма Карпаторусск. Обществ. и Полит. дѣятелей 177

VI. МЫСЛИ СОВРЕМЕННИКОВЪ РЕВОЛЮЦІИ.

П. Н. Милюковъ, А. И. Гучковъ, Н. Н. Щепкинъ, И. И. Кириенко, М. Каменскій, Дж. Бьюкененъ, генералы М. В. Алексѣевъ, А. М. Драгомировъ, В. Лечицкій, М. Лешъ, полков. Васильевъ и др. 181

VII. ЗАРУБЕЖНАЯ РОССІЯ.

Лекція Е. Д. Кусковой.— Зарубежный Съѣздъ.—Католичество и Православіе на фонѣ Парижскихъ дней.—Красновъ—Койсуговъ—Суворинъ.— Годовщина смерти генерала Л. Г. Корнилова 187

VIII. ВНУТРЕННЯЯ РОССІЯ.

1. *Влад. Игоревъ*. Красная армія и «военизація» 197

IX. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ 203

X. ПРИЛОЖЕНІЕ.

1. Памятка «Музея Современныхъ Событій въ Россіи» 207

ИЛЛЮСТРАЦІИ:

Послѣдній портретъ адмирала А. В. Колчака, Офицеры до митинга и во время митинга, А. Керенскій въ арміи ген. Деникина, Бермонтъ-Авалювъ — генералъ Гольцъ и ихъ армія, Прапорщикъ Крылейко, Поручикъ Дзевалтовскій, Призывъ въ красную армію, Жизнь красныхъ курсантовъ и др. Фотодокументы, карты, копіи прокламаціи, каррикатуры и т.п.

Государ. публичная Историческая библиотека РСФСР
№ 1934

РУССКАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ
БИБЛІОТЕКА
ГЗ ВЪ ПРАГѢ

НОВАЯ СИЛА.

Русская эмиграція находится на порогѣ весьма показательныхъ событій духа времени — событій, которыя теперь уже раскололи ее на два лагеря и которыя, въ конечномъ итогѣ, могутъ дать или рядъ непредвидѣнныхъ сюрпризовъ въ общемъ дѣлѣ борьбы съ большевизмомъ, *выдвинувъ его на новые пути и облачивъ въ новыя формы*, или же *раздробить* и безъ того раздробленную эмиграцію, вызвать новый потокъ (или потопъ) пререканій, упрековъ, полемики и, усиливъ враждебность взаимотношеній, похоронить на долгія времена идею участія Зарубежной Руси въ дѣлѣ Освобожденія Россіи.

Рѣчь идетъ о психологически и физически естественномъ сдвигѣ въ рядахъ эмиграціи — о *перемѣщеніи политическаго центра тяжести* въ дѣлѣ борьбы съ большевизмомъ — отъ отцовъ къ дѣтямъ, отъ стариковъ къ молодежи, иными словами говоря,— молодежь, недовольная бездѣятельностью или безплодностью дѣятельности старшаго поколѣнія, желаетъ отнынѣ дѣло борьбы взять въ свои руки, вести его наиболѣе *активными путями* и, въ своемъ лицѣ, создать дѣйствительную силу — *силу дѣйствія*, а не словоговоренія, силу, которая поможетъ эмиграціи выбраться изъ пропасти и ввергнуть туда неистовствующій большевизмъ.

Такова, въ краткихъ словахъ, суть вопроса — это еще пока не землетрясеніе, это только глухіе подземные удары, но уже сейчасъ можно сдѣлать прогнозъ, что во 1) вопросъ этотъ будетъ разрѣшенъ далеко не безболѣзненно, ибо наиболѣе воинствующая часть стараго поколѣнія «позицій своихъ безъ боя не сдастъ» и во 2) что событіе это будетъ чревато послѣдствіями въ зависимости отъ дальнѣйшихъ взаимоотношеній между старымъ и новымъ поколѣніями.

Мнѣ кажется, что къ рѣшенію этого вопроса—о борьбѣ—съ одной стороны, «за удержаніе власти», а съ другой, «за пріятіе власти», — нужно подходить съ величайшей осторожностью, и отбросивъ въ сторону личныя симпатіи и антипатіи, партійные счеты, глухую ненависть къ прошлому и безпричинную зависть къ будущему, поставить этотъ вопросъ на реальную почву — *что дала въ прошломъ и что можетъ дать въ будущемъ каждая изъ сторонъ*.

174

Вся жизнь и дѣятельность стараго поколѣнія — *въ прошломъ*, и только безумецъ возьметъ на себя смѣлость отрицать заслуги ихъ во всѣхъ отрасляхъ культурной жизни Русскаго Государства. Заслуги эти *неоспоримы* и *настолько* велики, что не въ этихъ краткихъ строкахъ можно учесть ихъ; скажемъ лишь обще: *только благодаря этимъ великимъ и неоспоримымъ заслугамъ мы имѣемъ возможность гордиться Великой Россіей прошлаго, давшей міру невиданные и неподражаемые образцы въ той или иной области.*

И поистинѣ не только «шапки долой передъ ихъ сѣдиной», но и земной поклонъ великимъ культурнымъ заслугамъ ихъ, великой силѣ, двигавшей ихъ въ былыя времена...

Но если велики ихъ заслуги, то тѣмъ не менѣе велики и ошибки, а можетъ быть и преступленія, совершенныя ими и, опять таки, только близорукій станетъ утверждать, что вся ихъ дѣятельность прошла *гладко и безболѣзненно*...

Нѣтъ! *Одни* изъ нихъ, шествуя по намѣченному своимъ крайнимъ разумѣніемъ пути возвеличенія Россіи, свернули на пути ложные и сознательно или безсознательно, но совершили рядъ *величайшихъ ошибокъ* и *глубочайшихъ преступленій*, и что хуже всего — гордые своими прежними заслугами, самоувѣренные въ своемъ величіи, а стало быть и безошибочности, они не имѣли гражданскаго мужества во время остановиться, хотя бы на мгновенье, и критически разобраться во всемъ содѣянномъ ими, подвести итоги плюсовъ и минусовъ, провѣрить этапы пройденнаго пути — нѣтъ, критики они и тогда не терпѣли, какъ не терпятъ ее и теперь!..

И такимъ образомъ, созидая и разрушая, они дошли до того предѣла, до той роковой черты, самоувѣренно-легкомысленно перешагнувъ которую они сами же сдѣлались первыми жертвами всего содѣяннаго ими...

Другіе — стоя у кормила власти или общественности и видя ошибочные или преступные шаги своихъ соратниковъ или сверстниковъ, въ силу ли бездѣятельности, нейтральности, преступнаго попустительства — или какъ это принято называть — бюрократизма, не захотѣли, или просмотрѣли, или не съумѣли во время остановить ихъ разрушительную работу и въ результатѣ вмѣстѣ съ ними и Россіей свалились въ пропасть, изъ которой вотъ уже болѣе восьми лѣтъ тщетно стараются выкарабкаться.

Наконецъ, и это самое главное — восемь лѣтъ, восемь долгихъ лѣтъ и тѣ и другіе барахтаются на днѣ этой пропасти и до сихъ поръ не только не могутъ выбраться изъ нея, но даже не создали проблеска этой возможности для себя и для другихъ.

Казалось бы ужасъ всего пережитаго, сознаніе своихъ ошибокъ, милліоны загубленныхъ жизней, нищета, неудачи, а главное позоръ Родины должны были чему нибудь научить ихъ, заставить найти общій языкъ, соединить

РУССКАЯ ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛІОТЕКА
ВЪ БѢЛГРАДѢ

БЕСѢДЫ
СЪ
ИНТЕЛЛИГЕНЦІЕЙ РОССІИ ВНУТРЕННЕЙ.

Когда я говорю объ интеллигенціи Россіи Внутренней, я, конечно, имѣю въ виду интеллигенцію не типа Зиновьевыхъ, Литвиновыхъ, Нахамкесовъ, Троцкихъ и т. п. совѣтскихъ воронъ въ павлиньихъ перьяхъ, забравшихся въ чужія хоромы — нѣтъ, я подразумѣваю ту часть старой русской интеллигенціи, которая волей или неволей вынуждена была остаться въ свое время въ Россіи и впослѣдствіи, такъ сказать, «осовѣтилась», хотя бы только во внѣшнихъ своихъ формахъ.

Не легко это ей далось, конечно, и, часто, въ дни совѣтскаго гнета — въ чрезвычайкѣ ли, въ холодной ли комнатѣ у «буржуйки», въ дни долгихъ ли странствованій за пудомъ муки или мѣркой картофеля, въ глубокіе ли вечера церковныхъ богослуженій, на принудительныхъ ли работахъ или въ другіе дни вольнаго или невольнаго бездѣйствія, русскій интеллигентъ не разъ имѣлъ возможность окинуть взглядомъ недавнее прошлое, подвести итоги увлеченіямъ молодости, политической или общественной дѣятельности зрѣлыхъ лѣтъ и поразмыслить о неизвѣстномъ будущемъ.... Можетъ быть даже иногда глубокій вздохъ или набѣжавшая слеза не разъ прерывали эти размышленія... но прошлаго не вернешь и не исправишь — оставалась лишь настоящая тяжелая повседневная борьба за подневольное существованіе...

Съ тѣхъ поръ прошло много долгихъ лѣтъ! За это время многое измѣнилось и въ совѣтскомъ режимѣ...Обворованная до нищеты русская интеллигенція понемногу заполнила собою всѣ совѣтскія учрежденія, и, въ погонѣ за кускомъ хлѣба, втянулась въ «совработу» во всѣхъ ея отрасляхъ; снискавъ довѣріе совѣтской власти, она заняла доминирующее, конечно дѣлового характера, положеніе (за хорошую работу платятъ вѣдь и хорошія деньги).

Многіе изъ нихъ, подъ той или иной формулой, получили обратно свое имущество, а другіе обзавелись новымъ, третьи «осовѣтились» и внутренне почти всѣ изъ нихъ пользуются нѣкоторыми правами относительной свободы, въ томъ числѣ и правомъ свободнаго, если не считать нѣкоторыхъ необходимыхъ формальностей, выѣзда за-границу.

Вотъ съ этого то рода бывшей, старой, русской, а нынѣ совѣтской интел-

135

лигенціей: докторами, учителями, адвокатами, чиновниками, приватъ-доцентами (нынѣ профессорами), журналистами, офицерами и ихъ женами и т. п., мнѣ, волей неволей, и приходилось сталкиваться въ дни моихъ скитаній по Сербіи, Германіи, Швейцаріи, Америкѣ и особенно въ послѣдніе мѣсяцы въ Парижѣ, куда пріѣзжаетъ девять десятыхъ всѣхъ выѣзжающихъ изъ Россіи... а столкнувшись — долго и о многомъ говорить.

Отрывки этихъ бесѣдъ, въ томъ видѣ, какъ они записаны у меня въ блокнотѣ или въ памяти, я и привожу здѣсь: они не имѣютъ между собою никакой связи, часто противорѣчатъ другъ другу, часто попадаются одни и тѣ же фразы, но это просто потому, что бесѣды велись въ разное время, съ разными лицами и на разныя темы.

Я. Л.

...Трудность вашего положенія заключается въ томъ, что на смѣну существующаго большевизма подрасли и подрастаютъ новыя поколѣнія, тщательно обработанныя въ большевистскомъ духѣ. Они, можетъ быть, будутъ болѣе либералы (не думайте — это не парадоксъ) чѣмъ ихъ отцы, но и они не сдадутъ своихъ позицій, не уступятъ своего доминирующаго положенія безъ боя...

... Сила большевизма — въ концентраціи и «идейности»; ваша слабость въ разбросанности не только территоріальной, но и идейной...

... Вы себѣ представить не можете, какъ рвутся дѣти рабочихъ и крестьянъ въ учебныя заведенія вообще и въ университеты въ частности.

Я служу въ Наркомпросѣ и все это проходитъ черезъ мои руки; уже въ первые дни болѣе или менѣе спокойнаго существованія совѣтской власти, послѣ гражданской войны, не было медвѣжьяго уголка въ Россіи, куда бы не былъ отправленъ самый захудалый учитель...

— Позвольте, но вѣдь дѣтей то эти учителя качиняютъ всякой дрянью?

— Совершенно вѣрно, но вѣдь грамотность то остается грамотностью...

... Русскій мужичекъ теперь значительно поумнѣлъ: и раньше онъ отличался хитрецой, а теперь послѣ всего пережитаго и тѣмъ болѣе; бывало спросишь его: «Ну что, какъ теперь живется?»

«Да что жъ — получишь въ отвѣтъ — и теперь плохо и раньше плохо, и раньше хорошо и теперь хорошо», — на лицѣ у него ничего не прочтешь, а глаза у кого гдѣ то въ глубинѣ, смѣются... да и въ уголкахъ, чуть чуть, собраны насмѣшливыя морщинки: такъ и читаешь въ этихъ глазахъ: «уменъ то ты, барикъ, уменъ-да умъ то у тебя дуракъ»...

... Былъ случай, когда мужики привезли на базаръ хлѣбъ и разные другіе продукты и узнавъ, что цѣны на мануфактуру совначальствомъ опредѣлены высокіе, заявили: «несходно» и повернули обратно... Силой мужика теперь ничего сдѣлать не заставишь, времена ужъ не тѣ — прошло!!!

... Совѣтскій режимъ убилъ у насъ душу, — осталась одна оболочка, голодъ и холодъ довершилъ остальное и мы превратились въ безвольныя и покорныя существа; ну-съ, а затѣмъ имъ осталось лишь поманить насъ пальцемъ и показать кусокъ хлѣба; чтобы мы... поползли къ нимъ — намъ дали взятку...

... Помните, какъ было сильно раньше общественное мнѣніе, какъ чутко всѣ къ нему прислушивались, какъ считались съ мнѣніемъ того или иного авторитетнаго лица, какой шумъ создавался во время тѣхъ или иныхъ судебныхъ процессовъ, какъ жадно прочитывались газеты, затрагивающія ту или иную злободневную тему; теперь — ничего подобнаго нѣтъ, теперь каждый живетъ своей личной жизнью, думаетъ, гдѣ бы перехватить лишній рубль, а понятіе «общественное мнѣніе» навсегда похоронено, ибо, во-первыхъ, у насъ «общественное мнѣніе» и «чека» — синонимы, а во-вторыхъ, современныя условія, даже западной жизни, показываютъ, что, такъ называемому, «общественному мнѣнію»—грошъ цѣна...

... Деньги мы въ банкахъ не держимъ — дудки! Не тѣ времена! Еще рабочій попадается на эту удочку и несетъ свои крохи въ сберегательныя кассы, а мужикъ — нѣтъ, онъ предпочитаетъ поскорѣе бумажки превратить въ золото, а золото... зарыть въ укромномъ мѣстечкѣ, ибо «деревенская кубышка» — надежнѣе «совѣтскаго государственнаго банка».

Я, лично, зарабатываю практикой 5-6 тысячъ рублей въ годъ и, признаться, хотѣлъ однажды положить часть денегъ въ банкъ; спасибо, знакомый кассиръ отсовѣтывалъ—«держите ихъ, голубчикъ,—говоритъ,—у себя; сохранности ради превратите въ доллары — этакъ то будетъ надежнѣе, мало ли что можетъ случиться»....

Я, конечно, такъ и сдѣлалъ; точно также поступаетъ и большинство интеллигенціи. Мы сперва покупали доллары и фунты въ банкахъ; потомъ, когда начали записывать наши адреса — пошли на базаръ; тамъ хоть и переплатишь 10-20 коп. на долларѣ, за то безопаснѣе... Ну, а какъ спрятать —этому насъ съ вами не учить!...

... Почему я уѣзжаю обратно? — слушайте же и передайте другимъ... «спасателямъ» (съ нескрываемымъ презрѣніемъ добавилъ онъ.).

Я — бывшій военный врачъ арміи Колчака, сидѣвшій въ чрезвычайкѣ, оправданный лишь благодаря тому, что прокуроръ и одинъ изъ судей были моими товарищами по университету.

Послѣ всего пережитаго и выстраданнаго я сжался и весь ушелъ въ себя — всѣ эти семь лѣтъ я не подавалъ и признаковъ жизни; въ Совроссіи было лишь тѣло — душа и мысли были съ вами, моими близкими и родными...

Наконецъ въ этомъ году, благодаря вліянію и связямъ моихъ товарищей по тайной организаціи, я получилъ командировку за-границу — я думалъ, что сойду съ ума отъ радости: семьи у меня нѣтъ, бояться мнѣ не за кого было — я твердо рѣшилъ не возвращаться.

Что же я нашелъ здѣсь? Извините, но я тому не подберу опредѣленія: бедламъ? вавилонъ? нѣтъ — это все не то, эти опредѣленія болѣе понятны... вотъ развѣ только «хаосъ» — будетъ наиболѣе подходящимъ...

Извините, я, вѣроятно, буду разбрасываться, но это результатъ уже вашего заграничнаго вліянія, ибо вы всѣ мечетесь здѣсь изъ стороны въ сторону, не зная за что и какъ взяться..

Вы хотите спасать Россію — прекрасно! Но кто же вамъ теперь повѣритъ, что это вамъ по силамъ, когда вы не въ состояніи спасти вашихъ же одиночныхъ членовъ, когда вы не можете спасти самихъ себя — хотите примѣръ? Извольте: здѣсь у васъ, въ Парижѣ, около 30 благотворительныхъ организацій и до 10 инженерныхъ корпорацій и, на ряду, съ этимъ, инженеръ умираетъ съ голоду и обращается за грошевой помощью къ частной благотворительности; въ Берлинѣ — та же исторія, въ Польшѣ этотъ вопросъ обстоитъ въ такомъ же видѣ.

Вы мнѣ говорите о свободѣ здѣсь? Знаете ли, ваша свобода сильно смахиваетъ на свободу временъ Керенскаго — «свободу болтовни и ничего недѣланья».

И если ваша свобода выражается въ наличіи нѣсколькихъ десятковъ политическихъ партій, группировокъ, объединеній, организацій «многоглаголющихъ» и ничего недѣлающихъ для *дѣйствительнаго* спасенія Россіи, то Богъ съ ней, съ подобной свободой...

Поймите же, что большевяки радуются вашему раздробленію — чѣмъ больше партій, тѣмъ меньше въ нихъ членовъ, тѣмъ менѣе эти партіи работоспособны, а слѣдовательно и жизненны, а слѣдовательно и опасны... Поймите же, что этимъ вы, можетъ быть и невольно, играете въ руку большевикамъ...

Вотъ еще примѣръ — я зондировалъ здѣсь почву на предметъ принятія меня однимъ высокимъ лицомъ. Будучи врачемъ по профессіи, имѣя незапятнанное прошлое, обслуживая огромный крестьянскій участокъ, состоя въ одной изъ активныхъ антибольшевистскихъ организацій — я имѣлъ всѣ данныя расчитывать, что свѣдѣнія, имѣющіеся въ моемъ распоряженіи, заинтересуютъ, какъ нѣкоторыя организаціи, такъ и означенное лицо.

И что же вы думаете? въ двухъ случаяхъ мнѣ было предложено подать письменный докладъ за моей подписью... Когда же я явился въ одну изъ редакцій съ подобнымъ же предложеніемъ, то встрѣтявшій меня, какой то худосочный юноша, небрежно протянулъ: «напишите, мы посмотримъ: если подойдетъ — что нибудь помѣстимъ»...

Нѣтъ, господа, съ такими пріемами вы далеко изъ Парижа не уѣдете...

... Г. П. У. — это тѣ же царскіе жандармы, но болѣе преданные своему дѣлу и, вслѣдствіе этого, болѣе грубые и безсердечные, ибо каждый «чекистъ» въ тоже время и палачъ...

... Вы помните какой переполохъ въ царскія времена вызывала голодовка политическихъ заключенныхъ и какія принимались мѣры—вплоть до насильственнаго кормленія.

Теперь, если бы это случилось, — современная власть въ Совроссіи, въ отвѣтъ на докладъ объ этомъ, пожала бы презрительно плечами и процѣдила бы сквозь зубы: «чортъ съ ними, пускай дохнутъ!...»

У насъ ощущается острый недостатокъ въ честныхъ интеллигентныхъ работникахъ. Въ провинціяхъ разные «завхозы», «завпроды» и т. п., за малѣйшую оплошность и за малѣйшее воровство или растрату, съ быстротою пули, слетаютъ со своихъ мѣстъ и разстрѣливаются. И если бы совѣтская власть получила соотвѣтствующія завѣренія въ «дѣловомъ» только отношеніи къ нямъ эмиграціи, то повѣрьте, что большинство изъ нихъ получили бы весьма выгодную и пріемлемую формулу для возвращенія.

... Простите, но я не могу ни разговаривать съ вами, ни пригласить васъ къ себѣ, ни притти къ вамъ — у меня въ Россіи остались дочь и мужъ, а это не совсѣмъ для нихъ безопасно — понимаете?...

... Абортъ нынѣ узаконенное явленіе; каждая русская гражданка имѣетъ право, получивъ свидѣтельство изъ соотвѣтствующей комиссіи, притти въ любую больницу и заявить о своемъ желаніи, и ни одинъ врачъ и подумать не смѣетъ объ отказѣ.

Отсюда появился новый видъ безработныхъ: акушерокъ и тѣхъ, которые въ свое время назывались «бабками».

Впрочемъ и онѣ скоро нашля себѣ примѣненіе и пооткрывали «институты красоты»; вы себѣ, конечно, представляете, что изъ этого получается?

Въ Харьковѣ, напр., буквально черезъ каждые 2-3 дома, вы можете увидѣть подобнаго рода «акушерскіе» институты красоты.

... Что мы здѣсь дѣлаемъ и зачѣмъ пріѣзжаемъ сюда за-границу?

Во-первыхъ, отдохнуть, во-вторыхъ, вдохнуть хоть крупинку той свободы, которой вы здѣсь пользуетесь, въ третьихъ — чему нябудь научиться, изучить какую нибудь профессію (парикмахерскую, института красоты, парфюмерное дѣло, «усовершенствоваться въ научныхъ познаніяхъ» и т. п.), что бы потомъ, вернувшись, содрать съ «товарищей» десятую шкуру и вернуть хотя бы часть уворованнаго — они насъ научили работать на свою же голову.

... Большевистская организація отличается отъ эмигрантской дезорганизаціи ужс по смыслу самого слова; во-вторыхъ, еще тѣмъ, что въ то время, какъ тамъ,

во имя общаго дѣла, поступаются частностями и отдѣльными лицами, вы, здѣсь, во имя своихъ личныхъ интересовъ, готовы другъ другу горло перегрызть...

... Возвращаться въ Россію я никому не совѣтую, такъ какъ возвращающихся ожидаетъ рядъ мученій.

Здѣсь вы, напр., мучаетесь изъ за насущнаго куска хлѣба, но это еще не такъ обидно, потому что вы здѣсь не у себя, — въ остальной же личной вашей жизни — каждый изъ васъ «самъ себѣ хозяинъ».

Тамъ, дома, васъ ожидаетъ таже борьба, изъ за *того же* куска хлѣба, но это несравненно тяжелѣе, именно потому, что вы будете у себя дома. Во-вторыхъ, имѣете ли вы понятіе о томъ, что значитъ приспособляться? Это значитъ — слѣдить за всѣми особенностями повседневной жизни, учитывать еле замѣтные оттѣнки настроеній, изучать особенности того лица или учрежденія, куда волей или неволей вы попали и, на основаніи цѣлаго ряда подмѣченныхъ факторовъ, сдѣлать соотвѣтствующіе выводы и выводы должны быть непремѣнно правильные, такъ какъ малѣйшая оплошность влечетъ за собою иногда крупныя непріятности; эта задача не по плечу даже многимъ старожиламъ и отсюда приспособляемость часто выливается въ «лакейство», «подхалимство» и, въ лучшемъ случаѣ, носитъ характеръ прислуживанья. Послѣ восьмилѣтняго отсутствія и пользованія относительной свободой — для васъ это будетъ задача нелегкая.

Въ третьихъ, вы здѣсь не знаете, что такое «страхъ»? А тамъ васъ съ первыхъ дней ожидаетъ «страхъ», — самый настоящій «страхъ». По прибытіи вамъ недвусмысленно дадутъ понять, что «че-ка» еще существуетъ и что... И вы будете бояться сдѣлать лишній шагъ, сказать лишнее слово, въ каждомъ яовомъ человѣкѣ вы будете видѣть провокатора «че-ки», что часто и бываетъ...

Въ четвертыхъ, вы обладаете здѣсь самымъ драгоцѣннымъ даромъ: «собственной волей»; въ моментъ переѣзда за-границу — вамъ придется съ этимъ разстаться...

Въ пятыхъ, шестыхъ, седьмыхъ и т. д. — живите здѣсь пока живется и о возвращеніи въ Россію пока не думайте...

Для русскаго народа нуженъ или царскій, или большевистскій кулакъ — середины быть не можетъ, и Керенскій погибъ именно благодаря своей «политической анеміи».

Сейчасъ большевики сильны этимъ кулакомъ, суть коего заключается въ единой организаціи и террорѣ.

... Да, наши прихожане ведутъ себя куда приличнѣе вашихъ... Нашимъ молящимся и въ голову не придетъ стоять въ шляпѣ, въ двухъ шагахъ отъ мѣста, гдѣ совершается богослуженіе, курить, флиртовать и, какъ я слышала однажды... ужасно браниться. Это удѣлъ лишь наиболѣе дикихъ коммунистовъ, ну а для нихъ вѣдь — все возможно. И потомъ... торговля — въ стѣнахъ церковной ограды — это уже достиженія *вашей* заграничной свободы...

... Скажите, какая изъ вашихъ партій возьметъ на себя смѣлость и отвѣтственность передъ лицомъ всего Русскаго Народа, въ случаѣ паденія большевизма, пріять въ свои руки власть и готова ли хоть одна изъ нихъ къ этому — я не говорю, конечно, о тѣхъ губернаторахъ, въ одномъ изъ славянскихъ государствъ, которые не такъ давно разбирали губернаторскія вакансіи — эти то всегда готовы.

... Самая крупная и дѣйствительно могущественная изъ вашихъ организацій, которую не удалось до сихъ пору никому расколоть — это ваша (и наша — да, наша), Бѣлая Армія.

... Пожарскій то у васъ есть, а вотъ Минина, при современной валютѣ, вамъ врядъ ли удастся найти. По крайней мѣрѣ, я сильно сомнѣваюсь, что бы кто нибыть изъ вашихъ торгово-промышленныхъ или финансовыхъ дѣятелей согласился бы безвозмездно занять это амплуа...

... Хотите знать когда вы будете имѣть право думать о спасеніи Россіи? Когда ваши главнѣйшія партійныя группировки сольются въ братскомъ поцѣлуѣ

177

и поднимутъ общее знамя борьбы! — Невозможно?! Тогда все остальное съ вашей стороны безсовѣстный обманъ «малыхъ сихъ».

... Я членъ кооператива и старый солдатъ: участникъ японской, германской и гражданской войнъ, при чемъ во время послѣдней перебывалъ чуть ли не на всѣхъ фронтахъ.

Какъ членъ кооператива я исколесилъ три четверти Россіи и вотъ, что я вамъ отвѣчу на вашъ вопросъ: ни одного слова я не слыхалъ отъ крестьянъ и рабочихъ (кромѣ, конечно коммунистовъ), ни за, ни противъ Николая Николаевича.

Правда, кужно знать психологію русскаго человѣка — прямо и открыто онъ своихъ мыслей не высказываетъ, но человѣкъ знающій народъ, уже по направленію его мыслей, можетъ прочитать скрытый въ кихъ смыслъ.

А мысли большинства изъ кихъ таковы — при одномъ упоминаніи имени Николая Николаевича получались слѣдующіе отвѣты:

«А кто его знаетъ — можетъ и лучше будетъ»...

«Кабы онъ былъ такой, какъ на войнѣ»...

«Старъ онъ—гдѣ ужъ ему со всей этой то ордой, прости Господи, справиться».

«Кабы президентомъ былъ еще ничего, а ежели царемъ—такъ, значитъ, надо подумать и сообча рѣшить міромъ»...

Въ общемъ позвольте мнѣ сдѣлать мой личный выводъ: Великій Князь, я думаю, для Русскаго Народа не страшенъ, — страшны безграничныя честолюбія и диктаторскія замашки лицъ, которыя его окружаютъ.

Я старый журналистъ и мечтатель; сидя *тамъ*, я мечталъ хоть однимъ глазкомъ взглянуть на свободное слово, прочитать, просмаковать каждую газетную строчку.

И когда до насъ доходили старые, затрепаные, жирные и липкіе, отъ тысячи рукъ ихъ державшихъ, номера «Новаго Времени», «Руля», «Дней» или «Послѣднихъ Новостей», — это для нашего кружка было цѣлое событіе — большой праздникъ: бережно, бывало, держишь въ рукахъ этотъ старый газетный листъ, какъ какой нибудь драгоцѣнный сосудъ, вдыхаешь этотъ знакомый газетный аромать — вѣдь вотъ казалось бы и бумага таже, и буквы такія же, и краска... а нѣтъ, пахнетъ чѣмъ то другимъ, болѣе дорогимъ и близкимъ сердцу.

И все таки это было не то... это были рѣдкія минуты наслажденій; хотѣлось періода, системы — узнать, чѣмъ люди живы и чѣмъ они дышатъ, во что вѣруютъ — хотѣлось лично дорваться и окунуться въ эту дорогую печатную нирвану...

... Неужели вы думаете, что послѣ всего выстраданнаго нами, мы въ случаѣ паденія большевиковъ, допустимъ васъ играть у насъ какую нибудь роль — скажите спасибо, если мы вообще только пустимъ васъ въ Россію.

... Вспомните мое слово — если зволюція большевизма будетъ итти тѣмъ же темпомъ — то черезъ 3-5-10 лѣтъ — трудно опредѣлить точно —вы всѣ будете на родныхъ мѣстахъ.

Наше Г. П. У. страшно для контръ-революціонеровъ, бандитовъ, воровъ, взяточниковъ и тѣхъ, кто растрачиваетъ народныя деньги — всѣхъ ихъ мы разстрѣливаемъ безпощадно...

... Вы, собственно говоря, должны быть намъ признательны за всѣ ваши униженія и оскорбленія, — совѣтская власть сторицей воздаетъ нашимъ бывшимъ «союзничкамъ»...

... Лозунгъ сегодняшняго дня, правда, оффиціально еще не провозглашеный, — «Россія для русскихъ»; потому то и вылетѣлъ въ свое время Троцкій, потому-то вылетѣли Зиновьевъ и Каменевъ — въ свое время полетитъ также и Сталинъ со всей своей восточной компаніей. Но кого мнѣ по истинѣ жаль — это тѣ сто тысячъ еврейскихъ семействъ, которымъ отводятся земли для колонизаціи — это безумное предпріятіе будетъ имѣть роковыя послѣдствія...

... Совѣтская власть не боится террора, во-первыхъ, потому, что во главѣ власти стоитъ не одно, а нѣсколько лицъ — всѣхъ же не убьешь; во-вторыхъ, каждый знаетъ, что за убійство одного изъ нихъ отвѣтятъ десятки и сотни неповинныхъ, въ-третьихъ—былой «героизмъ» подобнаго рода большевиками, какъ героизмъ, сведенъ «на нѣтъ»...

... Кстати объ иностранцахъ—прошли тѣ времена, когда иностранецъ появлялся въ Россіи въ роли «индійскаго набоба», ставилъ свои условія, и его условія подобострастно принимали; зачѣмъ онъ набивалъ свои карманы русскимъ золотомъ и уѣзжалъ полный презрѣнія къ этимъ «кошонамъ» или «швейнъ».

Теперь иностранецъ держитъ себя у насъ тише воды и киже травы — ему говорятъ: «вы хотите работать у насъ — извольте, но помните, что вы работаете не у себя дома, а у насъ —значитъ, всѣ наши требованія должны быть вами безоговорочно принимаемы; вы не являетесь хозяиномъ — хозяева мы, а за вашу энергію, труды и затраченный капиталъ получите такой то процентъ изъ тѣхъ денегъ, которые вы у насъ заработаете».

Долго послѣ этого иностранецъ чешетъ себѣ затылокъ, никто никогда такъ съ кимъ не разговариваль и, въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ надеждъ, онъ съ тяжелымъ вздохомъ или соглашается, или уѣзжаетъ несолоно хлѣбавши...

... Рѣшилъ я какъ-то пройти на лекцію къ монархистамъ — не пустили, такъ какъ я не членъ партіи, т. е. не монархистъ. Слѣдующій разъ я сунулся на собраніе Р. Д. О. — тоже не пустили, т. к. я не членъ партіи.

Бросилъ политику, — и пошелъ на вечеринку въ каютъ-кампанію — чуть ли не выгнали, т. к. я не морякъ — на этомъ моя связь съ эмиграціонными кругами и окончилась...

(Выдержка изъ лекціи «*Кто наши враги*», прочитанной въ Чикаго и Детройтѣ С.-А. С. Ш. въ мартѣ 1925 г. тов. Д.).

... Но несмотря на все изложенное мною, товарищи, для насъ русская заграничная буржуазія не страшна. Я вамъ разскажу, товарищи, какъ въ древнее время рабы возстали противъ господъ и началась гражданская война и вотъ, передъ началомъ рѣшительнаго сраженія, вождь рабовъ, Спартакъ, обратился съ рѣчью къ своимъ солдатамъ: «Товарищи, — говоритъ онъ, — бейте эту буржуазную с-чь мечами по мордѣ, потому что ничего они такъ въ жизни не боятся какъ потерять свою красу». И что же вы думаете товарищи? Когда началось сраженіе, въ которомъ участвовала вся буржуазная знать и самыя красивыя и знатныя воины — стоило только что бы какой нибудь спартаковецъ немножко поцарапалъ его личико, — какъ онъ бросалъ оружіе и обращался въ бѣгство, и спартаковцы выиграли сраженіе.

Товарищъ Ленинъ — это нашъ Спартакъ! Онъ долго изучалъ, присматривался и прислушивался къ русской буржуазіи и, наконецъ, пришелъ къ убѣжденію, что несмотря на всѣ громкія слова, она не пойдетъ ни на какія жертвы и ничѣмъ не поступится, что бы спасти старый отжившій уже строй.

Вы помните, товарищи— сколько разъ эта самая буржуазія, еще при Керенскомъ, говорила, что мы, дескать, всѣ умремъ до послѣдняго, мы все отдадимъ до послѣдней нитки, заложимъ женъ и дѣтей, но спасемъ Россію.

Тогда нашъ Спартакъ — товарищъ Ленинъ громко крикнулъ: товарищи бей по ихъ карману, такъ какъ они ничего больше въ жизни не боятся, какъ потерять свои награбленныя богатства.

И что же мы видимъ, товарищи? — какъ только дѣло коснулось ихняго кармана — никто изъ нихъ не умеръ — всѣ удрали съ деньгами народа за-границу.

Такимъ образомъ, исторія повторяется, товарищи: много тысячъ лѣтъ тому назадъ, товарищъ Спартакъ, а теперь—нашъ учитель Ленинъ сошлись на принципахъ и методахъ борьбы съ кровопійцами народа: или въ морду, или по карману; и она, эта хваленная могучая и сильная буржуазія, побѣжала и тогда и теперь.

Но они, повторяю, товарищи, намъ не страшны по вышеприведеннымъ логичнымъ, понятнымъ, а потому и безспорнымъ мотивамъ. Гораздо большая опасность угрожаетъ Совѣтской власти со стороны міровой буржуазіи — заграничныхъ капиталистовъ — буржуазіи болѣе сплоченной, болѣе многочисленной, болѣе рѣшительной и не любящей болтовни.

Помните, товарищи, что въ будущей борьбѣ она, эта буржуазія, поставитъ на карту все рѣшительно, — до послѣдней копѣйки и не дай Богъ если она побѣдитъ: тогда мы пропали, тогда опять на сотни лѣтъ мы рабы — и не только мы, но и наши дѣти и наши внуки...

178

(Отвѣтъ одного изъ красныхъ командировъ лицу отправленному съ порученіемъ изъ Бѣлой Арміи).

... Хорошъ или плохъ большевизмъ, но мы къ нему уже привыкли и съ нимъ уживаемся и до тѣхъ поръ ни къ вамъ, ни съ вами не пойдемъ, пока вы не дадите намъ реальныхъ доказательствъ вашей силы, забвенія, примиренія и искренней готовности совмѣстной съ нами работы во имя успокоенія народныхъ массъ и возсозданія международнаго положенія Россіи.

...Времена мѣняются и кто знаетъ—можетъ быть въ ближайшемъ будущемъ, мы будемъ эмигрантами, а вы займете наши мѣста?...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

I. — ВОЙНА И РЕВОЛЮЦІЯ.

1. *Я. М. Лисовой.* Итоги одного изъ уговоровъ (по воспоминаніямъ и документ. шт. 28-й пѣх. дивиз.) 11
2. » » Революціонные генералы 41
3. *С. Арефинъ.* Развалъ арміи 55
4. Изъ жизни революціоннаго фронта:
   А) Первый смертный приговоръ на Западномъ фронтѣ 72
   В) Второй смертный приговоръ на Юго-Западн. фронтѣ 76

II. — БОЛЬШЕВИЗМЪ.

1. *Д. Д - - - ва.* Москва-Петроградъ 1917-1925 г.г.... 81
2. Изъ матеріаловъ Кіевской чрезвычайки:
   а) Че-ка 113
   б) Два приговора Кіевской чрезвычайки 114

III. — БѢЛОЕ ДВИЖЕНІЕ.

1. Докладъ Н-ка Кіевскаго Центра Главнокомандующ. В. С. Ю. Р. 119
2. Дѣятельность Таганрогскаго Центра Д. А. въ 1918-1919 г. г. 133
3. Рапортъ генштаба подполковн. N. Представит. Д. А. въ Кіевѣ 138
4. Рапортъ состоящаго въ штабѣ Представит. Верховн. Команд. Добр. Арм. генштаба подполк. N. Представит. Д. А. въ Кіевѣ 145
5. *Генералъ П. И. Залѣсскій.* Главныя причины неудачъ Бѣлаго Движенія на Югѣ Россіи 151

IV. — ПЕРЕПИСКА БѢЛЫХЪ ВОЖДЕЙ и разн. ДОКУМЕНТЫ.

1. *М. Лембичъ.* Политическая программа генерала Л. Г. Корнилова январьскихъ дней 1918 г. 173
2. Письмо генерала М. В. Алексѣева представителю Таганрогскаго Центра 183
3. Письмо генерала М. В. Алексѣева г-жѣ Х. 184
4. Письмо генерала М. В. Алексѣева генералу А. П. Богаевскому 185
5. Радіограмма генер. М. В. Алексѣева генер. А. И. Деникину 186

А. — Переписка о представительствѣ на Версальской конференціи.

6. Письмо генер. А. П. Богаевскаго генер. А. И. Деникину..... 187
7. Отвѣтъ генер. А. И. Деникина генер. А. П. Богаевскому 188
8. Выписка изъ журнала № 5 Особаго Совѣщанія (приложеніе къ письму генерала А. И. Деникина) 190
9. Телеграмма Предст. Особ. Совѣщ. Министру Иностр. Дѣлъ Украины 191

1793

стр.

Б. — Переписка по Грузинскому вопросу.
10. Письмо генер. А. П. Богаевскаго генер. А. И. Деникину..... 192
11. Выписка изъ доклада-письма Представит. В. В. Д. при Кубанскомъ Правительствѣ 13 сент. 1919 г. 193
12. Тоже — 14 сент. 1919 г. 196

V. — КАЗАЧЕСТВО.
1. *Полк. В. Модрахъ.* Охрана Западн. гран. Донск. Обл. въ 1917 г. 199
2. Двѣ недѣли событій на Дону (изъ дневн. неизв. офиц.) 204

VI. — СЛАВЯНЕ — БОЛЬШЕВИЗМЪ — БѢЛОЕ ДВИЖЕНІЕ.
1. *Александръ Котомкинъ.* Съ Чехословацкими легіонами отъ Волги до Тихаго Океана 211

VII. — МЫСЛИ СОВРЕМЕННИКОВЪ РЕВОЛЮЦІИ.
Изъ воззванія къ артист. и художн. Моск. С. С. и Р. Д. Выдержки изъ газетныхъ статей. Мысли: А. И. Шингарева, Бѣлоруссова, Н. Д. Соколова, Н. В. Чайковскаго, П. Н. Милюкова, Кн. Г. Е. Львова, В. Л. Бурцева, Н. Н. Перевервева, Л. Г. Дейча, Н. Д. Авксентьева, Н. В. Некрасова, А. Ф. Керенскаго, А. М. Масленникова, В. М. Пуришкевича, Ф. И. Родичева, Б. В. Савинкова, И. Г. Церетели, Н. И. Астрова, П. А. Кропоткина, П. П. Рябушинскаго, А. И. Гучкова, В. А. Маклакова, П. Б. Струве, В. В. Шульгина, С. И. Третьякова, И. А. Ильина, генераловъ М. В. Алексѣева и Л. Г. Корнилова..... 239

VIII. — ЗАРУБЕЖНАЯ РОССІЯ.
Владимиръ Игоревъ. Новая сила 253
Несогласія въ Зарубежной Православной Церкви. — Трехлѣтняя годовщина Союза Галлиполійцевъ.—Годовщина Великой войны 257

IX. — ВНУТРЕННЯЯ РОССІЯ.
Я. Л. — Бесѣды съ интеллигенціей Россіи Внутренней 261

X. — КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.
Я. Лисовой. Гдѣ матеріалы гражданской войны? 271
Д-ръ Д. С. Пасманикъ. Революціонные годы въ Крыму. *Кн. Д. Н. Святополкъ-Мирскій.* Чѣмъ объяснить наше прошлое и чего ожидать отъ нашего будущаго. *А. С. Александровъ.* Большевики, взявшіе мечъ, отъ меча и погибнутъ. «Вѣстникъ Союза Казачьихъ Войскъ» № 6 278

XI. — ПРИЛОЖЕНІЕ.
Илья Савченко. — Въ красномъ станѣ 281

XII. — ОТДѢЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ.
Крымская эвакуація 1920-1921 г. г. (рисунки съ натуры художн. А. А. Вербицкаго.)

ИЛЛЮСТРАЦІИ:
Карикатуры, портреты, фотосхемы, карты и т. п.

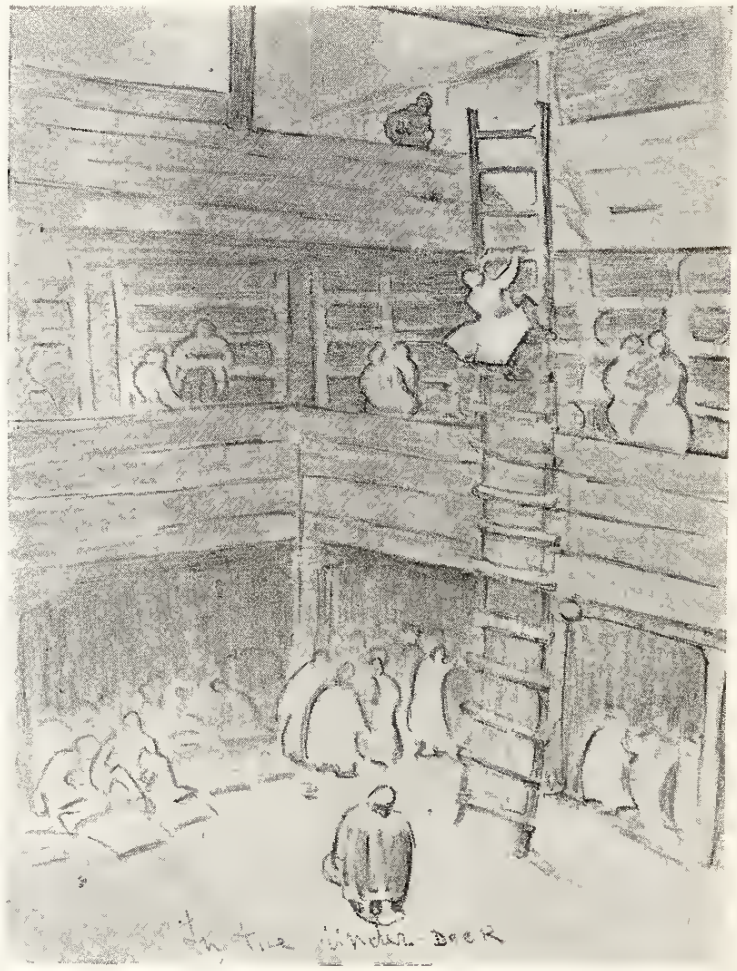
XII.

ОТДѢЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ.

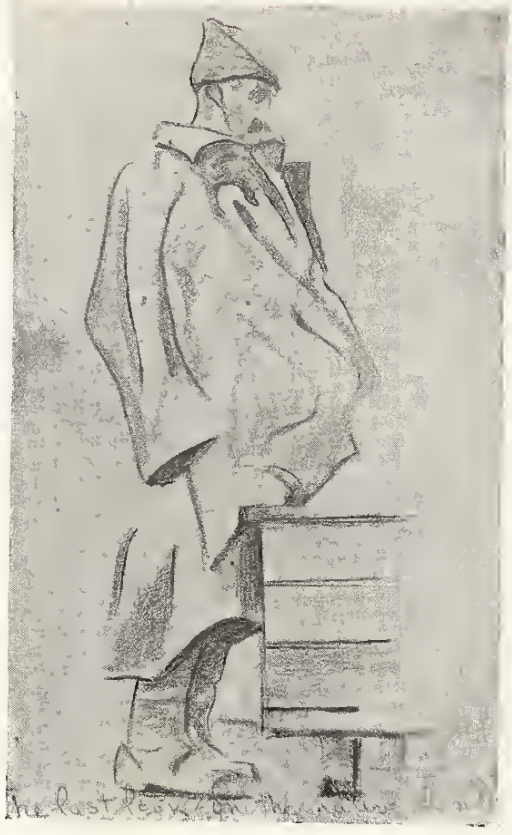
На пути къ пристани.

Посадка и погрузка.

На палубѣ.



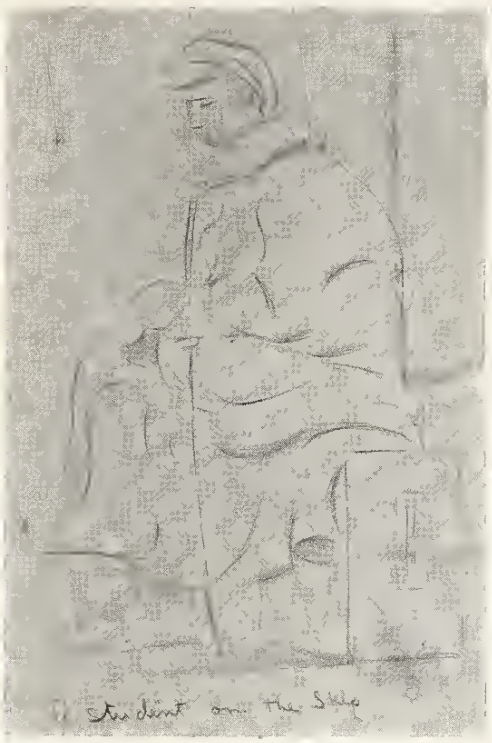
Въ «каютахъ».



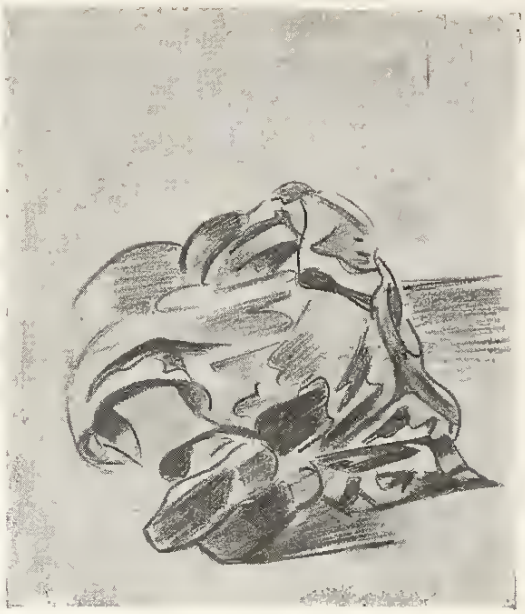
Послѣдній взглядъ на Родину.

Бѣженецъ.

«И это все, что у меня осталось...»



Студентъ на палубѣ.



Спитъ...

Умывальня и...

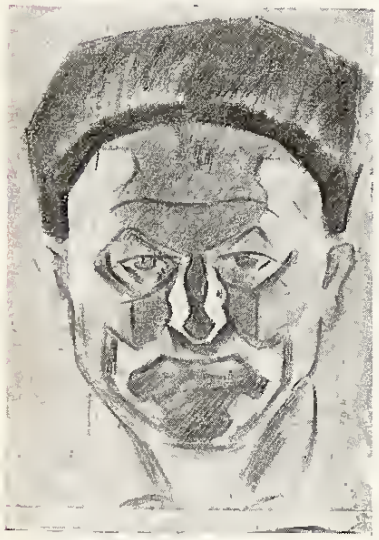
На одномъ изъ этаповъ.

182

Донской казакъ.

Приватъ-доцентъ.

Полковникъ.



Крымскій татаринъ.

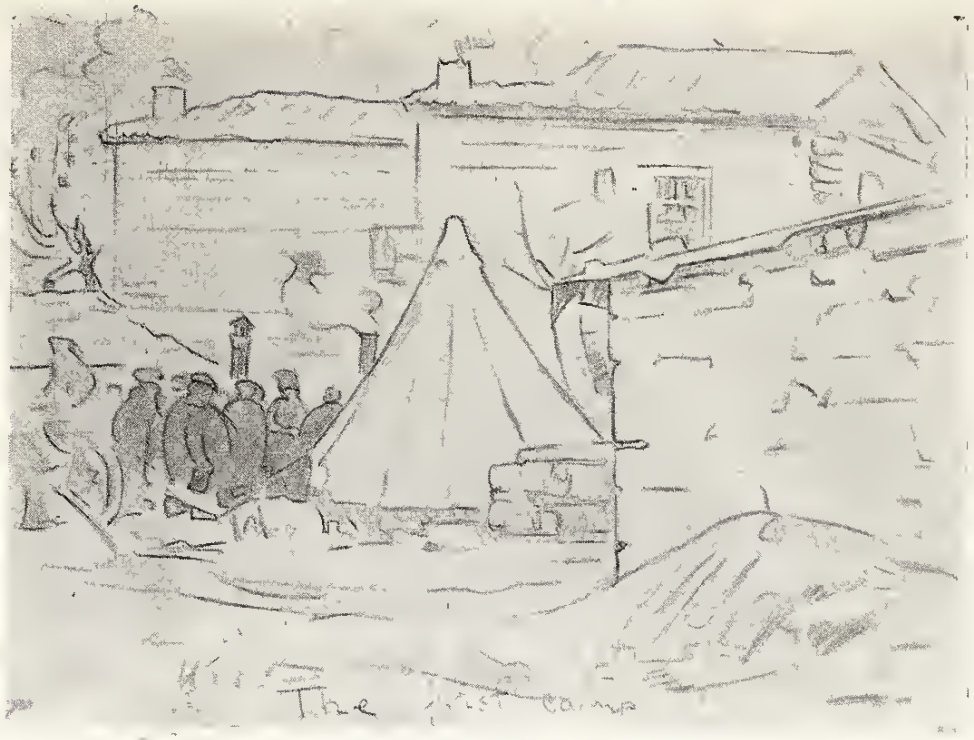
Офицеръ.

Студентъ.

Бѣженецъ.

Кубанскій казакъ.

Солдатъ.



Первый лагерь.

Лагерь русскихъ эмигрантовъ.

Раздача воды.

Готовять пищу.

У костра.

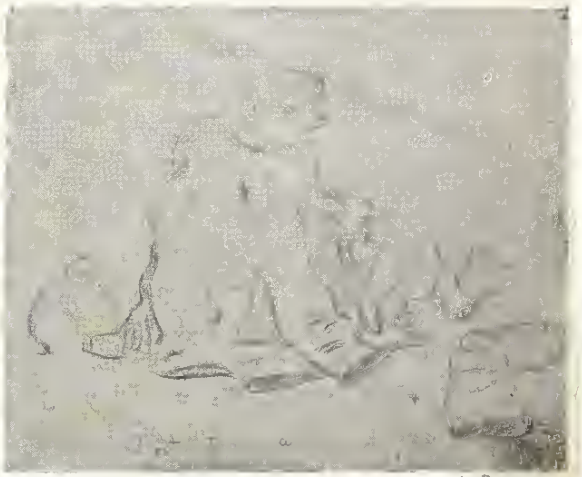
Съ визитомъ.

Вечерній отдыхъ.

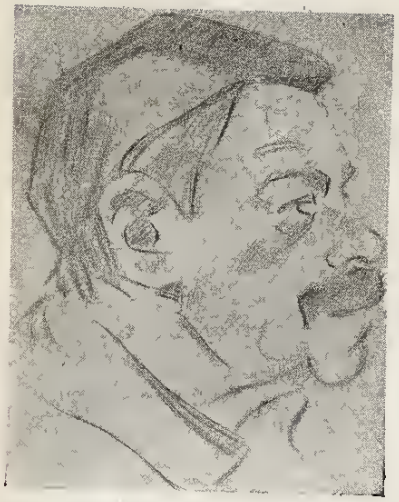
Въ новомъ кабинетѣ.

У коетра.

У колодца.

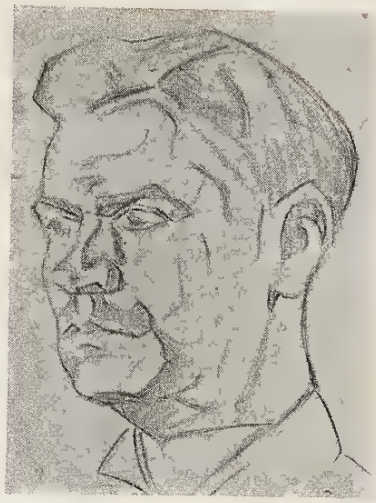


Сапогъ тѣсенъ.



Журналистъ.

Дѣвушка.



Губернаторъ.

Въ новой странѣ.